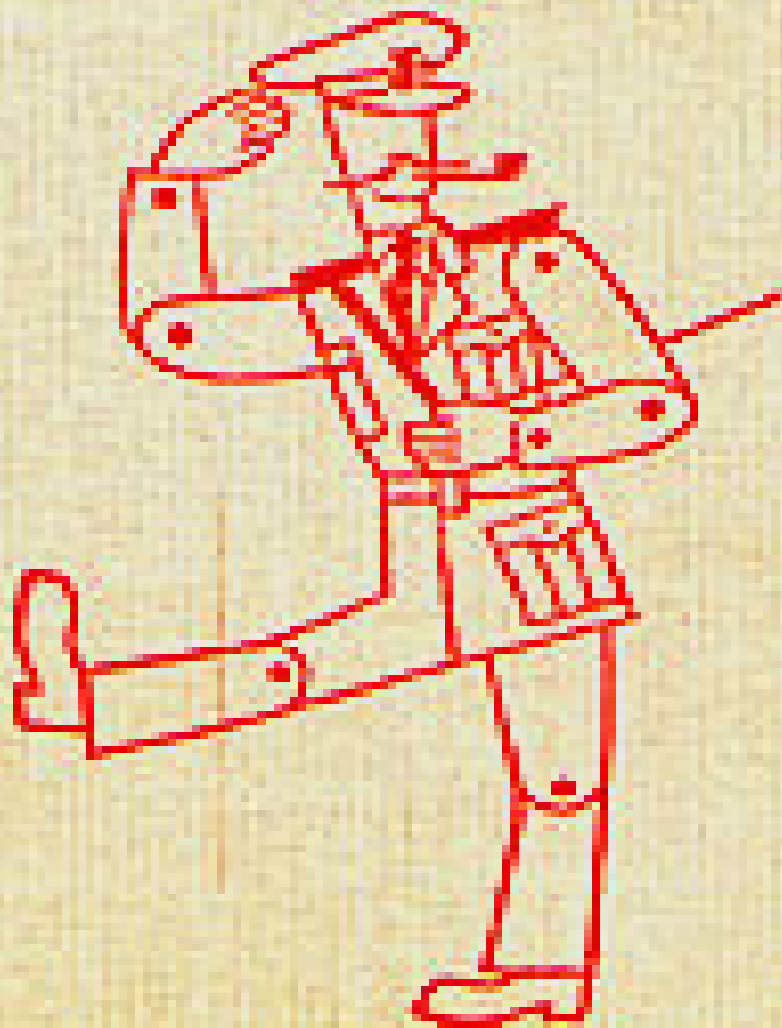

Минус
В
Официи
и
дженеро
мени

Annotation

В романе нарисована емкая, резко критическая картина британского общества и его военно-бюрократической машины.

- [Ивлин Во](#)
  - [Часть первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
  - [Часть третья](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)

- 4
- 5
- 6
- 7
- Часть пятая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
- Часть шестая
  - 1
  - 2
  - 3
- Часть седьмая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
- Часть восьмая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
- Часть девятая
  - 1
  - 2
  - 3

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [Часть десятая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
- [Часть одиннадцатая](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Ивлин Во

ОФИЦЕРЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Часть первая
«Меч почета»

Когда дедушка и бабушка Гая Краучбека Джервейс и Хермайэни проводили свой медовый месяц в Италии, Рим находился под защитой французских войск, его суверенное святейшество выезжало в открытом экипаже, а кардиналы совершали верховые прогулки на Монте-Пинчо в дамских седлах.

Джервейса и Хермайэни радушно приветствовали в двух десятках украшенных фресками дворцов. Папа Пий принял их в порядке частной аудиенции и дал свое особое благословение союзу двух английских семей, которые подвергли испытанию свою веру, но зато сохранили и приумножили материальное величие. Часовня в Бруме не оставалась без священника на протяжении всех лет действия законов против папистов и нонконформистов, а брумские земли простирались неурезанными и незаложенными от Куонтока до холмов Блэкдаун-Хиллс. Предки обеих этих семей кончили жизнь на виселицах. Город, захлестнутый теперь потоком прославленных новообращенных, все еще с гордостью вспоминал своих старых защитников.

Джервейс Краучбек поглаживал бакенбарды, находя почтительную аудиторию для выражения своих взглядов на ирландский вопрос и католические миссии в Индии. Хермайэни устанавливала мольберт среди развалин, и, пока она рисовала, Джервейс читал вслух поэмы Теннисона и Патмора. Она была красивой и разговаривала на трех языках; в нем же было все то, что римляне ожидали увидеть в англичанине. Счастливую пару везде приветствовали, расхваливали и баловали, но у них самих не все было так гладко. Их горе не выдавали даже самые незначительные признаки или намеки, но, когда скрывались последние экипажи и они оставались наконец одни, между ними обнаруживались досадные расхождения, о которых никто из них нигде не говорил, кроме как в молитвах, и которые были следствием застенчивости, чрезмерной чуткости и целомудрия.

Позднее в Неаполе они присоединились к компании друзей и совершили прогулку на яхте вдоль побережья, заходя в изредка попадавшие гавани. На этой яхте, в отдельной каюте, однажды

ночью между ними произошло наконец все, как надо, и их любовь получила радостное для обоих завершение.

Перед тем как заснуть, они почувствовали, что машины остановились, и слышали грохот стравливаемой якорной цепи. Когда Джервейс вышел на рассвете на палубу, он увидел, что яхта стоит на якоре под защитой скалистого берега полуострова. Он позвал Хермайэни, и они, стоя рука об руку на влажном гакаборте, впервые увидели Санта-Дульчина-делле-Рочче и восприняли своими ликующими сердцами и красоту этого места, и живущих там людей.

Часть городка, примыкающая к берегу, была заполнена местными жителями, словно их подняло с постели какое-нибудь землетрясение; они с интересом рассматривали незнакомое судно; их восхищенные голоса четко разносились по поверхности моря. От набережной круто вверх поднимались террасы с домами. Два здания стояли, выделяясь среди других, окрашенных в коричневато-желтый и белый цвета и покрытых порыжевшей черепицей, – это были церковь с куполом в верхней части и волютами на фасаде и какой-то замок, состоящий из двух больших бастionedов, и, по-видимому, разрушенной сторожевой башни. Небольшая часть склона горы позади города представляла собой возделанные террасы с насаждениями, а дальше их неожиданно сменяли валуны и вересковые заросли.

Существовала некая карточная игра, в которую Джервейс и Хермайэни играли, когда учились в школе; тот, кто выигрывал в ней, получал право сказать: «Я требую!»

– Я требую! – воскликнула Хермайэни, воображая себя в порыве охватившего ее счастья владелицей всего, что она видела.

Несколько позднее утром вся компания англичан отправилась на берег. Первыми, чтобы предотвратить приставания местных жителей, на берег сошли два моряка. За ними последовали четыре пары леди и джентльменов, затем – слуги с полными еды и лакомств корзинками, шальями и принадлежностями для рисования. На женщинах были яхтсменовские шапочки и длинные юбки, которые они подбирали, чтобы те не волочились по булыжной мостовой; некоторые из них держали в руке лорнет. Джентльмены защищали своих дам от солнца отделанными бахромой зонтиками. Это была процессия, никогда доселе не виденная жителями Санта-Дульчина-делле-Рочче. Гости медленно прошли под аркадами, окунулись на короткое время в

прохладный полумрак церкви и стали взбираться по ступенькам лестницы, ведущей от базарной площади к фортификационным сооружениям замка.

Лишь немного сохранилось там. На большой, замощенной булыжником площадке пробились и выросли сосны и кусты ракитника. В сторожевой башне было полно битого камня. На склоне горы стояли два небольших домика, сложенные из аккуратно обтесанных камней, взятых из крепостной стены замка. Из домиков навстречу гостям с приветственными возгласами, держа в руках пучки мимозы, выбежали две крестьянские семьи. Выбрав местечко в тени, компания расположилась на пикник.

– Поднявшись сюда, вы, наверное, почувствовали разочарование, – заметил владделец яхты извиняющимся тоном. – В подобных местах всегда так. На них лучше смотреть издалека.

– А по-моему, все здесь чудесно, – сказала Хермайэни, – и мы будем жить тут. Пожалуйста, не говорите ничего плохого о нашем замке.

Джервейс и другие снисходительно посмеялись тогда над словами Хермайэни, но позднее, когда умер отец Джервейса и он, по-видимому, получил наследство, идея жизни в замке осуществилась. Джервейс выяснил все необходимое. Замок принадлежал пожилому адвокату из Генуи, и тот был рад продать его. Вскоре на площадке выше бастионов появился простенький, небольшой домик, а к запаху мирт и сосен прибавился душистый аромат английских левкоев. Джервейс именовал свой новый дом «вилла Хермайэни», однако среди местных жителей это новое название так никогда и не прижилось. Название было выведено большими квадратными буквами на столбах ворот, но разросшаяся жимолость сначала слегка прикрыла, а потом и вовсе заслонила эту надпись. Жители Санта-Дульчины упорно называли домик «кастелло Краучибек» до тех пор, пока английская семья наконец не приняла это название, и Хермайэни, эта горделивая новобрачная, лишилась таким образом возможности увековечить свое имя.

Независимо от названия, однако, кастелло не утрачивало свойственных ему качеств и достоинств. В течение добрых пятидесяти лет, пока над семьей Краучбеков не сгустились сумерки, замок был местом радости, веселья и любви. Гай провел здесь со своими

братьями и сестрой счастливейшие дни каникул и отпусков. И отец Гая, и он сам приезжали сюда в медовый месяц. Вилла постоянно предоставлялась в распоряжение только что поженившихся двоюродных братьев, сестер и друзей. Городок немного изменился, но ни железная дорога, ни шоссе не оказали своего влияния на этот счастливый полуостров. На нем построили виллы еще несколько иностранцев. Гостиница расширилась, в ней появились водопровод и канализация, кафе-ресторану присвоили название «Эдем», которое во время абиссинского кризиса неожиданно сменилось названием «Альберто-дель-Соль». Владелец гаража стал секретарем местной фашистской организации.

Однако когда Гай спустился в последнее утро на базарную площадь города, он не заметил там почти ничего, что не могли бы видеть в свое время Джервейс и Хермайэни. Теперь, за час до полудня, уже стояла ужасная жара, но Гай шел, ощущая такое же блаженство в это свое первое утро тайного ликования, какое когда-то охватило Джервейса и Хермайэни. Он так же, как когда-то и они, испытывал первое удовлетворение после того, как потерпел поражение в любви. Гай упаковал вещи и оделся для долгого путешествия, ибо отправлялся в Англию, чтобы служить своему королю.

Всего неделю назад, развернув утреннюю газету. Гай увидел заголовки, возвещавшие о русско-германском союзе. Новости, которые потрясли политических деятелей и молодых поэтов в десятке столиц, принесли полное успокоение одному из английских сердец. Восемью годам стыда и одиночества пришел конец. В течение восьми лет Гай, отделенный от своих соотечественников глубокой кровоточащей раной, медленно осушавшей изнутри его жизнь и любовь, был лишен животворной связи со своей родиной, связи, которая, несомненно, должна была бы придать ему сил. Слишком близок он был к фашизму в Италии и слишком далек от соотечественников, чтобы разделять гневный протест последних. Он не считал фашизм ни бедствием, ни вторым Ренессансом и воспринимал его всего лишь как грубую импровизацию. Ему не нравились люди, которые настойчиво лезли вокруг него к власти, но осуждение их англичанами казалось ему бессмысленным и нечестным, поэтому последние три года он даже не читал английских газет. Гай понимал, что немецкие нацисты – это отвратительные, взбесившиеся люди. Они, по его мнению, покрыли

себя позором в Испании. Но вместе с тем события в Богемии, происшедшие год назад, не вызвали у Гая никаких эмоций. Когда пала Прага, Гай понял, что война неизбежна. Он ждал, что его страна вступит в войну в панике, по ошибочному поводу или вовсе без повода, с неподходящими союзниками, будучи прискорбно слабой. Но вскоре все блестящим образом прояснилось. Противник стал наконец хорошо видим, огромный и ненавистный; все маски были сброшены. Наступал новый век оружия и войн. И каким бы ни был исход, Гай должен занять в этой войне свое место.

В кастелло все было сделано. Он нанес, кому следовало, формальные прощальные визиты. За день до этого он посетил декана, подесту^[1], достопочтенную матушку в монастыре, миссис Гарри на вилле Датера, семью Уилмот в кастеллетто Масгрейв, графиню фон Глюк в доме Глюк. Теперь оставалось сделать последнее, личное, дело. Тридцатипятилетний, изящный и элегантный, явно чужеземец, но не столь явно англичанин, молодой душой и телом, Гай Краучбек пришел попрощаться со своим вечным другом, который лежал в приходской церкви, как и подобает человеку, умершему восемьсот лет назад.

Святая Дульчина, титулованная покровительница города, была, по общему мнению, жертвой Диоклетиана. Безжизненная восковая фигура Дульчины покоилась в стеклянном ящике под главным алтарем, а кости ее, привезенные средневековым военным отрядом с греческих островов, лежали в дорогом ларце в ризнице. Один раз в год их проносили на плечах по улицам, озаренным фейерверком. Однако, за исключением приходского праздника, жители городка, названного ее именем, вспоминали Дульчину довольно редко. Ее место в качестве покровительницы было узурпировано другой фигурой, пальцы рук и ног которой украшали бантики из разноцветных шерстяных ниток, служившие своеобразными *aides-memoire*^[2], и гробница которой была усыпана свернутыми в трубочку бумажками со всевозможными просьбами. Этот покровитель был старше самой церкви, если не считать костей святой Дульчины и дохристианского «чертова пальца», который был запрятан за алтарь и существование которого декан неизменно отрицал. Имя этого покровителя, все еще удобочитаемое, было Роджер Уэйброукский, рыцарь, англичанин; на его гербе – пять соколов. Его меч и одна латная рукавица так и лежали рядом с ним.

Дядя Гая Краучбека, Перегрин, интересовавшийся такими вещами, узнал кое-что из истории этого человека. Феодалное имение Роджера Уэйброук, а теперь Уэйбрук, находилось совсем рядом с Лондоном. Задолго до этого оно было разрушено и выстроено заново. Он покинул его, чтобы принять участие во втором крестовом походе, вышел на судне из Генуи и потерпел кораблекрушение у побережья в районе Санта-Дульчины. Здесь Роджер нанялся к местному графу, который обещал взять его в Палестину, но сначала заставил драться с соседом, на стенах замка которого Роджер и пал смертью храбрых перед самой победой. Граф похоронил Роджера с почестями, и он пролежал здесь целые века, между тем как церковь за это время разрушилась, но потом была построена над его могилой вновь. Далеко и от Иерусалима и от Уэйброука лежал человек, который не выполнил свой обет и перед которым еще оставался длинный путь. Однако для жителей Санта-Дульчина-делле-Рочче сверхъестественное во всех его проявлениях всегда существовало и всегда представлялось более прекрасным и оживленным, чем скучный мир вокруг них. Поэтому они приняли сэра Роджера и, несмотря на многочисленные клерикальные протесты, причислили его к лику святых, вверяли ему свои просьбы и заботы и в надежде на счастье так часто прикладывались к кончику его меча, что тот всегда сверкал. Всю свою жизнь, и особенно последние годы, Гай испытывал исключительное духовное родство с этим *il Santo Inglese*^[3]. И вот теперь, в свой последний день пребывания здесь, он прошел прямо к гробнице и провел пальцем, как это делали местные рыбаки, вдоль рыцарского меча.

– Сэр Роджер, помолись за меня, – тихо молвил он, – за меня и за наше подвергшееся опасности королевство.

Исповедальня была занята в этот час, ибо это был день, когда сестра Томасина приводила своих учеников на церковную службу. Дети сидели на скамейке возле стены, перешептывались и щипали друг друга, а монахиня суетилась среди них, как наседка, подводила их по очереди к решетчатой двери, а оттуда – к главному алтарю, чтобы те вслух произносили свое покаяние.

Непроизвольно – и не потому, что у него была совесть не чиста, а потому, что его еще в детстве приучили исповедоваться перед всякой

дальней дорогой – Гай дал знак монахине и нарушил очередь крестьянских проказников.

– *Beneditemi, padre, perche ho peccato...*^[4]

Гай без затруднений исповедовался на итальянском языке. Он говорил по-итальянски свободно, но без нюансов, не боясь пойти в своей исповеди дальше осуждения нескольких незначительных нарушений закона и маленьких укоренившихся слабостей. Отправляться в ту пустыню, где изнывала его душа, ему не нужно было, да и не мог он сделать это. У него не хватило бы слов описать свое состояние. Нужных слов не было ни на каком языке. Собственно, и описывать-то было нечего, ибо это была просто пустота. Происшедший с ним случай не представлял, по его мнению, никакого интереса. В его скорбной душе не бушевали никакие страсти. Он чувствовал себя так, как будто восемь лет назад его поразил небольшой паралич; все его способности религиозного восприятия были ослаблены. Он находился, по словам миссис Гарри, обитательницы виллы Даттура, «в шоковом состоянии». Ничего особенного сказать об этом он не мог.

Священник даровал ему отпущение грехов и произнес традиционное: «*Sia lodato Gesu Cristo*». Гай ответил: «*Oggi, sempre*»^[5] – и поднялся с колен, трижды произнес «*Aves*» у восковой фигуры святой Дульчины и, откинув кожаную занавеску, вышел на освещенную ослепительным солнцем базарную площадь.

Дети, внуки и правнуки крестьян, первыми приветствовавших Джервейса и Хермайэни, как и их предки, жили в коттеджах позади «кастелло Крауччибек» и возделывали земли на террасах. Они выращивали виноград и делали из него вино; они продавали оливки; они держали коров в подземных, почти лишенных света стойлах, из которых те иногда вырывались, вытаптывали грядки с овощами и перемахивали через низкие заборы до тех пор, пока их с дикими криками не заарканивали и не водворяли на место. Крестьяне платили за арендованную землю сельскохозяйственными продуктами и услугами. Сестры Жозефина и Бианка выполняли все работы по домашнему хозяйству в доме Гая. Они накрыли стол для прощального завтрака под апельсиновыми деревьями. Гай отведал спагетти и выпил *vino scelto*, местное коричневатое крепкое вино. Затем взволнованная и возбужденная Жозефина принесла большой

разукрашенный торт, испеченный в честь его отъезда. Гай уже удовлетворил свой слабый аппетит. Он с тревогой наблюдал, как Жозефина разрезала торт. Осыпаясь крошками, он попробовал его и похвалил женщин. Жозефина и Бианка безжалостно стояли перед ним, пока он не проглотил последнюю крошку отрезанного ему куска.

Его уже ждало такси. Проезжей дороги к кастелло не было. К воротам подходила лишь узкая тропинка от последней ступеньки каменной лестницы. Когда Гай поднялся, чтобы идти, все домочадцы – всего двадцать человек – собрались проводить его. Они пришли бы несмотря ни на что. Каждый из них поцеловал руку Гаю. Многие плакали. Дети набросали в машину цветов. Жозефина сунула ему на колени завернутую в газету оставшуюся часть торта. Они дружно махали ему руками, пока машина не скрылась за поворотом, и только после этого вернулись туда, где проводили свой полуденный отдых. Гай переложил торт на заднее сиденье и вытер руки носовым платком. Он радовался тому, что тяжелому испытанию пришел конец, и покорно ждал, когда заговорит водитель – секретарь местной фашистской организации.

Гай знал, что его не любили ни те, кто работал в его доме, ни те, кто жил в городке. Его признавали и уважали, но он не был для них *simpatico*^[6]. Графиня фон Глюк, которая не знала ни слова по-итальянски и в открытую сожительствовала со своим дворецким, была *simpatica*. Миссис Гарри, которая распространяла протестантские трактаты и памфлеты, вмешивалась в способы ловли рыбаками осьминогов и плодила в своем доме бездомных кошек, тоже была *simpatica*.

Дядя Гая, Перегрин, прославивший всюду скучнейшим человеком, одно присутствие которого наводило благоговейный страх на всех цивилизованных людей, – дядя Перегрин был для них *molto simpatico*^[7]. Уилмоты были непревзойденными хамами. Санта-Дульчину они рассматривали исключительно как место для приятного отдыха, наслаждений и развлечений; они не жертвовали ни пенса в местные фонды, устраивали буйные вечеринки, носили крайне неприличное платье, называли жителей итальяшками и часто уезжали в конце лета, не оплатив счетов местных торговцев. Но у них были четыре шумливые и некрасивые дочери, выросшие на глазах жителей города. Более того, Уилмоты потеряли здесь своего сына, который

вздумал прыгнуть в море со скалы. Жители Санта-Дульчины участвовали во всех этих шумных весельях и печальных событиях и даже с удовольствием наблюдали за поспешными и скромными отъездами Уилмотов в конце сезона. Уилмоты были для них *simpatico*. Даже Масгрейв, который был владельцем каstellетто до Уилмотов и именем которого оно теперь называлось, Масгрейв, который, как говорили, не мог поехать в Англию или Америку, потому что у властей в этих странах был ордер на его арест, этот «чудовище Масгрейв», как его называли Краучбеки, был для жителей Санта-Дульчины *simpatico*. И только Гай, которого они знали с раннего детства, который говорил на их языке и признавал их веру, который был щедрым по отношению к ним и безгранично уважал все их нравы и обычаи, дед которого построил для них школу и мать которого подарила им набор риз, украшенных вышивкой, выполненной королевской школой рукоделия, для ежегодных выносов на улицы костей святой Дульчины, – только Гай неизменно оставался для них чужестранцем.

– Вы надолго уезжаете? – спросил фашист-чернорубашечник.

– На все время, пока будет война.

– Войны не будет. Никто не хочет войны. Кто в ней выиграет-то?

Со всех стен без окон, мимо которых они проезжали, на них смотрело хмурое, нанесенное по трафарету лицо Муссолини с надписью под ним: «Вождь всегда прав». Фашистский секретарь снял руки с руля, закурил сигарету и после этого увеличил скорость. «Вождь всегда прав», «Вождь всегда прав» – то и дело мелькали надписи и скрывались в поднятой машиной пыли.

– Война – это сплошная глупость, – снова начал недоученный сторонник фашизма; – Вот увидите. Все будет упорядочено и улажено.

Гай не стал оспаривать этих утверждений. Он не проявил никакого интереса к тому, что думал или говорил водитель такси. Миссис Гарри на месте Гая наверняка начала бы спорить. Однажды, когда ее вез этот же водитель, она заставила его остановить машину и пошла домой пешком – три довольно трудные мили пешком, – чтобы доказать свое отвращение к политическим взглядам фашистского секретаря. Гай же не имел никакого желания ни внушать, ни убеждать, ни делиться своими взглядами и мнениями с кем бы то ни

было. Он не дружил ни с кем даже на почве своих религиозных убеждений. Он часто жалел, что живет не во времена действия законов против папистов и нонконформистов, когда Брум был одиноким передовым постом католической веры, окруженным чуждыми этой вере людьми. Иногда он воображал себя отправляющим в катакомбах перед концом света последнюю мессу для последнего папы. Гай никогда не ходил к мессе по воскресным дням; вместо этого он посещал церковь в ранние часы обычных дней недели, когда людей там было совсем немного. Жители Санта-Дульчины предпочитали ему «чудовище Масгрейв». В первые годы после развода с женой Гай имел несколько мимолетных, низкопробных любовных связей, но он всегда скрывал их от жителей Санта-Дульчины. В последнее время он приучил себя к полному воздержанию, что даже священники считали неназидательным. Как на самом низком, так и на самом высоком уровнях между ним и окружающими его людьми не проявлялось никаких симпатий, и он не имел никакого желания слушать болтовню водителя такси.

– История – это живая сила, – нравоучительно продолжал тот, приводя слова из недавно прочитанной статьи. – Никто не может остановить ее и сказать: «Отныне не будет происходить никаких перемен». Страны, так же, как и люди, стареют. Одни владеют очень многим, другие очень немногим. Отсюда вытекает необходимость перераспределения. Но если дело дойдет до войны, то все окажутся владеющими очень немногим. Они знают это. Они не допустят войны.

Гай слышал голос водителя, но никак не воспринимал того, что тот говорил. Гая беспокоил лишь один маленький вопрос: как поступить с тортом? Он не мог оставить его в машине. Бианка и Жозефина, несомненно, узнают об этом. В поезде торт тоже будет досадной помехой. Гай пытался припомнить, есть ли дети у вице-консула, с которым он должен обсудить и решить некоторые детали в связи с выездом из своего кастелло. Если есть, то торт можно будет отдать им. Кажется, дети у вице-консула есть.

Если не считать этой единственной сладкой ноши, ничем другим Гай обременен не был; ничто не повлияло бы теперь на вновь обретенную им удовлетворенность, как ничто в прошлом не повлияло на испытанную им безысходность. *Sia lodato Gesu Cristo. Oggi, sempre.* Сегодня особенно. Сегодняшний день – всем дням день.

Семья Краучбеков, до недавнего времени богатая и многочисленная, теперь заметно победнела и уменьшилась. Гай был самым младшим в ней и, вполне вероятно, будет последним. Его мать умерла, а отцу перевалило за семьдесят. В семье было четверо детей. Анджела – самая старшая; за пей – Джервейс, который прямо из Даунсайда попал в ирландский гвардейский полк и в первый же день своего пребывания во Франции был скошен снайперской пулей: свеженький, чистенький, неустоленный, в момент, когда шел по дощатому настилу над грязью с терновым стеком в руке доложить командиру роты о своем прибытии. Третий, Айво, был всего на год старше Гая, но они никогда не дружили. Айво всегда были свойственны странности. С возрастом странности усиливались, и наконец, когда ему исполнилось двадцать шесть лет, он исчез из дому. Несколько месяцев о нем ничего не было известно. Затем его обнаружили забаррикадировавшимся в меблированной комнате в Криклвуде, где он решил довести себя до смерти голодом. Его вытащили оттуда истощенным, в бреду, и через несколько дней после этого он умер, совсем лишившись ума. Это произошло в 1931 году. Смерть Айво иногда представлялась Гаю ужасной карикатурой на его собственную жизнь, которая как раз в это время дала огромную трещину.

Еще до того как странности Айво начали вызывать серьезную озабоченность окружающих, Гай женился не на скромной католичке, а на яркой, фешенебельной девушке, совсем не на такой, какую ожидали увидеть его женой друга или члены семьи Краучбеков. Он взял из уменьшившегося состояния семьи долю, положенную младшему сыну, и обосновался в Кении, где вел, как ему думалось позднее, спокойную, ничем не омрачаемую жизнь на берегу горного озера, где воздух был всегда чистым и свежим и где взлетающие на рассвете фламинго казались сначала белыми, потом становились розовыми, а затем превращались в вихрящуюся тень на фоне яркого неба. Гай усердно занимался там фермерскими делами и уже начал было получать доходы. Затем, по необъяснимым причинам, его жена

заявила, что состояние ее здоровья диктует ей необходимость провести годик в Англии. Она регулярно присылала ему нежные письма до тех пор, пока в один прекрасный день, все с той же нежностью, не сообщила ему, что сильно полюбила их общего знакомого по имени Томми Блэкхаус, что Гай не должен вставать им поперек дороги и что она хочет развода. «И пожалуйста, – заканчивалось ее письмо, – без всяких глупых рыцарских выходов, не вздумай приехать в Брайтон и разыгрывать из себя „виновную сторону“. Это привело бы к шестимесячной разлуке с Томми, а я не хочу упускать этого проказника из-под своего наблюдения даже на шесть минут».

Гай уехал из Кении, а вскоре после этого его отец овдовел и, потеряв надежду на наследника, покинул Брум. Сократившиеся владения отца состояли к тому времени из дома, парка и приусадебного участка. В последние годы эта усадьба приобрела своеобразную известность. Она была одной из немногих в современной Англии, во владение которыми со времен короля Генриха Первого неизменно вступали только мужчины. Мистер Краучбек не продал усадьбу. Вместо этого он сдал ее в аренду монастырю, а сам отправился на близрасположенный морской курорт Мэтчет. Лампады в часовне Брума горели, как в старые времена.

Никто так не почувствовал на себе упадок дома Краучбеков, как зять Гая Артур Бокс-Бендер, который женился на Анджеле в 1914 году, когда усадьба в Бруме, казалось, стояла незыблемо на тверди небесной, была таким неземным телом, излучающим традиции и ненавязчивый авторитет. Бокс-Бендер не принадлежал к семье Краучбеков, но весьма уважал родословную Анджелы. Одно время он даже задумывался над тем, чтобы дополнить свое имя именем Краучбек, заменив им или Бокс, или Бендер, благо, что и без того, и без другого можно было легко обойтись, однако прохладное безразличие мистера Краучбека и насмешки Анджелы по этому поводу быстро отбили у него охоту к таким изменениям. Бокс-Бендер не был католиком, и, по его мнению, Гаю, не раздумывая, надо было снова жениться, предпочтительно на женщине с состоянием, чтобы продолжить свою родословную. Он был не очень-то чувствительным человеком и поэтому никоим образом не одобрял того, что Гай замкнулся в себе и от всего устранился. Он считал, что Гай должен

вернуться в усадьбу Брум и даже заняться политикой. Такие люди, как Гай, беспечно заявлял он, находятся кое в каком долгу перед своей страной. Однако, когда в конце августа 1939 года Гай прибыл в Лондон как раз для того, чтобы заплатить свой долг стране, Артур Бокс-Бендер отнесся к этому весьма пессимистично.

– Дорогой Гай, – сказал он, – не будь ребенком.

Бокс-Бендеру исполнилось пятьдесят шесть лет, и он был членом парламента. Много лет назад он служил, и весьма успешно, в стрелковом полку. Теперь в армии служил его сын. Бокс-Бендер считал, что военная служба – это обязанность молодых людей, она принадлежит им так же, как ириски и рогатки. Гай в свои тридцать пять – скоро даже тридцать шесть – лет все еще считал себя молодым человеком. Время в последние восемь лет для него, видно, стояло без движения. Для Бокс-Бендера оно пролетело очень быстро.

– Неужели ты серьезно можешь представить себя бегущим в атаку во главе какого-нибудь взвода? – спросил он.

– А почему бы и нет? – ответил Гай. – Это как раз то, что я себе очень хорошо представляю.

Когда Гай приезжал в Лондон, он останавливался у Бокс-Бендеров на Лоундес-сквер. Он приехал сюда к нему прямо с Виктории, но обнаружил, что его сестра Анджела выехала в провинцию, а половина имущества из дома уже вывезена. Нетронутым остался лишь кабинет Бокс-Бендера. Они и сидели в нем теперь, ожидая, когда наступит время обеда.

– Боюсь, что ты не встретишь особой поддержки, – продолжал Бокс-Бендер. – В тысяча девятьсот четырнадцатом году все это происходило точно так же: отставные полковники красили волосы и поступали на службу. Я помню, как это было. Я сам был там. Все это очень благородно, конечно, но на этот раз ничего не получится. Сейчас все делается по плану. Правительство хорошо знает, сколько людей должно быть в армии; оно знает, откуда их нужно брать; и они будут призваны в свое время. А сейчас у нас нет ни помещений, ни снаряжения для большого увеличения армии. Конечно, у нас могут быть потери, но лично я даже не представляю себе истинной войны. Где мы собираемся воевать? Ни один здравомыслящий человек не станет пытаться прорвать линию Мажино или линию Зигфрида. Помоему, обе стороны будут торчать на одном месте до тех пор, пока их

не прижмут экономические трудности. Немцы испытывают острый недостаток почти во всех видах продукции. Как только они поймут, что мистер Гитлер жестоко обманул их, мы не услышим о нем больше ни слова. Разобраться в этом – дело самих немцев. Мы, конечно, не можем вступать в переговоры с этой шайкой, но, как только в Германии будет создано уважаемое правительство, у нас появится возможность сплести все противоречия.

– Это очень похоже на то, что вчера говорил мне водитель такси в Италии.

– Конечно. Всегда обращай к таксисту, если хочешь узнать здоровое и независимое суждение. Я сегодня тоже разговаривал с одним. Он сказал: «Когда мы начнем воевать, тогда и будет время говорить о войне. А сейчас мы не воюем». Очень правильно сказал.

– Однако я вижу, вы приняли все меры предосторожности.

Своих трех дочерей Бокс-Бендер отправил жить в Коннектикут, к коммерческому компаньону. Из дома на Лоундес-сквер все вывозилось, и комнаты в нем закрывались одна за другой. Часть мебели увезена в провинцию, остальная пойдет на склады. Бокс-Бендер снял часть большой, совершенно новой квартиры по довольно низкой цене для этого беспокойного времени. Он и два его коллеги по палате общин будут жить в этой квартире вместе. Хитрейшая уловка Бокс-Бендера состояла в том, чтобы предложить свой дом в избирательном округе в качестве хранилища «национальной сокровищницы искусств». Это избавит владельца от всяких хлопот по расквартированию офицеров, солдат и гражданских чиновников. Несколько минут назад Бокс-Бендер не без гордости поведал все это Гаю. Теперь он повернулся к радиоприемнику и спросил:

– Ты не очень возражаешь, если я включу эту штуку на несколько минут, чтобы послушать, что там говорят? Может быть, скажут что-нибудь новое.

Однако нового ничего не сказали. И о мире тоже не было сказано ни слова. Эвакуация из густонаселенных районов проходит строго в соответствии с графиком; радостные группы матерей и детей пунктуально прибывают в распределительные центры, и их тепло встречают в новых домах. Прослушав это сообщение, Бокс-Бендер выключил приемник.

– Ничего нового по сравнению с утренними известиями. Забавно, но теперь многие сидят и подолгу крутят ручки радиоприемника. Я, например, раньше почти совсем не слушал его. Между прочим. Гай, это такая вещь, которая может пригодиться тебе, если ты действительно хочешь оказаться полезным стране. Би-Би-Си усиленно ищет людей, владеющих иностранными языками, для радиоперехвата, подслушивания, пропаганды и подобной чепухи. Не очень-то захватывающая работа, конечно, но кто-то ведь должен ее выполнять, и я думаю, что твой итальянский был бы им очень даже кстати.

Большой привязанности между Гаем и его зятем, разумеется, не существовало. Гаю никогда не приходило в голову, что Бокс-Бендер может как-то думать о нем, что Бокс-Бендер может воспринимать его, Гая, в каком бы то ни было определенном плане. В действительности, однако, Бокс-Бендер в течение нескольких лет ожидал – и непринужденно поделился своими ожиданиями с Анджелой, – что Гай сойдет с ума. Нельзя сказать, что Бокс-Бендер был одарен богатым воображением; в равной мере он не относился и к излишне впечатлительным людям, но он принимал живейшее участие в поисках и кошмарном обнаружении Айво. Случай с Айво произвел на него неизгладимое впечатление. Гай и Айво были примечательно схожи. Бокс-Бендер помнил взгляд Айво в те дни, когда его чрезвычайные странности все еще нельзя было квалифицировать как помешательство, – взгляд Айво вовсе не был диким, он был скорее самоуверенным и целеустремленным, в какой-то мере «посвященным», фактически чем-то очень похожим на взгляд Гая сейчас, когда он так неуместно появился на Лоундес-сквер и спокойно рассуждает об ирландской гвардии. Это может оказаться нехорошим предзнаменованием. Надо поскорее отправить его куда-нибудь – лучше всего, пожалуй, в Би-Би-Си – и уберечь таким образом от грозящей опасности.

Они обедали в этот вечер в клубе «Беллами». Краучбеки были постоянными членами этого клуба. Имя Джервейса числилось в почетном списке 1914—1918 годов, вывешенном в парадном зале. Сумасшедший бедняга Айво часто сиживал здесь в эркере, вызывая тревогу прохожих своим пристальным взглядом. Гай стал членом клуба еще в раннем зрелом возрасте, но в последние годы бывал здесь очень редко и тем не менее оставался в списках. Место это было

историческое. Когда-то по ступенькам этого здания спускались к своим каретам в сопровождении факельщиков подвыпившие азартные игроки. Теперь по этим же ступенькам, но в полной темноте поднялись Гай и Бокс-Бендер. Первые застекленные двери были покрашены темной краской. Небольшой вестибюль за ними освещался едва различимым, наводящим уныние фосфоресцирующим светильником. Зато за следующими дверями царили яркий свет, шум и густой застоявшийся сигарный дым, смешанный с парами виски. В эти первые дни затемнения в Лондоне проблема вентиляции помещений еще ждала своего решения.

Клуб в этот день только что снова открыли после ежегодного ремонта и уборки. В обычное время в этот осенний сезон клуб пустовал бы. Сейчас он был набит битком. Гай заметил много лиц знакомых, но не друзей. Когда Гай прошел мимо кого-то, кто поприветствовал его, сосед того повернулся и спросил:

– Кто это? Какой-нибудь новичок?

– О нет, это наследственный член. Ты ни за что не угадаешь, кто он. Это первый муж Вирджинии Трой.

– В самом деле? А я думал, что ее первым мужем был Томми Блэкхаус.

– Нет, этот был до Томми. Не могу вспомнить его имя. Он, кажется, живет в Кении. Томми отбил ее у него, потом некоторое время с ней жил Гэсси, а когда она снова стала свободной, ее подхватил Берт Трой.

– Роскошная женщина. Я и сам не отказался бы попытаться с ней счастья.

В этом клубе не существовало никаких правил, ограничивающих открытое обсуждение женских имен.

Бокс-Бендер и Гай обедали и выпивали в компании, состав которой в течение вечера все время менялся: уходили одни, приходили другие. В разговорах обсуждались весьма актуальные вопросы, и Гай воспользовался возможностью завести новые знакомства в изменившемся обществе города. Многие говорили о приготовлениях к новой обстановке в своих семьях и домах. Казалось, все лихорадочно стремились освободить себя от излишних забот и обязанностей. То, что уже сделал в этом плане Бокс-Бендер, представлялось мизерным по сравнению с тем, что происходило в национальном масштабе.

Дома повсюду закрывались, мебель и имущество отправлялись на склады, дети вывозились в провинцию, прислуга увольнялась, газоны вспахивались, вдовьи поместья и охотничьи домики заселялись до предела, хозяйками везде становились тещи и няни.

Некоторые рассказывали о происшествиях и преступлениях в затемненном городе. Такая-то леди, попав в аварию на такси, лишилась всех своих зубов. Такого-то джентльмена оглушили на Хей-хилл мешком с песком и вытащили у него все, что он выиграл в покер. Такой-то джентльмен был сбит машиной «скорой помощи» и оставлен на улице умирать.

Другие рассказывали о различных видах военной службы. Большинство были одеты в военную форму. Повсюду собирались небольшими группками близкие друзья и договаривались о том, чтобы провести всю войну вместе. Например, один прожекторный дивизион территориальной армии был укомплектован исключительно светскими эстетами и получил название «необыкновенная команда джентльменов». Биржевые маклеры и торговцы вином оседали в канцеляриях штаба Лондонского военного округа. Кадровые военные находились в двенадцатичасовой готовности к службе в действующих частях. Яхтсмены надели форму добровольческого резерва военно-морских сил и отращивали бороды. Для Гая возможность попасть в любую из этих служб, по-видимому, была исключена.

– Мой шурин хотел бы поступить на службу, – сказал Бокс-Бендер.

– Э, друг мой, об этом надо было подумать раньше. Все уже давным-давно устроились. Конечно, когда лед тронется и все это начнется, потребуются новые люди. Но пока придется подождать.

Они засиделись допоздна, ибо никому не хотелось выходить на темную улицу. Вести машину никто не рисковал. Такси было очень мало. Домой отправлялись группами. Наконец и Гай с Бокс-Бендером присоединились к компании, отправлявшейся в сторону Белгрейв-сквер. Спотыкаясь, они вместе сошли по ступенькам и окунулись в обескураживающую полуночную пустоту затемненного города. Мир, казалось, возвратился назад на две тысячи лет, к временам, когда Лондон был огражденной частоколом кучкой домишек на берегу реки, а улицы, по которым они теперь шли, – поросшим осокой болотом.

Большую часть дня в последующие две недели Гай проводил в клубе «Беллами». Он перебрался в отель и ежедневно, сразу же после завтрака, все равно как на службу, отправлялся на Сент-Джеймс-стрит. В клубе он усаживался в уголке комнаты для утреннего отдыха и писал письма. По большой пачке писем каждый день. Это были стыдливые письма, но писал он их с возрастающей день ото дня легкостью.

«Дорогой генерал Каттер, пожалуйста, извините за беспокойство в такое хлопотливое время. Я надеюсь, вы помните, так же, как и я, тот счастливый день, когда вы приехали вместе с семьей Брэдшо в мой дом в Санта-Дульчине, и как мы вышли с вами на шлюпке в море и так позорно не попали острогой в...»

«Дорогой полковник Главер, я пишу вам, потому что знаю, что вы служили вместе с моим братом Джервейсом и были его другом...»

«Дорогой Сэм, хотя мы и не встречались со времен учебы в Даунсайде, я следил за вашей успешной карьерой с огромным восхищением и гордостью за вас...»

«Дорогая Молли, я уверен, что не должен знать, но я знаю, что Алекс – это один из очень важных и засекреченных сотрудников адмиралтейства. Я знаю также, что вы оказываете на него огромное влияние. Поэтому не будете ли вы так добры...»

Гай в совершенстве овладел искусством профессионального попрошайки.

Как правило, письма не оставались без ответа: приходила отпечатанная на машинке записка, раздавался телефонный звонок секретаря или адъютанта, назначалась встреча или предлагалось зайти в ближайшие дни. Однако везде его ждал одинаково вежливый отказ.

В гражданских учреждениях обычно отвечали:

– Мы сформировали основную организацию еще во времена Мюнхена. Я надеюсь, что мы начнем расширяться, как только узнаем,

каковы наши функции и задачи. Последние директивы обязывают нас не торопиться с набором сотрудников. Я занесу вас в списки кандидатов и, как только что-нибудь изменится, непременно сообщу вам.

В военных ведомствах признавались:

– На сей раз мы не будем набирать пушечное мясо. Слишком памятен урок тысяча девятьсот четырнадцатого года, когда мы бросили в бой цвет нации. Страна до сих пор испытывает на себе последствия этих ошибочных действий.

– Но я не цвет нации, – возражал Гай. – Я обычное пушечное мясо. У меня нет иждивенцев, и я не какой-нибудь редкий специалист. Важнее всего то, что я старею. Я готов к немедленному употреблению. Вы должны сейчас брать тридцатипятилетних, а молодым людям предоставить возможность завести сыновей.

– Боюсь, что официальный взгляд на этот вопрос совсем иной. Я занесу вас в списки кандидатов и прослежу, чтобы вам сообщили, как только что-нибудь изменится.

В течение нескольких следующих дней имя Гая заносилось во множество списков кандидатов, а его немногие способности и личные качества суммировались и подшивались в секретные досье, в которые никто так и не заглянул в течение всех последующих долгих лет.

Англия объявила войну, но это не внесло никаких изменений в реакцию на просьбы и письма Гая и в его беседы с адресатами писем. Бомбы на Англию еще не сбрасывали. Никаких воздушных десантов, отравляющих газов или обстрела еще не было. Единственное, что происходило, – люди в затемненных городах ломали себе кости. И только. В клубе «Беллами» Гай оказался одним из членов большой группы подавленных и отчаявшихся людей старше его по возрасту, которые были на военной службе – бесславно – во время первой мировой войны. Большая их часть пошла в окопы прямо со школьной скамьи и потратила остальные годы своей жизни на то, чтобы забыть грязь, вшей и оплунительные звуки взрывов. Им было приказано ждать приказа, и они уныло рассуждали о различных скучных должностях, ожидающих их на железнодорожных станциях, в доках и на перевалочных пунктах. Лед тронулся, но они остались на мели.

Началась оккупация Польши. Но охватившее Гая бурное негодование не встретило никакой поддержки со стороны старых

солдат.

– Э, дорогой дружище, нам вполне достаточно собственных хлопот. Не можем же мы воевать со всем миром.

– А зачем тогда воевать вообще? Если единственное, чего мы желаем, это процветание, то даже самое невыгодное соглашение с Гитлером предпочтительнее победы в войне. А если мы уже так заботимся о справедливости, то русские виноваты не меньше немцев.

– Справедливость?! – восклицали старые солдаты. – Справедливость?!

– К тому же, – сказал Бокс-Бендер, когда Гай заговорил с ним на тему о войне, которая, казалось, никого не интересовала, кроме самого Гая, – наша страна ни за что не захочет этого. Социалисты дико вопили против нацистов целых пять лет, но в душе они все пацифисты. Если у них и была какая-то доля патриотизма, то только в пользу России. Если мы погонимся за справедливостью, то снова получим всеобщую забастовку, и это приведет страну к краху.

– Тогда за что же нам, собственно, воевать?

– О, мы должны воевать, дорогой друг! Социалисты всегда считали нас прогитлеровцами, бог его знает почему, правда. Остаться нейтральным в отношении конфликта в Испании было не так-то легко. Живя за границей, ты не видел царившего здесь возбуждения. Положение было очень щекотливое, уверяю тебя. Если мы будем сидеть сейчас сложа руки, в стране начнется хаос. Что нам действительно нужно теперь, так это ограничить и локализовать войну, а не расширять ее.

Заключением всех этих дискуссий была темнота. Обескураживающая ночная тьма сразу же за дверями клуба. Когда подходило время, то и старые солдаты, и молодые солдаты, и политики – все собирались маленькими группками, чтобы идти домой вместе. Гай всегда находил попутчика к своему отелю, всегда подворачивался какой-нибудь друг. Но в душе Гай был одиноким.

Он слышал, как шептались о таинственных департаментах, обозначая их только первыми буквами, говоря об их сотрудниках: такой-то, из органов. Туда, по-видимому, попали такие люди, как банковские работники, профессиональные картежники, сотрудники нефтяных компаний. Но не Гай.

Как-то он встретил знакомого журналиста, который бывал в Кении. Этот человек, лорд Килбэннок, вел в последнее время отдел светской хроники в газете; теперь он ходил в форме военно-воздушных сил.

– Как тебе это удалось? – спросил Гай.

– Гм, довольно постыдным путем. Есть один маршал авиации, жена которого играет в бридж с моей женой. Ему всегда очень хотелось попасть в клуб «Беллами». Я выдвинул его кандидатуру. Отвратительнейший тип.

– И что же, он пройдет?

– Ни за что! Об этом я уже позаботился. Три голоса «против» гарантированы. А из военно-воздушных сил он меня уже не выгонит.

– А что ты делаешь на службе?

– О, занятие тоже довольно постыдное. Я – так называемый сопровождающий офицер. Показываю американским журналистам наши базы истребительной авиации. Но скоро я подберу для себя что-нибудь получше. Главное – это надеть форму; когда на тебе форма, можешь начать продвигаться к цели. Сейчас ведь идет необычная война. Если ты *зачислен* в кадры, перед тобой много возможностей. Я вот, например, подумываю об Индии или Египте. Куда-нибудь, где нет этого проклятого затемнения. Позавчерашней ночью моего соседа по дому стукнули по голове свинцовой дубинкой прямо на лестнице. Мне это, признаться, не очень-то нравится. Я побаиваюсь. Ордена мне ни к чему. Я хочу, чтобы обо мне думали как об одном из симпатичных людей, вышедших сухими из воды. Пойдем выпьем, дружище.

Так проходили почти все вечера. Каждое утро Гай просыпался в своей спальне в отеле все более и более озабоченным. По прошествии месяца он решил уехать из Лондона и посетить своих родных.

Сначала он поехал к сестре Анджеле, в ее дом в графстве Глостершир, который Бокс-Бендер купил, когда был избран в члены парламента по своему избирательному округу.

– Мы живем здесь в ужасной нищете, – заявила ему Анджела по телефону. – У нас теперь даже нет возможности встретить людей в Кембле. Нет бензина. Тебе придется сделать пересадку на местный поезд. Или сесть на автобус из Страуда, если он еще ходит. Но мне кажется, его уже отменили.

Однако на станционной платформе в Кембле, когда он выбрался из коридора вагона, где простоял четыре часа, его встретил племянник Тони. На нем был фланелевый костюм. О том, что Тони солдат, можно было догадаться только по его коротко подстриженным волосам.

– Привет, дядя Гай. Надеюсь, я – приятный сюрприз для вас. Приехал, чтобы избавить вас от поездки в местном поезде. Перед отправкой нам дали отпуск и снабдили особыми талонами на бензин. Залезайте.

– А ты разве не должен быть в форме?

– Должен. Но в форме никто не ходит. Я чувствую себя настоящим человеком, когда снимаю ее хоть на несколько часов.

– А мне думается, я носил бы форму все время, если бы мне дали ее.

Тони Бокс-Бендер простодушно рассмеялся:

– Хотелось бы мне посмотреть на вас в форме! Я почему-то не представляю вас бравым солдатом. А почему вы уехали из Италии? По-моему, Санта-Дульчина – самое подходящее место переждать войну. Как же там все остались?

– В момент отъезда все даже всплакнули.

– Наверное, им жалко было расставаться с вами.

– Вряд ли. Просто им ничего не стоит заплакать.

Они быстро ехали по дороге между невысоких холмов Котсуолда. Вскоре далеко впереди показалась долина Беркли и золотисто-коричневая в лучах вечернего солнца река Северн.

– Ну как ты, доволен, что отправляешься во Францию?

– Конечно. Гоняют нас в казарме целыми днями. До чертиков надоело! А еще лучше сейчас дома – повсюду сокровища искусства, да и готовит мамуля...

Дом Бокс-Бендеров – небольшое феодальное имение с остроконечной крышей – находился в отличающемся вычурным изяществом поселке, в большинстве коттеджей которого имелись ванны, а стены были задрапированы мебельным ситцем. Гостиная и столовая в доме Бокс-Бендеров были до потолка заставлены деревянными корзинами.

– Какая досада, дорогой, – встретила его Анджела. – Я думала, что мы устроимся куда лучше. Вообразила себе, что у нас будет коллекция Уоллеса, что мы будем наслаждаться севрским фарфором,

произведениями Буля и Буше. Такая культурная война, думала я. Вместо этого мы получили хеттские таблицы из Британского музея, причем не имеем права даже взглянуть на них. Мы ждали совсем не этого, бог свидетель. Тебе будет страшно неудобно у нас, дорогой. Мы отвели тебе библиотеку. Весь верхний этаж закрыт, чтобы, если будут бомбить, мы не выбросились в панике из окон. Это все Артур придумал. Слишком уж он изобретательный, я бы сказала. Мы с ним ночуем во флигеле. Уверена, что в один прекрасный вечер, пробираясь туда по саду, мы сломаем себе шею. Пользоваться карманным фонариком Артур категорически запрещает. Все это сплошной идиотизм. Никто же не увидит этого фонарика!

Гаю показалось, что его сестра стала более разговорчивой, чем прежде.

– Может быть, на твой последний вечер нам нужно было пригласить кого-нибудь, Тони? Боюсь, что одним нам будет скучно. Но кого пригласить? Нам и самим-то места не хватает, приходится кушать в рабочем кабинете Артура.

– Нет, мамуля, одним намного лучше.

– Я не сомневалась, что ты так ответишь. Конечно, это очень хорошо, что ты приехал, но я думаю, что тебя могли бы отпустить и на две ночи.

– Я должен быть на месте к побудке в понедельник. Вот если бы вы были в Лондоне...

– Но ведь тебе, несомненно, хотелось бы провести последнюю ночь *дома*, не так ли?

– Неважно где, лишь бы ты была рядом, мамуля.

– Хороший мальчик, правда, Гай?

Библиотека была сейчас единственной комнатой в доме, где можно принять гостей. Постель, приготовленная для Гая на софе у стены, никак не гармонировала со стоящими рядом географическим и астрономическим глобусами.

– Тебе и Тони придется умываться в комнатухе под лестницей. Он, бедный ребенок, спит в оранжерее... Ну, я пойду хлопотать насчет обеда.

– Для волнений нет ни малейших оснований, – сказал Тони. – Мамуле и папуле, видно, нравится все переворачивать вверх дном. Мне кажется, это потому, что до сего времени все содержалось в

строжайшем порядке. К тому же папуля всегда был скуповат. Он ненавидит платить деньги, когда знает, что обязан сделать это. Теперь он думает, что предоставилась отличная возможность сэкономить.

В комнату вошел Артур Бокс-Бендер с подносом в руках.

– Вот видишь, как мы обходимся без удобств, – сказал он. – Через год или два, если война продлится, каждый будет вынужден жить так. Мы просто начали это раньше времени. Занятнейшая вещь.

– Ты-то приезжаешь сюда только на уик-энды, – сказал Тони. – Я слышал, ты очень уютненько устроился там, на Арлингтон-стрит.

– По-моему, ты предпочел бы использовать свое увольнение в Лондоне?

– Не обязательно, – ответил Тони.

– Для мамы места в лондонской квартире нет. Никаких жен. Это одно из условий нашего дружеского договора о найме квартиры. Хереса, Гай? Интересно, понравится ли он тебе. Это из Южной Африки. Скоро все будут пить его.

– Такое усердие во введении новой моды, Артур, – нечто новое для вас.

– А тебе что, херес не нравится?

– Не очень-то.

– Чем скорее мы привыкнем к нему, тем лучше. Из Испании вина больше не поступают.

– А на мой вкус они все одинаковые, – заметил Тони.

– Что ж, стол накрыт в твою честь.

Жена садовника и девушка из поселка составляли теперь всю домашнюю прислугу. Легкую и чистую работу по кухне Анджела выполняла сама. Вскоре она позвала их обедать в небольшую комнату, которую Артур Бокс-Бендер любил называть рабочим кабинетом. В деловой части Лондона у него был просторный кабинет; в городе, который избрал его в парламент, специальный агент Бокс-Бендера имел постоянную контору; его личный секретарь располагал в юго-западной части Лондона канцелярией, картотекой, машинисткой и двумя телефонами; никакой важной работой в комнате, в которой они сейчас обедали, Бокс-Бендер никогда не занимался, но он решил называть ее рабочим кабинетом потому, что так делал мистер Краучбек, который усидчиво работал здесь над всеми документами,

касающимися имения в Бруме. Во всем этом, по мнению Бокс-Бендера, была какая-то настоящая сельская изюминка.

В мирные времена Бокс-Бендер частенько устраивал у себя скромные обеды на восемь – десять человек. Гай помнил многие такие вечера в освещенной свечами столовой: довольно строго подобранные блюда и вина, прямо сидящий на своем месте Бокс-Бендер и направляемый им разговор на скучнейшие темы. Сегодня, в условиях, когда Анджела и Тони были вынуждены часто вставать, чтобы принести или унести тарелки, Бокс-Бендер, видимо, чувствовал себя менее непринужденно. Он пытался обсуждать все такие же скучнейшие темы, но Гай и Тони говорили преимущественно о том, что занимало каждого из них.

– Просто поразительно, как поступила семья Эберкромби, – сказал Бокс-Бендер. – Вы слышали? Упаковались и отправились на Ямайку со всеми пожитками.

– А почему бы им и не отправиться? – сказал Тони. – Здесь от них никакой пользы. Просто лишние рты.

– Так, пожалуй, можно и обо мне сказать, я, кажется, тоже собираюсь стать лишним ртом, – заметил Гай. – По-моему, это зависит от того, у кого какой взгляд на подобные вещи. Некоторые хотят быть во время войны со своим народом.

– Что-то не замечаю этого, – сказал Тони.

– Полезной работы и для гражданских сколько угодно, – сказал Бокс-Бендер.

– Из семьи Прентисов все эвакуированные возвратились в Бирмингем раздраженные и разгневанные, – сказала Анджела. – Им всегда невероятно везло. Нам же достались всякие хеттские ужасы, вот и живи с ними.

– А как ужасно, когда солдаты не знают, где находятся их жены и семьи, – сказал Тони. – Наш бедный офицер по бытовому обслуживанию тратит целые дни, чтобы установить их местонахождение. Шесть человек из моего взвода поехали в увольнение, не зная, куда им, собственно, ехать, где их семьи.

– Пожилая миссис Спэрроу упала с лесенки, когда собирала яблоки, и сломала обе ноги. Ее не положили в больницу только потому, что все койки зарезервированы для пострадавших во время воздушных налетов.

– У нас днем и ночью дежурит офицер, ведающий пассивной противовоздушной обороной. Ох и нудная же это обязанность! Он через каждый час должен звонить по телефону и докладывать: «Все в порядке, самолетов противника нет».

– В Страуде полицейский остановил Кэролайн Мэйден и потребовал от нее объяснения, почему она не носит противогаз.

Тони был как бы из другого мира: их проблемы его не интересовали. Гай же не принадлежал ни к какому из этих миров.

– Я слышал, как кто-то говорил, что эта война совсем необычная.

– Конечно, дядя Гай, чем дальше каждый держится в стороне от нее, тем лучше для него. Вы, гражданские, просто не представляете, в каких благоприятных условиях находитесь.

– А может быть, в данный момент, Тони, мы не очень-то и хотели бы находиться в благоприятных условиях.

– Я, например, точно знаю, чего хочу. Военный крест и аккуратненькую маленькую рану. Тогда остальную часть войны я мог бы провести в окружении хороших и заботливых медицинских сестер.

– *Пожалуйста, Тони!*

– Извини, мамуля. Не будь такой ужасно серьезной, а то я начну жалеть, что не провожу свое увольнение в Лондоне.

– По-моему, я вовсе не вешаю носа. Но только, пожалуйста, дорогой, не говори, что ты хочешь, чтобы тебя ранили.

– Ха, но это же лучшее, на что может надеяться любой. Разве не так?

– Послушайте, – вмешался Бокс-Бендер, – не начинаем ли мы понемногу видеть все в мрачном свете? Забирай-ка дядю Гая, пока мы с мамой уберем со стола.

Гай и Тони прошли в библиотеку. Французские окна, выходившие в сад с выложенными камнем дорожками, были открыты.

– Хочешь не хочешь, черт возьми, но, прежде чем зажечь свет, надо опустить шторы.

– Давай выйдем на воздух, – предложил Гай.

Сумерки сгустились, но еще не настолько, чтобы не видеть дороги. Воздух благоухал, напоенный ароматом невидимых цветов старой магнолии, прикрывавшей собою добрую половину дома.

– Никогда не чувствовал себя так отвратительно, как сейчас, – признался Тони. Когда они вышли в сгущавшиеся сумерки, он неожиданно спросил: – Расскажите мне, как сходят с ума. У многих ли родственников мамули не хватало винтиков?

– Нет.

– А дядя Айво был такой, правда?

– Он страдал избытком меланхолии.

– Не наследственной?

– Нет, нет. А почему ты спрашиваешь? Ты что, чувствуешь, что твой рассудок мутится?

– Пока нет. Но я прочитал об одном офицере – участнике прошлой войны, который казался совершенно нормальным до тех пор, пока не попал в бой, а в бою взбесился как собака, и сержанту пришлось пристрелить его.

– Слово «взбесился» вряд ли подходит к тому, что произошло с твоим дядей. Он во всех отношениях был очень скромным человеком.

– А как другие?

– Возьми меня, или твоего дедушку, или двоюродного дедушку Перегринна – у него потрясающе здравый рассудок.

– Он тратит время на сбор биноклей и посылает их в военное министерство. Это, по-вашему, здорово?

– Абсолютно.

– Я рад, что вы сказали мне все это.

Вскоре Анджела позвала:

– Идите сюда, вы! Уже совсем темно. О чем вы там все толкуете?

– Тони думает, что он сходит с ума.»

– Это миссис Гроут сходит. Она не затемнила кладовую.

Они уселись в библиотеке спиной к постели Гая. Через несколько минут Тони поднялся, чтобы пожелать всем спокойной ночи.

– Месса в восемь, – сказала Анджела. – Нам нужно выйти без двадцати. В Юли ко мне должны присоединиться несколько эвакуированных.

– А нельзя ли немного позднее? Я так мечтал поваляться утром.

– А я надеялась, что завтра мы сходим к ранней мессе все вместе.

Пожалуйста, пойдем, Тони.

– Хорошо, мамуля, конечно, я пойду. Только давай тогда без двадцати пяти. Мне, разумеется, надо сходить очиститься от

накопившихся за эти недели грехов.

Бокс-Бендер, как всегда при обсуждении религиозных дел, выглядел несколько смущенным. Он не привык к ним – к такой легкости в обращении с всевышним.

– Мысленно я буду с вами, – сказал он.

Затем Бокс-Бендер тоже поднялся и, спотыкаясь, пошел по саду во флигель. Анджела и Гай остались одни.

– Тони – прелестный мальчик, Анджела.

– Да, и так быстро военизировался, правда? Всего за несколько месяцев. Он ни капельки не боится отправки во Францию.

– Да, действительно. Да и бояться-то нечего.

– О, Гай, ты слишком молод, чтобы помнить это, а я ведь выросла во времена первой войны. Я одна из девушек – тех, что описаны в прочитанных тобою книгах, – которые танцевали с мужчинами, шедшими в смертельный бой. Я помню, как мы получили телеграмму о Джервейсе. Ты тогда был еще всего-навсего жадным до леденцов школьником. Я помню, как туда отправлялись первые партии. Никто из них не дожил до победы. Велики ли шансы у мальчиков в возрасте Тони, идущих теперь в самые первые бои? Я работала в госпитале, это ты помнишь. Поэтому-то я и не выношу, когда Тони начинает говорить о легкой, неопасной ране и о пребывании в окружении хорошеньких медсестер. Легких, неопасных ран не было. Все они были невероятно ужасными даже тогда, а теперь, я полагаю, люди выдумали еще более отвратительные газы и другие средства убийства. Он не представляет, какой будет эта война. Сейчас ведь нельзя даже надеяться, что его возьмут в плен. При кайзере немцы были все еще цивилизованными. Теперь же они могут сделать что угодно.

– Мне нечего сказать тебе, Анджела, за исключением того, что ты сама хорошо знаешь. Ведь не захочешь же ты, чтобы Тони оказался хоть немного другим. Неужели тебе понравилось, если бы Тони был одним из тех презренных мальчиков, которые, как я слышал, улизнули в Ирландию или Америку?

– Это совершенно немыслимо, конечно.

– А что же тогда?

– Да, я понимаю, все понимаю... Пора спать, пожалуй. Боюсь, что мы очень накурили здесь у тебя. Когда выключишь свет, можешь открыть окна. Слава богу, что Артур уже ушел. Я смогу

воспользоваться фонариком, пробираясь по саду, без того, чтобы меня обвинили в умышленном привлечении «цеппелинов».

В эту ночь, долго не засыпая, предпочтя свежий воздух свету и поэтому отказавшись от чтения, Гай лежал и размышлял. Почему Тони? Что это за идиотская система, приносящая в жертву Тони и оставляющая в безопасности его, Гая? В Китае, когда кого-нибудь призывали в армию, было даже благородно нанимать бедного юношу и посылать его вместо себя. Тони сейчас полон любви и надежд. Он же, Гай, лишен всего, не имеет ничего, кроме нескольких высохших зернышек веры. Почему он не может поехать во Францию вместо Тони и получить эту легкую, неопасную рану или попасть к бесчеловечным, зверским тюремщикам?

Однако утром следующего дня, когда Гай опустился вместе с Анджелой и Тони на колени перед алтарем, он, кажется, получил ответ на свой вопрос словами мессы: *Doinine non sum dignus*^[8].

Гай намеревался пробыть в семье Бокс-Бендеров два дня и только в понедельник поехать к своему отцу в Мэтчет. Вместо этого он уехал еще до завтрака в воскресенье, чтобы не мешать Анджеле своим присутствием в течение последних часов пребывания Тони дома. Гаю часто приходилось совершать такие поездки и в прежние времена. Бокс-Бендер, бывало, отправлял его на машине в Бристоль. А отец, как правило, высылал кого-нибудь встретить его на железнодорожной станции главной магистрали. Сейчас же, казалось, пришел в движение весь мир, и Гаю пришлось совершить утомительную поездку с несколькими пересадками на автобусы и поезда. Было уже далеко за полдень, когда он прибыл наконец на железнодорожную станцию Мэтчет и увидел на платформе поджидавшего отца вместе с его старой золотистой охотничьей собакой.

– Не знаю, куда пропал швейцар из отеля, – пожаловался мистер Краучбек. – Должен был подойти сюда. Я сказал ему, что потребуются его услуги. Но сейчас все уж очень заняты. Оставь чемодан здесь, я думаю, что швейцар встретится нам на пути.

Отец, сын и собака вышли на освещенные заходящим солнцем крутые улочки города.

Несмотря на разделяющие их сорок лет, между мистером Краучбеком и Гаем было много заметного сходства. Мистер Краучбек был чуть повыше, и его лицо выражало неиссякаемое добросердечие, которого так не хватало лицу Гая. «Скорее *case*^[9], чем *distingue*^[10]» – так определила очевидное обаяние мистера Краучбека его соседка по отелю «Морской берег» мисс Вейвесаур. В нем не было ничего ни от закоренелого денди, ни от светского гордеца, ни от капризного сноба. Он вовсе не был одним из тех, кого принято называть оригиналом. Он был простым, приветливым пожилым человеком, который каким-то чудом сохранял чувство юмора, даже больше, чем юмора, – непостижимого и уравновешенного веселья на протяжении всей своей жизни, много раз потрясавшейся, по мнению любого стороннего наблюдателя, крупными неудачами. Он, как и многие другие, родился при ярком солнечном свете и жил, чтобы стойко встретить сумерки.

Он принадлежал к древнему аристократическому роду, с которым теперь мало кто считался и которому грозило вымирание. Только бог и Гай знали, какой большой и исключительной была фамильная гордость мистера Краучбека. Но он держал ее при себе. Гордость, которая часто рождается и растет, покрываясь колючками, несла на себе для мистера Краучбека только розы. Не имея никакого классового сознания, он представлял себе всю сложную социальную структуру своей страны, четко разделенной на две неравные и безошибочно определяемые части. С одной стороны находились Краучбеки и другие незаметные и не привлекающие к себе внимания, но объединенные древним происхождением семьи; с другой – остальная часть человечества: Вокс-Бендер, всякие герцоги (чье богатство образовалось в свое время из разграбленного монастырского имущества), Ллойд Джордж, Нивель Чемберлен и иже с ними. Мистер Краучбек не признавал ни одного монарха со времен Якова Второго. Это был не совсем здравый подход, но он порождал в добром сердце мистера Краучбека два редких качества: терпимость и покорность. Ибо ничего особого, считал он, нельзя хоть сколько-нибудь обоснованно ждать от третьего сословия; достаточно уже того, что некоторые из его представителей вели себя в отдельных случаях сравнительно хорошо. Что же касается самого мистера Краучбека, то любая его добродетель пришла к нему извне, без особых заслуг с его стороны, а все небольшие грехи и промахи этого человека лучших традиций были жестоко наказаны.

Он обладал и еще одним природным преимуществом перед Гаем: ему помогала жить память, в которой оседали только хорошие события и факты, а плохие быстро выветривались. Несмотря на все его горести и печали, у него было достаточно и радостей; последние сохранялись в его сознании всегда свежими и доступными. Он никогда не оплакивал потерю Брума и по-прежнему чувствовал себя живущим в этом имении, как когда-то в светлые годы отрочества и в годы ранней вознагражденной любви.

Отель «Морской берег» в Мэтчете обслуживался старыми слугами из Брума. Мистера Краучбека они встретили очень радушно. Он привез сюда несколько фотографий, обстановку спальни, к которой так привык, полную и довольно строгую: кровать из желтой меди, старые дубовые шкафы для платья и шкафчики для обуви, круглое

зеркало для бритья, аналой из красного дерева. Его небольшая гостиная была обставлена мебелью из курительной комнаты в Бруме и заполнена тщательно отобранными любимыми вещами из библиотеки. Так он и жил здесь, глубоко уважаемый мисс Вейвесаур и другими постоянными обитателями отеля. Первый хозяин продал отель и уехал в Канаду; его преемник взял на себя заботу о Краучбеке со всеми вытекающими из этого последствиями. Раз в год мистер Краучбек посещал имение в Бруме – в тот день, когда там пели реквием по его древним обитателям. Он никогда не сокрушался по поводу перемены в своем положении и не упоминал о нем в разговоре с новыми людьми в имении. Он каждый день отправлялся к мессе, проходя по улице пунктуально до открытия магазинов, возвращаясь назад пунктуально в тот момент, когда снимались ставни, и приветствуя каждого встречавшегося ему на пути. Вся его фамильная гордость была по сравнению с религиозной верой всего лишь хобби юношеских лет. Когда Вирджиния оставила Гая бездетным, мистеру Краучбеку не пришла в голову мысль – в отличие от Бокс-Бендера, из головы которого она никогда не выходила, – что продолжение его рода стоит конфронтации с церковью, что Гай должен был бы вступить в нецерковный брак, произвести на свет наследника, а позднее урегулировать все с церковными властями, как, по-видимому, каким-то образом делают другие люди. Фамильную гордость нельзя приносить в жертву бесчестью.

Фактически имело место два отлучения в средние века и одно вероотступничество в семнадцатом веке, которые четко зафиксированы в исторических анналах родословной Краучбеков, но они-то как раз, как и многое другое, выветрились из памяти мистера Краучбека.

Сегодня людей в городке, казалось, было больше, чем обычно. Гай хорошо знал Мэтчет. Он бывал здесь на пикниках во времена детства и посещал отца всякий раз, когда приезжал в Англию в более позднее время. Отель «Морской берег» располагался за чертой города, на утесе рядом с постом береговой охраны. Их путь пролегал под уклон через порт, вдоль прибрежной части города, а затем – вверх, по красноватой горной дороге. На горизонте в лучах заходящего солнца виднелся остров Ланди, омываемый бурными водами Атлантики. В

канале стояло много судов, задержанных береговой охраной за контрабанду.

– Мне хотелось бы пожелать Тони всего хорошего, – сказал мистер Краучбек. – Я не представлял себе, что его так скоро отправят. Позавчера я разыскал кое-что для него и хотел бы вручить ему. Уверен, что он остался бы доволен. Это медальон с изображением богоматери Лурдской. Джервейс купил его во Франции во время каникул в тот год, когда разразилась первая мировая война, и всегда носил на Шее. Медальон после гибели Джервейса прислали нам вместе с его часами и другими вещами. Надо бы обязательно передать его Тони.

– Думаю, что уже не осталось времени для того, чтобы вручить медальон Тони лично.

– Я хотел бы передать его ему сам. Это вовсе не то же самое, что послать медальон почтой. Объяснить все это в письме трудно, конечно.

– Но медальон не очень-то сберег Джервейса, правда?

– О, нет, – возразил мистер Краучбек, – он сослужил ему куда большую службу, чем ты можешь предположить. Джервейс рассказал мне, когда приехал попрощаться перед отъездом, что в армии достаточно соблазнов для мальчика. Однажды в Лондоне, когда Джервейс проходил там подготовку, он довольно здорово выпил со своими сослуживцами и в конечном итоге оказался наедине с какой-то приставшей к ним бог-весть где девушкой. Она начала дурачиться, сняла с него галстук и тут увидела медальон. Они оба неожиданно успокоились, и она начала рассказывать ему о монастыре, в котором училась. В конце концов они расстались друзьями, не сделав друг другу ничего плохого. Я считаю, что медальон уберег Джервейса от соблазна. Я сам ношу медальон всю свою жизнь. А ты носишь?

– Иногда ношу. Но в настоящее время у меня нет никакого медальона.

– А надо бы, согласишься, в такое время, когда возможны бомбардировки и другие неожиданные вещи. Если ты пострадаешь и тебя отвезут в больницу, то будут знать, что ты католик, и пошлют за священником. Мне сказала об этом одна сестра милосердия. А ты не хотел бы взять медальон Джервейса, раз уж нельзя передать его Тони?

– С удовольствием. К тому же я надеюсь, что тоже поступлю на военную службу.

– Да, ты мне писал об этом. Но твою просьбу ведь отклонили?

– Желающих похлопотать за меня, кажется, слишком мало.

– Обидно! Но знаешь, я как-то не представляю тебя солдатом. Ты ведь никогда не любил автомашины, правда? Сейчас вся армия на машинах. Один солдат сказал мне, что у наших территориальных частей с позапрошлого года нет ни одной лошади, правда, и машины тоже нет ни одной. Мне кажется, это неразумно. Но ты, по-моему, и к лошадям безразличен, правда?

– В последнее время – да, – ответил Гай, вспомнив о восьми лошадях, которых они держали с Вирджинией в Кении, и о верховых прогулках вокруг озера на рассвете; Гай вспомнил также и фордовский автофургон, на котором он два раза в месяц ездил по грязной дороге на рынок.

– Ты предпочитаешь ездить в железнодорожных вагонах de luxe, верно ведь?

– Сейчас поезда не очень-то роскошны, – возразил Гай.

– Нет, нет, дорогой, у меня нет никаких оснований подшучивать над тобой, – сказал отец. – Это очень мило, что ты проделал весь этот путь, чтобы повидаться со мной, мой мальчик. Полагаю, ты не будешь скучать здесь. В гостинице много разных новых людей, большинство очень забавные. За последние две недели у меня появился совершенно новый круг друзей. Очаровательные люди. Ты просто удивишься.

– Прибавилось таких, как мисс Вейвесаур?

– Нет, нет, совершенно другие люди. Самые различные и очень молодые. Очаровательная миссис Тиккеридж и ее дочь. А муж миссис Тиккеридж – майор в полку алебардистов. Он приезжает сюда на воскресенье. О, тебе они несомненно понравятся.

Отель «Морской берег» был переполнен, как, наверное, и все другие отели в стране. Раньше, когда Гай приезжал к отцу, его появление вызывало повышенный интерес и со стороны постояльцев, и со стороны обслуживающего персонала отеля. Теперь же он с трудом добился, чтобы его выслушали.

– Мест нет, отель переполнен, – заявила управительница. – Мистер Краучбек действительно просил для вас номер, но мы ожидали вас завтра, а не сегодня. Сегодня нет ничего.

– Может быть, вы устройте его в моей гостиной? – предложил мистер Краучбек.

– Мы сделаем все возможное, если вы не возражаете подождать немного.

Швейцар, который должен был прийти на станцию, был занят: подавал напитки в общей гостиной отеля.

– О, я схожу туда, как только освобожусь, сэр, – сказал он. – Если вы не возражаете, после обеда.

Гай хотел возразить. Ему нужно было сменить после поездки рубашку, но не успел он и рта открыть, как швейцар умчался со своим подносом.

– Как тебе нравится? – весело заметил мистер Краучбек. – А вон там Тиккериджи. Пойдем, я познакомлю тебя с ними.

Гай увидел робкую, как мышка, женщину и мужчину в военной форме, с большими, похожими на руль велосипеда усами.

– Они, по всей вероятности, уже уложили свою маленькую девочку спать. Чудесный ребенок. Всего шесть лет, а никакой няни, все делает сама.

Увидев приближающегося мистера Краучбека, робкая, как мышка, женщина улыбнулась неожиданно очаровательной улыбкой. Мужчина с усами начал хлопотливо отодвигать стулья, чтобы освободить место.

– Привет! – сказал он бодро. – Извините, руки заняты. – Он обеими руками держал стул над головой. – Мы только что хотели попросить что-нибудь выпить. Что заказать вам, сэр?

Тиккериджу каким-то образом удалось освободить место, расставить стулья и даже подзвать к себе швейцара с подносом. Мистер Краучбек представил Гая.

– Итак, вы тоже присоединяетесь к праздным мечтателям? Я только что устроил здесь свою половину и отпрыска на время войны. Чудесное местечко. С удовольствием и сам провел бы несколько недель здесь вместо проклятых казарм.

– Нет, – ответил Гай, – я пробуду тут всего один день.

– Жаль. Моя половина в поисках компании. Слишком уж много здесь стариков и старушек.

В дополнение к большим усам майор Тиккеридж носил на скулах почти налезавшие на глаза жесткие рыжие бакенбарды.

Швейцар принес им заказанные напитки. Гай попытался напомнить ему о своем чемодане, но тот моментально скрылся со

словами: «Я подойду к вам через минутку, сэр».

– Проблема с доставкой чемодана? – спросил майор. – Они все здесь словно с ума посходили, никого не дозовешься. А в чем, собственно, дело?

Гай довольно подробно рассказал ему о своем затруднении.

– О, это мы сейчас организуем. У меня есть тут один неоценимый, но вечно исчезающий куда-то алебардист Гоулд, который всегда следует за мной, в тыловом эшелоне, так сказать. Вот его-то мы и пошлем за вашим чемоданом.

– Нет, ну что вы...

– Алебардист Гоулд палец о палец не ударил с тех пор, как мы появились здесь, за исключением разве того, что очень рано разбудил меня сегодня. Ему нужно поупражняться. К тому же он женатый человек, а горничные никак не хотят оставить его в покое. Это даже хорошо, что он избавится от них хотя бы на короткое время.

Гай начал чувствовать расположение к этому любезному волосатому человеку.

– Ваше здоровье! – сказал майор.

– Ваше здоровье! – сказала робкая, как мышка, жена майора.

– Ваше здоровье! – сказал мистер Краучбек с полной безмятежностью.

И лишь Гай оказался способным только на невнятное бормотание.

– Сегодня первый, – констатировал майор, отрывая от губ бокал с желтовато-зеленым джином. – Закажите еще по одному, пока я выгоню своего алебардиста.

Натыкаясь на людей и принося извинения, майор Тиккеридж пробрался через переполненный зал к выходу.

– Это очень любезно со стороны вашего мужа.

– Он не переносит, когда люди бездельничают, – ответила миссис Тиккеридж. – Он считает это тренировкой для алебардистов.

Позднее, когда они расстались на время обеда, мистер Краучбек сказал:

– Очаровательные люди, правильно ведь я сказал тебе? А завтра ты увидишь и Дженифер. Ребенок ведет себя превосходно.

В столовой старые постояльцы сидели за столиками вдоль стен. Новички – в средней части зала. Им, как показалось Гаю, уделялось

больше внимания. Мистер Краучбек по давнишней договоренности привез с собой свое вино и держал его в подвалах отеля. На столе уже стояли бутылка красного бургундского и бутылка портвейна. Обед из пяти блюд оказался намного лучше, чем можно было ожидать.

– Просто замечательно, как Катберты справляются с наплывом постояльцев. Все это произошло так неожиданно. Конечно, приходится немного ждать, пока подадут следующее блюдо, но им удастся приготовить весьма приличный обед, правда ведь? Произошла лишь одна перемена, которую я не одобряю: они попросили меня не приводить с собой в столовую Феликса. Конечно, он занимал здесь очень много места.

Вместе с пудингом официант принес и поставил на стол тарелку с обедом для пса. Мистер Краучбек внимательно осмотрел кусок мяса, повернув его вилкой.

– Выглядит отлично, – сказал он официанту. – Большое спасибо. – Затем Гаю: – Не возражаешь, если я отнесу его Феликсу теперь же? Он привык есть в это время. Выпей пока портвейна. Я сию минуту вернусь.

Мистер Краучбек понес тарелку через всю столовую в свою гостиную – теперь спальню Гая – и вскоре возвратился к столу.

– Мы выпустим его погулять позднее, – сказал он, снова усаживаясь за стол. – Что-нибудь около десяти. Я вижу, Тиккериджи уже пообедали. Прошлые два вечера они присоединялись ко мне на рюмку портвейна. Сегодня, кажется, немного стесняются. Я позову их, ты не возражаешь?

Тиккериджи не отказались.

– Отличное вино, сэр.

– О, это из запасов, присланных мне из Лондона.

– Неплохо, если и вы как-нибудь побываете в нашей столовой. У нас очень хороший портвейн, который мы держим для гостей. Вы тоже, – добавил майор, обращаясь к Гаю.

– Мой сын, несмотря на возраст, всеми силами пытается сам попасть в армию.

– Да что вы! В самом деле? Вот веселенькое дельце-то!

– Особого веселья я в этом не нахожу, – сказал Гай и красочно обрисовал свои безрезультатные попытки и категорические отказы последних двух недель.

Майор Тиккеридж был слегка озадачен ироническими нотками в рассказе Гая.

– Скажите, – медленно начал он, – вы совершенно серьезно? Вы действительно хотите поступить?

– Я пытаюсь не быть серьезным, но боюсь, что мне это не удастся.

– Если вы *действительно* думаете об этом серьезно, то почему бы вам не поступить к *нам*?

– Я уже оставил все попытки, – сказал Гай. – Фактически меня почти приняли в министерство иностранных дел.

Майор Тиккеридж очень сочувственно отнесся к нему.

– Послушайте, по-моему, это довольно безнадежное дело. Знаете что, если вы имеете серьезное намерение, то, мне думается, мы можем все организовать. У нас, алебардистов, дела никогда не делаются в точном соответствии с обычными армейскими правилами. Я хочу сказать, нам не подходят разные идейки Хор-Белиша о том, что службу надо начинать с рядового. Мы формируем свою собственную бригаду. В нее войдут и кадровые, и приписные, и военнообязанные, и сверхсрочники. Все это, правда, пока на бумаге, но со дня на день мы уже приступим к подготовке людей. Это будет некая особая бригада. Мы в корпусе алебардистов все знаем друг друга, поэтому, если вы хотите, чтобы я замолвил за вас словечко перед нашим капитан-комендантом, я с удовольствием сделаю это. Я слышал, как он позавчера говорил, что в числе приписных офицеров в бригаду могут войти и несколько человек более старшего возраста.

К десяти часам этого вечера, когда Гай и его отец выпустили Феликса побегать в темноте, майор Тиккеридж занес сведения о Гае в записную книжечку и обещал взяться за дело, не откладывая его.

– Удивительно, – заметил Гай. – Я неделями пресмыкался перед генералами и министрами и никуда не попал. А теперь вот приехал сюда, и майор, который меня не знает, за какой-нибудь час уладил все мои дела.

– Так часто бывает. Я же говорил тебе, что Тиккеридж – превосходный человек, – сказал мистер Краучбек, – а алебардисты –

это замечательный полк. Я видел, как они маршируют. Нисколько не хуже гвардейской пехоты.

В одиннадцать часов свет на нижнем этаже отеля погасили, обслуживающий персонал исчез. Гай и его отец поднялись наверх. В гостиной мистера Краучбека пахло табаком и собакой.

– Боюсь, тебе здесь будет не очень-то удобно.

– Прошлую ночь, у Анджелы, я спал в библиотеке.

– Ну что ж, надеюсь, ты переживешь это.

Гай разделся и лег на софу возле открытого окна. С моря доносился шум прибоя, комнату заполнил свежий морской воздух. За сегодняшний день положение Гая коренным образом изменилось.

Через некоторое время дверь в спальню отца открылась.

– Ты уже спишь? – спросил он.

– Не совсем.

– Вот та вещь, которую я тебе обещал. Медальон Джервейса. Утром я могу забыть о нем.

– Большое тебе спасибо, папа. Отныне я всегда буду носить его.

– Я положу его вот здесь, на столе. Спокойной ночи.

Гай вытянул в темноте руку и нащупал маленький металлический диск. Медальон был прицеплен к тонкому шнуру. Гай накинул шнур на шею. В спальне отца раздались шаги. Дверь снова открылась.

– Боюсь, что я встану очень рано и мне придется пройти через твою комнату. Постараюсь потише, чтобы не разбудить тебя.

– Я тоже пойду с тобой к мессе.

– Да? Пойдем. Еще раз спокойной ночи.

Вскоре Гай услышал легкий храп отца. Последняя мысль Гая, перед тем как он забылся во сне, была: «Почему я не мог по-человечески сказать майору Тиккериджу: „Ваше здоровье!“ Отец сказал. Джервейс тоже наверняка сказал бы. Почему же не смог я?»

Часть вторая
«Эпторп тщеславный»

– Ваше здоровье! – сказал Гай.

– Ура! – сказал Эпторп.

– Послушайте, вы, вам лучше бы пить это за мой счет, – сказал майор Тиккеридж. – Младшим офицерам не положено выпивать в буфете перед обедом.

– О боже, извините, сэр.

– Ничего, друзья, вы могли и не знать этого. Мне нужно было бы предупредить вас. Это одно из наших правил для молодежи. Разумеется, нелепо применять его к вам, друзья, но что поделаешь... Если вы захотите выпить, попросите обслуживающего капрала принести вам напиток в бильярдную. Там вам никто слова не скажет.

– Спасибо, что вы предупредили нас, сэр, – сказал Эпторп.

– После такой шагистики вам, конечно, не грех и выпить. Командир и я понаблюдали за вами сегодня утром. У вас, надо сказать, получается неплохо.

– Да, я надеюсь, что неплохо.

– Сегодня я получил от своей половины весточку. В Мэтчете все в порядке. Жалко, что это довольно далеко для поездок туда на уик-энды. Надеюсь, что после окончания курса подготовки вам дадут недельку отпуска.

Было начало ноября. Зима в этом году рано вступила в свои права и принесла с собой холод. В огромном камине буфетной комнаты потрескивали охваченные пламенем дрова. Младшим офицерам, если они не были кем-нибудь приглашены, сидеть у камина не полагалось, однако тепло от него приятно ощущалось во всех уголках.

Офицеры королевского корпуса алебардистов, в силу самого факта, что это были бедные ребята, жили в большом комфорте. В столовых прославленных полков после рабочих часов не оставалось никого, кроме дежурного офицера. Военный городок, в котором жили алебардисты, служил для них домом в течение двух столетий. За месяц пребывания в полку ни Гай, ни Эпторп еще ни разу не обедали где-нибудь вне полка.

Они были самыми старшими по возрасту в группе из двадцати офицеров, проходивших в алебардийском казарменном городке стажировочно-испытательный срок. Еще одна такая группа, по словам некоторых, находилась в центре формирования алебардийских частей. Вскоре их должны были объединить. На побережье проходили подготовку несколько сот военнообязанных. В конечном итоге, наверное весной, их всех объединят с кадровыми батальонами и будет сформирована бригада. Эти слова: «Когда будет сформирована бригада...» – постоянно произносились алебардистами. Это была конечная цель всей их современной деятельности, событие, которого все ожидали, как ожидают родов; оно должно стать началом их новой, не известной пока жизни.

Компаньоны Гая, составлявшие группу, в прошлом были преимущественно клерками лондонских контор. Два или три парня пришли прямо со школьной скамьи. Один, Франк де Сауза, только что закончил Кембридж. Их отобрали, как стало известно Гаю, более чем из двух тысяч претендентов. Иногда он задумывался над вопросом: какая же система отбора могла произвести на свет божий такую разношерстную группу? Позднее Гай понял, что отобранные олицетворяли собой особую гордость корпуса алебардистов, где никогда не рассчитывали на безупречный контингент новичков, а всегда полагались вместо этого на свои испытанные веками методы воспитания и преобразования людей. Дисциплина на строевом плацу и традиционные обычаи и порядки в столовой должны были оказать свое магическое воздействие, и *esprit de corps*^[11] снизойдет на них, словно благословенная благодать.

Настоящим солдатом выглядел только Эпторп. Он был рослым и сильным, с хорошим загаром, с усами, знал множество военных терминов и сокращений. До недавнего прошлого он служил в Африке в каком-то не установленном точно качестве. Его ботинки оставили за собой многие мили заросших кустарником троп и тропинок.

Ботинки были для Эпторпа предметом особого интереса.

Он и Гай познакомились в тот день, когда находились на пути в полк. Гай вошел в вагон на Чэринг-Кросс и увидел, что в углу напротив сидит человек с эмблемой алебардистов и полковыми

пуговицами с рожками. Гай сел и сразу же подумал, что, вероятно, допустил ужасное нарушение этикета, оказавшись рядом со старшим офицером.

У Эпторпа не было ни газеты, ни книги. Милю за милей он упорно разглядывал свои ботинки. Скрытно понаблюдав за ним, Гай вскоре понял, что воинские знаки различия на плечах Эпторпа вовсе не короны, а маленькие звездочки, точно такие же, как и у него самого. Тем не менее никто из них не начинал разговора до тех пор, пока, по прошествии примерно двадцати минут, Эпторп не взял трубку и не начал старательно набивать ее табаком из большого круглого кисета. Затем Эпторп сказал:

– Это моя новая пара «дельфинов». Я почему-то думал, что у вас тоже такие.

Гай перевел взгляд с ботинок Эпторпа на свои. Те и другие показались ему очень похожими друг на друга. «А может быть, „дельфины“ у алебардистов – это сленговое название ботинок?» – подумал Гай.

– Не знаю, – безразлично ответил он. – Я просто сказал сапожнику, у которого всегда заказываю обувь, чтобы он сделал мне две пары черных ботинок на толстой подошве.

– Он мог всучить вам и свинью.

– Возможно, что и всучил.

– Это большая ошибка, старина, не в обиду вам будь сказано.

Эпторп подымял своей трубкой минут пять и заговорил снова:

– Конечно, в действительности это кожа белухи, понимаете?

– Нет, не понимаю. Не понимаю, почему вы называете их «дельфинами».

– Секрет фирмы, старина.

Эпторп несколько раз возвращался к этой теме и после их первого знакомства. Всякий раз, когда Гай проявлял признаки умудренности в других вопросах, Эпторп неизменно замечал:

– Странно, что вы не носите «дельфины». Я почему-то думал, что вы как раз такой человек, который должен бы носить их.

Однако обслуживавший их в казарменном городке алебардист-денщик – один на четырех стажирующихся офицеров – испытывал огромные трудности при чистке «дельфинов» Эпторпа. А если во время занятий на плацу Эпторпу изредка и делали замечания

относительно внешнего вида, то это было всего лишь по поводу недостаточного блеска его ботинок.

На почве сравнительного равенства в возрасте Гай и Эпторп стали товарищами в большинстве своих дел, а более молодые офицеры свое обращение к тому и другому начинали не иначе как со слова «дядюшка».

– Ну что ж, – сказал Эпторп, – нам, пожалуй, лучше поторопиться.

Перерыв на второй завтрак длился столько, что терять время попусту было нельзя. Теоретически на второй завтрак отводилось полтора часа, однако в связи с тем, что на строевые занятия все ходили в предназначенной для рядовых рабочей форме из хлопчатобумажной саржи (полевой формы еще не выдали), им приходилось переодеваться, и только после этого они могли появиться в столовой. Сегодня старшина Корк, во искупление утреннего опоздания Триммера на занятия, задержал их на пять минут после сигнала на второй завтрак.

Триммер был единственным в группе, кто решительно не внушал Гаю никаких симпатий. При этом он вовсе не был одним из самых молодых. В его больших, близко посаженных глазах с длинными ресницами светился ум. Под фуражкой скрывались густые золотистые волосы, спадавшие на лоб всякий раз, когда он снимал ее. Триммер говорил со слегка припаянным акцентом кокни, а когда радиоприемник в бильярдной транслировал джазовую музыку, он начинал шаркать по комнате, приподнимая руки в каком-то замысловатом танце. О том, кем он был до военной службы, никто ничего не знал; вероятно, профессиональным актером, предположил Гай. Триммер был далеко не глупый человек, но его таланты никоим образом не были предназначены для солдатской службы. Корпоративное самопочитание алебардистов не производило на Триммера никакого впечатления; в равной мере не привлекали его и торжественная обстановка и комфорт их столовой. Как только кончались занятия, Триммер мгновенно исчезал, иногда один, иногда вместе со слабым подобием себе – своим единственным другом по имени Сарам-Смит. Если об Эпторпе можно было уверенно сказать,

что он будет в ближайшее время повышен, то Триммеру с не меньшей уверенностью можно было предсказать, что его ждет позорное понижение. В это утро он появился точно в предписанное приказами время. Все остальные ждали в течение пяти минут, и старшина Корк вызвал писаря, который отмечает неявившихся на занятие, как раз в тот момент, когда пришел Триммер. Поэтому сегодня их отпустили на второй завтрак в двенадцать тридцать пять.

Затем они побежали в свои комнаты, бросили винтовки и снаряжение на койки и переоделись в повседневную форму. В полной форме, включая тросточки и перчатки, которые должны быть застегнуты до выхода из комнаты (любой младший офицер, если он замечен застегивающим перчатки на ступеньках, подлежит возвращению в комнату), в строю по два, они следовали в офицерское собрание. Так происходило ежедневно. Через каждые десять ярдов или они приветствовали кого-нибудь, или кто-нибудь приветствовал их. (На приветствие в казарменном городке алебардистов полагалось отвечать так же четко, как оно отдавалось. Старшему в паре предписывалось при этом подсчитывать: «Вверх! Раз, два, три. Вниз!») В вестибюле они снимали фуражки и офицерский поясной ремень.

Теоретически, как им сказали в приветственной речи в день их прибытия в казарменный городок, в офицерской столовой не должно быть никакого чинопочитания, «за исключением, джентльмены, естественного уважения младшими старших по возрасту». Гай и Эпторп были старше, чем большинство кадровых капитанов, и к ним фактически во многих случаях относились как к старшим. Итак, в час с несколькими минутами тот и другой вошли в офицерскую столовую.

Гай положил себе пирог с мясом и почками и направился со своей тарелкой к ближайшему свободному месту за столом. К нему тотчас же подошел дежурный солдат с салатом и поджаренным картофелем. Виночерпий поставил перед ним серебряный кубок с пивом. Ели почти все молча. Разговоры на служебные темы запрещались, а из других мало что приходило в голову. Со стен, из позолоченных рам, уныло смотрели друг на друга прославившиеся за два прошедших столетия алебардийские полководцы.

Гай поступил в алебардийский корпус в состоянии полного смятения и нерешительности, порожденном одновременно

охватившими его чувствами страха и радости. О военной жизни Гай не имел почти никакого представления, за исключением разве нескольких услышанных им рассказов об унижении, которому подвергаются офицеры-новички, о том, как некоторые младшие офицеры предавались военному суду, и о пышных обрядах посвящения. Однако в радушном приеме, который алебардисты оказали ему и его товарищам, не было ничего похожего на то, что он слышал. Гаю даже казалось, что в течение последних недель он переживал нечто такое, чего был лишен в годы отрочества, – счастливую юность.

В столовую после третьей рюмочки желтовато-зеленого джина бодро вошел и остановился около Гая и Эпторпа начальник штаба капитан Бозанке.

– Сегодня на плацу, наверное, было очень холодно, – сказал он.

– Да, довольно холодно, сэр.

– Передайте вашим друзьям, чтобы после обеда они надели шинели.

– Хорошо, сэр.

– Спасибо, сэр.

– Эй вы, дураки, – обратился к ним позднее сидевший рядом выпускник Кембриджа Франк де Сауза, – это же значит, что нам придется заново подгонять все снаряжение.

Таким образом, ни на кофе, ни на то, чтобы покурить, времени уже не оставалось. В половине второго Гай и Эпторп надели поясные ремни, застегнули перчатки, посмотрелись в зеркало, чтобы проверить, прямо ли сидит фуражка, сунули тросточки под мышку и, идя в ногу друг с другом, поспешили к себе в комнату.

– Вверх! Раз, два, три. Вниз! – ответили они проходившей мимо и поприветствовавшей их команде, получившей наряд на хозяйственные работы.

Подойдя к своей казарме, с быстрого шага они перешли на бег. Гай переоделся и начал торопливо подгонять свое снаряжение из тканого ремня. Под ногти набилась мазь для чистки ремней. (Обычно это время дня Гай всю свою жизнь после школьных лет проводил в мягком кресле.) В форме для строевых занятий разрешалось ходить ускоренным шагом. Гай прибыл к кромке плаца, имея в запасе всего полминуты.

Внешний вид Триммера был ужасен. Вместо того чтобы застегнуть шинель на все пуговицы и на крючок у горла, он оставил ворот открытым. Кроме того, он перепутал все свое снаряжение, надел его так, что один боковой ремень оказался на спине, а другой спереди, и это придало ему смешной и уродливый вид.

– Мистер Триммер, выйдите из строя, сэр. Идите в вашу казарму и через пять минут будьте здесь одетым но форме. *Отставить!* Шаг назад из задней шеренги, мистер Триммер. *Отставить!* По команде «Выйти из строя» вы делаете шаг назад левой ногой, затем поворачиваетесь кругом и идете ускоренным шагом. *Отставить!* Вместе с шагом левой ногой правая рука должна быть согнута в локте и приподнята до уровня поясного ремня. Прodelайте все это снова и правильно. Выйти из строя! И чтобы я не видел ни единой улыбки, мистер Сарам-Смит. В вашей группе нет ни одного офицера, который был бы достаточно подготовлен, чтобы позволить себе смеяться над другим офицером. Любой, кого я замечу смеющимся над другим офицером во время строевых занятий, будет отправлен к начальнику штаба. Вот так. Вольно! Пока мы ожидаем возвращения мистера Триммера, давайте вспомним некоторые моменты из истории корпуса алебардистов. Королевский корпус алебардистов был сформирован графом Эссексом для службы в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге в царствование королевы Елизаветы. Позднее это подразделение называли почетной ротой свободных алебардистов графа Эссекса. Как еще называли алебардистов, мистер Краучбек?

– «Медные каблуки» и «яблочники», старшина.

– Правильно. Почему «яблочники», мистер Сарам-Смит?

– Потому что после сражения у Мальплаке подразделение алебардистов под командованием старшины Бриана расположилось на отдых в яблоневом саду, где на них неожиданно напали французские мародеры, которых алебардисты отогнали, забросав яблоками, старшина.

– Очень хорошо, мистер Сарам-Смит. Мистер Ленард, какую роль сыграли алебардисты в первой войне с Ашапти в Западной Африке?

Возвратился Триммер.

– Хорошо. Теперь мы можем начать занятие. Сегодня мы пойдем на кухню, где алебардист старшина Гроджин покажет вам, как

различать мясо. Каждый офицер должен знать, как это делать. Многие гражданские поставщики часто пытаются надуть военных и всучить им плохие продукты, поэтому здоровье подчиненных зависит от внимания и способности офицера разоблачить мошенничество. Понятно? Теперь та-ак, мистер Сарам-Смит, вы командуете этой группой. По команде «Выполняйте» вы делаете шаг вперед и поворачиваетесь кругом, лицом к вашим товарищам. Выполняйте! Теперь это ваша группа. Меня здесь нет. Я хочу, чтобы вы, без винтовок, но как подобает солдатам, прошли на кухню. Если вы не знаете, где она, то приножайтесь, сэр. Сначала повторите для освежения в памяти, как выполняется прием составления винтовок в козлы, а потом дадите исполнительную команду.

Прием составления винтовок в козлы был самым трудным разделом курса боевой подготовки, пройденного ими до настоящего дня. Сарам-Смит изложил порядок весьма неуверенно. Вызванный из строя Гай также потерпел фиаско. Де Сауза излагал уверенно, но многое перепутал. Наконец вызвали всегда и ко всему готового Эпторпа. Хотя и с напряженным выражением лица, он все же изложил прием верно:

– Нечетные номера первой шеренги берут левой рукой винтовки четных номеров второй шеренги за ствол, скрещивают их у дульного среза и разворачивают магазинными коробками наружу. Одновременно, действуя указательными и большими пальцами обеих рук, поднимают верхние антабки...

После этого группа направилась на кухню. Всю остальную часть второй половины дня они осматривали очень жаркие помещения кухни и очень холодные складские помещения, где хранилось мясо. Им показали огромные фиолетовые и желтые мясные туши и рассказали, как по количеству ребер отличить кошку от кролика.

В четыре часа их распустили. В офицерской столовой к этому времени приготавливали чай – для тех, впрочем, кто считал, что этот напиток стоит того, чтобы из-за него еще раз переодеться. Большинство же заваливались на свои койки и отдыхали до начала занятий по физической подготовке.

В комнату Гая вошел Сарам-Смит.

– Я хотел спросить, «дядюшка», вам денежное содержание уже выплачивали или нет еще?

- Ни одного пенса.
- А нельзя ли предпринять что-нибудь в связи с этим?
- Я говорил об этом с заместителем командира. Он сказал, что на это всегда требуется некоторое время. Тут все дело просто в том, что надо подождать.
- Это хорошо тем, кто может ждать. Некоторые фирмы выплачивают поступающим в армию оклад, и поэтому они ничего не теряют. Там же, где работал я, не выплачивают. У вас с деньгами все в порядке, «дядюшка», правда?
- Гм, пока еще я не обанкротился.
- Хотел бы и я быть в таком положении. Для меня все так нескладно получилось. Вы представляли себе, когда поступали, что с нас будут брать деньги за питание?
- Да, но мы, собственно, платим не за питание, а только за прибавку к пайку. Причем прибавка обходится довольно дешево.
- Все это очень мило, конечно, но, по-моему, уж что-что, а кормить нас в военное время – это прямая обязанность начальства. Этот первый счет за столовую свалился мне на голову как снег в летний день. На что же, по их мнению, мы должны жить? У меня в кармане ни пенса.
- Понятно, – сказал Гай без энтузиазма и совершенно не удивившись, ибо в течение последних недель с подобными словами к нему обращались и многие другие, а Сарам-Смит вовсе не был таким человеком, к которому он, Гай, питал бы особые симпатии. – Насколько я понимаю, тебе нужно займы.
- Вот здорово, «дядюшка», вы просто читаете мои мысли! Я с удовольствием занял бы пятерочку, если вы можете одолжить. Не долее чем до нашей первой получки.
- Только никому не болтай об этом.
- Нет, конечно, нет! Надо сказать, что у нас многие находятся в несколько затруднительном положении. Я пытался сначала попросить у «дядюшки» Эпторпа. Он посоветовал обратиться к вам.
- Весьма разумно с его стороны.
- Конечно, если *вас* это затрудняет...
- Ничего, ничего. Однако я вовсе не желаю превратиться в кредитора для всего корпуса алебардистов.
- Я верну долг сразу же после получки...

Гаю уже были должны пятьдесят пять фунтов.

Время переодеваться во фланелевый костюм для физической подготовки настало очень быстро. Это было занятие, к которому Гай испытывал отвращение. Группа стажирующихся офицеров собралась в зале, освещенном дуговыми лампами. Два капрала гоняли по залу футбольный мяч. Один из них так наподдал по мячу ногой, что тот сильно ударился о стену чуть повыше голов офицеров.

– Это напость, – возмутился молодой парень по фамилии Ленард.

Мяч ударился еще раз, намного ближе к ним.

– По-моему, паренек делает это умышленно, – сказал Сарам-Смит.

– Эй вы, двое там! – неожиданно раздался громкий и властный голос Эпторпа. – Вы что, разве не видите, что здесь офицеры?! А ну-ка забирайте мяч и – вон отсюда!

Капралы бросили на них мрачный, недовольный взгляд, подобрали мяч и медленно вышли из зала с выражением полного презрения и безразличия. Закрыв за собой дверь, они громко расхохотались.

Зал для физических занятий представлялся Гаю в виде какого-то экстерриториального помещения, в виде посольства враждебного иноземного народа, которое никак не вписывалось в размеренную казарменную жизнь военного городка.

Преподавателем физической культуры был холеный молодой человек с напوماженными волосами, большим задом и неестественно блестящими глазами. Он демонстрировал свое мастерство, силу и ловкость с кошачьей грацией и довольно обидным для Гая самообладанием.

– Цель физической подготовки – расслабиться, – сказал он, – и нейтрализовать цепенящее влияние старомодных строевых занятий. Некоторые из вас значительно старше других. Не напрягайтесь. Не делайте больше того, на что вы чувствуете себя способными. Я хочу, чтобы вы занимались *с удовольствием*. Начнем с игры в мяч.

Эти игры оказывали удручающее влияние даже на молодых, Гай стоял в шеренге, ловил футбольный мяч, когда он катился к нему

между ног впереди стоящего, и посылал его дальше. По идее две шеренги должны были соревноваться.

– Давайте, давайте! – кричал преподаватель. – Они опережают вас! Я играю за вас! Не подводите меня!

За игрой следовали гимнастические упражнения.

– Выполняйте их плавно и грациозно, джентльмены, как будто вы вальсируете с вашей любимой девушкой. Очень хорошо, мистер Триммер. Очень ритмично. В старые времена подготовка солдата заключалась в том, что он длительное время стоял по стойке «смирно» и выполнял упражнение «ходьба на месте». Современная наука доказала, что ходьба на месте может вызвать сотрясение позвоночного столба. Именно поэтому в наше время всякая дневная работа заканчивается получасовой разминкой.

«Этот человек на войну не пойдет, – подумал Гай. – Он останется в своем ярко освещенном зале, будет тренировать свои мышцы, ходить на руках, прыгать, как резиновый мяч, пусть даже небеса разверзнутся».

– В Олдершоте занятия повышенного тина проводятся под музыку...

«Этому человеку, – продолжал размышлять Гай, – не нашлось бы места в почетной роте свободных алебардистов графа Эссекса. Он не стал бы ни „медным каблуком“, ни „яблочником“.

После физической подготовки еще одно переодевание, а затем лекция капитана Бозанке по военному праву. И лектор, и слушатели находились в одинаковом коматозном состоянии. Капитан Бозанке вполне довольствовался тишиной.

– ...Очень важно своевременно вносить все поправки в общеармейский устав, сразу же, как только они опубликуются, и строго придерживаться их в дальнейшем. Своевременно вносите поправки в свой экземпляр общеармейского устава, и тогда крупные ошибки будут исключены.

В шесть тридцать их подняли, распустили, и рабочий день наконец закончился. Капитан Бозанке попросил Гая и Эпторпа задержаться.

– Послушайте, – сказал он, – я наблюдал, как вы занимаетесь физической подготовкой. Как вы полагаете, она приносит вам какую-нибудь пользу?

– Я не сказал бы, – ответил Гай.

– По-моему, для таких, как вы, это просто нелепо. Если хотите, можете не посещать эти занятия. Только не болтайте в буфетной комнате. Сидите в своей комнате, а если кто-нибудь спросит – скажите, что зубрите военное право.

– Большое спасибо, сэр.

– Не исключено, что вам придется командовать ротой. Военное право пригодится куда скорее, чем физкультура.

– Если позволите, я хотел бы посещать занятия по физической подготовке, – сказал Эпторп. – Чувствую, что после строевых занятий мне обязательно надо хоть немного разминаться.

– Как вам угодно.

– Я привык к большим физическим нагрузкам, – сказал Эпторп Гаю, когда они пришли в свою комнату. – В том, что сержант Прингл сказал о сотрясении позвоночного столба, много правды. Боюсь, что с моим позвоночным столбом частично это уже произошло. В последние дни я чувствую себя не совсем в своей тарелке. Возможно, именно по этой причине. Я не хочу, чтобы обо мне могли подумать, что я чем-то хуже других. Вся беда, старина, в том, что моя жизнь была довольно трудной, и теперь это дает себя знать.

– Кстати, раз уж ты не хочешь быть хуже других, не посылал ли ты ко мне, случайно, Сарам-Смита?

– Правильно, посылал. Я не люблю ни давать, ни брать взаймы. Слишком много того и другого я испытал за свою жизнь.

На каждом этаже было по две ванны. В каждой комнате потрескивали угольки в камине. Об этом заботились призванные из запаса старые солдаты-алебардисты, которых мобилизовали для обслуживания казарм. Это были лучшие часы дня. Гай слышал, как молодые офицеры весело сбегали по лестнице и направлялись в местные кинотеатры, отели и танцевальные залы. Он принял теплую ванну и сладко подремывал перед камином в плетеном оксфордском кресле. Ни на какой вилле на Средиземноморском побережье он не чувствовал себя так хорошо.

Вскоре появился Эпторп и начал звать его в офицерское собрание. Парадная форма одежды для стажирующихся офицеров была необязательной. Ее приобрели себе только Эпторп и Гай, и это обстоятельство известным образом выделило их из числа других и

приблизило к кадровым офицерам, не потому, разумеется, что они смогли ассигновать на покупку формы двенадцать гиней, чего другие были не в состоянии позволить себе, а потому, что таким образом они внесли личный вклад в традиции корпуса алебардистов.

Когда оба «дядюшки» вошли в своей синей парадной форме в буфетную комнату офицерского собрания, они застали там только майора Тиккериджа и капитана Бозанке, сидящих перед камином.

– Входите, входите, – пригласил майор Тиккеридж, – присаживайтесь с нами. – Он хлопнул в ладошки. – Музыка и баядер! Четыре джина!

Гаю нравились майор Тиккеридж и капитан Бозанке. Ему нравился Эпторп. Ему нравилась написанная маслом картина над камином, на которой была изображена длинная, растянувшаяся до самого горизонта походная колонна алебардистов в пустыне. Он горячо и нежно полюбил весь корпус алебардистов.

Обед в этот день был официальным. Председатель столовой офицерского собрания ударил по столу молотком из слоновой кости, капеллан прочитал молитву. Молодые офицеры, привыкшие к более быстрым и менее обильным приемам пищи, считали всю эту процедуру угнетающей.

– Я бы назвал это излишней церемониальностью, – заметил Сарам-Смит. – Элементарный прием пищи они превращают прямо-таки в ритуальное действие.

Стол освещался массивными, многорожковыми серебряными канделябрами в форме пальм, поставленных на колени варваров, знаменовавших собой военную историю прошедшего столетия. В столовой в этот вечер собралось около двадцати офицеров. Многие молодые офицеры веселились в городе; офицеры постарше находились со своими женами на виллах по соседству. Пить вино за обедом не разрешалось, за исключением случаев, когда приглашались гости. Гай совершил ошибку во время своего первого обеда здесь, заказав сухого вина. Ему сделали шутовское замечание:

– Алло, дружище! Разве сегодня чей-нибудь день рождения?

– Сегодня ассоциация зрелищного обслуживания дает здесь небольшой концерт. Пойдем? – спросил Эпторп.

– А почему бы и не пойти?

– Я, откровенно говоря, намеревался внести некоторые поправки в общевойсковой устав.

– А я слышал, что писарь делает это всего за один фунт.

– По-моему, такие вещи лучше делать самому, – сказал Эпторп. – Тем не менее надо, пожалуй, сходить хоть разок. Возможно, там будет наш капитан-комендант. Я еще ни разу не разговаривал с ним.

– А о чем ты намереваешься говорить с ним?

– Да так, ни о чем особенном. Обо всем, что придет в голову.

– Ты же слышал, как начальник штаба сказал, что нас, возможно, назначат командирами рот, – заметил Гай через некоторое время.

– А тебе не кажется, старина, что это похоже скорее на болтовню, чем на правду?

Вскоре снова раздался удар молотка, капеллан прочитал молитву, и со стола все убрали. Гай никогда не переставал восхищаться ловкостью и проворством, с которыми снималась со стола скатерть. Капрал из обслуживающего персонала вставал у одного конца стола. Несколько солдат-официантов приподнимали над столом канделябры с горящими свечами. Затем едва уловимым, молниеносным движением рук капрал сдергивал длинную скатерть, и она, словно стремительный белый поток, послушно спадала к его ногам на пол.

После этого всем предложили портвейн и нюхательный табак. Обед закончился.

В казарменном городке алебардистов был свой гарнизонный театр. Когда Гай и Эпторп вошли в зал, почти все места были уже заняты. Первые два ряда предназначались для офицеров. В середине первого ряда сидел полковник, которого в соответствии со структурной организацией корпуса алебардистов величали капитан-комендантом; около него сидели его жена и дочь. Гай и Эпторп поискали взглядом свободные места и обнаружили таковые только рядом с полковником. Они постояли некоторое время в нерешительности. Гай уже хотел повернуть обратно, но Эпторп робко пошел вперед.

– Проходите, проходите, – подбодрил их полковник. – Или вы боитесь, что вас увидят сидящими рядом с нами? Познакомьтесь с моей супругой и дочерью.

Они заняли места бок о бок с высокопоставленными персонами.

– Вы уезжаете домой на уик-энд? – спросила дочь полковника.

– Нет. Видите ли, мой дом в Италии, – ответил Гай.

– В самом деле?! Вы артист или кто-нибудь в этом роде? Как интересно!

– А мой дом был в Бечуаналенде, – сказал Эпторп.

– О, вам, наверное, есть что рассказать, – оживился полковник. – Ну что ж, пожалуй, пора начинать.

Он дал знак кивком головы; загорелись огни рампы; полковник поднялся по ступенькам на сцену.

– Мы все с нетерпением ждем этого концерта, – сказал он. – Эти очаровательные леди и совершеннейшие джентльмены проделали большой путь в такой холодный вечер, чтобы занять наш досуг. Давайте окажем им самый радушный прием, на который только способны алебардисты.

Полковник под громкие аплодисменты возвратился на свое место.

– По-настоящему артистов должен был бы представлять капеллан, – сказал он Гаю. – Но иногда я даю этому человеку возможность отдохнуть от его обязанностей.

Из глубины сцены донеслись звуки рояля, и занавес медленно пополз вверх. Еще до того, как он полностью поднялся, капитан-комендант впал в глубокий, но не совсем беззвучный сон. На авансцене под эмблемой корпуса алебардистов расположилась небольшая концертная труппа в составе трех престарелых, сильно подкрашенных дам, бледного как мертвец и совершенно не подкрашенного пожилого мужчины и животного среднего рода и неопределенного возраста за роялем. Все они были одеты в костюмы пьеро и пьеретт. Раздался гром одобрительных аплодисментов. Представление началось бойкой песенкой. Головы в первом ряду одна за другой осели на стоячие воротники. Гай тоже не выдержал и задремал.

Он проснулся примерно через час, разбуженный мощным голосом, ударившим в уши с расстояния всего нескольких футов. Это был голос бледного мужчины. Казалось, в его хилое нордическое тело на какое-то время вселился дух необыкновенно сильного тенора с юга. Этот же голос разбудил и капитан-коменданта.

– О господи, не может быть, неужели уже «Боже, храни короля!»?

– Нет, сэръ, только еще «Да будет вечно Англия!».

Капитан-комендант сосредоточился и прислушался.

– Совершенно верно, – согласился он. – Никогда не могу определить вещь по мелодии, пока не услышу слова. У этого старика, кажется, есть голос, правда?

Это был последний номер программы. Когда он закончился, все встали по стойке «смирно» и артисты вместе с присоединившейся к ним аудиторией исполнили государственный гимн.

– В таких случаях мы всегда приглашаем артистов выпить бокал вина, – сказал полковник. – Вы можете собрать несколько молодых офицеров и оказать артистам эту честь. Я надеюсь, у вас больше опыта в обращении с артистическим миром, чем у нас. И еще, если в воскресенье вы никуда не уезжаете и ничем не заняты, милости просим к нам на завтрак.

– С большим удовольствием, сэр, – сказал Эпторп, хотя не было никакой уверенности в том, что приглашение полковника относится не только к Гаю, но и к нему.

– Вы тоже останетесь здесь? Да, да, конечно, приходите и вы. Мы будем очень рады.

Капитан-комендант не пошел с ними в офицерское собрание. Два кадровых офицера и три или четыре офицера из группы Гая выступали в роли хозяев, принимавших гостей. Пожилые леди, снявшие с себя всякий грим и причудливые костюмы, потеряли все свое театральное обаяние и теперь очень напоминали своим видом домашних хозяек, только что совершивших ежедневные покупки.

Гай оказался рядом с тенором, который был теперь без парика и на лысой голове которого торчало несколько клочков седых волос, что немного молодило его, но тем не менее оставляло очень пожилым. Его щеки и нос были усеяны прыщами, угрями и фиолетовыми прожилками, а глаза, окруженные множеством морщинок, слезились. Уже много недель Гай не видел лица больного человека.

– Вы все очень гостеприимны. Особенно вы, алебардисты. «Медные головы» всегда занимали в моем сердце особое место.

– «Медные каблуки», – поправил его Гай.

– Да, да, конечно, я хотел сказать «медные каблуки». Однажды, в прошлую войну, мы были на фронте рядом с алебардистами. Мы тогда быстро нашли общий язык с вашими ребятами. Я служил в группе

артистов, но не офицером. Пошел в армию рядовым и прослужил так всю войну.

– А я пробрался в алебардисты совсем недавно.

– О, вы так молоды!.. Нельзя ли еще чашечку этого замечательного кофе? Когда поешь, теряется так много энергии.

– У вас хороший голос.

– По-вашему, я пел хорошо? Никогда нет полной уверенности.

– О, сегодня вы пели замечательно.

– Конечно, мы далеко не первоклассная труппа.

– Нет, нет, успех был полнейший.

Они постояли молча. В группе офицеров, окруживших дам, раздался взрыв смеха. Там, по-видимому, все чувствовали себя свободно.

– Еще кофе?

– Нет, спасибо.

Молчание.

– Новости за последнее время, кажется, стали лучше, – сказал наконец тенор.

– Да?

– О, *намного* лучше.

– У нас времени на чтение газет почти не остается.

– Да, представляю себе. Я завидую вам. В газетах сплошная ложь, – уныло проговорил тенор. – Нельзя верить ни одному слову. Но новости хорошие. В самом деле – отличные новости. Они поднимают настроение, – продолжал он, всплывая на поверхность из глубин уныния. – Каждое утро сообщают что-нибудь ободряющее. Как раз то, в чем мы нуждаемся в такое время.

Вскоре прием закончился, и гости укатили в ночную тьму.

– Довольно интересная личность этот дядечка, с которым ты разговаривал, – сказал Эпторп.

– Да.

– Настоящий артист. По-моему, он пел когда-то в опере.

– Возможно.

– В «Гранд-опера».

Через десять минут Гай был в постели. Еще в детстве его приучили к ежевечернему самоанализу своей совести и искренним раскаяниям. С тех пор, как он поступил на военную службу, эта

религиозная процедура переплеталась с преподаваемыми в течение дня уроками. Он печально провалился в изложении приема составления винтовок в козлы: «...четные номера средней шеренги наклоняют ствол своей винтовки вперед и берут ее под правую руку магазинной коробкой вверх, ухватываясь одновременно за верхнюю антабку...» Он не совсем был уверен сейчас, что знает, у кого больше ребер – у кошки или у кролика. Ему хотелось бы, чтобы это он, а не Эпторп призвал к порядку дерзких капралов в зале для физических занятий. Он грубо поправил этого благопристойного меланхоличного старика, когда тот сказал «медные головы» вместо «медные каблуки». Соответствовало ли это тому истинно «алебардийскому радушию», которого от него ожидали? Много было оснований и для раскаяния, и для исправления.

К двенадцати часам в субботу казарменный городок буквально опустел, все уехали или ушли куда-нибудь. Гай, как обычно, остался. В том, что Гай никуда не выезжал, играли свою роль и горькие воспоминания, которых у него было больше, чем у других, и его скромное финансовое положение, и его парадная форма, и его равнодушие к спорту, и любые иные определявшие возрастом качества, которые в совокупности отличали его от более молодых офицеров. Однако главную роль в решении Гая оставаться в казарме сыграло элементарное желание отдохнуть и уединиться. Эпторп уехал играть в гольф с одним из кадровых офицеров: Гай довольствовался в день отдыха тем, что был свободным, носил весь день одну и ту же одежду, выкуривал сигару после завтрака, ходил в город, чтобы купить свои любимые еженедельные газеты – «Спектейтор», «Ньюстейтсмен» и «Тэблет», – и неторопливо читал их, сидя перед камином в своей комнате. За этим занятием и застал его возвратившийся поздно вечером Эпторп. На нем были фланелевые брюки и твидовый пиджак, отделанный кожей. Глаза Эпторпа потускнели, поплупели и посоловели. Эпторп был под мухой.

– Привет! Ты обедал?

– Нет. И не намеревался. Не обедать очень полезно для здоровья.

– Никогда не обедать, Эпторп?

– Ну что ты, старина, я же не это имел в виду. Конечно же, не никогда. Иногда. Желудку надо изредка предоставлять отдых. Иногда необходимо быть самому себе доктором. Первое правило здоровья – держи ноги сухими; второе – давай отдых желудку. А третье ты знаешь?

– Нет.

– Я тоже не знаю. Но ничего. Придерживайся этих двух правил и будешь здоровым. Знаешь, Краучбек, ты, по-моему, выглядишь неважно. Я начинаю беспокоиться за тебя. Ты знаешь Сандерса?

– Да.

– Я играл с ним в гольф.

– Ну и как, игра удалась?

– Это было ужасно! Сильный ветер и отвратительная видимость. Взяли восемь лунок и на этом закончили. У Сандерса есть брат в Касанге. Ты, наверное, думаешь, что это рядом с Макарикари.

– А разве нет?

– Около тысячи двухсот миль, вот тебе и рядом. Знаешь, старина, для человека, который странствовал столько, сколько странствовал ты, твои знания не больно-то велики. Тысяча двести проклятых миль зарослей, а ты говоришь – рядом! – Эпторп присел и с грустью посмотрел на Гая. – Но дело, собственно, не в этом, – продолжал он. – Что тут волноваться? Зачем ехать в Макарикари? Почему не остановиться в Касанге?

– В самом деле, почему?

– Потому, что Касанга – это отвратительнейшая дыра. Вот почему. Однако если тебе нравится это место, ради бога, живи там. Только уж, пожалуйста, не зови меня туда, вот и все, старина. Конечно, там брат Сандерса, это верно. Если этот брат такой же, как Сандерс, то он совсем не умеет играть в гольф, но я нисколько не сомневаюсь, что ты будешь весьма доволен его компанией в Касанге. Это совершеннейшая дыра. Не могу понять, что тебе нравится там.

– Почему бы тебе не лечь спать?

– Один, – ответил Эпторп, – вот почему. Всегда одно и то же, где бы ты ни был: в Макарикари, в Касанге... Везде. Тебе весело, когда ты пьешь с друзьями в клубе, ты чувствуешь себя прекрасно, а потом, когда все это кончается, ты ложишься спать снова один. Мне нужна женщина, вот что.

– Ты же знаешь, в нашем городке женщин нет.

– Для компании, понимаешь? Вез другого-то я вполне могу обойтись. Не подумай, что у меня что-нибудь не получалось в свое время. Надеюсь, что и впредь получится. Но я могу делать, а могу и не делать это. Я выше секса. Там, где нет женщин, хочешь не хочешь, а приходится быть выше секса, иначе он тебе покоя не даст. Но без компании я обойтись не могу.

– А я могу.

– Ты хочешь сказать, что мне пора уйти? Ну что ж, старина, я не такой толстокожий, как ты, может быть, думаешь. Я понимаю, когда мое присутствие нежелательно. Извини, что я навязывался тебе так долго. Приношу свои глубочайшие извинения.

– Отлично. Завтра увидимся.

Но Эпторп не уходил. Он сидел, уныло вытаращив глаза, как будто следил за шариком в рулетке, который скользил по номерам все медленнее и медленнее. О чем он заговорит еще? О женщинах? Об Африке? О здоровье? О гольфе? Эпторп заговорил о ботинках.

– Сегодня я был в ботинках на каучуке, о чем весьма сожалею, – сказал он печально. – Испортили мне всю игру. Никакого захвата.

– Не лучше ли тебе все-таки лечь спать?

Прошло не менее получаса, прежде чем Эпторп наконец поднялся со стула. Однако поднявшись, он тут же снова тяжело опустился вниз и сел, теперь уже на пол, по-видимому, совершенно не замечая перемены в своем положении и продолжая изрекать бессмыслицу. Наконец сознание его неожиданно прояснилось, и он сказал:

– Послушай, старина, я чрезвычайно доволен нашим разговором. Надеюсь, как-нибудь на днях мы продолжим его, а сейчас меня клонит ко сну. Если не возражаешь, я буду спать, ладно?

Эпторп завалился на бок и умолк. Гай лег в кровать, выключил свет и вскоре тоже заснул, убаюканный шумным ритмичным дыханием Эпторпа. Ночью Гая разбудили громкие охи, проклятья и грохот отталкиваемых стульев. Он включил свет. Эпторп, часто моргая, стоял посреди комнаты.

– Доброе утро, Краучбек, – сказал он с чувством собственного достоинства. – Я пробираюсь в сортир. Никак не найду дорогу в темноте. Спокойной ночи.

Шатаясь, он вышел из комнаты, не прикрыв за собой дверь.

Утром денщик, разбудив Гая, доложил:

– Мистер Эпторп заболел. Он просил вас зайти к нему, когда вы встанете.

Гай обнаружил друга лежащим в постели, с блестящей металлической медицинской коробочкой на коленях.

– Мне сегодня что-то нездоровится, – сообщил Эпторп. – Какое-то неважное состояние. Надо будет полежать.

– Тебе помочь чем-нибудь?

– Нет, нет. Просто заболел живот. У меня это бывает временами, особенно после Бечуаналенда. «Бочуанский живот». Я знаю, как лечить его. – Он размешивал стеклянной палочкой белесоватую жидкость. – Вот только как быть с тем, что я обещал капитан-

коменданту пожаловать к нему на завтрак? Надо каким-то образом уведомить его.

– А почему бы не послать ему самую обыкновенную записку?

– Я как раз это и имею в виду, старина. На военной службе это всегда называется «уведомить», понимаешь?

– А ты помнишь вчерашний разговор *со мной*?

– Конечно, помню. Что за странный вопрос, старина?! Я не очень-то разговорчив, как тебе хорошо известно, но иногда люблю поболтать с достойным собеседником. Но сегодня я неважно себя чувствую. На площадке для гольфа было ужасно холодно и сыро, а я, когда простужусь, всегда страдаю от этого проклятого «бечуанского живота». Послушай, старина, не достанешь ли ты мне бумагу и конверт? Лучше сообщить капитан-коменданту заблаговременно. – Он выпил лекарство. – Будь добр поставить это куда-нибудь так, чтобы я мог дотянуться.

Гай взял медицинскую коробочку, в которой при ближайшем рассмотрении оказались только пузырьки с наклейкой «яд», поставил ее на стол и принес Эпторпу бумагу.

– Как ты думаешь, если начать со слов: «Сэр, я имею честь...»?

– Нет.

– Просто: «Дорогой полковник Грин»?

– Или: «Дорогая миссис Грин».

– Вот так, пожалуй, правильно. Такое начало будет самым подходящим. Молодец, старина. Конечно же, надо начать со слов: «Дорогая миссис Грин».

Одной из характерных традиций алебардистов было устойчивое религиозное содружество. Католицизм и сектантство в регулярной армии были почти неизвестны. Остающиеся на сверхсрочную службу готовились к конфирмации капелланами в ходе первоначального обучения. Приходская церковь в городе являлась и полковой церковью. На воскресные заутрени для алебардистов резервировалась вся задняя часть нефа, и они маршировали из казармы в церковь под звуки своего оркестра. После церковной службы гарнизонные леди – сиречь жены, вдовы и дочери, которых в городе было хоть отбавляй, газоны которых подстригались алебардистами и добротные куски говядины для

которых незаконно поставлялись из казарменных складов, – сходились с молитвенниками в руках в офицерское собрание для часового отдыха и сплетен. Нигде во всей Англии воскресные дни не были так полно и так откровенно похожи на воскресные дни викторианской эпохи, как в военном городке алебардистов.

Как единственному офицеру-католику, Гаю поручили шефство над всеми другими католиками. Их было двенадцать человек, все военнообязанные ополченцы. Он осматривал их на плацу и строем отводил к мессе в небольшую церквушку на окраинной улице. Священник – недавний выпускник католической семинарии в Мэйнуте – не проявлял никакого энтузиазма ни к делу союзников, ни к английской армии, которую он рассматривал всего лишь как причину и источник безнравственности в городе.

После мессы, пока солдаты ожидали на улице построения для обратного марша, священник остановил Гая у ворот.

– Не хотите ли, капитан, вернуться в церковь и подбодриться немного? Добрая душа подарила мне бутылку виски, надо бы открыть ее.

– Нет, спасибо, отец Уэлан. Мне нужно отвести солдат в казармы.

– Что же это, интересно, за армия, в которой десять взрослых парней не могут пройти и полумили самостоятельно?

– Сожалею, но таков приказ, отец мой.

– И еще одно маленькое дельце, капитан, – список людей. Их светлость хотел бы иметь список всех посещающих церковь католиков. Я, кажется, уже говорил вам об этом в прошлое воскресенье.

– Очень хорошо, что вы проявляете такую заботу о нас. Помоему, поскольку у нас нет католического капеллана, вам нужно получить милостивое согласие военного министерства. Так ведь, отец Уэлан?

– Хорошо, капитан. Но разве у меня самого нет законного права?

– Я не капитан, отец мой. Напишите-ка вы лучше об этом начальнику штаба.

– А как мне различать ваших офицеров, если я не военный и совсем не разбираюсь в этом?

– Просто напишите: «Начальнику штаба. Королевский корпус алебардистов». Письмо дойдет, будьте уверены.

– Ну ладно. Раз вы не можете, значит, не можете, как я понимаю. Бог с вами, капитан, – сказал священник раздраженно и повернулся к ожидавшей его, но не замеченной им ранее женщине. – Ну, дорогая, какие заботы тебя одолевают?

На обратном пути они прошли мимо приходской церкви – величественной и вычурной башни, возвышающейся над припавшей к земле старинной постройкой из кремневой гальки и серого камня, с низкими орнаментальными арками и небольшими выступами. Церковь находилась на заботливо ухоженном кладбище позади многолетних тисовых деревьев. Внутри церкви с подбалочников свешивались похожие на паутину знамена алебардийского корпуса. Гай хорошо знал их. Он часто останавливался здесь по субботам, когда ходил в город за еженедельными газетами. Из-под таких же сводов когда-то отправился в свое незавершенное странствование Роджер де Уэйброук, надев на свою мадам пояс целомудрия.

Когда Гай возвратился в офицерское собрание, женская половина алебардистов, имевшая несравненно большую, чем леди Уэйброук, свободу передвижения, заняла почти весь холл для гостей. Гай был теперь знаком с большинством дам и в течение получаса помогал заказывать херес, подавал пепельницы и подносил огонь для сигарет. Один стажирующийся офицер из его группы, атлетически сложенный молодой человек по фамилии Ленард, пришел в это утро со своей женой. По внешнему виду женщины можно было безошибочно сказать, что она ожидала ребенка. Гай знал Ленарда совсем мало, ибо тот ночевал в городе и там же проводил все вечера, но, по мнению Гая, Ленард весьма подходил для службы в корпусе алебардистов. Эпторп выглядел как и всякий опытный солдат, но Ленард, казалось, был специально создан для этого рода войск. В мирное время он работал в страховой конторе и каждую зимнюю субботу, положив в свой старый кожаный саквояж спортивное облачение, ездил во второй половине дня на отдаленные футбольные поля, где играл за свой клуб полузащитником.

В своей первой приветственной речи капитан-комендант намекнул, что после войны некоторым из стажирующихся офицеров, возможно, присвоят постоянный воинский чин. Гай представлял себе Ленарда через двенадцать лет таким же волосатым, любезным и

разговорчивым, как майор Тиккеридж. Но такое представление он имел лишь до того момента, как познакомился с женой Ленарда.

Чета Ленардов сидела с Сарам-Смитом, обсуждая денежные проблемы.

– Я просто вынужден сейчас быть здесь, – поведал им Сарам-Смит. – Прошлый уик-энд я отправился в город, и это стоило мне больше пятерки. Когда я работал, то тратил такую сумму, не задумываясь. А теперь, в армии, приходится считать каждый пенс.

– А это правда, мистер Краучбек, что после рождества вас всех переведут куда-то? – спросила миссис Ленард.

– Думаю, что правда.

– Куда же это годится? Не успеешь обосноваться на одном месте, как уже нужно переезжать куда-то еще. Я не вижу в этом никакого смысла.

– Чего уж от меня не дождутся, – продолжал Сарам-Смит, – так это того, чтобы я купил планшет. Или этот проклятый устав...

– Говорят, что мы должны будем платить за полевую форму одежды, когда нам выдадут ее. По-моему, это уж чересчур, – сказал Ленард.

– Быть офицером совсем невыгодно, – гнул свое Сарам-Смит. – Тебя то и дело заставляют покупать вещи, совершенно тебе не нужные. Военное министерство так усердно заботится о рядовых чинах, что у него совсем не остается времени для бедных офицеров. Во вчерашний счет за обед мне вписали три шиллинга под графой «концерт». Я спросил, за что должен платить эти деньги, и мне ответили, что это моя доля в оплате угощения артистов из ассоциации зрелищного обслуживания. А между тем я ни на концерте, ни тем более на угощении не был.

– Конечно. Вы этих артистов не звали сюда и вовсе не намеревались угощать их, правда ведь? – спросил Ленард.

– Разумеется. Мне этот концерт совершенно ни к чему, – ответил Сарам-Смит. – К тому же половина угощения наверняка попала в рот кадровых офицеров.

– Тише! – предостерег его Ленард. – Один из них идет к нам.

К ним подошел капитан Сандерс.

– Миссис Ленард, – обратился он к жене Ленарда, – надеюсь, вам известно, что капитан-комендант приглашает вас с супругом на

завтрак сегодня?

– Да, мы получили приглашение, – ответила миссис Ленард с кислой миной.

– Чудесно. Мне надо найти еще одного человека. Эпторп не сможет прийти. Вы уже приглашены, Краучбек, правда? А как вы, Сарам-Смит? Уверяю, вы останетесь довольны.

– Это приказ?

– Конечно же нет. Это всего-навсего приглашение, но... *от капитан-коменданта.*

– О, тогда конечно.

– Мне так и не удалось повидаться с «дядюшкой» Эпторпом сегодня утром, – обратился Сандерс к Гаю. – Как он чувствует себя?

– Ужасно.

– Вчера он, кажется, выпил лишнего. Попал в гольф-клубе в веселую компанию.

– Утром у него был «бечуанский живот». Расстройство желудка.

– Да? Это какое-то новое название.

– Интересно, а как он назвал бы *мой* животик? – заметила миссис Ленард.

Сарам-Смит громко засмеялся. Капитан Сандерс покинул их и перешел к другой группе офицеров.

– Дейзи, ради бога, веди себя прилично, – взмолился Ленард. – Я рад, что и вы идете на завтрак, «дядюшка». Нам придется осаживать Дейзи, она сегодня в дурном расположении.

– Скажу только, что мне очень хотелось бы, чтобы *Джим сам* допустил какую-нибудь оплошность. Он играет здесь в солдатики всю неделю, и я почти не вижу его. Уж по воскресным-то дням его могли бы и отпускать. В любом порядочном заведении воскресный день – это день отдыха.

– Наш капитан-комендант, кажется, очень хороший человек.

– Возможно, и хороший, вам лучше знать. Моя тетка Марджи тоже хорошая. Однако не думаю, что ваш капитан-комендант согласится провести с ней хоть один выходной день.

– Не обращайтесь внимания на Дейзи, – сказал Ленард. – Просто она всегда с нетерпением ждет воскресные дни, поскольку не любит бывать в обществе и встречаться с людьми, особенно теперь, в таком положении.

– По-моему, алебардисты слишком высокого мнения о себе, – сказала миссис Ленард. – В авиации положение иное. Мой брат, подполковник авиации, ведает продовольственным обеспечением. Он говорит, что выполняет обычную работу и что его обязанности даже проще многих других. Вы же не можете забыть, что вы алебардисты, даже в воскресенье. Посмотрите вокруг, и вы убедитесь в этом.

Сарам-Смит бросил взгляд на офицеров и их дам. У большинства на коленях лежали молитвенники и перчатки, в руках были сигареты и бокалы с хересом; отовсюду доносились звонкие и веселые голоса.

– Стоимость выпитого здесь хереса, надо полагать, тоже будет включена в счет за питание, – пробормотал Сарам-Смит. – А сколько, по-вашему, капитан-комендант начислит нам за завтрак?

– Тише, тише! – во второй раз предостерег его Ленард.

– Я хотела бы, чтобы Джим попал в авиацию, – сказала миссис Ленард. – Уверена, что этого можно было бы добиться. В авиации вы всегда на одном месте. Там вы обосновываетесь на какой-нибудь базе и заняты лишь в определенные часы, как будто ходите на работу. Да и люди вокруг хорошие. Разумеется, я не позволила бы Джиму летать. Там ведь очень много такой работы, как у моего брата.

– В военное время быть в аэродромном персонале, конечно, хорошо, – согласился Сарам-Смит. – Но после войны – совсем другое дело. Надо думать и о мирном времени. В бизнесе мирного времени у алебардистов намного больше шансов на успех, чем у аэродромного персонала.

Без пяти час миссис и мисс Грин – жена и дочь капитан-коменданта – поднялись со своих мест и позвали гостей.

– Опаздывать нельзя, – сказала миссис Грин. – На завтраке будет Бен Ритчи-Хук. Он ужасно сердится, когда его вынуждают ждать трапезы.

– По-моему, он ужасен всегда, – заметила мисс Грин.

– Ты не должна так говорить о будущем бригадире алебардистов.

– Это тот человек, о котором ты мне рассказывал? – спросила миссис Ленард, которая выражала свое неодобрение к приглашению тем, что разговаривала только с мужем. – Человек, который сносит людям головы?

– Да. Он всегда кажется сердитым.

– Мы все очень любим его, – сказала миссис Грин.

– Я слышал о нем, – сказал Сарам-Смит таким тоном, как будто быть известным ему означает кроме прочего и что-то дурное, то же, например, что быть известным полиции.

Гай тоже слышал о Ритчи-Хуке довольно часто. Это был знаменитый *enfant terrible*^[12] первой мировой войны; самый молодой командир роты в истории корпуса алебардистов, наиболее медленно продвигавшийся по иерархической лестнице; имеющий много ранений, много наград, представленный к награждению крестом Виктории; дважды судимый военным трибуналом за неподчинение приказам в боевой обстановке; дважды признанный невиновным вследствие замечательных успехов, достигнутых им в ходе самостоятельных действий; мастерски владеющий шанцевым инструментом; если подчиненные приносили в качестве трофеев каски, то Ритчи-Хук однажды возвратился из рейда по ничейной территории, держа в каждой руке по истекающей кровью голове немецких часовых. Мирные годы были для него годами непрекращающихся конфликтов. В каком бы месте, от графства Корк до Мато-Гроссо, ни появлялись кровь и пороховой дым, там неизменно оказывался и Ритчи-Хук; Последнее время он колесил по Палестине и бросал ручные гранаты во дворы домов инакомыслящих арабов. Это лишь небольшая доля того, что Гай слышал о Ритчи-Хуке в офицерском собрании.

Капитан-комендант жил в добротном каменном доме, построенном на окраине казарменного военного городка. Подходя к дому, миссис Грин спросила:

– Из вас кто-нибудь курит трубку?

– Нет.

– Нет.

– Нет.

– Жаль. Вен предпочитает людей, курящих трубку. А сигареты?

– Да.

– Да.

– Да.

– Это плохо. Он предпочитает, чтобы люди совсем не курили, раз не курят трубку. Мой муж в присутствии Вена всегда курит только трубку. Он, конечно, старше по чину, но в отношениях с Беном это в счет не идет. Мой муж побаивается Бена.

– Папа всегда приходит в замешательство в присутствии Ритчи-Хука, – сказала мисс Грин. – На него прямо-таки смотреть жалко.

Ленард громко засмеялся.

– Я не вижу в этом ничего смешного, – сказала миссис Ленард. – Я буду курить, если захочу.

Однако никто другой из приглашенных не присоединился к бунтарскому высказыванию миссис Ленард. Три стажирующихся алебардиста посторонились, чтобы дать возможность дамам пройти первыми, и, охваченные дурным предчувствием, последовали за ними через калитку палисадника. И действительно, отделенный всего лишь зеркальным стеклом окна гостиной, перед ними тотчас же предстал подполковник Ритчи-Хук, который в ближайшее время должен был стать бригадиром; он свирепо смотрел на них своим единственным, внушающим ужас глазом. Глаз был такой же черный, как и бровь над ним, как и повязка, закрывавшая место второго глаза на другой стороне свернутого набок костлявого носа. Ритчи-Хук смотрел этим глазом через монокль в стальном ободке. Он осклабился во весь рот дамам, бросил нарочито внимательный взгляд на свои огромные часы на руке и пробормотал что-то тихо, но явно с иронией.

– О, дорогой, – негромко молвила миссис Грин, – мы, должно быть, опоздали.

Они вошли в гостиную; полковник Грин, буквально трепетавший до этого от страха, взял небольшой серебряный поднос и, глупо улыбаясь, предложил бокалы с коктейлем. Подполковник Ритчи-Хук, скорее как сторожевой пес, чем как человек, узурпировавший права хозяина, широко шагнул им навстречу. Миссис Грин попыталась выполнить обычную функцию и представить гостей, но Ритчи-Хук бесцеремонно перебил ее:

– Фамилии еще раз, пожалуйста. Произносите их четко. Ленард, Сарам, Смит, Краучбек? Но я вижу только троих. Где же Краучбек? А, понимаю, понимаю. А кому принадлежит мадам? – Он метнул свой свирепый взгляд на миссис Ленард.

– Не я принадлежу, а *мне* принадлежит вон тот, – развязно ответила миссис Ленард, кивнув в сторону мужа.

Все получилось намного проще и лучше, чем предполагал Гай. Только Ленард, казалось, чувствовал себя несколько раздраженным.

– Отлично! – сказал Ритчи-Хук. – Очень хорошо!

– Он любит, когда с ним разговаривают так, – заметила миссис Грин, а полковник Грин восторженно вытаращил глаза.

– Джин для этой леди! – крикнул подполковник Ритчи-Хук. Он вытянул искалеченную правую руку в черной перчатке, на которой уцелели только средний, указательный и половина большого пальца, схватил бокал и преподнес его миссис Ленард. Но веселое настроение быстро улетучилось, и бокал для себя Ритчи-Хук уже не взял. – Очень хороший напиток, если вам не нужно быть на ногах после завтрака, – добавил он.

– Что ж, мне не нужно, – сказала миссис Ленард. – По воскресным дням я обычно отдыхаю.

– На передовой не существует никаких воскресных дней, – возразил подполковник Ритчи-Хук. – С этой привычкой соблюдать уик-энды можно проиграть войну.

– Вы бьете тревогу и наводите уныние, Бен.

– Извини, Джеф... Этот полковник всегда был самым башковитым человеком, – добавил Ритчи-Хук, как бы объясняя смиренное согласие с критикой Грина. – Он был начальником оперативно-разведывательной части штаба бригады, когда я командовал всего только взводом. Потому-то он и живет в этом прелестном особняке, в то время как я прозябаю в палатках. Вы когда-нибудь жили в палатке? – неожиданно спросил он Гая.

– Да, сэр, непродолжительное время. Я жил в Кении и несколько раз путешествовал по отдаленной дикой местности.

– Это очень хорошо. Джин для старого колониста! – Он снова протянул черную культяпку, схватил еще один бокал с коктейлем и всунул его в руку Гая. – А охотиться вам приходилось?

– Однажды я убил старого льва, который забрел на ферму.

– А как ваша фамилия? Краучбек? Я знал одного молодого офицера из Африки. Но у него, кажется, была другая фамилия. Вот увидите, ваш африканский опыт пригодится вам больше, чем сотня штыков. В моих списках есть один никудышный парень, проживший половину своей жизни в Италии. Я и пенса не дам за его опыт.

Мисс Грин подмигнула Гаю, но промолчала.

– Я тоже повеселился в Африке, – продолжал Ритчи-Хук. – После одного очередного несогласия с начальством меня откомандировали в пехоту в Африке. Хорошие ребята, если держать их в ежовых

рукавицах, но чертовски боятся носорогов. Один из наших лагерей был разбит около озера, и вы знаете, каждый божий вечер через плац для строевых занятий этого лагеря на водопой к озеру повадился ходить носорог. Чертовская наглость! Я хотел пристрелить его, но командир понес какую-то чепуху насчет того, что необходимо иметь разрешение на отстрел дичи. Это был необыкновенный консерватор и весьма щепетильный офицер, который имел не менее десятка рубашек, – пояснил Ритчи-Хук, как бы давая точное определение типу человека, повсеместно признаваемому отвратительным. – Так вот, на следующий день я установил на месте водопоя несколько ракет с взрывателями и взорвал их прямо перед носом этого наглого зверя. Я никогда не видел, чтобы какой-нибудь носорог бежал быстрее, чем этот! Прямоком через лагерь! Наскочил на какого-то чернокожего и ударил его прямо в живот. Какой раздался вопль, если бы вы слышали! После этого меня уже ничто не могло удержать от выстрела в него. Конечно, не в тот момент, когда он вонзился своим носом в сержанта.

– Что-то наподобие «бечуанского живота», – заметила миссис Ленард.

– А? Что такое? – отозвался подполковник Ритчи-Хук, недовольный на этот раз развязностью миссис Ленард.

– А где это происходило, Бен? – вмешалась миссис Грин.

– Сомали. На границе с Огаденем.

– А я и не знал, что в Сомали водятся носороги, – сказал полковник Грин.

– Теперь их там на одного меньше.

– А как же сержант?

– О, через неделю он уже ходил на строевые занятия.

– Не все из того, что говорит подполковник Ритчи-Хук, следует принимать всерьез, – сказала миссис Грин, обращаясь к Гаю.

Они прошли в комнату, где был накрыт стол для завтрака. У стола стояли два алебардиста. Миссис Грин подошла к столу первой. Ритчи-Хук схватил искалеченной рукой в перчатке вилку, пронзил ею кусок мяса, быстро изрезал его на квадратные кусочки, положил нож, переложил вилку в другую руку и начал торопливо и молча есть, окуная кусочки мяса в соус из хрена и бросая их один за другим в рот. Через некоторое время он опять заговорил. Находишься подполковник Ритчи-Хук на каком-нибудь менее радушном приеме, будь на нем

форма не алебардистов, а какая-нибудь иная, могло бы показаться, что он, уязвленный бесцеремонным вмешательством миссис Ленард в его речь, всячески стремился поставить ее в затруднительное положение: так пристально он смотрел на нее своим единственным свирепым глазом, так прямо, казалось, были нацелены все его последовавшие затем слова на разрушение надежд и на обострение восприимчивости новобрачной.

– Нас, несомненно, обрадует, что наконец-то я все-таки добился действий от военного министерства. Они признали особую роль алебардистов. Я собственноручно подготовил документ. Он прошел снизу доверху все командные инстанции и возвратился одобренным. Мы – «о.о.о».

– А что это, собственно, значит, объясните нам, пожалуйста, – попросила миссис Ленард.

– Особо опасные операции. Нам дали на вооружение тяжелые пулеметы и минометы; мы никак не входим в организацию дивизии и будем подчиняться непосредственно комитету начальников штабов. Какой-то идиот-артиллерист из управления боевой подготовки начал было возражать, но я очень быстро заткнул ему рот. В наше распоряжение выделили отличную территорию в Хайлендсе.

– В Шотландии? Это место, куда нам предстоит переехать? – спросила миссис Ленард.

– Да, там нам предстоит формироваться.

– Значит, летом мы будем там? Мне необходимо сделать некоторые приготовления.

– Вопрос о том, где мы будем летом, зависит от наших друзей бошей. К лету я надеюсь доложить начальству, что бригада готова к незамедлительным действиям. Нечего зря болтаться. Длительность подготовки солдата не бесконечна, существует определенный момент, после которого дальнейшая подготовка приводит к тому, что люди выдыхаются, теряют форму, начинается регресс. Солдат нужно использовать тогда, когда они полны энергии и решимости сражаться... Да, использовать их, – повторил он мечтательно, – пускать их в расход. Это все равно что медленно накапливать столбики монет, а потом швырнуть их все на кон в азартной игре. Это необыкновенно захватывающий процесс в жизни – готовить солдат, а потом бросать их в бой с коварным противником. Вы получаете в свое

распоряжение отличные силы. Все хорошо изучили друг друга. Каждый подчиненный настолько хорошо знает своего командира, что угадывает его намерения еще до того, как тот раскроет рот. Они приучаются действовать без приказов, словно овчарки. И вот вы бросаете их и бой, и через какую-нибудь неделю, возможно даже через несколько часов, все ваши силы израсходованы. Даже в том случае, если вы одерживаете победу, ваши силы уже совсем не те. Вы получаете пополнения, производите повышения. Вам приходится «начинать все сначала, но вы и слова не молвите о ваших потерях». Кажется, так говорится в какой-то поэме? Так вот, миссис Ленард, нет никакого смысла спрашивать, где или когда мы осядем на каком-нибудь месте. Вы все играете в регби?

– Нет, сэр.

– Нет, сэр.

– Да, сэр. (Ленард.)

– Футбол?

– Нет, сэр.

– Жаль. Солдаты не интересуются регби, за исключением валлийцев, а у нас их немного. Играть с солдатами очень важно и полезно. Они проникаются уважением к вам, вы уважаете их, а если кому-нибудь переломают кости – обида невелика. В моей роте одно время было больше пострадавших во время игры в футбол, чем во время боя, но могу заверить вас, у наших противников пострадавших было больше, чем у нас. Некоторые так и остались калеками. Был у нас такой смелый парнишка, игравший правым полузащитником в команде третьей роты. Так вот его во время игры изувечили на всю жизнь, так хромым и остался. Вы должны интересоваться футболом даже в том случае, если сами не играете. Я помню, как однажды сержанту из моей роты оторвало ногу. Помочь бедному малому не было никакой возможности – вместе с ногой оторвало чуть ли не половину туловища. Положение его было безнадежное, но сознания он не потерял. С одной стороны около парня находился военный священник, который пытался заставить его произнести молитву, а с другой стороны – я. Кроме футбола, раненый сержант в этот момент ни о чем не думал. К счастью, мне были известны результаты позднейших игр основных футбольных команд лиги, а неизвестные я просто придумал. Я сказал сержанту, что команда его родного города

вышла вперед, и он умер с улыбкой. Когда какой-нибудь военный священник слишком задирает нос и много разглагольствует, я затыкаю ему рот этой историей. С католиками дело обстоит, конечно, иначе. Их священники не отходят от умирающего до его последнего издыхания. Просто страшно смотреть, как они все время что-то шепчут ему. Сотни умирают потому, что им внушают таким образом страх.

– Мистер Краучбек – католик, – сказала миссис Грин.

– О, виноват. Опять я говорю, не подумав. Как всегда, нет никакого такта. Конечно, это потому, что вы живете в Африке, – сказал подполковник Ритчи-Хук, поворачиваясь к Гаю. – Все становятся там весьма добропорядочными миссионерами. Я сам повидал их. Они не терпят никаких глупостей со стороны местных. Ничего вроде: «Туша у мой клистиан малчишк совсем такой, как у белый хосподин». Но уверяю вас, Краучбек, вам довелось видеть только самых хороших. Если бы вам пришлось пожить в Италии, как пришлось еще одному моему молодому офицеру, то вы увидели бы их такими, каковы они есть на самом деле. Или в Ирландии – священники там совершенно откровенно принимали сторону вооруженных бандитов.

– Откушайте пудинг, Вен, – предложила миссис Грин.

Подполковник Ритчи-Хук перевел взгляд на яблочный пирог и все остальное время за завтраком высказывался главным образом по недискуссионному вопросу, связанному с мерами предосторожности против воздушных налетов противника.

В гостиной, за чашкой кофе, подполковник Ритчи-Хук обнаружил и более мягкие черты своего характера. На каминной доске стоял календарь, довольно потрепанный теперь, в ноябре, к концу своей службы. Картинка календаря представляла собой причудливую композицию из красочных гномиков, поганок, степных колокольчиков, розовощеких нагих ребятишек и стрекоз.

Послушайте, – воскликнул Ритчи-Хук, – какая прелесть. Нет, в самом деле, это просто очаровательно, правда ведь?

– Да, сэр.

– Однако не следует стоять и сентиментальничать здесь. Мне предстоит длительная поездка на мопеде. Надо, пожалуй, размяться. Кто пойдет со мной?

- Только не Джим, – сказала миссис Ленард. – Я увожу его домой.
- Хорошо. А как насчет вас двоих?
- Да, сэр.

Городок, в котором размещались алебардисты, никоим образом не располагал к пешим прогулкам. В сущности, когда-то это было вполне приличное место, на котором теперь просматривались концентрические слои всякого мусора прошлых времен. Хорошую загородную местность можно было найти, лишь пройдя три или более миль отсюда, но эстетические вкусы подполковника Ритчи-Хука были удовлетворены календарем.

– Здесь есть круг, который я всегда совершаю, когда приезжаю сюда, – сказал он. – На это уходит пятьдесят минут.

Ритчи-Хук тронулся в путь быстрыми неодинаковыми рывками, подладиться к которым оказалось абсолютно невозможно. Он привел их к железнодорожному пути, параллельно которому шла гаревая дорожка, отделенная от рельсов черным рифленным железом.

– Итак, мы находимся теперь вне пределов слышимости капитан-коменданта, – начал Ритчи-Хук, но проходивший в этот момент поезд поставил вне пределов слышимости его двух компаньонов. Когда поезд прошел и Ритчи-Хука снова стало слышно, донеслись его слова: – ...в целом слишком много фланели в корпусе алебардистов. Фланель нужна в мирное время. В военное время она просто ни к чему. Вам хочется большего, чем автоматически подчиняться. Вам хочется применить вашу собственную хватку. Когда я командовал ротой и ко мне приходил провинившийся солдат, я спрашивал его, чье наказание он предпочитает: мое или вышестоящего командира. Солдат всегда предпочитал мое. После этого я приказывал провинившемуся поклониться и всыпал ему шесть хорошеньких ударов лозой. Разумеется, я рисковал оказаться перед военным судом, но ни один солдат никогда не пожаловался на меня, а нарушений дисциплины в моей роте было меньше, чем в любой другой в корпусе алебардистов. Вот это я и называю хваткой. – Он продолжал шагать рывками. Ни один из компаньонов не нашел, что ответить на его слова. После длительного молчания Ритчи-Хук добавил: – Впрочем, вам я не рекомендую прибегать к этому. Во всяком случае, на первых порах.

Дальше они шли преимущественно молча. Если Ритчи-Хук говорил, то чаще всего это был подробный рассказ о сыгранной над

кем-нибудь шутке или gaffes raisonnees^[13]. Этому замечательному солдату война не представлялась какой-нибудь там охотой или перестрелкой. Она была для него противоестественным делом, ежом в постели, или, вернее, он представлял себе войну как чудовищных размеров мину-ловушку.

По истечении двадцати пяти минут подполковник Ритчи-Хук посмотрел на свои часы.

– Мы уже должны бы переходить через железную дорогу. Видимо, я иду недостаточно быстро.

Вскоре они подошли к железному пешеходному мостику. С другой стороны железнодорожной линии была такая же гаревая дорожка, отделенная от железнодорожного полотна рифленным железом. Ритчи-Хук пошел по ней в обратном направлении, к дому капитан-коменданта.

– Если мы хотим выдержать время, то надо прибавить шагу, – сказал Ритчи-Хук.

Они пошли более быстрым шагом. У ворот, возле входа на территорию казарменного городка, Ритчи-Хук снова посмотрел на часы.

– Сорок девять минут, – сказал он. – Хорошая прогулка. Ну что ж, очень рад, что познакомился с вами. В будущем мы будем видеться гораздо чаще. Я оставил мопед в караульном помещении. – Он открыл свою противогазную сумку и показал им туго свернутую пижаму и щетки для волос. – Это единственное, что я вожу с собой. Лучшего применения для этой идиотской сумки не придумаешь. Всего хорошего!

Как только мопед Ритчи-Хука тронулся с места, Гай и Сарам-Смит взяли под козырек.

– Вот старый вояка-то, да? – сказал Сарам-Смит. – Кажется, твердо решил пустить всех нас в расход.

Вечером того же дня Гай заглянул к Эпторпу узнать, пойдет ли он на обед.

– Нет, старина. Сегодня на поправку дело идет медленно. Конечно, я мог бы плюнуть на это дело и пойти, но лучше не торопиться. А как прошел завтрак?

– На нем был наш будущий бригадир.

– Жаль, что я пропустил это, очень жаль. Но если я и побывал бы там, ничего хорошего из этого не вышло бы. Мне не хотелось, чтобы он увидел меня нездоровым. Ну, а как у тебя получилось?

– Не так уж плохо. Главным образом потому, что он принял меня за тебя.

– Не совсем понимаю тебя, старина.

– Он запомнил, что один из нас жил в Италии, а другой – в Африке. Меня он принял за африканца.

– Слушай-ка, старина, мне это не очень-то нравится.

– Он сам начал утверждать это. А потом старик зашел слишком далеко, и поправить его уже было невозможно.

– Однако он *должен* каким-то образом узнать правду. По-моему, тебе надо написать ему об этом.

– Не валяй дурака.

– Но это ведь вовсе не шутка. Мне кажется, ты в этом случае здорово-таки смошенничал. Воспользовался болезнью друга и выдал себя за него. Такой поступок может привести к серьезным последствиям. Ты что же, и фамилию мою присвоил?

– Нет. Разумеется, не присваивал.

– Ну что ж, если ты не напишешь, то мне придется сделать это самому.

– На твоём месте я не стал бы делать этого. Он подумает, что ты свихнулся.

– Да, придется подумать, как поступить наилучшим образом. Все это – очень деликатное дело. Я просто не представляю, как ты мог допустить подобное.

Эпторп не стал писать подполковнику Ритчи-Хуку, но затаил на Гая обиду и с тех пор всегда был настороже в его компании.

Незадолго до рождества курс начальной подготовки закончился, и Гаю, как и всей группе стажирующихся, был предоставлен недельный отпуск. Перед отъездом офицеров, и главным образом в их честь, был устроен вечер с приглашением гостей. Предполагалось, в тот момент по крайней мере, что этот вечер будет для них последним в казарменном городке. Каждый постарался сделать все возможное, чтобы приглашенный гость делал честь избравшему его. Эпторп гордился своим выбором, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было.

– Мне чертовски повезло, – сказал он. – Ко мне придет Чатти^[14] Корнер. Я и не знал, что он в Англии, пока не наткнулся на его имя в газете.

– А кто такой Чатти Корнер?

– Э-э, старина, по-моему, ты должен был бы слышать о нем. Впрочем, на этих шикарных фермах в Кении о нем могли и не знать. Если бы ты задал этот вопрос в *настоящей* Африке, в любом месте от Чада до Мозамбика, то люди подумали бы, что ты шутишь. Чатти – большой оригинал. Сущий дьявол, если смотреть со стороны. Никак не подумаешь даже, что он умеет пользоваться вилкой и ножом. В действительности же он сын епископа, Итонский колледж, Оксфордский университет и все такое. Играет на скрипке, как завзятый профессионал. О нем упоминают во всех книгах.

– В книгах о музыке, Эпторп?

– Да нет, в книгах об обезьяноподобных страшилищах, конечно. А кого приглашаешь ты, старина, позволь спросить, если это не секрет?

– Я еще никого не нашел.

– Странно. Я считал, что у такого человека, как ты, должно быть очень много знакомых.

Эпторп все еще носил в душе обиду за то, что Гай выдал себя за него.

Гай написал семье Бокс-Бендеров о том, что получает отпуск на рождественские праздники. Анджела ответила, что Тони тоже приезжает на праздник. Гаю посчастливилось перехватить Тони в

последний момент в Лондоне и завлечь его на вечер алебардистов. И Гай, и Тони впервые увидели друг друга в военной форме.

– Я ни за что на свете не упустил бы возможности увидеть вас, дядюшка Гай, щеголяющим в форме новоиспеченного офицера, – сказал Тони по приезде.

– Здесь тоже все зовут меня «дядюшкой», вот увидишь.

Они шли по усыпанному гравием плацу к дому, в котором размещались прибывающие гости. Им встретился и отдал честь алебардист. Увидев, как небрежно ответил на приветствие его племянник, Гай пришел в ужас.

– Послушай, Тони, может быть, в вашем батальоне этому не придается такого важного значения, но у нас отвечать на приветствие полагается так же четко, как приветствуют тебя.

– Дядя Гай, неужели необходимо напоминать вам, что я старше вас по чину?

Однако вечером, когда они подходили в буфетной к председателю столовой офицерского собрания, Гай испытал приятную гордость за своего племянника, который привлек к себе общее внимание ярко-зеленой парадной формой и ремнями из черной кожи.

– Вы только что из Франции? В таком случае я воспользуюсь привилегией председателя и посажу вас рядом с собой. Мне очень хотелось бы услышать рассказ очевидца о том, что там происходит. Разобраться в этом по сообщениям газет совершенно невозможно.

Чатти Корнера узнали все без представления: темнокожий, с седыми волосами en brosse^[15], он с мрачным видом стоял рядом с Эпторпом. Легко было понять, почему он приобрел известность среди страшилищ; столь же легко было заметить и иронию в данном ему прозвище. Он крутил головой из стороны в сторону, рассматривая все из-под мохнатых бровей, словно прикидывая, как бы ему подскочить вверх и, ухватившись за балки, раскачиваться там в одиночестве. Чатти так и не почувствовал себя свободно до тех пор, пока оркестр не заиграл «Старый добрый английский ростбиф». Услышав эту мелодию, он наклонился, кивнул головой и пробормотал что-то нечленораздельное на ухо Эпторпу.

Пройдя под хорами, на которых находился оркестр, они вошли в столовую и встали на свои места около стола.

Председатель столовой офицерского собрания стоял у средней части стола, напротив вице-председателя. Тони, стоявший рядом с председателем, начал садиться еще до молитвы, но Гай поспешно одернул его. Оркестр умолк, раздался удар председательского молотка, священник прочитал молитву, после чего одновременно снова заиграл оркестр и возобновился гул множества голосов.

Вызванный на разговор сидевшими рядом старшими офицерами, Тони начал рассказывать о своей службе во Франции, об умении всесторонне использовать местность, о ночных патрулях, о минах-ловушках, о необычайной молодости и энтузиазме горстки пленных солдат противника, которых ему довелось видеть, о замечательной тактике наступательных действий немцев. Гай бросил взгляд на Чатти Корнера, интересуясь, демонстрирует ли он особое мастерство во владении вилкой и ножом, но увидел лишь, как тот пьет, сопровождая это действие каким-то забавным легким вращательным движением головы и руки.

Наконец, после того как на стол подали десерт, начальство удалилось, музыканты спустились вниз и устроились у оконного проема. Гул голосов прекратился, музыканты склонились к своим инструментам и начали перебирать струны. Все это казалось очень далеким от того места на фронте, где Тони делал вылазку на ничейную землю, и еще более далеким от границы христианского мира, где было дано и проиграно большое сражение, от тех затерянных лесов, где даже в тот момент, когда алебардисты и их гости сидели, одурманенные вином и музыкой, на запад и на восток шли поезда с обреченными на смерть.

Музыканты сыграли две пьесы, причем во второй прозвучал мелодичный колокольный перезвон. Затем дирижер оркестра представился в традиционной манере председателю столовой офицерского собрания. Для него поставили стул рядом с Тони, капрал-официант принес ему стакан, наполненный до краев портвейном. У дирижера было красное лоснящееся лицо. «Судя по его внешнему виду, он так же далек от искусства, как Чатти», – подумал Гай.

Председатель ударил молотком по столу. Все встали со своих мест.

– Мистер вице-президент, наш почетный командир – великая русская княгиня Елена.

– Великая княгиня. Да хранит ее господь!

Эта старая леди жила в небольшой комнате в Пицце, но алебардисты все еще чествовали ее, как и в 1902 году, когда она, будучи юной красавицей, великодушно согласилась быть почетным командиром части.

Горящие свечи начали окутываться клубами дыма. В столовую внесли рог с нюхательным табаком. На этом массивном, намертво закрепленном на подставке приборе висели маленькие серебряные инструменты – ложечка, молоточек, щеточка, которыми надо было пользоваться в соответствии с установленным ритуалом и в определенном порядке; с тех, кто нарушал ритуал или порядок, взимался штраф в размере полкроны. Гай рассказал своему племяннику, как надо пользоваться прибором.

– А в вашем батальоне есть такие вещи?

– Нет, у нас более скромно, – ответил Тони. – Все здесь производит на меня огромное впечатление, – добавил он после короткой паузы.

– На меня тоже, – сказал Гай.

Когда Гай выходил из столовой, никто там не был ни слишком трезвым, ни слишком пьяным, за исключением, пожалуй, Чатти Корнера. Этот дикарь, несмотря на свое епископское происхождение, не устоял перед достижениями цивилизованного мира, в результате чего его пришлось увести, и в тот вечер Чатти никто больше не видел. Если бы Гай заботился о своем престиже – а Эпторп ни минуты не сомневался в этом, – то для него. Гая, этот час стал бы триумфальным часом. Вместо этого весь вечер оказался не чем иным, как простым веселым времяпрепровождением.

В буфетной организовали импровизированный концерт. Майор Тиккеридж сыграл наивно-непристойную сценку под названием «Однорукий флейтист» – давно знакомую и тем не менее восторженно воспринятую алебардистами, новую для Гая, бурно одобренную всеми другими. Официанты начали разносить серебряные кубки, обычно используемые для пива, но теперь наполненные до краев шампанским. Гай не заметил, как пустился в разговор о религии с военным священником.

– ...Вы согласны, – серьезно спрашивал он, – что вера в сверхъестественное вовсе не является каким-то дополнением к вере в

естественное, таким же, например, как скрашивающие нашу жизнь музыкальные произведения или картины художников? Это то, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни. Сверхъестественное – это реальное; мы называем «реальным» всего лишь тень, мимолетное воображение. Вы согласны с этим, отец мой?

– В известных пределах – да.

– Позвольте мне выразить это иными словами...

Когда майор Тиккеридж начал представлять свою сценку, улыбка на лице священника застыла и стала похожей на улыбку акробата – профессиональный прием, скрывающий страх и истощение сил.

Вскоре начальник штаба начал играть в футбол корзинкой для бумаг. С футбола перешли на регби. Корзинка оказалась в руках Ленарда. Его схватили и повалили на пол. Все молодые офицеры начали прыгать на кучу борющихся тел. Прыгнул Эпторп. Прыгнул Гай. Другие прыгнули на них. Гай почувствовал, что вывихнул колено, затем его ударили так, что несколько секунд он лежал, как парализованный. Выпачкавшись в пыли, смеясь, обливаясь потом, запыхавшись, они освободились друг от друга и поднялись на ноги. Гай чувствовал тупую, но довольно сильную боль в колене.

– Послушайте, дядя, у вас болит что-нибудь?

– Нет, нет, так, пустяки.

Кто-то где-то распорядился разойтись. Тони поддерживал Гая под руку, когда они шли по плацу.

– Надеюсь, тебе не было скучно, Тони?

– Я ни за что не согласился бы пропустить такой вечер. Вам, наверное, надо показаться доктору, дядюшка?

– Ничего, до утра заживет. Маленький вывих, вот и все.

Однако утром, очнувшись от глубокого сна, Гай увидел, что колено сильно распухло, наступать на больную ногу оказалось совершенно невозможно.

Тони ехал домой. Как они договорились раньше, он взял с собой Гая, и в течение четырех дней он пролежал в доме Бокс-Бендеров с туго забинтованной ногой. В канун рождества Бокс-Бендеры свозили Гая к полуночной мессе и снова уложили в постель в библиотеке. Возвращение Тони внесло своеобразную разрядку в напряженность. Вся театральная бутафория сохранилась: и корзины с прикрепленными к ним дощечками-бирками, написанными на хеттском языке, и сделанные на скорую руку кровати. Однако драмы никакой больше не было. После жизни в просторных помещениях казарменного городка Гай чувствовал себя в доме Бокс-Бендеров как в тюрьме, поэтому, когда после «дня подарков» его зять возвращался в Лондон, Гай поехал с ним. Последние дни своего отпуска он провел в отеле.

Эти дни хромоты, как он понял намного позднее, были для него прямо-таки медовым месяцем, днями окончательного вызревания его любви к королевскому корпусу алебардистов. После них наступила семейная рутина: необыкновенная верность и преданность, много радостей и хороших переживаний теряли свою прелесть из-за незначительных, но прискорбных открытий брачной жизни, утраты новизны, раздражительности, несовершенства, мелких ссор. В то же время было приятно просыпаться и лежать в постели. Дух корпуса алебардистов витал над ним, стоит только позвонить – и обо всем позаботится его невидимая новобрачная.

Лондон еще не лишился своих прелестей и богатств. Это был все тот же город, которого Гай избегал всю свою жизнь, историю которого он считал такой низменной, а внешний вид – таким серым и монотонным. Вот она, эта королевская столица, такая, какой Гай никогда не видел ее раньше. Гай изменился. Он хромает по ее улицам, глядя на все иными глазами, воспринимая все по-новому.

Клуб «Беллами», в укромных уголках которого Гай недавно уединялся, чтобы писать свои прошения, стал для него теперь удобным местом для свободного общения с постоянно меняющимися посетителями бара. Он пил много и с удовольствием, запросто

произносятся такие слова, как «привет!» и «ваше здоровье!», несколько не смущаясь от того, что непривычные слова эти вызывали кое у кого некоторое удивление.

Однажды вечером в театре Гай услышал позади себя голос молодого человека:

– О, пророк ты мой! Дядюшка Краучбек!

Гай обернулся и увидел Франка де Саузу. На нем была одежда, которую алебардисты называли штатской или гражданской, а более экзотично – мафти. Одежда Франка, впрочем, не была гражданской в полном смысле слова, она, скорее, была смешанной: коричневый костюм, зеленая шелковая рубашка и оранжевый галстук. Около него сидела девушка. Гай знал Франка де Саузу мало. Это был смуглый, необщительный, по-своему забавный, знающий свое дело молодой человек. Гай смутно припоминал, что в Лондоне у Франка была девушка, к которой он ездил на уик-энды.

– Пат, познакомься, это «дядюшка» Краучбек.

Девушка улыбнулась, но неприветливо и не проявив никаких эмоций.

– Вы, наверное, весельчак? – спросила она.

– Вам нравится постановка? – спросил Гай. Они смотрели представление, которое все называли «Интимное ревю».

– О да, более или менее.

Гай находил представление весьма ярким и веселым.

– Вы все время живете в Лондоне? – спросил он девушку.

– У меня квартира на Эрл-Корт, – ответила та. – Он живет со мной.

– Это, должно быть, замечательно, – проговорил Гай.

– О да, более или менее, – согласилась девушка.

Дальнейшему разговору помешали возвратившиеся из бара соседи и начало второго акта. Эта часть представления показалась Гаю менее яркой и веселой. Его все время беспокоила мысль, что позади сидит эта странная, неприветливая спутница Франка. Когда ревю окончилось, он предложил:

– Не хотите ли пойти со мной поужинать?

– Мы идем в кафе, – сказала девушка.

– А это далеко? – спросил Гай.

– Кафе «Ройял», – объяснил Франк. – Пойдемте с нами.

- Но ведь Джейн и Констант сказали, что, возможно, придут туда к нам, – возразила девушка.
- Они ни за что не придут, – сказал Франк.
- Приглашаю вас отведать устриц, – предложил Гай. – Это близко. Совсем рядом.
- Я ненавижу устриц, – ответила девушка.
- Тогда мы лучше не пойдем, – сказал Франк. – Но все равно, спасибо вам.
- Ну ладно, до скорой встречи.
- У Филипп^[16], – сказал Франк.
- О боже, – проворчала девушка, – пойдем же, наконец!

Вечером в последний день старого года, стоя после обеда у бара в клубе «Беллами», Гай услышал знакомый голос:

– Привет, Томми, как поживают штабные офицеры?

Обернувшись, Гай увидел рядом с собой майора Колдстримского гвардейского полка. Это был Томми Блэкхаус, которого он видел в последний раз из окна гостиницы «Линкольн», когда Гай и денщик Томми Блэкхауса должны были произвести формальное опознание для бракоразводного процесса. Томми и Вирджиния, весело смеясь, прошли тогда по площади, задержались у двери и, как было условлено, показали свои лица: Вирджиния – из-под прелестной новой шляпки, а Томми – из-под котелка. Затем они сразу же ушли, не посмотрев вверх, хотя знали, что у одного из окон стоят люди, которые наблюдают за ними. Гай, как свидетель, сказал: «Это моя жена». Солдат-денщик сказал: «Это капитан Блэкхаус, а леди с ним – это та, которую я видел у него, когда вошел к нему утром четырнадцатого числа». Каждый из них подписал после этого протокол, а когда Гай попытался в знак благодарности дать солдату десятишиллинговую банкноту, адвокат остановил его словами: «Это категорически запрещено, мистер Краучбек. Предложение вознаграждения может поставить под сомнение законность наших действий».

Томми Блэкхаус был вынужден уйти из Колдстримского гвардейского полка, но, поскольку в душе Томми был солдатом, он решил податься в армейский пехотный полк. Теперь он, по-видимому,

снова вернулся в Колдстримский гвардейский полк. До этого Гай и Томми Блэкхаус знали друг друга очень мало.

– Привет, Гай, – сказал Томми.

– Привет, Томми, – сказал Гай.

– Так ты, значит, в корпусе алебардистов? Говорят, у них очень высокая подготовка, правда?

– Для меня, я бы сказал, даже слишком высокая. Недавно они чуть не сломали мне ногу. А ты, как я вижу, вернулся в Колдстримский гвардейский.

– Ты знаешь, я сам не представляю, где нахожусь. Я нечто вроде волана, летающего между военным министерством и командиром Колдстримского. В прошлом году я действительно вернулся в Колдстримский – адюльтер в военное время, видимо, не имеет значения, – но два или три последних года мне пришлось, как мальчишке, посещать штабной колледж, и я кое-как сдал. Теперь меня величают инструктором по разведке, но все свое время я трачу на то, чтобы снова вернуться на командную должность. Я знал одного вашего алебардиста в штабном колледже. Очень хороший парень с большими усами. Забыл его фамилию...

– У них у всех большие усы.

– Вам, по-моему, предстоит очень интересная работа. Я видел сегодня документ об этом.

– Мы ни о чем еще не знаем.

– Ну что ты, война будет долгой. В конечном счете нам всем будет очень весело.

Все это говорилось без особых раздумий.

Через полчаса компания разошлась. Томми предложил:

– Послушай, ты же *хромаешь*. Давай я подвезу тебя.

Они ехали по Пиккадилли молча. Затем Томми сказал:

– Вирджиния вернулась в Англию.

Гаю никогда не приходило в голову, что Томми может думать о Вирджинии. Он точно не знал даже, при каких обстоятельствах они разошлись.

– А она разве уезжала куда-нибудь? – спросил он.

– Да, и довольно надолго. В Америку. Вернулась из-за войны.

– На нее это похоже. Все другие, наоборот, уезжают из Англии.

– Она выглядит очень хорошо. Я видел ее сегодня вечером в «Клэридже». Она спрашивала о тебе, но я не знал тогда, где ты находишься.

– Она спрашивала обо мне? – удивился Гай.

– Откровенно говоря, она спрашивала обо всех своих старых друзьях, но о тебе – особенно. Если есть время, поезжай, встретиться с ней. Нам всем следует поддерживать друг друга.

– А где она?

– В «Клэридже», наверное.

– Не думаю, что она действительно хотела бы увидеть меня.

– У меня создалось впечатление, что ей хотелось бы увидеть всех на свете. Со мной у нее все кончено.

Доехав до отеля, в котором остановился Гай, они расстались. При отъезде старшего по званию офицера Гай в полном соответствии с традициями алебардистов четко козырнул, ему, несмотря на непроглядную темень.

Утром следующего дня, первого дня нового года, Гай проснулся, как и всегда теперь, в час, когда в казарменном городке горнисты играли утреннюю зорю. Первое, о чем он подумал, была Вирджиния. Им овладело непреодолимое любопытство, но после восьми минувших лет, после всего, что за эти годы Гай чувствовал и не высказал, решимости взять трубку рядом стоящего телефона и набрать ее номер у него не хватало. В то же время он не сомневался: знай Вирджиния, где он находится, она непременно позвонила бы ему. Так и не отважившись позвонить, Гай оделся, упаковал свои вещи и оплатил счет за гостиницу, не переставая, однако, думать о Вирджинии. До того как отправиться в четыре часа к месту нового назначения, Гай располагал еще массой времени.

Приехав в гостиницу «Клэридж», Гай осведомился у портье, и тот сообщил ему, что миссис Трой еще не выходила. Гай уселся в холле в таком месте, откуда можно было наблюдать одновременно и за лифтами, и за лестницей. Время от времени мимо него проходили люди, которых он знал, они останавливались около него и приглашали пойти вместе. Гай разговаривал с ними, но не прекращал внимательного бдения. Наконец какая-то дама, вполне возможно, что

именно Вирджиния, вышла из лифта и быстро направилась к конторке портье. Тот кивнул ей головой в направлении сидящего Гая. Дама обернулась, и ее лицо сразу же засияло от радости. Гай поднялся и, прихрамывая, устремился к ней. Вирджиния буквально вприпрыжку поспешила ему навстречу.

– Гай, *зайчик* мой! Какая радость! Как хорошо в Лондоне! – Она крепко обняла Гая, затем отступила на шаг и внимательно осмотрела его. – Да, – продолжала она, – очень милый, действительно. А я не далее как вчера спрашивала о тебе.

– Я знаю. Мне сказал Томми.

– О, я спрашивала абсолютно каждого.

– Забавно было услышать об этом от него.

– Да, когда подумаешь об этом, то, конечно, в какой-то мере забавно. А почему твоя форма не такого цвета, как у всех других?

– Нет, она такая же.

– Ну как же, она не такая, как у Томми, как вон у того и вон у того!

– Они в гвардейской пехоте.

– Ну что ж, по-моему, твоя форма *намного* шикарнее. А как она идет тебе! Я так и знала, что ты тоже отращиваешь маленькие усы. С ними ты выглядишь таким *молодым*.

– Ты тоже выглядишь молодой.

– О да, я помолодела больше, чем кто-либо. Я расцвела от войны. Так чудесно быть подальше от мистера Троя.

– Разве он не с тобой?

– О, дорогой, между нами, я думаю, что вообще больше не увижусь с мистером Троем. Последнее время он очень плохо вел себя.

Гай ничего не знал о Берте Трое – этом Гекторе из Трой, – за исключением его имени и фамилии. Он знал, что на протяжении восьми лет Вирджиния пользовалась ничем не омрачаемой популярностью. Гай не желал ей никакого зла, по это ее преуспевание еще более укрепляло существовавший между ними барьер. Окажись Вирджиния в нужде, он, несомненно, помог бы ей, но, поскольку она становилась все более счастливой и испытывала все большее блаженство, Гай чувствовал себя все более опустошенным и все глубже замыкался в самом себе. Теперь, в обстановке войны, она была

по-прежнему красивой и элегантной и казалась довольной встречей с ним.

– Ты завтракаешь где-нибудь? – спросил Гай.

– Да... Нет. Пошли. Послушай, ты же хромаешь. Надеюсь, это не ранение?

– Нет. Хочешь верь, хочешь не верь, я играл в футбол корзиной для бумаг вместо мяча.

– В самом деле?

– Абсолютная правда.

– О, дорогой, как это не похоже на тебя!

– А знаешь, ты первая, в отличие от всех других, не удивляешься тому, что я в армии.

– Да? А где же тебе еще быть? Я всегда считала тебя храбрым как лев.

Они позавтракали вдвоем, после чего поднялись в ее номер и непрерывно болтали, пока Гаю не пришло время отправляться на поезд.

– А ферма в Элдорете все еще твоя?

– Нет, я сразу же продал ее. Разве ты не знала?

– Может быть, я и слышала об этом в то время, но, знаешь, у меня тогда было столько всего в голове! Сначала развод, потом свадьба, потом, не успела я еще и оглянуться, опять развод. С Томми я прожила очень короткое время, чертенок он этакий. Лучше было бы вообще не связываться с ним. Надеюсь, ты получил за ферму приличную сумму?

– Практически пустяковую. Ведь это был год сплошных разорений и крахов.

– Конечно. Думаешь, я не помню?! Это была еще одна причина для разногласий с Томми. Главную роль сыграло то обстоятельство, что его полк стал невыносимо скучным и неинтересным. Нам пришлось выехать из Лондона и жить в отвратительном маленьком городке, населенном скучнейшими людьми. Томми даже начал поговаривать о поездке в Индию. Это был конец. Но его я тоже очень любила. А ты так больше и не женился?

– Как же я мог жениться?

– О, дорогой, не прикидывайся, будто твое сердце разбито на всю жизнь.

– Кроме сердца, как тебе известно, существует еще и положение, согласно которому католики второй раз не женятся.

– О, *это!* Ты все еще исповедуешь все эти взгляды.

– Более чем когда-либо.

– Бедный Гай, ты действительно потерпел полный крах, правда? Деньги растрачены, я ушла, все пропало. В старые времена обо мне сказали бы, что я погубила тебя.

– Возможно, и сказали бы.

– А много у тебя было хороших девушек после этого?

– Немного. И не очень хороших.

– Что ж, надо, чтобы они были. Я позабочусь об этом и подыщу тебе какое-нибудь совершенство. – Вирджиния помолчала немного и продолжала: – Что меня тревожило больше всего, так это то, как все происшедшее воспринял твой отец. Он ведь был таким ягненком.

– Он просто говорит: «Бедный Гай, подцепил совсем не то что нужно».

– О, мне это совсем не нравится. Говорить так – просто свинство. – И снова, после небольшой паузы: – Но ведь это просто невозможно, чтобы в течение восьми лет ты так ничего и не сделал.

Да, он почти ничего не сделал. Не припоминалось ничего такого, о чем можно было бы рассказать. Когда Гай впервые приехал из Кении в Санта-Дульчину, еще не отвыкнув от работ на ферме, он пытался изучать виноградарство, подрезал запутавшиеся виноградные лозы, пробовал ввести среди сборщиков фруктов систему отбора плодов, применить новый французский виноградный пресс. Вино, изготавливаемое в Санта-Дульчине, имело замечательный вкус на месте, но стоило этому вину побыть в пути хотя бы час, как оно становилось невероятной кислятиной. Гай попробовал разливать вино в бутылки по всем правилам виноделия, но и эта затея ни к чему не привела.

Он попытался писать книгу, но его вдохновения хватило только на две, правда довольно интересные, главы.

Гай вложил небольшой капитал и много труда в туристическое агентство, которое пытался создать один из его друзей. Идея состояла в том, чтобы обеспечить первоклассное, удовлетворяющее требованиям эстетики обслуживание туристов в Италии, а также посещение немногими достойными из них малоизвестных районов

страны и мест, обычно закрытых для других. Однако критические события в Абиссинии привели к тому, что поток туристов в Италию, как достойных, так и недостойных, прекратился.

– Нет, так ничего и не сделал, – подтвердил он.

– Бедный Гай, – проговорила Вирджиния нараспев, – какое же жалкое существование ты влачишь! Работы нет. Денег нет. Девушки заурядные. Хорошо хоть, что у тебя сохранились волосы. Томми почти полностью облысел. Я просто остолбенела, когда снова увидела его. Да и фигуру ты сохранил. Огастес разбух, как тесто на дрожжах.

– Огастес?

– Ах да, в то время мы с тобой еще не знали его. Он был у меня после Томми. Но брак с ним я не оформляла. Он уже тогда начал толстеть.

И тому подобное в течение трех часов.

Когда Гай уходил, Вирджиния сказала:

– Нам обязательно *нужно* встречаться. Я пробуду здесь неопределенное время. Нельзя же нам снова потерять всякую связь.

Когда Гай приехал на вокзал, было уже темно. Под тускло светящей синей лампой он обнаружил нескольких алебардистов из своей группы.

– А вот и наш хромоногий «дядюшка», – сказал кто-то, когда он присоединился к ним. – Расскажите нам об этом новом курсе обучения. Вы ведь всегда все знаете.

Однако Гай знал об этом не больше того, что было напечатано в его командировочном предписании. О новом месте и цели назначения никто абсолютно ничего не знал.

Командировочное предписание гласило: «Место назначения – Интернат Кут-эль-Амара, Саутсанд-он-си». Оно было вручено Гаю в день, когда в казарме накануне отпуска состоялся прощальный вечер с приглашением гостей. Никаких других объяснений в этом маленьком документе не было. Гай попытался узнать что-нибудь у майора Тиккериджа. Майор ответил:

– Никогда не слышал об этом месте. Должно быть, какое-то новое заведение в корпусе алебардистов.

Начальник штаба, отвечая на тот же вопрос, заявил:

– Это что-то не входящее в наше ведение. Отныне и до момента создания бригады вы поступаете в ведение центра формирования и подготовки части. Полагаю, это будет довольно-таки неудобное заведение.

– А из кадровых туда никто не поедет?

– Нет, ни в коем случае, «дядюшка».

Однако Гаю, сидевшему тогда вместе с другими в холле, среди многочисленных трофеев алебардистов, в атмосфере порядка и уюта, созданной в течение непрерывного двухвекового проживания здесь, казалось невероятным, что какое бы то ни было заведение алебардистов может быть недостаточно совершенным. Поэтому и теперь, когда поезд мчался сквозь холодную и туманную тьму, Гай по-прежнему безмятежно верил только во все самое лучшее. Нога в колене была как деревянная и сильно болела. Он с трудом изменил ее положение среди тесно переплетенных в полумраке ног своих спутников. Младшие офицеры этой небольшой группы явно скучали. Высоко над ними неясно вырисовывались и пропадали в тенях сложенные в штабель вещевые мешки, снаряжение и чемоданы. Лица людей тоже находились в тени и были едва различимы. Лучи света падали только на их колени, но читать при таком тусклом освещении было почти невозможно. Время от времени кто-нибудь из них зажигал спичку. Иногда кто-то начинал вяло рассказывать о прошедшем отпуске. Однако большую часть времени все молчали. Гай, несмотря на туман и прохладу, был полон приятных воспоминаний. Он сидел и

прислушивался к повторяющимся где-то внутри него голосам минувшего дня, как будто снова и снова проигрывал для себя одну и ту же пластинку.

Последние сорок пять минут пути ехали молча, все, кроме Гая, дремали. Наконец поезд прибыл в Саутсанд, офицеры вытащили свои вещи на платформу и тотчас же задрожали от пронизывающего холода. Поезд пошел дальше. Тусклый огонек на последнем вагоне поезда давно уже скрылся, но восточный ветер долго еще доносил до их слуха звуки набравшего скорость локомотива.

– Вы алебардисты? – спросил подошедший к ним носильщик. – Вы должны были прибыть с поездом в шесть ноль восемь.

– Мы прибыли с поездом, который нам указали в приказе.

– Да, но все другие прибыли час назад. Офицер службы железнодорожных перевозок только что ушел. Может быть, вы еще захватите его вон там, на стоянке машин... О нет, уже не захватите, вон он уже поехал. Он сказал, что сегодня военных больше не будет.

– Вот чертовщина-то!

– Ну что вы, в армии ведь везде так, – равнодушно заметил носильщик и скрылся в темноте.

– Что же нам делать?

– Надо позвонить...

– Кому? Куда?

– Есть ли телефонная связь с интернатом Кут-эль-Амара? – крикнул Ленард вдогонку носильщику.

– Только военная линия. Этот телефон заперт в кабинете офицера службы железнодорожных перевозок.

– А телефонная книга есть здесь?

– Есть. Попробуйте. Боюсь, что этот телефон отключен.

В слабо освещенном кабинете начальника станции с трудом нашли местную телефонную книгу.

– Вот, тут есть частная школа Кут-эль-Амара, давайте попробуем позвонить туда.

Через некоторое время в телефонной трубке послышался сиплый голос:

– Алло, да. Что? Кто? Не могу разобрать ни одного слова. Эта линия должна быть отключена. Здесь теперь военное заведение.

– Тут, на станции, восемь офицеров; за нами должны прислать автобус.

– Это офицеры, которых ожидают здесь?

– По-видимому, да.

– Хорошо, не кладите трубку, сэр. Я попытаюсь найти кого-нибудь.

После довольно продолжительной паузы в трубке прозвучал новый голос:

– Вы где находитесь?

– На железнодорожной станции Саутсанд.

– А какого же черта вы не поехали на автобусе вместе с другими?

– Мы только что прибыли.

– Ну что ж, вы опоздали. Автобус уже ушел отсюда, и никакого другого транспорта у нас нет. Вам придется добираться сюда самостоятельно.

– А это далеко отсюда?

– Конечно, далеко. Вам лучше поторопиться, а то ничего не останется не только поесть, но даже и перекусить. И без того здесь очень мало.

Им кое-как удалось найти сначала одно, а потом и второе такси, и, набившись в них как сельди в бочку, они наконец добрались до своего нового дома. Кругом было совершенно темно. Они долго не могли составить себе никакого представления о чем-нибудь, пока минут через двадцать их не привели в совершенно пустой холл и не построили в шеренгу около своих вещей. Дощатый пол, вероятно, недавно вымыли, он был еще влажным, и от него воняло дезинфекционным раствором. Пожилой алебардист с множеством наград за долгую и безупречную службу сказал:

– Сейчас я позову капитана Маккини.

Рот появившегося через некоторое время капитана Маккини был набит пищей.

– Ну вот и вы, – начал он, аппетитно жуя. – В ваших командировочных предписаниях, по-видимому, что-то перепутано. Полагаю, что вы тут не повинны. Везде что-нибудь да перепутают. В той или иной мере. Я исполняю обязанности начальника этого заведения. Не имел никакого представления, что буду назначен сюда, вплоть до девяти часов сегодняшнего утра, поэтому можете

представить себе, насколько я мог освоиться с обстановкой здесь. Вы обедали? Да, вам лучше пойти сейчас же и перекусить.

– А помыть руки можно где-нибудь?

– Вон там. Однако боюсь, что вы не обнаружите там ни мыла, ни горячей воды.

Так и не помыв рук, они двинулись за капитаном в дверь, через которую он вошел к ним, и оказались в столовой, которая вскоре стала известной им всеми своими отвратительными аспектами и которая теперь обратила их внимание на себя лишь красноречивой наготой. На двух сооруженных на козлах столах стояли эмалевые миски, кружки и серые столовые приборы, какие они видели в солдатских столовых во время одного экскурсионного осмотра казарм. На столе стояли блюда с маргарином, нарезанным хлебом, крупным посиневшим картофелем и какое-то грязновато-коричневое заливное, напомнившее Гаю школьные годы во время первой мировой войны, но далеко не вызвавшее аппетита или приятных ощущений. На отдельном столике в стороне стоял большой кипятильник, из которого в лужу под ним капал чай. Единственным блюдом, оживлявшим стол своим цветом, была красная свекла.

– Как вам, ребята, нравится эта диккенсовская школа? – спросил Франк де Сауза.

Однако главное внимание Гая привлекли не блюда на столе и не само помещение столовой. За одним из столов сидела группа незнакомых вторых лейтенантов, которые, не прекращая чавкать и жевать, с любопытством уставились на вошедших. Видимо, это были офицеры из центра формирования и подготовки, о которых они так часто слышали.

За другим столом сидели шесть знакомых офицеров, окончивших тот же курс подготовки в казарменном военном городке, что и Гай.

– Вам лучше сесть вон там, – сказал капитан Маккини, кивая в сторону второго стола. – Там и другие ваши друзья, пока не определившиеся. Окончательное распределение мы произведем завтра утром. – Затем капитан повысил голос и обратился ко всем: – Я уйду к себе. Надеюсь, вы получили все необходимое. А если и нет – как-нибудь обойдетесь. Ваши комнаты наверху. Они не распределены. Разберитесь там сами. Свет внизу выключается в двенадцать. Побудка в семь часов. Построение утром на плацу в восемь пятнадцать. Вам

разрешается выходить и возвращаться до отбоя в двенадцать. Наверху есть шесть солдат из команды обслуживания, но они весь день работали, убирали в помещениях, поэтому я прошу вас по возможности не занимать их и дать им отдохнуть. Вы не умрете от того, что один раз перенесете свои вещи сами. Бар открыть мы еще не смогли. Ближайший бар находится напротив нас, до него по дороге около полумили. Он называется «Грэнд» и предназначен для офицеров. Бар, который расположен ближе к нам, предназначен только для рядовых. Вот и все. До завтра.

– Мне вспоминается одна прочитанная нам недавно лекция по руководству подчиненными, – сказал де Сауза. – «Когда вы разбиваете лагерь или производите расквартирование, помните, что подчиненные вам люди должны быть размещены в первую, вторую и третью очередь. Себя вы размещаете в последнюю очередь. Офицер-алебардист никогда не сядет есть, пока не убедится, что питание для его подчиненных обеспечено. Офицер-алебардист никогда не ляжет спать, пока не убедится, что места для сна подчиненных приготовлены». Кажется, так говорилось об этом в лекции? – Де Сауза взял одну вилку со стола и с мрачным видом начал гнуть ее, пока она не сломалась. – Пойду-ка я в «Грэнд», – продолжал он решительно, – и посмотрю, нет ли там чего-нибудь съестного.

Де Сауза поднялся из-за стола первым. Вскоре после этого начали подниматься из-за своего стола вторые лейтенанты. Один или два из них несколько задержались, видимо размышляя, не следует ли им вступить в разговор с новичками, но к этому моменту все головы за другим столом склонились к своим мискам. Подходящий момент был упущен.

– Общительные ребята, правда? – иронически заметил Сарам-Смит, когда они ушли.

Ужин длился недолго. Вскоре все прибывшие вернулись в холл к своим вещам.

– Давайте я помогу вам, «дядюшка», – предложил Ленард, и Гай, с благодарностью уступив ему свой вещевой мешок, начал прихрамывая подниматься за Ленардом по лестнице.

Двери комнат вокруг лестничной площадки были заперты. На оклеенной обоями стене мелом было написано: «Офицерские комнаты дальше, за занавесом». Пройдя через занавешенную дверь,

они спустились на одну ступеньку вниз и оказались в коридоре, застланном линолеумовой дорожкой и освещенном лампочками без абажуров. Двери комнат с обеих сторон были открыты. Вошедшие в коридор первыми заняли ближайšie к двери комнаты, однако нельзя было сказать, что они оказались от этого в выигрыше. Все комнаты были одинаковыми. В каждой стояло по шесть солдатских коек. Одежда и тюфяки были сложены в стопку.

– Давайте подальше от Триммера и Сарам-Смита, – предложил Ленард. – Как насчет вот этой, «дядюшка»? Выбирайте.

Гай выбрал койку в уголке, и Ленард бросил на нее его вещевой мешок.

– Здесь мигом появятся и остальные, – сказал Ленард, уходя. – Не сдавайте позиций.

В комнату заглянули несколько вторых лейтенантов.

– Свободные места есть, «дядюшка»?

– Для троих. Одно мы заняли для Эпторпа.

– А нас четверо. Ну ладно, посмотрим дальше.

Гай слышал их голоса в соседней комнате:

– К чертям собачьим распаковку! Если мы хотим выпить до отбоя, то следует поторопиться.

Ленард вернулся с остальными вещами.

– Я думаю, надо занять место для Эпторпа, – сказал Гай.

– Конечно. Нельзя же, чтобы наши «дядюшки» жили врозь. Нам будет очень удобно. Впрочем, я не знаю, долго ли пробуду с вами. Дейзи приедет сюда, как только я найду для нее комнату. Говорят, что женатых будут отпускать на ночь домой.

Вскоре в комнату вошли еще три веселых юноши и расположились на остальных койках.

– Ты пойдешь в бар, Ленард? – спросил один из них.

– А как вы, «дядюшка»?

– Нет, ты иди, а я останусь.

Вскоре Гай остался в новом жилище совершенно один. Он начал распаковывать свои вещи. В комнате не было ни шкафа, ни полок. Шинель Гай повесил на крюк в стене, а щетки, расческу, умывальные принадлежности и книги положил на подоконник. Затем достал простыни, застелил койку и, всунув свернутое одеяло в наволочку, сделал нечто вроде подушки. Все остальное Гай пока не

распаковывал. Потом, опираясь на трость, он пошел осматривать помещение.

Спальные комнаты, очевидно, были дортуаром мальчиков. Каждая комната имела название в память о том или ином сражении первой мировой войны. Его комната называлась «Пашендейль». Он прошел мимо дверей с надписями: «Лос», «Иперс» (вместо истинного «Ипр»), «Анзак». Затем он нашел маленькую комнату без названия, в которой, вероятно, жил учитель. В ней стояли одна никем не занятая койка и комод. Это прямо-таки роскошь. Настроение Гая сразу же поднялось. «Только дураки живут с неудобствами, – подумал он. – Старый солдат всегда все разведает, оценит обстановку, продумает свой план во всех деталях». Он уже начал было волочить свой вещевой мешок по линолеумовой дорожке в обнаруженную одноместную комнату, но вспомнил на полпути, как Ленард тащил этот мешок наверх, как предложил Гаю выбрать койку. Если Гай переберется сейчас в другую комнату, то перечеркнет этим действием уважение к себе младших сослуживцев, снова отделится от них, как это было в казарменном городке алебардистов. Гай закрыл дверь одноместной комнаты и поволок вещевой мешок обратно в «Пашендейль».

Потом Гай продолжил осмотр помещений. Дом был оставлен, вероятно, во время летних каникул. Ему попала на глаза доска для объявлений, на которой еще висел список крикетной команды. Некоторые комнаты оказались запертыми, видимо, это были апартаменты директора. Здесь же располагалась учительская комната – множество, теперь не занятых, книжных полок, следы ожогов от сигарет на каминной доске, сломанная корзина для бумаг. На двери, ведущей в кухонные и подсобные помещения, было написано мелом: «Рядовой и сержантский состав»; позади двери раздавалась музыка, видимо, из радиоприемника. В зале на каминной полке стояла крышка от стола. Прочерченная мелом вертикальная линия разделяла ее на две части. Левая часть, судя по заголовку, предназначалась для постоянно действующих приказов, правая – для текущих приказов и распоряжений. Под заголовком «Постоянно действующие приказы» висели отпечатанные в типографии инструкции по соблюдению затемнения и по защите от химического нападения, напечатанные на машинке алфавитный список части и распорядок дня: «Подъем – 07:00. Завтрак – 07:30. Построение и занятия – 08:30. Второй завтрак –

13:00. Построение и занятия – 14:15. Чай – 17:00. Обед – 19:30. Если не последует иных указаний, офицеры свободны с 17:00.» Под заголовком «Текущие приказы и распоряжения» на доске было пусто. Гай потрогал рукой старомодную батарею парового отопления и почувствовал, к немалому своему удивлению, что она горячая. Батареи, по-видимому, плохо согревали окружающий воздух, ибо в каком-нибудь ярде от них тепла не ощущалось. Гай представил себе шумных мальчишек, отталкивающих друг друга, чтобы посидеть на теплых батареях, мальчишек в плотно облегающих брюках, с аденоидами и ознобышами; а может быть, привилегией сидеть на батареях пользовались только старшие ученики и одиннадцать игроков из футбольной команды-победительницы. Несмотря на опустение, Гай представлял себе всю школу – заведение и не очень прогрессивное, и не очень преуспевающее. Младшие преподаватели, наверное, часто менялись, прибывали с большим блеском, вылетали с большим треском; половину мальчиков принимали на условиях тайно сниженной оплаты: никто из них никогда не становился высокообразованным, не сдавал экзаменов в приличное закрытое привилегированное среднее учебное заведение, не возвращался отметить день своего выпуска, никогда не вспоминал добрым словом проведенные в этой школе годы, а если и вспоминал, то со стыдом и отвращением. Уроки по истории были, конечно, патристичными по замыслу, но высмеивались молодыми преподавателями. Никакой своей школьной песни в Кут-эль-Амаре не было. Обо всем этом можно было догадаться, по мнению Гая, по одним только запахам в этом покинутом здании.

«Что ж, – подумал Гай, – я ведь поступил в армию не из соображения личных удобств». Он знал, что когда-то придется жить в плохих условиях. Жизненные условия в казарменном городке алебардистов создавались долгими мирными годами, такие условия встречаются редко и всемерно сохраняются, но они не находятся ни в какой связи с целью Гая. С этими условиями покончено; надо понимать, что сейчас идет война.

Тем не менее настроение Гая в этот темный вечер явно испортилось. Въезд и размещение в этом доме, возможно, не что иное, как микрокосм того нового мира, для борьбы с которым он и вступил в армию. Дом покинуло нечто совершенно ненужное, слабая

пародия на цивилизацию, а он и его друзья принесли с собой в этот дом новый мир – мир, который повсюду вокруг Гая принимал твердые очертания, окруженный колючей проволокой и воняющий карболкой.

Колено Гая болело теперь больше, чем когда-либо. Он горестно прихромал в свою комнату, разделся, повесил одежду на заднюю спинку койки и улегся, не погасив единственной электрической лампочки, ярко светившей ему прямо в глаза. Он уснул, но вскоре был разбужен вернувшимися из бара шумными коллегами.

Ничего плохого об офицерах из центра формирования и подготовки Гай сказать не мог. В смущение его приводило, пожалуй, то обстоятельство, что они почти во всем походили на вновь прибывших. У них даже были свои «дядюшки»: добродушный, несколько полноватый учитель Блейк, которого все звали Коротышкой, и каучуковый плантатор с Малайского архипелага по имени Родерик. Впечатление создавалось такое, будто Гай и прибывшие с ним офицеры повернули где-то за угол и неожиданно оказались перед зеркалом, в котором увидели четкое отражение собственных персон. Гаю казалось, что в кут-эль-амарской школе просто стало в два раза больше молодых офицеров. Их уменьшили и изобразили в карикатурном виде путем дублирования, а вся иерархическая структура армейской жизни была опозорена этой конгрегацией столь большого числа офицеров, имеющих одинаковое воинское звание. Кадровые офицеры, которым была поручена подготовка младших офицеров, жили в отведенных им комнатах, более или менее точно появлялись на занятиях, в рабочие часы лениво переходили из одного класса в другой и с завидной пунктуальностью исчезали в конце рабочего дня. Инструктор-сержант во время приближения кого-нибудь из кадровых офицеров, не считаясь со званием офицера в его группе, часто говорил: «Ну-ка, будьте повнимательней, к нам идет офицер». Солдаты из команды обслуживания и инструкторы-сержанты подчинялись сержанту-квартирмейстеру. Вторые лейтенанты не несли за них никакой ответственности и не имели никаких нрав по отношению к ним.

Условия жизни стали несколько более сносными. Появились некоторые самые необходимые предметы мебели; создали столовую комиссию, и Гай стал ее членом; питание улучшилось; начал работать бар. Предложение взять напрокат радиоприемник в ходе горячего обсуждения было провалено совместными усилиями пожилых и бережливых. Из полкового склада предметов хозяйственно-бытового обихода получили мишень для игры «метание стрелок» и стол для пинг-понга. Однако в вечерние часы ничто из этого не удерживало

офицеров в заведении. Саутсанд располагал танцевальным залом, кинотеатром и несколькими отелями, к тому же и денег у офицеров стало больше. Возвратившись из отпуска, каждый из них обнаружил уведомление о возможности получить задолженность по денежному содержанию и довольно много совершенно неожиданных надбавок. Все должники Гая, за исключением Сарам-Смита, расплатились с ним. Сарам-Смит заявил:

– Что касается той пятерки, «дядюшка», если для вас она не имеет особого значения, я отдам ее несколько позднее.

Гаю казалось, что в использовании слова «дядюшка» при обращении к нему теперь появился некоторый нюанс. Если раньше это слово произносилось от всей души и выражало уважение младшими старших, то теперь оно звучало с заметной иронией. В Саутсандре молодые офицеры чувствовали себя довольно свободно: они подхватывали в городе девушек, выпивали в местных отелях и барах, считали, что в свободное время они никому не подконтрольны. В казарменном городке алебардистов Гай был связующим звеном между ними и старшими по положению и чину. Здесь же он был хромым старым хрычом, не отличавшимся в работе, не участвовавшим в шутках и забавах. Раньше он всегда был с ними и пользовался их уважением и признанием, доходившими до абсурда. Теперь же несгибающаяся в колене нога и трость удерживали Гая на расстоянии от них.

Его освободили от строевых занятий и от занятий по физической подготовке. Он ковылял в одиночестве в гимнастический зал, где они занимались в составе группы, и в таком же одиночестве ковылял за ними, когда они возвращались. Им выдали полевую форму одежды, и они надевали ее на занятия. Вечером желающие могли переодеться в повседневное обмундирование. Никаких приказов или распоряжений на этот счет не поступало. Парадного обмундирования не было. На занятиях изучали стрелковое оружие и утром, и во второй половине дня. Занятия проводились в соответствии с наставлением, страница за страницей, рассчитанным на усвоение даже самым бестолковым новобранцем.

– Просто вообразите, джентльмены, что вы играете в футбол. Полагаю, некоторые из вас не отказались бы поиграть сейчас. Правда ведь? Итак, вы играете правым крайним нападающим. Ветер дует

прямо в ворота противника. Понятно? Вы подаете угловой. Понятно? Скажите мне, куда вы будете нацеливать свой удар, прямо в ворота? Может кто-нибудь сказать мне, куда вы будете целиться? Мистер Триммер, вот вы, например, куда вы будете целиться, прямо в ворота?

– О, конечно, сержант.

– Да? Прямо в ворота? А как думают другие?

– Нет, сержант.

– Нет, сержант.

– Нет, сержант.

– О, вы будете целиться не в ворота? Так ведь? Хорошо, а куда же вы будете целиться?

– Я попробую дать кому-нибудь пас.

– Я спрашиваю не об этом. Предположим, что вы *хотите* забить гол сами. Куда вы будете целиться в этом случае? Прямо в ворота?

– Да.

– Нет.

– Нет, сержант.

– Хорошо. Ну, а *куда* вы будете целиться? Давайте же отвечайте! Неужели никто из вас не играет в футбол? Вы же будете целиться *левее* ворот, правда ведь?

– Да, сержант.

– Но почему? Может кто-нибудь сказать мне почему?.. Вы будете целиться *левее* ворот, потому что надо учитывать *дующий в ворота противника ветер*. Правильно?

Когда Гая вызвали к прицельному станку, он взял поправку на ветер. Позднее, в гимнастическом зале, преодолевая боль в ноге, Гай лег на пол и нацелил винтовку в глаз Сарам-Смита, в то время как тот, прищурившись, смотрел на Гая через ортоскоп. Сарам-Смит заявил, что все «выстрелы» Гая в цель не попали.

Всем было хорошо известно, что однажды Гай убил льва. Инструкторы-сержанты не однажды припоминали этот эпизод на занятиях. «Мечтаете об огромном диком звере, мистер Краучбек? – спрашивали они, когда он был недостаточно внимателен. – Впереди вас дерево с густой кроной. Сто двадцать градусов справа – угол желтого поля. В этом углу – лев. Два выстрела по льву. Огонь!»

Участие Гая в деятельности столовой комиссии никоим образом не создавало ему привилегированного положения. Наоборот, теперь

он вынужден был выслушивать массу довольно резких упреков и жалоб: «Дядюшка», почему у нас такие плохие соленья и маринады? Неужели нельзя закупать что-нибудь получше?» «Дядюшка», а почему виски у нас не дешевле, чем в отеле «Грэнд»?», «Зачем мы выписываем „Таймс“? Ее никто, кроме вас, не читает». В механизм размеренной казарменной жизни попадали и накапливались крохотные зерна зависти, и это, в свою очередь, приводило к напряженности в отношениях.

В течение прошедшей недели Гай с возраставшей остротой чувствовал свое одиночество и приходил во все большее уныние. Когда на восьмой день он услышал, что в Кут-эль-Амару едет Эпторп, он чувствовал себя веселым и бодрым в течение всего скучного занятия на тему: «Определение дистанции».

– ...Для чего нам надо определять дистанцию? Чтобы правильно оценить расстояние до цели. Понятно? Правильно определенная дистанция до цели обеспечивает эффективность стрельбы и позволяет избежать напрасного расхода боеприпасов. Понятно? На расстоянии двухсот ярдов все части тела человека видны отчетливо. На расстоянии трехсот ярдов очертание лица человека расплывчатое. Четыреста ярдов – лица уже совершенно не видно. При расстоянии шестисот ярдов голова становится точкой, а тело сходит на конус. Вопросы есть?..

Когда Гай шел, прихрамывая, из гимнастического зала в дом, он повторял про себя: «На расстоянии шестисот ярдов голова выплывет точкой, четыреста ярдов – лица не видно» – не для того, чтобы запомнить это, а просто как ничего не значащие фразы. Еще не дойдя до дома, он все перепутал и уже говорил; «Четыреста ярдов – голова, как лицо; шестисот ярдов – никакой точки», Это был для него самый плохой день за все пребывание в армии.

Войдя в дом. Гай увидел Эпторпа. Тот сидел в холле.

– Очень рад снова видеть тебя, – искренне сказал Гай. – Ну как ты теперь, здоров?

– О нет, нет, до этого еще далеко. Но мне сказали, что для легкой работы я годен.

– А что, опять «бечуанский живот»?

– Я не шучу, старина. Со мной произошел очень неприятный случай. В ванной, когда я был в чем мать родила.

– Что ты говоришь! Как же это случилось, Эпторп?

– Я как раз и собирался рассказать, но мне показалось, ты будешь смеяться надо мной. Я был у своей тетушки в Питерборо. Дел у меня особых не было, но я не хотел, так сказать, потерять свою форму и решил поэтому ежедневно выполнять несколько физических упражнений. Случилось так, что в первое же утро я поскользнулся, упал и сильно ушибся. Должен сказать тебе, болит очень здорово.

– Что же именно ты ушиб, Эпторп?

– Колено. Я даже думал, что у меня перелом. И ты знаешь, найти военного врача оказалось не так-то просто. Моя тетушка хотела, чтобы я пошел к ее доктору, но я настоял на том, чтобы меня посмотрел военный врач. Когда я наконец добился этого, врач сказал, что дело серьезное. Отправил меня в госпиталь. В сущности, пребывание в госпитале оказалось очень интересным. Ты ведь, по-моему, никогда не был в военном госпитале, Краучбек?

– Нет, пока не был.

– Очень даже стоит побывать. Нам нужно знать все рода военной службы. На койке рядом со мной лежал сапер с язвами...

– Эпторп, я должен задать тебе один вопрос...

– Я и рождественские дни провел в госпитале. Добровольческие вспомогательные отряды пели рождественские гимны...

– Эпторп, ты хромаешь?

– А как же, старина, конечно хромаю. Такой ушиб даже при самом хорошем лечении не проходит за один день.

– Я тоже хромаю.

– Очень жаль. Но я рассказывал тебе о рождестве в госпитале. Начальник отделения сделал пунш...

– Ты представляешь себе, Эпторп, какими идиотами мы будем выглядеть?! Я имею в виду, что мы оба будем хромать...

– Нет.

– Как дурацкие близнецы.

– По-моему, старина, ты придаешь этому слишком большое значение.

Однако, когда Гай и Эпторп появились в двери столовой, каждый опираясь на трость, все, как один, повернули головы в их сторону, громко засмеялись и дружно захлопали в ладоши.

– Послушайте, Краучбек, это что же, было запланировано заранее?

– Нет. Это, кажется, простая случайность.

– Гм, по-моему, довольно безвкусная.

Они наполнили свои кружки из титана и сели за стол.

– А я не впервые пью чай в этой комнате, – заявил Эпторп.

– Каким же это образом?

– Мы часто играли с Кут-эль-Амарой, когда я был в Стейплхерсте. Никогда не был первоклассным игроком в крикет, но играл вратарем два последних сезона в своей футбольной команде.

Гай с удовольствием узнавал новые факты из личной жизни Эпторпа, но тот сообщал их довольно редко. Тетка в Питерборо – новое действующее лицо: теперь появился еще и Стейплхерст.

– Это что, твоя приготовительная школа?

– Да. Это довольно приметное здание в противоположной части города. Я думал, ты видел его и слышал о нем. Оно всем очень хорошо известно. Моя тетка принадлежала к ортодоксальной англиканской церкви, тяготеющей к католицизму, – добавил он таким тоном, как будто это подтверждало каким-то образом репутацию школы, в которой он учился.

– Твоя тетка в Питерборо?

– Нет, нет, конечно же, нет, – раздраженно ответил Эпторп. – Тетка в Танбридж-Уэлсе. Тетка в Питерборо вообще не интересуется такими вещами.

– Ну и как, эта школа хорошая была?

– Стейплхерст? Одна из лучших. Выдающаяся. По крайней мере, она была такой в то время.

– Я имею в виду нашу – Кут-эль-Амару.

– Мы считали их ужасной мелкотой. Конечно, они обычно одерживали победу над нами, но игры для них были своеобразным культом. У себя в Стейплхерсте мы довольно часто брали верх над ними.

– Мы заняли для вас койку в нашей комнате, «дядюшка», – присоединился к разговору Ленард.

– Очень мило с вашей стороны, но, сказать по правде, у меня так много вещей. Я осмотрел помещение еще до того, как вас распустили, и нашел свободную комнату, в которой поселюсь один. Мне придется

читать по вечерам, чтобы догнать вас в подготовке. Сапер, с которым я познакомился в госпитале, дал мне несколько очень интересных книг, очень секретных к тому же. Это такие книги, которые запрещается держать в окопах на передовой, потому что опасаются, как бы они не попали в руки противника.

– Это, видимо, инструкции по боевой подготовке сухопутных войск.

– Именно эти инструкции.

– А нам всем выдали их.

– Гм, не может быть, что они одинаковые. Мне дал их этот майор из саперной части. У него язва внутри, поэтому он и передал эту книгу мне.

– Она вот такая? – спросил Ленард, доставая из брючного кармана экземпляр январской инструкции по боевой подготовке сухопутных войск, предназначенной для всех офицеров.

– Я не могу сказать, не просмотрев книги, – ответил Эпторп. – Так или иначе, но мне думается, что я не имею права говорить о своей книге.

Таким образом, все вещи Эпторпа: множество всяких плотно закрывающихся коробок, водонепроницаемых мешочков, странной формы жестяных сундучков и кожаных чемоданчиков, помеченных инициалами и стянутых ремнями с медными пряжками, – все это было скрыто от любых глаз, кроме его собственных.

Гай довольно часто видел эти коробки, мешочки и чемоданчики в казарменном городке алебардистов, но не проявлял к ним никакого интереса. Тогда, в условиях взаимного доверия, еще до завтрака у капитан-коменданта. Гай, конечно, мог бы спросить у Эпторпа и узнать секрет вещей. Единственное, что стало известно Гаю из разговоров с Эпторпом в прошлом, сводилось к тому, что среди вещей было что-то очень редкое и очень загадочное и что это «что-то» Эпторп называл своим «гром-боксом».

Вечером в тот день Гай впервые вышел в город. Наняв машину с водителем, Гай и Эпторп весь вечер ездили от одного отеля к другому, всюду встречая алебардистов, которые или пили, или искали местечко, где можно было уединиться.

– По-моему, пока я отсутствовал, ты распустил молодых людей и они стали более спесивыми и менее уважительными, – заметил

Эпторп.

Гай и Эпторп усиленно разыскивали отель под названием «Королевский Двор». В этом отеле останавливались тетушки Эпторпа, когда приезжали навещать его в школе.

– Это, конечно, не бог весть какое выдающееся место, но в этом отеле всегда все было хорошо. Он известен лишь очень немногим.

В этот вечер никто не мог сказать им, где находился этот отель. Совсем поздно, когда все бары уже закрылись, Гай предложил:

– А почему бы нам не поехать посмотреть Стейплхерст?

– Но сейчас там нет ни одного человека, старина. Каникулы, Кроме того, уже поздновато.

– А если просто подъехать и взглянуть на дом?

– Это, пожалуй, можно. Водитель, к Стейплхерсту!

– К роще или шоссе Стейплхерст?

– Нет, к дому Стейплхерст.

– Я знаю только рощу и шоссе. Но я там спрошу у кого-нибудь. Хорошо? Это частный дом?

– Я не совсем понимаю вас, водитель.

– Это частный отель?

– Нет, это частная школа.

Светила луна, с моря дул сильный ветер. Они проехали через площадь и оказались на окраине города.

– Кажется, все здесь очень изменилось, – заметил Эпторп. – Я ничего этого не помню.

– Мы сейчас в роще, сэр, – объяснил водитель. – Шоссе вон там дальше, налево.

– Школа была где-то вот здесь, – сказал Эпторп. – С ней, должно быть, что-то произошло.

Они вышли из машины на залитую лунным светом поляну, подставив себя пронизывающему северному ветру. Кругом были маленькие виллы с окнами, закрытыми ставнями. Здесь, под их ногами и позади аккуратненьких заборов, находились футбольные поля, на которых вымазавшийся в грязи Эпторп защищал свои ворота. Где-то среди этих садов и гаражей, возможно, сохранились остатки кирпичных стен того храма науки, в котором чистенький Эпторп в парчовом стихаре зажигал восковые свечи.

– Вандалы! – проговорил Эпторп с горечью.

Затем оба хромых друга снова забрались в машину и в подавленном настроении направились обратно в Кут-эль-Амару.

На следующее утро у Эпторпа был слабый приступ «бечуанского живота», но, несмотря на это, он все-таки поднялся. Гай, мучимый жаждой, спустился вниз первым. Стояло серое мрачное утро, сыпался обильный снег. В холле возле доски для объявлений Гай увидел кадрового офицера. Он держал большой лист бумаги, на котором красным мелом был выведен заголовок: «Прочитай, это тебя касается».

– Вам повезло, – сказал офицер. – Сегодня нам дали Мадшор. Посадка на автобус в восемь тридцать. Доставайте свои ранцы-рюкзаки. Сообщите об этом всем своим друзьям.

Гай поднялся на второй этаж и, открывая дверь по очереди в каждую комнату, объявлял:

– Сегодня у нас Мадшор. Автобус отходит через двадцать минут.

– А кто такой Мадшор?

– Не имею ни малейшего представления.

Вернувшись вниз, к доске объявлений, Гай узнал, что Мадшор – это стрельбище примерно в десяти милях от города.

Так начался скучнейший день по новому распорядку.

Стрельбище Мадшор представляло собой длинную полосу болотистого побережья, разделенную на равных расстояниях земляными валами и заканчивающуюся грязно-серым естественным откосом. Стрельбище было окружено проволочным ограждением и предостерегающими надписями; около первого земляного вала стоял небольшой домик – здесь проходил огневой рубеж стрельбища. Когда группа приехала, в домике было три солдата: один, в рубашке, брился возле двери, другой сидел на корточках около печки, а третий, небритый, вышел откуда-то, застегивая свой мундир.

Майор, прибывший во главе группы, пошел в домик, чтобы узнать, все ли готово к стрельбам. Снаружи было слышно, как он разговаривал сначала раздраженным тоном, затем более мягким, а закончил разговор словами:

– Хорошо, сержант. Это явно не ваша вина. Продолжайте бриться. Я попытаюсь связаться с командованием района по телефону.

Он возвратился к группе.

– Кажется, произошла какая-то путаница, – сказал он. – Согласно последнему приказу из района, стрельбы на сегодня отменены. Ожидается сильный снегопад. Я сейчас займусь выяснением, что можно предпринять в этой обстановке. А пока, поскольку мы уж приехали сюда, имеется возможность провести занятие на тему: «Дисциплина на стрельбище».

В течение последовавшего часа, пока не наступил полный рассвет, они изучали и применяли на практике сложные правила предосторожности, которыми на этом этапе второй мировой войны оговаривалась стрельба боевыми патронами. Затем к ним вернулся майор, который все это время находился в домике и разговаривал по телефону.

– Отлично, – сказал он, – в ближайшие час-два снега не ожидается. Мы можем продолжать. Наши ходячие раненые принесут нам пользу на мишенном валу.

Гай и Эпторп прошли пятьсот ярдов по осоке и заняли места под мишенями, в выложенной кирпичом траншее. К ним присоединились капрал и два солдата из артиллерийско-технической службы. После продолжительного разговора по телефону поднялись красные флажки, и стрельба наконец началась. Прежде чем отметить первое попадание, Гай посмотрел на свои часы. Было без десяти одиннадцать. К двенадцати тридцати было поражено четырнадцать мишеней и поступили команды «Разряжай» и «Вольно». На смену Гаю и Эпторпу прибыли два офицера из центра формирования и подготовки.

– На огневом рубеже все очень недовольны, – сказал один из них. – Говорят, что вы показываете попадания очень медленно. А мне хотелось бы взглянуть на мою мишень. Я уверен, что третья пуля тоже попала. Она, наверное, прошла через дырку, пробитую второй пулей. Я целился очень точно.

– Как бы она ни прошла, все дырки уже заклеены.

Гай отковылял на несколько шагов в сторону и, не опасаясь огня, показался над кромкой траншеи. На огневом рубеже в тот же момент раздались крики и многие замахали руками. Не обращая на них внимания. Гай, прихрамывая, продолжал идти к рубежу, пока не услышал голос майора:

– Ради всего святого, Краучбек, вы что же, хотите, чтобы вас убили? Разве вы не видите, что красный флажок поднят?

Гай посмотрел и убедился, что флажок действительно поднят. На огневом рубеже не было ни одного человека. Все столпились у подветренной стены домика и жевали бутерброды. Гай продолжал идти, прокладывая себе путь между кочек.

– Ложитесь, черт вас возьми! Смотрите на флаг!

Гай лег, посмотрел на флаг и увидел, как тот начал быстро опускаться.

– Вот теперь можете идти! – крикнул майор.

– Извините, сэр, – сказал Гай, приблизившись к майору. – Нас сменили присланные отсюда два офицера, и поступила команда «Вольно».

– Вот именно! Так вот и происходят несчастные случаи. Флаг, и только флаг, является сигналом, разрешающим передвижение. Обратите на это внимание. Прошу общего внимания! Вы только что были свидетелями типичного нарушения дисциплины на стрельбище. Запомните это.

Тем временем и Эпторп появился из траншеи. Тяжело прихрамывая, он шел к огневому рубежу. Когда он подошел, Гай спросил:

– А ты видел этот проклятый флаг?

– Конечно. Любой человек, прежде чем начать что-то делать на стрельбище, должен посмотреть на флаг. Это первое правило. К тому же меня предупредил капрал. Они часто выкидывают этот трюк во время первых стрельб: поднимают красный флаг в тот момент, когда все уверены, что он должен быть спущен. Это делается просто для того, чтобы обратить внимание на необходимость соблюдения правил поведения на стрельбище.

– Ты мог бы передать предупреждение капрала и мне.

– Вряд ли, старина. Это свело бы на нет всю суть замысла. Как же мы усваивали бы уроки, если все предупреждали бы друг друга? Понимаешь, что я имею в виду?

Они съели свои бутерброды. Стало еще холодней.

– Нельзя ли продолжить стрельбы, сэр? Все уже готовы.

– Полагаю, можно, но надо думать и о солдатах. Им тоже нужен перерыв.

Прошло некоторое время, прежде чем стрельбы возобновились.

– Мы не успеем закончить упражнение вовремя, – сказал майор. – Сократите стрельбы до пяти патронов на человека.

Однако в основном время уходило не на стрельбу, а на построение, на проверку знаний поведения на огневом рубеже и на осмотр оружия. Когда подошла очередь Гая, начинало уже темнеть. Он и Эпторп попали в последнюю группу и прихромали на рубеж каждый отдельно. Гай лег и попробовал прицелиться из винтовки еще до того, как зарядил ее. Он обнаружил, к своему разочарованию, что мишень совершенно исчезла из видимости. Гай опустил винтовку и посмотрел на мишень обоими глазами. Он увидел едва различимое белое пятно. Закрыв один глаз – пятно потускнело и стало временами пропадать из видимости. Гай поднял винтовку и тотчас же понял, что различить что-нибудь над мушкой он не в состоянии.

Гай зарядил винтовку и быстро выстрелил пять патронов с наблюдением. После первого выстрела из траншей поднялся диск и прикрыл яблоко мишени.

– Отлично, Краучбек, так и продолжайте!

После второго выстрела флажок показал промах. После третьего – снова промах.

– Алло, Краучбек, в чем у вас там дело?

Четвертый выстрел – попадание в самый верх мишени, пятый – снова флажок.

Затем поступило сообщение по телефону: «Поправка результатов стрельбы по второй мишени. Попадание первой пули по яблоку показано ошибочно. Слетела наклейка. Первый выстрел по второй мишени – тоже промах».

Эпторп, стрелявший по соседней мишени, добился очень хороших результатов.

Майор отвел Гая в сторонку и мрачно сказал:

– Никуда не годная стрельба, Краучбек. В чем же все-таки дело?

– Не знаю, сэр. Видимость была очень слабой.

– Одна и та же видимость для всех. Вам необходимо усердно потренироваться на прицельном станке. Сегодняшние результаты просто постыдные.

После этого начался привычный подсчет израсходованного боеприпаса и сбор стреляных гильз.

– Протереть винтовки. Тщательная чистка оружия сразу же после возвращения и роспуска строя.

Пошел сильный снег. Стемнело еще до того, как все сели в автобус и медленно тронулись в путь.

– Я считаю, что тому льву просто не повезло, «дядюшка», – сказал Триммер. Однако никто из сидящих в автобусе не засмеялся.

После столь длительного пребывания на морозе даже кут-эль-амарская школа показалась всем теплой и приветливой. Гай сел на горячую батарею отопления в холле первого этажа с намерением подождать, пока освободится лестница. Мимо него проходил официант столовой, и Гай заказал для себя стаканчик рома. Кровь постепенно пришла в движение, и он почувствовал, как руки и ноги начали согреваться.

– Алло, Краучбек, уже почистили винтовку? – спросил подошедший к нему майор.

– Нет еще, сэр. Я просто ждал, пока рассосется толпа.

– Ждать у вас нет никаких оснований, Краучбек. Вы слышали, как было приказано? «Тщательная чистка оружия *сразу же* после возвращения и роспуска строя». О том, что можно подождать и выпить пару стаканчиков рома, ничего сказано не было.

Майор тоже замерз. И для него этот день был мерзким. Более того, чтобы попасть домой, ему еще предстояло пройти около мили по снегу. К тому же, как он теперь вспомнил, повара уже не будет, когда он вернется домой, и ему, согласно его же обещанию, предстоит сопровождать жену на обед в один из городских отелен.

– Сегодня у вас далеко не лучший день, Краучбек, – продолжал майор. – Вы можете и не быть хорошим стрелком, но обязаны по крайней мере держать свою винтовку чистой. – Сказав это, он вышел из дома и, не пройдя и сотни ярдов, совершенно забыл об этом деле.

Триммер во время этого разговора находился на лестнице.

– Алло, «дядюшка», как я понимаю, вы получили втык?

– Ты правильно понимаешь.

– Это нечто новое для нашего любимчика.

Через помрачневший рассудок Гая пролетела искра и воспламенила взрыватель.

– Пошел ты к чертям собачьим!

– Та-та-та, «дядюшка». Не находите ли вы, что немножко резковаты сегодня?

Сильный удар тростью.

– Эй ты, недоделанное ничтожество, заткнись! – прикрикнул на него Гай. – Еще хоть малейшая дерзость с твоей стороны, и ты получишь по зубам!

Гай не выбирал слов; ни физически, ни морально он не мог внушить кому-нибудь страх, но неожиданный гнев всегда настораживает, ибо вызывает воспоминания об испытанных в детстве ужасных последствиях, которые трудно было предвидеть. К тому же Гай в этот момент был вооружен весьма прочной тростью, которую он непроизвольно, но угрожающе приподнял. Военный суд мог истолковать, а мог и не истолковать этот жест как серьезную угрозу жизни офицера-сослуживца. Триммер истолковал.

– Послушайте, «дядюшка», успокойтесь. Я никоим образом не хотел вас обидеть.

У гнева есть свои движущие силы, которые уводят далеко от точки взрыва. Они-то и довели теперь Гая до состояния белого каления, пребывать в каком-то ему раньше не доводилось.

– Черт бы взял твою отвратительную душонку. Я ведь, кажется, сказал тебе заткнуться. Разве не сказал?

Гай намеренно и совершенно недвусмысленно замахнулся тростью и сделал, прихрамывая, шаг вперед. Триммер рванулся с места и побежал. Два проворных прыжка – и он скрылся на втором этаже за углом, бормоча себе под нос: «Не понимает шуток и выходит из себя...»

Приступ гнева прошел очень медленно. Чувство удовлетворенности собой прошло вместе с гневом, но еще медленнее. Вскоре Гай пришел в свое обычное состояние.

Такие же драмы, размышлял Гай, должно быть, разыгрывались в каждом семестре в кут-эль-амарском интернате, когда черви неожиданно оказывались удавами, когда скверных задиристых мальчишек обращали в бегство. Но чемпионы старших классов не нуждались в стаканчике рома, чтобы подбодрить себя.

Неужели для этого проносились звуки горнов над плацем в казарменном городке алебардистов? Неужели для этого неслись звуки оркестра над притихшим обеденным столом «медных каблуков»?

Неужели это та победа, ради которой Роджер де Уэйброук стал крестоносцем? Должен ли Гай торжествовать потому, что заставил замолчать Триммера?

Сгорая от стыда и печали, опираясь на свое бесчестное оружие, Гай стоял самым последним в очереди за кипятком.

Последовавшая неделя была утешительной.

Гай почувствовал, что его колено больше не болит. С каждым днем, пока он все основательнее привыкал к хромоте, колено становилось здоровее. Вскоре он понял, что его колено болит от тугой, стягивающей повязки. Теперь, когда по его пятам в роли двойника все время ходил Эпторп, Гай оставил в покое трость и повязку и обнаружил, что может без них передвигаться совершенно нормально. Гай присоединился после этого к своему отделению с такой же гордостью, какую испытывал на второй день своего пребывания в казарменном городке алебардистов.

В то же время усы, которые он отращивал вот уже несколько недель, неожиданно приобрели определенную форму; это произошло с такой же неожиданностью, с какой ребенок вдруг начинает плавать. Утром накануне усы представляли собой не более чем запутанный клок жестких волос, а на следующий день вдруг стали солидной, симметрично расположенной растительностью. Гай сходил в городскую парикмахерскую, где усы подстригли, расчесали и завили горячими щипцами. Он поднялся с кресла неузнаваемо преобразенным. Когда Гай выходил из парикмахерской, он заметил на другой стороне улицы небольшой магазин оптики, на витрине которого лежало огромное фарфоровое глазное яблоко и висело объявление: «Бесплатная проверка зрения. Любые линзы подбираются в присутствии заказчика». Вид одинокого глазного яблока и идиосинкразический выбор слова «линзы» вместо просто «очки», воспоминание об изменившемся лице, которое он только что видел в зеркале у парикмахера, а также воспоминание о бесчисленных немецких уланах в бесчисленных американских фильмах – все это заставило Гая перейти улицу и зайти в оптический магазин.

– Мне хотелось бы приобрести монокуляр, – четко произнес Гай.

– Да, сэръ. С простым стеклом для более внушительного внешнего вида или вы действительно нуждаетесь в оптике?

– Мне нужно для стрельбы. Я не вижу мишени.

– О, дорогой мой, это, конечно, требует *специальной* оптики.

– Вы можете предложить мне что-нибудь?

– Не только могу, но и *обязан*, не так ли?

Через пятнадцать минут Гай вышел из магазина, купив за пятнадцать шиллингов монокль с сильной линзой в позолоченной двойной оправе. Достав монокль из футляра под кожу, Гай остановился у витрины и вставил его в правый глаз. Монокль держался хорошо. Гай медленно расслабил мышцы лица и перестал прищуривать правый глаз. Монокль прочно держался на месте. У человека, отраженного витриной, был циничный вид; он очень походил на юнкера. Гай вернулся в оптический магазин.

– Я, пожалуй, возьму еще два или три таких монокля, на тот случай, если этот разобьется.

– Боюсь, что с такой сильной линзой у меня больше нет.

– Это не имеет значения. Дайте мне с наиболее подходящей к этой.

– Но подумайте, сэр, глаз – это очень чувствительный орган, к нему нельзя относиться так безрассудно. Линза для вашего монокля *подобрана* на основании проверки вашего глаза. Я как специалист могу порекомендовать вам только такую.

– Ничего, ничего.

– Ну что ж, сэр, я предупредил вас. Как специалист, я возражаю, как торговец – покоряюсь.

Монокль в сочетании с усами поставил Гаю намного ближе к его младшим сослуживцам, из которых никто не мог преобразиться так быстро. Разумеется, способность Гаю стрелять по мишени тоже резко повысилась.

Через несколько дней после приобретения Гаем моноклей они снова выехали на полигон Мадшор для стрельб из ручного пулемета «брен». Пользуясь моноклем, Гай хорошо различал на фоне грязного снега белое пятно и всякий раз попадал в него, конечно, не так точно, как искусный стрелок, но не хуже, чем любой другой из его группы.

Гай не собирался носить монокль постоянно, но пользовался им довольно часто и в значительной мере восстановил утерянный престиж тем, что монокль часто приводил в замешательство инструктора-сержанта.

Престиж Гаю повысился еще и потому, что нехватка финансов у его сослуживцев снова стала весьма распространенным явлением.

Гостиные с пальмами в отелях и танцевальные вечера обходились довольно дорого, и первый-прилив наличных денег быстро истощился. Молодые офицеры начали подсчитывать дни до конца месяца и задавались вопросом, смогут ли они теперь, когда их существование, кажется, признано, положиться на регулярную выплату финансовой частью денежного содержания и надолго ли хватит выплачиваемых им сумм. Один за другим все бывшие клиенты Гая пришли к нему снова, к ним робко присоединились еще два человека. Хотя про алебардистов нельзя было сказать, что они продают уважение младших к старшим за три-четыре фунта, оставалось фактом, что все должники Гая, за исключением Сарам-Смита (его Гай удостоил лишь ледяного пристального взгляда через монокль), стали по отношению к нему более вежливыми и, как бы в оправдание своих малых актов такой вежливости, часто говорили друг другу: «Дядюшка» Краучбек действительно чертовски великодушный и благородный парень».

Жизнь показалась Гаю еще более сносной после того, как он открыл два вполне устраивающих его пристанища. Первым был ресторан напротив под названием «Гарибальди», где Гай нашел генуэзскую кухню и весьма теплый прием. Владелец ресторана занимался по совместительству шпионажем. Этот Джузеппе Пелеччи, полный и плодовитый мужчина, хорошо принял Гая во время его первого визита в надежде на то, что Гай, возможно, внесет что-нибудь новое в довольно скучную и скудную информацию по местному судоходству, которая была пока единственным вкладом Джузеппе в сокровищницу информации в его стране. Но когда Джузеппе узнал, что Гай говорит по-итальянски, то его патриотизм уступил место самой обычной тоске по родине. Он родился недалеко от Санта-Дульчины и знал кастелло Краучбека. Джузеппе и Гай стали более чем владельцем и постоянным посетителем ресторана, более чем агентом и жертвой обмана. Впервые в жизни Гай почувствовал себя *simpatico* и поэтому стал обедать в «Гарибальди» почти каждый вечер.

Вторым пристанищем Гая сделались яхт-клуб и флотилия яхт в Саутсанде и Мадшоре.

Гай нашел эти особенно устраивавшие его места отдыха довольно занятным путем, ибо узнал при этом некоторые очень

интересные факты, дополняющие историю Эпторпа в юношеские годы.

Было бы преувеличением сказать, что Гай подозревал Эпторпа во лжи. Его заявление с претензиями на какую-то исключительность – ботинки «дельфины», принадлежащая к ортодоксальной англиканской церкви тетка в Танбридж-Уэлсе, друг, находившийся в тесных отношениях с гориллами, – вовсе не похожи на то, что придумал бы обманщик для того, чтобы произвести впечатление. Тем не менее всякий раз, когда Гай вспоминал Эпторпа, ему приходила в голову мысль о каком-то существенном неправдоподобии. В отличие от типичной фигуры-цели на занятиях по определению дистанции Эпторп тем больше становился безликим и «сходил на конус», чем ближе подходил к вам. Гай относился к нему бережно и ценил каждую золотую крупинку в нем, но в конце концов обнаруживал, что все эти крупинки склонны исчезать, словно сказочное золото. Очарование Эпторпа было действительным лишь постольку, поскольку сам Эпторп был неопровержимой действительностью. Ко всякому решительному переходу из эпторпского волшебного мира в мир земной следовало относиться с интересом и вниманием. Именно так Гай поступил в первое воскресенье после своего фиаско на стрельбище Мадшор; это было начало недели, которая закончилась триумфом благодаря его завитым усам и моноклю.

Гай пошел к мессе один. Церковь была старой, как и большинство построек в Саутсанде, приукрашенной печальными дарами многочисленных вдов. У выхода из церкви, на паперти, к Гаю обратился опрятный пожилой мужчина, который во время мессы ходил с тарелкой, собирая денежные пожертвования.

– По-моему, я видел вас здесь на прошлой неделе, правда? Моя фамилия Гудол, Эмброуз Гудол. Я не обратился к вам в прошлое воскресенье, потому что не знал, как долго вы здесь пробудете. Теперь мне известно, что вы служите в Кут-эль-Амаре, поэтому позвольте мне приветствовать вас в храме святого Августина.

– Моя фамилия Краучбек.

– Именитая фамилия, позвольте вам сказать. Краучбек из Брума, наверное?

– Мой отец уехал из Брума несколько лет назад.

– О, да, да, я знаю об этом. Весьма прискорбно. Я занимался изучением, в скромных пределах, конечно, английского католицизма во времена папистов и нонконформистов, поэтому Брум имеет для меня большое значение. Я сам новообращенный. Однако осмелюсь заявить, был католиком почти так же долго, как и вы. После мессы я обычно совершаю короткую прогулку. Если вы возвращаетесь пешком, позвольте мне составить вам компанию.

– Сожалею, но я заказал такси.

– О, дорогой друг, значит, мне не удастся склонить вас зайти в яхт-клуб? Он как раз на вашем пути.

– Вряд ли это возможно, но позвольте мне подвезти туда вас.

– Отлично. Сегодняшнее утро такое морозное.

Когда они сели в машину и тронулись в путь, Гудол продолжал:

– Я с удовольствием сделал бы для вас все возможное, пока вы здесь. Хотелось бы поговорить с вами о Бруме. Прошлым летом я был там. Монахини содержат имение в хорошем состоянии, все делается своевременно. Я мог бы показать вам окрестности Саутсанда. Здесь есть несколько очень интересных мест и старинных построек. Я очень хорошо знаю их. Когда-то я был учителем в частной школе Стейплхерст и никуда отсюда не выезжал.

– Вы были учителем в Стейплхерсте?

– Да, но сравнительно недолго. Понимаете ли, когда я стал католиком, то вынужден был уйти из школы. Это не имело бы значения ни в какой иной школе, но Стейплхерст была настолько верна ортодоксальной англиканской церкви, что мне пришлось уйти из нее.

– *Очень* хотелось бы послушать наш рассказ о Стейплхерсте.

– В самом деле, мистер Краучбек? Вас это очень интересует? Но о ней много не расскажешь. Ее история закончилась почти десять лет назад.

– А вы, случайно, не помните мальчика в этой школе, которого звали Эпторп?

– Эпторп? О, дорогой друг, вот и яхт-клуб. Неужели мне не удастся уговорить вас зайти?

– А почему бы действительно не зайти? Сейчас еще не так поздно, как мне представлялось.

Саутсандский и мадшорский яхт-клуб размещался в солидной вилле на набережной. На мачте, установленной в центре прибрежного газона, развевались флаг и вымпел яхт-клуба. На ступеньках стояли две медные пушки. Мистер Гудол подвел Гая к столику у окна с зеркальными стеклами и позвонил в колокольчик.

– Принесите, пожалуйста, херес, стюард.

– Эпторп оставил школу не менее двадцати лет назад, – возобновил разговор Гай.

– Это как раз время, когда я был в школе. Имя кажется мне знакомым. Я мог бы поискать его, если это действительно интересует вас. У меня есть все старые журналы.

– Он сейчас тоже в Кут-эль-Амаре.

– Тогда я наверняка узнаю его. Он ведь не католик?

– Нет, но у него есть тетка, принадлежащая к ортодоксальной англиканской церкви.

– Да, я так и предполагал. К этой церкви принадлежало большинство наших мальчиков, но очень многие пришли в нее позднее. Я старался не терять связи с ними, но дела церковного прихода отнимают так много времени, особенно теперь, когда каноник Гейоген не бывает здесь так часто, как раньше. А потом у меня ведь работа. Сначала мне было тяжело, но я все же справился. Частное репетиторство, лекции в монастырях. Вы, может быть, видели мои критические обзоры в «Тэблете»? Мне обычно присылают все, что связано с геральдикой.

– Я уверен, что Эпторп с удовольствием встретился бы с вами.

– Вы полагаете? После того, как прошло столько времени? Однако мне сначала надо взглянуть на него. Почему вам не привести бы его сюда на чашку чая. Моя квартира не очень удобна для приема гостей, но я с удовольствием увиделся бы с ним здесь.

Встреча состоялась через несколько дней. Гай и Эпторп говорили с Гудолом главным образом о делах в школе Стейплхерст.

– Мне удалось найти в журналах два упоминания о вашей игре в футбольной команде. Я сделал выписки. Боюсь, что ни то, ни другое не звучит похвально. Первое относится к ноябрю тысяча девятьсот тринадцатого года: «За отсутствием Бринкмэна ворота защищал его

дублер Эпторп, но форварды противостоящей команды неизменно оказывались слишком искусными для него». Счет в этой игре был восемь – ноль. Второе относится к февралю тысяча девятьсот пятнадцатого года: «В связи с эпидемией свинки мы смогли выставить против команды „Сент-Олаф“ лишь одиннадцать наспех подобранных игроков. Вратарь Эпторп, к сожалению, оказался не на высоте». Затем летом тысяча девятьсот шестнадцатого о вас упоминают в «Вейле». Но журнал не дает названия вашей школы.

– Да, сэр, в то время название еще было недостаточно определенным, чтобы попасть в прессу.

– А он был когда-нибудь в вашем классе? – спросил Гай.

– Вы были, Эпторп? – спросил его Гудол.

– Не совсем так. Наш класс был лишь на ваших лекциях по истории религии.

– Да, да, я читал их для всех классов. Именно поэтому я, собственно, и начал разговор с Краучбеком: По другим предметам я занимался только со стипендиатами. Вы, по-моему, никогда не были таковым?

– Нет, не был, – ответил Эпторп. – В этом отношении у меня получилась полная неразбериха. Моя тетка хотела, чтобы я поступил в Дартмутское военно-морское училище. Но я каким-то образом все перепутал в беседе с адмиралом.

– Я всегда считал, что там слишком трудные испытания для мальчиков. Много хороших кандидатов проваливаются только из-за большого нервного напряжения.

– О нет, дело было не только в этом. Мы, кажется, просто не ладили друг с другом.

– А куда же вы пошли после школы?

– О, я очень часто менял свои занятия и место жительства, – сказал Эпторп.

Они с удовольствием пили чай, сидя в глубоких кожаных креслах перед горящим камином. После небольшой паузы мистер Гудол спросил:

– А не пожелаете ли вы оба стать временными членами яхт-клуба, хотя бы на тот период, пока находитесь в Кут-эль-Амаре? Это очень уютное местечко. Вам не обязательно иметь для этого яхту. Но все мы здесь очень живо интересуемся парусным спортом. От шести

до восьми здесь обычно собираются очень милые люди, а если накануне договориться со стюардом, то можно и пообедать.

– Я с удовольствием, – сказал Гай.

– Многого говорит в пользу такого дела, – сказал Эпторп.

– Тогда позвольте мне представить вас нашему командору. Я только что видел, как он пошел сюда. Сэр Лайонел Го, отставник с Харлей-стрит. Очень хороший человек, по-своему, разумеется.

Представление состоялось. Сэр Лайонел сделал несколько комплиментов в адрес королевского корпуса алебардистов и собственноручно заполнил графы на Гая и Эпторпа в журнале кандидатов в члены клуба, сделав прочерк в графе «Название яхты».

– Секретарь сообщит вам результаты. Фактически, поскольку обязанности секретаря в настоящее время возложены на меня, я заполню на вас членские билеты и внесу ваши имена в списки. С временных членов мы взимаем по десять шиллингов в месяц. В наше время это совсем недорого, по-моему.

Так Гай и Эпторп стали членами яхт-клуба. Когда Эпторпу вручили его членский билет, он сказал:

– Благодарю вас, командор.

Когда они вышли на улицу, было уже темно и очень холодно. Большая нога Эпторпа в норму еще не пришла, поэтому он настоял на том, чтобы взять такси. По пути домой Эпторп заметил:

– По-моему, это хорошо, что мы записались туда, Краучбек. Я предлагаю никому не говорить об этом. Я подумал недавно, никакого вреда от того, что мы будем держаться немного в стороне от наших молодых друзей, не будет. Жизнь бок о бок порождает фамильярность в отношениях. Позднее мы можем оказаться в довольно неловком положении, если будем командовать ротой, а они станут лишь взводными командирами.

– Я никогда не получу роту. За последнее время мне почти во всем сопутствуют неудачи.

– Ну что ж, для меня, по крайней мере, положение будет не из приятных. Конечно, старина, я не возражаю против фамильярности между нами, потому что я уверен, ты никогда не станешь извлекать из этого для себя какую-нибудь выгоду. О всех остальных из нашей группы этого не скажешь. К тому же неизвестно, может быть, тебя назначат заместителем, а ведь это должность капитана.

После небольшой паузы Эпторп добавил:

– Непонятно, почему старина Гудол рассказывал тебе такие забавные вещи. – Позднее, когда они вернулись в Кут-эль-Амару и сидели в зале, потягивая джин и вермут, Эпторп снова нарушил длительное молчание словами: – Я никогда не заявлял, что был сколько-нибудь стоящим футболистом.

– Нет. Ты только сказал, что футбол не был для тебя фетишем.

– Точно. Откровенно говоря, в Стейплхерсте я ничем особенным не выделялся. Сейчас это кажется странным, но в те дни я был не более чем середнячком. Некоторые люди развиваются в более зрелом возрасте.

Большинство последовавших затем вечеров Гай и Эпторп проводили в яхт-клубе. Эпторпа с удовольствием принимали четвертым для игры в карты, а Гай, уютно устроившись перед горящим камином, проводил время за чтением, окруженный множеством карт, флажков и вымпелов, нактоузов, моделей кораблей и других морских атрибутов.

Весь тот январь был очень холодным. На первой неделе месяца началось массовое «бегство» из общежития в Кут-эль-Амаре. Сначала оттуда ушли женатые, которым разрешалось ночевать дома, на квартирах, снятых для временного проживания семьи; затем, поскольку многие из командно-преподавательского состава были не женатыми, но жили в приличных квартирах, разрешение на ночевку вне пределов Кут-эль-Амары распространилось на всех, кто имел соответствующие возможности или мог устроиться где-нибудь. Гай переехал в отель «Грэнд», который весьма удобно для него находился на полпути между Кут-эль-Амарой и яхт-клубом. Это был большой отель, построенный в расчете на летних постояльцев, пустовавший теперь, в военное зимнее время. Гай снял хорошие комнаты за довольно низкую плату. Эпторпа приютил командор яхт-клуба сэр Лайонел Го. К концу января в общих комнатах в Кут-эль-Амаре осталось менее половины их первоначальных обитателей; тех, кто выехал из них, называли пансионерами или дневными слушателями. Расписание движения местных автобусов даже тогда, когда оно соблюдалось, было таково, что к утреннему построению дневные слушатели, как правило, опаздывали, а иногда автобусы вообще ходили не по расписанию. Многие дневные слушатели жили довольно далеко от школы и от автобусных маршрутов. Никаких признаков изменения погоды не ожидалось. Переход по обледеневшей дороге к автобусной остановке или в обратном направлении стал теперь очень трудным и утомительным. Случаев опоздания офицеров к утреннему построению по правдоподобным причинам становилось все больше и больше. Зал для физической подготовки не отапливался, и длительные часы пребывания в нем переносились все труднее и труднее. В силу всех этих обстоятельств продолжительность рабочего дня была сокращена. Занятия начинались в девять часов утра и кончались в четыре часа дня. Горниста в Кут-эль-Амаре не было, но однажды Сарам-Смит, шутки ради, за пять минут до построения позвонил в школьный звонок. Майору Маккини это новшество понравилось, и он приказал пользоваться звонком регулярно. Занятия проводились в

полном соответствии с учебным пособием, урок за уроком, упражнение за упражнением; в Кут-эль-Амаре почти полностью восстановились порядки и образ жизни частной пригготовительной школы. Обучающимся предстояло пробыть здесь до пасхи – целый семестр.

Первая неделя февраля не внесла в погоду никаких изменений. Кругом все застыло и онемело. Лишь изредка и на короткое время, в полдень, облачное небо пробивали слабые лучи солнца; в остальное время небо было низким, серым, более темным, чем покрытая снегом холмистая прибрежная местность, а над морским горизонтом и вовсе мрачно-свинцовым. Лавровые деревья вокруг Кут-эль-Амары обледенели, на дороге образовались борозды из хрустящего снега.

Утром в среду – первый день великого поста – Гай встал рано и отправился к мессе.

Не смахнув следы пепла со лба, он позавтракал и поднялся пешком на холм, к Кут-эль-Амаре. Здесь все были по-детски возбуждены.

– «Дядюшка», вы слышали? К нам прибыл бригадир!

– Он был здесь еще вчера вечером. Я вошел в холл, а он стоит там, во всем красном, рассматривает что-то на доске объявлений. Я выскользнул оттуда через боковую дверь. И все другие, кто заходил туда, быстро сматывались. Мне почему-то кажется, что ничего хорошего его приезд нам не принесет.

Зазвенел школьный колокольчик. Эпторп, теперь уже выздоровевший, посещал все занятия в составе той же группы, что и Гай.

– Бригадир приехал, – сказал Эпторп.

– Да, я слышал.

– По-моему, ему давно надо было сделать это. Здесь много всего, в чем следует навести порядок. Начиная с руководства.

Их привели в гимнастический зал и, как всегда, разделили на четыре подгруппы. Всем предстояло приступить к постижению тайн стрельбы по отметкам, или, иначе, кинжального огня.

– Материальное обеспечение занятий, – сказал старший инструктор-сержант, – пулемет, запасной ствол, учебные патроны,

диски, сумка подносчика, тренога, прицельный колышек и приспособление для ночной стрельбы. Понятно?

– Понятно, сержант.

– Понятно, да? А кто-нибудь видит, чего у нас не хватает? Где прицельный колышек? Где приспособление для ночной стрельбы? Их нет. Так вот, этот кусочек мела заменит колышек и приспособление. Понятно?

Через каждые полчаса подавалась команда «Вольно» для десятиминутного отдыха. Во время второго такого перерыва поступило предупреждение:

– Прекратить курить! Приближаются офицеры. Группа, смирно!

– Продолжайте, сержанты, – раздался незнакомый большинству голос. – Никогда не прерывайте занятий. Не смотрите на меня, джентльмены. Смотрите только на пулеметы.

Это был Ритчи-Хук в форме бригадира, сопровождаемый начальником школы и его заместителем. Он обходил одну за другой все подгруппы. Кое-что из сказанного им в той или иной подгруппе доносилось до уголка, в котором занималась подгруппа Гая. Чаще всего его голос был сердитым и даже гневным. Наконец Ритчи-Хук приблизился к подгруппе Гая.

– Первый расчет, приготовиться!

Два молодых офицера легли на дощатый пол и доложили:

– Диски и запасной ствол в порядке.

– Действуйте!

Понаблюдав минуту-две за действиями офицеров, бригадир приказал:

– Встаньте вы, двое. Всем стоять вольно. А теперь скажите мне, для чего нужна стрельба по отметкам?

– Чтобы лишить противника какого-нибудь участка посредством перекрывающих друг друга обстреливаемых зон, – сказал Эпторп.

– Звучит так, будто вы намереваетесь лишить его сладостей. Я хотел бы слышать как можно меньше о том, чего вы намерены лишить противника, и как можно больше о том, как вы будете уничтожать его. Запомните это, джентльмены. Любой план огня составляется для уничтожения противника. А теперь вот вы, первый номер, у пулемета. Вы только что прицеливались в этот кусочек мела на полу, правильно? По-вашему, вы попадете в него?

– Так точно, сэр.

– Посмотрите еще раз.

Сарам-Смит опустил на пол и тщательно прицелился.

– Так точно, сэр.

– С прицельной рамкой, стоящей на тысяче восемьсот?

– Нам была задана такая дистанция, сэр.

– Черт возьми, какой же смысл прицеливаться в кусочек мела в десяти ярдах от вас с прицельной рамкой, стоящей на тысяче восемьсот?

– Это стрельба по отметкам, сэр.

– По каким отметкам?

– По кусочку мела, сэр.

– Кто-нибудь может подсказать ему?

– У нас нет прицельного колышка и приспособления для ночной стрельбы, сэр, – сказал Эпторп.

– Какое, черт возьми, это имеет отношение к тому, о чем мы говорим?

– Именно поэтому мы используем кусочек мела, сэр.

– Вы, молодые офицеры, изучаете стрелковое оружие вот уже шесть недель. Неужели никто из вас не скажет мне, для чего нужна стрельба по отметкам?

– Для уничтожения, сэр, – несмело сказал де Сауза.

– Для уничтожения чего?

– Прицельного колышка и приспособления для ночной стрельбы, если они есть, сэр. А если нет, тогда – кусочка мела.

– Вот те на! – И опешивший бригадир широкими шагами вышел из гимнастического зала. Сопровождавшие офицеры поспешили за ним.

– Вы чертовски подвели меня, – сказал инструктор-сержант.

Через несколько минут им сообщили приказание: в двенадцать часов всем офицерам собраться в столовой.

– Ну, теперь всем всыпят по первое число, – предположил Сарам-Смит. – Надо полагать, что и у нашего начальства денек сегодня не из приятных.

О том, что Сарам-Смит был прав в своем предположении относительно начальства, можно было судить по мрачному выражению лиц руководящих офицеров, когда они уселись в школьной

столовой напротив своих подчиненных. Столы уже накрыли для второго завтрака, и в зале стоял резкий запах варящейся на кухне брюссельской капусты. Все сидели молча, как в монастырской трапезной. Бригадир встал. *Cesare armato con un occhio grifagno*^[17]. Как бы намереваясь изречь необыкновенное благоволение, он сказал:

– Курить нельзя, джентльмены.

Все сидевшие в столовой были в таком подавленном состоянии, что закурить никому и в голову не пришло бы.

– Но это не значит, что вы должны сидеть, словно по команде «Смирно», – добавил он, ибо все инстинктивно выпрямились и застыли. Некоторые попробовали принять непринужденную позу, но в общей массе атмосфера напряженности сохранилась. Триммер оперся локтем о стол, зацепил нож, и тот зазвенел. – Время есть еще не наступило, – сказал бригадир.

В этой обстановке Гай не очень удивился бы даже в том случае, если бы бригадир достал прут и вызвал Триммера для того, чтобы наказать его. Еще не было высказано никаких претензий или обвинений, не было сделано никаких особых замечаний (кроме замечания Триммеру), но под свирепым взглядом этого одноглазого человека все чувствовали себя виноватыми.

В этом зале все еще витал дух множества насмерть перепуганных учеников. Как часто, должно быть, под этими оштукатуренными и покрашенными балками произносились одни и те же слова в таком же бьющем в нос запахе брюссельской капусты: «Начальство рассвирепело до крайности», «Кто будет жертвой на этот раз?», «Почему, собственно, я?».

В сознании Гая грозно прозвучали слова сегодняшней литургии: «*Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem reverteris*»^[18].

Затем бригадир начал свою речь:

– Джентльмены, мне кажется, никто из вас не откажется от недельного отпуска. – Серое лицо Ритчи-Хука исказилось от судорожной улыбки и стало куда более страшным, чем при любом грозном взгляде. – Некоторым из вас, собственно, вообще не придется утруждать себя возвращением сюда. Позднее они узнают об этом посредством того, что с иронией называют «соответствующими каналами».

Это было мастерское вступление. Бригадир и не подумал ругать или журить кого-нибудь, он лишь слегка запугивал. Ему очень нравилось удивлять и поражать людей. Чтобы удовлетворить это элементарное желание, Ритчи-Хуку часто приходилось прибегать к силе или жестокостям, иногда даже к тяжелому телесному наказанию, однако в сопутствующих этому обстоятельствах для него не было никакого удовольствия. Поразить и удивить – вот что было для него самым главным. Глядя на сидевших перед ним офицеров, в этот день он, должно быть, понял, что действительно поразил их своим вступлением. Бригадир продолжал:

– Должен сказать, я весьма сожалею о том, что не побывал у вас раньше. Формирование новой бригады – это куда более трудное дело, чем вы, возможно, представляете себе. Я присмотрелся к вам именно в этом плане. Мне докладывали, что условия жизни здесь, когда вы прибыли, оставляли желать лучшего, но офицеры-алебардисты должны научиться заботиться о себе сами. Прибыв сюда вчера вечером с дружеским визитом, я был полон надежд найти всех вас хорошо устроившимися. Я прибыл в семь часов вечера. В расположении части не было ни одного офицера. Разумеется, не существует никакого строгого правила, говорящего о том, что в какой-то определенный день вы должны обедать обязательно в учебном центре. Я предположил, что все вы отсутствуете из-за какого-то общего празднования. Я спросил у гражданского заведующего столовой и узнал, что вчерашний вечер – это вовсе не исключительный случай. Он не мог назвать мне ни одной фамилии членов столовой комиссии. Все это не дает мне оснований назвать данную часть «счастливым кораблем», как говорят моряки.

Сегодня утром я понаблюдал, как вы занимаетесь. Результаты весьма посредственные. На тот случай, если какой-нибудь молодой офицер не знает, что это значит, я поясню: это значит, что результаты никуда не годны, они просто ужасны. Я не утверждаю, что во всем этом виноваты только вы. Насколько мне известно, здесь не было совершено ни одного воинского проступка или преступления. Однако ценность офицера определяется вовсе не отсутствием воинских проступков и преступлений.

К тому же, джентльмены, вы еще и не офицеры. Двойственность вашего настоящего положения дает некоторые преимущества.

Преимущества для вас и для меня. Офицерского чина его величество ни одному из вас еще не присвоило. Вы проходите испытательно-стажировочный срок. Многим из вас я могу без каких-либо объяснений приказать завтра собрать свои вещи и оставить военную службу. Не обольщайтесь, пожалуйста, надеждой, что вы предпримете что-то весьма умное и сумеете получить чин, поднявшись по черной лестнице. Если вы не возьмете себя в руки и не приметесь за дело, то скатитесь от моего пинка по той же самой лестнице вверх тормашками.

Правило атаки заключается в следующем: «Никогда-не расходуй дополнительные силы на то, что окончилось провалом». На простом английском языке это означает: если вы видите, что какие-нибудь дураки попали в трудное положение, не впутывайтесь в их дело. Самое правильное действие в таком случае – это уничтожить противника там, где он слабее всего.

Курс вашей подготовки – это полный провал. Я не намерен расходовать на него дополнительные средства и силы. На следующей неделе мы начнем все сначала. Руководить подготовкой буду я.

Бригадир не остался на завтрак. Он сел на свой мотоцикл и с шумом укатил по проторенной дороге. Майор Маккини и другие руководящие офицеры уехали в удобных личных машинах. Офицеры-стажеры остались. Странно, но атмосфера вокруг них тотчас же заметно оживилась. Не потому, что предстоял отпуск (с ним было связано много проблем), а потому, что в течение последних недель все, или почти все, чувствовали себя не совсем так, как им хотелось. Все они, или почти все, были храбрыми, неромантичными, добросовестными молодыми людьми, которые пошли в армию с намерением поработать намного больше и усерднее, чем они работали в мирное время. Полковая гордость застала их врасплох и вдохновила на подвиги. В Кут-эль-Амаре все их надежды рухнули; они проводили большую часть своего времени в танцевальных залах и у игровых автоматов.

– Сказано, по-моему, довольно резко, – заметил Эпторп. – Он мог бы выразиться более точно и отметить, что среди нас есть определенные исключения.

– Не думаешь же ты, что он имел в виду тебя, когда сказал, что некоторым из нас не стоит утруждать себя возвращением назад.

– Вряд ли, старина, – ответил Эпторп и добавил: – При таких обстоятельствах сегодня я лучше, пожалуй, пообедаю в здешней столовой.

Гай отправился в «Гарибальди» один. Ему было довольно трудно объяснить мистеру Пелеччи, католику глубоко суеверному, но, как и другие жители этого городка, не соблюдавшему аскетических воздержаний, что сегодня мясного блюда он есть не будет. Первый день великого поста существовал лишь для миссис Пелеччи. Мистер Пелеччи праздновал только день святого Иосифа и не соблюдал никаких постов.

Гай же в тот вечер уже пресытился, словно лев мясом, неоднократными призывами Ритчи-Хука к уничтожению и уничтожению.

Выпроваживая стажирующихся офицеров в отпуск, бригадир, по-видимому, считал, что он не только расчищает поле деятельности для себя, но и смягчает жестокость своих дисциплинарных требований. Офицеры, жившие в общих комнатах в школе, ушли в отпуск с удовольствием, дневные же слушатели – неохотно, поскольку были тем или иным образом привязаны к городу. Многие слишком много потратили на то, чтобы устроить в городе свою жену или семью. Для них отпуск означал пять нудных дней безделья в своей квартире. Гай не видел ничего привлекательного в том, чтобы менять номер в отеле Саутсанда на более дорогой номер в отеле Лондона. Он решил остаться на месте и никуда не выезжать.

На второй день отпуска Гай пригласил Гудола пообедать в «Гарибальди». После обеда они отправились в яхт-клуб и, никем не тревожимые, мирно посидели среди призов и наград в уютной гостиной с закрытыми ставнями. Оба они находились в приподнятом настроении благодаря вечерним новостям о досмотре немецкого судна «Альтмарк» и освобождении английских моряков. Однако вскоре мистер Гудол вернулся к своей любимой теме. Он слегка выпил и поэтому в разговоре был менее сдержан, чем обычно.

Он рассказывал о пресечении рода (по мужской линии) в одной католической семье около пятидесяти лет назад.

– Они, по-моему, состояли в каком-то родстве с вашими родоначальниками. Это был очень интересный случай. Последний наследник взял жену из семьи (пусть она будет безымянной), которая в нескольких последних поколениях отличалась непостоянством. У них родилось две дочери, а потом эта презренная женщина ушла от мужа с возлюбленным соседом. В то время это привело к большому скандалу. Разводы тогда были еще весьма необычным явлением. Так или иначе, но их *все-таки развели*. Женщина вышла замуж за этого мужчину. Вы извините, но его имени я тоже не назову. Затем, десятью годами позднее, ваш кровный родственник встретил эту женщину, одну, за рубежом. Между ними была интимная близость, но женщина вернулась к своему так называемому мужу и в положенное время

произвела на свет сына. Фактически это был сын вашего кровного родственника. Но в соответствии с законом это был сын так называемого мужа, который и признал его своим. Этот мальчик жив по сей день и в глазах бога является законным наследником всего родового имущества своего отца.

Гая больше интересовала моральная сторона этого дела, чем наследство.

– Вы хотите сказать, что с точки зрения богословия первый муж, лежащий в кровать со своей бывшей женой, не совершает никакого греха?

– Конечно, не совершает. Во всем виновата презренная женщина, и она, несомненно, расплачивается за все. Ее же муж абсолютно безупречен. Таким образом, человек из другой, ничем не примечательной, семьи явился виновником сохранения аристократического рода. Более того, этот сын женился на католичке, следовательно, *его* сын воспитывается церковью. Вы можете рассматривать это как вам угодно, я же вижу во всем этом руку всевышнего.

– Мистер Гудол, – не удержался Гай от вопроса, – вы серьезно считаете, что провидец всевышний заботится о сохранении английской католической аристократии?

– Конечно, серьезно. Так же, как он заботится и о воробьях. Так нас учили. Однако я опасаюсь, что генеалогия – это такой мой конек, на котором я скачу слишком быстро, когда есть возможность. Боюсь, что ваше гостеприимство сделало меня слишком болтливым.

– Нисколько, дорогой мистер Гудол. Нисколько. Еще портвейна?

– Нет, больше не надо, спасибо. – Мистер Гудол выпядел» удрученным. – Мне пора домой.

– А вы абсолютно уверены? Относительно того, что муж не совершает никакого греха, если спит со своей бывшей женой.

– Конечно. Абсолютно уверен. Подумайте сами. Какой же он может совершить грех?

Гай долго думал об этом безгреховном псевдоадюльтере при благоприятных обстоятельствах. Мысль о нем не покинула его даже тогда, когда он проснулся утром следующего дня. Он решил поехать в Лондон утренним поездом.

Имя Краучбек, столь значительное и яркое для мистера Гудола, не оказало никакого воздействия на администратора отеля «Клэридж»: Гаю вежливо ответили, что свободных номеров нет. Он спросил, можно ли позвонить миссис Трой, и получил ответ, что она просила не беспокоить ее. Раздраженный Гай отправился в «Беллами» и рассказал о своем затруднительном положении в баре, который уже в половине двенадцатого начал заполняться людьми.

– А с кем ты говорил по поводу номера? – спросил Томми Блэкхаус.

– С человеком, который сидел за столом дежурного администратора.

– Это пешка. Когда встречаешься с затруднениями, обращай к чиновникам на более высоком уровне. Они всегда пойдут навстречу. Я сам живу в этом отеле. Фактически сейчас я намерен поехать туда. Хочешь, я устрою это дело для тебя?

Через полчаса из отеля кто-то позвонил и сообщил, что номер для Краучбека есть. Гай возвратился, и администратор встретил его совсем по-иному.

– Мы очень благодарны майору Блэкхаусу за то, что он сообщил нам, где вас найти. Как только вы ушли, к нам поступило аннулирование заказа, но мы не знали, где вы находитесь. – Администратор снял с доски ключ и повел Гаю к лифту. – Нам весьма приятно предложить вам очень уютный маленький номер.

– Мне нужна только комната, в которой можно переночевать.

– В этом номере кроме спальни есть уютная маленькая гостиная. Я уверен, что вы останетесь довольны.

Они вышли на каком-то этаже. Администратор распахнул двери в номер, обстановка которого красноречиво говорила о том, что он далеко не из дешевых. Гай хорошо сознавал, зачем он прибыл, и знал правила приличия, которыми руководствуются в отелях: номер с гостиной предоставлялся тому, кто ожидал к себе посетителя.

– Отлично, – сказал он, – этот номер вполне устроит меня.

Оставшись один, Гай снял телефонную трубку и попросил соединить его с миссис Трой.

– Гай? *Гай!* Ты где?

– Здесь, в отеле.

– Дорогой мой, какой же ты *свинья*, что не сообщил мне!

– Но я как раз и занят этим... Сообщаю тебе: я только что прибыл.

– Я имею в виду – не сообщил мне заранее. Ты долго пробудешь здесь?

– Два дня.

– Ну и *свинья* же ты!

– Когда мы увидимся?

– Гм... Это довольно трудно. Тебе надо было бы предупредить меня. Я должна уехать буквально через минуту. Приходи сейчас. Номер шестьсот пятидесятый.

Шестьсот пятидесятый был на том же этаже, через два поворота по коридору. Их разделяло не более десятка номеров. Двери в номер Вирджинии были приоткрыты.

– Входи, я как раз кончаю приводить свое лицо в порядок.

Гай прошел через гостиную. «Тоже для гостей?» – подумал он. Дверь в спальню была открыта – кровать не покрыта и помята; везде валялись одежда, полотенца, газеты и журналы. Вирджиния сидела за туалетным столиком, обсыпанным пудрой, заваленным ватными тампонами и смятыми бумажными салфетками. Она напряженно смотрела в зеркало, видимо подкрашивая глаза. Из ванной с безразличным видом вышел Томми Блэкхаус.

– Привет, Гай, – сказал он. – Не знал, что ты в Лондоне.

– Сделай нам всем что-нибудь выпить, – попросила Вирджиния. – Через минутку я присоединюсь к вам.

Гай и Томми прошли в гостиную, где Томми начал очищать лимон и бросать кусочки льда в коктейль-шейкер.

– Ну как, они разместили тебя?

– Да. Весьма признателен тебе.

– Не стоит. Кстати, Вирджинии лучше не говорить, что мы встретились в «Беллами». – Гай заметил, что Томми закрыл за собой дверь в спальню. – Я сказал ей, что приехал прямо с совещания, но ты ведь знаешь, я заехал по дороге в «Беллами». Она никогда не ревнует к другим женщинам, но клуб «Беллами» она просто ненавидит. Однажды, когда мы еще были мужем и женой, она сказала: «Беллами!

Мне хотелось бы, чтобы это заведение сгорело к чертовой матери». Она говорила это совершенно искренне, ей-богу. Ты надолго сюда?

– На два дня.

– Я возвращаюсь завтра в Олдершот. Позавчера я встретил в военном министерстве вашего бригадира; они там смертельно боятся его. Называют его одноглазым чудовищем. Он что, слегка тронутый?

– Нет.

– Я тоже не считаю его таким. Но в министерстве все говорят, что он совершеннейший безумец.

Вскоре из неповторимого беспорядка своей спальни вышла разряженная, как алебардист, Вирджиния.

– Надеюсь, ты сделал их не очень крепкими, Томми. Ты же знаешь, как я ненавижу крепкие коктейли. Гай, а что это у тебя за усы?

– Тебе они не нравятся?

– Они просто ужасны!

– Должен признаться, что меня они просто ошеломили, – сказал Томми.

– Алебардисты ими восхищаются, – сказал Гай. – А так лучше? – Он вставил в глаз монокль.

– Пожалуй, лучше, – сказала Вирджиния. – Без монокля было просто не на что смотреть, а с моноклем ты становишься похожим на комика.

– А я думал, что вместе взятые монокль и усы придают мне вид такого военного до мозга костей.

– Нет, здесь ты не прав, – сказал Томми. – В таких делах ты должен полагаться на мое мнение.

– Не привлекателен для женщин?

– Не совсем так, – сказала Вирджиния. – Не привлекателен для хорошеньких женщин.

– Проклятие!

– Нам пора идти, – сказал Томми. – Пейте.

– О, дорогой, – сказала Вирджиния. – Какая короткая встреча. Я ведь увижу тебя еще раз? Завтра я буду свободна от этого груза. Не можем ли мы предпринять что-нибудь завтра вечером?

– А до вечера нельзя?

– Как же я могу, дорогой, с этой деревенщиной рядом со мной?
Завтра вечером.

Они уехали.

Гай возвратился в «Беллами», как будто это был яхт-клуб в Саутсанде. Он умылся и внимательно посмотрел на свое лицо в зеркале над раковиной. Он рассматривал себя так же пристально и критически, как это делала Вирджиния перед своим зеркалом. Усы были светлые, чуть-чуть рыжеватые, волосы на губе росли намного реже, чем на голове. Каждый ус располагался строго симметрично, тянулся в сторону и вверх от аккуратного пробора под носом, кончался завитком на остро подстриженном конце, слегка отклонявшемся от уголков рта вперед и заканчивавшемся направленным вверх устойчивым кончиком. Гай вставил монокль. Как, спросил Гай себя, он воспринял бы другого человека, если у того были бы такие же усы и монокль? Ему доводилось раньше видеть такие усы и такие монокли на лицах тайных гомосексуалистов, маклеров и коммивояжеров, стремившихся всегда что-то скрыть, американцев, пытавшихся быть похожими на европейцев. Правда, он видел их и на лицах многих алебардистов, но то были лица людей, не имевших никакого отношения ни к вероломству, ни к обману, лица людей, находившихся вне подозрений. В конце концов, размышлял Гай, вся его военная форма была не чем иным, как маскировкой, а все его новые занятия не что иное, как маскарад.

Йэн Килбэннок, этот архимощенник в форме военно-воздушных сил, подошел к Гаю сзади и сказал:

– Послушай, ты сегодня вечером занят чем-нибудь? Я пытаюсь набрать гостей на коктейль. Давай приходи и ты.

– Возможно, приду. А в честь чего коктейль?

– Подлизываюсь к своему маршалу авиации. Он любит встречаться с разными людьми.

– Да, но я не окажусь для него большой находкой.

– Он не догадается об этом. Ему просто нравится встречаться и болтать с людьми. Я буду тебе несказанно благодарен, если ты выдержишь общение с ним.

– Я уверен, что никаких других дел у меня не будет.

– Очень хорошо, тогда приходи обязательно. Некоторые из гостей не такие уж несносные, как маршал.

Позднее в кафе на верхнем этаже Гай видел, как Килбэннок ходил от стола к столу, приглашая людей на коктейль.

– Какой во всем этом смысл, Йэн?

– Я же сказал тебе. Я выдвинул кандидатуру маршала в члены этого клуба.

– Но ведь его не примут?

– Надеюсь, что не примут.

– А я думал, что с этим уже покончено.

– О, это не так-то просто, Гай. Маршал довольно хитер. По-своему. Ни от чего не отказывается, если отказ не сулит ему выгоду. Он настаивает на том, чтобы встретиться с некоторыми членами клуба и получить их поддержку. Если бы он только знал, что наилучший шанс для него стать членом клуба – это не встречаться ни с одним из них. Поэтому в действительности все здесь вполне закономерно.

Во второй половине этого дня Гай сбрил усы. Парикмахер выразил профессиональное восхищение усами и сбрил их очень неохотно, так же, как садовники этой осенью повсеместно вскапывали свои самые лучшие газоны и превращали цветочные бордюры в грядки с овощами. Когда усы были сбиты, Гай еще раз внимательно осмотрел себя в зеркале и обнаружил в нем своего старого знакомого, от которого никак не мог ни избавиться, ни ускользнуть на сколько-нибудь длительное время, неприятного спутника, который будет сопровождать его всю жизнь. Без усов верхняя губа казалась непривычно обнаженной.

Позднее Гай отправился на коктейль к Йэну Килбэнноку. Там же оказались и Вирджиния с Томми. Никто из них не замечал, что усы сбиты, пока Гай не обратил их внимание на это.

– Я так и знала, что ты отрастил их шутки ради, – сказала Вирджиния.

Маршал авиации был центральной фигурой среди собравшихся до тех пор, впрочем, пока ему представляли каждого вновь появившегося, потому что сразу же после представления каждый немедленно отходил от маршала прочь. Маршал как бы являлся входом в улей, некоей пустотой, в которую и из которой непрерывно влетают и вылетают жужжащие пчелы. Это был полный мужчина, слишком малорослый, чтобы его приняли в столичную полицию, веселый и подвижный, с хитрыми маленькими глазками.

Когда Гай собрался уходить, у двери рядом с ним оказались Йэн и маршал.

– У меня здесь машина. Я могу вас подвезти, – предложил маршал.

На улице шел снег, было темно, как в могиле.

– Это очень любезно, сэр. Я собирался на Сент-Джеймс-стрит.

– Забирайтесь.

– С вашего разрешения, я тоже подсяду, – сказал Йэн, и это удивило Гая, ибо в доме еще оставались гости, которые вовсе не торопились уйти.

Когда они подъехали к клубу «Беллами», Йэн сказал:

– А вы не зайдете, сэр, чтобы выпить еще но одной, последней?

– Блестящая идея!

– Все трое направились в бар.

– Между прочим, Гай, – сказал Йэн, – маршал авиации Бич намеревается стать членом этого клуба. Парсонс, дайте-ка нам журнал кандидатов в члены клуба.

Журнал принесли и раскрыли на чистой странице с фамилией маршала. Йэн Килбэннок нежно вложил в руку Гая свою авторучку. Гай поставил подпись.

– Я уверен, вам понравится здесь, сэр, – сказал Йэн.

– Я не сомневаюсь в этом, – согласился маршал авиации. – В мирное время я часто подумывал о том, чтобы вступить, но не вступал, потому что редко бывал в Лондоне. А теперь мне необходимо какое-нибудь местечко вроде этого, где я мог бы провести время и отдохнуть.

Был день святого Валентина.

Газеты все еще были полны сообщений и статей об «Альтмарке», прозванном теперь «проклятым судном». Авторы статей длинно перечисляли перенесенные пленными моряками лишения и унижения; эти перечисления были явно предназначены для возбуждения негодования англичан. Гай весь этот зимний день думал о предстоящей встрече со своей бывшей женой. В конце второй половины дня, когда было уже темно, он позвонил ей в номер.

– Каковы наши планы на вечер?

– О господи, разве есть планы? Я совсем забыла. Томми только что уехал, и я уж подумывала о вечере в одиночестве, об обеде в постели и о кроссворде. Разумеется, для меня было бы *намного* предпочтительнее что-нибудь по плану. Мне, пожалуй, лучше пройти к тебе. В моем номере невероятный беспорядок.

Итак, Вирджиния пришла к нему в шестигинеинный номер, и Гай заказал коктейли.

– Твой номер не такой уютный, как мой, – сказала она, с любопытством осматриваясь.

Гай сел рядом с ней на диван. Он положил руку на спинку, пододвинулся к ней, переложил руку на ее плечо.

– В чем дело? Что происходит? – спросила она с непритворным удивлением.

– Просто я хотел поцеловать тебя.

– Кто же так делает, дорогой? Я разолью весь коктейль. Подожди. – Она осторожно поставила бокал на стоявший рядом столик, зажала голову Гая между своих ладоней и крепко поцеловала его в каждую щеку. – Ты этого хотел?

– Ты целуешь, как французский генерал, раздающий медали. – Гай поцеловал ее в губы. – Вот как я хочу.

– Гай, ты выпил лишнего?

– Нет.

– Ты провел день в этом отвратительном «Беллами»? Сознайся.

– Да.

– Тогда ты, конечно, пьян.

– Нет. Это просто потому, что я хочу тебя. Ты против?

– О, никто никогда не бывает против того, чтобы быть желанным.

Но все это очень неожиданно.

Зазвонил телефон.

– О, черт бы его взял! – сказал Гай.

Телефон стоял на письменном столе. Гай поднялся с дивана и взял трубку. Его приветствовал знакомый голос.

– Алло, старина, это я, Эпторп. Я просто подумал: почему бы мне не позвонить тебе? Алло, алло! Это Краучбек, да?

– Что тебе нужно?

– Ничего особенного. Просто я подумал, что для разнообразия можно выехать из Саутсанда. Так вот, я взял да приехал в город на

денек. Я взял твой адрес из журнала увольнений. Ты чем-нибудь занят сегодня вечером?

– Да.

– То есть у тебя свидание?

– Да.

– А я не могу присоединиться к тебе где-нибудь?

– Нет.

– Хорошо, Краучбек. Извини за беспокойство. – И обиженным тоном: – Я сам чувствую, когда нежелателен.

– Это очень редкое качество.

– Я не совсем понял тебя, старина.

– Неважно. До завтра.

– В городе, я бы сказал, скучновато.

– Я на твоём месте пошел бы и выпил.

– По-видимому, я так и сделаю. Извини, я вешаю трубку.

– Кто это? – спросила Вирджиния. – Почему ты так грубо разговаривал с ним?

– Сослуживец из нашего полка. Я не хочу, чтобы он помешал нам.

– Какой-нибудь ужасный член клуба «Беллами»?

– Ничего похожего.

– А может быть, он развеселил бы нас?

– Нет.

Вирджиния пересела в кресло.

– О чем мы говорили? – спросила она.

– Я пытался предложить тебе свою любовь.

– Да. Для разнообразия давай подумаем о чем-нибудь другом.

– Любовь – уже разнообразие. Для меня, по крайней мере.

– Дорогой, я еще не успела передохнуть после Томми. Два мужа в один день – это, пожалуй, многовато.

Гай сел и пристально посмотрел ей в глаза.

– Вирджиния, скажи, ты хоть когда-нибудь и хоть сколько-нибудь любила меня?

– О, конечно, дорогой. А ты разве не помнишь? Не будь таким мрачным. Мы с тобой проводили время отлично, правда ведь? Никогда никаких кроссвордов. *Совсем* не так, как с мистером Троем.

Они оба вспоминали старые времена. Сначала вспомнили Кению. Несколько бунгало, которые составляли их дом. Построенные из

бревен, с круглыми каменными печами и открытыми английскими домашними очагами, обставленные свадебными подарками и добротной старинной мебелью, взятой из чуланов в Бруме. Имение. Такое огромное по европейским и такое скромное по восточноафриканским стандартам. Красноватые земляные дороги, фордовский фургон и лошади. Одетые в белое слуги и их нагие ребятишки, кувыркающиеся в пыли и солнечных лучах рядом с кухонными постройками. Местные семьи, вечно шагающие в туземные резервации или из них и останавливающиеся, чтобы выпросить какие-нибудь медикаменты. Старый лев, которого Гай застрелил на маисовом поле. Вечерние купания в озере, званые обеды с соседями в пижамах. Неделя скачек в Найробе, возмутительные, забытые скандалы в клубе «Мутанга», драки, адюльтер, поджоги, банкротства, ссоры из-за карт, умопомешательства, самоубийства и даже дуэли – вся эпоха реставрации в исполнении фермеров в каких-нибудь восьми тысячах футов от береговой черты.

– Боже мой, как все это было забавно! – воскликнула Вирджиния. – Я не знала ничего более веселого с тех пор. Бывает же так вот с людьми.

В феврале 1940 года на каминных решетках в шестигиднейных номерах отелей все еще горели угольки. Вирджиния и Гай сидели, согреваемые теплом от камина, и вспоминали более спокойные и приятные времена и события: как они встретились впервые, как Гай ухаживал за ней, первый приезд Вирджинии в Брум, их венчание в часовне, их медовый месяц в Санта-Дульчине. Вирджиния сидела на полу, прислонясь головой к дивану и касаясь ноги Гая. Он соскользнул с дивана и сел рядом с Вирджинией. Ее глаза были широко раскрыты и выражали любовь.

– Это, конечно, было глупостью с моей стороны – сказать, что ты напился, – заметила она.

Все шло, как и планировал Гай, но, словно услышав его не высказанное вслух хвастовство, она добавила:

– Планировать никогда ничего не нужно. Все происходит чисто случайно.

В следующий момент чисто случайно зазвонил телефон.

– Пусть звонит, – сказала она.

Телефон прозвонил шесть раз. Гай не выдержал:

– Проклятие! Надо пойти ответить.

И на этот раз в трубке раздался голос Эпторпа:

– Я делаю то, что ты посоветовал, старина. Уже выпил. Выпил, и даже не одну, так уж произошло.

– Отлично. *Продолжай в том же духе.* Но ради бога, не беспокой больше меня.

– Я тут встретился с очень интересными ребятами. Думал, что ты, может быть, пожелаешь присоединиться к нам.

– Нет.

– Все еще занят?

– Да, очень занят.

– Жаль. Я уверен, что ребята понравились бы тебе. Это зенитчики.

– Желаю тебе хорошо провести время с ними. Меня увольте.

– Позвонить мне попозднее, чтобы узнать, сумеешь ли ты улизнуть?

– Нет, не надо.

– Мы могли бы объединить наши силы.

– Нет.

– Но ты упускаешь очень интересную возможность поболтать.

– До свидания.

– До свидания, старина.

– Прости, что так получилось, – сказал Гай, поворачиваясь от телефона к Вирджинии.

– Раз уж ты у телефона, то можешь заказать еще несколько коктейлей, – предложила она и поднялась с пола, чтобы занять приличную позу к приходу официанта. – Да и свет тоже лучше включить.

Они сели один напротив другого у камина, возбужденные. Прошло много времени, а коктейли все еще не приносили. Вирджиния спросила:

– А как насчет обеда?

– Сейчас?

– Уже половина девятого.

– Здесь?

– Если хочешь, здесь.

Гай попросил принести меню, и они заказали обед. В течение последовавших тридцати минут в номер то и дело входили официанты, они вкатили столик, принесли ведро со льдом, небольшую электрическую плитку и, наконец, обед. Гостиная в номере сразу стала выглядеть оживленнее, чем ресторан на первом этаже. От интимности, которую они ощущали, сидя у камина, и следа не осталось.

– Что мы будем делать после обеда? – спросила Вирджиния.

– Я что-нибудь придумаю.

– Ты в самом деле можешь?

Ее глаза сделались проницательными и насмешливыми, сверкавшие в них час назад искорки ожидания и согласия совсем угасли. Наконец официанты убрали все со стола. Стулья, на которых они сидели за обедом, были снова поставлены спинками к стене. Гостиная опять стала точно такой, какой Гай увидел ее, когда перед ним впервые распахнули двери номера: дорогой и незаселенной. Даже огонь в камине, куда подложили угольки, горел так, что казалось, будто его только что развели. Вирджиния оперлась о каминную доску, от горящей сигареты в ее руке вверх поднималась спираль синеватого дыма. Гай подошел к ней поближе, она чуть-чуть отодвинулась от него.

– Неужели бедной девушке нельзя спокойно переварить пищу? – спросила она.

Вино оказывало на Вирджинию сильное воздействие. За обедом она выпила довольно много, и Гай заметил в ее поведении верный признак опьянения, которое, как ему было известно по прошлому, могло в любую минуту вылиться в грубость и язвительность. Через минуту произошло именно это.

– Переваривай сколько тебе угодно, – сказал Гай.

– Я так и знала. Ты позволяешь себе слишком много.

– Отвратительные слова, – сказал Гай. – Так говорят только уличные девки.

– А может быть, ты и считаешь меня уличной девкой?

– А может быть, ты и в самом деле уличная девка?

Они оба были ошеломлены тем, что наговорили, и молча уставились друг на друга. После небольшой паузы Гай сказал:

– Вирджиния, ты прекрасно знаешь, что я не хотел сказать это. Извини меня. Я, должно быть, сошел с ума. Пожалуйста, прости. Забудь это, пожалуйста.

– Иди-ка сюда, сядь, – сказала Вирджиния. – Ну-ка, поведай мне, что же, собственно, ты тогда хотел сказать?

– Ничего. Просто вырвались необдуманные слова.

– У тебя был свободный вечер, и ты думал, что я легкодоступная шлюха. Ты это хотел сказать, да?

– Нет. Если хочешь знать, я думал о тебе еще с тех пор, как мы встретились после рождества. Именно поэтому я и приехал сюда. Пожалуйста, поверь мне, Вирджиния.

– Между прочим, откуда же и что именно тебе известно об уличных девках? Если я правильно припоминаю наш медовый месяц, ты не был тогда столь «опытным». Тебя, насколько мне помнится, нельзя было отнести к особо искушенным в этом деле.

Стрелка нравственной сдержанности резко подскочила вверх и затрепетала. Теперь Вирджиния зашла слишком далеко, высказавшись так оскорбительно. Снова наступило молчание, после которого она продолжала:

– Я ошибалась, считая, что военная служба изменила тебя в лучшую сторону. При всех твоих недостатках в прежние времена ты не был грубияном и скотиной. А теперь ты хуже, чем Огастес.

– Ты забыла, что я совершенно не знаю Огастеса.

– Что же, поверь мне, он был непревзойденным хамом.

В плотно окутавшем их мраке блеснул слабый луч света; в набежавших на ее глазах и скатившихся вниз слезинках сверкнули искорки сожаления.

– Согласись, что я не так плох, как Огастес.

– Выбирать особенно не из чего. Но он был жирней тебя. Это я могу признать.

– Вирджиния, ради всего святого, не будем ссориться. Не исключено, что это мой последний шанс видеть тебя, ибо я не знаю, скоро ли и увидимся ли мы вообще еще раз.

– Опять ты за свое. Воин, возвратившийся с войны. «Я буду развлекаться там, где только можно».

– Ты же знаешь, я имел в виду вовсе не это.

– Может быть...

Гай снова приблизился к ней, обхватил ее за плечи:

– Давай не будем свиньями, а?

Вирджиния посмотрела на него еще не любовным взглядом, но уже без гнева, даже весело.

– Иди сядь на свое место, – сказала она примирительно, поцеловав его. – Разговор еще не окончен. Предположим, что я действительно выпяжу как легкодоступная уличная девка. Во всяком случае, многие воспринимают меня такой. И я, пожалуй, не буду сетовать на это. Но я не могу понять тебя. Гай. Совершенно не понимаю. Ты никогда не был одним из тех, кто свободно вступает в случайные связи. Да я и теперь не могу поверить, что ты такой.

– Я действительно не такой. Ничего похожего.

– Ты всегда был таким строгим и благочестивым в этом отношении. Мне нравились эти качества в тебе. Что же с тобой произошло?

– Я и сейчас такой. Даже больше, чем когда-либо. Я говорил тебе об этом, когда мы встретились прошлый раз.

– Хорошо. Но что сказали бы священники по поводу твоих сегодняшних попыток? По поводу попытки сблизиться в отеле с пользующейся дурной славой разведенной женщиной?

– Они не возражали бы. Ты – моя жена.

– О, брось чепуху молоть!

– Но ты же спросила, что сказали бы священники. Они сказали бы: «Давай, действуй!»

Блеснувший во мраке и слегка разгоревшийся затем луч света внезапно угас, как будто по сигналу тревоги, предупреждающему о воздушном нападении.

– Но это же мерзость, – сказала Вирджиния.

Гай опешил.

– Что мерзость? – спросил он.

– Это невероятно омерзительно. Намного хуже того, что могли бы придумать Огастес или мистер Трой. Неужели ты не понимаешь этого, ты, скотина?

– Нет, – ответил Гай с невинным простосердечием. – Нет, не понимаю.

– Я, пожалуй, предпочла бы, чтобы ты считал меня уличной девкой. Предпочла бы, чтобы мне предложили пять фунтов за то, что я

совершу что-нибудь отвратительное в туфлях на высоких каблуках, или прокачу тебя по комнате в игрушечной упряжке, или сделаю еще какую-нибудь гадость, о которых пишут в книгах. – По ее щекам катились слезы гнева и унижения, но она не обращала на это никакого внимания. – А я-то думала, что ты снова полюбил меня и захотел побыть со мной во имя нашей старой дружбы. Я думала, что ты выбрал меня по особым причинам. Впрочем, это действительно так. Ты выбрал меня потому, что я единственная женщина во всем мире, с которой твои священники разрешат тебе лечь в постель. Тебя только это привело ко мне. Ах ты, пьяная, самоуверенная, отвратительная, напыщенная, бесполоая, ненормальная свинья!

И в этот момент полного крушения всех планов Гай вспомнил о своей крупной ссоре с Триммером.

Вирджиния повернулась, чтобы уйти от него. Гай сидел как окоченевший. В тишине, наступившей после того, как умолк ее резкий голос, раздался еще более резкий звук. Вирджиния уже ухватила за ручку двери, но невольно замерла на месте. В третий раз за этот вечер телефонный звонок как бы проводил разграничительную черту между ними.

– Послушай, Краучбек, старина, я нахожусь, так сказать, в затруднении. Не знаю, как мне поступить. Я только что взял человека под строгий арест.

– Это очень опрометчивый поступок.

– Он штатский.

Штатских ты не имеешь права арестовывать.

– Вот об этом-то, Краучбек, как раз и говорит арестованный. Надеюсь, ты не намерен встать на его сторону.

– Вирджиния, не уходи!

– Что, что? Я не понял тебя, старина. Это Эпторп говорит. Ты что сказал, не идти?

Вирджиния ушла.

Эпторп продолжал:

– Это ты говорил, или к нам вклинился кто-то еще? Послушай, дело здесь серьезное. Устава я, к сожалению, с собой не захватил. Потому я и прошу тебя помочь мне. Как, по-твоему, мне, наверное, надо выйти и попытаться найти сержанта и нескольких солдат для охраны арестованного на улице? Это не так-то легко в затемненном

городе, старина. А может быть, мне просто передать этого парня гражданской полиции?.. Эй, Краучбек, ты слышишь меня? По-моему, ты не совсем ясно представляешь себе, что это вполне официальное обращение к тебе. Я звоню тебе как офицер вооруженных сил его королевского величества.

Гай положил трубку на аппарат и дал указание по телефону из спальни, чтобы в этот вечер его больше не беспокоили никакими звонками, за исключением, если это случится, звонка из шестьсот пятидесятого номера отеля.

Он лег в постель и около половины ночи провел в беспокойном полусне. Однако телефон больше не звонил.

На следующий день, встретив Эпторпа в поезде. Гай спросил его:

– Ну как, ты нашел выход из вчерашнего затруднения?

– Затруднения, старина?

– Ты же звонил мне, разве не помнишь?

– Звонил? Ах да, это по вопросу уставного положения... Я думал, ты сможешь помочь мне.

– Ну и как, ты решил эту проблему?

– Я уже забыл обо всем, старина. Все это уже миновало. – После небольшой паузы Эпторп продолжал: – Не вмешиваясь в твои личные дела, можно мне спросить, что произошло с твоими усами?

– Улетучились.

– Это видно. Я как раз об этом и спрашиваю.

– Я сбрил их.

– Да? Очень жаль. Они были к лицу тебе, Краучбек. Шли тебе, и очень здорово шли.

Часть третья
«Эпторп беспощадный»

Согласно приказу в Кут-эль-Амару следовало явиться к восемнадцати ноль-ноль 15 февраля.

Гай ехал по знакомой грязновато-серой местности. Морозы миновали, земля промокла, началась капель. Он проехал по темнеющим улицам Саутсанда. Окна в домах, еще не освещенные, зашторивали. Это возвращение Гая никак нельзя было назвать возвращением домой. Он чувствовал себя бездомным котом, который, полазив по крышам, крадучись возвращался назад, в темный угол среди мусорных ящиков, где мог зализать свои раны.

Саутсанд – это городок, в котором Гай найдет успокоение. Отель «Грэнд» и яхт-клуб приютят его. Джузеппе Пелеччи накормит и утешит его. Мистер Гудол воодушевит его. Дымка с моря и мокрый снег скроют его. Эпторп очарует его и незаметно уведет в далекие сады фантазии.

Охваченный унынием, Гай совсем забыл о семидневном плане Ритчи-Хука.

Лишь в более поздний период своей военной деятельности, когда Гай хорошо распознал этих одетых в военную форму и украшенных орденами государственных чиновников, приказы которых заставляют одних людей протыкать штыками других, когда Гай почувствовал, какие непреодолимые препятствия могут воздвигать эти чиновники на пути других, лишь после всего этого Гай по-настоящему оценил масштабы достижений бригадира и скорость, с которой он осуществлял свои планы. В настоящее же время Гай наивно предполагал, что один из высокопоставленных чинов просто сказал бригадиру, что именно он хотел изменить, дал соответствующие распоряжения, и дело было сделано. В действительности же удивлению Гая не было предела, ибо за семь дней Кут-эль-Амара преобразилась неузнаваемо.

Здесь уже не было ни майора Маккини, ни старого руководящего состава, ни прежних поставщиков провизии. Не было в Кут-эль-Амаре и Триммера. На доске объявлений висел документ, озаглавленный: «Личный состав, сокращение». В нем сообщалось, что Триммер

лишен присвоенного ему временного офицерского чина. Вместе с Триммером были уволены еще два правонарушителя и молодой человек из центра формирования, фамилия которого была незнакома Гаю по той простой причине, что тот находился в самовольной отлучке в течение всего их пребывания в Саутсанде. Вместо них в Кутэль-Амаре появилась группа кадровых офицеров, и среди них майор Тиккеридж. В шесть часов того первого вечера все собрались в столовой. Бригадир встал, чтобы представить сидящих позади него кадровых офицеров. Некоторое время он продержал аудиторию в напряжении, критически осматривая всех своим единственным оком. Затем он сказал:

– Джентльмены, вот офицеры, которые будут командовать вами в бою.

С этими словами ощущение стыда и уныние Гая исчезли, он снова наполнился чувством гордости. На какое-то время он перестал быть одиноким и бесполезным человеком, каким он так часто считал себя после раннего юношества, рогоносцем, никчемным, самодовольным. Теперь он был снова вместе с полком алебардистов, с их историческими ратными подвигами позади и огромными возможностями впереди. Он весь дрожал от воодушевления и физической бодрости, как будто его зарядили гальваническим током.

В своей речи бригадир объяснил новую организацию, объявил распорядок дня. Бригада уже приняла эмбриональную форму. Офицеры, имеющие временный чин, разделены на три батальонные группы по двенадцать человек в каждой, и каждая из этих групп подчинена майору и капитану, которые в конечном счете станут командиром и начальником штаба каждого батальона соответственно. Все офицеры будут на казарменном положении. Разрешение ночевать вне казармы, и только по субботам и воскресеньям, получают женатые офицеры. Все должны обедать в столовой по меньшей мере четыре раза в неделю.

– Вот и все, джентльмены. Мы встретимся снова за обедом.

Когда стажирующиеся офицеры вышли из столовой, они обнаружили, что за время их короткого отсутствия крышка от стола на каменной полке в зале заполнилась напечатанными на машинке листочками. Медленно разбираясь в официальных сокращениях, Гай прочитал, что он назначен во второй батальон и будет подчиняться

майору Тиккериджу и капитану Сандерсу, с которым Эпторп так примечательно играл однажды в гольф. Вместе с Гаем в этот батальон были назначены Эпторп, Сарам-Смит, де Сауза, Ленард и еще семь человек – все из алебардийского казарменного городка. Гай и Эпторп снова перебрались в свою комнату «Пашендейль».

Позднее Гай узнал и о других переменах. Комнаты, бывшие до этого запертыми, теперь открыли. На двери одной из них появилась надпись: «Штаб бригады», и в ней находились начальник оперативно-разведывательной части и два писаря. В бывшем кабинете директора разместились три батальонные канцелярии. Здесь появились также начальник квартирмейстерской части (у него были кабинет и писарь), три батальонных старшины, алебардисты-повара, новые, более молодые алебардисты-денщики, три грузовые машины, легкий разведывательный автомобиль «хамберетт», три мотоцикла, водители и горнист. С восьми часов утра и до шести вечера непрерывно проводились строевые занятия, тренировки и лекции. Так называемые «дискуссии» предполагалось проводить во второй половине дня по понедельникам и пятницам. Занятия по теме «Ночные действия» – тоже два раза в неделю.

– Не знаю, как все это воспримет Дейзи, – заметил Ленард.

Позднее Гай узнал, что ею это было воспринято плохо: беременная и раздраженная, она уехала к своим родителям.

Большая часть молодых офицеров была озабочена. Эпторп, который еще в поезде сказал, что у него опять приступ «бечуанского живота», был озабочен больше, чем кто-либо.

– Меня беспокоит вопрос о моих вещах, – сказал он.

– А почему бы не оставить их в снятой тобой комнате? – спросил Гай.

– У командора? Довольно рискованно, старина, особенно в том случае, если нас неожиданно переведут куда-то. Я, пожалуй, лучше переговорю об этом с нашим квартирмейстером.

Позднее Эпторп поделился с Гаем результатами этих переговоров.

– Ты знаешь, квартирмейстер ничем не помог мне. Сказал, что очень занят. Он, кажется, подумал, что я говорю о лишней одежде. Посоветовал мне даже, когда мы будем жить в палатках, выбросить половину вещей. Он, наверное, один из этих мелких торговцев.

Никогда не участвовал в походах и кампаниях. Я так и заявил ему, но он ответил, что служил рядовым в Гонконге. Гонконг! Тоже мне служба! Ведь это почти самое хорошее место во всей Британской империи. И об этом я сказал ему напрямик.

– А почему ты так беспокоишься о своих вещах, Эпторп?

– Э-э, дорогой друг, чтобы собрать их, потребовались многие годы.

– Да, но что у тебя там, в твоих чемоданах и коробках?

– Это, старина, не такой легкий вопрос, чтобы ответить на него одним словом.

В этот первый вечер все обедали в школьной столовой.

В десять тридцать вечера бригадир сказал:

– Ну что же, джентльмены, отправляйтесь на боковую. У меня еще есть работа. Надо разработать программу вашей подготовки.

Он повел весь свой штаб в комнату с надписью: «Штаб бригады». Гай слышал, как они расходились из этой комнаты в два часа ночи.

Разработанная бригадиром Ритчи-Хуком программа боевой подготовки не следовала никаким учебникам и наставлениям. Тактика, по его мнению, состояла в умении уничтожить противника. Об обороне давалось лишь поверхностное представление, и речь о ней шла лишь как о перестройке рядов в период между двумя кровавыми наступательными боями. Об отходе и отступлении не говорилось вообще. Атака и элемент внезапности решали все. Много туманных дней было проведено с картами и биноклями на окрестной пригородной местности. Иногда они «закреплялись» на прибрежных позициях и в решительной атаке заставляли обороняющегося «противника» отступать в горы, иногда сбрасывали воображаемых оккупантов с гор в море. Они окружали населенные пункты на холмистой местности и жестоко расправлялись с предполагаемыми вражескими обитателями. Иногда они просто сталкивались с «противником» в «бою» за шоссеиную дорогу и сметали его со своего пути.

Гай обнаружил, что у него определенная склонность к такого рода военным действиям. Он легко читал карту и хорошо ориентировался на местности. В то время как городские ребята, подобно Сарам-Смиту, растерянно оглядывались вокруг и ничего не замечали, Гай всегда мог найти «мертвое пространство» и

«прикрываемые пути подхода». Иногда они действовали поодиночке, иногда группами. Принимаемые Гаем решения обычно совпадали с решениями, рекомендованными штабом. Во время ночных учений, когда их высаживали на какую-нибудь незнакомую холмистую местность и по компасу давали направление к месту сбора. Гай обычно приходил на это место одним из первых. Одним словом, у тех, кто вырос в сельской местности, оказалось много преимуществ перед городскими. В «дискуссиях» Гай тоже отличался. Как правило, споры шли о различных, более запутанных и сложных, аспектах искусства уничтожения противника. Предмет спора объявлялся заблаговременно с расчетом на то, что участники должны подумать над вопросом и тщательно изучить его. Когда наступал вечер, большинство слушателей клонило ко сну, и тогда технические термины и сокращения, которыми Эпторп с успехом пользовался в другое время, становились скучными и неинтересными. Гай же говорил четко и выразительно, замечая, что снова привлекает к себе внимание окружающих.

Оттепель сменилась ясной холодной погодой. Их снова стали вывозить на стрельбище Мадшор, но теперь уже под руководством бригадира. Это был период до создания «школ ближнего боя». Стрельбе боевыми патронами, как это было хорошо известно Гаю, придавалось не меньшее значение, и она проводилась с не меньшей осторожностью, чем салют огнем во время похорон. Так было всегда и везде, за исключением случаев, когда поблизости находился бригадир Ритчи-Хук.

Свистящие пули приводили бригадира в восторг и доводили до ребяческого легкомыслия. Он отправился на мишенный вал, чтобы организовать стрельбу навскидку. Отметчики неожиданно поднимали фигуры-мишени в разных местах и вызывали ураганный огонь по ним из пулеметов «брен». Бригадиру вскоре надоело это, он нацепил свою фуражку на трость и, пообещав по телефону соверен тому, кто попадет в нее, начал бегать по траншее, поднимая, опуская и покачивая трость. Никто не попал. Разгневавшись, бригадир неожиданно приподнялся над бруствером и крикнул:

– Эй вы, юнцы, стреляйте в меня!

Громко смеясь, он бегал по траншее с одного места на другое, то поднимая, то опуская голову, до тех пор, пока не устал, но в него

никто не попал.

Это был период, когда боеприпасов не хватало. Пять патронов на человека – такой была обычная норма для одних стрельб. На стрельбах же, которыми руководил бригадир Ритчи-Хук, из всех пулеметов «брен» стреляли одновременно, непрерывно, их перегретые стволы с шипением опускались в ведро с водой, а сам бригадир в это время вел своих молодых офицеров на четвереньках перед линией мишеней, на несколько дюймов ниже свистящего потока пуль.

Поспешно просматриваемые Гаем газеты были полны сообщений о победах финнов. «Неуловимые лыжные отряды, – прочитал как-то Гай, – прочесывают мрачные арктические леса и изматывают механизированные советские дивизии. Русские плохо вооружены и недоедают. Английские войска, сдерживаемые лишь некоторыми дипломатическими осложнениями, находятся в пути для оказания помощи. Может статься, что русские – это всего только мираж. Маннергейм занимает в сердцах англичан место, завоеванное в 1914 году королем бельгийским Альбертом». Затем совершенно неожиданно оказалось, что финны потерпели поражение.

В кут-эль-амарской школе это несчастье никого, кажется, из равновесия не вывело. Что касается Гая, то эта новость усилила испытываемое им неприятное ощущение, которое он стремился подавить (и в корпусе алебардистов это ему чаще всего удавалось), ощущение того, что он участвует в войне, в которой мужество и справедливость не имеют никакого отношения к делу.

Эпторп сказал:

– У меня и без этого много забот.

Гай сразу же догадался, что напряженная личная драма Эпторпа, разыгравшаяся в дни великого поста на фоне введенных бригадиром новых порядков и методов подготовки, получила новое развитие. В сущности, всю свою остроту эта драма приобрела в результате введения новых методов и порядков и в конечном счете сама явилась их кульминационной иллюстрацией.

Драма начала развиваться в первое воскресенье после введения новых порядков.

Во второй половине дня почти все аудитории и холлы кут-эль-амарской школы пустовали. Стажирующиеся офицеры или спали в своих комнатах наверху, или отправились в город. Гай сидел в холле на первом этаже и просматривал недельные газеты. Случайно бросив взгляд через зеркальное стекло окна, он неожиданно увидел, как к дому подъехало такси и как выскочивший из него Эпторп с помощью водителя вытащил из машины какой-то большой предмет квадратной

формы и поставил его на крыльцо. Гай вышел и предложил Эпторпу свою помощь.

– Спасибо, я справлюсь один, – напряженно ответил Эпторп. – Я просто перевозжу некоторые свои вещи.

– А куда ты собираешься поставить это?

– Я еще не решил окончательно. Но я вполне справлюсь один, спасибо.

Гай вернулся в холл, расположился у окна и стал празднично наблюдать за развитием событий. Темнело, читать становилось трудно, а солдат, который должен был зашторить окна, все еще не появлялся. Вскоре Гай увидел, как Эпторп, выйдя из парадной двери, крадучись, скользнул в вечерние сумерки и начал осторожно высматривать что-то в кустарнике. Гай наблюдал за ним, словно за гипнотизированным, до тех пор, пока тот, примерно через десять минут, не возвратился. Дверь парадного входа находилась прямо напротив холла. Эпторп появился в ней задом, волоча за собой свой груз.

– Может быть, я все-таки могу помочь тебе? – спросил Гай.

– Нет, нет, спасибо.

На площадке под лестницей, ведущей на второй этаж, был большой чулан. Эпторп не без труда затолкал свой груз в него. Затем он снял перчатки, шинель и фуражку, подошел с безразличным видом к камину и сказал:

– Командор передает тебе привет. Говорит, что скучает по нас там, в клубе.

– Ты был в яхт-клубе?

– Не совсем. Я просто заскочил к старику, чтобы взять кое-что.

– Взять тот предмет, который ты привез?

– Э-э, да, фактически, этот предмет.

– Это что-нибудь сугубо личное, Эпторп?

– Нечто, не представляющее общего интереса, старина. Никакого общего интереса.

В этот момент в холл вошел дневальный алебардист, чтобы зашторить окна.

– Смидерс! – обратился к нему Эпторп.

– Да, сэр?

– Ваша фамилия Смидерс, да?

– Нет, сэр, Крок.

– Ну неважно. Я хотел спросить вас о помещениях в задней части дома.

– Да, сэр?

– Мне нужно маленькое помещение или какая-нибудь кладовая. Подошла бы, например, кладовка садовника, или душевая, или молочная кладовка – что-нибудь в этом роде. Есть такие помещения?

– Вам это нужно на короткое время, сэр?

– Нет, нет, нет. На все время, пока мы здесь.

– Я уверен, сэр, что это не в моем ведении. Надо спросить у начальника квартирмейстерской части.

– Ну ладно. Я просто поинтересовался.

Когда дневальный ушел, Эпторп продолжал:

– Глупый парень. Я почему-то все время думал, что его фамилия Смидерс.

Гай снова принялся за газеты. Эпторп сел напротив и уставился на свои ботинки. Через некоторое время он встал, прошел к чулану, сунул голову в дверь, потом снова закрыл ее и вернулся на свой стул.

– *Держать* там эту вещь, по-моему, можно, а вот *пользоваться* ею там, наверное, нельзя, правда?

– Почему нельзя?

– Гм, *как же* я смогу?

Наступила пауза, во время которой Гай прочитал статью о непроходимости болот Миккели. (Это были пока еще ничем не омраченные дни до поражения Финляндии.)

Затем Эпторп сказал:

– Я думал, что найду место для этой вещи в кустарнике, но ведь кустарник просматривается куда больше, чем я предполагал.

Гай ничего не сказал на это и перевернул страницу «Тэблета». Было ясно, что Эпторп горит желанием раскрыть свою тайну и наверняка поступит так с минуты на минуту.

– Идти к квартирмейстеру нет никакого смысла. *Он* не поймет меня. Да и кому бы то ни было объяснить это не так-то легко. – Затем, после еще одной паузы, Эпторп добавил: – Если уж тебе так *нужно* знать, это мой «гром-бокс».

Признание Эпторпа превзошло все ожидания Гая. Он предполагал, что это могли быть продукты питания, что-нибудь

относящееся к медицине, огнестрельное оружие; в лучшем случае он надеялся услышать о какой-нибудь экзотической обуви.

– А мне можно взглянуть на него? – почтительно спросил Гай.

– Не вижу причин, почему бы тебе не взглянуть, – ответил Эпторп. – Собственно, я так и полагал, что это заинтересует тебя: очень тонкая работа, образец, каких больше не производят. Да и слишком дорогой, по-моему.

Эпторп направился к чулану и вытащил из него свое сокровище – обшитый медью дубовый ящик кубической формы.

– В самом деле, это прямо-таки замечательная работа, – еще раз похвалился он.

Он поднял крышку «гром-бокса», и Гай увидел механизм из тяжелого медного литья и узорчатой керамики работы крупных мастеров времен Эдуардов VI и VII. На внутренней стороне крышки была пластинка с надписью: «Автономный химический клозет фирмы Коннолли».

– Ну, что ты скажешь на это? – спросил Эпторп.

Гай затруднялся найти подходящие слова, чтобы похвалить этот экспонат.

– Совершенно очевидно, что эту вещь хорошо берегли, – сказал он.

Казалось, Гай подобрал удачные слова. Эпторп остался доволен.

– Я получил это от верховного судьи в тот год, когда правительственные здания в Каронге оборудовали канализацией. Дал ему пять фунтов за эту вещь. Сомневаюсь, что теперь ты сможешь найти такую даже за двадцать фунтов. Мастеров, способных сделать такую штуку, теперь и днем с огнем не отыщешь.

– Ты, должно быть, очень гордишься ею?

– Конечно.

– Но я не совсем понимаю, зачем она нужна тебе здесь.

– Не понимаешь, старина? – Лицо Эпторпа, выражавшее до этого наивное торжество от сознания, что он владеет этой уникальной вещи, стало теперь забавно серьезным и плутовым. – Неужели не понимаешь?! А ты слышал когда-нибудь о такой довольно неприятной штуке, как триппер, Краучбек?

– Что ты говоришь! – воскликнул ошеломленный Гай. – Это неприятнейшая вещь. Очень жаль, дорогой. А мне и в голову не

пришло. Наверное, ты подхватил его прошлой ночью в Лондоне, когда был пьян. А ты у врача-то был с этим делом? Тебе ведь необходимо специальное лечение в госпитале.

– Нет, нет, нет! *Я* не подхватывал никакого триппера!

– А кто же тогда?

– Сарам-Смит, например.

– А как ты узнал?

– *Я не узнал*. Я просто выбрал Сарам-Смита в качестве примера. Он как раз такой недоразвитый идиот, который может подхватить что угодно. Да и любой из них может. А я никоим образом не намерен рисковать.

Эпторп закрыл крышку «бокса» и снова задвинул все под лестницу. Усилие, с которым он сделал это, казалось, рассердило его.

– И знаешь что, старина, – продолжал он, – мне не очень нравится, как ты только что разговаривал со мной, обвиняя меня в том, что я подхватил триппер. Это ведь довольно серьезное обвинение.

– Извини. Это вполне естественная ошибка в таких условиях.

– Для кого-нибудь естественная, но не для меня, старина. К тому же мне не совсем понятно, что ты имеешь в виду под «условиями». *Я никогда* не бываю пьян. Я почему-то думал, что ты должен был заметить это. Навеселе при случае могу быть, но *пьяным* – никогда! Это такое дело, от которого я держусь подальше. Мне слишком много пришлось повидать и перенести из-за этого.

На следующий день Эпторп, поднявшись с рассветом, сразу же начал обследовать подсобные помещения вне дома и еще до завтрака обнаружил пустой сарайчик, в котором хозяйственники школы, видимо, хранили битый и другой спортивный инвентарь. В этом сарайчике с помощью алебардиста Крока он и установил свой химический клозет. Туда-то он и ходил, к своему немалому удовольствию, в течение нескольких последовавших мирный дней. Беспокойное время настало для Эпторпа через два дня после поражения Финляндии.

Возвратившись с занятий по уничтожению «противника» на холмистой местности и позавтракав с довольно большим опозданием, Гай расположился в кресле в предвкушении получасового отдыха.

Неожиданно к нему подошел Эпторп. На нем прямо-таки лица не было.

- Краучбек, на пару слов.
- Пожалуйста.
- Тет-а-тет, если не возражаешь.
- Возражаю. А в чем дело?

Эпторп настороженно огляделся. В холле все, казалось, были заняты своим делом.

- Ты пользовался моим «гром-боксом»?
- Нет, не пользовался.
- Кто-то воспользовался им.
- Что ж, только не я.
- Но, кроме тебя, о нем никто не знает.
- А алебардист Крок?
- Он не посмел бы.
- Я тоже не посмел бы, дорогой друг.
- Это твое последнее слово?
- Да.
- Хорошо. Но в будущем я подкараулю и узнаю, кто это.
- Я бы тоже поступил так.
- Это серьезное дело, ты знаешь. Граничит с мелким воровством.

Химикалии стоят не дешево.

- Сколько же стоит одна порция?
- Дело не в деньгах. Дело в принципе.
- И в риске подцепить что-нибудь?
- Совершенно верно.

Всякую свободную минуту в течение двух последовавших дней Эпторп проводил в кустах около сарайчика, подкарауливая свою жертву. На третий день он отвел Гая в сторону и сказал:

- Краучбек, я должен извиниться перед тобой. Это не ты пользовался моим «гром-боксом».
- Я был уверен в этом.
- Да, но согласись, больше мне подозревать было некого. Так или иначе, но теперь я узнал, кто это. Положение очень сложное.
- Это не Сарам-Смит?

– Нет. Дело намного сложнее. Это *бригадир*.

– Ты считаешь, что у *него* триппер?

– Нет. Это маловероятно. Слишком светский человек. Но возникает вопрос: что мне следует теперь предпринять?

– Ничего.

– Но это же дело принципа. Несмотря на то что он мой прямой начальник, прав пользоваться моим химическим туалетом у него не больше, чем прав носить мои ботинки.

– Да-а. Но я, например, дал бы бригадиру свои ботинки, если бы они понадобились ему.

– Возможно. Но в таком случае, извини меня за откровенность, ты не очень-то заботишься о своих ботинках, не так ли, старина? Так или иначе, но ты, стало быть, считаешь, что я должен покориться без каких-либо возражений?

– По-моему, ты поступишь невероятно глупо, если не покоришься.

– Все это надо хорошенько взвесить. Как, по-твоему, следует ли мне обратиться по этому вопросу к начальнику штаба?

– Нет, не следует.

– Возможно, ты и прав.

На следующий день Эпторп доложил:

– Дело приняло еще худший оборот.

Гай так много думал об эпторповском химическом клозете, что сразу же догадался, что именно имеет в виду Эпторп.

– Новые незваные посетители?

– Нет, не это. Сегодня утром, когда я выходил из сарайчика, бригадир шел в него. Он посмотрел на меня очень странно. Ты, наверное, заметил, что иногда у него очень пристальный и неприятный взгляд. Так вот, он посмотрел на меня так, как будто хотел сказать: «*Тебе* здесь нечего делать».

– Он человек дела, – сказал Гай, – поэтому тебе долго ждать не придется. Тем или иным образом, но он даст тебе знать, каково его мнение на этот счет.

Весь день Эпторп был не в своей тарелке. Его ответы на вопросы по тактике были необдуманными, решения по возникавшим

проблемам – нелепыми. День выдался очень холодный. Всякий, даже самый короткий, перерыв в занятиях он использовал для дежурства поблизости от сарайчика. Он пропустил чай и возвратился только тогда, когда до вечерней лекции оставалось десять минут. Нос у него покраснел, щеки посинели.

– Ты заболеешь, если дело и дальше пойдет так, – сказал Гай.

– Оно не может пойти дальше, – возразил Эпторп. – Произошло самое худшее.

– Что именно?

– Пойдем посмотрим. Я ни за что не поверил бы, если бы не видел все собственными глазами.

Они вышли в вечернюю темноту.

– Это случилось всего пять минут назад, – продолжал Эпторп. – Я начал дежурить здесь сразу после чая и промерз до самых костей, поэтому под конец начал прохаживаться. Мимо меня Прошел бригадир. Я поприветствовал его. Он ничего не ответил. Потом он воспользовался «гром-боксом» прямо на моих глазах. Потом он снова прошел мимо меня, я опять поприветствовал его, а он, я это хорошо видел, улыбнулся. И ты знаешь, Краучбек, это была *сатанинская* улыбка.

Они подошли к сарайчику. Гай заметил на двери что-то большое и белое. Эпторп направил на дверь луч карманного фонарика, а Гай увидел аккуратно выведенную надпись: «Всем чинам ниже бригадира вход запрещен».

– Он, наверное, специально заказывал эту надпись одному из писарей, – гневно проговорил Эпторп.

– Да, это ставит тебя в весьма затруднительное положение, правда? – сказал Гай.

– Я подам в отставку.

– По-моему, в военное время это невозможно.

– Тогда попрошу перевести меня в другой полк.

– Мне будет скучно без тебя, Эпторп, намного больше, чем ты, возможно, предполагаешь. Так или иначе, но через две минуты – лекция. Давай пойдем.

Лекцию читал сам бригадир. Мины-сюрпризы, оказывается, занимали все более важное место в действиях дозоров на Западном фронте. Бригадир рассказал о натяжных проволоках взрывателей и о

самих взрывателях противопехотных мин, подробно описал, как однажды придумал привязать мину-сюрприз к козе и отправить ее в лагерь бедуинов. Он редко бывал энергичнее и словоохотливее, чем на этой лекции.

Вечер этого дня был одним из тех, на которые не планировалось ни дискуссий, ни ночных занятий, когда желающие могли поэтому обедать вне пределов школы.

– Давай пойдем в «Гарибальди», – предложил Эпторп. – Я не хочу сидеть за одним столом с этим человеком. А ты пообедаешь со мной как мой гость.

В «Гарибальди» лицо Эпторпа, овеваемое парами густого супа из риса и овощей, обрело более жизненный цвет, а когда он еще и подкрепился несколькими рюмками бароло, отчаяние совсем пропало и Эпторп сделался необычно храбрым. Пелеччи наклонился очень низко, когда Эпторп пересказывал историю о нарушении его законных прав. Разговор для Пелеччи был малопонятным. «Гром-бокс» – изобретение этого способного офицера, незаконно присвоенное старшим офицером, было явно каким-то новым важным оружием.

– Я не думаю, что обращение в армейский совет приведет к каким-нибудь положительным результатам, – сказал Эпторп. – А как, по-твоему?

– По-моему, не приведет.

– В таком деле, как это, полной непредубежденности от них ожидать нельзя. Я не утверждаю, что будет иметь место безусловная предвзятость, но ведь в конечном итоге они бесспорно заинтересованы в том, чтобы поддержать авторитет старших, если это в их силах. Стоит им только обнаружить малейшую возможность, малейшую зацепку...

– А ты считаешь, что в твоём деле есть такие зацепки?

– Откровенно говоря, старина, считаю, что есть. В офицерском Суде чести дело, конечно, было бы истолковано по-другому, но нельзя не признать вполне законным то обстоятельство, что бригадир имеет право запретить вход в любые предоставленные бригаде помещения или постройки. Нельзя опровергнуть и тот факт, что я установил свой «гром-бокс» в сарайчике без разрешения. Именно за это и может уцепиться армейский совет.

– Конечно, это вопрос спорный, – согласился Гай. – Поскольку «гром-бокс» предназначен теперь для бригадирского чина, прикасаться к нему не имеет права никто, кроме бригадира.

– Ты совершенно прав, Краучбек. Попал в самую точку. – Эпторп с искренним восхищением посмотрел на Гая вытаращенными глазами. – Ты знаешь, бывают такие моменты, когда решение проблемы буквально крутится в голове. Я долго обдумывал это дело, прикидывал его и так и сяк, пока не почувствовал, что заболел от умственного напряжения. Вот тогда-то я и понял, что мне необходимо мнение постороннего человека, необходимо мнение человека, который лично не вовлечен в это дело. Я не сомневаюсь, что рано или поздно я и сам пришел бы к такому же решению, но мне, возможно, пришлось бы мучительно размышлять над проблемой добрую половину ночи. Я очень признателен тебе и в большом долгу перед тобой, старина.

Им принесли новые блюда и поставили новые бутылки вина. Джузеппе Пелеччи находился в полной растерянности. «Гром-бокс», как ему теперь казалось, – это кодовое имя какого-то важного политика, не имеющего военного чина и пребывающего в данном районе скрытно. Пелеччи передаст эту информацию в таком виде, в каком получил ее сам: за что купил, за то и продаст. Более просвещенные и пытливые руководители должны будут разобраться и понять что к чему. Сам же Пелеччи вовсе не претендует ни на какое повышение. Ему вполне достаточно выгоды, которую он извлекает из ресторана. Он сам создал хорошую репутацию своему заведению. Заниматься решением политических проблем ему надоело, а уж о сражениях и говорить нечего – он просто боялся их. Он и приехал-то сюда главным образом для того, чтобы уклониться от военной службы.

– А потом специальный *zabaglione*^[19], джентльмены.

– Да, да, давайте, – согласился Эпторп. – Давайте все, что у вас есть. – И, повернувшись к Гаю, добавил: – Имей в виду, что я угощаю тебя – обед за *мой* счет.

Гай имел это в виду с самого начала. «Это напоминание, – подумал он, – было не чем иным, как бестактным выражением признательности». В действительности это была хитрая просьба об оказании дальнейших услуг.

– Я считаю, что в юридических аспектах дела мы разобрались очень хорошо, – продолжал Эпторп. – Но теперь встает вопрос о том, как действовать. Каким путем нам изъять «гром-бокс» из сарайчика?

– Таким же, каким ты внес его туда, по-моему.

– Это не так просто, старина. Мы имеем дело с переплетением всяких осложнений. В сарайчик его внесли алебардист Крок и я. Как же мы можем вынести его оттуда, не нарушив запрещения? Не могу же я приказать солдату совершить незаконное действие. Об этом нельзя забывать. К тому же мне просто не хотелось бы *просить* его. Он участвовал во всем этом деле с явной неохотой.

– А нельзя ли заарканить этот твой «гром-бокс» через открытую дверь?

– Очень рискованно, старина. Да и аркан-то мой где-то среди других вещей у командора.

– А нельзя ли вытянуть его оттуда магнитом?

– Ты что, Краучбек, пытаешься превратить все в шутку?

– Я просто высказал предложение.

– *Не очень-то* практичное, позволь тебе заметить. Нет. Кто-то должен войти в сарайчик и вынести его оттуда.

– Несмотря на то, что вход воспрещен?

– Кто-нибудь из тех, кому это запрещение неизвестно, или по крайней мере тот, об осведомленности которого о том, что вход в сарайчик воспрещен, бригадиру неизвестно. Если его и застанут на месте, он может сказать, что в темноте надписи не заметил.

– Ты имеешь в виду меня?

– По-моему, ты более или менее подходящая кандидатура, верно, старина?

– Ну что же, я не возражаю.

– Молодцом! – произнес Эпторп с большим облегчением.

Они пообедали. Эпторп проворчал что-то по поводу счета, но оплатил его. Затем они возвратились в Кут-эль-Амару. Поблизости никого не было. Эпторп стоял *на страже*, а Гай без особого труда выволок автономный клозет из сарайчика наружу.

А теперь куда? – спросил он.

– В этом-то весь вопрос. Куда лучше всего, по-твоему?

– В отхожее место.

– Послушай, старина, менее подходящее время и место для шуток трудно придумать.

– Я просто размышлял категориями наблюдений Честертона: «Где лучше всего спрятать лист? На дереве».

– Я не совсем понимаю тебя, старина. На дереве будет крайне неудобно со *всех* точек зрения.

– Да, но давай не понесем его далеко. Он чертовски тяжелый.

– Когда я занимался поиском, то видел вон там кладовку садовника.

Они снесли автономный клозет в кладовку, находившуюся в пятидесяти ярдах от сарайчика. Кладовка была менее удобна, чем сарайчик, но Эпторп сказал, что как-нибудь устроится и там. Когда они возвращались после этой операции, Эпторп остановился на тропинке и произнес с необыкновенной теплотой в голосе:

– Я никогда не забуду, что ты сделал сегодня вечером, Краучбек. Огромное тебе спасибо.

– А тебе спасибо за обед.

– А этот итальяшка здорово постарался для нас, правда?

Пройдя еще несколько шагов, Эпторп опять остановился и сказал:

– Послушай, старина, если ты хочешь, то тоже можешь пользоваться «гром-боксом», я не возражаю.

Это был кульминационный момент душевного волнения; исторический момент, если Гай оценил бы его; момент, когда в сложных отношениях между ними Эпторп был ближе, чем когда-либо, к любви и полному доверию. Но он миновал так же, как подобные моменты у англичан минуют всегда.

– Ты очень великодушен, Эпторп, но меня вполне устраивает тот, которым пользуются все.

– Ты уверен?

– Да.

– Ну что ж, пусть будет так, – согласился Эпторп с заметным облегчением.

Так Гай сохранил благосклонность Эпторпа к себе и стал совместным с ним хранителем «гром-бокса».

В ретроспективе последние недели марта превратились в сагу об автономном химическом клозете. Эпторп был настолько поглощен связанными с ним перипетиями, что совершенно забыл о первоначальных мотивах установки этого достижения человеческого разума.

Страх перед инфекционным заболеванием больше не служил основной движущей силой в его действиях. На карту было поставлено только его право на собственность. Ожидая построения на занятия утром следующего дня после первого переноса клозета, Эпторп отвел Гая в сторону. Их новые товарищеские отношения опирались отныне не только на искреннюю доброту и сердечность; тот и другой стали теперь неразлучными соучастниками конспиративных мероприятий.

– Он все еще там, на месте.

– Хорошо.

– Никто даже не тронул его.

– Отлично.

– По-моему, старина, при таких обстоятельствах в присутствии посторонних нам надо поменьше бывать вместе и поменьше говорить друг с другом.

Позднее, когда они шли в столовую на второй завтрак. Гай с удивлением почувствовал, что кто-то из общей толпы пытается незаметно ухватить его за руку. Гай оглянулся и увидел рядом с собой Эпторпа, который, умышленно отвернувшись, демонстративно разговаривал с капитаном Сандерсом. В следующий момент Гай почувствовал, как Эпторп сует ему в руку свернутую в комочек записку.

Эпторп выбрал для себя место за столом как можно дальше от Гая. Гай развернул бумажку и прочитал: «Надпись с сарайчика, снята. Безоговорочная капитуляция?»

Обсуждать это событие в последовавшие часы Эпторп, видимо, считал небезопасным. Лишь к вечеру, перед чаем, он сказал:

– Я не думаю, что у нас есть причины для беспокойства. Бригадир, по всей вероятности, признал свое поражение.

– На него это совсем не похоже.

– О, он беспринципный и от него можно ожидать все что угодно. Я знаю это. Но ведь не может же быть, чтобы он был совершенно лишен чувства собственного достоинства.

Гай не стал разочаровывать Эпторпа и портить ему радостное настроение, однако вопрос о том, одинаковое ли у этих двух враждующих людей представление о чувстве собственного достоинства, оставался открытым. На следующий день выяснилось: далеко не одинаковое.

Эпторп пришел на строевые занятия (в соответствии с новым расписанием получасовое строевое занятие и физическая тренировка проводились ежедневно) с искаженным от ужаса лицом. Он встал в строй рядом с Гаем. Снова незаметное для других пожатие пальцев – и Гай почувствовал, что в его руку вложена записка. Он прочитал ее при первой же возможности, когда подали команду «Вольно». Эпторп в это время нарочито отвернулся. В записке говорилось: «Должен поговорить с тобой наедине при первой возможности. Дело приняло угрожающий оборот».

Возможность предоставилась в середине первой половины дня.

– Этот человек просто сошел с ума. Опасный, могущий быть признанным невменяемым маньяк. Я не знаю, что мне теперь делать.

– Что же он сделал на этот раз?

– Я был из-за него на волосок от смерти, вот что он сделал. Если бы я не надел стальную каску, то не стоял бы сейчас здесь и не разговаривал бы с тобой. Он долбанул меня огромным, до краев наполненным землей цветочным горшком с завядшей геранью. Прямо по макушке. Вот что он сделал сегодня утром.

– Он что же, бросил его в тебя?

– Нет. Он пристроил его на верхней части двери в кладовке садовника.

– А почему на тебе оказалась каска?

– Инстинкт, старина. Чувство самосохранения...

– Но ты же сказал вчера вечером, что, по-твоему, всему этому делу пришел конец. А ты что, Эпторп, всегда сидишь на своем «гром-боксе» в каске?

– Все это не имеет никакого отношения к делу. Главное здесь в том, что этот человек просто совершенно безответствен. Это имеет

очень большое значение для любого в его положении, да и в нашем тоже. Может настать такое время, когда наша жизнь будет в его руках. Что я должен теперь делать?

– Смени место «гром-бокса» еще раз.

– И никому не докладывать о происшедшем?

– Нельзя же упускать из виду твое чувство собственного достоинства.

– Ты хочешь сказать, что есть люди, которым это может показаться смешным?

– Даже ужасно смешным.

– Проклятие! – сказал Эпторп. – Я совсем не подумал об этой стороне вопроса.

– Мне хотелось бы услышать правду о каске, Эпторп.

– Ну что ж, если ты считаешь, что должен знать это, знай – я *носил* ее последнее время. По-моему, это объясняется тоской по дому, старина. Каска создает ощущение, как будто над тобой не пустое пространство, а что-то материальное. Не знаю, поймешь ли ты меня. Мой автономный химический клозет становится от этого более уютным.

– Ты и выходишь оттуда в каске?

– Нет. Я снимаю ее и беру под мышку.

– А когда ты ее надеваешь: до или после того, как спустишь штаны? Мне важно знать это.

– Обычно на пороге. К счастью, и сегодня утром я надел ее на пороге. Но знаешь, старина, я в самом деле никак не пойму тебя. К чему весь этот интерес?

– Я должен живо представить себе всю картину, Эпторп. Когда мы состаримся, воспоминание о подобных вещах будет нашим главным утешением.

– Послушай, Краучбек, временами мне кажется, что ты говоришь обо всем этом так, как будто считаешь это дело смешным.

– Пожалуйста, не думай так, Эпторп. Умоляю, думай что угодно, но только не это.

Однако подозрения не покинули Эпторпа и после этого немногословного примирения. Ему и хотелось бы обидеться, да он не рискнул. Он имел дело с безжалостным и изобретательным

противником, и это вынуждало его держаться поближе к Гаю. В противном случае Эпторпа ожидало только поражение.

– Итак, каков же наш следующий шаг? – спросил он.

Вечером этого дня они прокрались к кладовке садовника, и Эпторп, включив свой карманный фонарик, молча показал Гаю разбитые черепки, развалившиеся комки земли и завядшую герань – свидетельства этого страшного утреннего происшествия. Не говоря ни слова, они подняли «гром-бокс» и перенесли, как и договорились предварительно, на его первоначальное место, в сарайчик для спортивного инвентаря.

На следующий день бригадир пришел на первое утреннее построение.

– Наставление по боевой подготовке армии номер двадцать четыре, как вам, без сомнения, известно, – сказал он, – рекомендует проводить игры, имеющие своей целью развитие наблюдательности и умения всесторонне использовать местность. Сегодня, джентльмены, вы проведете такую игру. Где-то поблизости на окружающей нас местности спрятан старомодный, вышедший из употребления походный сортир, который, без сомнения, брошен здесь бывшими обитателями этого места как совершенно бесполезная вещь. По внешнему виду – это простой квадратный ящик. Действуйте поодиночке. Кто первый найдет его, сразу же доложить мне. Разойдись!

– Его наплюсть потрясает меня, – сказал Эпторп. – Краучбек, ты охраняй сарайчик, а я отвлеку офицеров.

Эпторп был полон новых сил. Он чувствовал себя в этот момент хозяином положения. Он намеренно большими шагами отправился в район угольных бункеров и складов жидкого топлива. Бригадир, как и следовало ожидать, пошел через некоторое время в ту же сторону. Гай направился окольным путем к сарайчику и стал медленно ходить вокруг него. К сарайчику дважды приближались другие офицеры, но Гай в обоих случаях отвлекал их словами: «Я только что заглядывал туда. Сарайчик пуст».

Вскоре прозвучал сигнал горниста, призывающий возвращаться назад. Бригадир принял доклад о безуспешных поисках, уселся на свой мотоцикл и укатил, бросив вокруг зловещий, угрожающий

взгляд, но не сказав ни слова. В школе в этот день он больше не появлялся.

– Расстроился, что ничего не вышло, старина, – удовлетворенно сказал Эпторп.

Однако на следующий день на двери сарайчика снова появилась надпись: «Всем чинам ниже бригадира вход запрещен».

Как Гай и предвидел, суматошные дни и вечера того марта, дни этой забавной игры в прятки, стали для него своеобразным источником бодрости и душевного успокоения, однако в ретроспективном плане подробности чередовавшихся уловок и контруловок из памяти, разумеется, выветрились. Гаю никогда больше не приходилось вдыхать аромат влажных лавровых листьев или пробираться между колючих сосновых ветвей без того, чтобы не вспомнить эти ночные вылазки с Эпторпом и пережитое на следующий день чувство торжества или разочарования. Но точная последовательность эпизодов и даже их количество в памяти не сохранились. Они затерялись среди более поздних, не столь ребяческих событий.

Кульминационного развития события достигли в страстную неделю, когда курс боевой подготовки в Кут-эль-Амаре подошел к концу. Бригадир в течение трех дней находился в Лондоне, занятый выяснением дальнейшей судьбы стажирующихся офицеров. Автономный химический клозет Эпторпа стоял на углу спортивной площадки, вне какого-либо помещения, но хорошо замаскированный между ветвистым вязом и большим катком. Здесь, никем в течение трех дней не тревожимый, Эпторп пользовался безоговорочным правом собственности на свой «гром-бокс».

Бригадир возвратился из Лондона в подозрительно хорошем настроении. Он побывал в магазине игрушек и приобрел в нем стаканчики-сюрпризы. Когда их поднесешь ко рту, они становятся дырявыми, и все содержимое выливается на подбородок пьющего. Перед обедом бригадир незаметно расставил стаканчики на столах, чтобы подшутить над офицерами. После обеда все довольно долго играли в лото. Когда бригадир выкликнул последний номер, он обратился ко всем офицерам.

– Джентльмены, – сказал он, – все, кроме начальника штаба и меня, с завтрашнего дня находятся в отпуске. Мы снова встретимся в

полевом лагере, расположенном в одной из долин южной части Шотландии, где будет вполне достаточно места, чтобы применить на практике приобретенные здесь знания. Подробности вашего перебазирования и устройства на новом месте будут указаны в документах на доске объявлений сразу же, как только их подготовит начальник штаба. Обратите особое внимание на пункт, в котором разъясняется, что количество личных вещей офицера ограничивается определенными пределами, установленными военным министерством. Рекомендации этого пункта подлежат неукоснительному выполнению. Вот, кажется, и все, что я хотел сказать, так ведь, начальник штаба? Впрочем, нет, подождите, есть еще одно дело. Вы все сейчас одеты не по форме. С сегодняшнего дня вам присвоен новый чин. Прежде чем уехать отсюда, всем необходимо приколоть на погоны по второй звездочке.

В этот вечер в комнатах стажирующихся офицеров то и дело слышалась сочиненная Ленардом песенка:

Завтра утром бригадир
Здесь останется один.
Ни занятий, ни стрельбы,
Ни вечерней вдаль ходьбы.

– Послушай-ка, – обратился Гай к Эпторпу, – твои личные вещи наверняка выйдут за пределы дозволенного количества.

– Я знаю, старина. Меня это очень беспокоит.

– А главное – куда девать твой «гром-бокс»?

– Я найду место для него. Какое-нибудь совершенно безопасное место. Тайник или надежное хранилище. Надо спрятать его где-нибудь так, чтобы быть в полной уверенности, что он будет лежать на месте до моего возвращения после окончания войны.

...Ни в болота лезть не надо,
Ни шагать со всей бригадой...

Веселые звонкие голоса донеслись в комнату с надписью: «Штаб бригады», в которой трудились бригадир и начальник штаба.

– Эти голоса напомнили мне, – сказал бригадир, – что меня ждет еще одно дело вне стен этого дома.

Утром следующего дня, когда солнечный луч коснулся незашторенного окна в комнате «Пашендейль», Эпторп был уже на ногах и ножницами для ногтей прокалывал дырочки на погонах» для новых звездочек. Через несколько минут Эпторп стал лейтенантом. В это утро расставания Эпторп ничего не сказал и не сделал такого, что можно было бы отнести к категории имеющего важное значение. Последнее, действие Эпторпа перед тем, как выйти из комнаты, было сугубо дружественным: он предложил Гаю пару звездочек, которые достал из аккуратной кожаной коробки для запонок. Гай заметил при этом, что в коробочке много различных украшений, в том числе и короны для погон старшего офицерского состава. Затем, еще до того как Гай кончил бриться, Эпторп, одетый теперь по форме и со стальной каской под мышкой, вышел из комнаты и направился в угол спортивной площадки.

До угла площадки было не более фэрлонга^[20]. Минут через пять школьное здание Кут-эль-Амары задрожало от сильнейшего взрыва. В комнатах-спальнях раздалось несколько тревожных возгласов: «Воздушное нападение!», «Всем в укрытие!», «Надеть противогазы!».

Гай застегнул на себе ремень и поспешил на улицу – туда, где, как ему казалось, произошла катастрофа. Над спортплощадкой вились клубы дыма. Гай пересек площадку. Сначала никаких признаков Эпторпа видно не было. Затем Гай увидел его: прислонившись к вязу, с каской на голове, Эпторп рассеянно шарил по пуговицам на своих штанах и с ужасом взирал на разбросанные вокруг обломки.

– Послушай, Эпторп, ты не ранен?

– Кто это? Краучбек? Я не знаю. Я просто ничего не знаю, старина.

От автономного химического клозета остались только куча дымящихся деревянных обломков, медные краники и трубочки, разлетевшийся во все стороны розоватый химический порошок и большой осколок надтреснутого фарфора.

– Что случилось?

– Не знаю, старина. Только я уселся, как последовал ужасный взрыв... и я оказался на четвереньках вон там, на траве.

– Тебя ранило? – спросил Гай еще раз.

– Шоковое состояние, – ответил Эпторп. – Я ничего не чувствую.

Гай осмотрел обломки тщательнее. Что произошло, Гай ясно понял, вспомнив отдельные места из последней лекции бригадира.

Эпторп снял стальную каску, надел фуражку, одернул на себе форму, пощупал рукой плечи и убедился, что новые звездочки на месте. Он еще раз взглянул на все, что осталось от его «гром-бокса».

«Mot juste»^[21], – подумал Гай.

Эпторп, казалось, был слишком ошеломлен, чтобы горевать о потере.

Гаю не пришли в голову никакие слова утешения.

– Давай-ка лучше пойдем завтракать.

Они молча повернулись и пошли к дому.

Эпторп шел по влажному игровому полю, шатаясь, неуверенно, устремив взгляд в невидимую точку впереди себя.

На ступеньках крыльца он остановился и оглянулся назад.

В произнесенном им надгробном слове было больше трагичности, чем горечи:

– *Уничтожил!*

На страстную неделю Гай собрался было поехать в Даунсайд, но затем передумал и отправился в Мэтчет. Отель «Морской берег» был все еще переполнен, но шума и оживления теперь уже не было. Администрация и обслуживающий персонал стали придерживаться очень простого правила: делать, меньше, чем они делали раньше, и получать за это значительно большую плату. В холле висела доска для объявлений. Если не считать, что объявления обычно начинались со слов: «Уважаемые гости, напоминаем вам...», «Уважаемые гости, просим вас...», «Уважаемые гости, сообщаем вам...», то они до смешного походили на военные приказы, и в каждом из них сообщалось о каком-нибудь небольшом сокращении удобств.

– Мне кажется, что здесь с каждым днем становится все хуже и хуже, – заметил Тиккеридж, ставший теперь подполковником.

– Я уверен, они делают все, что возможно, – сказал мистер Краучбек.

– Они даже цены на все повысили.

– По-моему, они сталкиваются во всем с огромными трудностями.

По великим постам мистер Краучбек неизменно воздерживался от вина и табака, однако на его столе по-прежнему всегда стоял графин с портвейном и чета Тиккериджей каждый вечер пользовалась возможностью отведать вина.

Когда вечером в четверг на страстной неделе Гай и его отец стояли на ветру у парадной двери отеля, а Феликс резвился в темноте где-то рядом, мистер Краучбек сказал:

– Я очень рад, что ты попал в батальон Тиккериджа. Он такой хороший человек. Его жена и маленькая девочка ужасно скучают по нему... Он говорит, что тебя, вероятно, назначат командиром роты.

– Вряд ли. По-моему, в лучшем случае меня назначат заместителем командира роты.

– Он сказал, что ты получишь роту. Он очень хорошего мнения о тебе. Я очень рад. А ты носишь тот медальон?

– Да, конечно, ношу.

– Я очень доволен, что у тебя все идет так хорошо. Впрочем, ничего неожиданного в этом, конечно, нет. Кстати, завтра успение, утром я пойду в церковь. Не думаю, что ты тоже пожелаешь пойти...

– А в какое время?

– Видишь ли, в ранние утренние часы люди идут туда с наименьшей охотой. Для меня же это не имеет никакого значения, поэтому я буду там от пяти до семи.

– Это для меня, пожалуй, многовато. Может быть, я загляну всего на полчаса.

– Обязательно приходи. В этом году у них там все очень красиво.

Утром в страстную пятницу Гай вошел в маленькую церковь. Уже брезжил рассвет, но в самой церкви стояла ночная тьма. В нос ударял резкий запах цветов и свечей. В церкви находился только его отец. Он опустился на колени у аналоя, перед импровизированным алтарем, выпрямился и застыл, устремив взгляд прямо перед собой. Когда вошел Гай, мистер Краучбек повернулся к нему, улыбнулся и снова погрузился в молитву.

Гай опустился на колени неподалеку от отца и тоже начал молиться.

Вскоре пришел ризничий и сдвинул черные занавеси с окон восточной стороны. Яркий солнечный свет на мгновение ослепил глаза.

В те же минуты в Лондоне (в этом сверхсекретном штабе считалось, что в целях сохранения тайны следует работать в необычные часы) шел большой разговор о Гае.

– По делу в Саутсанде, сэр, поступают новые материалы.

– Это относительно валлийского профессора?

– Нет, сэр. Вы помните перехваченное нами донесение радиофицированного агента «L-18»? Вот оно: « Два офицера-алебардиста заявляют, что Саутсанд тайно посетил видный политический деятель Бокс^[22], который совещался с высокопоставленным военным чиновником».

– Я никогда не думал, что это донесение может оказаться важным. Насколько мне известно, у нас нет ни одного подозреваемого по фамилии Бокс, а в районе Саутсанда нет ни одного

высокопоставленного военного чиновника. Впрочем, конечно, это может быть какое-то кодовое имя.

– Да, сэр. Мы начали поиски в этом направлении, как вы приказали тогда, и обнаружили, что есть член парламента по фамилии Бокс-Бендер, шурином которого, по фамилии Краучбек, служит в алебардийском полку. Раньше фамилия Бокс-Бендера была просто Бокс. Добавление «Бендер» было принято его отцом в тысяча восемьсот девяносто седьмом году.

– Что ж, это, кажется, опровергает подозрение, а? Нет никаких причин, по которым этот человек не мог бы посетить своего шурина.

– Тайно, сэр?

– А у нас есть что-нибудь по этому Боксу? В том, что его фамилия пишется через черточку, надеюсь, нет ничего особо подозрительного?

– Ничего важного у нас нет, сэр, – ответил младший офицер по фамилии Грейс-Граундлинг-Марчпоул, каждая черточка в которой указывала на расчетливую женитьбу в век земельной собственности. – Он ездил два раза в Зальцбург. Якобы на какой-то музыкальный фестиваль. Но зато Краучбек – это совсем другое дело. До сентября прошлого года он жил в Италии и, как мы узнали, был в хороших отношениях с местными фашистскими властями. Не считаете ли вы необходимым завести на него досье, сэр?

– Да, пожалуй, стоит завести.

– На обоих, сэр?

– Да. Заведите на всех.

Эти двое тоже раздвинули светомаскировочные шторы и впустили в кабинет первые лучи восходящего солнца.

Так совершенно секретный индекс пополнился двумя фамилиями. Позднее такие добавления переснимались на микро пленку, размножались и рассылались для внесения в десятков индексов в штабах контрразведывательной службы свободного мира и становились постоянной составной частью совершенно секретных архивов второй мировой войны.

– Мой брат служит в алебардийском полку, сэр, – сказал Грейс-Граундлинг-Марчпоул неизвестно к чему. – Краучбек, по их мнению, ничего особенного из себя не представляет.

Мысль о событии огромной важности – когда сформируется бригада – теплилась в сознании Гая, как и в сознании всех его сослуживцев, пять с лишним месяцев. Божественная идея! Никто не знал, как, в сущности, все это произойдет.

По окончании пасхального отпуска они собрались в долине Пенкирк, в южной части Шотландии, приблизительно в двадцати милях от Эдинбурга, на земле, покрытой возделанными полями, с небольшими крестьянскими усадьбами. В начале долины стоял небольшой каменный замок эпохи королевы Виктории. Первые два дня они столовались и спали в этом замке. Количество людей увеличилось за счет многих незнакомых кадровых военнослужащих различных рангов. Появились начальник медицинской части, неконфессиональный военный священник и придирчивый, имеющий много орденских ленточек ветеран, который командовал саперами. Но это были только офицеры. Набор рядовых пока не производился, потому что еще не была решена проблема их размещения.

Предполагалось, что саперы развернут лагерь, однако в назначенный день ничего существенного на поверхности отведенного участка не появилось. Они пробыли здесь всю зиму, уютно устроившись в конюшнях замка. Некоторые из них просто полюбили это место, особенно резервисты, которые нашли себе друзей и подруг в соседних населенных пунктах, просиживали все рабочие часы у их домашних очагов и платили за гостеприимство инструментами и провизией из ротных складов. Предполагалось, что эти ветераны составят костяк соединения, в которое помимо них войдут настроенные против фашистов виолончелисты и продавцы абстрактных картин из стран Дунайского бассейна.

– Если бы мне дали что-нибудь около взвода *фашистов*, – сказал командир этих ветеранов, – я закончил бы все работы здесь в течение одной недели.

Но он нисколько не жаловался. Ему вовсе не плохо жилось в сравнительно комфортабельном привокзальном отеле, который находился в трех милях от лагеря. Он был непревзойденным знатоком

всех тайн финансовой службы и ухитрялся получать множество необычных специальных надбавок к своему окладу. Если новый командир понравится ему, то он готов оставаться на своем посту до конца лета.

Пять минут, проведенные командиром саперов с бригадиром Ритчи-Хуком, заставили его без колебаний принять решение оставить это теплое местечко и уехать. Ветераны не только горячо принялись за работу сами, но и склонили к этому антифашистов. За строительство лагеря взялись довольно серьезно, но не настолько серьезно, чтобы удовлетворить Ритчи-Хука.

В первое же утро в Пенкирке он приказал своим молодым офицерам копать и таскать землю. Накануне вечером, он, к несчастью приказал сделать офицерам все противовирусные прививки, которые имелись в санчасти бригады. Заметив отсутствие энтузиазма, бригадир попытался развернуть соревнование между алебардистами и саперами. Музыканты начали работать с огоньком; продавцы картин абстрактных художников – менее рьяно, но зато вполне серьезно и качественно; алебардисты же не проявили никакого энтузиазма, ибо едва передвигали ноги.

Они рыли дренажные канавы и таскали доски для настила полов в палатках (самая нескладная ноша из всех придуманных человеком), сгружали с грузовых машин печки «Сойера» и оцинкованные водопроводные трубы. Тело ныло от усталости, ходили они пошатываясь, а некоторые и вовсе падали от изнеможения. Токсическое влияние привитых вирусов не прекращалось до тех пор, пока вся работа не подошла к концу.

Первые две ночи они спали на разостланных одеялах и питались в замке где попало. Везде царил такой же беспорядок, как в Кут-эль-Амаре во времена майора Маккини. На третий день установка жилых офицерских палаток, палатки-столовой, водопроводного крана и полевой кухни для каждого батальона наконец-то была завершена. Офицеры перебрались из замка в палатки. Начальник штаба достал контейнер алкогольных напитков. Начальник квартирмейстерской части наскоро организовал обед. Подполковник Тиккеридж пил рюмку за рюмкой и вскоре оказался достаточно пьяным для того, чтобы

сыграть свою непристойную сценку под названием «Однорукий флейтист». Второй батальон обрел себе пристанище и обосновался в нем.

В этот первый вечер в палаточном лагере Гай, одурманенный джином, усталостью и привитыми вирусами, не без труда пробрался между оттяжками и кольшками в палатку, где разместили его и Эпторпа.

Эпторп, этот старый служака, открыто не подчинился приказу (как вскоре выяснилось, точно так же поступили и все кадровые офицеры) и привез с собой большую часть своих личных вещей. Он ушел из столовой раньше Гая. Теперь Эпторп лежал на высокой раскладной койке, под балдахином из белой кисеи, освещенным изнутри оригинальной масляной лампой накаливания, словно крупный ребенок в плетеной колыбели с верхом, курил трубку и читал «Наставление по военно-судебному производству». Его «спальню» окружали стол, стул, ванночка, умывальник для рук (все раскладное), довольно громоздкие сундуки и чемоданы; здесь же находилось странное устройство, похожее на небольшие строительные козлы, на которых были развешены предметы форменного обмундирования. Гай зачарованно осмотрел этот пахнущий дымком, ярко освещенный кокон.

– Надеюсь, тебе хватит оставшегося места, – сказал Эпторп.

– Да, пожалуй.

У Гая были только резиновый матрац, штормовой фонарь и парусиновый тазик для умывания, который устанавливался на треногу.

– Тебя, может быть, удивляет, что я предпочитаю спать под балдахином?

– По-моему, это очень разумно – принимать все меры предосторожности.

– Нет, нет, нет. Это *не предосторожность*. Это просто потому, что так я лучше сплю.

Гай разделся, бросил одежду на чемодан, разложил матрац на полу и улегся на него между двух одеял. Было очень холодно. Гай порылся в рюкзаке и достал пару шерстяных носков и подшлемник, которые ему связала одна дама, живущая в отеле «Морской берег» в Мэтчете. К одеялу на матраце он добавил еще и свою шинель.

– Разумеется, так мы разместились лишь на время, – сказал Эпторп. – Командирам рот положены одноместные палатки. Я на твоём месте взял бы себе сожителем в палатку Ленарда. Он, пожалуй, самый лучший из младших офицеров. Его жена родила ребенка на прошлой неделе. Я почему-то считал, что такое дело только испортит ему весь отпуск, но он, кажется, очень доволен и в хорошем настроении.

– Да, он рассказал мне.

– Надо избегать прежде всего таких сожителей, которые то и дело пытаются воспользоваться какой-нибудь твоей вещью.

– Да, это правильно.

– Ну ладно, я буду спать. Если будешь вставать ночью, смотри не наткнись на что-нибудь, ладно? У меня здесь лежат довольно ценные вещи, для которых я пока еще не нашел места.

Эпторп положил трубку на свой столик и погасил лампу. Через несколько минут, невидимый под своим балдахином, окутанный ароматной дымкой, успокоенный и умиротворенный, словно утомленная лаской Гера на руках Зевса, он сладко заснул.

Гай убавил свет в своей лампе, но, скованный холодом и усталостью, долго еще не мог заснуть, хотя и не испытывал никакого недовольства.

Он размышлял об этой необыкновенной способности армии приводить все вокруг в порядок. Разори ногой муравейник, и покажется, что в нем в течение нескольких минут будет царить полнейший хаос. Муравьи начнут бешено носиться и карабкаться в разные стороны без видимой цели. Затем инстинкт берет верх. Каждый муравей находит свое определенное место и начинает выполнять определенную функцию. Солдаты действуют подобно муравьям.

В последовавшие годы Гаю не раз пришлось убедиться в неизменности этого процесса, иногда в чрезвычайно трудной и тяжелой, а иногда в приятной, прямо-таки домашней обстановке. Люди, бессердечно оторванные от жен и семей, сразу же начинают создавать себе некое подобие дома. Они красят и по возможности обставляют свое жилье, разбивают цветочные клумбы и обрамляют их белой галькой.

Гай размышлял этой ночью и об Эпторпе.

Во время работ по разбивке лагеря Эпторп чувствовал себя в своей стихии.

Когда в тот первый вечер подошла его очередь делать прививку, он настоял на том, чтобы ему она была сделана после всех других. А когда пришел и этот момент, Эпторп перечислил начальнику медицинской части столько заболеваний, от которых он временами страдал, рассказал о стольких сделанных ему когда-то различного рода прививках и их воздействии на его организм, о стольких предостережениях относительно прививок в будущем, якобы высказанных ему выдающимися специалистами, поведал о таких приступах идиосинкразической аллергии и тому подобных вещах, что начальник медицинской части быстро согласился сделать Эпторпу лишь чисто символическую, совершенно безболезненную и безвредную, инъекцию.

Таким образом, Эпторп сохранил физическую бодрость и полную ясность мышления, поэтому большую часть времени он провел с командиром саперов в качестве советника по выбору места для лагерных кухонь с учетом преобладающих в этом районе ветров или в качестве браковщика неумело поставленных палаточных оттяжек.

Эпторп весьма эффективно использовал двухдневное общение со штабными чинами бригады. Теперь все они хорошо знали его. Он случайно обнаружил, что давно уже знаком с кузиной начальника штаба бригады. В общем, у Эпторпа все шло очень хорошо.

И все же Гай не мог избавиться от какого-то странного ощущения подозрительности в отношении Эпторпа. Нельзя сказать, что Эпторп вызывал у Гая какие-то сомнения, отнюдь нет, это было бы большим преувеличением. Гай испытывал нечто такое, что никак не поддавалось определению, что-то едва уловимое, какое-то легкое дуновение. Тем не менее это «что-то» было явно подозрительным.

Так, то впадая в легкую дремоту, то возвращаясь к ускользавшим мыслям, Гай провел все часы до пробуждения.

К концу четвертого дня была поставлена последняя палатка. Вдоль и поперек долины, от замка до шоссе, протянулись батальонные ряды палаток, кухонь, складов, столовых, отхожих мест. Многого еще недоставало, многое было сделано на скорую руку, но в целом лагерь был готов к размещению войск. Утром следующего дня должны были прибыть солдаты. В тот вечер офицеров собрали в замке, где теперь размещался штаб бригады, и перед ними выступил бригадир.

– Джентльмены, – начал он, – завтра утром к вам придут солдаты, которых вы поведете в бой.

Это были хорошо знакомые, сильно действующие, волшебные слова. Постоянно произносившиеся две фразы: «Офицеры, которые будут командовать вами...» и «Солдаты, которых вы поведете в бой...» – точно определяли место младших офицеров в самой гуще сражения. Для Гая они были равнозначны запомнившемуся с детства перезвону полного набора колоколов курантов.

Бригадир продолжал свою речь. Было первое апреля – день, в который бригадир мог бы не удержаться от какой-нибудь веселой шутки, но в данном случае он оставался совершенно серьезным, а Гай впервые слушал его лишь краем уха. Офицеры, многих из которых он видел впервые, уже не воспринимались им более как привычное окружение. Менее чем за сорок восемь часов у него появилось новое, более чтимое и почитаемое окружение – второй батальон, и все его мысли сосредоточились на том, что завтра придут солдаты.

Офицеров распустили, и бригадир, который до этого момента играл в их жизни доминирующую роль, на время как бы отдалился от них. Он жил со своим штабом в замке. Он прибывал и убывал – в Лондон, в Эдинбург, в центр формирования, – и никто не знал, когда и зачем. Он стал источником надоедливых безличных приказов: «Командование говорит, что мы должны вырыть одиночные окопы...», «Командование говорит, что в любой данный момент из батальона может быть отпущено не более трети личного состава...», «Поступили новые приказы командования...».

Таков был Ритчи-Хук, с его ранами и веселыми проделками, этот необыкновенный вояка, всеми называемый теперь командованием.

Каждый батальон отправился к своему ряду палаток. В палатке столовой второго батальона стояло четыре печки, отапливаемые керосином, однако, когда подполковник Тиккеридж собрал второй батальон, чтобы объявить о назначениях, усевшись на скамейках офицеры поживались от вечерней прохлады.

Тиккеридж читал медленно. Прежде всего – штаб батальона: он сам, его заместитель и начальник штаба – все кадровые офицеры; помощник начальника штаба по общим вопросам и по разведывательной, химической, бытового обслуживания и транспортной службам – Сарам-Смит; командир штабной роты – Эпторп; заместитель командира штабной роты – один из совсем молодых кадровых офицеров.

Последнее назначение вызвало общий интерес. Среди офицеров, имеющих временный чин, ходили слухи о том, что один или два из них, возможно, будут продвинуты по службе; никто, кроме Эпторпа, не рассчитывал на этом раннем этапе получить в подчинение роту, но даже Эпторп не надеялся, что в его подчинение будет назначен кадровый офицер, каким бы он ни был молодым.

Это назначение явилось полной неожиданностью и для кадровых офицеров, и они обменялись недоверчивыми взглядами.

Командиром и заместителем командира первой роты были назначены кадровые офицеры, командирами взводов – три офицера, имеющие временный чин. Во второй роте назначения были произведены по такой же схеме. В третьей роте на должность заместителя командира был назначен Ленард. Теперь оставались Гай, еще два офицера с временным чином и один очень нахальный молодой кадровый офицер по фамилии Хейтер.

– Четвертая рота... – продолжал Тиккеридж. – Командир – майор Эрсканн, которого в настоящий момент здесь нет. Он прибудет через несколько дней. А пока роту примет его заместитель Хейтер. Командиры взводов: де Сауза, Краучбек и Джарвис.

Это была горькая минута. Никогда ранее в своей жизни Гай не надеялся на успех. Очень немногие и очень несущественные почести и награды, которых он достаивался в прошлом, сваливались на него совершенно неожиданно. Чувство удовлетворенности своими

действиями появилось у него лишь теперь, когда он стал алебардистом. О том, что его ожидает успех, говорили и неоднократные намеки. Он не ожидал и не рассчитывал на что-нибудь большое и важное, но надеялся хоть на какое-то продвижение. Гай был уверен, что так будет просто потому, что фактически он преуспевал в подготовке, и считал, что слова одобрения, которыми иногда награждали его, вовсе не были лишь простой данью уважения к его возрасту. Теперь Гай кое-что понял. Он был не так плох, как Триммер, и не столь плох, как Сарам-Смит, которого назначили на ничтожную должность; он просто едва пробрался и не заработал никаких почестей и отличий. Теперь он убедился – хотя еще раньше должен был понять это, – что Ленард, очевидно, лучше его. Кроме того, Ленард был беднее Гая, и недавно у него родился ребенок. Ленарду нужна более высокая оплата, и он получит ее, когда ему дадут чин капитана. Никакой обиды Гай не испытывал; он никогда в подобных случаях не унывал, потому что имел в этом отношении богатый опыт. Просто у него сразу же резко упало настроение. Сэр Роджер, возможно, чувствовал себя так же, когда ему пришлось обнажить свой меч из-за какой-то небольшой местной ссоры. Он не знал тогда, что настанет день, когда его будут величать «il Santo Inglese».

Подполковник Тиккеридж продолжал:

– Разумеется, все эти назначения пробные. Позднее возможна перестановка. Однако в настоящее время мы считаем такие назначения наиболее целесообразными.

Затем офицерам сказали, что они свободны. Дежурный солдат позади бара усердно наполнял рюмки розовым джином.

– Поздравляю, Эпторп! – сказал Гай.

– Спасибо, старина. Откровенно говоря, я не ожидал, что мне дадут штабную роту. Она ведь в два раза больше любой другой.

– Я уверен, что ты отлично справишься с ней.

– Да, возможно, что мне придется положиться кое в чем на своего два-ай-си.

– На что, на что, Эпторп? Это какой-нибудь новый «гром-бокс»?

– Нет, нет, нет! Это мой заместитель. Ты знаешь, старина, тебе все-таки надо усвоить принятую терминологию. Начальство обращает внимание на такие вещи. Кстати, по-моему, тебе не очень-то повезло с

назначением, я ожидал большего. Поговаривали, что один из нашей группы будет назначен на должность два-ай-си. Я так и думал, что они имеют в виду тебя.

– Ленард – толковый парень.

– Да, конечно, *они* знают лучше нас. Тем не менее я сожалею, что они предпочли Ленарда. Если тебе трудно перенести вещи сегодня, то на эту ночь можешь оставить их в моей палатке.

– Спасибо, я непременно воспользуюсь твоей любезностью.

– Но завтра, старина, ты займешься этим делом в первую очередь, ладно?

В палатке-столовой было так холодно, что им пришлось ужинать не снимая шинелей. В соответствии с полковой традицией Эпторп и Ленард поставили всем по стопке.

Некоторые стажирующиеся офицеры посочувствовали Гаю: «Вам не повезло, „дядюшка“. Оттого что Гая „обошли“ в назначении, он, казалось, стал для сослуживцев более *simpatico*.

– Это вы Краучбек, правильно? – обратился к нему Хейтер. – Ставлю вам стопку. Пришло время узнать своих подчиненных. Вы наверняка найдете во мне покладистого начальника, если приспособитесь к моим правилам и привычкам. Скажите, а чем вы занимались в мирное время?

– Ничем.

– Ого!

– А каков майор Эрскайн?

– Мозговитый. Вы хорошо сработаетесь с ним, если будете выполнять все, что вам приказывают. На первых порах он от вас, новичков, многого не потребует.

– А во сколько завтра придут солдаты?

– Бриг наговорил об этом чертову уйму, только слушай, а на самом деле завтра придут лишь бывалые солдаты. Новобранцы будут здесь только через несколько дней.

Они выпили по стопке розового джина и обменялись недоверчивыми взглядами.

– А кто такие де Сауза и Джарвис? Мне, вероятно, надо и с ними обменяться парой слов.

Когда Гай в последний раз вошел в тот вечер в палатку Эпторпа, ее хозяин не спал и пребывал в приподнятом настроении.

– Краучбек, – сказал он, – я хотел бы сказать тебе кое-что. О том, что произошло в Саутсанде, впредь больше ни слова. Понимаешь? В противном случае я буду вынужден принять меры.

– Какие меры, Эпторп?

– *Крутые* меры.

Чудак. Настоящий чудак.

Без малого через три недели в лагере появилась «Инструкция по боевой подготовке сухопутных войск № 31 . Военное министерство. Апрель 1940 года». Генерал Айронсайд препровождал ее словами: «Всем командирам обеспечить изучение инструкции и тщательно проверить правильность ответов подчиненных офицеров на вопросы, поставленные в части первой. Боевую подготовку продолжать до тех пор, пока ответы на все вопросы не будут удовлетворительными».

– Вам, друзья, пожалуй, придется в этом месяце заглянуть в инструкцию, – сказал подполковник Тиккеридж. – По тем или иным соображениям ей, видимо, придается довольно серьезное значение.

В первом разделе брошюры было поставлено сто сорок три вопроса.

Двадцать первого апреля в выпуске новостей в девять утра сообщили, что генерал Пейджет находится в Лиллехаммере и что в Норвегии дела идут хорошо. По окончании новостей начали транслировать музыку. Гай и де Сауза сели как можно дальше от радиоприемника и в атмосфере, в которой запахи примятой травы и жарящегося ростбифа ослаблялись запахами керосина и разогретого чугуна, начали изучать «жизненно важные обязанности командира подразделения».

– Послушайте, «дядюшка», а *вы* приобрели на свою дотацию старую ходовую часть автомобиля и запчасти к двигателю, чтобы облегчить подготовку по вождению автотранспорта?

– Нет. А сколько человек в *твоем* взводе ты предназначаешь для связи?

– Ни одного.

Это было похоже на игру в «счастливые семьи».

– А вы можете сказать, почему с камуфляжем, сделанным с опозданием, опаснее, чем без всякого камуфляжа?

– Наверное, потому, что можно прилипнуть к невысохшей краске.

– А скажите, приспособление для сушки одежды у ваших солдат такое же хорошее, как и у вас?

– Более плохим оно вряд ли может быть.

– Послушайте, «дядюшка», а вы пробовали в своем взводе, можно ли готовить пищу в солдатских котелках?

– Да, мы пробовали. На прошлой неделе.

– А почему во время боевой подготовки ночные действия выгодно начинать за час до рассвета?

– Потому что занятия могут длиться не более часа.

Гай лениво, как во сне, перелистывал страницы. Все это было очень похоже на рекламирование полезных советов по достижению цели в различного рода бизнесе: «Как завоевать внимание босса. Курс из пяти уроков», «Почему *меня* не продвигают?». Гаю то и дело попадались вопросы, которые мысленно возвращали его к событиям последних трех недель.

«Пытаетесь ли вы, стать достаточно компетентным, чтобы принять на себя обязанности вашего непосредственного начальника?»

Гай не испытывал никакого уважения к Хейтеру. Он был совершенно уверен, что смог бы теперь выполнять обязанности заместителя командира роты намного лучше Хейтера. Более того, недавно Гай узнал, что, когда его назначат на новую должность, это вовсе не будет должность Хейтера.

Майор Эрскэйн прибыл в лагерь в один день с новобранцами. Его мозговитость оказалась отнюдь не угнетающей. Такая репутация майора объяснялась главным образом тем, что он читал романы Пристли и имел необыкновенно неаккуратный внешний вид. Форма на нем была надлежащая и всегда чистая, но почему-то она никогда не была по нему, и не по вине шившего ее портного, а скорее потому, что майор в течение дня, казалось, нет-нет да и менял свою конфигурацию. Сейчас его мундир кажется слишком длинным, а через каких-нибудь несколько минут может показаться слишком коротким. Карманы его всегда чем-то набиты. Носки на ногах почему-то всегда собираются в гармошку. Он скорее походил на сапера, чем на алебардиста. Но он и Гай пришлись друг другу по вкусу. Майор Эрскэйн говорил мало, но если уж говорил, то всегда с необыкновенной простотой и откровенностью.

Однажды вечером, когда Хейтер показал себя более нахальным, чем обычно, майор Эрскэйн и Гай шли из роты в столовую вместе.

– Этот маленький зудень хочет пинка под зад, – сказал майор Эрскэйн. – Я, пожалуй, *устрою* ему это. И ему будет лучше, и мне

приятнее.

– Да, я понимаю вас.

– Мне не следовало бы говорить это вам о вашем непосредственном начальнике, – продолжал майор. – А вам кто-нибудь когда-нибудь говорил, «дядюшка», почему вас назначили всего-навсего командиром взвода?

– Нет. Но я не думаю, что это требует какого-то объяснения.

– Ну почему же, вам должны были бы сказать. Видите ли, вас предполагали назначить командиром роты. Но бриг заявил, что не хочет, чтобы боевой ротой командовал кто-нибудь, кто не командовал до этого взводом. И я вполне понимаю его. Штабная рота – совсем другое дело. «Дядюшка» Эпторп останется в ней, пока не станет начальником хозяйственного отделения адъютантско-квартирмейстерского отдела или кем-нибудь в этом роде. Ни один из офицеров, имеющих временный чин и начинающих с высокой должности, никогда не получит стрелковую роту. Вы же получите ее еще до того, как мы попадем в действующие войска, если вы, конечно, не испортите свой послужной список какой-нибудь сенсационной выходкой. Я решил, что должен сказать вам все это на случай, если вы приуныли из-за назначения.

– Это верно, я таки действительно приуныл.

– Да, я так и думал.

«Кто руководит взводом: вы или ваш взводный сержант?»

У Гая взводным сержантом был парень по фамилии Соумс. Взводом руководил Гай, но наладить отношения с сержантом оказалось не так-то легко. Соумс носил усы, подстриженные на гангстерский манер, и в нем было много такого, что напоминало Гаю Триммера.

«Сколько человек в вашем подразделении вы считаете возможными кандидатами на присвоение офицерского чина?»

Одного. Сержанта Соумса. Гай не только «считал», но и кое-что предпринял для этого. Несколько дней назад он зашел в канцелярию роты и вручил майору Эрскайну листок бумаги, на котором была фамилия сержанта, его личный номер и краткие сведения о прохождении службы.

– Да я нисколько не виню вас, – сказал майор Эрскайн. – Сегодня утром я отправил такую же бумагу на Хейтера, предложив его в

качестве подходящей кандидатуры для специального обучения на офицера связи в авиации, независимо от предъявляемых к такому кандидату требований. Полагаю, что он станет там полковником не больше чем через год. Точно так же и вы хотите произвести Соумса в офицеры по той простой причине, что он очень неприятный тип. Хорошенькая армия у нас будет этак года через два, когда все это дерьмо проберется наверх.

– Но Соумс ведь не вернется к нам, если его произведут в офицеры.

– Именно поэтому я и представлю его. То же самое и с Хейтером, если он пройдет тот или иной курс обучения.

«Сколько ваших подчиненных вы знаете по фамилии и имени и что вам известно об их личных качествах?»

Фамилии и имена подчиненных Гай знал. А вот опознать их удавалось далеко не всегда. У каждого было по меньшей мере три лица: нечеловеческое, даже довольно враждебное выражение, когда подчиненный стоял по стойке «смирно»; жизнерадостное и изменчивое, чаще всего шутовское, иногда взбешенное, а иногда и печальное, когда во внеслужебное время подчиненные направлялись гурьбой в какую-нибудь бригадную военную лавочку или спорили о чем-нибудь в ротных палатках; и, наконец, третье выражение – настороженная, но в целом дружелюбная улыбка, когда Гай разговаривал с ними во внеслужебное время или во время перерывов в занятиях. Большинство хорошо воспитанных англичан в те времена считали, что они наделены исключительной способностью внушать низшим классам любовь и уважение к себе. Гай не тешил себя такой иллюзией, но считал, что пользуется у подчиненных ему тридцати человек довольно высоким авторитетом. Впрочем, он особенно об этом и не заботился. Ребята просто нравились ему, и он желал им всяческих успехов. Он выполнял свой долг и отношении подчиненных настолько, насколько ему позволяли его скромные знания. Он был безоговорочно готов, если возникнет необходимость, принести себя в жертву ради них. Броситься на шипящую гранату, например, отдать им последнюю каплю воды, совершить любой подобный поступок. Однако различия между ними по их человеческим качествам Гай не проводил. Он отличал их друг от друга не больше и не меньше, чем делал это в отношении офицеров-сослуживцев. Он предпочитал

майора Эрскайна молодому Джарвису, с которым жил теперь в одной палатке, он питал уважение к де Саузе, но вместе с этим испытывал некоторое подозрение к нему. Что же касается своего взвода, роты, батальона и вообще всех алебардистов, то Гай питал к ним более теплые чувства, чем к любому другому за пределами его семейного круга. Это, конечно, не так уж много, но все же кое-что, за что можно было благодарить бога.

А в самом начале этого разностороннего катехизиса стоял вопрос, составлявший суть самого пребывания Гая среди этих, не им выбранных сослуживцев:

«За что мы сражаемся?»

В инструкции по боевой подготовке стыдливо отмечалось, что многие рядовые солдаты имеют об этом весьма туманное представление. «А Бокс-Бендер ответил бы на этот вопрос достаточно четко? – подумал Гай. – А Ритчи-Хук? Имеет ли он хоть малейшее представление, для чего нужно, выражаясь его словами, „уничтожать и уничтожать“ противника? А ответит ли на этот вопрос сам генерал Айронсайд?»

Гай полагал, что по такого рода вопросам он знает кое-что из того, что скрыто от власть имущих.

Англия объявила войну, чтобы отстоять независимость Польши. Теперь этой страны нет. Генерал Пейджет сейчас в Лиллехаммере, и, согласно официальным сообщениям, все идет хорошо. Но Гай знал, что дела идут плохо. Здесь, в Пенкирке, у них не было хорошо информированных друзей, они не пользовались доступом к разведывательным информационным документам, но восточные ветры из Норвегии доносили сюда признаки провала.

Гай думал обо всем этом, когда лежал в тот вечер в своей палатке. Произнося вечернюю молитву, он сжимал в руке медальон Джервейса. Последняя перед сном мысль Гая была для него успокоительной. Как бы плохо ни чувствовали себя скандинавы оттого, что на их территорию вторглись немцы, для алебардистов это событие было многообещающим. Несмотря на то что они являлись специальными частями, предназначенными для проведения особо опасных операций, возможностей участвовать в таких операциях до настоящего времени, казалось, было очень мало. Теперь же, для того чтобы «уничтожать и уничтожать», открылось новое, весьма протяженное побережье.

В тот день, когда мистер Черчилль стал премьер-министром, Эпторпа произвели в чин капитана.

Эпторп заранее узнал об ожидаемом приказе (ему сообщил об этом начальник штаба) и с утра послал своего денщика в штаб, в ротную канцелярию, стоять там наготове. Как только из штаба батальона поступили первые сведения о приказе – еще до того, как копии этого приказа были разосланы и тем более получены, – Эпторп развил необыкновенно бурную деятельность. Остальную часть первой половины дня он провел в волнующем экстазе. С важным видом прошелся по всем лагерным дорожкам, побывал у начальника медицинской службы, видимо, с целью получить тонизирующее средство, которое считал необходимым для себя в такой момент, спугнул начальника квартирмейстерской части, который пил чай на своем складе, однако никто из них, кажется, не замечал новой звезды. Эпторпу оставалось только ждать.

В полдень в лагере стали слышны голоса прибывавших с полигонов и расходившихся по своим палаткам солдат и офицеров. Эпторп невозмутимо ожидал офицеров-сослуживцев в палатке-столовой.

– А-а, Краучбек, что можно предложить тебе выпить?

Гая это немало удивило, ибо Эпторп в последние несколько недель почти не разговаривал с ним.

– О, это очень любезно с твоей стороны. Я прошел сегодня много миль. Кружечку пива, с твоего позволения.

– А ты, Джарвис? И ты, де Сауза?

Это было еще удивительнее, поскольку в течение всего «инкубационного» периода Эпторп никогда не разговаривал ни с де Саузой, ни с Джарвисом.

– Хейтер, старина, а что выпьешь ты?

– А в честь чего, Эпторп? День рождения? – спросил Хейтер.

– Насколько я понимаю, у алебардистов принято ставить выпить в таких случаях.

– В каких случаях?

Эпторп неудачно выбрал для этого разговора Хейтера. Хейтер ни во что не ставил офицеров с временным чином, да и сам был все еще лейтенантом.

– Боже мой! – воскликнул он. – Неужели ты хочешь сказать, что тебе присвоили чин капитана?

– С первого апреля, – гордо заявил Эпторп.

– Подходящая дата. Тем не менее против стопки розового джина я не возражаю.

Бывали такие моменты, когда Эпторп, как в спортивном зале например, становился более чем смешным. Сейчас настал один из таких моментов.

– Подайте этим молодым офицерам все, что они попросят, Крок! – крикнул Эпторп, величественно махнув в сторону подходивших к бару офицеров. – Стойте, стойте, начштаба! Я угощаю. Подполковник, надеюсь, вы не откажетесь выпить с нами?

Палатка-столовая заполнилась офицерами, пришедшими на второй завтрак. Эпторп щедро угощал всех. Никто, кроме Хейтера, не завидовал повышению Эпторпа.

Смена премьер-министров интересовала алебардистов в гораздо меньшей мере. Они считали, что политика – это не их дело. Зимой, когда мистер Хор-Белиша был вынужден оставить свое кресло, некоторые алебардисты радовались и высказывали свое мнение по этому поводу. С тех пор Гай не слышал ни одного слова о политиках. В радиоприемнике в офицерской столовой прозвучало несколько выступлений мистера Черчилля. Гаю они показались невероятно хвастливыми, к тому же за ними, за большей их частью, последовали сообщения о крупных неудачах, подобно божьей каре в «Последнем песнопении» Киплинга.

Гай знал мистера Черчилля только как профессионального политика, сиониста, компаньона газетных королей и Ллойд Джорджа. Гая спросили:

– «Дядюшка», а что представляет собой этот парень, Уинстон Черчилль?

– То же, что и Хор-Белиша, за исключением разве того, что шляпы, которые он носит, считают по каким-то причинам смешными.

– Что ж, в конце концов, кто-то ведь должен сыграть роль козла отпущения после всех этих неудач в Норвегии.

– Да.
– Он ведь не может быть намного хуже своего предшественника?
– Скорее уж лучше, чем хуже.
– Черчилль – это, пожалуй, единственный, кто может спасти нас от поражения в этой войне, – сказал, наклонившись к ним через стол, майор Эрскэйн.

О том, что в войне возможен и другой исход, кроме полной победы. Гай услышал от алебардиста впервые. Правда, им читал лекцию офицер, недавно вернувшийся из Норвегии, и он откровенно рассказал о некомпетентной погрузке материальных средств и вооружения на десантные суда, о неожиданно плохих результатах бомбардировок с пикирования, об организованных действиях предателей и тому подобных вещах. Он даже намекнул на более низкие боевые качества английских войск. Но в целом этот офицер не произвел особого впечатления. Алебардисты всегда самонадеянно считали, что штаб и квартирмейстерская служба бесполезны, что все другие полки едва ли можно назвать боевыми, что все иностранцы – это предатели. По их мнению, там, где нет алебардистов, дела, естественно, идут плохо. Никто из алебардистов не допускал мысли о поражении в войне.

Повышение Эпторпа в чине представляло собой куда больший интерес, чем все остальное.

Бригадир Ритчи-Хук мог потеряться из виду где-то за стенами викторианского замка и, по крайней мере на время, утратить важность своей персоны. С Эпторпом же этого произойти не могло. Во второй половине того дня, когда Эпторп стал капитаном, случилось так, что он и Гай шли навстречу друг другу по батальонному плацу. Подражая одной из веселых, на уровне учеников четвертого класса, проделок, так легко переносимых в среду военных, Гай сделал серьезный вид и церемониально отдал Эпторпу честь. Эпторп не менее серьезно и церемониально ответил ему. Правда, после многочисленных поздравительных стопок в первой половине дня Эпторп не совсем уверенно держался на ногах и его лицо было неестественно напыщенным, но в целом обмен приветствиями прошел бодро и по всем правилам.

Позднее в этот день, как раз когда начинало темнеть, они встретились еще раз. Эпторп, видимо, слишком часто прикладывался

к бутылке и был теперь в состоянии, которое он сам называл «навеселе» – состояние, которое можно было определить по его исключительно важному виду. Когда они шли друг другу навстречу, Гай с удивлением заметил, что Эпторп начал четко выполнять приемы, которым их обучали в алебардийском казарменном городке и которые они неуклонно выполняли, приветствуя идущего навстречу старшего офицера. Эпторп сунул трость под левую руку, энергично отвел назад правую и устремил невидящий взгляд прямо перед собой. Гай продолжал идти непринужденно, добродушно бросил Эпторпу: «Добрый вечер, капитан!» – и слишком поздно заметил, что правая рука его друга уже поднялась до уровня плеча в попытке ответить на ожидавшееся приветствие. В следующий момент рука Эпторпа резко опустилась, взгляд устремился еще дальше вперед, на противоположную сторону долины, и он, спотыкаясь, прошел мимо.

Предыдущее шутливое приветствие Гая, видимо, произвело на Эпторпа неизгладимое впечатление и способствовало сохранению им веселого настроения в течение остальной части дня. На следующий день Эпторп уже не витал в облаках и испытывал слабое недомогание где-то внутри, но зато у него появилась новая *idée fixe*.

Еще до первого построения он сказал Гаю:

– Послушай, старина, я был бы тебе очень признателен, если бы ты приветствовал меня всякий раз, когда мы проходим мимо друг друга в пределах лагеря.

– С какой стати, Эпторп?

– Как это с какой? *Я* ведь приветствую майора Тренча.

– Конечно, приветствуешь.

– Разница между ним и мной точно такая же, как между мной и тобой. Понимаешь, о чем я говорю?

– Дорогой мой, нам ведь с самого начала нашей службы очень хорошо объяснили, кого следует приветствовать и в каких случаях.

– Правильно. Но разве ты не понимаешь, что я – это исключение?! *Мое* положение беспрецедентно во всей истории полка. Не так давно все мы начали службу в равном положении. Случилось так, что я сравнительно быстро выдвинулся, поэтому, естественно, я должен делать что-то большее для укрепления своего авторитета, чем если бы я продвигался вперед в течение многих лет. Пожалуйста, Краучбек, приветствуй меня. Прошу тебя как друга.

– Очень сожалею, Эпторп, но я просто не смогу делать этого. Я буду чувствовать себя ослом.

– Ну что ж, тогда, по крайней мере, скажи всем другим офицерам.

– Ты действительно хочешь этого? Ты хорошо обдумал это» дело?

– Больше я ни о чем и не думал.

– Хорошо, Эпторп. Я скажу им.

– Категорически приказать приветствовать меня я, разумеется, не могу. Просто скажи им, что таково мое желание.

Желание Эпторпа быстро стало известно каждому, и в течение нескольких дней он был жертвой согласованного преследования. Идя кому-нибудь навстречу, он всегда теперь начинал смущенно, с большим напряжением готовиться... неизвестно к чему. Иногда офицеры, ниже его по чину, приветствовали Эпторпа без улыбки, по всем правилам; иногда они проходили мимо, совершенно игнорируя его; иногда они лишь небрежно вскидывали руку и говорили: «Привет, „дядюшка“».

Наиболее жестокий прием выдумал де Сауза. Завидев Эпторпа, он совал трость под левую руку и переходил на четко выраженный строевой шаг, поедая Эпторпа взглядом. Затем, когда до встречи оставалось шага два-три, он неожиданно расслаблялся и отводил взгляд в сторону, а однажды он внезапно опустился на одно колено и, не сводя с капитана подобострастного взгляда, начал поправлять руками шнурок на ботинке.

– Послушай, ты доведешь этого несчастного человека до полнейшего безумия, – сказал Гай де Саузе.

– Да, пожалуй, доведу, «дядюшка». Честное слово, наверняка доведу.

Эта забава кончилась однажды вечером тем, что Гая вызвал к себе в канцелярию подполковник Тиккеридж.

– Садитесь, Гай. Я хочу поговорить с вами неофициально. Меня все больше и больше беспокоит Эпторп. Скажите откровенно, у него с головой все в порядке?

– Видите ли, подполковник, у него, конечно, есть некоторые странности, но я не думаю, что та или иная из них могла бы привести к чему-нибудь опасному.

– Надеюсь, что вы не ошибаетесь. Я получаю со всех сторон весьма необычные докладные записки о нем.

– С ним произошел очень неприятный случай в день нашего отъезда из Саутсанда.

– Да, я слышал об этом. Не повлияло ли это происшествие на его *умственные* способности? Позвольте рассказать вам о его позднейших странностях. Недавно он сформулировал и попросил меня включить в приказ положение, согласно которому все младшие офицеры должны приветствовать его. Согласитесь, это выглядит не совсем нормально.

– Я согласен, подполковник.

– Или такой приказ, сказал он, или другой, в котором указывалось бы, что вы *не* обязаны приветствовать его. Это тоже не укладывается в норму. Что же, собственно, с ним происходит?

– Я полагаю, подполковник, дело в том, что недавно его немного рассердили.

– Я совершенно уверен, что так оно и было и что дело зашло слишком далеко. Попрошу вас передать кому следует, что шутки необходимо прекратить. Не исключено, что пройдет немного времени и вы тоже окажетесь в его положении. Тогда вы убедитесь, что у вас будет достаточно дел без того, чтобы вас еще сердили всякие юные глупцы.

Это произошло в тот день, когда немцы форсировали реку Маас, хотя известие об этом пришло в Пенкирк несколько позднее.

Гай передал приказание подполковника всем младшим офицерам, и дело, которое де Сауза здорово назвал «делом об отдании чести капитану», внезапно прекратилось. Однако свойственные Эпторпу странности продолжали проявляться во многих других делах и случаях.

Взять, например, вопрос о замке. С первого дня назначения командиром штабной роты Эпторп, еще будучи лейтенантом, взял в привычку бывать в замке два или три раза в неделю без всякого на то видимого повода. Обычно он появлялся там в одиннадцать часов, в перерыв, когда в различных приемных и кабинетах замка пили чай. Эпторп оказывался рядом с помощником начальника штаба бригады по тылу или с кем-нибудь равным ему по положению, и те, полагая, что он приходит по поручению командира батальона, уделяли ему соответствующее внимание. Таким путем Эпторп узнавал много разного рода новостей по второстепенным делам и часто удивлял своей осведомленностью начальника штаба. Когда время чаепития истекало и штабные чины расходились по своим комнатам, Эпторп неторопливо шел в комнату главного делопроизводителя и спрашивал: «Ну как, что-нибудь касающееся второго батальона сегодня есть?» После третьего такого визита Эпторпа главный делопроизводитель штаба бригады доложил об этом начальнику штаба и поинтересовался, уполномочен ли Эпторп задавать такой вопрос и получать ответ на него. В результате был издан приказ, в котором всем офицерам напоминалось, что они могут приходить в штаб бригады только по делам и только с разрешения соответствующих начальников.

Когда этот приказ разослали адресатам, Эпторп появился у начальника штаба и спросил:

- Я понимаю этот приказ в том смысле, что за разрешением теперь должны приходить ко мне?
- Ради бога, Эпторп, почему именно к *вам*?
- Гм, в конце концов, *я ведь* командир штабной роты, не правда ли?

– Вы что, Эпторп, на взводе?

– Разумеется, нет.

– Да-а! Тогда идите к командиру, он объяснит вам лучше, чем я.

– Конечно. Я считаю, что это *очень* важный вопрос.

Подполковник Тиккеридж выходил из себя не так уж часто. Но в то утро гром и молнии из его кабинета были слышны во всех уголках лагеря. Однако вышедший из кабинета Эпторп был, как всегда, совершенно спокоен.

– Боже мой, «дядюшка», как он кричал! Даже здесь, на плацу, было слышно. Что там произошло? Из-за чего весь этот шум?

– Да так, опять какая-то канцелярская волокита, старина.

С тех пор как Эпторп лишился своего автономного химического клозета, он стал совершенно невосприимчивым к ударам.

Наиболее значительным отклонением Эпторпа от нормы была его единоличная война со службой связи. Эта кампания стала доминирующей навязчивой идеей Эпторпа в течение всех его трудных дней в Пенкирке, и завершил он ее на почетных условиях.

Началась кампания из-за простого недопонимания.

Изучая свои обязанности при свете лампы накаливания, Эпторп вычитал, что связисты в его батальоне в административном отношении подчиняются ему.

Эпторп сразу же воспринял это положение в весьма широком значении. Он уверенно считал, что благодаря этому положению командир штабной роты не только участвует в бою, но фактически и управляет им. В тот памятный день, первого апреля, в батальоне было десять таких связистов, добровольно согласившихся на эту легкую, как они полагали, службу. Связисты были подготовлены слабо и, кроме сигнальных флажков, не располагали никакими средствами связи. Эпторп же обладал некоторыми необычными достоинствами, в частности он мастерски владел азбукой Морзе. Соответственно, в течение нескольких дней он занимался связистами лично и провел с ними немало часов, размахивая флажками на открытом холодном воздухе.

Затем прибыли бригадные связисты под командованием своего офицера, снабженные радиотехническими средствами связи. Это были связисты из специальных войск связи. Совершенно случайно им отвели палатки, расположенные рядом с палатками второго

батальона. Командовавшему связистами офицеру предложили питаться в офицерской столовой второго батальона, а не тратить время на переходы в замок, находившийся на расстоянии мили от палаток; квартирмейстеру связистов приказали получать продовольственные пайки на его подразделение у квартирмейстера второго батальона. Таким образом, совершенно случайно бригадные связисты оказались тесно связанными со вторым батальоном.

Эту ситуацию восприняли правильно все, кроме Эпторпа, который вообразил себе, что бригадные связисты находятся в его личном подчинении. В то время он был еще лейтенантом. Командир связистов тоже был лейтенантом, значительно моложе Эпторпа по возрасту и значительно моложе своих лет по внешнему виду. Его фамилия была Данн. При первом же появлении Данна в столовой Эпторп взял его на свое попечение, представив его с изысканным покровительством как своего нового подчиненного. Данн не совсем представлял себе, как ему вести себя в такой ситуации, но, поскольку представление сопровождалось множеством бесплатных стопок и поскольку по своей натуре Данн был медлительным тяжелодумом, он с радостью признал себя подчиненным Эпторпу.

Утром следующего дня Эпторп послал своего денщика к палаткам бригадных связистов.

– Мистер Эпторп передает свои наилучшие пожелания и просит мистера Данна доложить, когда его подразделение будет готово к осмотру.

– Какой осмотр? – удивился Данн. – К нам пожалует бригадир? Мне никто не говорил об этом.

– Никак нет, сэр. Насколько я понимаю, осмотр произведет мистер Эпторп.

Данн был человеком с замедленной реакцией, но в данном случае это возмутило даже его.

– Скажите мистеру Эпторпу, что когда я закончу осмотр своего подразделения, то буду готов навестить его и осмотреть его голову.

Денщик, алебардист из кадрового состава, отнесся к этим словам спокойно.

– Не дадите ли вы мне этот ответ в письменной форме, сэр?

– Нет. Пожалуй, я лучше переговорю с начальником штаба.

Эта первая схватка прошла сравнительно спокойно, в неофициальных тонах.

– Не будьте ослом, «дядюшка».

– Но, уважаемый начальник, это же по штату в моем ведении. *Связисты*, я имею в виду.

– Батальонные связисты, «дядюшка», а не бригадные связисты. – Затем, перейдя на тон, каким, как он полагал, Эпторп разговаривал со своими солдатами в Африке, начальник штаба продолжал: – Непонятно? Эти ребята присланы сюда из войск связи. Ваши же связисты – это алебардисты. Вы что же, черт возьми, хотите, чтобы я сорвал с вас знаки различия?

Однако начальник штаба в спешке представил все в слишком упрощенном виде, ибо в действительности батальонные связисты, несмотря на то что это были алебардисты во всех других отношениях, в вопросах специальной подготовки подчинялись командиру подразделения бригадных связистов. Этого обстоятельства Эпторп не мог или не хотел постичь; он совершенно определенно так никогда и не постиг его. На какое бы время Данн ни назначал занятия по специальности, Эпторп немедленно придумывал на это же время для своих связистов какую-нибудь работу по лагерю. Он пошел еще дальше. Построив своих алебардистов, он приказал им не выполнять ничьих распоряжений, кроме отданных им лично. Напряженность в отношениях между Эпторпом и Данном непрерывно возрастала. Дело принимало официальный характер.

Позиция Эпторпа, несмотря на ее теоретическую несостоятельность, усиливалась тем обстоятельством, что Данна все недолюбливали. Когда он появился в канцелярии второго батальона, начальник штаба неприветливо сказал ему, что в столовой второго батальона он всего лишь гость и что по всем остальным аспектам службы он относится к замку. С любыми жалобами на своих хозяев ему следует обращаться к начальнику штаба бригады, Данн поплелся в замок, но начальник штаба сказал ему, чтобы он без шума разрешил свой вопрос с подполковником Тиккериджем. Подполковник Тиккеридж, как и следовало ожидать, сказал Эпторпу, что его алебардисты должны заниматься вместе с бригадными связистами. Тогда Эпторп немедленно отправил их всех в неотложный отпуск по семейным обстоятельствам. Данн снова направился в замок, как будто

медлительным он никогда вовсе и не был. Бригадир в это время находился в одной из своих поездок в Лондон. Начальник штаба бригады был поэтому самым занятым человеком во всей Шотландии. Он сказал Данну, что поставит этот вопрос на ближайшем совещании командиров батальонов.

Эпторп тем временем прекратил свою дружбу с Данном и перестал разговаривать с ним. Ссора между командирами не замедлила оказать пагубное влияние и на их подчиненных. Солдаты обоих подразделений пользовались всяким удобным случаем, чтобы оскорбить друг друга бранными словами. Данн обвинил шестерых алебардистов в недостойном поведении. В канцелярии батальона было, однако, сколько угодно друзей обвиненных, готовых в любой момент дать ложные свидетельские показания в защиту славного корпуса алебардистов, и подполковник Тиккеридж отклонил это обвинение.

Пока это была обычная для разных родов войск вражда, и отличалась она от подобных себе лишь тем, что веских аргументов для обвинения Эпторпа не было. В самый разгар вражды Эпторп получил чин капитана. По понятиям самого Эпторпа это событие нисколько не уступало по своей значимости визиту Александра Македонского в Сиву. Положение Эпторпа и его дела с получением чина капитана менялись коренным образом. Такие враги, как де Сауза, отходили на задний план, скрывались где-то в тени; новый, ярко освещенный путь вел теперь к покорению Данна.

На второй день после повышения в чине в послеобеденное время Эпторп приступил к осмотру подразделения связистов. Обнаруживший его за этим занятием Данн на какой-то момент буквально остолбенел.

Эпторп был занят предметом своего неослабевающего интереса – ботинками. Ему попался в руки чей-то ботинок, который явно требовал ремонта. Эпторп стоял с ним в окружении нескольких связистов и сосредоточенно отделял отставшую подошву своим складным ножом.

– Не говоря уже о качестве кожи, – говорил он назидательно, – этот ботинок просто позорит нашу службу. Посмотрите, какой здесь шов! Посмотрите, как пришит язык! А какие дырочки для шнурков!

Так вот, на хорошем ботинке... – Он поднял свою ногу в ботинке и поставил ее на газоопределитель так, чтобы ботинок был всем виден.

– Какого черта вы здесь делаете? – спросил Данн.

– Мистер Данн, мне кажется, вы забыли о том, что обращаетесь к офицеру старше вас по чину.

– Что вы делаете в моем подразделении?

– Подтверждаю свое подозрение, что ботинки ваших подчиненных требуют к себе внимания.

Данн понял, что в данный момент он потерпел поражение. Ничто, кроме применения силы, в такой ситуации не помогло бы, а это чревато пагубными последствиями.

– Об этом мы можем поговорить позднее. В настоящее время связисты должны быть на строевых занятиях.

– Ваш сержант здесь ни в чем не повинен. Он несколько раз напоминал мне, что связисты должны быть на занятиях. Это я задержал их.

В следующий момент Данн и Эпторп разошлись в разные стороны. Данн прекратил разговор потому, что решил пойти в замок и доложить о происшедшем начальнику штаба бригады, а Эпторп – по совершенно иным и более странным побуждениям. Он сел за стол в ротной канцелярии и настроил вызов Данну. Эпторп предложил Данну встретиться с ним на глазах у подчиненных, имея при себе гелиограф для испытания мастерства в использовании азбуки Морзе.

Бригадир находился в это время в замке. Он только что вернулся из Лондона ночным поездом, подавленный известиями из Франции.

– Боюсь, что я должен сообщить вам о серьезном нарушении дисциплины, сэр, – сказал начальник штаба бригадиру. – Не исключено, что это дело придется передать на рассмотрение офицерского военного суда.

– Да, да, – ответил бригадир. Он рассеянно смотрел в этот момент в окно. Его мысли были далеко от всего происходящего в замке, ибо он все еще пытался осмыслить сообщенную ему в Лондоне ужасную правду о положении на фронте.

– Один из офицеров второго батальона, – продолжал начальник штаба довольно громким голосом, – обвиняется в посещении без надобности палаток личного состава штаба бригады и намеренной порче солдатских ботинок.

– Да, да, – все еще рассеянно отозвался бригадир. – Пьяный?

– Трезвый, сэр.

– Какие-нибудь оправдывающие обстоятельства?

– Он считает, что ботинки некачественные, сэр.

– Да, да. – Бригадир по-прежнему смотрел в окно.

Начальник штаба доложил о подробностях хода кампании между Данном и Эпторпом. После небольшой паузы бригадир спросил:

– Достаточно ли хороши ботинки, чтобы убегать в них?

– Этим я еще не интересовался, сэр. Мы, несомненно, выясним этот вопрос, когда будем располагать совокупностью всех необходимых данных.

– Если ботинки достаточно хороши, чтобы удирать в них, то они годятся для нашей армии. А солдаты, если потеряют ботинки, могут, черт возьми, попасть в плен к противнику. Вы правильно заметили – это очень серьезное дело.

– В таком случае, сэр, разрешите мне заняться передачей дела на рассмотрение военного суда.

– Нет. У нас нет времени на это. Представляете ли вы себе, что наша и французская армии поспешно отступают, оставляя все на поле боя, половина из них – не произведя ни одного выстрела? Заставьте этих молодых идиотов работать вместе. Запланируйте бригадное учение для связистов. Давайте посмотрим, могут ли они использовать средства связи в ботинках и без них. Вот и все, что мы предпримем.

В результате через два дня, после лихорадочной работы в кабинетах замка и канцеляриях частей, бригада алебардистов вышла из лагеря и направилась к раскисшей от непрерывных дождей сельской местности в графстве Мидлотиан.

Этот день запомнился Гаю как наиболее бесполезный из всех дней, которые он провел к этому времени в армии. Он пролежал со своим взводом на мокром склоне холма, не ударив за все время пальцем о палец. Они находились совсем рядом с одним из бригадных постов связи, откуда с рассвета и до полудня доносились монотонные литургические заклинания:

– ...Алло, Нан, алло, Нан. Сообщи: слышишь ли меня? Прием. Алло, Нан, алло, Нан. Ты слышишь меня? Прием. Алло, Кинг, алло, Кинг. Ты слышишь меня? Прием. Алло, Нан, алло, Кинг. Ничего не слышно. Конец передачи. Алло, Эйбл, алло, Эйбл. Слышу тебя на

единицу, помехи пять баллов. Конец передачи. Алло, все станции. Эйбл, Бейкер, Чарли, Дог, Изи, Фокс... Вы слышите меня? Прием...

Эта заунывная молитва повторялась почти непрерывно в течение всей прохладной первой половины дня.

Солдаты завернулись в защитные противохимические накидки и принялись за свои пропитавшиеся влагой продовольственные пайки. Наконец из сырой туманной мглы показался медленно идущий связист. Солдаты взвода насмешливо приветствовали его. Связист подошел к посту связи и вынул откуда-то из глубины своей одежды отсыревший клочок бумаги. Капрал-радист принес эту бумажку Гаю. «Эйбл, Дог, – было нацарапано в ней, – прекратить работу радиостанции. Сообщение о конце учения получите через посыльного. Получение подтвердите».

Прошло еще два часа. На вершине холма показался едва тащивший ноги посыльный. Он доставил Гаю записку, в которой говорилось: «От командира 4-й роты – командиру 2-го взвода. Учение окончено. Сбор у пересечения дорог 643 202 немедленное. Гай не видел никакой необходимости информировать об этом расположенный рядом с его взводом пост связи. Он построил свой взвод и отправился к пересечению дорог, оставив связистов на их посту.

– Ну что ж, – сказал позднее в столовой подполковник Тиккеридж. – Я написал докладную записку о сегодняшнем бессмысленном учении и предложил, чтобы бригадных связистов отправили куда следует для прохождения подготовки.

Это событие было почти всеми расценено как личный успех Эпторпа. Последние два дня, после того как его перестали разыгрывать, Эпторпу все стремились по возможности угодить. В тот вечер он оказался как бы центром всеобщего внимания и радушия. На следующее утро в лагерь к палаткам второго батальона прибыли два мобилизованных гражданских автобуса. Бригадных связистов посадили в автобусы и куда-то отправили.

– Хоть раз-то бригада показала, на что она способна, – заметил де Сауза.

Алебардисты поздравляли себя с победой.

Однако решение об откомандировании связистов было принято в далеком Лондоне за день до событий здесь, в тот момент, когда

связисты на бригадном учении в Пенкирке еще только поднимали свои антенны в отсыревший воздух. Да и причины, по которым это решение состоялось, не имели никакого отношения к постигшей связистов неудаче в установлении радиосвязи.

Если бы алебардисты знали истинные причины, они бы ликовали еще больше. Этот день был для них началом войны.

Была пятница – день получки. Каждую пятницу, после построения для получения денежного содержания, майор Эрскэйн читал лекцию своей роте о том, как разворачивались события на фронтах войны. За последнее время в его лекциях слишком часто употреблялись такие термины, как «клинья», «выступы», «клещи» и «мешки» в линии обороны союзников, и такие выражения, как «прорыв линии обороны танковыми частями противника» и «их стремительное продвижение в нескольких расходящихся направлениях». Рассказы Эрскэйна были откровенными и мрачными, но большинство солдат думали об отпуске на уик-энд, который начинался сразу же по окончании лекции.

Однако в ту пятницу все произошло по-другому. Через час после отъезда связистов огласили приказ, отменяющий все отпуска, который аудитория майора Эрскэйна выслушала внимательно, но восприняла с негодованием.

– Я очень сожалею, что вам отменили отпуска, – сказал майор Эрскэйн. – Но этот приказ касается не только нас. Отпуска отменены во всех вооруженных силах метрополии. Сегодня утром, как вы знаете, из бригады откомандированы связисты. Во второй половине дня у нас заберут все транспортные средства. Причиной всего этого является то, что мы, как вам известно, не очень хорошо оснащены и подготовлены. Всех специалистов и вооружение необходимо как можно скорее направить во Францию. Все это, возможно, даст вам некоторое представление о серьезности положения там.

Эрскэйн продолжал лекцию, привычно рассуждая о клиньях, выступах и танковых частях, прорвавших фронт и разошедшихся в разных направлениях. Впервые эти вещи воспринимались его слушателями как вещи, могущие оказать воздействие на их собственную жизнь.

В тот вечер от писарей по лагерю распространился слух, что бригаду немедленно направят на Оркнейские острова. Бригадир,

утверждалось в этих слухах, снова поехал в Лондон, а вокруг замка скопилось множество автомашин, принадлежащих Шотландскому военному округу.

На следующий день денщик Гая заявил:

– Похоже, сэр, что сегодня я служу у вас последний день.

Алебардист Гласс был кадровым солдатом. Большая часть призванных новобранцев стыдилась быть денщиками, считая, что они поступили в армию для совершенно иных дел. Бывалые же солдаты знали, что лакейские обязанности сулят им множество привилегий и удобств, и потому просились в денщики наперебой. Алебардист Гласс был человеком угрюмым. Появившись утром у Гая, он обычно сообщал ему все неприятные новости: «Двое из нашего взвода опоздали сегодня утром из увольнения», «Майор Тренч осматривал ночью наши палатки. Очень рассердился, что в ведрах для помоев был хлеб», «Капрал Хилл застрелился около моста, его тело сейчас несут сюда». Такие и подобные этим новости и сплетни были явно рассчитаны на то, чтобы с утра испортить Гаю настроение. Однако сегодняшнее сообщение было, видимо, еще серьезнее.

– Что ты имеешь в виду, Гласс?

– Так говорят, сэр. Джексон узнал об этом вчера вечером в сержантской столовой.

– А что же, собственно, происходит?

– Всем кадровым приказано быть готовыми к отъезду. А о находящихся на подготовке военнообязанных ничего не говорят.

Когда Гай пришел в столовую, там уже обсуждались эти слухи.

– Есть во всем этом хоть какая-нибудь доля правды? – спросил Гай у майора Эрскайна.

– Скоро вам все скажут, – ответил тот. – Командир батальона собирает всех офицеров в восемь тридцать здесь, в столовой.

Солдат отправили на работы и физические занятия под руководством сержантов, а офицеры собрались в столовой. В каждом из алебардийских батальонов командир по-своему сообщал в этот момент неприятную новость. Подполковник Тиккеридж сказал:

– Я вынужден сообщить неприятнейшую для большинства из вас новость. Через час об этом узнают и солдаты. Мне очень трудно говорить вам об этом, потому что лично для меня эта новость очень приятна, и я не в состоянии скрывать своей радости. Я очень надеялся,

что пойду в бой вместе с вами. Именно для этой цели мы так долго работали вместе. Я считаю, что у нас сложилось весьма хорошее мнение друг о друге. Но вы, так же как и я, хорошо знаете, что к бою мы не готовы. Дела наши во Франции очень неважные. Намного хуже, чем многие из вас считают. Для осуществления решительного контрнаступления туда необходимо немедленно послать хорошо подготовленные пополнения. Поэтому было принято решение *немедленно* послать во Францию батальон кадровых алебардистов. Вы, конечно, догадываетесь, кто именно поведет нас в бой там. Бригадир провел в Лондоне два дня и настоял на том, чтобы его понизили в чине на одну ступень и назначили командиром батальона. Я очень горжусь тем, что он предложил и мне снизить чин на одну ступень и поехать с ним в качестве его заместителя. Мы возьмем с собой большую часть кадровых офицеров, унтер-офицеров и рядовых, находящихся сейчас в нашем лагере. Тем из вас, кто остается здесь, естественно, хотелось бы знать, какова ваша дальнейшая судьба. Боюсь, что на этот вопрос я ответить не в состоянии. Вы понимаете, конечно, что батальон будет невероятно ослаблен, особенно в отношении сержантского состава. Вы понимаете также и то, что, по крайней мере с данного момента, бригада как отдельное соединение специального назначения перестает существовать. Можете быть уверены, что капитан-комендант сделает все, что сможет, чтобы вы остались алебардистами и чтобы вас не бросали куда попало. Однако в такое время, когда нашей стране грозит опасность, нам приходится отказываться даже от таких вещей, как полковые традиции. Я надеюсь, что настанет такой день, когда мы все снова будем вместе. В то же время не рассчитывайте на это и не считайте себя обиженными, если вас назначат куда-нибудь еще. Будьте алебардистами в душе, где бы вы ни оказались. Ваша обязанность теперь, как и всегда, – готовить и воспитывать солдат. Следите за тем, чтобы не приходило в упадок их *моральное* состояние. Организуйте состязания футбольных команд. Устраивайте концерты и игры в лото. Сегодня никаких увольнений из лагеря, пока не поступят новые указания.

Офицеры, имеющие временный чин, вышли из столовой, поверженные в глубочайшее уныние.

– Здесь явно переплетение каких-то интриг, старина, – сказал Эпторп. – Все это подстроено связистами.

Через некоторое время батальон построили на плацу. Подполковник (теперь майор) Тиккеридж произнес почти такую же речь, как и перед офицерами, однако этот простодушный человек на сей раз каким-то образом ухитрился произвести несколько иное впечатление. Теперь, по его словам, выходило, что пройдет немного времени и алебардисты снова будут все вместе, что экспедиционный батальон просто сыграет роль передового отряда. Окончательное же уничтожение противника будет делом всех алебардистов.

Гай в этих условиях получил наконец роту.

Везде и во всем господствовали неразбериха и беспорядок. Алебардистам приказали «быть в постоянной готовности к новому приказу». Кадровые, которым предстояло ехать, прошли окончательный медицинский осмотр. Людям в почтенном возрасте, скрывавшим свои годы, заявили, что они непригодны, и возвратили домой. Призванные новобранцы играли в футбол и пели под эгидой военного священника: «Мы развесим белье на линии Зигфрида».

Дабы избежать, как полагали, путаницы, остающимся батальонам присвоили названия «Х» и «У». Гай и его пожилой старшина со свисающими бровями сидели в одной из палаток батальона «Х». В течение всей второй половины дня к Гаю поступали рапорты с просьбой об увольнении на уик-энд по неотложным семейным и личным делам от солдат, которых ни сам Гай, ни его дряхлый помощник никогда раньше не видели: «У меня беременная жена, сэр», «Мой брат в отпуске перед отбытием во Францию, сэр», «Несчастье дома, сэр», «Мою мать эвакуировали, сэр».

– Нам ничего не известно о них, сэр, – сказал старшина. – Если вы отпустите хоть одного, начнутся неприятности.

Гай с сожалением отказал им всем.

Это был его первый опыт пребывания в привычной военной ситуации, именуемой общей паникой.

Приказ об отбытии кадрового батальона поступил только после того, как горнист сыграл вечернюю зорю.

В воскресенье утром, сразу же после пробудки, батальоны «Х» и «У» собрались на плацу, чтобы проводить кадровый батальон, но, когда прозвучал сигнал горниста на завтрак, все ринулись в столовую. Через некоторое время в лагерь прибыла длинная вереница автобусов. Кадровые алебардисты заняли места, и автобусы тронулись в путь под

веселые возгласы остающихся. Когда автобусы скрылись из виду, оставшиеся вернулись в опустевший лагерь. Их ждал скучный день.

Беспорядок долгое время оставался неизменным. Командира батальона «Х» в чине майора Гай совершенно не знал. Эпторп в этот период необыкновенных событий стал заместителем командира батальона «У», а Сарам-Смит – его начальником штаба.

Уик-энд тянулся очень медленно.

По воскресным утрам из города в Пенкирк обычно приезжал священник и служил мессу в замке. Он приехал и в это воскресенье, нисколько не обеспокоенный и не озабоченный мрачными событиями. Пока он в течение сорока пяти минут служил мессу, все выглядело таким мирным.

Когда Гай вернулся в батальон, его спросили:

– Вы, случайно, не получили какие-нибудь распоряжения у командования в замке?

– Там никто не обмолвился ни одним словом, – ответил Гай. – В замке мертвая тишина.

– По-моему, командование совершенно забыло о нас. Самое лучшее в таком положении – это разрешить всем длительный отпуск.

Ротную канцелярию Гая, как и все другие ротные канцелярии, забросали рапортами с просьбой об отпуске.

Немногочисленных оставшихся чинов штаба, которых следовало бы теперь называть по-иному, все еще величали штабом бригады, и они пребывали в готовности к получению приказов.

По всему лагерю носились слухи, что оставшихся возвратят в алебардийский казарменный городок и в центр формирования и подготовки части, или что их разделят на группы и направят в учебные центры пехотных частей, или что их объединят в бригаду с Шотландским пехотным полком и направят охранять доки, или что их переквалифицируют в противоздушные части. А пока солдаты гоняли футбольный мяч и играли на губных гармошках. В который уже раз Гай восхищался их необыкновенным терпением.

Алебардист Гласс, который вопреки своим прогнозам ухитрился остаться с Гаем, продолжал в течение дня приносить ему все эти слухи.

Наконец поздно вечером поступили приказы.

Приказы противоречили всякому здравому смыслу.

В них утверждалось, что в окрестностях Пенкирка неминуема высадка воздушного десанта противника. Всему личному составу было приказано находиться в пределах лагеря. Каждому батальону предписывалось держать в немедленной готовности (днем и ночью) одну роту для отражения нападения противника. Личный состав дежурных рот должен был спать в ботинках, положив рядом с собой заряженные винтовки; дежурные роты предлагалось сменять с наступлением сумерек, на рассвете и один раз в течение ночи. Состав караулов надлежало удвоить. Вокруг лагеря должен был непрерывно патрулировать один взвод. Другим взводам предписывалось останавливать все транспортные средства (днем и ночью) на всех дорогах в пределах пятимильного радиуса и проверять удостоверения личности у всех гражданских лиц. Все офицеры должны постоянно иметь при себе заряженный пистолет, противохимическую защитную накидку, стальную каску и карту прилегающего к лагерю района.

– Я еще *не* получил этих приказов, – заявил незнакомый Гаю майор, командир батальона «Х», впервые раскрывая таким образом свой характер. – Я получу их только завтра после утреннего чая. Если немцы высадятся сегодня ночью, то батальон «Х» не будет участвовать в оказании им сопротивления. Это, по-моему, называют нельсоновским приемом.

Весь понедельник алебардисты были заняты обороной Пенкирка. В окрестностях задержали двух скотоводов, сильный шотландский акцент которых наводил на мысль, что они, возможно, разговаривали по-немецки.

Стояла отличная для парашютного десанта погода. Штормовой ветер прекратился, долину щедро освещали солнечные лучи раннего лета. Вечером в понедельник роту Гая назначили на дежурство. Гай выслал дозорный патруль на возвышавшийся рядом с лагерем холм и в полночь проверил, как он несет службу. Затем он долго сидел в окружении своих солдат и рассматривал звезды на безоблачном небе. «Кадровый батальон, наверное, теперь уже» во Франции, – подумал он, – вероятно, уже участвует в боях». Алебардист Гласс выразил полную уверенность, что батальон во главе с бригадиром находится в Булони. Неожиданно из лагеря донеслись звуки горнов и свистки.

Патрульный взвод поспешно спустился с холма и обнаружил, что в лагере все на ногах, Эпторп ясно видел, как на поле недалеко от лагеря опустился парашют. В указанном Эпторпом направлении немедленно выслали дежурные роты, патрули и дополнительные взводы. Прозвучало несколько одиночных выстрелов.

– Они всегда прячут парашюты в землю, – сказал Эпторп. – Ищите свежевскопанную землю.

В поисках парашюта рота Гая всю ночь топтала молодую пшеницу. После утренней зари эти обязанности приняла на себя новая дежурная рота. Тем временем из соседнего лагеря сюда прибыло несколько автобусов с солдатами шотландской пехоты. Эти бывалые солдаты весьма скептически отозвались о состоянии зрения Эпторпа. Негодующий фермер почти все утро провел в замке, подсчитывая убытки на безжалостно вытоптанном пшеничном поле.

В среду пришел приказ готовиться к выступлению из лагеря. Батальонам «Х» и «У» предписывалось находиться в двухчасовой готовности. Поздно вечером в лагере снова появились автобусы с солдатами. От суточной дачи продуктов в лагере не осталось ни одной порции, чтобы покормить их. Алебардист Гласс сообщил, что из лагеря выбывает весь штаб бригады.

– Исландия, – сказал он, – вот куда нас направят. Мне сообщили это люди из замка.

О том, куда их направят, Гай спросил у командира батальона.

– В район Олдершота, – ответил тот. – О том, что будет после того, как мы прибудем туда, ничего не известно. О чем, по-вашему, говорит это название? – спросил он Гая.

– Ни о чем.

– Но ведь никакие алебардийские части там не дислоцируются, не так ли? Если хотите знать, по-моему, там находятся пехотные учебные центры. Вам это, наверное, ни о чем не говорит?

– Если и говорит, то очень о немногом.

– А мне это говорит чертовски о многом. Командование очень несправедливо к нам, но вам не понять этого. Вы, конечно, тоже были алебардистом. А теперь мы, возможно, попадем в Хайлендерский или в Бедфордширско-Хертфордширский полк. Но вы были алебардистом всего-навсего шесть месяцев. А возьмите меня. Одному богу известно, когда я вернусь в корпус алебардистов, а я ведь провел в нем всю свою

жизнь. Все мои сверстники сейчас в Булони. А вы знаете, почему они меня не взяли? Одна плохая отметка во время второго года обучения, когда я был младшим офицером. И это во всей армии так. Одна плохая отметка следует за вами повсюду, пока вы не отдадите душу богу.

– А вы уверены, сэр, что батальон в Булони? – спросил Гай, стремясь рассеять свои сомнения.

– Абсолютно уверен. И, согласно всему, что я слышал, там идут сейчас ожесточенные бои.

Их привезли в Эдинбург и посадили в неосвещенные вагоны поезда. Соседом Гая по купе оказался незнакомый ему младший офицер. Усталость от нескольких последних суматошных дней дала себя знать, и Гай быстро заснул. Он спал долгим и глубоким сном и проснулся лишь на рассвете следующего дня, когда лучи восходящего солнца начали пробиваться сквозь затемненное окно вагона. Гай поднял шторку. Поезд все еще стоял в Эдинбурге.

Воды в вагонах не было, и все двери были заперты. Но вскоре появился вездесущий алебардист Гласс с кружкой горячей воды для бритья и стаканом чая. Он взял офицерский ремень Гая и вышел в коридор, чтобы почистить его. Вскоре поезд тронулся и медленно пошел в южном направлении.

В Кру поезд простоял целый час. На платформах, то и дело сверяя что-то со списками, суетились низкорослые солдаты-тыловики с повязками на руках. Затем электрокар из управления воинскими перевозками подвез к каждому вагону бачок теплого какао, банки с мясными консервами и множество картонных коробочек с нарезанным хлебом.

Поезд снова тронулся в путь. Сквозь стук колес до слуха Гая доносились звуки губных гармошек и веселые песни. Почитать в пути у Гая ничего не оказалось. Сидящий напротив него молодой офицер весело что-то насвистывал, когда бодрствовал, но большую часть пути он крепко спал.

Еще одна остановка. Еще одна ночь. Еще один рассвет. Теперь поезд шел по району с домиками из красного кирпича и хорошо ухоженными садами вокруг них. По соседней дороге прошел красный лондонский омнибус.

– Это из компании «Вокинг», – сказал его сосед по купе.

Вскоре поезд опять остановился.

– Это Бруквуд, – сказал всезнающий спутник.

На платформе, держа списки, стоял офицер из управления железнодорожными перевозками. Затем на ней появился полный таинственности безымянный командир батальона «Х». Он напряженно всматривался в запотевшие окна вагона, разыскивая своих офицеров.

– Краучбек, – сказал он, – нам выходить здесь. Построиться по ротам на привокзальной площади. Назначьте взвод для выгрузки имущества. Произведите перекличку и осмотрите солдат. Побриться им, конечно, не удалось, но в остальном должен быть полный порядок. Нам предстоит пройти две мили до лагеря.

Растрепанные, не совсем еще проснувшиеся, солдаты кое-как привели себя в порядок и стали похожи на алебардистов. Никто, кажется, не потерялся. Винтовки и вещевые мешки тоже у всех были в руках.

Батальон «Х» отправился в путь первым. Вдыхая свежий утренний воздух, Гай шагал по узким пригородным улочкам в голове своей роты, вслед за ротой, идущей впереди. Вскоре они подошли к воротам полевого лагеря. В нос ударили знакомые запахи от печек «Сойера». Следуя команде, поданной командиром впереди идущей роты, Гай крикнул своим солдатам:

– Смирно!

Затем впереди раздалась команда:

– Равнение налево!

Гай повторил и эту команду, взял под козырек и увидел караульное помещение, перед которым выстроились алебардисты.

Затем Гай подал команду:

– Третья рота, равнение на середину!

Через несколько секунд впереди раздалась команда:

– Вторая рота, равнение направо!

«Что бы это могло быть?» – озабоченно подумал Гай.

– Третья рота, равнение направо! – крикнул он.

Повернув голову направо, Гай понял, что смотрит на лицо с единственным сверкающим глазом.

Это был бригадир Ритчи-Хук.

Для сопровождения батальона на отведенный ему учебный плац командование назначило специального направляющего. Батальон

построили в сомкнутую ротную колонну и скомандовали: «К ноге!» и «Вольно!». Бригадир Ритчи-Хук встал рядом с майором.

– Рад снова видеть вас всех, – громко сказал он. – Вам, по-видимому, надо позавтракать. Приведите сначала себя в порядок. Весь личный состав обязан быть в пределах лагеря. Нам надлежит находиться в двухчасовой готовности к отбытию за границу.

Майор взял под козырек и повернулся лицом к батальону, которым командовал так недолго.

– Временно наш батальон расположится здесь, – сказал он. – Полагаю, надолго мы здесь не задержимся. Направляющие покажут вам, где можно почиститься и умыться. Батальон, смирно! На плечо! Офицерам выйти из строя!

Гай сделал несколько шагов вперед, подровнялся по другим офицерам, отдал честь и удалился с учебного плаца. Батальон распустили. Он слышал, как сержанты одновременно выкрикивали различные команды. Гай был ошеломлен. Майор, оставленный из-за плохой отметки, тоже был потрясен.

– Что же все это значит, сэр? – спросил Гай.

– Мне известно только то, что сказал бриг, пока мы шли к плацу. Очевидно, все будет по-старому. Он несколько дней осаждал военное министерство, чтобы добиться решения о сохранении бригады, и, как обычно, добился своего. И это все, что произошло за несколько дней.

– Но означает ли это, что дела во Франции теперь лучше?

– Вовсе нет. Дела там настолько плохи, что бриг пошел на то, чтобы нас всех считали вполне подготовленными к боевым действиям.

– Вы хотите сказать, что нас тоже направят во Францию?

– Я не очень-то радовался бы этому, если бы был на вашем месте. Корабль, на котором отплыл кадровый батальон, вернули домой, когда он еще не вышел в открытое море. У меня какое-то внутреннее ощущение, что, прежде чем нас отправят во Францию, может пройти еще немало времени. Пока мы охотились за парашютистами в Шотландии, во Франции свершилось много событий. По-видимому, кроме всего прочего, немцы взяли вчера Булонь.

Часть четвертая

«Эпторп, принесенный в жертву»

Прошло девять недель панической неразберихи, хаоса и порядка попеременно.

Алебардисты находились далеко от полей сражений, не видели и не слышали, что происходит на этих полях, однако с фронтов, где на части разбивались армии союзников, к ним тянулись весьма чувствительные нервы: каждое новое потрясающее сообщение порождало у алебардистов доходящее до крайности нервное возбуждение. Хаос и неразбериха приходили извне в форме неожиданных, необъяснимых приказов и отмен этих приказов; порядок наводился тоже по сигналам извне, когда роты, батальоны и бригада в целом перестраивались и готовились к выполнению новой, не ожидавшейся ранее задачи. Алебардисты в течение этих недель настолько были заняты устройством своих жилищ, ремонтом, изобретением и перестановкой разных приспособлений и устройств, что потрясавшая весь мир буря проходила над их головами незамеченной до тех пор, пока обломившийся сук не заставил снова задрожать все спрятавшиеся в земле корни.

В качестве первой задачи им поставили французский город и порт Кале. Из этого предназначения никто не делал никакого секрета. Тотчас же были розданы карты этой *terra incognita*^[23], и Гай начал усердно заучивать названия улиц, подходы к различным объектам, топографию окружающей местности и другие сведения о городе, который он видел бесчисленное множество раз, сидя за рюмкой аперитива в ресторане морского вокзала или лениво рассматривая мелькавшие крыши домов из окон вагона-ресторана. Этот город ветров, Марии Тюдор, красавца Бруммея и роденовской «Граждане города Кале» был наиболее посещаемым и наименее знакомым городом на всем Европейском континенте. В этом городе, возможно, Гай найдет свой конец.

Однако на изучение города и на размышления оставалось только вечернее время. Дневное уходило на непрестанно возникавшие дела. Во время переезда из Пенкирка многое было утеряно: например, такие предметы, как противотанковые ружья и прицельные станки,

которые никто не мог ни присвоить, ни спрятать с той или иной целью; утерянным считался также и Хейтер, который отбыл для прохождения курса обучения на офицера связи военно-воздушных сил и среди алебардистов больше не появлялся. Многие кадровые офицеры оказались негодными к службе по состоянию здоровья, и их отправили или в алебардийский казарменный городок, или в центр формирования и подготовки. Гая снова назначили во второй батальон и оставили на должности командира роты.

Переход бригады на новое положение и формирование подразделений проходили совсем не так, как в обычных условиях. Когда Ритчи-Хук говорил, что его бригада находится в состоянии двухчасовой готовности к боевым действиям, он, конечно же, невероятно преувеличивал. Прошло два дня, прежде чем бригада смогла приступить к несению повседневной службы в своем районе. И эти два дня были весьма напряженными, ибо в Олдершоте, как и в Пенкирке, с часу на час ожидали появления парашютистов. Почти каждый солдат нес, согласно действующим инструкциям, непрерывную службу в течение всего дня. К тому же солдат надо было сначала еще собрать. Из подразделений алебардистов никто не дезертировал, но многие просто потерялись.

– А вы знаете, в каком батальоне вы были?

– Сначала в одном, потом в другом, сэр.

– Ну, и какой же был первым?

– Не могу сказать, сэр.

– А кто был командиром этого батальона?

– О, это я помню, сэр. Старшина роты Рокис.

Лишь немногие призванные на военную службу знали фамилии своих офицеров.

Когда призывники прибыли в часть, Рокис сказал им:

– Я старшина роты Рокис. Посмотрите на меня хорошенько, чтобы потом не спутать с кем-нибудь. Моя задача помочь вам, если вы будете вести себя правильно, или отравить вам жизнь, если вы, наоборот, будете вести себя неправильно. Выбирайте сами.

Солдаты хорошо запомнили это. Рокис составлял график увольнений и назначал на работы. Офицеров же солдаты, не бывавшие в боях, не могли отличить друг от друга, как будто это были китайцы. Лишь немногие солдаты – будь то кадровые или только что

призванные – общались с кем-нибудь помимо своей роты. Они знали о почетной роте свободных алебардистов графа Эссекса, гордились тем, что их называют «медными каблуками» и «яблочниками», а вот «бригада» была для них слишком сложным и отдаленным понятием. Они не имели ни малейшего представления, откуда появляются все эти вояки-«уничтожатели»; они были всего лишь одним из самых задних вагонов маневренного поезда. В Европе пало какое-то государство, а где-то в прилегающих к Лондону графствах бедного алебардиста не пускают в увольнение и заставляют таскать разное имущество в порядке подготовки к очередному перемещению в новый район.

У Гая в четвертой роте не было заместителя командира и одного командира взвода, но у него были старшина Рокис и сержант-квартирмейстер Йорк, оба пожилые, опытные и, в дополнение ко всему, очень спокойные помощники. В роте недосчитались десяти солдат – один из них покинул лагерь без разрешения; результаты переключки личного состава роты отправили в регистрационную канцелярию; поступают запасы «С.1098».

– Действуйте, старшина. Действуйте, старший сержант.

И они действовали.

Гай испытывал головокружение, но чувствовал, что его оберегают; он находился как бы в положении жертвы несчастного случая, дремлющей в постели и едва ли представляющей себе, почему она в ней оказалась. Вместо лекарств и винограда помощники то и дело приносили ему бумаги на подпись. Огромный указательный палец, увенчанный ногтем, похожим скорее на ноготь пальца ноги, тыкался в то место на документе, где должна была стоять подпись Гая. Он чувствовал себя как юный конституционный монарх, живущий за спиной почитаемых всем миром прирожденных государственных советников. Он чувствовал себя как самоуверенный ловкач, когда в полдень на второй день доложил наконец, что в четвертой роте все налицо и все в порядке.

– Отлично, «дядюшка», – сказал подполковник Тиккеридж. – Вы доложили первым.

– В действительности все это сделал не я, а мои старшина и старший сержант, сэр.

– Конечно, они. Но вам незачем сообщать мне об этом. Ведь если в чем-нибудь обнаружится беспорядок, то все втыки получите вы, а не они, независимо от того, кто будет виноват. Поэтому продолжайте действовать в том же духе.

Гай немного стеснялся приказывать двум взводным командирам, которые совсем недавно были в равном с ним положении. Однако те воспринимали его приказы с неизменной корректностью. Лишь когда Гай спрашивал: «Вопросы есть?», де Сауза иногда произносил, растягивая слова:

– Я не совсем хорошо понимаю *цель* этого приказа. Кого мы, собственно, хотим обнаружить, когда останавливаем гражданские машины и проверяем удостоверения личности у сидящих в них людей?

– Членов «пятой колонны», как я понимаю.

– Но ведь они наверняка предъявят удостоверение личности. Вы же знаете, что в прошлом году каждый человек обязательно должен был получить такое удостоверение. Я, например, не хотел его брать, но полицейский заставил меня.

Или:

– Не будете ли вы любезны объяснить мне, почему у нас дежурят *одновременно* и пожарный караул и взвод для вылавливания парашютистов? Я хочу сказать, если я был бы парашютистом и увидел бы под самолетом очаги пожара, то наверняка выбрал бы другое место для прыжков с парашютом.

– Черт его знает, ведь не я писал эти приказы. Я всего-навсего повторяю их, когда приказываю.

– Да, я знаю. Просто интересно, считаете ли вы их разумными? Я, например, не считаю.

Однако, независимо от того, каким был приказ, разумным или неразумным, на де Саузу можно было положиться – он выполнял его. Казалось даже, он испытывал какое-то странное личное удовольствие, когда старательно делал что-нибудь заведомо абсурдное. Другой командир взвода, Джарвис, требовал постоянного руководства и контроля.

Ослепительное солнце осушало торфянистую почву, и она становилась скользкой, словно пол в танцевальном зале, а в некоторых местах от палящих солнечных лучей даже возгоралась. Алебардисты

начали жить по обычному казарменному распорядку дня. На четвертый день пребывания в лагере, вечером, с наступлением темного времени, Гай вывел свою роту на полевые занятия в район, где все местные названия, в память о когда-то жившем здесь исследователе, были взяты, весьма некстати, из Центральной Африки. «Сердце любимого континента Эпторпа» – так назвал этот район де Сауза. Гай провел учение на тему «Рота в наступательном бою», в котором все участники сначала невероятно запутались, затем понемногу разобрались и наконец расположились на ночлег под открытым небом. Стояла теплая, благоухающая сухим утесником ночь. Гай проверил несение службы часовыми на караульных постах, после чего пролежал всю ночь, так и не заснув. Рассвет наступил быстро, и при свете дня даже эта угрюмая местность показалась привлекательной. Алебардисты построились и бодро направились в лагерь. Слегка утомленный бессонной ночью, Гай шагал впереди, рядом с де Саузой. Солдаты позади них пели: «Выкатывайте бочку», «На складе крыски, крыски, крыски, здоровые, как киски, киски, киски», «Мы развесим белье на линии Зигфрида».

– Для настоящего момента эти слова устарели, – заметил Гай.

– А вы знаете, «дядюшка», что не выходит у меня из головы все время? – спросил де Сауза. – Картина времен прошлой войны, которую я видел в одной из галерей. На ней изображено проволочное заграждение и висящее на нем, словно садовое пугало, тело убитого солдата. Не очень-то хорошая работа. Я забыл ее автора. Подделка под Гойю, видимо.

– Я не думаю, что эти песни действительно нравятся солдатам. Они слышали их на концертах, устраиваемых ассоциацией зрелищного обслуживания войск, и теперь вот поют их. По-моему, в ходе войны, так же как и в прошлом, появятся новые хорошие песни.

– Я почему-то сомневаюсь в этом, – сказал де Сауза. – В министерстве информации, возможно, есть отдел военной музыки. Всем песням времен прошлой войны чрезвычайно не хватало того качества, которое укрепляло бы моральный дух солдат. «Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь», или «Верните меня на дорогую любимую родину», или «Никто не знает, как нам надоело здесь, и никому нет никакого дела до нас». В этих

песнях нет ничего, что могло бы получить официальное признание в наши дни. Эта война началась в темноте и закончится в тишине.

– Ты говоришь об этом, Франк, просто для того, чтобы расстроить меня?

– Нет, «дядюшка», чтобы подбодрить самого себя.

Вернувшись в лагерь, они обнаружили в нем все признаки новой паники.

– Вам срочно явиться в канцелярию, сэр.

В канцелярии батальонный писарь и Сарам-Смит упаковывали документы. Разговаривавший по телефону начальник штаба махнул Гаю рукой, предлагая ему пройти к подполковнику Тиккериджу.

– Почему, черт возьми, вы вывели свою роту на всю ночь, не позаботившись при этом об установлении связи со штабом? Вы представляете, ведь если бы управление воинскими перевозками, как обычно, все не перепутало бы, то бригада выступила бы без вас и вы вернулись бы в пустой лагерь. Разве вам не известно, что любой план занятий со ссылками на соответствующую карту следует направлять начальнику штаба?

Гаю это было известно, и он сделал все как положено. Сандерс отсутствовал в тот вечер, и Гай вручил план Сарам-Смиту. Однако Гай промолчал.

– Ну что, вам нечего сказать?

– Виноват, сэр.

– Ну ладно. Проследите, чтобы четвертая рота подготовилась к отбытию в двенадцать ноль-ноль.

– Есть, сэр. Нельзя ли узнать, куда мы отправимся?

– Выезжаем для посадки на суда в Пемброк-Док.

– Чтобы следовать в Кале, сэр?

– Это, пожалуй, наиглупейший вопрос из всех, когда-либо заданных мне. Вы что же, совсем не следите за новостями?

– Со вчерашнего вечера и до сегодняшнего утра не следил, сэр.

– Тогда понятно. Немцы заняли Кале. Идите в роту и готовьте ее к выступлению.

– Есть, сэр.

Возвращаясь в роту, Гай вспомнил, что, согласно последнему письму Тони Бокс-Бендера, его батальон находился в Кале.

Вот уже две недели, как почта в алебардийскую бригаду не поступала. Когда она наконец пришла, Гай получил два письма от отца, написанные с интервалом в десять дней.

«Отель „Морской берег“,

Мэтчет, 2 июня.

Дорогой Гай.

Мне неизвестно, где ты сейчас находишься, видимо, ты не имеешь права сообщать такие данные, однако надеюсь, что это письмо дойдет до тебя, где бы ты ни был, и ты поймешь, что я всегда о тебе думаю и часто молюсь за тебя.

Тебе, наверное, писали, что Тони был в Кале и что никто из них не вернулся оттуда. Его считают без вести пропавшим. Анджела решила, что он попал в плен, но и ты, и я слишком хорошо знаем и его самого, и его батальон, чтобы согласиться с такой возможностью.

Он всегда был очень хорошим и веселым мальчиком, и я не смог бы просить более почетной смерти для любого из тех, кого я люблю. Это достойная смерть, о которой мы молимся.

Если получишь это письмо, напиши, пожалуйста, Анджеле.

Преданный тебе, нежно любящий отец – Дж. Краучбек».

«Отель „Морской берег“,

Мэтчет, 12 июня.

Дорогой Гай.

Я уверен, что ты написал бы мне, если бы это было возможно.

Тебе сообщили новости о Тони? Он – военнопленный, и Анджела, естественно, я думаю, в восторге просто потому,

что он жив. Конечно, на то была божья воля, но радоваться я не в состоянии. Все указывает на то, что война будет длительной, более длительной, пожалуй, чем первая. Провести многие годы в безделье, отрезанным от своих соотечественников, полным сил и энергии, – это ужасное испытание для любого в возрасте Тони.

Гарнизон города сдался не по своей воле. Таков был приказ вышестоящего командования. Что ж, сейчас наша страна совершенно одинока, но я считаю, что это вовсе не плохо. Англичанин сражается лучше всего, когда его припирают к стенке. В прошлом мы тоже часто ссорились с союзниками, и, как я считаю, виноваты в этом были мы сами.

В прошлый вторник был день рождения Айво, и я в связи с этим много думал о нем.

Я здесь не совсем бесполезен, нашел себе кое-какое применение. С восточного побережья сюда перевели частную подготовительную школу (католическую). Не могу припомнить, сообщал ли я тебе об этом. Очаровательные директор и его жена, пока школа переезжала, жили здесь, в отеле. Школа испытывала острую нужду в учителях, и, к моему огромному удивлению и радости, они попросили меня взять на себя один класс. Мальчики в классе очень хорошие, и, ты знаешь, мне даже платят за работу. Это неплохо, если иметь в виду, что цены в отеле все время повышаются. Я не без интереса освежил свои познания греческого.

Преданный тебе, нежно любящий отец – Дж.Краучбек».

Эти два письма Гай получил одновременно, в день, когда немцы вошли в Париж. Он и его рота располагались тогда в приморском отеле в графстве Корнуолл.

За восемнадцать дней после того, как они покинули Олдершот, произошло очень многое. Тем, кто следил за событиями и размышлял относительно будущего, казалось, что потрясено само основание мира. У алебардистов ужасные события происходили одно за другим. Утром в день их отбытия из Олдершота из штаба района поступил

срочный приказ подготовить личный состав к неприятным известиям. Уже одно то, что их направляли в Уэльс, было достаточно плохой приметой. Они погрузились на три допотопных разного типа торговых судна и оборудовали себе подвесные койки в пыльных трюмах. Их кормили морскими сухарями. Душной теплой ночью они устраивались спать где попало на палубах. Пары были подняты, любая связь с берегом запрещена.

– Я не имею ни малейшего представления, куда мы пойдём, – сказал подполковник Тиккеридж. – Я разговаривал с ответственным за посадку офицером штаба. То, что мы появились здесь, для него, кажется, вообще было большой неожиданностью.

Утром следующего дня им приказали выгрузиться на берег, и они видели, как эти три судна вышли из порта пустыми. Бригаду расчленили по батальонам и расквартировали в близлежащих городках, предоставив им базарные лавочки и склады, которые пустовали уже девятый год, с начала экономического спада. Все части и подразделения горячо принялись за устройство своего жилья, приступили к обычной боевой подготовке и играм в крикет.

Затем всю бригаду снова собрали в порту и погрузили на те же суда, потрепанные теперь еще больше, ибо в прошедшие дни на них перебрасывалась из Дюнкерка не менее потрепанная английская армия. Впрочем, на одном из судов уютно устроился потерявший свои пушки боевой расчет голландской артиллерийской батареи. В Дюнкерке им как-то удалось попасть на борт этого судна. В Англии, как казалось, никто ими не интересовался и тем более не имел места для их размещения. Так они и оставались на судне, печальные, флегматичные и очень вежливые.

Суда ходили на кварталы трущоб. Гай направил все свои усилия на то, чтобы не растерять солдат своей роты и принадлежащие им запасы имущества и вооружения. Алебардистов выводили на берег по одной роте для часовых занятий по физической подготовке. Остальную часть дня они сидели на своих вещевых мешках. Из какого-то далекого штаба прибыл офицер, доставивший прокламацию, которую следовало объявить всем войскам. В прокламации опровергались распространенные противником слухи о том, что английские военно-воздушные силы в Дюнкерке якобы бездействовали. «Если английские самолеты и не летали над

Дюнкерком, – говорилось в ней, – то только потому, что они были заняты тем, что выводили из строя коммуникации противника». Однако алебардистов куда больше интересовали слухи о том, что немецкие войска высадились в Лимерике и что они, алебардисты, должны выбить их оттуда.

– Не лучше ли нам рассеять эти слухи, сэр? – спросил Гай.

– Нет, не надо, – ответил подполковник Тиккеридж. – Это верные слухи. Не в том смысле, что немцы действительно высадились в Лимерике, а в том, что наша задача встретить их, если они вздумают высадиться в этом пункте.

– Нам одним?

– Нам одним, – подтвердил Тиккеридж. – Так, по крайней мере, всем это представляется, за исключением, конечно, наших голландских друзей.

Алебардистов держали в двухчасовой готовности к выходу в море. По прошествии двух дней приказы изменили и подразделениям алебардистов разрешили сходить на берег с целью боевой подготовки и отдыха. Им предписывалось не удаляться на берегу за пределы видимости мачты своего судна, чтобы в случае поступления срочного приказа о выходе в море они могли увидеть поднятый на ней флаг, обязывающий их возвратиться на борт судна.

Подполковник Тиккеридж провел в салоне совещание офицеров, на котором объяснил все детали их действий в Лимерике. Ожидалось, что немцы будут высаживаться в составе хорошо вооруженных механизированных частей, при эффективной поддержке авиации и, возможно, некоторой помощи со стороны «пятой колонны». Алебардийской бригаде предписывалось отражать наступление противника до последней возможности.

– Относительно того, как долго мы сможем продержаться, – заметил подполковник Тиккеридж, – вы знаете не хуже меня.

Получив карту Лимерика и такую удручающую разведывательную информацию. Гай возвратился в свою скученно разместившуюся роту.

– Алебардист Шанкс, сэр, подал рапорт с просьбой об увольнении, – доложил ему Рокис.

– Но ведь ему же известно, что увольнения запрещены.

– Неотложные личные дела, сэр.

– Какие неотложные дела, старшина?

– Он не говорит, сэр. Настаивает на своем праве обратиться к командиру роты лично, сэр.

– Хорошо. Он ведь хороший солдат, правда?

– Один из лучших, сэр. Из вновь призванных, конечно.

Алебардисту Шанксу разрешили обратиться к командиру роты. Гай хорошо знал этого парня – красивого, способного, старательного солдата.

– Итак, Шанкс, что у вас случилось?

– О, сэр, это соревнование. Завтра вечером мне *совершенно необходимо* быть в Блэкпуле. Я обещал быть там. Моя девушка никогда не простит мне, если я не сдержу своего слова.

– О каком соревновании идет речь, Шанкс?

– Медленный вальс, сэр. Моя девушка и я практиковались в этом вот уже три года. В прошлом году мы завоевали приз в Сэлфорде. Мы надеемся завоевать его и в Блэкпуле, сэр. Я уверен, что мы выиграем. А через два дня я обязательно вернусь. Честное слово, сэр.

– А вам известно, Шанкс, что Франция пала? Что весьма вероятно вторжение противника в Англию? Что вся железнодорожная система в нашей стране дезорганизована и занята исключительно перевозками войск, эвакуируемых из Дюнкерка? Что наша бригада находится в двухчасовой готовности к боевым действиям? Известно ли все это вам, Шанкс?

– Так точно, сэр.

– В таком случае почему же вы обращаетесь ко мне с этой абсурдной просьбой?

– Но, сэр, мы же практиковались целых три года. Мы завоевали первый приз в Сэлфорде в прошлом году. Не могу же я теперь от всего этого отказаться, сэр.

– Просьба отклонена. Старшина!

В соответствии с заведенным порядком старшина роты Рокис всегда находился поблизости на тот случай, если проситель во время приема его командиром вздумал бы применить по отношению к своему офицеру силу.

– Просьба отклонена. Кру-гом! Шагом марш! – скомандовал внезапно появившийся Рокис.

«Неужели дюнкерское настроение уже охватило и моих солдат? – с горечью подумал Гай. – Скорее всего, да».

Несколько дней, проведенных на «старых калошах», как называл суда де Сауза, составили хорошо запомнившийся период жизни Гая среди алебардистов; на его долю впервые выпали и несносные неудобства, и отвратительное питание, и ответственность в ее наиболее утомительной форме, и клаустрофобия. Все это оказывало на Гая удручающее действие. Но зато он не испытывал никакого беспокойства по поводу нависшей над Англией угрозы. Повышается или понижается уровень воды в гавани в зависимости от прилива и отлива, увеличивается или уменьшается число больных на каждый данный день, больше или меньше становится провинившихся солдат, возрастает или снижается число признаков потери солдатами терпения – вот какие вопросы ежедневно беспокоили Гая. Сарам-Смита назначили ответственным за досуг алебардистов, и он организовал концерт, на котором три закутанных в одеяла старших сержанта представили сценку из ритуального, традиционного у алебардистов спектакля, написанного, как сказал де Сауза, на основе давнего народного обряда. Ритуальный диалог состоялся между участниками под прозвищами Глупая Башка, Черная Башка и Отвратительная Башка.

Сарам-Смит организовал также диспут на тему «Любой человек, который женится раньше тридцати лет, – дурак»; этот диспут привел затем к целой серии откровенных признаний, например, таких: «Единственное, что я могу сказать, это то, что мой отец женился в двадцать два года и я никогда не пожелал бы увидеть более счастливую и дружную семью или более хорошую мать, чем у меня».

Сарам-Смит организовал также боксерские матчи.

Эпторпа попросили прочитать лекцию об Африке. Но он неожиданно предпочел этой совершенно иную тему – «Сравнительная юрисдикция герольдмейстера, ведающего гербами награжденных орденом Подвязки, и герольдмейстера, ведающего гербами членов шотландского рыцарского ордена».

– Но, «дядюшка», разве это интересует солдат?

– Возможно, не всех. Но зато о том, кто *заинтересуется*, можно будет сказать, что он действительно интересуется.

– А по-моему, они со значительно большим удовольствием послушали бы что-нибудь о слонах и каннибалах.

– Или названная мною тема, или никакой, Сарам-Смит.

Сарам-Смит предпочел «никакую».

Гай прочитал лекцию по искусству виноделия, которая неожиданно имела большой успех. Солдаты живо интересовались всеми техническими аспектами производства вина.

На забитых до отказа судах появились новые, не имеющие отношения к бригаде лица. Станный пожилой капитан, очень напоминающий своей яркой военной формой несуществующего Ирландского кавалерийского полка австралийского попугая, заявил, что является офицером шифровальной службы и что его попросили сюда, чтобы прочитать лекцию на тему «Жизнь придворных в Санкт-Петербурге».

Здесь же внезапно появились Данн и его связисты, побывавшие во Франции. Ни разу не покинув своего вагона, они совершили длинный и небезопасный переезд из Булони в Бордо, позади трещавшей по всем швам линии фронта. Опыт этой поездки за границей по району, из которого можно было услышать артиллерийские залпы, а однажды, когда нервничавший английский летчик пролетал над их поездом, даже подвергшемуся обстрелу, заметно добавил Данну самоуверенности. Сарам-Смит пытался уговорить Данна прочитать лекцию на тему «Уроки, полученные в бою», однако Данн заявил, что в течение всей поездки ему пришлось под руководством старшего офицера в поезде работать в следственной комиссии по изучению дела о ботинке с треснувшими швами. Комиссия пришла к выводу, что ботинок был поврежден умышленно, но, поскольку место пребывания виновного известно не было, документы отослать не представилось возможным. Данн изучал это дело, пользуясь наставлением по военно-судебному производству.

Алебардистам привезли и оставили на причале для всеобщего обозрения зловещий дополнительный груз с надписью: «Химическое оружие (наступательное)».

Гаю прислали третьего младшего офицера и заместителя командира роты – бестолкового молодого кадрового офицера по фамилии Брент. Дни тянулись медленно. Неожиданно было получено предварительное распоряжение о передислокации на новое место, и

алебардистам приказали сойти с судов и погрузиться на поезд. Голландские артиллеристы дружелюбно помахали вслед отошедшему в неизвестность поезду. Карты графства Лимерик были собраны. Поезд шел очень медленно. В течение десятичасового пути он много раз останавливался на запасных путях, где приходилось много браниться с офицерами транспортной службы. Алебардисты сошли с поезда ночью, замечательной, благоухающей лунной ночью, и расположились на ночлег в окружающем парк лесу, в котором все дорожки под ногами светились фосфоресцирующими гнилушками. Затем их посадили в автобусы и рассредоточили вдоль мелководного побережья. Здесь-то Гай и получил упомянутые письма с сообщениями о его племяннике Тони.

Гаю отвели для обороны района возможной высадки двухмильный участок скалистого побережья. Когда Гай показал участок побережья, который должен был оборонять взвод де Саузы, тот сразу же высказался:

– Но, «дядюшка», в этом же нет никакого смысла. Немцы хоть и сошли с ума, но не настолько, чтобы пытаться высадиться здесь.

– Но они могут высадить здесь шпионов. А может быть, к этому берегу прибьет какой-нибудь небольшой десантный корабль.

– А по-моему, нас послали сюда потому, что мы не способны защищать вероятные места высадки.

Через два дня к ним прибыл сердитый инспектирующий генерал с несколькими штабными офицерами и Ритчи-Хуком; на перевозку этих важных персон было выделено три автомашины. Гай показал им свои пулеметные окопы, расположенные так, чтобы прикрыть все протоптанные купальщиками тропинки на берегу. Инспектирующий генерал встал спиной к морю и посмотрел на берег.

– Сектор обстрела не очень-то велик, – заметил он.

– Но, сэр, мы ожидаем противника не с этого направления.

– Необходимо организовать круговую оборону.

– А вы не считаете, генерал, что их здесь маловато для такого участка? – спросил Ритчи-Хук. – Они прикрывают полосу, на которой следовало бы расположить не менее батальона.

– Парашютисты – это сущие дьяволы, – сказал генерал. – Запомните хорошенько. Позиции надо удерживать до последнего человека и последнего патрона.

– Есть, сэр, – сказал Гай.

– Ваши солдаты хорошо понимают это?

– Так точно, сэр.

– И запомните, ни в коем случае не говорите им: «*Если* появится противник». Надо говорить: «*Когда* появится противник». Противник *будет* здесь. В этом месяце. Понимаете?

– Так точно, сэр.

– Ну что же, я полагаю, мы все посмотрели.

– Можно мне сказать несколько слов, генерал? – спросил аккуратный молодой штабной офицер.

– Да, разведчик, пожалуйста.

– Члены «пятой колонны», – многозначительно сказал офицер разведки, – это ваша особая задача. Вам, конечно, известно, что они натворили на континенте. То же самое они сделают и здесь. Считайте подозрительным любого: приходского священника, деревенского торговца, фермера, предки которого жили здесь сотни лет, – всех, кого никак нельзя заподозрить с первого взгляда. Ищите подающих по ночам сигналы: световые, радиокоротковолновые и другие. И еще – информация лично для вас. Она предназначена для офицеров не ниже командира взвода. Нам удалось установить, что на телеграфных столбах ставят знаки, указывающие вторгающимся частям направление движения к местам встреч. Маленькие металлические номерки. Я сам видел их не раз. Снимайте такие номерки и докладывайте в штаб, если обнаружите их.

– Хорошо, сэр.

Три автомашины уехали. Когда были произнесены эти последние ободряющие слова о телеграфных столбах, Гай находился на позиции взвода де Саузы. Здесь шоссе почти упиралось в прибрежные скалы. Как только генерал уехал, Гай и Brent отправились на позицию следующего взвода. Но пути они насчитали не менее десятка телеграфных столбов с маленькими металлическими номерками.

– Все телеграфные столбы пронумерованы почтовым отделением, – сказал Brent.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Добровольцы из местной организации гражданской обороны, помогавшие алебардистам осуществлять ночное патрулирование

района, донесли, что часто наблюдали, как члены «пятой колонны» подавали световые сигналы карманными фонариками. Об одном из таких случаев рассказали так убедительно, что Гай, вооружившись до зубов и прихватив с собой алебардиста Гласса, провел целую ночь на песке в маленькой скалистой бухточке; ему донесли, что в темное время суток в эту бухточку часто заходит какая-то лодка. Однако в ту ночь в бухточке никто не появился. Единственным событием в ту ночь стала неожиданная огромная световая вспышка, осветившая, казалось, все побережье. Позднее Гай вспоминал, как он воскликнул в тот момент: «О, вот они и пришли!» Затем откуда-то издалека донесся глухой звук мощного, все потрясшего взрыва.

– Мина, – сказал Гласс. – Наверное, в Плимуте.

В часы ночного бдения Гай часто думал о Тони и о том, что тот потеряет три, четыре, а может быть, и пять лет своей молодой жизни точно так же, как он. Гай, потерял восемь лет своей.

Как-то вечером, когда с моря на берег надвинулась густая дымка. Гай получил тревожное сообщение, что противник проводит химическую атаку с применением газов мышьяка. Сообщение было подписано Эпторпом, временно оставшимся в штабе за старшего. Гай не принял никаких мер. Часом позже пришло другое сообщение, отменяющее предыдущее. Оно было подписано вернувшимся в штаб подполковником Тиккериджем.

Еще один медленный переезд в поезде.

Части бригады собрались воедино и расположились в палаточном лагере в Брук-парке. Рассредоточение стало теперь наиболее модным тактическим приемом. Вместо строго выровненных палаточных рядов, благодаря которым Пенкирк напоминал красочные картинки времен королевы Виктории, в Брук-парке палатки были разбросаны под сенью одиноких дубов или под прикрытием другой растительности в полнейшем беспорядке. Протаптывать новые тропинки было строгойше запрещено. Вокруг палаток штаба бригады расставили специальных часовых, обязанность которых состояла в том, чтобы окликать всех пытающихся подходить к штабу по газонам; их неизменно направляли на ближайшие аллеи.

Первые два дня пребывания в Брук-парке алебардисты занимались строевой подготовкой поротно. Им выдали тропические шлемы для защиты от солнца и плохо подогнанную форму цвета хаки. Почти все выглядели в этом одеянии нелепо. Вскоре эту одежду отложили в сторону и больше о ней не вспоминали. Это событие возбудило известное любопытство. В последние месяцы алебардистов перевозили так неожиданно, так часто и так бесцельно, им попеременно выдавали, отбирали и снова выдавали так много различных предметов военного снаряжения, что предположения об их предназначении становились с каждым разом все смешнее и нелепее.

– По-моему, нам предстоит снова завоевать Сомали, – сказал де Сауза, знавший, что эту территорию только что поспешно оставили.

– Это просто часть обычного полного снаряжения алебардиста, – заметил Brent.

Так или иначе, но факт выдачи алебардистам этого обмундирования привел к кульминационному пункту в процессе, который де Сауза назвал «ослабление Ленарда».

Во время обороны скалистого побережья Корниш-клиффс алебардисты батальона виделись друг с другом очень редко. Теперь они снова были все вместе, и Гай обнаружил печальные перемены в Ленарде. Миссис Ленард прочно обосновалась со своим младенцем в

снятой по соседству квартире и начала усиленно работать над раздвоенной преданностью мужа. Кругом все чаще и чаще падали бомбы. Вторжение противника уверенно предсказывалось на середину сентября. Миссис Ленард хотела, чтобы поблизости от дома всегда был мужчина. Когда Ленард отбыл с побережья вместе со своей ротой, миссис Ленард тоже немедленно снялась с якоря и обосновалась в ближайшей провинциальной гостинице.

Она пригласила Гая на обед и рассказала ему о своем затруднительном положении.

– Вам это совершенно безразлично, – говорила она. – Вы закоренелый холостяк. В Индии с помощью местных слуг вы устроитесь, как я полагаю, очень даже не плохо и будете питаться так, как захотите. А как быть там мне, хотела бы я знать?

– По-моему, в Индию нас посылать вовсе не намерены, – ответил ей Гай.

– Тогда для чего же Джиму выдали тропический шлем? – спросила миссис Ленард. – Ведь такие головные уборы носят в Индии, не правда ли? Уж не хотите ли вы сказать, что ему выдали эту шляпу и эти нелепые шорты шестого размера, чтобы носить их здесь в зимнее время?

– Это просто часть обычного полного снаряжения алебардиста, – повторил Гай слова Брента.

– А вы сами-то верите в это?

– Нет, откровенно говоря, не верю.

– Ну и что же тогда? – торжествующе спросила миссис Ленард.

– Дейзи просто не понимает, с чем должна сталкиваться жена солдата, – заметил Ленард. Эту фразу ему, видимо, случалось произносить довольно часто.

– Я выходила замуж не за солдата, – возразила миссис Ленард. – Если бы я знала, что ты собираешься стать солдатом, то вышла бы замуж за кого-нибудь из военно-воздушных сил. Их жены живут очень хорошо, и, что еще важней, это как раз те люди, которые выигрывают войну. Об этом все время говорят по радио, разве не так? И потом, дело не только во мне: у нас есть ребенок, и о нем тоже нельзя забывать.

– Я не думаю, что в случае вторжения противника вы, миссис Ленард, могли бы рассчитывать на то, что Джима назначат

специально защищать вашего ребенка. Понимаете?

– Я позабочусь о том, чтобы он был поблизости. Во всяком случае, он не будет ни качаться на волнах, ни лежать под пальмами, ни играть, на гавайской гитаре.

– Я не думаю, что его обязанности, если мы попадем за границу, будут состоять именно в этом.

– О, пожалуйста, не зазнавайтесь, Краучбек, – сказала миссис Ленард. – Я же прошу вас о помощи. Вы ведь общаетесь с важными чинами.

– Маленькие дети есть и у многих других, миссис Ленард.

– Но *такого*, как у меня, нет ни у кого.

– Дейзи, твои аргументы неразумны. «Дядюшка», втолкните ей это, пожалуйста.

– Ведь не вся же армия должна отправиться за границу. Почему они выбрали именно Джима?

– Я полагаю, вы *могли бы* подать просьбу о переводе Джима на должность в казарменный городок алебардистов, – сказал наконец Гай. – Там, должно быть, много ребят, которые рады поехать с вами.

– Абсолютно уверена, что такие есть, – согласилась миссис Ленард. – Если вас посылают за тысячи миль от того места, где идет война, то ведь это не что иное, как эвакуация.

Печальный это был обед. Когда они возвращались в лагерь, Ленард сказал Гаю:

– Меня это просто убивает. Я не могу оставить Дейзи в таком состоянии. А это правда, что, родив ребенка, некоторые женщины теряют рассудок?

– Я слышал, что так бывает.

– Вероятно, и с Дейзи произошло нечто подобное.

Тем временем алебардисты, отложив в сторону тропические шлемы, занимались в эти длинные и жаркие летние дни тем, что наносили со всевозможных направлений «сокрушительные удары» по бару в Брук-парке.

Несколько дней спустя Ленард, встретив Гая, сказал ему с унылым видом:

– Сегодня я был у подполковника.

– Ну и что?

– По поводу того, о чем говорила Дейзи.

– Ну и что?

– Он ужасно смеялся над этим.

– Подполковник всегда такой веселый.

– Он намерен подать просьбу о моем переводе в центр формирования и подготовки. Это, возможно, потребует некоторого времени, но он считает, что меня переведут.

– Надеюсь, твоя жена теперь вздохнет облегченно.

– «Дядюшка», как по-вашему, я поступаю очень плохо?

– Это меня не касается.

– Но я вижу, что вы не одобряете этого. Да я и сам не одобряю.

Однако у Ленарда так и не нашлось времени на то, чтобы испытать угрызения совести в связи с его решением. В тот же вечер прибыло предварительное распоряжение о предстоящей посадке на суда, и всем алебардистам предоставили сорокавосьмичасовой отпуск перед отплытием.

Гай решил съездить на денек в Мэтчет. В школе были летние каникулы. Его отец сидел над светло-голубым томом Ксенофонта, освежая свои знания для предстоящего семестра.

– С листа не могу перевести ни одного слова, – сказал мистер Краучбек почти весело. – Совершенно уверен, что эти маленькие чертенята поймают меня на чем-нибудь. Прошлый семестр они меня подлавливали, но делали это в очень пристойной манере.

Гай вернулся на день раньше срока, чтобы проверить, все ли нормально в его роте. Проходя по почти пустому лагерю в сумерках, он встретил бригадира.

– Краучбек! – воскликнул тот, всматриваясь. – Все еще не капитан?

– Никак нет, сэр.

– Но командуете ротой?

– Так точно, сэр.

Они прошли некоторое расстояние вместе.

– Это лучшая командная должность, – сказал бригадир. – В жизни нет ничего лучшего, чем командовать ротой в бою. Следующим за этим идет действие по собственному усмотрению. Все остальное – это просто бумаги и телефонные разговоры. – Под деревьями в сумеречном свете бригадира было едва видно. – Дело нам предстоит не очень-то боевое. Мне нельзя говорить вам, но я все же скажу. Речь идет о Дакаре. Я никогда и не слышал о нем, пока мне не стали присылать совершенно секретные данные разведки, главным образом о земляных орехах. Это какой-то французский городок в Западной Африке. Наверное, сплошные бульвары и публичные дома, насколько я знаю французские колонии. Мы входим в соединение поддержки. Хуже того – наша задача оказать поддержку бригаде поддержки. Первой будет высажена морская пехота, черт бы их взял! Все это лягушатники придумали. Рассчитывают, что не встретят никакого противодействия. Для нас это будет своеобразной боевой подготовкой. Напрасно я рассказал вам все это. Если кто-нибудь узнает, меня

отдадут под суд военного трибунала. А я, пожалуй, слишком стар для военного трибунала.

Бригадир неожиданно свернул в сторону и скрылся в лесу.

На следующий день пришел приказ погрузиться на поезд для переезда в Ливерпуль. Ленарда оставили в тыльной походной заставе в ожидании нового назначения. Никто, кроме Гая и подполковника, не знал, почему с Ленардом поступили именно так. Большинство считало, что он заболел. Последнее время он выглядел как привидение.

Гай не испытывал угрызений совести в связи с отступничеством Ленарда. Пока поезд конвульсивно продвигался к Ливерпулю, Гаю пришла в голову мысль, что скорее, пожалуй, они оставили Ленарда, а не он их. Их направляли вовсе не на какую-нибудь базу в Гонолулу, или в Алжире, или в Куэте, порожденную туманным воображением миссис Ленард, а в благоустроенный, теплый и хорошо оборудованный город, далекий от падающих бомб и отравляющих газов, не испытывающий тягот оккупации и недостатка в продуктах питания, далекий от мрачного концентрационного лагеря, в который неожиданно превратилась вся Европа.

В Ливерпуле полная неразбериха. Причалы и суда в абсолютной темноте. Где-то, не так уж далеко от порта, падают и взрываются бомбы. Офицеры штаба, ведающие погрузкой на суда, пользуясь затемненными карманными фонариками, старательно рассматривают именные списки личного состава частей. Гаю и его роте приказали погрузиться на одно из судов, затем снова выгрузиться на причал, где они простояли целый час. Прозвучал сигнал отбоя тревоги, и кое-где зажглись тусклые лампы. Офицеры, ведающие погрузкой, укрывавшиеся во время тревоги в бомбоубежище, появились снова и принялись за свое дело. Наконец с наступлением рассвета алебардисты Гая молча поднялись на борт судна и разыскали отведенные им помещения. Гай проследил, как они улеглись спать, и отправился искать свою каюту.

Это была одна из кают первого класса, в которых все сохранилось еще с мирного времени, когда в них путешествовали состоятельные туристы. Судно было зафрахтовано, и на нем оставалась гражданская команда мирного времени. Уже поднялись и приступили к исполнению своих обязанностей стюарды-гоанцы в

свежевыстиранных и накрахмаленных белых с красным ливреях. Они молча переходили с места на место, расставляли симметрично пепельницы в салонах, раздвигали шторы, впуская на судно солнечный свет наступающего дня. Они действовали так, как будто не существовало никакой войны. Никто никогда не говорил им ни о подводных лодках, ни о торпедах.

Но не все были настроены так мирно. Повернув за угол в поисках своей каюты, Гай неожиданно увидел нечто вроде воинственного танца, в котором танцующие выталкивали друг друга из каюты, которая предназначалась ему. Исполнителями танца были алебардист Гласс, и безупречно выглядевший гоанец – стройный пожилой человек с великолепными седыми усами, разделявшими его мокрое от слез орехово-коричневое лицо на две части.

– Застал этого черномазого ублюдка на месте преступления, сэр. Рылся в вашем вещевом мешке, сэр.

– Пожалуйста, сэр... Я стюард, сэр... Я совсем не знаю этого грубого солдата...

– Успокойся, Гласс. Человек просто выполняет свои обязанности. А теперь убирайтесь отсюда оба. Мне нужно хоть немного вздремнуть.

– Но вы же не захотите, сэр, чтобы этот чернокожий шастал по вашей каюте?

– Я не чернокожий, сэр. Я португалец. Христианин. Мама моя христианка. Папа тоже христианин. У них было шесть христианских детей, сэр.

Гоанец сунул руку под борт накрахмаленной куртки и извлек висевший на шее золотой медальон. За многие годы службы гоанца на судне, палуба которого только изредка бывала в спокойном горизонтальном положении, в результате почти постоянного раскачивания медальона из стороны в сторону на темной безволосой груди владельца изображение на нем изрядно стерлось.

Неожиданно Гай почувствовал необыкновенное расположение к гоанцу. У них было много общего. Гаю нестерпимо захотелось показать свой медальон. Медальон Джервейса с изображением богоматери Лурдской. Многие поступили бы в этом случае именно так; люди получше его наверняка сказали бы «Гоп!» – чем по-

настоящему рассмешили бы угрюмого алебардиста и таким образом примирили противников.

Однако Гай, несмотря на то, что все это было у него на уме, лишь нащупал в кармане две полукроны и сказал:

– Вот. Это поднимет твое настроение?

– О да, конечно, сэр, спасибо. Очень даже поднимет.

Гоанец повернулся и пошел, обрадованный, но не примирившийся, просто как слуга, неожиданно получивший солидные чаевые.

Алебардистам разрешили в это утро поспать подольше. В одиннадцать Гай построил свою роту на палубе. Необычно плотный и разнообразный завтрак – нормальный стол для пассажиров третьего класса на судне – компенсировал все пережитые за ночь неприятности и неудобства. Настроение у всех поднялось. Гай передал солдат взводным командирам, чтобы те проверили запасы и снаряжение, а сам отправился узнать, как устроились остальные. Второй батальон разместился лучше, чем другие, которых напихали, как сельдей в бочку, на рядом стоящее судно. Предоставленное алебардистам второго батальона судно было почти полностью в их распоряжении, если не считать штаба бригады и смеси из посторонних лиц, таких, как офицеры связи войск Свободной Франции, морские артиллеристы, береговая команда военно-морских сил, военные священники, специалист по гигиене в тропиках и другие. На двери небольшого курительного салона висела надпись: «Группа оперативного планирования. Посторонним вход воспрещен».

На рейде виднелся бесцветный и бесформенный корпус большого авианосца. Любые контакты с берегом были запрещены. У трапа стояли часовые. Причал охранялся патрулями военной полиции. Однако цель предстоящего похода сохранялась в тайне недолго. В полдень на причале появился летчик военно-воздушных сил, небрежно размахивающий большим пакетом с надписью: «Совершенно секретно. Доставляется только офицерам». Когда летчик подходил к ожидавшему его катеру, пакет упал, упаковка нарушилась и легкий ветерок подхватил и разнес повсюду несколько тысяч си-не-бело-красных листовок с лозунгом:

«FRANCAIS DE DAKAR!
Joignez-vous a nous pour delivrer la France!
GENERAL DE GAULLE»^[24]

Никто, за исключением одного, только что поступившего на службу военного священника, не принимал всерьез этих приготовлений и не считал, что они приведут к чему-нибудь путному. Алебардистов в течение последних недель слишком часто перебрасывали с одного места на другое, слишком часто воодушевляли и разочаровывали, чтобы они могли теперь поверить чему-нибудь. Следующие один за другим приказы, аннулирование приказов и различные недоразумения и неувязки воспринимались алебардистами как составные части их нормальной повседневной службы. Увольнение в город сначала разрешили, потом запретили; перлюстрация писем была отменена, затем снова введена; судно снялось со швартовов, попыталось встать на якорь, запутало якорную цепь и вернулось к причалу; материально-технические запасы погрузили на судно, затем выгрузили на причал, потом опять погрузили в соответствии с «тактическими правилами». А потом совершенно неожиданно во второй половине дня они вышли в море. В последней доставленной на борт газете сообщалось об усилившихся воздушных налетах противника. Де Сауза назвал свое судно «корабль беженцев».

Казалось почти невероятным, что они не вернуться в свой порт, но судно, к удивлению алебардистов, продолжало упорно идти в Атлантику, пока не прибыло в район рандеву, где на огромной площади сосредоточились корабли и суда всех размеров, от авианосца и линейного корабля «Бархэм» до небольшого судна «Белгрейвия», на котором, по слухам, доставлялись шампанское, лечебные соли для ванн и другие предметы личного потребления для гарнизона в Дакаре. Затем весь конвой изменил курс и направился на юг. Вокруг судов, словно терьеры, носились эскадренные миноносцы, иногда над ними пролетал свой самолет. Доблестная маленькая «Белгрейвия» покачивалась на волнах в самом хвосте конвоя.

В целях тренировки на судах два раза в день объявлялась боевая тревога. Алебардистам было приказано постоянно носить спасательные пояса. Однако настроение алебардистов определялось

скорее спокойным морем и стюардами-гоанцами, которые как ни в чем не бывало ходили по устланным коврами коридорам и ударяли в свои мелодичные гонги. Обстановка представлялась алебардистам настолько мирной, что, когда в одной-двух милях впереди них у всех на глазах торпедировали крейсер «Фиджи», после чего все военные корабли начали усиленно сбрасывать глубинные бомбы, это событие почти нисколько не нарушило их воскресного послеобеденного отдыха.

На борту судна в составе штаба бригады опять оказался Данн со своими связистами, но Эпторп просто не замечал их, а может быть, он вообще не знал об их присутствии, поскольку был все время занят тем, что консультировался у специалиста по вопросам тропической медицины. Солдаты занимались физической подготовкой, боксировали, слушали лекции о Дакаре, о генерале де Голле, о малярии и риске, с которым сопряжено вступление в связь с местными женщинами; днем они бездельничали где-нибудь на баке, а по вечерам военные священники организовывали для них концерты.

Подавленное настроение было лишь у бригадира Ритчи-Хука. Его бригаде отвели ничтожную и условную роль. Считалось, что силы Свободной Франции не встретят в городе никакого противодействия. Оно ожидалось только со стороны французского линейного корабля «Ришелье». Но с ним должны были справиться морская пехота и таинственная часть, которую называли «командос». Алебардисты, возможно, вообще не будут высажены на берег, а если их и высадят, то только для выполнения второстепенных и третьестепенных задач и для замены морских пехотинцев в несении караульной службы. Никаких возможностей для «уничтожения и уничтожения». В довершение всего Ритчи-Хук повздорил с капитаном судна, и ему приказали убраться с мостика. Он в одиночестве прохаживался по палубам, иногда при оружии, которое держал наготове, в полезности чего убедился еще в прошлую войну.

Вскоре наступила томительная жара, воздух сделался спертым, туманным. Многие почувствовали странный запах, который кто-то назвал запахом земляных орехов, доходивший до них с близкого, но пока невидимого берега. Среди алебардистов быстро распространился слух, что они прибыли к месту назначения. Представители сил Свободной Франции, утверждалось в тех же слухах, ведут переговоры

со своими порабощенными соотечественниками. Где-то велась слабо слышимая из-за тумана вялая перестрелка. Затем суда конвоя отошли на безопасное расстояние и приблизились друг к другу. Между ними начали снова юркие катера. На флагманском корабле состоялось совещание, и Ритчи-Хук вернулся оттуда с широкой улыбкой на лице. Он выступил перед вторым батальоном и сообщил, что на следующий день состоится высадка в условиях оказания противником противодействия. Затем он перешел на судно, где находились еще два его батальона, и сообщил эту радостную новость остальным алебардистам. Немедленно были выданы карты района высадки. Офицеры всю ночь изучали свои участки высадки, разграничительные линии с соседними подразделениями, вторые и третьи волны атакующего десанта. Ночью суда приблизились к району высадки, и на рассвете сквозь дымку стелющегося над морем испарения все увидели серую линию африканского побережья. Батальон стоял в боевой готовности, распухший от обилия боеприпасов и неприкосновенных запасов продовольствия. Время шло. Где-то впереди раздавались звуки стрельбы из тяжелых орудий. Прошел слух, что линейный корабль «Бархэм» получил несколько пробоин. Из облаков над алебардистами вынырнул небольшой самолет Несвободной Франции и сбросил бомбу, которая упала в море поблизости от судна алебардистов. Бригадир снова был на мостике, но теперь в самых лучших отношениях с капитаном. Затем конвой опять отошел на безопасное расстояние, и с заходом солнца было созвано еще одно совещание. Бригадир возвратился с него, кипя от гнева и негодования, и созвал всех своих офицеров.

– Джентльмены, – сказал он, – все кончено. Теперь мы толькождемся подтверждающей радиограммы от военного кабинета и направимся обратно. Я очень сожалею. Информировать своих солдат и постарайтесь поднять их моральный дух.

Распоряжений о поднятии морального духа алебардистов можно было и не давать. Удивительно, но бурное веселье немедленно распространилось по всему судну. Трудно объяснить, но новый приказ почему-то понравился всем алебардистам куда больше, чем предыдущий, в котором говорилось о предстоящей высадке в условиях оказания противодействия. Палубы в столовой и помещениях, где

размещались алебардисты, долго еще сотрясались от безудержного веселья и танцев.

Сразу же после обеда Гая пригласили в салон с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

В салоне находились бригадир, капитан судна и подполковник Тиккеридж, все в очень веселом и даже несколько шаловливом расположении духа.

– Мы намерены немного развлечься, неофициально, разумеется, – обратился бригадир к Гаю. – Не хотите ли принять участие?

Вопрос был настолько неожиданным, что Гай, не поинтересовавшись, что именно бригадир имеет в виду, поспешно ответил:

– Да, сэр.

– Мы бросили жребий между всеми ротами. Выбор пал на вашу. Сможете набрать десяток хороших солдат для выполнения разведывательной задачи?

– Смогу, сэр.

– И подходящего офицера, который возглавит их?

– Можно мне самому, сэр? – обратился Гай к подполковнику Тиккериджу.

– Можно. Идите и подготовьте людей к проведению операции. В вашем распоряжении час времени. Скажите им, что они пойдут в добавочный караул. Затем возвращайтесь сюда с картой для получения приказа.

Когда Гай вернулся, заговорщики были в еще более веселом настроении.

– Имело место некоторое расхождение во мнении между мной и командующим оперативным соединением, – сказал Ритчи-Хук. – Дело в том, что в штабе обнаружилось небольшое противоречие в данных военно-морской и армейской разведки по участку высадки «А». Он есть у вас на карте?

– Так точно, сэр.

– При разработке окончательного плана операции было решено вообще отказаться от участка «А». Какой-то идиот донес, что на нем возведено проволочное ограждение и что он практически неприступен. Я же считаю, что этот участок совершенно открыт и легкодоступен. Я не буду сейчас вдаваться в причины, на основании

которых придерживаюсь такого взгляда. Но вы сами поймете, что если бы мы высадились на берег на участке «А», то смогли бы нанести удар по лягушатникам с тыла. В штабе есть какие-то дурацкие фотографии, на которых якобы можно рассмотреть проволочное заграждение, и они насмерть перепугались из-за этого. Я не обнаружил никакого проволочного заграждения. Командующий оперативным соединением высказал некоторые обидные для меня слова, заявив, что два глаза воспринимают обстановку куда лучше, чем один со стереоскопом. Дискуссия по этому вопросу несколько обострилась. Операция отменена, и все мы остались в дураках. Я хочу, однако, поставить все точки над «и» в своем споре с командующим оперативным соединением. Чтобы убедиться в своих предположениях, я посылаю на берег разведывательный отряд.

– Ясно, сэр.

– Отлично. Это и есть цель операции. Если вы обнаружите на участке проволочное заграждение или если вас обстреляют, быстро возвращайтесь назад, и мы больше не произнесем по этому вопросу ни слова. Если же, как я полагаю, на участке нет никаких препятствий, вы можете прихватить с собой какой-нибудь маленький сувенир, который я пошлю командующему. Он весьма недоверчивый человек. Какую-нибудь небольшую вещичку, которая поставит его в глупое положение: плод кокосовой пальмы или что-нибудь еще в этом роде. Мы не сможем воспользоваться специальным высадочным средством военно-морского флота, но мужественный капитан нашего судна пошел нам навстречу и предоставляет в наше распоряжение свой катер. А теперь я намерен вздремнуть. Утром я с удовольствием заслушаю ваш доклад. Тактические детали операции согласуйте со своим командиром батальона.

Ритчи-Хук вышел. Капитан объяснил, где находится катер и выходной портик.

– Есть еще вопросы? – спросил подполковник Тиккеридж.

– Нет, сэр, – ответил Гай. – Кажется, все совершенно ясно.

Двумя часами позднее отобранные Гаем разведчики построились в трюме напротив открывающегося из него портика. Они были в ботинках на резиновой подошве, шортах и форменных рубашках с открытым воротом, без головных уборов, без противогазов. Оружие и снаряжение было пристегнуто к поясному ремню. У каждого имелись две ручные гранаты и винтовка, за исключением двух, вооруженных пулеметом «брен», которые должны были установить его на первой удобной позиции и приготовиться к огневому прикрытию отступающих, если высадившиеся разведчики встретят противодействие. Каждый выкрасил лицо в темный цвет. Гай всех тщательно проинструктировал. Сержант должен был входить на катер первым и покидать его последним, убедившись, что все благополучно сошли на берег. Гай должен был высадиться первым, а солдаты за ним – часть с левой и часть с правой от него стороны. У него будет фонарик, закрытый красной бумажкой, которым он время от времени будет подавать сигналы, указывающие направление движения. Проволочное заграждение, если оно существует, должно быть выше уровня полной воды. Им предстоит продвинуться в глубь береговой полосы на достаточное расстояние, чтобы определить, есть ли там проволочное заграждение. Тот, кто обнаружит заграждение первым, должен немедленно доложить об этом Гаю по цепочке. Необходимо будет определить протяженность заграждения. Сигнал один короткий свисток означает, что надо отходить обратно к катеру...

– Помните, – сказал в заключение Гай, – наша задача – только разведка. Нам вовсе не ставится задача захватить всю Африку. Огонь открывать только в том случае, если возникнет необходимость прикрыть отход.

Вскоре над головами разведчиков закричала лебедка, и они поняли, что это спускают на воду катер.

– С наружной стороны борта – трап из железных скоб. До поверхности воды примерно шесть футов. Прежде чем начать спускаться по трапу, убедитесь в том, что предыдущий человек уже сошел с него на катер. Все ясно?

Свет в трюме выключили. Матрос открыл дверь портика. Перед алебардистами возник несколько ярче освещенный прямоугольник, и они сразу же ощутили влажное дыхание моря.

– На катере, вы готовы?

– Да-да, готовы.

– Тогда начинайте, сержант.

Один за другим алебардисты перебрались из темноты трюма в открытую ночь. Гай спустился последним и занял место на носу. Катер был небольшим, и алебардисты едва разместились в нем, усевшись на корточках вплотную друг к другу. Дверь портика над ними с шумом захлопнулась. Катер отвалил от борта. Запущенный двигатель, казалось, шумел слишком громко. Мягко покачиваемый невысокой волной, катер направился к участку «А».

Переход длился почти целый час, ибо участок «А» находился севернее города и захват его мог бы эффективно обеспечить высадку десанта на участках, расположенных южнее. Запах от работающего двигателя, тропическая ночь, прижавшиеся одно к другому тела, звуки неритмичных ударов невысоких волн о нос катера... Наконец матрос у штурвала сказал:

– Подходим к берегу, сэр.

Обороты двигателя уменьшились. Впереди, совсем близко, показалась хорошо различимая береговая черта. Зоркие глаза моряков быстро отыскали на берегу довольно широкую бухточку. Двигатель выключили, и в абсолютной тишине катер по инерции медленно приближался к берегу. Нос мягко коснулся песчаного дна. Гай стоял в готовности, опершись руками о планширь. Изловчившись, он прыгнул за борт и оказался по грудь в тепловатой воде. С трудом удерживая равновесие, он решительно зашагал вперед по круто поднимавшемуся дну. Вода снизилась до пояса, до колен, и вот он уже вышел на затвердевший песок. Такого пьянящего чувства, как сейчас, он не испытывал никогда в своей жизни; это были его первые шаги по территории противника. Он дал условный сигнал фонариком в сторону катера и в тот же момент услышал шлепки по воде – алебардисты выпрыгивали за борт. Катер немного отошел от берега, и человеку, спрыгнувшему последним, пришлось проплыть несколько метров, прежде чем он ощутил под ногами дно. Гай видел, как позади него появлялись и расходились в стороны едва различимые силуэты

алебардистов. Он дал сигнал двумя вспышками, что означало: «Начать движение вперед». Гай скорее услышал, чем увидел, как два алебардиста отошли на фланг, чтобы установить свой «брен» на выгодной позиции. Разведчики продвигались в глубь отлого поднимавшейся прибрежной полосы. Сначала под ногами был затвердевший мокрый песок, затем – мягкий сухой песок, потом – высокая остроконечная трава. Они продолжали идти молча. Неожиданно на их пути возникли стволы пальм. Первое, что попало здесь Гаю на глаза, был упавший на землю плод кокосовой пальмы. Он поднял его и отдал алебардисту Глассу, шедшему неподалеку слева от него.

– Снеси это на катер и жди нас там, – прошептал ему Гай.

Алебардист Гласс проявил признаки уважения и необычного усердия на первом же этапе операции:

– Почему я, сэр? Этот паршивый орех, сэр? Зачем его нести на катер?

– Прекратите разговоры. Гласс. Отправляйтесь на катер.

Гай сознавал в тот момент, что отнесся с полным безразличием к тому, сохранил он или утратил уважение Гласса к себе.

Второе, на что наткнулся Гай, была небрежно натянутая меж стволов пальм колючая проволока. Он дал сигнал из трех вспышек, который означал: «Продвигаться осторожно, проволочное заграждение». Слева и справа послышались шаги. К нему приблизились разведчики и доложили шепотом:

– Слева проволочное заграждение.

– Справа проволочное заграждение.

Направив слабый луч света вперед и ошупав все вокруг руками и ногами, Гай понял, что перед ним – низкий, жиденький, плохо установленный оборонительный рубеж из колючей проволоки. Затем примерно в четырех шагах от себя Гай увидел человека, который смело пробирался через заграждение вперед.

– Эй, стой! – крикнул Гай.

Но человек, миновав заграждение, продолжал идти вперед, с шумом раздвигая кустарник, траву и колючие растения.

– Вернись назад, эй, сумасшедший! – громко крикнул Гай.

Человек скрылся из поля зрения, но шаги его все еще были слышны. Гай дал громкий свисток. Все разведчики послушно

повернулись кругом и начали быстро спускаться по пологому берегу туда, где стоял катер. Гай остался на том же месте, ожидая возвращения ушедшего вперед нарушителя. Он как-то слышал, что люди, бегущие как одержимые, иногда автоматически приходят в себя, услышав поданную им команду.

– Впереди идущая шеренга! – крикнул он громко, как на казарменном плацу. – Кру-у-гом! Бегом марш!

Единственной реакцией на его команду был оклик с левой стороны:

– Halte-la! Qui vive?^[25]

Затем раздался взрыв гранаты, после которого со всех сторон послышались ружейные выстрелы: стрельба, казалось, поднялась на всем побережье. Ничего страшного: несколько резких винтовочных выстрелов, свист пуль в пальмовой роще. А вот открыл огонь и находящийся на фланге «брен», причем первые его пули просвистели в опасной близости от самого Гая. Ему показалось, что через какие-нибудь несколько секунд он наверняка будет убит. Гай прошептал слова раскаяния, те самые, которые часто произносил во сне, когда ему виделось, что он падает с какой-нибудь высоты. В тот же момент ему пришла в голову мысль: «Нелепейшая из нелепейших смертей».

Гай побежал по берегу вниз. Катер был на месте. Два человека по пояс в воде держали его руками, не давая отойти от берега. Возвратившиеся разведчики стояли недалеко от катера.

– Всем на катер! – приказал Гай.

Он сбегал к пулеметчикам и им тоже приказал возвращаться на катер.

Французы на берегу все еще вели беспорядочную стрельбу.

– Все на месте, все в порядке, сэр, – доложил сержант.

– Нет, нет, вон там, кажется, еще один человек.

– Да нет же, сэр. Я сосчитал. Все на месте. Давайте на катер! Лучше поскорее отойти, пока никто не мешает.

– Подождите минутку. Я еще раз осмотрю берег.

Лейтенант из добровольческого резерва военно-морских сил, командовавший катером, заявил:

– Мне приказали отходить, как только закончится операция или даже раньше, если я найду, что угроза катеру слишком велика.

– Они еще не обнаружили нас и ведут совершенно беспорядочный огонь. Дайте мне еще две минуты.

Гай знал, что солдат в первом бою охватывает такое возбуждение, что они могут потерять голову. Проще всего было бы, конечно, предположить, что тот, перешедший за проволочное ограждение, человек – просто плод его воображения. Однако Гай все-таки решил еще раз подняться на берег. Он действительно обнаружил там пропавшего человека, который медленно полз ему навстречу.

Гая охватил гнев, и его первые слова были:

– Я отдам вас за такие вещи под военный трибунал! – Присмотревшись к человеку повнимательней, он спросил: – Вы ранены?

– Конечно, ранен, – ответил тот. – Помогите мне.

Это не была немецкая линия обороны с поисковыми прожекторами и автоматическим оружием, однако не осталось никакого сомнения, что противник получил подкрепление и усилил огонь. Гай торопился и в гневе не обратил никакого внимания на странный тон человека. Он помог ему приподняться – человек был нетяжелый – и поволок его к катеру. Свободной рукой человек прижимал к телу какой-то предмет. Им помогли взобраться на борт, и только тогда, когда катер уходил на полной скорости в море. Гай вспомнил о раненом. Он направил луч своего фонарика на его лицо. В кружке света блеснул единственный глаз. Это был Ритчи-Хук.

– Помогите мне вытянуть ногу, – сказал он, морщась от боли. – И дайте кто-нибудь индивидуальный пакет. Рана пустяковая, но боль жгучая, да и кровоточит сильно. И еще положите вот этот кокосовый орех куда-нибудь. – И, устроив на коленях Гая мокрую курчавую голову негра, Ритчи-Хук занялся своей раной.

Гай настолько устал, что так и заснул с трофеем на коленях. Когда катер подходил к борту судна, все разведчики крепко спали. Только Ритчи-Хук, впавший в полубессознательное состояние, изредка стонал и ругал кого-то.

– Вы когда будете есть этот кокос, сэр, сейчас или потом? – спросил Гая, подойдя к его койке, алебардист Гласс.

– Сколько сейчас времени?

– Ровно одиннадцать, сэр, точно как вы приказали.

– А где мы сейчас?

– Идем в море, сэр, с конвоем, но *не* в сторону Англии.

Подполковник просил вас зайти к нему, как только вы встанете.

– Оставь кокос здесь. Я сохраню его в качестве сувенира.

Усталость все еще давала себя чувствовать. Бреясь, Гай вспомнил все последние события прошедшей ночи.

Он проснулся, когда катер, покачиваясь на волнах, уже стоял у борта судна. Обе его руки крепко сжимали голову негра.

– У нас здесь раненый. Сбросьте нам какую-нибудь петлю, чтобы поднять его.

На борту судна произошло некоторое замешательство, и лишь спустя несколько минут из открытого портика на катер направили луч аккумуляторного фонаря.

– Я судовой врач. Поднимитесь сюда, освободите мне место, и я спущусь вниз.

Гай поднялся по скоб-трапу и вошел через портик в трюм. Судовой врач спустился на катер. Он и его санитары располагали для подобных случаев специальным приспособлением, напоминающим люльку. Приспособление спустили вниз, подвели под бригадира, а затем осторожно подняли вместе с ним наверх.

– Отнесите его прямо в лазарет и подготовьте к операции. Еще раненые есть?

– Нет, только один.

– Меня никто не предупредил, что могут быть раненые. Хорошо, что мы все держим сейчас наготове. А вообще-то сегодняшней ночью мы ничего подобного не ожидали, – проворчал врач так, чтобы его слышал только Гай.

Алебардисты поднялись на судно.

– Все вы действовали очень хорошо, – сказал им Гай. – Теперь можно разойтись. Завтра обо всем поговорим. Спасибо и вам, моряки. Спокойной ночи.

Гай разбудил подполковника Тиккериджа, чтобы доложить ему о результатах операции.

– Разведка проведена успешно, сэр. Один кокос. – Гай положил голову негра рядом с пепельницей на край койки подполковника.

Тиккеридж приходил в себя после крепкого сна очень медленно.

– Ради бога, что это такое?

– Пехотинец колониальных французских войск, сэр. Личного знака на нем, по-видимому, не было.

– Хорошо. Ради всего святого, уберите его отсюда. Поговорим об этом утром. Все вернулись?

– Мои разведчики все, сэр. Один сверхштатный ранен. Носилочный. Его отправили в судовой лазарет.

– Что это еще за «сверхштатный», черт возьми?

– Бригадир, сэр.

– *Что-о?!*

Гай был абсолютно уверен, что подполковник Тиккеридж посвящен в тайну, что он заодно с бригадиром в намерении сыграть с ним, Гаем, злую шутку. Однако теперь уверенность Гая заметно ослабела.

– А разве вы, подполковник, не знали, что он участвует в операции?

– Конечно, не знал!

– Он, наверное, спрятался в трюме и незаметно пробрался в темноте на катер вместе с другими, предварительно окрасив лицо в черный цвет.

– Вот старый дьявол! Рана у него тяжелая?

– Ранен в ногу, сэр.

– Ну, это еще не так плохо. – Подполковник Тиккеридж, теперь уже окончательно проснувшись, забавно хихикнул, но, видимо вспомнив о чем-то, тут же помрачнел. – Впрочем, эта история чревата неприятнейшими последствиями... Ну ладно, поговорим об этом завтра. А сейчас идите спать.

– А как быть с этим? – спросил Гай, кивнув на голову негра.

– Ради бога, выбросьте это в море.

– Вы считаете, подполковник, что я могу выбросить ее, не получив санкцию бригадира?

– Хорошо, переговорите с ним, но умоляю, заберите ее отсюда.

– Есть, сэр. Спокойной ночи.

Ухватив голову негра за густые курчавые волосы, Гай вышел из каюты и направился вдоль погруженного в ночную тишину коридора. Встретившийся ему дежурный стюард-гоанец пронзительно взвизгнул и бросился бежать от него, как от привидения. У Гая закружилась голова. Зайти в каюту Эпторпа? Нет. Он попытался открыть дверь с надписью: «Группа оперативного планирования». Дверь не была заперта и никем не охранялась. Все карты и секретные документы были прибраны. Гай положил свою ношу в ящик для входящих документов на столе бригадира и, снова почувствовав сильную слабость, возвратился в свою каюту, сбросил с себя окровавленную рубашку, вымыл окровавленную грудь и руки и заснул мертвецким сном в ту же секунду, как только коснулся головой подушки.

– Ну как наш бригадир, подполковник? – спросил Гай, войдя в канцелярию батальона.

– Пребывает в очень хорошем настроении. На него все еще действует наркоз. Спрашивал, где его кокос.

– Я положил его на стол бригадира.

– Лучше отнесите прямо ему. Он сказал, чтобы вы зашли. По его словам, вы действовали вчерашней ночью очень даже неплохо... Да, весьма неприятная история...

Гай, разумеется, ожидал поздравлений в несколько иной форме.

– Садитесь, «дядюшка», – продолжал Тиккеридж, – вы пока еще не обвиняемый.

Гай молча сел. Подполковник Тиккеридж ходил из угла в угол по ковру.

– Любому из нас возможность получить орден представляется один-два раза за всю жизнь, – снова начал он рассуждать вслух. – Некоторых такая возможность обходит вообще. Вам она представилась вчерашней ночью, и вы действовали отлично. По всей справедливости, я должен был бы сейчас составить ходатайство о награждении вас военным крестом. Вместо этого все мы оказались в

весьма затруднительном положении. Я прямо ума не приложу, что дернуло нас вчера вечером поступить таким образом. Мы ведь даже не в состоянии держать это дело в секрете. Если бы об этом знал только батальон, мы могли бы попытаться кое-что предпринять, но теперь ведь на всем судне только и разговору, что об этом. Попробуй-ка предприми что-нибудь в таких условиях. Если бы бригадир не был ранен, мы еще смогли бы как-нибудь оправдать вас. Не в меру, дескать, старательный молодой офицер... Пожурить его, да и дело с концом. Но коль скоро он ранен, придется посылать донесение по медицинской линии и назначать расследование. Такие вещи в его возрасте просто не могут оставаться незамеченными. Если бы я имел хоть малейшее представление о замысле бригадира, то наверняка отказался бы от сотрудничества с ним. По крайней мере, сейчас я совершенно уверен, что должен был отказаться. Да и для капитана все это может обернуться не очень-то хорошо. А что касается вас, дело совсем никуда не годится. Разумеется, вы выполняли приказ старших. С формальной точки зрения вы невиновны. Однако все это дело ляжет на вас темным пятном. Теперь всю жизнь при первом упоминании вашего имени всегда найдется человек, который наверняка спросит: «А не тот ли это парень, который подмочил свою репутацию в Дакаре в сороковом году?» Впрочем, по-моему, это еще полбеды. Дело не только в этом. Вас ведь наверняка исключат из алебардистов, и ваше имя уже не появится в их списке, так ведь? Ну что ж, ничего не сделаешь, берите голову и пойдете к бригу.

Ритчи-Хук лежал один в офицерской палате лазарета. Его только что вычищенный до блеска мачете покоился на койке рядом с ним.

– Удар был не блестящим, – сказал бригадир. – Этот дурацкий негр увидел меня первым, поэтому мне пришлось швырнуть в него гранату, и уж только после этого я отыскал его голову и аккуратно срезал ее. Ну так что, Краучбек, как вам понравилось иметь в своем подчинении бригадира?

– Он оказался весьма непослушным, сэр.

– Стычка была пустяковой, но для первого раза вы действовали совсем не плохо. Мне правильно слышалось, что в какой-то момент операции вы угрожали мне военным трибуналом?

– Так точно, сэр, угрожал.

– Никогда не делайте этого, Краучбек, особенно на поле боя, за исключением случаев, когда у вас есть под рукой конвоир для сопровождения арестованного. Я знавал одного молодого перспективного офицера, которого застрелили из винтовки «ли-энфильда» за то, что он угрожал на поле боя. А где мой кокос? – Гай вручил бригадиру завернутую в материю голову. – Он прямо-таки красавец, правда? Посмотрите-ка на его большие зубы. Лучших мне не доводилось видеть. Черта с два я отдам его командующему оперативным соединением. Я высушу и заспиртую его; по крайней мере, будет на что посмотреть, пока я лежу на койке.

Когда они вышли из лазарета, Гай спросил:

– А он знает, подполковник, все то, о чем вы мне говорили? О том, что он попал в неприятную историю?

– Конечно, знает. Он выпутывался из стольких неприятных историй, что в этом отношении с ним не может сравниться никто.

– Значит, вы считаете, что для него и на этот раз все кончится благополучно?

Подполковник Тиккеридж ответил печально и серьезно:

– Он ведет себя очень неразумно. Можно быть *enfant terrible* или важной фигурой в стране, которую никто не осмелится тронуть. Бриг не является ни тем; ни другим. Это для него конец. По крайней мере, он так считает, а уж он-то должен знать.

Конвой прошел вдоль побережья и начал редеть. Сначала от него отделилось одно судно, потом второе, третье... Военные корабли ушли в новые районы рандеву – все, кроме поврежденных, которые с трудом доплелись до сухих доков в Саймонстауне и встали на ремонт. Силы Свободной Франции вместе с верной им маленькой «Белгрейвией» продолжали выполнять задачу по освобождению порабощенных в каком-то другом пункте. Два судна, на которых находилась бригада алебардистов, подошли к причалам в одном из африканских портов. От вопросов к Гаю после той памятной ночи в Дакаре каждого удерживала редко встречающаяся деликатность. О происшедшем и о том, что не все прошло гладко, в той или иной мере знал почти каждый, но уточняющих вопросов никто не задавал, не желая прослыть любопытным. По словам сержанта из роты Гая, так

обстояло дело и в сержантской столовой, и в помещениях для рядовых. Бригадир отправили на берег и поместили в госпиталь. Бригада снова приступила к выполнению своей исконной обязанности – находиться в готовности к получению приказов.

Тремя неделями позднее бригада все еще находилась в готовности к получению приказов; Суда ушли в море, а алебардистов перевели в лагерь на берегу. Модная тактика рассредоточения до Западной Африки еще не дошла. Палатки были разбиты аккуратными рядами на песчаном берегу в пяти милях от города и в нескольких ярдах от береговой черты. Специалист по тропическим болезням улетел, и введенными им строгими, изрядно надоевшими мерами гигиенической предосторожности стали открыто пренебрегать. Для отдыха и спортивных занятий офицерам разрешили предоставлять кратковременные отпуска во внутренние районы страны. Эпторп воспользовался таким отпуском одним из первых. В город не разрешалось увольнять никого. Впрочем, туда никто и не хотел ехать.

Радиопередачи из Англии были полны сообщений о воздушных налетах. Некоторые алебардисты воспринимали эти сообщения с тревогой; большинство же утешалось слухом – совершенно необоснованным, непонятно каким путем облетевшим весь мир, – что вторжение в Англию было предпринято и было отражено и что весь Ла-Манш теперь покрыт обуглившимися трупами немецких солдат. Алебардисты занимались строевой подготовкой, маршировали, купались, сооружали стрельбище и не имели ни малейшего представления о том, что ждет их в будущем. Некоторые считали, что они проведут здесь всю остальную часть войны в постоянной готовности, непрерывно укрепляя свой моральный дух, проводя стрельбы на новом полигоне; другие говорили, что их отправят в Ливию вокруг мыса Доброй Надежды; третьи предполагали, что им предстоит предотвратить захват немцами Азорских островов.

Затем, по прошествии трех недель, к ним прибыл самолет, доставивший почту. Большая ее часть была послана еще до того, как алебардисты вышли из Англии; но среди других был и недавно отправленный мешок с официальными служебными пакетами. Ленард все еще числился в составе второго батальона и находился в ожидании приказа о переводе. С этой почтой пришло сообщение, что Ленард погиб. Его убило взрывом бомбы, когда он был в отпуске, в южной

части Лондона. С этой же почтой пришло распоряжение об откомандировании Гая. В распоряжении сообщалось, что Гай должен явиться для расследования его действий на участке «А» в районе Дакара, которое будет проведено в Англии сразу же после того, как туда сможет прибыть Ритчи-Хук.

На этом самолете прибыл также новый бригадир. В день прибытия он пригласил Гая к себе. Это был моложавый, несколько полноватый, усатый и добродушный человек, который явно чувствовал себя в данной ситуации неловко. Гай никогда раньше не видел этого человека, но легко распознал в нем алебардиста, даже не посмотрев на его пуговицы.

– Вы капитан Краучбек?

– Нет, лейтенант, сэр.

– Да? Но у меня вы числитесь капитаном. Надо будет разобраться в этом. Возможно, что приказ о повышении вас в чине пришел уже после того, как вы отбыли из Англии. Впрочем, теперь это не имеет значения. Чин, разумеется, был временным, пока вы командовали ротой. Боюсь, что на какое-то время вам придется оставить вашу роту.

– Означает ли это, что я под арестом, сэр?

– Нет, нет, что вы. По крайней мере, не совсем под арестом. То есть я хочу сказать, что речь пока идет о расследовании, а не о военном трибунале. Командующий оперативным соединением поднял слишком большой шум вокруг этого события. Я не думаю, что дело дойдет до военного трибунала. У моряков тоже слишком строгий подход, но они обо всем судят по-своему. По моему личному убеждению, вы невиновны, между нами говоря, конечно. Насколько я понимаю, вы просто выполняли приказ. Временно вы останетесь в качестве строевого офицера при моем штабе. Мы отправим вас всех, как только Бен – я имею в виду вашего бригадира – будет в состоянии отправиться в путь. Я попытаюсь отправить вас всех на гидросамолете. А пока будьте где-нибудь здесь поблизости.

Гай слонялся поблизости. Он, оказывается, побывал в чине капитана, но теперь снова стал лейтенантом.

– Но ведь это означает шесть или семь фунтов прибавки в денежном содержании, – сказал Гаю помощник начальника штаба бригады по тылу. – Приказ о надбавке не должен был задержаться так

долго. Впрочем, я могу рискнуть и выплатить вам ее, если вы нуждаетесь.

– Большое спасибо, – поблагодарил его Гай. – Я, пожалуй, обойдусь.

– Разумеется. Да и тратить-то деньги здесь не на что. Будьте спокойны: где-нибудь и когда-нибудь вы их обязательно получите. Денежное содержание на военной службе следует за вами так же неотступно, как подоходный налог.

В батальоне уже хотели снять Гая с пищевого довольствия, но Тиккеридж не разрешил.

– Вы вернетесь к нам через день или два, – сказал он.

– По-вашему, я в самом деле вернусь? – спросил Гай, когда они остались одни.

– Пари держать я, разумеется, не стал бы.

За это время между тем поступило несколько тревожных сообщений от Эпторпа и о нем.

Сообщения оттуда, где находился Эпторп, передавались по телефону устами нескольких местных полуграмотных телефонистов. В первом сообщении говорилось: «Капитан Эпторп они очень сожалеют нездоровы, просит продлить отпуск».

Через два дня поступило очень длинное и совершенно непонятное сообщение в адрес начальника медицинской части с требованием многочисленных лекарств. После этого поступила просьба немедленно выслать туда, где находился Эпторп, специалиста по тропическим болезням (который незадолго до этого улетел). Потом некоторое время ничего не поступало. Наконец за день или два до прибытия почты появился сам Эпторп.

Его принесли два носильщика на растянутой, как гамак, простыне; вся эта процессия напоминала иллюстрацию в книге о путешественниках викторианской эпохи. Носильщики положили его на площадку у входа в госпиталь и сразу же начали громко шуметь на языке менде по поводу вознаграждения; Эпторп отвечал им слабым голосом на языке суахили. Когда его вносили в госпиталь, он протестующе бормотал:

– Они отлично понимают. Просто притворяются, что не понимают. Это их смешанный язык.

Доставившие Эпторпа молодые парни, как хищники, появлялись в лагере день за днем, много спорили о своем вознаграждении и восхищались протекавшей у них на глазах роскошной жизнью людей из метрополии.

В бригадной столовой все относились к Гаю с особой предупредительностью, даже Данн, который искренне радовался тому, что находится рядом с человеком, оказавшимся в более позорном положении, чем он сам.

– Скажите, пожалуйста, «дядюшка», это правда, что вы сошли с ума и по собственной инициативе завязали бой?

– Мне не разрешено рассказывать об этом. Дело находится на рассмотрении суда.

– Так же, как и то дело о ботинке. А вы слышали последнюю новость? Этот псих Эпторп укрылся в госпитале. Бьюсь об заклад, что он прикидывается.

– По-моему, нет. Он выглядел очень нездоровым, когда вернулся из отпуска.

– Но он же привычен к здешнему климату. Так или иначе, но мы поймем его в ловушку, когда он выйдет из госпиталя. Если бы спросили меня, то я, не сомневаясь, ответил бы, что он попал куда в большую беду, чем вы.

Этот разговор об Эпторпе вызвал у Гая воспоминания о первых днях, проведенных вместе с ним в алебардийском казарменном городке. Он попросил разрешения у начальника штаба бригады посетить больного Эпторпа.

– Возьмите машину, «дядюшка». – Все продолжали быть весьма предупредительными с Гаем. – Захватите бутылку виски. Я договорюсь с председателем клуба-столовой.

В этом городе офицеру полагалось по одной бутылке в месяц.

– А правильно ли это будет – нести виски в госпиталь?

– Очень даже неправильно, «дядюшка». Вы, конечно, рискуете. Но так поступают все. Если вы собираетесь навестить своего друга в госпитале и у вас в кармане нет для него бутылки виски, то туда вообще не стоит ходить. Однако не вздумайте ссылаться на мои слова. Если вас уличат, отвечайте сами.

Гай ехал по латеритной дороге мимо сирийских складов и хищников, не замечая ничего, кроме слонявшихся без дела и

загораживавших ему дорогу местных жителей; позднее несколько печатных страниц воспроизведут ему сцену, и он запомнит ее на всю жизнь. Люди через восемь лет скажут ему: «Вы были там во время войны. Как там было, вот так?» И он ответит: «Да, *должно* быть, так».

Потом он выехал из города и поехал по поднимающейся в гору дороге к большому белесому госпиталю, где не было ни радио, которое усиливало бы страдания больных, ни шума, ни суматохи; электрические вентиляторы нагнетали и вытягивали воздух, окна были закрыты и зашторены, дабы воспрепятствовать проникновению солнечной жары.

Эпторп лежал в палате один на койке у окна. Когда Гай вошел, Эпторп не двигался, уставившись на штору и вытянув руки вдоль покрывала. Увидев Гая, он быстро набил трубку и закурил.

– Пришел узнать, Эпторп, как у тебя дела.

– Отвратительно, старина, отвратительно.

– А тебя, кажется, не очень-то обременяют здесь каким-нибудь лечением.

– Они просто не представляют себе, насколько я болен. Мне то и дело приносят и заставляют складывать картинки-головоломки и книжечки Йэна Хейя. Жена начальника отделения – глубоко бездарная женщина – предложила выучить меня вышивать тамбуром. Я прошу тебя, старина... Просто умоляю тебя...

Гай достал из кармана бутылку виски:

– Я вот принес тебе бутылочку виски, Эпторп.

– Это очень кстати. Я приму это от тебя с удовольствием. С большим удовольствием. Здесь нам дают по маленькой мензурке с заходом солнца. Но этого совершенно недостаточно. Часто хочется выпить побольше. Я сказал им об этом в довольно сильных выражениях, но они только посмеялись. Они лечат меня совсем неправильно с самого начала. Я разбираюсь в болезнях и в медицине больше, чем любой из здешних молодых идиотов. Просто удивительно, что я еще жив до сих пор. Необыкновенная выносливость. Чтобы прикончить такого закаленного человека, как я, нужно время. Но они таки добьются своего. Одного они довели здесь до смерти. Сначала они выматывают все силы, убивают желание жить, а потом трах – и конец. Ты просто обречен здесь. Я был свидетелем десятка таких случаев.

– Куда мне поставить бутылку?

– Куда-нибудь поближе, чтобы можно было достать. На койке она чертовски нагреется, но я думаю, это все-таки лучшее место.

– А если в тумбочку?

– Они то и дело заглядывают в нее. А вот перестилать постель они явно ленятся. Одернут покрывало перед обходом врача, вот и все. Засунь ее под простыню, там никто не увидит.

Кровать была застлана только простыней и хлопчатобумажным покрывалом. Засовывая бутылку под простыню, Гай увидел не прикрытые «дельфинами» большие ноги Эпторпа с облупившейся от высокой температуры кожей.

Гай попытался заинтересовать Эпторпа рассказом о новом бригадире и о своем весьма неопределенном положении, но Эпторп лишь раздраженно проговорил:

– Да, да. Все это теперь для меня другой мир, старина.

Эпторп сделал пубокую затяжку из трубки, выдохнул дым, попытался ослабевшей рукой положить трубку на стоявший рядом с койкой столик и с шумом уронил ее на голый пол. Гай наклонился, чтобы поднять ее, но Эпторп торопливо сказал:

– Оставь ее там, старина. Она не нужна мне. Я закурил ее просто для компании.

Переведя взгляд на Эпторпа, Гай увидел на его бледных щеках слезы.

– Может быть, мне лучше уйти, Эпторп?

– Нет, нет. Ничего, через минутку это пройдет. А ты принес штопор? Ты молодец, Краучбек. Мне кажется, что не вредно будет пропустить рюмочку.

Гай откупорил бутылку, налил мензурку, заткнул бутылку пробкой и снова положил ее под простыню.

– Ополосни, пожалуйста, мензурку, старина. Я надеялся, что ты придешь. Именно ты, а не кто-нибудь еще. Меня беспокоит одно дело.

– Уж не ботинок ли связистов?

– Нет, нет, нет, нет. Неужели ты думаешь, что я позволю себе беспокоиться из-за такого мелкого ничтожества, как Данн? Нет-нет, тут нечто такое, что касается моей совести.

Настала пауза, в течение которой виски, видимо, совершало свое плодотворное воздействие на Эпторпа. Он закрыл глаза и улыбнулся.

Через некоторое время глаза его открылись, он посмотрел на Гая и сказал:

– Алло, Краучбек, ты здесь еще? Очень хорошо. Я хочу сказать тебе кое-что. Ты помнишь, как много времени назад, когда мы поступили на военную службу, я говорил тебе о своей тетке?

– Ты упоминал о двух тетках.

– *Совершенно верно.* Об этом-то я и хотел сказать тебе. У меня только одна тетка...

В последнее время Гаю пришлось от многих слышать о погибших во время бомбардировок родственниках.

– Во время воздушного налета? – спросил он. – Ленарду тоже не повезло, он...

– Нет, нет, нет. Я хочу сказать, что у меня всегда была только одна тетка. Другую я просто придумал. Можешь рассматривать это как безобидную шутку с моей стороны. Так или иначе, но я говорил тебе о тетках.

После небольшой паузы Гай с интересом спросил:

– Какую же ты придумал, Эпторп, ту, которая жила в Питерборо, или ту, которая жила в Танбридж-Уэлсе?

– Ту, которая жила в Питерборо, конечно.

– Но где же ты тогда ушиб свое колено?

– В Танбридж-Уэлсе. – Эпторп слабо хихикнул, вспомнив свою хитрую проделку.

– Тебе отлично удалось ввести меня в заблуждение.

– Да. Это была хорошая шутка, правда? Послушай, я думаю, мне не повредит еще немного виски.

– А ты уверен, что не повредит?

– Э-э, дорогой мой, я точно так же болел и раньше и вылечивался не чем иным, как виски.

Выпив еще одну мензурку, Эпторп удовлетворенно вздохнул. Он действительно выглядел теперь намного лучше и здоровее.

– Есть еще одно дело, о котором я хочу поговорить с тобой. Это мое завещание.

– Тебе вовсе нет нужды думать о завещании в течение еще многих лет.

– А я думаю о нем *сейчас*. Все время думаю. Я располагаю немногим. Всего несколько тысяч в государственных ценных бумагах,

которые завещал мне отец. Все это я, разумеется, оставляю своей тетке. В конечном итоге эти деньги принадлежали нашей семье, и их следует оставить семье. Той, которая живет в Танбридж-Уэлсе, а не той, – Эпторп шаловливо улыбнулся, – которая живет в Питерборо. Но дело не в этом. Есть еще одна вещь.

«А может быть, у этого загадочного человека есть какая-нибудь тайна? – подумал Гай. – Незаконное дело или маленькие смуглые эпторпчики?»

– Послушай, Эпторп, – сказал ему Гай, – пожалуйста, не говори мне ничего о своих личных делах. Позднее ты будешь очень неудобно чувствовать себя из-за этого. Пройдет неделька, другая, и ты будешь совершенно здоров.

Некоторое время Эпторп размышлял.

– Я выносив, – согласился он. – На меня не очень-то подействуешь чем-нибудь. Но, в конце концов, все зависит от желания жить. Мне надо привести все в порядок просто на тот случай, если они доведут меня до предела. Это беспокоит меня больше всего.

– Хорошо, Эпторп. Что же именно тебя беспокоит?

– Мои вещи, – сказал Эпторп. – Я не хочу, чтобы они попали к тетке. Некоторые из них находятся у командора яхт-клуба в Саутсанде. Остальные – в Корнуолле, там, где был наш последний лагерь. Я оставил их на попечении Ленарда. Я всегда считал, что ему можно доверять.

Гай задумался: следует ли ему сказать о судьбе Ленарда откровенно? Лучше отложить это на более позднее время. Ленард, наверное, оставил сокровища Эпторпа в гостинице, когда уезжал в Лондон. Разыскать их, в конце концов, будет не так уж трудно. Забивать голову Эпторпу новыми проблемами сейчас не время.

– Если эти вещи попадут к тетке, я точно знаю, как она поступит с ними. Она передаст все без исключения бойскаутам какой-нибудь ортодоксальной англиканской церкви. А я не хочу, чтобы мои вещи были безжалостно исковерканы бойскаутами.

– Конечно. Это было бы просто издевательством над вещами.

– Вот именно. Ты помнишь Чатти Корнера?

– Очень хорошо помню.

– Я хочу, чтобы мои вещи попали к нему. Но я не упомянул об этом в завещании. Я подумал, что это могло бы ранить чувства тетки.

Не думаю, что она может узнать о существовании этих вещей. Так вот, я хочу, чтобы ты собрал эти вещи и без шума передал их Чатти. Может быть, это и не вполне законно, но, по-моему, совершенно безопасно. Даже в том случае, если тетка услышит что-нибудь о вещах, она не из тех, кто обратился бы в подобной обстановке к блюстителям закона. Пожалуйста, сделай это для меня, старина.

– Хорошо. Я попробую.

– В таком случае я могу умереть счастливым. По крайней мере, если кто-нибудь когда-нибудь умирал счастливым. Как ты думаешь, умирал кто-нибудь счастливым?

– В школе мы довольно часто молились за это. Но, ради бога, не начинай, пожалуйста, думать о смерти прямо вот *сейчас*.

– Я сейчас намного ближе к смерти, чем ты в любое время, когда был в школе, – сказал Эпторп неожиданно раздраженным тоном.

Раздался стук в дверь, и в палату вошла сестра с подносом.

– О, оказывается, здесь посетитель! Вы – первый посетитель к нему. Должна сказать, вы, кажется, развеселили нашего больного. А то ведь мы здесь совсем соскучились, правда? – обратилась она к Эпторпу.

– Вот видишь, старина, они доводят меня до ручки. Спасибо, что приехал. Всего хорошего.

– Я чувствую в палате запах, которого не должно быть, – сказала сестра.

– Всего капля виски, сестра. Случайно оказалось в моей фляге, – поспешил успокоить ее Гай.

– Да, но смотрите, как бы об этом не узнал доктор. Это *очень* плохо. По правилам я должна немедленно доложить об этом начальнику медицинской части.

– А доктор здесь сейчас? – спросил Гай. – Мне хотелось бы поговорить с ним.

– Вторая дверь налево. Но я на вашем месте не пошла бы к нему. У него отвратительнейшее настроение.

Однако Гай пошел. Его встретил довольно нелепо выглядевший, утомленный человек примерно того же возраста, что и Гай.

– Эпторп? О, да. Вы из той же части? Понятно. «Яблочники», да?

– У Эпторпа в самом деле дела неважные, доктор?

– Разумеется. Мы не держали бы его здесь, если бы это было не так.

– Он слишком много говорит о смерти, доктор.

– Я знаю. Он и мне всегда говорит об этом, если не находится в бредовом состоянии. Кроме того, он, кажется, всегда опасается взрыва какой-то бомбы позади себя. Вы не знаете, ему никогда не приходилось испытать в жизни что-нибудь подобное?

– Пожалуй, приходилось.

– Вот видите, значит, причина есть. Человек с причудами. Угнетенное мышление. Все как будто проходит, скрывается, а потом вдруг снова и снова обнаруживается. Впрочем, мне не следует вдаваться в специфику. Ум человека – это моя специальность и мое хобби, если хотите.

– Скажите, доктор, он относится к опасно больным?

– Нет, я не включаю его в этот список. Зачем вызывать ненужную тревогу и упадок духа? Заболевание, которым страдает Эпторп, часто длится много недель, и как раз в тот момент, когда вы считаете, что вам удалось справиться с ним, оно совершенно неожиданно вдруг проявляется вновь. Эпторп оказался в невыгодном положении, поскольку жил в этой ужасной стране. Вы, только что приехавшие сюда из Англии, обладаете сопротивляемостью. А кровь у людей, которые жили здесь, полна всякого рода инфекционных бактерий. К тому же, конечно, они еще и отравляют себя алкоголем. Прикладываются к бутылке, словно грудные дети. Тем не менее мы стараемся сделать для Эпторпа все возможное. Госпиталь, к счастью, не переполнен, поэтому все уделяют ему вполне достаточно внимания.

– Большое спасибо, сэр.

Доктор – офицер медицинской службы сухопутных войск – имел чин полковника, но, за исключением сотрудников госпиталя, его редко кто величал «сэр».

– Рюмочку виски? – вежливо предложил он Гаю.

– О нет, благодарю, мне надо ехать.

– Заезжайте к нам в любое время.

– Кстати, сэр, а как дела у нашего бригадира Ритчи-Хука?

– Он будет выписан со дня на день. Говоря между нами, бригадир – довольно трудный больной. Заставил одного моего молодого

офицера заспиртовать голову негра. Совершенно необычное дело.

– Ну и как, удалось заспиртовать?

– Полагаю, что удалось. Во всяком случае, он держит ее рядом с койкой и никак не посмотрится на нее.

На следующее утро на рассвете во Фритаун прилетел гидросамолет.

– Это за вами, – сказал подполковник Тиккеридж. – Говорят, что бриг завтра уже сможет лететь.

В то же утро поступили и другие важные новости, главная из них – Эпторп находится в бессознательном состоянии.

– По мнению эскулапов, он, видимо, уже не придет в сознание, – сообщил подполковник Тиккеридж. – Бедный дядюшка. Бывает, однако, люди умирают в еще более плохом состоянии, к тому же он не женат и не имеет детей или других близких.

– Да, у него только тетка.

– По-моему, он как-то говорил мне, что две тетки.

Гай не стал поправлять Тиккериджа. Все в штабе бригады хорошо знали и помнили Эпторпа. Он был там объектом шуток и острот. В столовой все были в унылом настроении, скорее, пожалуй, не от потери Эпторпа, а от мысли, что смерть так близка и так неожиданна.

– Похороны устроим со всеми воинскими почестями.

– Да, ему нравился этот ритуал.

– Хорошая возможность показать в городе наш флаг.

Данн волновался по поводу своего ботинка.

– Я не представляю, как же теперь возместить убыток, – сказал он. – Обращаться к его родственникам с этим делом как-то не очень удобно.

– А сколько стоит ботинок?

– Девять шиллингов.

– Я заплачу.

– Должен сказать, это очень человечный поступок с вашей стороны, «дядюшка». Я смогу таким образом избавиться от дефицита в моих финансовых делах.

Новый бригадир утром поехал в госпиталь, чтобы сообщить Ритчи-Хуку о неизбежности его отъезда. Он возвратился ко второму завтраку.

– Эпторп умер, – сообщил он немногословно. – После завтрака я хотел бы поговорить с вами, Краучбек.

Гай предполагал, что вызов связан с приказом об откомандировании, и поэтому пошел к нему без какой-нибудь тревоги. В палатке находились бригадир и начальник оперативно-разведывательного отделения штаба бригады; один сердито посмотрел на Гая, а другой уставился взглядом в стол.

– Вы слышали, что Эпторп умер?

– Так точно, сэр.

– На его койке нашли пустую бутылку из-под виски. Это говорит вам о чем-нибудь?

Гай стоял молча, скорее ошеломленный, чем пристыженный.

– Я спрашиваю, говорит ли это вам о чем-нибудь?

– Так точно, сэр. Вчера я свез ему бутылку виски.

– Вы знали, что это запрещено?

– Так точно, сэр, знал.

– Какие-либо оправдания имеете?

– Никаких, сэр, за исключением того, что я знал, что ему это будет приятно, и, разумеется, совершенно не предполагал, что виски может повредить ему в той или иной мере. Я не предполагал также и того, что он выпьет сразу всю бутылку.

– Он был в полубредовом состоянии. Сколько вам лет, Краучбек?

– Тридцать шесть, сэр.

– Так и есть! Значит, надеяться не на что. Если бы вы были молодым двадцатиоднолетним идиотом, тогда я мог бы понять, почему вы совершили это. Черт вас возьми, вы ведь только на год или на два моложе меня, Краучбек!

Гай по-прежнему стоял молча. Его интересовало, что же бригадир предпримет дальше.

– Начальник медицинской части госпиталя знает обо всем, что произошло. Полагаю, что и большей части персонала это все тоже известно. Представляете себе положение начальника медицинской части госпиталя? Я потратил несколько часов на то, чтобы убедить его действовать благоразумно. Мне удалось вызволить вас из беды, но, пожалуйста, поймите, я сделал это только в интересах корпуса алебардистов. Вы совершили слишком серьезное преступление, чтобы я мог наказать вас в дисциплинарном порядке. Я оказался перед

альтернативой: или замять и скрыть это дело, или отдать вас под суд военного трибунала. Меня лично ничто не удовлетворило бы больше, чем позорное отчисление вас из армии вообще. Но на нас и так уже висит одно неприятное дело, в котором случайно замешаны и вы. Я убедил начальника медицинской части, что неопровержимых доказательств вашей виновности не существует. Вы действительно были единственным посетителем Эпторпа, но ведь существуют еще денщики и местные работники в госпитале и за его пределами, сказал я им, которые могли продать Эпторпу это снадобье. – Бригадир говорил так, будто виски, которое он регулярно, но умеренно пьет сам, представляло собой некий ядовитый самогон, изготовленный Гаем. – Ничего нет хуже, чем передавать в военный трибунал недостаточно обоснованное дело. Я также сказал начальнику медицинской части о большом темном пятне, которое наверняка легло бы на имя бедного Эпторпа. Вся эта история неизбежно получила бы широкую огласку. Я убедил его, что Эпторп, в сущности, был алкоголиком и что у него есть две тетки, которые боготворят его. Услышать правду о нем было бы для них слишком прискорбно. В конце концов мне удалось склонить его на свою сторону. Но не благодарите меня за это, Краучбек, и знайте, я никогда больше не хотел бы вас видеть. Я позабочусь о том, чтобы вас немедленно отчислили из бригады сразу же после того, как разберутся в вашем деле там, в Англии. Единственное утешение для меня во всем этом деле состоит в том, что вы, как я полагаю, глубоко стыдитесь самого себя. А теперь можете идти.

Гай вышел из палатки, не испытывая стыда. Он чувствовал себя потрясенным, как будто только что был сторонним свидетелем дорожного несчастного случая. Его пальцы дрожали, но причиной этому были нервы, а не угрызения совести; чувство стыда было хорошо знакомо ему; это же дрожание, это беспомощное чувство несчастья было чем-то другим, чем-то таким, что должно пройти и не оставить никакого следа.

Он остановился в прихожей, потный, ошеломленный, неподвижный. Через несколько секунд Гай почувствовал, как сзади к нему кто-то подошел.

– По-моему, вы сейчас свободны, «дядюшка»?

Гай повернулся и увидел Данна.

– Да, свободен.

– В таком случае вы, видимо, не рассердитесь, если я вам напомню? Сегодня утром вы любезно согласились утрясти это дело с ботинком.

– Да, да, конечно. Я сделаю даже больше этого, Данн, я дам вам кокос. Он находится у Гласса.

Данн посмотрел на него озадаченно.

– По-моему, недостатка в кокосах здесь не ощущается, – сказал он. – Эпторп должен мне девять шиллингов.

– Но это особый кокос. Это боевой трофеей, к которому у меня пропал всякий интерес. А что касается ботинка, у меня сейчас нет мелочи. Напомните мне об этом завтра утром.

– Но завтра вас здесь не будет, разве не так?

– Это верно. Я просто забыл.

Руки Гая, когда он вынул их из карманов, дрожали меньше, чем он предполагал. Он отсчитал девять шиллингов.

– Я напишу расписку на имя Эпторпа, если это не имеет для вас значения.

– Расписки мне не надо.

– Мне нужно, чтобы у меня не было никакого расхождения в финансовых записях.

Данн ушел сделать соответствующую запись. Гай по-прежнему стоял неподвижно. Вскоре к нему присоединился вышедший от бригадира начальник штаба.

– «Дядюшка», я очень сожалею, что все так получилось.

– Это было чертовски глупо – нести ему виски. Теперь-то я отлично понимаю это.

– Но я же предупредил вас, что вы делаете это под свою ответственность.

– Да, да, безусловно.

– Я, как вы понимаете, ничего не мог сказать в этой обстановке.

– Конечно, не могли.

Ритчи-Хука привезли из госпиталя раньше, чем Эпторпа. Гаю пришлось ждать его на причале целых полчаса. Прилетел гидросамолет. Кругом сновали шлюпки, с которых торговали фруктами и орехами.

Алебардист Гласс сильно приуныл. Денщик Ритчи-Хука отправлялся со своим патроном в Англию, а Глассу приказали остаться.

На причале появился подполковник Тиккеридж.

– Кажется, я не приношу счастья тем офицерам, которых намечаю для продвижения, – сказал он. – Сначала Ленард, потом Эпторп...

– А теперь и я, сэр.

– Да, теперь и вы, Краучбек.

– Вот они, кажется, едут.

К причалу подъехала машина для перевозки больных, за ней – машина бригадира. Одна нога у Ритчи-Хука была в гипсе и походила на ногу слона. Начальник штаба бригады подхватил его под руку и подвел к краю причала.

– Никакого караула? – удивился Ритчи-Хук. – Доброе утро, Тиккеридж. Доброе утро, Краучбек. Что это все значит? Я слышал, что вы отравили одного из моих офицеров. Эти проклятые сестры вчера только и говорили, что об этом. Ну давайте спускайтесь на катер. Младшие офицеры садятся на катер первыми, а выходят последними.

Гай прыгнул и уселся в таком месте, где он никому не мог помешать. Потом на катер осторожно спустили и Ритчи-Хука. Катер еще не подошел к самолету, а машина бригадира уже сигналила, пробираясь через темную толпу скучающих чернокожих зевак – они было приняли всю эту процессию за похороны.

Гидросамолет был почтовым. Хвостовая часть фюзеляжа была завалена мешками с почтой, на которых очень уютно устроился и спал алебардист-денщик. Гай подумал о невыносимой скуке перлюстрации этих писем. Иногда встречались такие отправители, которые по тем или иным причинам не кончали приходской школы. Такие люди писали слова с дикими фонетическими ошибками, так, как обычно произносили их. Остальные нанизывали одна на другую избитые фразы, которые, по их мнению, как-то передавали испытываемые ими чувства и желания. Старые солдаты писали на конвертах литеры «ЗСП», что должно было означать «запечатано с любящим

поцелуем». Все эти послания выполняли сейчас функцию койки для денщика Ритчи-Хука.

Идя по огромному кругу над зеленой землей, гидросамолет набрал высоту и пролетел над городом. Стало намного холоднее.

От всех этих фальшивых переживаний в течение последних двадцати четырех часов Гаю было жарко. В Англии, где, наверное, уже ощутимы первые признаки зимы, где осенние листья падают одновременно с бомбами, где все сотрясается от взрывов и пожирается огнем пожарищ, где из-под обломков и осколков еженощно вытаскивают полураздетые тела погибших с прижатыми к груди домашними животными, – там все будет выглядеть иначе.

Над могилой неизвестного белого солдата гидросамолет круто повернул и лег на курс через океан, унося на борту двух человек, доведших Эпторпа до смерти.

Могила неизвестного белого солдата. Европейское кладбище удобно расположилось неподалеку от госпиталя. Шесть месяцев непрерывных переездов и передислокаций, непрерывной готовности к получению приказов не повлияли на безукоризненную выправку алебардистов во время медленного похоронного шествия. Второй батальон построился сразу же, как только пришло известие о смерти Эпторпа, и голос батальонного старшины долго гремел под лучами палящего солнца, а солдатские ботинки долго топали по потрескавшейся от жары дороге. В это утро все получилось отлично. Несшие гроб были тщательно подобраны по росту. Горнисты на редкость дружно сыграли сигнал «Повестка». Выстрелы из винтовок прозвучали удивительно синхронно.

И качестве средства показа флага процессия оказалась оцененной не очень высоко. Гражданское население было *aficionados*^[26] похорон. Местным жителям нравилось более непосредственное и более очевидное горе. А что касается парадного строевого марша, то он оказался для них чем-то таким, чего в этой английской колонии никогда не видывали. Покрытый флагом гроб плавно опустили в могилу и засыпали землей. Два алебардиста упали в обморок. Их оставили лежать на земле.

Когда все закончилось, Сарам-Смит, искренне растроганный, сказал:

– Как все равно похороны генерала сэра Джона Мура в Лакорунье.

– Уж не скажешь ли ты еще, что как похороны герцога Веллингтонского в Сент-Поле? – сказал де Сауза.

– Пожалуй, сказал бы.

Подполковник Тиккеридж спросил начальника штаба:

– Следует ли нам собрать деньги для какого-нибудь памятника на могилу или что-нибудь в этом роде?

– Я полагаю, что об этом позаботятся его родственники в Англии.

– Они богаты?

– Да, по-моему, очень богаты. К тому же ортодоксальной англиканской веры. Может быть, они захотят поставить здесь что-нибудь особенное.

– Оба «дядюшки» оставили нас в один и тот же день.

– Смешно, но я только что подумал о том же.

Часть пятая

«Эпторп умиротворенный»

Небо над Лондоном было чудесного оранжево-багрового цвета, словно дюжина тропических солнц одновременно садилась по всему горизонту; сходились и расходились, шаря по небу, лучи прожекторов; то тут, то там возникали и расплывались черные облачка разрывов; время от времени от яркой вспышки на мгновение застывало ровное зарево пожаров. Всюду, как бенгальские огни, сверкали трассирующие снаряды.

– Настоящий Тернер! – восторженно воскликнул Гай Краучбек; ему впервые пришлось наблюдать такое зрелище.

– Скорее Джон Мартин, – заметил Йэн Килбэннок.

– Нет, – твердо возразил Гай. Не хватает еще, чтобы этот бывший журналист поправлял его в вопросах искусства. – Уж никак не Мартин. Линия горизонта слишком низкая. Да и цветовая гамма не такая богатая.

Они стояли в начале Сент-Джеймс-стрит. Невдалеке ярко пылал клуб «Черепаша». От Пиккадилли до дворца, искаженные в свете пожара, карикатурно вырисовывались фасады домов.

– Во всяком случае, здесь слишком шумно для обсуждения высоких материй.

В близлежащих парках гремели орудия. Где-то в направлении вокзала Виктория с грохотом разорвалась серия бомб.

На тротуаре против «Черепашки» группа начинающих писателей в форме пожарников направляла слабую струйку воды в комнату для утреннего отдыха.

В памяти Гая на мгновение возникла страстная суббота в Даунсайде: ранние утренние часы мартовских дней времен отрочества, широко раскрытые двери в незаконченной пристройке аббатства, половина школы кашляет, полощется на ветру белье, пылает жаровня, а священник с кропильницей, как ни странно, благословляет огонь водой.

– Это всегда был неважный клуб, – заметил Йэн. – Мой отец состоял в нем.

Он чиркнул спичкой и прикурил погасшую сигару; тут же, где-то на уровне их колен, раздался возглас: «Погасить огонь!»

– Нелепое требование, – буркнул Йэн.

Они взглянули через ограду и увидели в глубине палисадника каску с буквами «Г.П.О.» – гражданская противовоздушная оборона.

– В укрытие! – скомандовал голос.

Пронзительный свист, казалось, прямо над головой, глухой удар, разбросавший осколки брусчатки у самых ног, огромная белая вспышка к северу от Пиккадилли, сильная взрывная волна – и уцелевшие оконные стекла на верхних этажах разлетелись по улице смертоносными осколками.

– А ты знаешь, пожалуй, он прав, – сказал Йэн. – Давай-ка лучше предоставим это дело гражданским.

Оба офицера проворно взбежали по ступеням «Беллами». Когда они достигли двери, гул моторов стал постепенно замирать и стих; полуночное безмолвие нарушал только треск пламени в «Черепаше».

– Веселенькое зрелище, – сказал Гай.

– Да, тебе это в новинку. А когда такое повторяется каждую ночь, то надоедает. К тому же это довольно опасно, когда по всему городу гоняют пожарные и санитарные машины. Эх, уехать бы в отпуск в Африку! Но разве мой проклятый маршал авиации отпустит? Кажется, он ко мне здорово привязался.

– Ты тут ни при чем. Этого никак нельзя было ожидать.

– Да, никак.

В вестибюле их приветствовал с наигранной радостью ночной швейцар Джоуб. Он уже успел приложиться к бутылке. Его уединенный пост, окруженный зеркальными стеклами, был небезопасным местом. Никто в эти дни не ворчал на него за распушенность. Сегодня он играл, грубо переигрывая, роль театрального дворецкого.

– Добрый вечер, сэр. Позвольте приветствовать вас в Англии в целостности и сохранности. Добрый вечер, милорд. Маршал авиации Бич в бильярдной.

– О господи!

– Я счел нужным информировать вас, милорд.

– Все *совершенно* правильно, Джоуб.

– На улице по канавам текут виски и бренди.

– Враки, Джоуб.
– Так мне сказал полковник Блэкхаус, сэр. Весь запас спиртного «Черепахи», джентльмены, зря течет по улицам.

– Мы что-то не заметили.

– В таком случае, милорд, можете быть уверены, что все вылакали пожарные.

Гай и Йэн прошли в холл.

– Значит, твой маршал авиации все-таки пролез в клуб.

– Да, это была потрясающая история. Выборы происходили во время «битвы за Англию», как ее называют газеты, когда военно-воздушные силы оказались на короткое время чуть ли не в почете.

– Что ж, для тебя это намного хуже, чем для меня.

– Э-э, милый мой, это *кошмар для всех*.

В комнате для игры в карты выбило стекла, и игроки в бридж, держа в руках свои записи, заполнили весь холл. Если не в уличных канавах, то здесь бренди и виски действительно лились рекой.

– Привет, Гай. Давно тебя не видел.

– Я только сегодня вернулся из Африки.

– Неудачно выбрал время, я бы не двинулся с места.

– Я вернулся с подмоченной репутацией.

– В прошлую войну провинившихся ребят, наоборот, *отправляли* в Африку. Что будешь пить?

Гай объяснил, при каких обстоятельствах его отозвали.

Вошли еще несколько членов клуба.

– На улице все тихо.

– Джоуб говорит, что там полно пьяных пожарников.

– Джоуб сам пьян.

– Да, каждый вечер и всю неделю. Но его нельзя винить.

– Два бокала вина, Парсонс.

– Кто-то из слуг иногда должен быть трезвым.

– В бильярдной под столом лежит какой-то тип.

– Кто-нибудь из слуг?

– Нет, какой-то, которого я никогда не видел здесь.

– Виски, пожалуйста, Парсонс.

– Послушайте, надеюсь, нам не придется принимать здесь этих, из «Черепахи».

– Они иногда заходят сюда, когда у них уборка. Тихие ребяташки. Хлопот не доставляют.

– Три виски с содовой, пожалуйста, Парсонс.

– Слышал, в какой переплет Гай попал в Дакаре? Расскажи ему, Гай. Занятная история.

Гай рассказал свою «занятную историю» и повторял ее в тот вечер много раз.

Через некоторое время из бильярдной вышел зять Гая Артур Бокс-Бендер, без пиджака, в сопровождении другого члена парламента, своего страшноватого на вид закадычного друга по фамилии Элдерберри.

– Знаете, что помешало мне забить последний шар?! – воскликнул Элдерберри. – Я на кого-то наступил.

– На кого же?

– Не знаю. Он лежал под столом, и я наступил ему на руку.

– Чудеса! Мертвый?

– Он сказал: «Черт тебя подери».

– Не верю. Парсонс, разве кто-то лежит под бильярдом?

– Да, сэр. Новый член клуба.

– Что он там делает?

– Говорит, что выполняет приказ, сэр.

Два или три игрока в бридж отправились посмотреть на чудака.

– Парсонс, что это все болтают, будто по улицам течет вино?

– Я не выходил на улицу, сэр. Об этом говорят многие члены клуба.

Разведывательная группа вернулась из бильярдной и доложила:

– Совершенно верно. Под столом *действительно* лежит какой-то тип.

– Помню, бедняга Бинки Кэвенаф, бывало, сиживал там.

– Так ведь Бинки был псих.

– Ну и что? Наверное, этот тип тоже псих.

– Привет, Гай! – воскликнул Бокс-Бендер. – А я думал, ты в Африке.

Гай рассказал ему свою историю.

– Какая неприятность, – посочувствовал Бокс-Бендер.

К ним присоединился Томми Блэкхаус.

– Томми, это ты рассказал Джоубу, будто по улицам течет вино?

– Это *он* рассказывал *мне*. Я только что выходил посмотреть. Не видно ни капли.

– А в бильярдной ты был?

– Нет.

– Пойдем посмотрим. Там есть на что поглядеть.

Гай пошел с Томми Блэкхаусом. Бильярдная была полна народу, но никто не играл. В тени под бильярдом виднелась человеческая фигура.

– Как вы себя там чувствуете? – любезно осведомился Томми. – Не хотите ли выпить или еще чего?

– Все в порядке, спасибо. Я просто соблюдаю правила. Во время воздушного налета каждый офицер и солдат, не находящийся при исполнении служебных обязанностей, где бы он ни был, должен пойти в ближайшее и самое безопасное укрытие. Как старший из присутствующих здесь офицеров, я полагал, что обязан подать пример.

– Но ведь всем нам под столом не хватит места, не правда ли?

– Вы могли бы укрыться под лестницей или в подвале.

Теперь обнаружилось, что под столом находится маршал авиации Бич. Томми был профессиональный военный, и его карьера была впереди, поэтому он инстинктивно старался угодить старшим офицерам всех родов войск.

– Полагаю, уже все прошло.

– Я не слышал сигнала «Отбой».

В это время заревела сирена, и коренастая серая фигура с трудом поднялась на ноги.

– Добрый вечер.

– Ба, да ведь это Краучбек? Мы встречались у леди Килбэннок.

Маршал авиации выпрямился и стал отряхивать пыль.

– Мне нужна машина. Позвоните в штаб военно-воздушных сил, Краучбек, и скажите, чтобы ее прислали сюда.

Гай позвонил в колокольчик.

– Парсонс, скажите Джоубу, что маршалу авиации Бичу нужна его машина.

– Слушаюсь, сэр.

В маленьких глазках маршала авиации на какой-то момент появилось подозрение. Он начал что-то говорить, потом передумал,

сказал «Спасибо» и вышел.

– Ты никогда не был особенно учтивым, Гай, не правда ли?

– А что? Разве я обошелся с этим беднягой по-свински?

– Теперь он больше не будет считать тебя другом.

– Думаю, он никогда и не считал.

– Ну, он не такой уж плохой парень. Маршал сейчас выполняет очень много полезной работы.

– Не думаю, что он когда-нибудь окажется полезным мне.

– Война затянется надолго, Гай. Могут понадобиться все друзья, какими успеешь обзавестись, пока она не кончится. Сожалею о твоих неприятностях в Дакаре. Вчера мне довелось посмотреть твоё дело. Не думаю, что последствия будут серьезными. Но в нём есть кое-какие чертовски глупые замечания. Тебе надо постараться, чтобы дело сразу попало в высшую инстанцию, пока к нему не приложили руку слишком много людей.

– Но как это сделать?

– Говори об этом.

– Я и так говорю.

– Продолжай говорить. Везде есть уши.

Помолчав, Гай спросил:

– У Вирджинии все в порядке?

– Насколько я знаю, да. Она выехала из «Клэриджа». Кто-то мне говорил, что Вирджиния вообще уехала куда-то из Лондона. Она не обращала внимания ни на какие бомбежки.

По тону Томми Гай понял, что у Вирджинии, пожалуй, не все благополучно.

– Ты пошел в гору, Томми.

– О, я просто болтаюсь в управлении особо опасных операций. Между прочим, назревает нечто довольно интересное, но я не могу об этом говорить. Через день-два узнаю точно. Возможно, смогу и тебя пристроить. Ты уже являлся в свой полк?

– Собираюсь завтра. Я только сегодня прилетел.

– Ладно, будь осторожен, а то попадешь в переплет за компанию с генералом. Я бы на твоём месте как можно больше околачивался здесь. В наше время именно здесь получают интересную работу. Разумеется, если ты ищешь такую.

– Конечно.

– Тогда не отрывайся.

Они вернулись в холл. После отбоя воздушной тревоги здесь стало свободнее. Маршал авиации Бич, сидя на каминной решетке, разговаривал с обоими членами парламента.

– ...Вы, заднескамеечники, Элдерберри, можете немало сделать, если настроитесь на это. Подталкивайте министерства. Не переставайте нажимать...

Словно в сцене из какого-нибудь фарса, из уборной, где он прятался от своего начальника, осторожно высунулась голова Йэна Килбэннока. Он поспешно втянул голову обратно, но было уже поздно.

– Йэн! Вас-то мне и надо. Поезжайте в штаб, соберите сведения о сегодняшнем деле и позвоните мне домой.

– О воздушном налете, сэр? Я думаю, он кончился. Разбомбили «Черепашу».

– Да нет же. Вы должны знать, о чем я говорю. О том, что мы вчера обсуждали с маршалом авиации Даймом.

– Но я не присутствовал при вашем разговоре, сэр. Вы меня отослали.

– Вы должны постоянно быть в курсе...

Но выговор повис в воздухе. Маршалу не пришлось снять стружку с Йэна, как ему хотелось, потому что в этот момент из вестибюля появилась странно освещенная фигура Джоуба. Влекомый сугубо личными переживаниями какой-то драмы, он прихватил из кафетерия серебряный канделябр на шесть свечей и держал его в поднятой руке крепко, но криво, так что воск со всех шести свечей капал на его ливрею. В холле воцарилась тишина, все как зачарованные глазели на фантастическую фигуру, приближавшуюся к маршалу авиации. Не доходя одного шага, он отвесил глубокий поклон; при этом воск пролился перед ним на ковер.

Сэр, – торжественно произнес он, – ваша карета подана. – Потом повернулся и, двигаясь с уверенностью лунатика, скрылся за дверью, из которой пришел.

Еще с минуту длилось молчание. Потом раздался голос маршала авиации.

– В самом деле, – начал он, – этот человек...

Его залушил взрыв смеха. Элдерберри был по натуре серьезным человеком, но, если при нем происходило что-нибудь действительно смешное, он приходил в бурный восторг. Он был зол на маршала авиации Бича с того момента, как упустил легкий шар, наступив ему на руку. Элдерберри фыркнул, задыхаясь от смеха:

– Ай да Джоуб! Ай да старина!

– Один из его лучших номеров.

– Слава богу, что я задержался, а то бы не увидел.

– Что стало бы с «Беллами» без него?

– По этому случаю надо выпить. Парсонс, налейте всем.

Маршал авиации переводил взгляд с одного веселого лица на другое. Даже Бокс-Бендер развеселился. Громче всех хохотал Йэн Килбэннок. Маршал авиации встал.

– Могу подбросить, кому по пути.

Но никому не было с ним по пути.

Когда двери, которые в течение двух столетий принимали вельмож и карточных шулеров, дуэлянтов и государственных деятелей, закрылись за маршалом авиации Бичем, он подумал – не в первый раз за свое короткое членство – что «Беллами», пожалуй, не так уж хорош, как его расхваливают.

Он опустился на мягкое сиденье автомобиля. Снова завывли сирены, оповещая о воздушной тревоге.

– Домой, – приказал он. – Пожалуй, успеем проскочить.

Когда Гай добрался до своего отеля, опять начали падать бомбы, но на этот раз далеко: где-то на востоке, в районе доков. Он спал беспокойно, и когда наконец его разбудил сигнал отбоя воздушной тревоги, восходящее солнце спорило в небе с угасающими отблесками пожаров.

Утром ему надлежало явиться в казарменный городок алебардистов, и он отправился туда в такой же неуверенности, как в первый день своего вступления в армию.

Поезда с вокзала Чэринг-Кросс отправлялись почти по расписанию. Свободных мест не было. Он поставил саквояж и чемодан поперек коридора, устроив себе и сиденье, и оборонительное сооружение.

В большинстве вагонов сидели военнослужащие с эмблемой алебардистов, направлявшиеся в казарменный городок. На станции солдаты забросили вещевые мешки и забрались в кузов ожидавшего их грузовика. Группа молодых офицеров втиснулась в два такси. Гай сел в третье один. Когда он проезжал мимо караульного помещения, у него возникло мимолетное неясное впечатление чего-то странного в облике часового. Он проехал к офицерскому собранию. Там никого не было видно. Передние такси исчезли в направлении нового здания. Гай оставил багаж в вестибюле и пошел по плацу к штабу. Навстречу маршировало отделение солдат с ведрами; их лица, словно по мановению руки Цирцеи, превратились из человеческих в чуть ли не звериные. Сдавленный голос скомандовал: «Равнение направо!»

Десять свиных рыл, похожих на создания Иеронима Босха, повернулись к нему. Растерянный, Гай автоматически крикнул: «Вольно, капрал!»

Он вошел в кабинет начальника штаба, встал по стойке «смирно» и отдал честь. Из-за стола в его сторону поднялись две безобразные морды из брезента, резины и талька. Словно из-под толстого слоя одеял, донесся голос:

– Где ваш противогаз?

– С остальными вещами, сэр, в офицерском собрании.

– Пойдите и наденьте.

Гай отдал честь, повернулся кругом и вышел. Он надел противогаз, поправил фуражку перед зеркалом, которое всего лишь год назад так часто отражало парадную фуражку, высокий синий воротник и лицо, полное надежды и целеустремленности. Посмотрев несколько секунд на тупое рыло, он вернулся к начальнику штаба. На плацу была построена рота: нормальные, розовые молодые лица. В кабинете сидели начальник штаба и старшина с открытыми лицами.

– Снимите эту штуку, – сказал начальник штаба. – Уже больше одиннадцати.

Гай снял противогаз и повесил его, как положено, на грудь для просушки.

– Разве вы не читали постоянно действующую инструкцию?

– Нет, сэр.

– Почему, черт возьми?

– Только сегодня прибыл из-за границы, сэр.

– Так вот, запомните на будущее: каждую среду с десяти до одиннадцати ноль-ноль весь личный состав принимает меры противохимической защиты. Это постоянно действующий приказ командования.

– Слушаюсь, сэр.

– Ну, а теперь – кто вы такой и что вам надо?

– Лейтенант Краучбек, сэр. Второй батальон королевской алебардийской бригады.

– Чепуха. Второй батальон за границей.

– Я прилетел вчера, сэр.

Потом после всего этого маскарада с противогазами медленно ожили старые воспоминания.

– Мы встречались раньше.

Это был тот самый безымянный майор, теперь пониженный в чине до капитана, который появился в Пенкирке и три дня спустя исчез в Бруквуде.

– Вы командовали ротой во время той большой суматохи.

– Да, да. Извините, ради бога, что я не узнал вас. С тех пор было столько еще суматох. Столько людей прошло через мои руки. А как вы сюда попали? Ведь вы должны быть во Фритауне.

– Вы меня не ожидали?

– Не получал о вас ни слова. Ваши документы, наверное, послали в центр формирования и подготовки. Или в Пенкирк, в пятый батальон. Или в Брук-Парк, в шестой. А может быть, в штаб особо опасных операций. За последние два месяца мы распухли, как черти. Не успеваем вести учет. Ну, я тут почти все закончил. Продолжайте, старшина. Если понадобится, я в офицерском собрании. Пошли, Краучбек.

Они вошли в Буфетную. Это была совсем не та комната, какой ее помнил Гай и где он тогда на вечере ушиб колено. Там, где прежде над камином висела картина «Несломленное каре», теперь был только однотонный темный прямоугольник. Колокол с голландского фрегата, афридийское знамя, позолоченный идол из Бирмы, наполеоновские кирасы, ашантийский барабан, круговая чаша с Барбадоса, мушкет султана Типу – все исчезло.

Начальник штаба заметил блуждающий, печальный взгляд Гая.

– Грустно, правда? Когда начались налеты, все упрятали в подвалы. – Потом сообщил как самый мрачный факт всеобщего разорения: – Я тоже потерял звездочку.

– Да, не повезло.

– Я ожидал этого, – сказал начальник штаба. – Обычным порядком я получил бы очередной чин не раньше, чем через два года. Думал, что война может немного ускорить это дело. Для большинства так и получилось. Месяца два мне тоже везло. Но потом везение кончилось.

Камин не топился.

– Холодно здесь, – сказал Гай.

– Да. До вечера не топят. И выпить не дают.

– Наверное, везде так?

– Вовсе *не* везде, – сердито ответил начальник штаба. – Другим полкам еще удастся жить вполне прилично. Но наш капитан-комендант не тот человек. Теперь у нас во всем строгая экономия. Он считает, что ее соблюдают во всех алебардийских частях. Спим по четыре человека в комнате, взносы в столовую сократили на половину. Мы практически живем на пайке, как дикие звери, – горестно, но неудачно уточнил он. На вашем месте я не задерживался бы здесь долго. Кстати, почему все-таки вы *оказались* здесь?

– Я прилетел с бригадиром. – В тот момент это было самым подходящим объяснением. – Вы знаете, что он вернулся?

– Впервые слышу.

– Знаете, что он ранен?

– Нет. Здесь до нас, кажется, ничего не доходит. Может быть, они вообще потеряли наш адрес. При прежних штатах все шло отлично. А после этого развертывания нее полетело к чертям собачьим. У меня отобрали денщика, прослужившего со мной восемь лет. Теперь приходится делить какого-то старого хрыча с полковым врачом. Вот до чего мы докатились. Отобрали даже оркестр.

– Холодище здесь, – повторил Гай.

– У меня в кабинете есть печка, но все время звонит телефон. Выбирайте.

– Что мне теперь делать?

– Для меня, дружище, вы все еще в Африке. Я отправил бы вас в отпуск, но вы не числитесь в наших списках. Не хотите ли обратиться к капитан-коменданту? Это можно устроить.

– К тому самому?

– Да. Ужасный человек.

– Не стоит его беспокоить.

– Пожалуй.

– Так как же быть?

Они беспомощно глядели друг на друга, стоя у холодного камина.

– У вас должно быть командировочное предписание.

– Ничего у меня нет. Меня просто отправили, как посылку. Бригадир оставил меня на аэродроме и сказал, что даст о себе знать.

Начальник штаба исчерпал свой скудный официальный репертуар.

– В мирное время такого не случилось бы.

– Совершенно верно.

Гай заметил, что этот безымянный офицер набирается духу для принятия отчаянного решения. Наконец он сказал:

– Ладно, рискну. По-моему, небольшой отпуск вам нисколько не помешает.

– Я обещал кое-что сделать для Эпторпа. Помните «его по Пенкирку?»

– Помню. Очень хорошо. – Он обрадовался, что наконец обрел прочную душевную опору. – Эпторп... Офицер с временным чином, которого каким-то образом назначили заместителем командира батальона. Я считал его немного чокнутым.

– Он умер. Я обещал собрать его вещи и вручить наследнику. Мне хватило бы на это нескольких дней.

– Отлично. Из всякого положения есть два выхода. Можно назвать это отпуском по семейным обстоятельствам, а можно – отпуском после высадки, смотря по тому, как к этому подойти. Завтракать будете в столовой? Я бы не стал.

– И я не буду.

– Если вы здесь проболтаетесь, может, подвернется какой-нибудь транспорт до станции. Два месяца назад я мог бы выделить машину, но теперь все запрещается.

– Я возьму такси.

– Знаете, где найти телефон? Не забудьте опустить два пенса. А я, пожалуй, пойду в свой кабинет. Здесь и правда очень холодно.

Гай помедлил. Войдя в столовую, он прошел под хорами, с которых не так давно раздавались звуки «Старого доброго английского ростбифа». Теперь здесь не было ни портретов на стенах, ни серебра на сервировочных столах. Столовая алебардийского городка мало чем отличалась от столовой в школе Кут-эль-Амара. Из раздаточной, насвистывая, вышла официантка из вспомогательной территориальной службы; она увидела Гая, но продолжала насвистывать, расправляя скатерть на голых досках стола.

Из бильярдной доносился стук шаров. Гай заглянул и первым делом увидел широченный зад, обтянутый брюками цвета хаки. Игрок ударил, но промазал, и легкий карамболь не удался ему. Он выпрямился и обернулся.

– Подождите, я еще покажу вам настоящий удар, – сказал он суровым, но отеческим тоном, который заглаживал упрек за вторжение.

Он был без мундира, в полосатых подтяжках алебардийских цветов. Мундир с красными петлицами висел на стене. Гай узнал в этом человеке пожилого полковника, который год назад бесцельно слонялся по столовой. От него постоянно можно было слышать: «Сыграем до ста?» и «Сегодня в газетах ничего нового?».

– Прошу прощения, сэра, – сказал Гай.

– Все-таки какое-то развлечение, правда ведь? Сыграем до ста? – предложил полковник.

– К сожалению, я сейчас уезжаю.

– Все тут вечно уезжают, – проворчал полковник.

Он подошел к шару и начал прикидывать удар. Гаю позиция шара представлялась безнадежной.

Полковник с силой ударил кием. Все три шара быстро покатались, стукнулись, отскочили, снова стукнулись, и наконец красный шар покатался все тише и тише к лузе, казалось, остановился на самом краю, потом каким-то чудом вновь двинулся и скатился в лузу.

– Откровенно говоря, – сказал полковник, – это была чистая случайность.

Гай потихоньку вышел и осторожно прикрыл дверь. Взглянув назад через просвет в узорчатом матовом стекле двери, он проследил за следующим ударом. Полковник поставил красный шар на место, взглянул на неудачное расположение других шаров и, взяв пухлыми пальцами свой шар, переставил его на три дюйма влево. Гай предоставил ему жульничать в одиночестве. Как же его называли кадровые офицеры? Бык? Карапуз? Бегемот? Прозвище ускользнуло из памяти.

Вернувшись к суровой действительности, Гай подошел к телефону и вызвал такси.

Итак, Гай вступил в новый этап своих странствий, начавшихся у могилы сэра Роджера. Теперь, как и тогда, он должен был проявить *pietas*^[27] – требовалось умиротворить дух покойного. Необходимо было отыскать и доставить по назначению имущества Эпторпа, прежде чем продолжить свою деятельность на королевской службе. В ближайшие несколько дней ему предстояло проделать обратный путь в Саутсанд и Корнуолл. В непроходимых дебрях Англии военного времени нужно было разыскать этого обезьяноподобного человека по имени Чатти Корнер.

Он задержался в буфетной комнате и стал перелистывать страницы журнала посетителей, пока не нашел запись того памятного декабрьского вечера. Сразу за Тони Бокс-Бендером он нашел Джеймса

Пенденниса Корнера. Но графа, в которую был бы вписан его адрес или полк, осталась незаполненной.

Последний урок в приготовительной школе Богородицы Победительницы, временно находящейся в Мэтчете. В классе мистера Краучбека читают отрывки из Ливия. Светомаскировочные шторы опущены. Шипят газовые горелки. Привычный запах мела и чернил. Пятый класс, сонливый после футбола, ждет не дождется ужина. Еще двадцать минут – и начнется грамматический; разбор неподготовленных фраз.

– Сэр, правда, что блаженный Джервейс Краучбек был вашим предком?

– Не совсем, Грисуолд. Он был священником. Его брат, от которого я происхожу, к сожалению, вел себя не так мужественно.

– Он не признавал англиканскую церковь, сэр?

– Нет, но он вел себя очень сдержанно. И он, и его сын потом.

– Расскажите нам, пожалуйста, как схватили блаженного Джервейса, сэр.

– Ведь я вам уже рассказывал это.

– Многих в тот день не было в классе, сэр, а я не совсем понял, как это произошло. Ведь его выдал дворецкий, да?

– Ничего подобного. Чэллонер неправильно прочел копию Сентомерских записей, и ошибка переходила из книги в книгу. Все наши люди были верными. Его выдал шпион из Эксетера, который пришел в Брум просить убежища, притворившись католиком.

Пятый класс, довольный, бездельничал. Старый Крауч сел на своего конька. Никакого разбора фраз из Ливия уже не будет.

– Отец Джервейс жил в северной башне, расположенной на переднем дворе. Надо знать Брум, чтобы понять, как это произошло. Видите ли, дом отделен от большой дороги только передним двором. Всякий порядочный дом стоит или на дороге, или у реки, или на утесе. Всегда помните об этом. Только охотничьи домики находятся в парках. Лишь после Реформации новоиспеченные богачи стали прятаться от народа...

Заставить старого Крауча говорить не представляло труда. Особенно отличался в этом Грисуолд-старший, деда которого знал

Краучбек. Прошло двадцать минут.

– ...Когда совет допрашивал его во второй раз, он был так слаб, что ему позволили сесть на табуретку.

– Звонок, сэр.

– Бог мой, боюсь, я разболтался и отнял ваше время. Тебе надо было остановить меня, Грисуолд. Ну ладно. Завтра начнем с того места, где мы остановились. Ожидаю от вас подробного, тщательного грамматического разбора.

– Спасибо, сэр, до свидания. Вы так интересно рассказывали о блаженном Джервейсе.

– До свидания, сэр.

Мальчики разбежались. Мистер Краучбек застегнул пальто, надел через плечо противогаз и с фонариком в руке зашагал по склону к темному морю.

Отель «Морской берег», где мистер Краучбек жил уже девять лет, был забит, как в разгар летнего сезона. Стулья в гостиной занимали заранее. Когда жильцы рисковали выходить в туман, они оставляли книги или вязанье, чтобы закрепить свои скваттерские права.

Мистер Краучбек направился прямо в свои комнаты, но, встретив на повороте лестницы мисс Вейвесаур, остановился и прижался в угол, чтобы дать ей пройти.

– Добрый вечер, мисс Вейвесаур.

– О, мистер Краучбек, я вас ждала. Можно вас на минуточку?

– Разумеется, мисс Вейвесаур.

– Я насчет того, что произошло сегодня. Она перешла на шепот. – Не хочу, чтобы меня подслушал мистер Катберт.

– Как таинственно! Но у меня нет никаких секретов от Катбертов.

– Зато у *них* есть секреты от *вас*. Существует заговор, мистер Краучбек, о котором вам надо знать.

Мисс Вейвесаур повернулась и направилась к гостиной мистера Краучбека. Он открыл дверь и сделал шаг назад, уступая ей дорогу. В гостиной стоял резкий запах собаки.

– Какой приятный мужской дух, – заметила мисс Вейвесаур.

Феликс, золотистого цвета охотничий нес, поднялся навстречу мистеру Краучбеку и, встав на задние лапы, уперся передними ему в грудь.

– Сидеть, Феликс, сидеть, мальчик! Надеюсь, его выводили?

– Сегодня днем миссис Тиккеридж и Дженифер долго с ним гуляли.

– Прекрасные люди. Посидите, пожалуйста, пока я избавлюсь от этого нелепого противозага.

Мистер Краучбек прошел в спальню, повесил пальто и сумку для провизии, взглянул в зеркало на свое старое лицо и вернулся к мисс Вейвесаур.

– Так что же это за коварный заговор?

– Они хотят вас выдворить, сообщила мисс Вейвесаур.

Мистер Краучбек оглядел убогую комнатку, заставленную мебелью, заполненную книгами и фотографиями.

– Не может быть, – сказал он. – Катберты ни за что этого не сделают после стольких лет. Вы, наверно, не так их поняли. Нет, это невозможно.

– Возможно, мистер Краучбек. Все дело в одном из этих новых законов. Сегодня приходил какой-то офицер – во всяком случае, он был одет, как офицер. Ужасный тип. Он пересчитал все комнаты и проверил журнал регистрации. Говорил, что весь дом займут. Мистер Катберт объяснил, что одни из нас постоянные жильцы, а другие приехали из пострадавших от бомбежки мест – это жены фронтовиков. Тогда этот так называемый офицер спрашивает: «А кто тот человек, который занимает две комнаты?» И вы знаете, что ответил мистер Катберт? Он сказал: «Этот человек работает в городе. Он школьный учитель». Так сказать *о вас*, мистер Краучбек!

– Собственно, так оно и есть, по-моему.

– Я все время хотела вмешаться, чтобы сказать, *кто вы на самом деле*, но не осмелилась, поскольку, в сущности, не участвовала в разговоре. Они, собственно, даже не подозревали, что мне все слышно. Но я вся просто *кипела*. Потом этот офицер спросил: «Средней школы или начальной?» Мистер Катберт ответил: «Частной». Тогда офицер рассмеялся и сказал: «Никаких преимущественных прав». После этих слов я просто не смогла больше сдерживаться. Я встала, бросила в их сторону возмущенный взгляд и, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

– Я уверен, что это было самое разумное.

– Но подумайте, какая наглость!

– Думаю, что ничего особенного не произойдет. Сейчас повсюду ходят всякие люди и наводят справки. Наверное, так нужно. Уверю вас, это простая формальность. Нет, Катберты никогда не сделают ничего подобного. Никогда! После стольких лет!

– Вы слишком доверчивы, мистер Краучбек. Вы относитесь ко всем, как к джентльменам. Этот офицер определенно *не* джентльмен.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы меня предупредили, мисс Вейвесаур.

– Я вся киплю от возмущения.

Когда мисс Вейвесаур ушла, мистер Краучбек снял ботинки и носки, воротничок и сорочку и, стоя перед умывальником в брюках и жилетке, тщательно умылся холодной водой. Он надел чистую сорочку, воротничок и носки, стоптанные туфли и слегка поношенный костюм, сшитый из того же материала, что и костюм, который он носил весь день. Причесал волосы. И все это время думал совсем не о том, что сообщила ему мисс Вейвесаур. Она была по-рыцарски предана ему с тех пор, как поселилась в Мэтчете. Дочь мистера Краучбека Анджела не совсем деликатно подшучивала над этим. За шесть лет их знакомства мистер Краучбек мало прислушивался к словам мисс Вейвесаур. Теперь он отбросил мысль о заговоре Катберта и обдумывал две проблемы, которые принесла с собой утренняя почта. Он вел размеренную жизнь и придерживался установившихся взглядов. Сомнения были неведомы ему. В то утро, в час между мессой и началом занятий в школе, в его жизнь вторглись два обстоятельства из неведомого мира.

Более важным была посылка, объемистая и потрепанная от прикосновения бесчисленного количества неловких рук таможенных чиновников. На ней было множество американских марок, таможенных деклараций и справок цензуры.

Выражение «американская посылка» только начинало входить в лексикон англичан. Очевидно, это была одна из таких новинок. Его зять Бокс-Бендер в свое время отправил трех дочерей в безопасное убежище в Новую Англию. Посылка, без сомнения, была от них. «Как мило! Какая щедрость!» – подумал он и отнес ее домой, чтобы потом исследовать.

Теперь, разрезав бечевку ножницами для ногтей, он аккуратно разложил содержимое на столе.

Сначала он достал шесть банок супа Пулитцера. У них были разнообразные, вычурные названия, но суп был одним из немногих продуктов питания, в изобилии имевшихся в отеле «Морской берег». К тому же у мистера Краучбека с давних пор укоренилось убеждение, что все консервированные «продукты приготовлены из какой-то гадости. „Глупые девчонки, – подумал он. – Впрочем, наступит день, когда мы и этому будем рады“. Затем последовал прозрачный пакет с черносливом. Далее – очень тяжелая баночка с ярлыком: „Бриско. Необходимо в каждом доме“. Никаких указаний на назначение содержимого банки не было. Мыло? Концентрированное топливо? Крысиный яд? Крем для обуви? Надо будет спросить у миссис Тиккеридж. Потом он достал очень легкую банку большего размера под названием „Юмкранч“. Это, должно быть, что-то съедобное, потому что на ней была изображена толстая и дурно воспитанная девочка, размахивающая ложкой и с ревом требующая этой штуки. Последним и самым странным предметом оказалась бутылка, наполненная чем-то похожим на моченый искусственный жемчуг, с ярлыком „Луковый коктейль“. Возможно ли, что этот далекий и изобретательный народ, который так великодушно (и, как считал мистер Краучбек, совершенно напрасно) приютил его внучек, народ, главная забота которого, казалось, состоит в том, чтобы нарушать естественные, природные процессы, сумел придумать алкогольный лук?

Приподнятое настроение мистера Краучбека сникло. Он рассматривал подарок с некоторым раздражением. Где же среди этих экзотических деликатесов что-нибудь пригодное для Феликса? Видимо, следовало сделать выбор между «Бриско» и «Юмкранчем».

Он встряхнул «Юмкранч». В банке что-то загремело. Раскрошенное печенье? Феликс стоял, вопросительно подняв свою пушистую морду.

– «Юмкранч»? – соблазнительно повертев банку, спросил мистер Краучбек. Феликс застучал хвостом по ковру.

Но радость мистера Краучбека сразу же омрачило подозрение: а вдруг это один из тех новых патентованных продуктов, которые, как он слышал, обезвожены? Если его съесть без должной подготовки, он ужасно раздувается в желудке, что может привести к роковым последствиям.

– Нет, Феликс, – сказал он. – Никакого «Юмкранча», пока я не спрошу у миссис Тиккеридж. – Заодно он решил посоветоваться с этой дамой и по другому вопросу: о странной открытке Тони Бокс-Бендера и таком же странном письме Анджелы Бокс-Бендер.

Открытка была вложена в письмо. Он взял их с собой в школу и часто перечитывал в течение дня. Письмо гласило:

«Лоуэр-Чиппинг-Мэнор,
близ Тетбэри.
Дорогой папочка!

Наконец получила известие от Тони. Ничего особенного о себе не пишет, но такая радость узнать, что бедный мальчик жив и здоров. До сегодняшнего утра я даже не признавала, как беспокоилась о нем. Ведь человек, который бежал и написал нам, что видел Тони в колонне военнопленных, мог ошибиться. Теперь мы знаем.

Он, по-видимому, считает, что мы можем прислать ему все, в чем он нуждается, но Артур навел справки и говорит, что нельзя – нет договоренности. Артур говорит, что не может обратиться в нейтральные посольства и что мне не следует писать в Америку. Можно посылать только обычные посылки Красного Креста, и их принимают независимо от того, платим мы за них или нет. Артур говорит, что посылки комплектуются на научной основе и содержат все необходимые калории, что не может быть одного закона для богатых, а другого для бедных, когда речь идет о пленниках. Я считаю, что он в какой-то мере прав.

Девочкам, видимо, очень нравится Америка.
Как дела в твоей диккенсовской школе?
Любящая тебя, Анджела».

Открытка Тони гласила:

«Раньше писать не разрешали. Теперь я в постоянном лагере. Здесь полно наших ребят. Не может ли папа организовать посылки через нейтральные посольства? Это очень важно, и все говорят, что это самый верный и быстрый

путь. Пришлите, пожалуйста, сигареты, шоколад, светлую патоку, какао, мясные и рыбные консервы (разные), глюкозу Д, сухое печенье (галеты), сыр, ириски, сгущенное молоко, верблюжий спальный мешок, надувную подушку, перчатки, головную щетку. Не могут ли помочь девочки в США? Еще поваренную книгу Булестена. „Eucris“ Трампера. Мохнатые шлепанцы».

В почте мистера Краучбека было еще одно письмо, которое огорчило его, хотя и не представляло никакой проблемы. Его виноторговцы сообщали, что их погреба частично разрушены авиацией противника. Они надеются и впредь снабжать постоянных покупателей в сокращенном объеме, но не могут больше выполнять их индивидуальные заказы. Ежемесячные посылки будут состоять из имеющихся запасов. На железных дорогах участились мелкие кражи и бой. Покупателей просят немедленно сообщать о всех потерях.

«Посылки... – подумал мистер Краучбек. – Все в этот день, кажется, связано с посылками».

После обеда по установившемуся более чем за год обычаю мистер Краучбек присоединился к миссис Тиккеридж в общей гостиной отеля.

Разговор, как всегда, начался с послеобеденной прогулки Феликса. Потом мистер Краучбек сообщил:

– Гай в Англии. Надеюсь, вскоре увидим его здесь. Не знаю, какие у него планы. Кажется, что-то секретное. Он вернулся со своим бригадиром – человеком, которого называют Беном.

Миссис Тиккеридж в тот день получила письмо от мужа, в котором он довольно прозрачно намекал, что бригадир Ритчи-Хук попал в очередную переделку. Хорошо обученная служебному этикету, она поспешила переменить тему:

– А как ваш внук?

– Как раз об этом я хотел вас спросить. Моя дочь получила от него вот эту открытку. Можно показать вам ее и письмо дочери? Они меня просто озадачили.

Миссис Тиккеридж взяла письмо и открытку и внимательно прочитала их. Наконец она сказала:

– Думается, я никогда не читала «Eucris» Трампера.

– Нет, нет. Меня озадачивает не это. Это средство для ухода за волосами. Я сам пользуюсь им. Но не кажется ли вам странным, что в своей первой открытке он просит только всякие вещи для себя? Это совершенно на него не похоже.

– Наверное, он голодает, бедный мальчик.

– Да что вы?! Военнопленные получают полный армейский паек. На этот счет существует международное соглашение, я знаю. А вам не кажется, что это какой-то шифр? «Глюкоза Д»... Кто слышал о «глюкозе Д»? Я уверен, что Тони и в глаза не видел этой штуки. Кто-то его научил. Думаю, что мальчик, который первый раз пишет матери, зная, как она волнуется, мог бы сказать что-нибудь получше, чем «глюкоза Д».

– Может быть, он действительно голоден.

– Пусть даже так, но должен же он считаться с чувствами матери. Вы прочитали ее письмо?

– Да.

– Я убежден, что у нее совершенно неправильное представление. Мой зять в палате общин и, конечно, нахватался там довольно странных идей.

– Да нет же, об этом говорили по радио.

– *Радио!* – воскликнул мистер Краучбек полным горечи тоном. – Радио! Вот такие вещи оно и распространяет. По-моему, это совершенно ошибочная идея. Почему мы не можем послать, что хотим, тем, кого любим, – пусть даже «глюкозу Д»?

– Я думаю, в военное время вполне справедливо делить все поровну.

– С какой стати? В военное время делить все поровну надо меньше, чем когда бы то ни было. Вы же сами сказали, что мальчик действительно может быть голоден. Если он хочет «глюкозу Д», почему я не могу ее послать? Почему мой зять не может прибегнуть к помощи-иностранцев? В Швейцарии живет человек, который из года в год гостил у нас в Бруме. Я знаю, что он с радостью помог бы Тони. Почему же он не имеет права? Не понимаю.

Миссис Тиккеридж видела перед собой сбитого с толку доброго старичка, серьезно глядевшего на нее и добивавшегося ответа, которого она не могла дать. Он продолжал:

– В конце концов; *всякий* подарок означает, что вы хотите, чтобы кто-то имел что-то, чего не имеет другой. Пусть это будет хотя бы кувшинчик для сливок на свадьбу. Я нисколько не удивлюсь, если правительство сделает следующий шаг и запретит нам молиться за людей. – Мистер Краучбек с грустью подумал о такой возможности и добавил: – Я не хочу сказать, что кому-то действительно *нужен* кувшинчик для сливок, но Тони, очевидно, нуждается в том, что просит. Это *несправедливо*. Я не такой знаток, чтобы объяснить, в чем тут дело, но *знаю, что все это несправедливо*.

Миссис Тиккеридж молча штопала жакет Дженифер. Она и сама не могла бы объяснить, в чем тут дело. Вскоре мистер Краучбек снова заговорил, стараясь распутать клубок своих сомнений.

– А что такое «Бриско»?

– «Бриско»?

– А «Юмкранч»? В данный момент эти вещи находятся в моей комнате, и я не имею ни малейшего представления, что с ними делать. Они из Америки.

– Знаю, о чем вы говорите. Я как-то видела рекламу в одном журнале. «Юмкранч» – это то, что они едят на завтрак вместо каши.

– А для Феликса это годится? Он не взорвется?

– Ему понравится. А другое – это то, что они используют вместо лярда.

– Пожалуй, слишком жирно для собаки.

– Пожалуй. Думаю, что миссис Катберт будет очень благодарна, если вы отдадите это ей на кухню.

– Нет ничего, чего бы вы не знали.

– Кроме этого снадобья Трампера, как бишь его?

Вскоре мистер Краучбек попрощался, взял Феликса и выпустил его в темноту. Захватив банку «Бриско», он отнес ее хозяйке отеля в ее личную гостиную.

– Миссис Катберт, мне вот прислали это из Америки. Это лярд. Миссис Тиккеридж полагает, что он может пригодиться вам на кухне.

Она взяла банку и смущенно поблагодарила.

– Мистер Катберт хотел с вами поговорить о чем-то.

– Я к его услугам.

– Становится так трудно жить, – сказала миссис Катберт. – Сейчас я его позову.

Мистер Краучбек остался ждать в личной гостиной. Вскоре миссис Катберт вернулась одна.

– Он говорит, чтобы я сама поговорила с вами. Не знаю, с чего начать. Все эта война, и постановления, и офицер, который сегодня приходил. Он – начальник квартирьеров. Вы, конечно, понимаете, что это не относится лично к вам, мистер Краучбек. Мы всегда, как могли, старались вам угодить, делали для вас всякие исключения, не брали плату за питание собаки, не возражали, что вам присылают вино. Некоторые постояльцы не раз упрекали нас за то, что мы оказываем вам особое предпочтение.

– Я никогда не жаловался, – согласился мистер Краучбек. – Знаю, что вы делаете все, что можете, при данных обстоятельствах.

– Вот именно, при данных обстоятельствах.

– Я догадываюсь, что вы хотите мне сказать, миссис Катберт. Не надо слов. Если вы боитесь, что я покину вас теперь, когда вы переживаете трудное время, можете быть совершенно спокойны. Я знаю, что вы оба делаете все, что можете, и искренне вам благодарен.

– Спасибо, сэр. Дело не совсем в этом... Пусть лучше мистер Катберт сам поговорит с вами.

– Он может зайти ко мне в любое время. Только не теперь. Я сейчас буду укладывать Феликса спать. Спокойной ночи, надеюсь, эта банка пригодится вам.

– Спокойной ночи и спасибо вам, сэр.

На лестнице ему встретилась мисс Вейвесаур.

– О, мистер Краучбек. Я видела, как вы прошли в их личную гостиную. Все в порядке?

– Да, думаю, что так. Я отнес миссис Катберт банку лярда.

– И они ничего не говорили о том, что я вам рассказала?

– Катберты, кажется, озабочены ухудшением обслуживания. Думаю, мне удалось их успокоить. Трудное время для них, да и для всех нас. Спокойной ночи, мисс Вейвесаур.

Тем временем разговоры в «Беллами» неудержимо распространялись и дошли до верхов. В то самое утро некая важная персона, лежа в мягкой постели в глубоком убежище, проявляла кипучую деятельность, распределяя с помощью коротких записок задания на текущий день в сражающейся империи.

«Прошу сегодня же доложить мне на полулисте бумаги, почему бригадир Ритчи-Хук освобожден от командования бригадой».

А через двадцать четыре часа, почти минута в минуту, когда класс мистера Краучбека начал разбор забытого отрывка из Ливия, из той же горы подушек вышел указ:

«Премьер-министр – военному министру.

Я указывал, что ни один командир не подлежит наказанию за ошибки в выборе образа действий в отношении противника. Эта директива досадно и грубо нарушена в деле полковника, бывшего бригадира королевских алебардистов, Ритчи-Хука. Прошу заверить меня, что для этого доблестного, инициативного офицера будет подыскана подходящая должность, как только он будет признан годным для службы в действующей армии».

Грозную записку немедленно передали телефоны и телетайпы. Большие люди звонили менее значительным, а те передавали людям совсем незначительным. Где-то на низшей ступеньке служебной лестницы в текст было включено и имя Гая, ибо Ритчи-Хук, лежа в палате Миллбэнкского госпиталя, не забыл соучастника своего проступка. Бумаги с пометкой: «Для немедленного исполнения» – переходили сверху вниз, из корзин для входящих в корзины для исходящих, пока наконец не спустились до уровня моря – к начальнику штаба алебардийского казарменного городка.

– Старшина, у нас есть адрес местонахождения мистера Краучбека в отпуске?

– Мэтчет, отель «Морской берег», сэр.

– Тогда заготовьте ему предписание о явке в штаб особо опасных операций.

– А можно ли сообщить ему адрес, сэр?

– Нельзя. Это совершенно секретно.

– Так точно, сэр.

Через десять минут начальник штаба спохватился:

– Старшина, но, ведь если мы не дадим ему адреса, как он узнает, куда явиться?

– Так точно, сэр.

– Надо, видимо, запросить штаб особо опасных операций.

– Так точно, сэр.

– Но здесь сказано: «Для немедленного исполнения».

– Так точно, сэр.

Два совсем незначительных человека молча сидели в растерянности.

– «Я думаю, сэр, правильнее всего было бы послать предписание с офицером, – сказал наконец старшина.

– А есть ли у нас офицер, без которого можно обойтись?

– Есть один, сэр.

– Полковник Троттер?

– Так точно, сэр.

«Джамбо»^[28] Троттер, как свидетельствовало его прозвище, был грузным мужчиной, пользовавшимся широкой известностью. Он вышел в отставку в чине полковника в 1936 году. Через час после объявления войны он вернулся в казарменный городок и с тех пор непрерывно пребывал там. Никто его не вызывал. Никто не задавался вопросом, зачем он здесь. По возрасту и чину к исполнению служебных обязанностей он был непригоден. Он дремал над газетами, топтался вокруг бильярдного стола, радовался шумным спорам младших офицеров на вечерах и регулярно посещал церковные церемонии. Время от времени он выражал желание «задать перцу фрицам». Но большей частью полковник спал. Именно его и потревожил Гай в бильярдной, когда был в казарменном городке последний раз.

Раз или два в неделю капитан-комендант в своей новой роли строгого начальника решался поговорить с Джамбо, по разговор так и не состоялся. Капитан-комендант когда-то служил под командованием Джамбо во Фландрии и проникся к нему глубоким уважением за его исключительное хладнокровие в самых опасных и тяжелых обстоятельствах. Он охотно дал согласие на прогулку старого вояки, предоставив ему все устроить самому.

До Мэтчета было сто пятьдесят миль. Все необходимые пожитки Джамбо могли уместиться в лакированной жестяной коробке стандартного образца и саквояже из свиной кожи. Но были еще постельные принадлежности. «Никогда не ездите без постели и запаса еды – таково золотое правило», – говаривал Джамбо. В общем, этот багаж составил порядочный груз для его пожилого денщика, алебардиста Бернса; с таким хозяйством не сядешь в поезд, объяснил он начальнику транспортной части казарменного городка. К тому же долг каждого гражданина – не пользоваться поездами. Так разъясняли по радио. Поезда нужны для перевозки войск. Начальником транспортной части был еще не оперившийся, дисциплинированный кадровый младший офицер. Джамбо получил легковой автомобиль.

Рано утром следующего дня в эту эпоху непрерывно возрастающих трудностей автомобиль стоял у подъезда офицерского собрания. Багаж был прикреплен ремнями позади. Шофер и денщик стояли рядом. Вскоре появился Джамбо, застегнутый на все пуговицы от утреннего холодка, со своей обычной после завтрака трубкой и с захваченным из буфетной комнаты единственным экземпляром «Таймс» под мышкой. Солдаты вытянулись и отдали честь. Джамбо снисходительно улыбнулся и поднес руку в подбитой мехом перчатке к козырьку своей красной фуражки. После короткого совещания с шофером над картой он распорядился сделать крюк, чтобы ко второму завтраку попасть в дружественную столовую, и устроился на заднем сиденье. Берне подоткнул плед и вскочил на свое место рядом с шофером. Прежде чем приказать трогаться, Джамбо просмотрел в «Таймсе» раздел извещений о смерти.

Начальник штаба, наблюдая за этими неторопливыми приготовлениями из окна кабинета, вдруг спохватился:

– Старшина, а разве нельзя было вызвать Краучбека сюда и дать ему адрес?

– Так точно, сэр.

– Теперь уже поздно что-нибудь менять. Новый приказ, отменяющий первый, – это же непорядок, а?

– Так точно, сэр.

Автомобиль двинулся по усыпанной гравием дорожке к караульному помещению. Со стороны можно было подумать, что в нем едет не иначе как пожилой магнат из Лондона на большой уик-энд в соседнее графство и что происходит это задолго до тотальной войны.

Миссис Тиккеридж была давно знакома с полковником Троттером. Вернувшись с Дженифер после прогулки с Феликсом, она обнаружила его дремлющим в холле отеля «Морской берег». Он открыл свои старческие глаза с большими мешками под ними и нисколько не удивился, увидев вошедших.

– Привет, Ви. Здравствуй, малышка. Рад вас видеть.

Он начал было вставать со стула.

– Сидите, сидите, Джамбо. Какими судьбами? Что вы тут делаете?

– Жду чая. Тут все какие-то полусонные. Говорят, чай кончился. Дикое выражение! Пришлось послать на кухню своего денщика Бернса вскипятить чай. Ему, видимо, пришлось повздорить с какой-то гражданской поварихой. Но я все утряс. С женщиной в конторе тоже была стычка из-за комнаты. Говорит, переполнено. Тоже утряс. Пришлось согласиться расположиться на ночлег в ванной комнате. Женщине, видно, и это не очень-то понравилось. Бедняга! Пришлось ей напомнить, что идет война.

– Ой, Джамбо, ведь у нас только две ванны на всех.

– Я долго здесь не пробуду. В наше время всем приходится терпеть неудобства. Берне и шофер ищут пристанище в городе. Надеюсь, старый алебардист сумеет устроиться. В ванной места для раскладушки Бернса не нашлось.

В этот момент появился Берне с полным подносом и поставил его перед полковником.

– Джамбо, какой прелестный чай. Нам не дают ничего подобного. И горячие тосты с маслом, сэндвичи, яйца, вишневый пирог!

– Я немного проголодался. Приказал Бернсу раздобыть что-нибудь.

– Бедная миссис Катберт! Все мы бедные. Целую неделю никакого масла!

– Я ищу парня по фамилии Краучбек. Женщина в конторе сказала, что он вышел. Знаете его?

– Божественный старичок.

– Да нет. Молодой офицер-алебардист.

– Это его сын. Гай. Зачем он вам? Уж не собираетесь ли вы арестовать его?

– Упаси боже. – В глазах Джамбо мелькнула неуклюжая лукавинка. Он понятия не имел о содержании запечатанного конверта, хранившегося в застегнутом кармане под орденами. – Ничего подобного. Просто дружеский визит.

Феликс уселся, положив морду на колени Джамбо, и уставился на него преданными глазами. Джамбо отломил кусочек тоста, обмакнул в варенье и сунул его в раскрытую пасть кроткого пса.

– Уведи его, Дженифер, будь умницей, а то он не даст мне поесть.

Вскоре Джамбо задремал.

Проснулся он от звука голосов. Женщина из конторы, та, с которой пришлось поспорить, разговаривала с тучным, но старавшимся держаться прямо майором с эмблемой корпуса обслуживания королевской армии.

– Я намекала, – оправдывалась женщина, – а мистер Катберт сказал ему почти прямо. Но, кажется, он не понял.

– Поймет, когда увидит свою мебель на улице. Если не можете выселить его добром, я воспользуюсь своей властью.

– Но ведь это такой стыд.

– Скажите спасибо, миссис Катберт. Ведь если бы я захотел, я мог бы занять весь ваш отель. Я так бы и сделал, если бы мистер Катберт не вел себя честно. Вместо этого я занял пансион «Монте-Роуз». Постояльцам из него надо где-то спать, как вы думаете?

– Ну что же, это уж ваша обязанность. Но бедный старый джентльмен очень расстроится.

Джамбо внимательно посмотрел на офицера и вдруг громко воскликнул:

– Григшоу!

Реакция была мгновенной. Майор повернулся кругом, щелкнул каблуками, встал по стойке «смирно» и рявкнул в ответ:

– Так точно, сэр!

– Клянусь богом, это *ты*. Я не был уверен. Очень рад тебя видеть. Давай лапу.

– Вы прекрасно выглядите, сэр.

– Ты что-то быстро продвинулся, а?

– Временный чин, сэр.

– Мы жалели, когда ты подал рапорт в офицерскую школу. Знаешь, тебе не следовало бы уходить из алебардистов.

– Я и не ушел бы, если бы не хозяйка, да и время было мирное.

– А теперь чем занимаешься?

– Квартирмейстерские дела, сэр. Вот выискиваю здесь комнаты.

– Отлично. Ну-ну, давай. Продолжай.

– Я уже почти кончил, сэр. – Он вытянулся по стойке «смирно», кивнул миссис Катберт и вышел. Но для Джамбо в тот день не было покоя. Не успела миссис Катберт выйти из комнаты, как пожилая дама на соседнем кресле подняла голову и кашлянула. Джамбо бросил на нее унылый взгляд.

– Прошу прощения, – сказала дама, – я случайно подслушала ваш разговор. Вы знаете этого офицера?

– Кого, Григшоу? Один из лучших строевых сержантов в корпусе алебардистов. Удивительная система: брать первоклассных сержантов и делать из них второсортных офицеров.

– Это ужасно. У меня уже почти сложилось мнение, что он какой-то переодетый преступник – шантажист, или грабитель, или еще кто-нибудь в этом роде. Это была наша последняя надежда.

Джамбо мало интересовался чужими делами. Ему показалось странным, что эта приятной внешности дама так горячо желает, чтобы Григшоу оказался мошенником. В своей размеренно текущей жизни Джамбо время от времени сталкивался с изумлявшими его вещами и научился не обращать на них внимания. Теперь он просто буркнул: «Знаю его двадцать лет» – и хотел было уже выйти подышать свежим воздухом, но мисс Вейвесаур промолвила:

– Видите ли, он хочет занять гостиную мистера Краучбека.

Это имя заставило Джамбо остановиться. Прежде чем ему удалось отключиться от разговора, мисс Вейвесаур начала свой

рассказ.

Она говорила страстно и вкрадчиво. В отеле «Морской берег» презрение к квартирмейстеру быстро сменилось страхом. Он появился неведомо откуда, облеченный неведомыми полномочиями, злобный, неумолимый; невозможно было предугадать, что у него на уме. Мисс Вейвесаур с наслаждением бросилась бы на любого немецкого парашютиста и быстро расправилась бы с ним с помощью кочерги и кухонного ножа. Григшоу был воплощением гестапо. Вот уже две недели, как постояльцы отеля живут в состоянии тревоги, шепотом передают всякие слухи. А мистер Краучбек придерживается своего распорядка и безмятежно отказывается разделять их беспокойство. Он символ их безопасности. Если он падет, на что им надеяться? А его падение теперь, кажется, предопределено.

Джамбо нетерпеливо слушал. Не для этого он ехал весь день с совершенно секретным пакетом. Он поехал ради удовольствия. За последнее время в газетах печаталось много анекдотов об эгоистичных старых дамах, которые живут в отелях, не подвергающихся бомбардировкам. Он часто посмеивался над ними. Полковник уже открыл рот, чтобы напомнить мисс Вейвесаур, что идет война, но в этот момент перед ними предстал сам мистер Краучбек, возвращавшийся из школы со стопкой непроверенных тетрадей. Неожиданно все переменялось – вечер снова вылился в сплошное удовольствие.

Мисс Вейвесаур познакомила их. Джамбо, обычно не отличавшийся проницательностью, сразу распознал в мистере Краучбеке славного старикана – не только отца алебардиста, но и человека, который достоин сам быть алебардистом.

Мистер Краучбек объяснил, что Гай находится в Саутсанде, за много миль отсюда, где собирает вещи своего друга – офицера, умершего в действующей армии. Это была неожиданно добрая весть. Джамбо увидел в перспективе дни, а может быть, и недели приятных приключений. Он не возражал бы продлить свою поездку по приморским курортам на неопределенное время.

– Нет, нет. Не надо звонить ему. Завтра я сам туда поеду.

Мистер Краучбек тут же проявил заботу об устройстве Джамбо. Нечего и думать спать в ванной. Гостиная мистера Краучбека в его распоряжении. Потом мистер Краучбек угостил Джамбо

превосходным хересом, а за обедом – бургундским и портвейном. Он умолчал, что это последняя бутылка из его запасов, которые уже нет надежды пополнить.

Они слегка коснулись государственных дел, причем обнаружилось их полное единодушие. Джамбо упомянул, что за последние годы он собрал скромную коллекцию старинного серебра. Мистер Краучбек оказался большим знатоком по этой части. Они поговорили о рыбной ловле и об охоте на фазанов не как соперники, а в спокойном тоне.

Потом к ним присоединилась миссис Тиккеридж и поболтала об алебардистах. Общими силами они решили две трети кроссворда. Именно так Джамбо представлял себе приятный вечер. О Григшоу и невзгодах постояльцев ничего не говорилось, и в конце концов Джамбо поднял этот вопрос сам.

– С сожалением услышал, что вам предстоят неприятности с вашей гостиной.

– О, пустяки. Я даже не видел этого майора Григшоу, о котором все говорят. Он, должно быть, сбил с толку Катбертов, а знаете, как быстро распространяются и раздуваются слухи в таких маленьких местечках, как это. Бедная мисс Вейвесаур, кажется, думает, что нас всех выгонят на улицу. Лично я не верю ни одному слову в этих разговорах.

– Я знаю Григшоу двадцать лет. Надо сказать, он малость зазнался. Утром я с ним поговорю.

– Только не ради *меня*, пожалуйста. А вот для того, чтобы успокоить мисс Вейвесаур, это было бы весьма кстати.

– Очень простое дело, если решить его должным служебным порядком. Все, что ему надо сделать, это подать рапорт о том, что в данное время комнату занимает старший офицер. После этого неприятностей с Григшоу у вас больше не будет, обещаю вам.

– Уверяю вас, он ничуть меня не беспокоил. Он, пожалуй, обошелся грубовато с Катбертами, но, наверное, считал, что выполняет свой долг.

– Я вот покажу ему долг.

Мистер Краучбек уже ушел из отеля, когда на следующее утро Джамбо спустился вниз, помня о своем обещании. Перед неторопливым отъездом он сказал пару слов майору Григшоу.

Два дня спустя мистер и миссис Катберт сидели в своей личной гостиной. Только что ушел майор Григшоу, заверив, что их постояльцев не потревожат. Однако Катбертов это сообщение не обрадовало.

– Мы могли бы сдать комнату старого Краучбека за восемь гиней в неделю, – сказал мистер Катберт.

– Мы могли бы сдать все комнаты в доме вдвое дороже.

– Постоянные жильцы были выгодны до войны. Они давали нам возможность неплохо заработать в зимние месяцы.

– Но теперь война. Я думаю, можно снова повысить плату.

– Надо бы вымести всех под метелку и брать постояльцев только на неделю. Вот откуда потекли бы денежки. Надо сделать так, чтобы люди все время переезжали с места на место. Пусть ломают голову, куда им деваться. Те, у кого разбомбили дома, были бы благодарны за все. Да, сказать по правде, Григшоу подложил-таки нам свинью.

– Непонятно, почему он вдруг сдался как раз в тот момент, когда, казалось, все складывалось как нельзя лучше.

– На военных нельзя, полагаться, особенно в коммерческих делах.

– Это все дело рук старого Краучбека. Не знаю как, но сделал это именно он. Хитрющий старикашка, если хочешь знать. На вид такой тихоня и говорит так, словно и воды не замутит: «Понимаю, как вам трудно, миссис Катберт», «Так благодарен за все ваши хлопоты, миссис Катберт».

– Он видел и лучшие дни. Это все знают. В таких людях что-то есть. Так уж их воспитали, что они думают, будто все им должно доставаться легко. Так или иначе, но им и *вправду* все достается легко. Будь я проклят, если знаю, как это им удается.

В дверь постучали, и вошел мистер Краучбек. Его волосы растрепались от ветра, глаза слезились – он сидел на улице в темноте.

– Добрый вечер, добрый вечер. Пожалуйста, не вставайте, мистер Катберт. Я только хотел сообщить вам о своем решении. С неделю назад вы говорили, что кому-то здесь нужна комната. Вы, должно быть, забыли, но я помню. Знаете ли, я обдумал это дело, и мне кажется несколько эгоистичным занимать обе комнаты в такое время. Мой внук – в плену. Столько бездомных людей из городов,

постояльцы, выгнанные из «Монте-Роуз», которым некуда деваться. Нехорошо такому старику, как я, занимать столько места. Я спрашивал в школе, и мне обещали взять на хранение кое-что из мебели. Поэтому я пришел предупредить за неделю, что в будущем, то есть в ближайшем будущем, гостиная мне не понадобится. После войны я с радостью сниму ее снова. Надеюсь, это не причинит вам неудобств. Разумеется, я останусь, пока вы не подыщете подходящего жилья.

– Это нетрудно. Очень вам обязаны, мистер Краучбек.

– Тогда решено. Спокойной ночи вам обоим.

– Легко на помине, – заметила миссис Катберт, когда мистер Краучбек вышел. – Ну и что ты об этом думаешь?

– Может, у него туго с деньгами?

– Как бы не так. Он гораздо богаче, чем тебе кажется. *Раздает* деньги направо и налево. Я-то знаю, потому что иногда убираю его комнаты. Всюду валяются благодарственные письма.

– Непонятный человек, уж это точно. Я никогда не мог понять его как следует. Видно, его голова работает как-то иначе, чем твоя и моя.

«Таймс», 2 ноября 1940 г. Личные».

Сидя в кафетерии «Грэнд-отеля» в Саутсанде, Гай искал свое объявление в столбце о розыске людей и наконец нашел:

«КОРНЕРА Джеймса Пенденниса, известного по прозвищу ЧАТТИ, из Бечуаналенда или подобной территории просят сообщить в почтовый ящик 108, тогда он узнает нечто полезное для себя».

Стиль, с досадой отметил Гай, не на высоте, но призыв был недвусмысленным, как трубный глас в день страшного суда. В нем звучала нотка отчаяния, словно он исходил из Ронсесвальесского ущелья. Гай сделал все, что мог, в отношении имущества Эпторпа, и теперь оставалось только ждать.

Шел шестнадцатый день после его отъезда из казарменного городка алебардистов и одиннадцатый – в Саутсанде. Первые этапы поисков были легкими. Брук-парк, где Эпторп разместил остатки имущества, которое считал самым необходимым для жизни, еще находился в руках алебардистов. Имущество Эпторпа хранилось в неприкосновенности, и доступ к нему был открыт. Любезный квартирмейстер был готов расстаться с любой вещью, только бы получить документ в трех экземплярах. Гай выдал расписку. В чужой столовой его приняли с братской теплотой, да и с любопытством, потому что он был первым алебардистом, принесшим известия из Дакара. Его заставили прочитать батальону лекцию об опыте высадки при оказании противником противодействия. Он умолчал об обстоятельствах ранения Ритчи-Хука. Ему дали транспорт и с почетом отправили в путь.

В Саутсанде он нашел командора яхт-клуба, который жаждал избавиться от имущества, оставленного Эпторпом. В своей спальне Эпторп оставил то, что в крайнем случае можно было счесть излишним. Чтобы вывезти все вещи, понадобилось сделать три ездки на такси. Командор собственноручно помогал сносить вещи вниз и

грузить их на машину. Когда погрузка закончилась и привратник из отеля свез вещи в хранилище, командор спросил:

– Вы надолго?

Гая пришлось ответить:

– Сам не знаю.

Он действительно еще не знал этого. Гай вдруг почувствовал себя одиноким. Питающий провод, связывавший его с армией, был перерезан. Он был таким же недвижимым, как имущество Эпторпа. Недавно были введены разные загадочные запреты на перевозку вещей. Гай обратился за помощью к офицеру по железнодорожным перевозкам, но получил категорический отказ.

– Ничем не могу помочь, старина. Читайте инструкции. Офицеры, следующие в отпуск или возвращающиеся из отпуска, могут иметь с собой только рюкзак и чемодан. Вам надо получить специальное разрешение на перевозку этого барахла.

Гай телеграфировал начальнику штаба казарменного городка и через два дня получил в ответ лишь три слова: «Продлить отпуск разрешается».

Так он и оставался здесь, совсем пав духом, пока осень не перешла вдруг в зиму. От штормового ветра дрожали двойные стекла отеля, огромные волны бились о доты и проволочные ограждения на променаде.

Казалось, он обречен остаться здесь навечно, охраняя груды тропического хлама, как тот русский часовой-гвардеец, который, как ему рассказывали, каждый день, год за годом, вплоть до революции, стоял на посту, охраняя то место в Царскосельском парке, где Екатерина Великая как-то заметила полевой цветок и пожелала его сохранить.

Саутсанд, хотя его и не бомбили, считался опасным местом и не привлекал беженцев, которые заполнили другие курорты. Он оставался таким же, каким Гай знал его девять месяцев назад: просторным, безлюдным, ветреным и убогим. Заметна была только одна перемена: ресторан «Гарибальди» закрылся. Мистера Пелеччи, как он узнал, взяли в тот день, когда Италия объявила войну, отправили на пароходе в Канаду, и он утонул где-то посреди Атлантики – единственный шпион среди множества невинных. Гай посетил мистера Гудолла и нашел его в приподнятом настроении он

верил, что во всей христианской Европе назревает великий подъем. Вскоре, наверстывая упущенное время, поляки, венгры, австрийцы, баварцы, итальянцы и немногие отважные швейцарцы из католических кантонов во главе со священниками и помещиками выйдут на улицы, неся священные хоругви и мощи святых. Мистер Гудолл допускал, что даже некоторые французы присоединятся к этому маршу во имя господне, однако не мог обещать Гаю возможности принять в нем участие.

Дни шли за днями. Вечно склонный к унынию. Гай был уверен, что его короткое приключение кончилось. У него был пистолет. Может быть, в конце концов он выстрелит в какого-нибудь десантника и умрет сам, неопознанный, но сладостной и достойной смертью. Но скорее всего он проторчит годы в этом яхт-клубе и услышит о победоносном окончании войны по радио. Вечно склонный причудливо усложнять свои неприятности, Гай представлял себе, как он поселится отшельником в палатке Эпторпа и кончит дни на холмах Саутсанда, мучительно осваивая искусство Чатти Корнера, из милости посещаемый раз в неделю мистером Гудоллом, – более легкий вариант судьбы бедного безумного Айво, умершего от голода в трущобах северо-западной части Лондона.

Так размышлял Гай даже в тот момент, когда пробил его час и Джамбо Троттер был в пути, чтобы вернуть его к активной жизни.

Был день поминовения усопших. Гай отправился в церковь помолиться за души братьев, особенно за Айво. Джервейс в тот год казался очень далеким, возможно находящимся в раю, в обществе других бравых солдат. Мистер Гудолл был в церкви. Он усердно сновал туда и сюда, вверх и вниз, *toties quoties*^[29], освобождая из чистилища одну душу за другой.

– Уже двадцать восемь, – сообщил он. – Я всегда стараюсь довести до пятидесяти.

Вокруг мистера Гудолла хлопали крылья искупленных душ, однако, выйдя из церкви, Гай опять остался наедине с пронзительным ветром.

Джамбо прибыл после второго завтрака и нашел Гая в зимнем саду перечитывающим «Вайси-верса». Гай сразу узнал Джамбо и

вскочил на ноги.

– Сидите, мой дорогой мальчик. Я только что подружился с вашим отцом. – Он расстегнул мундир и достал из нагрудного кармана письмо. – Что-то важное для вас, – сообщил он. – Не знаю, что вам предстоит, и не стану спрашивать. Я только курьер. Возьмите письмо в свою комнату и прочтите там. Потом сожгите. Разотрите пепел. Впрочем, по своей работе, какая она ни есть, вы, должно быть, лучше меня знаете, как поступать в таких случаях.

Гай так и сделал. На наружном конверте была пометка красным карандашом: «С нарочным офицером», а на внутреннем стоял гриф: «Совершенно секретно». Он вынул простой канцелярский бланк, на котором было напечатано:

«Вр. лейтенанту королевского корпуса алебардистов
Г.Краучбеку.

С получением сего вышеупомянутому офицеру
надлежит явиться по адресу: Сент-Джеймс, Ю.-3. 1,
Марчмэйн-хаус, кв. 211.

За капитан-коменданта королевского корпуса
алебардистов капитан...»

За последним словом следовала неразборчивая чернильная закорючка. Даже в сокровенных глубинах военной тайны начальник штаба продолжал соблюдать инкогнито.

Пепел размельчать не понадобилось – он рассыпался от одного прикосновения пальцев.

Гай вернулся к Джамбо.

– Я получил распоряжение прибыть в Лондон.

– Можно завтра, я полагаю.

– Там сказано – «с получением сего».

– Мы не успеем добраться до наступления темноты. Все кончают работать, как только завоют сирены. Завтра утром я могу подбросить вас в Лондон.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр.

– Для меня это одно удовольствие. Я люблю время от времени заглянуть в «Синьор», послушать, как идет война. Места для вас хватит. У вас много багажа?

– Около тонны, сэр.

– Вот это да! Давайте взглянем.

Они вместе отправились на склад и молча остановились перед грудой железных сундуков, кожаных чемоданов, окованных медью ящиков, бесформенных брезентовых мешков, сумок из буйволово́й кожи. Джамбо взирал на них с явным благоговением. Он сам считал, что надо быть полностью обеспеченным на случай превратностей путешествия. Но то, что было здесь, превосходило все его честолюбивые мечты.

– Тут не одна тонна, а добрых две, – наконец промолвил он. – Да, вам, *должно быть*, действительно предстоит весьма сложное дело. Тут требуется организация. Где штаб округа?

– Не знаю, сэр.

Всякий другой младший офицер за такое признание получил бы от Джамбо взбучку, но Гай теперь был окутан покровом тайны и значительности.

– Одинокый волк, а? – заметил Джамбо. – Я, пожалуй, пойду и попытаюсь связаться по аппарату.

Под этим словом Джамбо, как и многие другие, подразумевал телефон. Он переговорил с кем-то и вскоре сообщил, что завтра утром в их распоряжение придет грузовик.

– Мир тесен, – усмехнулся он. – Парень из округа, с которым я разговаривал, оказался моим хорошим знакомым. Конечно, младше меня по чину. В штабе старины Хэмилтона-Брэнда в Гибралтаре. Сказал, что заеду к нему повидаться. Возможно, там и пообедаем. Увидимся утром. Трогаться слишком рано нет смысла. Я велел подать машину к десяти. Устраивает?

– Вполне, сэр.

– Повезло, что этот парень из округа оказался знакомым. Не пришлось ему рассказывать о вас и о ваших делах. Я просто сказал: «Об этом ни гугу!» – и он все понял.

На следующий день все шло как по маслу: они отправились в Лондон, грузовик следовал сзади, к часу подкатили к клубу «Герцог Йоркский».

– Нет смысла являться сейчас к вашему начальству. Его наверняка нет на месте, – сказал Джамбо. – Можем здесь позавтракать. Да и солдат надо покормить. Задача – найти место для вашего имущества.

В этот момент у подъезда появился генерал-майор, явно направлявшийся в клуб. Гай отдал честь, а Джамбо заключил генерала в объятия.

– Бино!

– Джамбо! Что ты тут делаешь, старина?

– Соображаю насчет завтрака.

– Тогда поторапливайся. К часу уже не останется ничего приличного. Эти молодые члены клуба – ужасные обжоры.

– Не можешь ли дать мне охрану, Бино?

– Это просто невозможно, старина. Что сейчас творится в военном министерстве! Не могу подыскать себе даже денщика.

– У меня тут до черта секретных грузов.

– Знаешь, что сделай, – после короткого раздумья предложил Бино. – Возле военного министерства есть стоянка только для начальника имперского генерального штаба. Сегодня он в отъезде. Я бы поставил туда твое хозяйство. Его никто не тронет. Скажи, что это личные вещи начальника генштаба. Я дам твоему шоферу записку. Тогда и он, и твой другой солдат смогут поесть в тамошней столовой.

– Молодчина, Бино!

– Чепуха, Джамбо.

Гай проследовал за обоими старшими офицерами в клуб и был увлечен волной морских и сухопутных членов клуба в столовую. В «Беллами» тоже была своя группка важных офицеров, но здесь каждый блистал красными петлицами, золотыми галунами, орденскими ленточками и томился нескрываемым голодом. Гай робко жался у центрального стола, вокруг которого, как на охотничьем празднике, шла борьба за еду.

– Вступайте в бой, – скомандовал Бино. – Каждый за себя.

Гай схватил последнюю куриную ножку, но какой-то контр-адмирал ловко смахнул ее у него с тарелки. Вскоре Гай вышел из-за стола, удовольствовавшись в соответствии со своим чином порцией мясных консервов со свеклой.

– Больше ничего не хотите? – гостеприимно осведомился Джамбо. – А мне что-то маловато. – Ему досталась половина пирога с мясом.

Во время завтрака Бино рассказывал, как на днях его чуть не разорвала бомба.

– Я бухнулся вниз лицом, старина, и меня всего засыпало штукатуркой. Можно сказать, был на волосок от смерти.

Наконец они вышли из-за стола.

– Пошел ишачить, – вздохнул Бино.

– Я подожду здесь, – сказал Джамбо. – Не оставлю вас, пока не увижу, что моя задача успешно выполнена.

Выйдя из клуба, Гай свернул в сторону от главного потока его членов, направлявшихся в Уайтхолл, и прошел четверть мили, отделявшей его от Марчмэйн-хауса, многоквартирного дома на Сент-Джеймс-стрит, куда ему надлежало явиться.

Штаб особо опасных операций, это странное порождение тотальной войны, впоследствии распространившийся на пять акров бесценной лондонской земли, включал наряду с обыкновенными старшими штабными офицерами всех видов вооруженных сил экспертов, шарлатанов, просто психов и безработных. На данном этапе своей истории штаб особо опасных операций занимал три квартиры в считавшемся роскошным современным доме.

Гай доложил о своем прибытии майору примерно его лет с орденом «За безупречную службу» и военным крестом. Майор слегка заикался. Беседа продолжалась не больше пяти минут.

– Краучбек, Краучбек, Краучбек, Краучбек, – бормотал майор, перебирая стопку бумаг на столе. – Сержант, что нам известно о мистере Краучбеке?

Сержант оказался женщиной почтенного возраста.

– Досье Ритчи-Хука, – ответила она. – Последний раз его брал генерал Уэйл.

– Подите принесите его. Не в службу, а в дружбу.

– Я боюсь.

– Ну ладно, неважно. Я теперь все вспомнил. Вас навязали нам вместе с вашим бывшим бригадиром для выполнения особого задания. Что это за особое задание?

– Не знаю, сэр.

– И никто не знает. Вы оказались здесь по распоряжению очень высокой инстанции. О командос вам все известно?

– Не так много.

– Вам и не надо ничего знать. Считается, что это секретная организация, хотя по докладам службы безопасности, которые мы получаем с Магга, она уже привлекла к себе внимание. Я получил письмо от одного типа – подпись не могу разобрать, – который жалуется в довольно-таки сильных выражениях, что эти ребята стреляют из автоматов по его оленям. Не понимаю, как им удается достаточно близко подойти. Замечательная охота, если это правда. Как бы там ни было, вы направляетесь именно туда временно прикомандированным для учебных целей к отряду командос «Икс» на острове Магг. Понятно?

– Так точно, сэр.

– Сержант Тренчард выпишет вам проездные документы. Денщик с вами?

– В данный момент, – сказал Гай, – со мной служебный автомобиль, трехтонный грузовик, шофер из службы тыла, денщик-алебардист и полковник.

– Так-так, – протянул майор, быстро усвоивший обычай штаба особо опасных операций ничему не удивляться. – Тогда все в порядке. На Магге явитесь к полковнику Блэкхаусу.

– К Томми Блэкхаусу?

– Ваш приятель?

– Да. Женился на моей жене.

– Вот как? *В самом деле?* А я думал, он холостяк.

– Теперь холостяк.

– Вот, я так и думал. Мы вместе учились в штабном колледже. Славный малый, в его отряде тоже славные ребята. Рад, что он ваш приятель.

Гай отдал честь, повернулся кругом и вышел, лишь чуточку смутившись. Это был классический пример армейской жизни, какой он ее познал: пустота, судорожная спешка, стремительное падение и при всем при том особенная, безличная, чисто человеческая сердечность.

Когда Гай вернулся в клуб, Джамбо спал в гостиной.

– По коням, по коням! – воскликнул он, когда окончательно проснулся и узнал, что предстоит долгий путь. – Надо выбраться из Лондона, пока не началась бомбежка. Лучше избегать всего, что

нагоняет страх на Бино. К тому же надо еще подумать о вашем багаже.

Подойдя к грузовику, они заметили на нем признаки повышения в ранге. Расторопный часовой наклеил на него ярлыки с литерами «Н.И.Г.Ш.», которые означали: начальник имперского генерального штаба.

– Снять их перед отъездом, сэр?

– Конечно, нет. Вреда от них никакого, а польза может быть большая.

– Не наклеить ли ярлык и на легковую машину, сэр?

Джамбо задумался. Прогулка сделала его довольно легкомысленным; он снова вдохнул бодрящий воздух своей молодости, когда беззаботным младшим офицером участвовал во многих сумасбродных выходках.

– А почему бы нет? – сказал он.

Потом опять задумался. Здравый смысл взял верх. По своему богатому военному опыту он хорошо знал, как далеко можно зайти.

– Нет, – с сожалением сказал он. – Нельзя.

Они выехали из израненного города. У Сент-Олбанса включили затемненные подфарники, и почти тут же вокруг завывали сирены.

– Сегодня нет смысла забираться слишком далеко, – сказал Джамбо. – Я знаю одно местечко милях в тридцати к северу, где можно остановиться на ночь.

Остров Магг не прославился ни в песнях, ни в легендах. Возможно, потому, что всякий раз, когда к этому названию подыскивали рифму, получалась несурезица, и романтические английские дамы ранневикторианской эпохи, которые так щедро обогащали баллады, фольклор и национальные одежды горной Шотландии, пренебрегали этим местом. На острове жил помещик, имелись рыболовный флот, отель, воздвигнутый перед самой первой мировой войной в несбывшейся надежде привлечь туристов, и больше ничего. Он расположен среди других торчащих из моря островов с односложными названиями. В этих водах редко бывает ясная погода, но иногда Магг виден с острова Рам в форме двух конусов. Фермеры острова Мак знают его как одинокий, неясный бугор на горизонте. С острова Эгг его не видно никогда.

Два раза в неделю сюда заходит обслуживающий пароход из Инвернесса. Дотошный пассажир, рискнувший постоять на палубе, может наблюдать, как остров постепенно принимает форму: сначала видны две крутые возвышенности; потом различается гранитный замок 1860 года, не поддающийся разрушению и не занятый никем, кроме шотландского помещика; причал, коттеджи, отвесные гранитные скалы и унылые кирпичные стены отеля.

Гай со своим антуражем прибыл в маленький порт за несколько часов до отправления парохода. Небо было хмурым, дул сильный ветер. Джамбо моментально принял решение.

– Я остаюсь здесь, – заявил он. – Нельзя подвергать опасности наше имущество. Вы отправляйтесь и познакомьтесь со своим начальством, а я приеду, когда прояснится погода.

Гай отправился один искать отряд командос «Икс».

Когда экзотическое название «командос» стало наконец достоянием прессы, его значение стремительно расширилось, включив священников на мотоциклах. В 1940 году отряд командос представлял собой воинскую часть специального назначения

численностью до батальона, сформированную из добровольцев. Они сохраняли знаки отличия своих полков; тогда не было ни эмблем на головных уборах, ни зеленых беретов – ничего, чем можно было обнаружить себя в гостиницах. Это были секретные войска, единственной привилегией которых была необходимость самим заботиться о размещении и пропитании. Каждая часть воспринимала характер своего командира.

Томми Блэкхаус заявил:

– Предстоит долгая война. Великое дело – провести ее среди друзей.

Друзья населяли богатый мир Томми. Одни были кадровыми военными; другие прослужили в юности год-два в гвардейской бригаде по прихоти родителей и опекунов, прежде чем перейти к другой деятельности или бездеятельности. К ним он и обратился, когда наконец утвердили его терпеливо ожидаемое назначение. В этом деле ему помог клуб «Беллами». Томми разослал по полкам взводных для вербовки добровольцев. Отряд командос сформировался, по мнению некоторых, слишком быстро, и поэтому его отправили для прохождения подготовки на остров Магг. На этом этапе Гай и появился на острове. С причала его направили в отель.

В три часа он не застал в отеле никого, кроме капитана «синих», который полулежал на софе; на его голове был тюрбан из бинтов, а на ногах – узкие бархатные шлепанцы с вышитой золотом монограммой. Он ласкал белого китайского мопса; рядом стоял бокал белого ликера.

Софа была покрыта турецким ковром. Восьмиугольный столик, на котором стояли бокал и бутылка, был инкрустирован перламутром. Капитан походил на восседающего в великом диване молодого восточного принца начала двадцатого века.

Он даже не поднял глаза на вошедшего Гая.

Гай узнал в нем Айвора Клэра, известного молодого наездника, владельца умной и красивой лошади по кличке Тимбл. Гай видел их в Риме на конкур-иппике: Клэр, слегка наклонившийся вперед в седле, с напряженным лицом пианиста; лошадь, точно ставящая ноги на манеже, прыгающая легко, без задержки и колебания, быстро и безошибочно обходящая весь круг в мертвой тишине, взрывающейся под конец громом аплодисментов. Гай знал его так же как члена «Беллами». Он должен был знать Гая: они часто сживали друг

против друга или стояли в одной и той же группе у стойки в баре в беспечные дни прошлого года.

– Добрый день, – сказал Гай.

Клэр взглянул на него, ответил: «Добрый день» – и вытер морду собачки шелковым носовым платком.

– Снег очень вреден глазам Фриды. Вам, наверное, нужен полковник Томми. Он лазит по скалам. – Помолчав, Клэр вежливо добавил: – Видели газету за прошлую неделю? – и протянул Гаю номер «Рам-Мак-Магг-энд-Эгг-таймс».

Гай огляделся вокруг: головы оленей, лестница мореного дуба, широкий ковер, сотканный из местной шотландской шерсти.

– Кажется, я видел вас в «Беллами».

– Как я о нем тоскую!

– Моя фамилия Краучбек.

– А-а... – У Клэра был такой вид, словно он глубокомысленно изучает это сообщение или сделал ход в шахматы, который должен привести к мату. – На вашем месте я выпил бы «кюммеля». Мы откопали тайник Вольфшмидта. Запишите на свой счет вон на той бумажке.

На столе посреди комнаты стояли бокалы и бутылки и лежал список фамилий с отметками о количестве выпитого.

– Я прибыл сюда для подготовки, – снова начал Гай.

– Гиблое место.

– Вы не можете подсказать мне, где я смогу разместиться?

– Здесь живут полковник Томми и большинство из нас. Но теперь отель переполнен. Недавно прибывшие, кажется, живут на посту береговой охраны. Я как-то заглянул туда. Ужасно воняет рыбой. Послушайте, вы не очень обидитесь, если мы не будем разговаривать? Вчера утром я упал на лед с высоты пятидесяти футов.

Гай штудировал «Рам-Мак-Магг-энд-Эгг-таймс» за прошлую неделю. Клэр пощипывал брови Фриды.

Вскоре, как в старинной, построенной по всем правилам комедии, на сцену стали выходить другие действующие лица. Первым из них появился военный врач.

– Пароход пришел? – обратился он к обоим.

Клэр закрыл глаза, поэтому ответил Гай:

– Я прибыл на нем несколько минут назад.

– Надо позвонить начальнику порта, чтобы его задержали. Энстрадер-Керр свалился. Его уже несут сюда.

Клэр открыл глаза:

– Бедный Энгус. Умер?

– Да нет. Но я должен немедленно доставить его на материк.

– Не упустите возможности, – сказал Клэр Гаю. – Энгус занимал здесь комнату.

Врач пошел к телефону, а Гай – в контору отеля.

Хозяйка вздохнула:

– Бедный сэр Энгус, а ведь еще шотландец. Нечего было карабкаться по скалам в его-то возрасте.

Когда Гай вернулся, в холл ввалился, как в традиционной комедии, огромный капитан-гренадер. На нем были промокшие рабочие брюки, он тяжело дышал.

– Слава богу, – произнес он. – Еле успел. Когда Энгус свалился, все бросились бежать. Я добрался до половины скалы, когда мы узнали эту новость, и быстро соскользнул вниз.

Вернулся врач:

– Пароход задержан только на пятнадцать минут. Говорят, в темноте будет трудно входить в порт.

– Ладно, – сказал запыхавшийся капитан. – Побегу займу его комнату.

– Опоздал, Берти, – отозвался Клэр. – Она уже занята.

– Не может быть. – Заметив Гаю, он выругался: – А, черт!

Санитары принесли носилки с бесчувственным телом, покрытым шинелями, осторожно опустили на пол и отправились наверх укладывать вещи пострадавшего.

Вбежал еще один запыхавшийся офицер.

– О боже, Берти! – воскликнул он, увидев гренадера. – Ты занял его комнату?

– Нет, Эдди, а тебе следует быть со своим взводом.

– Я просто подумал, что надо прийти и помочь собрать Энгуса.

– Не шумите, – вмешался врач. – Вы что, не видите, что тут больной?

– Два больных, – добавил Клэр.

– Он разве не умер?

– Говорят, жив.

– А мне сказали, что умер.

– С вашего разрешения, мне это известно лучше, чем вам, – возразил врач.

Словно стремясь разрешить спор, с носилок раздался сдавленный голос:

– Чешется, Эдди. Все тело чертовски чешется.

– Ощущение ползания мурашек, пояснил врач. – Морфий часто дает такой эффект.

– Очень забавно, – сказал Клэр, впервые проявив настоящий интерес. – У меня есть тетка, которая принимает огромные дозы морфия. Интересно, чешется ли у нее?

– Ну если ты не занял комнату, Берти, – сказал Эдди, – я побегу и закреплю ее за собой.

– Поздно. Уже занято.

Эдди недоверчиво оглядел холл, впервые увидел Гая и выругался, как Берти:

– А, черт!

Гай подумал, что лучше все-таки закрепить свою заявку. Он отнес свой-саквояж и чемодан наверх и, прежде чем с туалетного столика Энстрадер-Керра убрали его щетки для волос, положил туда свои. Он распаковал все вещи, подождал, пока закончат свои дела санитары, и вышел вслед за ними, заперев за собой дверь.

Внизу собралось еще больше промокших и запорошенных снегом офицеров, среди них и Томми Блэкхаус. Никто не обратил на Гая внимания, кроме Томми, который воскликнул:

– Привет, Гай! Каким ветром тебя сюда занесло?

Чувствовалась еле уловимая разница между тем Томми, которого Гай знал двенадцать лет, и Томми – командиром части, и это побудило Гая официально доложить:

– Приказано явиться в ваше распоряжение, полковник.

– Впервые об этом слышу. Я искал тебя, когда мы формировались, но этот болван Джоуб сказал, что ты уехал в Корнуолл или еще куда-то. Во всяком случае, мы так быстро теряем ребят, что найдется место для всех. Берти, мы получили какие-нибудь бумаги на этого «яблочника» – Гая Краучбека?

– Может быть, в последней почте, полковник. Я ее еще не вскрывал.

– Вскройте, ради бога. – Он снова обратился к Гаю: – Ты сам-то имеешь представление, для чего тебя сюда прислал-и?

– Прикомандирован для подготовки.

– Ты будешь учить нас, или мы будем учить тебя?

– Конечно, вы будете учить меня.

– Спасибо и на этом. Последнее маленькое пополнение из штаба особо опасных операций прибыло учить нас. Кстати, Берти, я вспомнил: надо отправить Конга.

– Слушаюсь, полковник.

– Можно посадить его на пароход с Энгусом?

– Уже поздно.

– На этом проклятом острове всегда все кажется слишком поздним. Во всяком случае, не допускайте его к солдатам, пока не найдем, куда его сплавить. Увидимся позже. Гай, и я определю тебе место. *Очень* рад, что ты здесь. Пошли, Берти. Надо вскрыть почту и посмотреть, что нам пишут.

Оттаивающие люди в рабочей одежде стали наполнять бокалы.

Гай обратился к Эдди:

– Я понял, что Берти – начальник штаба?

– Что-то в этом роде.

– А кто такой Конг?

– Трудно сказать. Он выглядит, как горилла. Его выкопали где-то в штабе особо опасных операций и прислали сюда учить нас лазить по скалам. Мы зовем его Кинг-Конг.

Вскоре вернулся врач.

Все, кроме Гая, который считал, что он еще недостаточно познакомился, чтобы проявлять озабоченность, стали расспрашивать об Энгусе.

– Самочувствие довольно приличное.

– Не чешется? – спросил Клэр.

– Насколько это возможно, его устроили удобно. Я позаботился, чтобы его приняли на том берегу.

– В таком случае, док, не посмотрите ли моего парня Крэмпса, который сегодня получил сотрясение?

– А я хотел, чтобы вы посмотрели капрала Блейка – того парня, которому вы поставили заплату вчера.

– Я посмотрю их завтра на приеме.

– Блейк, похоже, не может ходить. Нет, док, посмотрите его сегодня, а я поднесу вам выпить. Мне не нравится его вид.

– И парашютиста Эйра, – попросил еще один офицер. – Он то ли пьян, то ли бредит; Вчера приземлился на голову.

– Наверное, пьян, – заметил Клэр.

Врач поглядел на него с ненавистью:

– Хорошо. Покажите, где они размещаются.

Вскоре Гай и Клэр опять остались одни.

– Я рад, что вы отбили у Берти и других эту комнату, – сказал Клэр. – Конечно, этим вы вряд ли завоюете любовь. Но, возможно, вы не пробудете здесь очень долго. – Он закрыл глаза, и на несколько минут воцарилась тишина.

В последнем явлении на сцену вышел человек в килте^[30] и в форме шотландского горного полка, с длинным пастушеским посохом в руках. Человек заговорил голосом, каким говорят скорее на Грейт-Вест-роуд, чем на перевале Гленкоу.

– С сожалением узнал об Энгусе.

Клэр смерил его взглядом.

– О каком Энгусе? – спросил он с неприязнью, граничащей со злобой.

– О Керре, конечно.

– Вы имеете в виду капитана сэра Энгуса Энстрадер-Керра?

– А кого же еще?

– А я и не догадался.

– Ладно, как он?

– Говорят, ничего. Если так, то это, должно быть, первый случай за несколько недель.

Во время этого разговора Гай с растущим изумлением вглядывался в новоприбывшего. Наконец он воскликнул:

– Триммер!

Фигура – шотландская шапочка, спорран^[31], посох и все прочее – резко повернулась к нему:

– Ба! Да ведь это мой старый «дядюшка»!

– Этот офицер действительно ваш родственник? – спросил Клэр Гая.

– Нет.

– До сих пор, когда он появлялся здесь, мы знали его как Мактейвиша.

– Триммер – это вроде прозвища, – пояснил Триммер.

– Любопытно. Помнится, вы недавно просили меня называть вас Али.

– Это другое прозвище – сокращенное от Алистер.

– Я так и думал. Не буду спрашивать, от какого слова сокращение «Триммер». Вряд ли от «Тримблстаун». Что ж, оставляю вас, двух старых друзей, одних. До свидания, Триммер.

– Пока, Айвор, – ответил Триммер, ничуть не смутившись.

Когда они остались одни, Триммер сказал:

– Не обращайтесь внимания на старину Айвора. Мы с ним большие друзья и немножко подтруниваем друг над другом. Вы заметили у него военный крест? Знаете, как он его получил? В Дюнкерке. За то, что пристрелил троих солдат-территориальщиков, которые пытались потопить его лодку. Старина Айвор – славный малый. Не поднесете ли мне выпить, «дядюшка»? Это была цель учения.

– Почему тебя зовут Мактейвиш?

– Это довольно длинная история. Фамилия моей матери Мактейвиш. Иногда, понимаете, ребята записываются добровольцами под вымышленными фамилиями. Когда я ушел из алебардистов, мне не хотелось околачиваться в ожидании, пока меня призовут. Мою фирму разбомбили, и я остался без дела. Поэтому я отправился в Глазго и записался добровольцем. Никто не задавал мне вопросов. Фамилия Мактейвиш показалась мне подходящей. Я успешно проскочил курсы подготовки кандидатов в офицеры. Там нет такой помпы и церемоний, как у алебардистов. Мне становится смешно, когда я вспоминаю эти званые вечера, высокомерное фыркание и всякую такую дребедень. И вот я здесь, в шотландских войсках. – Он сам налил себе виски. – Налить вам? Запишу и вашу, и свою порцию на имя Энгуса. Здесь хорошая система. Я частенько сюда заглядываю и, если никого нет, записываю на имя какого-нибудь оболтуса. Меня угощают только знакомые ребята, вроде Энгуса, он ведь тоже шотландец.

– Можешь записать на меня, – сказал Гай, – я тоже здешний.

– Вы молодец, «дядюшка». За ваше здоровье! Я сам подумываю, не вступить ли в командос, но сейчас я неплохо устроился. Мой

батальон отправили в Исландию. У нас был довольно бурный прощальный вечер, и я растянул связки на запястье, поэтому меня оставили с другими лишними, а потом послали вот сюда для несения охраны.

– Не повезло тебе.

– Не думаю, что я много потерял, не поехав в Исландию. Кстати, о бурных вечерах: помните, как вы растянули коленку на том последнем вечере в алебардийском городке?

– Помню.

– Парень, которого зовут Кинг-Конг, тоже был там.

– Чатти Корнер?

– Никогда не слышал такого имени. Тот тип, который напился до потери сознания.

– Его-то я и ищу.

– О вкусах не спорят. Он прославился в этих местах как убийца. Живет на косе около нашего орудия. Убогое жилище. Я никогда туда не заходил. Если хотите, провожу.

На улице был страшный холод. Смеркалось. За причалами под скалой шла каменистая тропинка, теперь вся обледенелая. Гай позавидовал пастушескому посоху Триммера. Они медленно пробирались по направлению к косе.

По пути Триммер показывал примечательные места.

– Вот здесь свалился Энгус.

Они постояли, потом медленно двинулись дальше, а когда обогнули мыс, им в лицо ударил колючий ветер.

– Вот моя пушка, – показал Триммер.

Сквозь слезы, застилавшие глаза, Гай увидел нечто, покрытое чехлами и направленное в море.

– Трофей. Сняли с вооруженного траулера, затонувшего недалеко от берега. Взяли вместе с ней еще и двадцать снарядов.

– Посмотрю в другой раз.

– В данный момент один из двадцати снарядов застрял в казенной части. Перепробовали все – ни туда, ни сюда. Мои солдаты не очень-то соображают в артиллерии. Да откуда им и знать-то?

Вскоре они подошли к кучке хибарок с тускло светящимися окнами.

– Здесь живут туземцы. Никак не заставишь их соблюдать светомаскировку. Привлек Магга, чтобы разъяснить им. Не помогло.

– Магга?

– Так он себя называет. Надутый старый козел, но в этих местах он царь и бог. Живет в замке.

Наконец они добрались до высокого одинокого здания. Немногие оконца были тщательно замаскированы; не светилась ни одна щель.

– Это здание называют старым замком. Здесь живет управляющий, и Конг с ним. Я оставлю вас здесь, если не возражаете. Мы с Конгом не в ладах, а управляющий вечно отпускает грязные шуточки по поводу моего шотландского происхождения.

Они дружески расстались, и прощальные слова застыли на ветру, как и их дыхание. Гай приблизился к недружелюбному зданию один. «Как Роланд^[32] к мрачной башне», – подумал он.

Гай постучал в дверь и позвонил. Вскоре блеснул свет, послышались шаги, повернулся ключ в замке, и дверь приоткрылась на цепочке на три дюйма. Его окликнул женский голос, столь же ясный по смыслу и непонятный по словам, как лай собаки. Гай твердо ответил:

– Капитана Джеймса Пенденниса Корнера.

– Капитана?

– Корнера, – повторил Гай.

Дверь закрылась.

Гай съежился. Ветер задул еще сильнее, оглушая его так, что он не услышал, как щелкнул замок и звякнула цепочка. Когда дверь внезапно открылась, он споткнулся и чуть не упал в неосвещенную прихожую. Он стоял на месте, пока не открылась дверь наверху, осветив золотистым светом прихожую и каменную винтовую лестницу, выросшую из темноты прямо перед ним. В дверях черным пятном вырисовывалась женская фигура. Здание, без сомнения, было средневековым, по обстановке напоминала декорацию из пьесы Метерлинка в постановке Гордона Крейга.

– Кого там черт принес? – раздался глухой голос изнутри.

Гай поднялся по лестнице так же осторожно, как шел по обледенелой тропинке. Гранитные ступени были более скользкими и

твердыми, чем лед снаружи. Когда он приблизился, женщина скрылась во мраке.

– Входите, кто там есть! – крикнул голос изнутри.

Гай вошел.

Так он добрался до берлоги Чатти Корнера.

День был беспокойный; и к концу его Гай так запутался между действительностью и фантазией, что, входя в комнату, приготовился увидеть уголок этнографического музея – косматого гипотетического предка с выступающей челюстью, заточивающего кремневый наконечник для копья среди груды обглоданных костей у стены, испещренной подражаниями Пикассо. Вместо этого он увидел мужчину хотя грузного и косматого, но созданного по его образу и подобию и явно нездорового. Он сидел, закутанный в армейские одеяла, на обыкновенном прямом стуле перед камином, топившимся торфом, опустив ноги в ведро с горячей водой и горчицей. Под рукой у него стояла бутылка виски, а на каминной полке – котелок с водой.

– Чатти! – воскликнул Гай; его глаза наполнились слезами от волнения (правда, слезные железы еще раньше привел в действие холодный ветер). – Чатти, да вы ли это?

Чатти взглянул на него исподлобья, чихнул и отхлебнул горячего виски. Очевидно, его воспоминания о вечере у алебардистов были не такими яркими, как у Гая.

– Так меня называли в Африке, – наконец произнес он. – Здесь меня зовут Конг. Не знаю почему.

Он посмотрел перед собой, потягивая виски и чихая.

– Почему в Африке меня называли Чатти, я тоже не знаю. Меня зовут Джеймс Пенденнис.

– Знаю. Я давал объявление для вас в «Таймс».

– В «Рам-Мак-Магг-энд-Эгг-таймс»?

– Да нет, в лондонскую «Таймс».

– В этом, наверное, было мало толку. Правда, – признался он, – «Рам-Мак-Магг-энд-Эгг-таймс» я тоже читаю не часто. Вообще я не большой охотник до чтения.

Гай решил, что пора перейти к делу.

– Эпторп... – начал он.

– Да, – сказал Чатти, – этот любит читать газеты. Он рассказывал мне такие вещи, что никогда не поверишь. Вы его знаете?

– Он умер.

– Нет, нет. Я обедал с ним меньше года назад в их столовой. Кажется, я основательно наклюкался в тот вечер. Эпторп, знаете ли, тоже был не прочь раздавить бутылочку.

– Знаю. Теперь он умер.

– Какая жалость! – Чатти чихнул, выпил и погрузился в раздумье. – Человек, который знал решительно все. Да и не старый. Намного моложе меня. От чего он умер?

– Кажется, это называется «бечуанский живот»...

– Паршивая болезнь. Никогда не слышал, чтобы от нее умирали. Он был очень состоятельный человек.

– Ну уж не *очень*.

– Личные средства. *Всякий*, у кого есть хоть *какие-нибудь* личные средства, уже состоятельный человек. *Мне* всегда их не хватало. Я сын приходского священника. Никаких личных средств.

Это напоминало игру, в которую, бывало, Гай играл в юности, когда жил на даче: два собеседника старались естественным образом ввести в разговор определенную фразу. Теперь наступила очередь Гая.

– Все свои деньги он оставил тетке.

– Он много рассказывал о своих тетках. Одна жила...

– Но, – неумолимо продолжал Гай, – все тропическое имущество он оставил вам. Я привез его сюда, вернее, на большой остров, чтобы вручить вам.

Чатти снова наполнил стакан.

– Очень мило с его стороны, – сказал он. – И с вашей тоже.

– Там чертова уйма всяких вещей.

– Да. Он всегда старался собрать как можно больше барахла. Всякий раз, когда я заходил, показывал мне. Радужный человек был этот Эпторп. Всегда давал мне приют, когда я возвращался из леса. Мы, бывало, напивались в клубе, а потом он показывал мне свои последние покупки. Уж такой был заведен порядок.

– А разве он сам не бродил по лесам?

– Эпторп? Нет, ему хватало работы в городе. Иногда я брал его на день-другой поохотиться – в ответ на гостеприимство, понимаете ли. Но он был совершенно никудышный стрелок и только путался под ногами, бедняга. К тому же у него никогда не было достаточно

длинного отпуска, чтобы поехать куда-нибудь подальше. Их здорово заставляли работать в этой табачной компании.

Чатти чихнул.

– На кой черт сюда загнали такого человека, как я? – продолжал он. – Когда началась война, я предложил свои услуги в качестве специалиста по тропикам. Меня назначили начальником школы по обучению боевым действиям в джунглях. Потом, после Дюнкерка, ее ликвидировали, и почему-то мое имя попало в список инструкторов по действиям в горах. Никогда в жизни я не вылезал из леса. Я и понятия не имею о скалах, а тем более – о льдах. Не удивительно, что у нас жертвы.

– Так как насчет вашего имущества? – твердо спросил Гай.

– О, об этом не беспокойтесь. Думаю, здесь мне ничего не понадобится. Как-нибудь посмотрю, что там. Тут рядом живет один отвратительный тип по фамилии Мактейвиш. Он то и дело ездит на большой остров. Как-нибудь на днях съезжу с ним.

– Чатти, вы, видимо, не поняли меня. У меня правовые обязательства. Я *должен* вручить вам наследство.

– Дорогой друг, я не стану предъявлять вам иск.

– Чатти, – настойчиво предложил Гай, – прошу вас подписать расписку за имущество.

– Не глядя?

– Не глядя и в трех экземплярах.

– Я не очень-то разбираюсь в законах.

Гай заложил копирку в свою полевую книжку и написал: «Имущество Эпторпа получил. 7 ноября 1940 года».

– Подпишите здесь, – показал он.

Чатти взял книжку и стал разглядывать ее, склоняя голову то на один, то на другой бок. До последнего момента Гай боялся, что он откажется. Наконец Чатти расписался большими корявыми буквами: «Дж.П.Корнер».

Ветер вдруг стих. Вот он, торжественный момент. В наступившей тишине Гай встал и официально принял книжку. Дух Эпторпа был умиротворен.

Гай спустился вниз и вышел на улицу. Было холодно, но ветер растерял всю свою ярость. Небо очистилось. Даже показалась луна. Он спокойно вернулся в отель, где было полно командос.

Его встретил Томми.

– Гай, у меня плохие новости. Тебе придется сегодня пообедать в замке. Старый черт предъявил уйму жалоб, и я послал было Энгуса заключить мир. Ему не удалось повидать помещика, но оказалось, что он ему какой-то родственник, и на следующий день я получил официальное приглашение отобедать в замке вместе с Энгусом. Отказаться уже невозможно. Больше никто не хочет идти. Остаешься только ты. Иди и быстро переодевайся. Отправляемся через пять минут.

Придя в свою комнату, Гай суеверно запрятал все экземпляры расписки Чатти в разные места.

Резиденцию полковника Гектора Кэмпбелла Маггского местные жители называли новым замком в отличие от старинного и более живописного здания, которое занимали управляющий и Чатти Корнер. Кэмпбеллы Маггские никогда не были богаты, но в какой-то момент в середине девятнадцатого века, благодаря то ли женитьбе, то ли продаже земельного участка на большом острове – вересковой пустоши, подлежащей застройке, то ли наследству от родственника, эмигрировавшего в Канаду или Австралию, – одним словом, благодаря приращению богатства одним из способов, распространенных среди помещиков, тогдашний Магг заполучил денежки и приступил к строительству. Богатство растаяло, но зато появился новый замок. Снаружи он был выдержан в германском стиле, скорее к бисмарковскому, чем в вагнеровскому. Невелик по размеру, он был способен выдержать осаду любым оружием, кроме самого новейшего. Внутри замок был отделан желтой сосной, а своими украшениями был обязан больше набивщику чучел, чем скульптору или художнику.

Не успели Гай и Томми выйти из машины, как двустворчатые двери нового замка распахнулись. Высокий молодой дворецкий в килте и с густой бородой, похоже, произнес несколько приветственных слов, но они потерялись во взрыве музыки. Рядом с ним стоял одетый еще ярче волынщик, старше по возрасту и ниже ростом, – квадратный человек с рыжей бородой. Если бы между ними возник спор, то деньги, несомненно, достались бы волынщику. Дело в том, что он был отцом дворецкого. Все четверо прошли в дом и проследовали наверх в большой зал.

Со стропил свисала люстра, состоящая из концентрических, постепенно уменьшающихся колец из потускневшей меди. Горел лишь с десяток из бесчисленных гроздьев электрических лампочек, с трудом вырывая из мрака большой круглый обеденный стол. Пышную строгость камина с закопченными геральдическими украшениями и остальной обстановки смягчала группа стульев, обитых выцветшим испачканным ситцем. Повсюду были гранит, желтая сосна, шотландская ткань и украшения из оленьих рогов. Шесть собак

разной величины – от пары шотландских борзых до почти безволосых шпицев – подавали голос в обратной своим размерам пропорции. Покрывая шум, из глубин дымного облака раздался зычный голос:

– Тихо вы, чертовы твари! Лежать, Геркулес! Назад, Джейсон! Тихо, сэр!

Заметались тени, послышались звуки ударов, пинков, рычание и жалобный вой. Потом опять заиграл волынщик. В зале было страшно холодно, и от торфяного дыма у Гая потекли слезы. Вскоре волынщик замолчал, и в мертвой тишине из дыма выступили пожилая дама и джентльмен. Полковник Кэмпбелл был увешан украшениями из рога и дымчатого кварца. Кроме шотландской юбочки на нем был бархатный камзол, высокий жесткий воротничок и черный галстук бабочка. На миссис Кэмпбелл не было ничего примечательного.

Рядом таким же медленным шагом шли собаки, молчаливые, но грозные. Гаю отчетливо представилась его вероятная судьба: ослепнуть от дыма среди кресел, замерзнуть насмерть в глубине широкого зала или быть растерзанным собаками на месте, где он стоял. Томми, истый солдат, быстро оценил обстановку и приступил к действию. Он подошел к ближайшей борзой, взял ее за морду и стал вертеть ей голову, что, по-видимому, подействовало на собаку успокаивающе. Длинный хвост ее завилял в дыму. Угомонившиеся собаки спрятали клыки и, приблизившись, обнюхали сначала его брюки, потом брюки Гая.

– Очень сожалею, что мы не могли поставить вас в известность вовремя, – сказал между тем Томми. – Сегодня с Энгусом Энстрадер-Керром произошел несчастный случай на скалах. Я не хотел, чтобы у вас за столом недоставало мужчины, и вместо него привел мистера Краучбека.

Гай уже успел заметить, что между немногими стульями у стола зияли пустоты, и счел такое объяснение своего присутствия далеко не достаточным для образа жизни помещика. Миссис Кэмпбелл мягко пожалала ему руку.

– Магг будет разочарован. Мы, знаете, больше ценим родню, чем вы там, на юге. Кстати, он немного глуховат.

Однако Магг крепко пожал ему руку.

– Я никогда не встречался с вашим отцом, – начал он, – но знал его дядю Керра из поместья Геллиок еще до того, как его отец

женился на Джин Энстрадер из Гленалди. Вы не похожи ни на того, ни на другого. Гленалди был замечательный человек, хотя, когда я его знал, он был уже стариком и все жалел, что у него нет сына, кому можно передать поместье.

– Это мистер Краучбек, друг мой.

– Возможно, возможно, не помню. Где же обед?

– Кейти еще не пришла.

– Она сегодня обедает внизу?

– Ты же знаешь, что да, друг мой. Мы уже говорили об этом. Кейти – внучатая племянница Магга из Эдинбурга, она у нас гостит...

– Гостит? Она живет здесь уже три года.

– Она слишком усердно готовилась к экзаменам, – пояснила миссис Кэмпбелл.

– Ждать ее не будем, – распорядился Магг.

Когда уселись за круглый стол, пустое место, предназначенное для Кейти, оказалось между Гаем и хозяином. Томми сразу завел оживленный разговор с миссис Кэмпбелл о местных приливах и берегах. Помещик взглянул на Гая, решил, что дистанция между ними непреодолима, и, удовлетворившись, принялся за суп.

Вскоре он опять поднял голову и спросил:

– Пироксилин есть?

– Боюсь, что нет.

– Алебардист?

– Да.

Он кивнул в сторону Томми:

– Колдстримец?

– Да.

– Из одной части?

– Да.

– Поразительно.

– Видите ли, у нас смешанная часть.

– Я сам, разумеется, из Аргайлского. Там никакого смешивания. В конце прошлой войны нас пытались назначать в другие части. Ничего не вышло.

Подали рыбу. Полковник Кэмпбелл ел молча, поперхнулся косточками; закрыв лицо салфеткой, он вынул зубы и наконец привел себя в порядок.

– Маггу теперь очень трудно справиться с рыбой, – заметила миссис Кэмпбелл во время этой процедуры.

Между тем хозяин с явной хитрецой взглянул на Томми и сказал:

– А я позавчера видел каких-то саперов.

– Должно быть, это наши.

– У них есть пироксилин?

– Да, наверное. У них много имущества с отметкой: «Опасно».

Помещик перевел суровый взгляд на Гая.

– Вы не думаете, что было бы честнее сразу признаться?

Томми и миссис Кэмпбелл прервали разговор о местах высадки и прислушались.

– Не полагаете ли вы, что, когда я спросил, есть ли у вас пироксилин, я имел в виду, что вы носите его с собой? Я спрашивал: привезли ли вы пироксилин на мой остров?

Вмешался Томми.

– Надеюсь, сэр, у вас нет жалоб на его неправильное использование?

– Или динамит? – продолжал помещик, не обращая на него внимания. – Пойдет любая взрывчатка.

Разговор прервал волынщик. За ним следовал дворецкий, неся огромный кусок оленьей туши; он положил его перед хозяином. Волынка не умолкала. Полковник Кэмпбелл отрезал кусок от задней ноги. Дворецкий продолжал обход, неся поднос с джемом из красной смородины и картошкой в мундире. Только когда стихла волынка, Гай, сидя перед полной тарелкой, заметил, что на соседний стул скромно проскользнула молодая женщина. Он, как мог, поклонился через запутанное переплетение оленьих рогов, украшавшее его стул. Она непринужденно ответила на его приветственную улыбку.

Он решил, что она лет на десять – двенадцать моложе его. То ли она была веснушчатая, что казалось маловероятным в этих местах и в это время года, то ли ее лицо было забрызгано торфяной водой, что было еще менее вероятно, если учесть, с каким вниманием она отнеслась к остальной части своего туалета. «Возможно, родимые пятна, – подумал Гай, – неожиданно появившиеся на Магге как свидетельство давних приключений ее предков – мореплавателей у Молуккских островов». Она была густо нарумянена поверх бурых пятнышек. Короткие черные кудряшки были перехвачены клетчатой

лентой, заколотой брошкой из тех, что, как считал Гай, делаются специально для туристов. На ней было легкое платье, подвергавшее ее в этом зале опасности замерзнуть. У нее были правильные, словно высеченные из мрамора черты лица, а глаза – большие, блестящие и озорные.

– Вы не очень-то хорошо управляетесь, не правда ли? – вдруг заметила она с торжествующей ноткой.

– Это мистер Краучбек, моя милая, – сказала миссис Кэмпбелл, злобно нахмурившись на внучатую племянницу мужа. – Мисс Кармайкл. Из Эдинбурга.

– И настоящая шотландка, – добавила мисс Кармайкл.

– Да, конечно, Кейт. Мы все это знаем.

– Ее бабушка была Кэмпбелл, – тоном глубочайшей печали произнес помещик. – Сестра моей матери.

– Моя мать была Мейклджон, а ее мать – Дандас.

– Никто не сомневается, что ты настоящая шотландка, Кейти, – сказала двоюродная бабушка. – Кушай.

Во время этого обмена генеалогическими сведениями Гай размышлял о странной вступительной фразе мисс Кармайкл. Он прекрасно понимал, что пока не отличился в разговоре, хотя надо было быть большим мастером, подумал он, чтобы не ошибиться. Но как все-таки эта чертова девка узнала? Прятали ли она свои веснушки в дыму или, скорее, была одним из тех феноменов, довольно распространенных, как он считал, в этих местах, – седьмым ребенком седьмого ребенка? У него был трудный день. Он ооченел, задыхался от дыма и был голоден. Ему представлялась бесконечная процессия кармайклов, кэмпбеллов, мейклджонов, дандасов в колоннах по семь – одни в юбочках и беретах, другие в скромных прочных одеяниях эдинбургских обывателей, и все мертвые.

Он подкрепился вином, которое в отличие от супа и рыбы было превосходным. «Хорошо управляетесь» – было, конечно, выражение из детского лексикона. Оно означало: «Плотно поесть». До сих пор инстинкт и опыт удерживали Гая от оленины. Теперь, после такого откровенного упрека, он сунул в рот жилистый кусок несвежего мяса и принялся отчаянно жевать. Мисс Кармайкл снова обратилась к нему.

– Шесть судов за прошлую неделю, – сказала она: – Мы не можем слушать Берлин, поэтому приходится довольствоваться вашим радио. Я думаю, на самом деле гораздо больше: десять, двадцать, тридцать, сорок...

Помещик прервал ее домыслы, обратившись к Томми:

– Так вот для чего здесь саперы – подрывать, не правда ли?

– Они строили англиканский собор в Гибралтаре, – невнятно отвечал Гай, упорно стараясь «управляться» лучше, хотя оленина была совершенно неудобоваримой.

– Нет, – возразил помещик. – Я ездил туда на свадьбу. Его не взорвали. Во всяком случае, во время той свадьбы. А теперь взрывают скалы. – Он лукаво поглядел на Томми. – Они могут взрывать скалы так же легко, как мы с вами, я бы сказал, взорвали бы осиное гнездо.

– Я постарался бы держаться как можно дальше, если бы они попытались.

– А я всегда учил своих солдат, что, чем ближе находишься к месту взрыва, тем безопаснее.

– Боюсь, что теперь так не учат.

Мисс Кармайкл перестала считать и сказала:

– Мы, знаете ли, переросли времена веселого принца Чарли. Теперь Эдинбург – сердце Шотландии.

– Великолепный город, – согласился Гай.

– Он *бурлит*.

– Правда?

– Бурлит в полном смысле слова. Пора мне туда возвращаться. Но об этом мне, конечно, не разрешают даже заикаться.

Она достала из сумочки золотой карандаш и написала на скатерти, загородив свое сообщение рукой.

– Смотрите.

Гай прочел: «ПОЛЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКЛЮЧОНЫЙ» – и спросил с искренним любопытством:

– Вы *сдали* экзамены в Эдинбурге, мисс Кармайкл?

– И не подумала. Я была занята гораздо более важными делами.

Она начала энергично хлебными крошками стирать со скатерти написанное и вдруг, смутившись, приняла светский тон:

– Мне так не хватает музыки. Знаете, в Эдинбург приезжают все великие музыканты.

Пока она писала. Гай ухитрился вынуть изо рта непрожеванный кусок оленины и положить его на тарелку. Он выпил плоток бордо и заговорил более отчетливо:

– Вы случайно не знали в университете одного моего друга? Его зовут Питер Эллис. Он преподает египтологию или что-то в этом роде. Когда я его знал, он был ужасный буян.

– *У нас* он не буянил.

Помещик справился со своей тарелкой и был готов возобновить разговор о взрывчатке.

– Им нужна практика! – заорал он, перебивая жену и Томми, которые обсуждали вопрос о подводных лодках.

– Думаю, она нужна всем нам, – сказал Томми.

– Я покажу им подходящее место. Отель, разумеется, *принадлежит* мне, – добавил он без видимой связи.

– Вы находите, что он портит вид? Я склонен с вами согласиться.

– У этого отеля только один недостаток. Знаете какой?

– Отопление?

– Он себя не окупает. И знаете почему? Нет пляжа для купания.

Пришлите ко мне своих саперов, и я покажу им точное место для взрыва. Сдвиньте несколько тонн камня. Что вы найдете? Песок. Во времена моего отца там был песок. На топографических картах и на карте адмиралтейства это место обозначено как песчаное. Но часть скалы обвалилась; все, что требуется, – это опять ее поднять.

Помещик загреб руками воздух, словно строя воображаемый замок на песке.

Когда принесли пудинг, наступило время девятичасовых последних известий. В центре стола поставили радиоприемник, и дворецкий попытался его настроить.

– Враки! – воскликнула мисс Кармайкл. – Все враки.

Последовала короткая сценка между помещиком и дворецким, из тех, что шотландцы часто разыгрывают для английских гостей. Тут была и феодальная верность, и независимость, и несдержанное раздражение, и полное невежество в обращении с современной техникой.

Из приемника исходили какие-то звуки, которые Гай никак не мог признать за человеческую речь.

– Враки, – повторила мисс Кармайкл. – Все враки.

Вскоре приемник убрали и на его место поставили яблоки.

– Кажется, что-то насчет Хартума, не правда ли? – сказал Томми.

– Его отобьют, – объявила мисс Кармайкл.

– Но его никогда не сдавали, – возразил Гай.

– Сдавали Китченеру и картечницам Гэтлинга, – сказала мисс Кармайкл.

– Магг служил под командой Китченера, – вмешалась миссис Кэмпбелл.

– В нем было что-то такое, что мне никогда не нравилось. Что-то не внушавшее доверия, если вы меня понимаете, – сказал Томми.

– Это ужасно, – перебила его мисс Кармайкл, – видеть, как наши лучшие парни из поколения в поколение уходят воевать за англичан. Но скоро этому придет конец. Когда немцы высадятся в Шотландии, горные долины заполнят люди, идущие их приветствовать, а власть в городах захватят профессора университетов. Запомните мои слова: не попадайтесь на шотландской земле в этот день.

– Кейти, иди спать, – приказал полковник Кэмпбелл.

– Я опять слишком далеко зашла?

– Да.

– Можно мне взять с собой несколько яблок?

– Два.

Она взяла яблоки и встала со стула.

– Спокойной ночи всем, – небрежно бросила она.

– Все эти экзамены, – сказала миссис Кэмпбелл. – Слишком трудны они для девочки. Оставляю вас с вашим портвейном. – Она последовала за мисс Кармайкл, то ли пожурить ее, то ли успокоить.

Полковник Кэмпбелл не имел обыкновения пить портвейн. Рюмки были очень маленькие, и не надо было быть седьмым ребенком седьмого ребенка, чтобы установить, что вино уже давно перелито из бутылки в графин. В нем плавали две осы. Помещик, наполняя первой свою рюмку, аккуратно выловил одну из ос. Он поднес ее к глазам и с гордостью исследовал.

– Она плавала здесь, когда началась война, – торжественно произнес он. – И я надеялся, что она останется здесь до того момента, когда мы выпьем за нашу победу. Портвейн в наших местах – это, понимаете ли, скорее церемония, чем наслаждение. Джентльмены, за короля!

Они проглотили ядовитое вино.

Магг тут же приказал:

– Кэмпбелл, графин!

Перед мужчинами поставили тяжелые хрустальные бокалы, дешевый фарфоровый кувшинчик с водой и превосходный графин с почти бесцветной, слегка замутившейся жидкостью.

– Виски, – с удовольствием объявил Магг. – Позвольте мне поднять тост за колдстримцев, алебардистов и саперов!

Они просидели больше часа. Поговорили о военных делах с таким единодушием, какое только возможно между ветераном Спайон-Копа^[33] и молокососами 1940 года. Каждые несколько минут разговор возвращался к вопросу о взрывчатке. Потом вернулась миссис Кэмпбелл. Все встали. Она сказала:

– Боже мой, как быстро пролетел вечер. Я почти и не видела вас. Но, наверное, вам приходится так рано вставать.

Магг заткнул пробкой графин с виски.

Прежде чем Томми и Гай успели заговорить, вновь появился волынщик. Они попрощались и последовали за ним к парадной двери. Садясь в автомобиль, они увидели, как в окне верхнего этажа кто-то неистово машет фонарем. Томми сделал приветственный жест, волынщик повернулся кругом и удалился вдоль по коридору. Массивные двери закрылись. Фонарь продолжал раскачиваться, и в тишине раздался громкий прощальный возглас: «Хайль Гитлер!»

По пути домой Томми и Гай не обменялись ни единым словом. Они только смеялись, сначала тихо, потом все громче и громче. Шофер позже рассказывал, что никогда не видел полковника в таком состоянии, а новый «медный каблук» был «еще хлеще». Он добавил, что его самого тоже «здорово» угостили внизу.

Томми и Гай действительно опьянели не только и не столько от выпитого. Их обоих подхватил и сбил с толку священный ветер, который некогда свободно разгуливал над молодым миром. В их ушах звучали цимбалы и флейты. Мрачный остров Магг овеялся ароматным легким ветром, мгновенно поднимающимся, уносящимся вдаль и затихающим под звездами Эгейского моря.

Люди, пережившие вместе опасности и лишения, часто расстаются и забывают друг друга, когда кончаются их испытания. Мужчины, любившие одну и ту же женщину, остаются побратимами

даже во вражде; если они смеются вместе, как безудержно смеялись в тот вечер Томми и Гай, они скрепляют свою дружбу, ставя ее несравненно выше обычных человеческих отношений.

Когда они подъехали к отелю, Томми сказал:

– Слава богу, Гай, что ты был со мной.

Они спустились с высот фантазии и очутились в необычной, но в общем прозаической обстановке.

Холл превратился в игорный дом. На другой день после прибытия отряда Айвор Клэр заказал местному столяру, угрюмому кальвинисту, не терпевшему карт, подковообразный стол для игры в баккара под предлогом, что это военная принадлежность. Теперь он восседал за центральным столом, аккуратно расчерченным мелом, и метал банк. На других столах играли в покер, а две пары – в триктрак. Томми и Гай направились к столу с напитками.

– В банке двадцать фунтов!

Не оборачиваясь, Томми крикнул: «Банко!» – и, наполнив бокал присоединился к большому столу.

Из-за стола для покера Берти предложил Гаю:

– Сыграем? Ставка полкроны и увеличение пять шиллингов.

Но в ушах Гая еще слабо звучали цимбалы и флейты. Он покачал головой и, полусонный, побрел наверх, чтобы уснуть без снов.

– Надрался, – сказал Берти. – Пьян как сапожник.

– Его счастье!

На следующее утро за завтраком Гаю рассказали:

– Айвор вчера выиграл больше ста пятидесяти фунтов.

– При мне они играли не крупно.

Когда играет полковник Томми, ставки всегда растут.

В час завтрака на улице еще было темно. Центральное отопление все еще не работало; из только что растопленного торфом камина в столовую тянулась струйка дыма. Было ужасно холодно.

Их обслуживали гражданские официантки. Одна из них подошла к Гаю.

– лейтенант Краучбек?

– Да.

– Вас спрашивает какой-то солдат.

Гай вышел за дверь и увидел вчерашнего шофера. В приветствии солдата было что-то развязное.

– Я нашел это в машине, сэр. Не знаю, это ваше или полковника.
Он подал Гаю пачку отпечатанных листков. Гай взглянул на верхний листок и прочел написанное заглавными буквами:

«ПРИЗЫВ К ШОТЛАНДИИ
РАЗГРОМ АНГЛИИ – НАДЕЖДА ШОТЛАНДИИ!
ПОЧЕМУ ГИТЛЕР ДОЛЖЕН ПОБЕДИТЬ».

Он понял, что это работа Кейти.

– Вы раньше видели что-нибудь подобное?

– Да, сэр. Их полно во всех помещениях.

– Спасибо, – сказал Гай. – Я приму меры.

Шофер отдал честь. Гай повернулся кругом, но поскользнулся на обледенелых ступенях. Он выронил бумаги – при этом порвалась связывающая их тонкая шерстяная нитка – и удержался на ногах, только ухватившись за уходящего шофера. Пока они стояли обнявшись, сильный порыв ветра подхватил предательские листки, унес их ввысь и рассеял в темноте.

– Спасибо, – повторил Гай и, осторожно ступая, вошел в дом.

Полковая канцелярия разместилась наверху в двух смежных спальнях. Наступил серый рассвет, когда Гай отправился официально доложить своему командиру.

В передней комнате находился Берти, высоченный гренадер, которого Эдди назвал «кем-то вроде начальника штаба».

– Привет. Хотите видеть полковника Томми? Заходите.

Гай отдал честь в дверях, как его учили в алебардийском казарменном городке, подошел строевым шагом к столу Томми и встал по стойке «смирно». Томми сказал:

– Доброе утро, Гай. Удивительно забавный вечер был вчера. – И обратился к Берти: – Вы узнали что-нибудь относительно этого офицера, Берти?

– Так точно, полковник.

Томми взял у начальника штаба какую-то бумагу.

– Где она была?

– На моем столе, полковник.

Томми внимательно прочел документ.

– Видите индекс CP/RX? Если не ошибаюсь, такой же индекс стоял на предписании Конга. Похоже, что штаб особо опасных операций запутался со своей системой делопроизводства. Мы, по крайней мере, держим свои бумаги под рукой на столе. – И он небрежно бросил бумагу в проволочную корзинку. – Так вот, Гай, боюсь, что ты не останешься у нас. Ты – личная собственность полковника Ритчи-Хука – корпус королевских алебардистов, – присланная сюда в ожидании, пока он поправится. Мне очень жаль. Я мог бы временно назначить тебя на взвод Йэна. Но нехорошо для солдат то и дело менять офицеров. Придется подыскать подходящую замену для Йэна. Теперь вопрос, что делать с тобой.

За тринадцать лет знакомства с Томми Гай провел в его обществе лишь несколько часов, однако у них сложились своеобразные отношения. Вначале Гай знал его как симпатичного приятеля своей жены; потом, когда она вскоре сделала его своим любовником, – как нечто стихийное, превратившее весь мир Гая в круговорот осколков; в дальнейшем он лишь случайно вспоминал о нем как о человеке, которого надо избегать, чтобы не попасть в неловкое положение. Томми в этом приключении потерял столько же, сколько и Гай. Потом началась война, собравшая, как казалось, воедино разбросанные частички головоломки прошлого и поставившая каждую частичку на надлежащее место. В «Беллами» Гай и Томми были дружелюбными знакомыми, как много лет назад. Вчера вечером они были близкими друзьями. Сегодня они встретились как полковник с младшим офицером.

– Неужели нет возможности, чтобы командование алебардистов откомандировало меня к вам?

– Судя по этому письму – никакой. Кроме того, ты становишься староват для той работы, которая нам предстоит. Разве ты сумеешь лазить по этим скалам?

– Могу попробовать.

– Каждый отпетый дурак может попробовать. Потому у меня и не хватает пяти офицеров. Как ты думаешь, не справишься ли ты с канцелярской писаниной лучше, чем Берти?

– Я уверен, что справится, полковник, – обрадовался Берти.

Томми печально поглядел на обоих:

– Кто мне нужен, так это помощник по административно-хозяйственной части – пожилой офицер, который знает все ходы и выходы и может управлять людьми. Берти не годится. Боюсь, что и ты не годишься.

Вдруг Гай вспомнил о Джамбо.

– Кажется, у меня есть как раз то, что вам нужно, полковник, – сказал он и подробно охарактеризовал Джамбо.

Когда он закончил, Томми сказал:

– Берти, отправляйтесь и доставьте его сюда. Такие люди сотнями вступают в войска местной обороны. Хватайте его, пока не схватили другие. Его, конечно, придется понизить в чине. Если он в самом деле такой, как ты говоришь, то он знает, как это делается. Он может перевестись в военно-морские силы или еще куда-нибудь и явиться к нам как лейтенант добровольческого резерва военно-морских сил. Какого черта ты тут стоишь, Берти?

– Я не знаю, как его доставить, полковник.

– Ладно, отправляйся в третью роту и принимай взвод Йэна. Гай, ты – помощник начальника штаба. Ступай и приведи этого человека. Не стой тут, как Берти. Поди к начальнику порта, возьми спасательную шлюпку и отправляйся.

– У меня есть еще трехтонный грузовик. Его тоже доставить?

– Да, конечно. Погоди...

Гай заметил, что лицо Томми омрачено сомнение профессионального военного, какое он замечал у Джамбо. Дух осторожности – спутник успеха – шептал: «Не зарывайся. С грузовиком тебе не выкрутиться».

– Нет, – сказал он. – Грузовик оставь и приведи кандидата в моряки.

Часть шестая
«Счастливые войны»

Ни по характеру, ни по привычкам Триммер не был приспособлен к отшельнической жизни. Уже долгое время он выжидал, не делая ничего, чтобы привлечь к себе внимание начальства. Он никому не докладывал о состоянии своего орудия. До сих пор ни от кого не поступало никаких жалоб. Его маленькое подразделение было вполне довольны всем. И только сам он роптал по мере того, как с каждым днем все острее ощущал потребность в женском обществе. Триммер был при деньгах, потому что его не допускали к карточным играм в отеле. Ему полагался отпуск, и наконец он взял его, чтобы, как говорил сам, «увидеть свет».

Глазго в ноябре 1940 года отнюдь не был *ville lumiere*^[34]. Из-за тумана и толчеи затемнение казалось особенно плотным. Прибыв в город, Триммер прямо с поезда отправился в привокзальный отель. Здесь тоже был туман и толчея. Все величественные холлы и коридоры отеля были заставлены багажом и забиты проезжими солдатами и матросами. В приемной отеля стояла плотная, непрерывно меняющаяся толпа. Девушка за конторкой отвечала всем одно и то же: «Только забронированные номера. Приходите после восьми, возможно, кто-нибудь откажется».

Триммер протолкался вперед и с хитрой усмешкой спросил:

– Не найдется ли у вас маленькой комнаточки для шотландского паренька?

– Приходите после восьми. Возможно, кто-нибудь откажется.

Триммер подмигнул ей, и она, казалось, едва уловимо откликнулась, но под напором других отчаявшихся, бездомных людей продолжать флирт было невозможно.

Сдвинув берет набекрень, с пастушеским посохом в руке и парой майорский корон на погонах (он заменил ими свои лейтенантские звездочки еще в поезде, в уборной), Триммер неторопливо прохаживался по первому этажу, повсюду встречая солдат. Каждая из немногих женщин была центром шумного, веселого кружка или прижималась к мужу в печальном прощании. Официантов было мало. Повсюду он видел, как за ними поворачиваются головы, и читал на

лицах выражение страстной мольбы. Кое-где более настойчивая компания стучала по столу и требовала:

– Да обслужите же нас!

Но Триммер не унывал. После своей хибарки на Магге он находил все это очень приятным, а опыт научил его, что всякий, кто действительно хочет женщину, в конце концов найдет ее.

Он шел по улице, подобно голодной дворняжке, которая бродит среди мусорных ящиков, виляя хвостом, наострив уши, с трепещущими ноздрями. По пути он то и дело пытался втереться в какую-нибудь веселую компанию, но безуспешно. В конце концов он оказался у подъезда с вывеской: «CHATEAU de MADRID. Restaurant de premier ordre»^[35].

Триммер прежде бывал в этом отеле раз или два, но никогда не решался проникнуть в зал, где, как он знал, очень высокие цены. Он довольствовался тем, что находил развлечение в местах, где толпился народ. Сегодня все будет иначе. Он ступил на ковровую дорожку, и тут же у подножия лестницы его встретил метрдотель.

– Bon soir, monsieur.^[36] Мосье заказал столик?

– Я ищу приятеля.

– Сколько человек будет в компании мосье?

– Два, если это можно назвать компанией. А пока я посижу и выпью.

– Pardon, monsieur.^[37] Здесь разрешается подавать напитки только тем, кто обедает. Наверху...

Двое поглядели друг на друга: обман за обман. Оба ломали комедию. Никому не удалось надуть другого. Триммера так и подмывало сказать: «Брось прикидываться. Откуда у тебя этот французский прононс? Из Майл-Энд-роуд или из Горбэлз?»

Метрдотеля подмывало сказать: «Это место не для тебя, голубчик. Катись-ка отсюда!»

Оценив обстановку, Триммер заявил:

– Я непременно буду здесь обедать, если придет мой приятель. Пока я пью коктейль, можете дать мне взглянуть на меню.

И метрдотель ответил:

– Tout suite, monsieur.^[38]

Швейцар принял у Триммера берет и посох.

Он уселся у коктейльной стойки. Отделка здесь была более дешевой по сравнению с мрамором и красным деревом верхних залов. Этим летом намечалось перекрасить стены и заново обить мебель, но помешала война. Невольно возникала ассоциация с модным журналом, некогда новым и блестящим, а теперь захватанным многими руками. Но Триммеру было все равно. Он был знаком с модными журналами преимущественно по затрепанным экземплярам.

Триммер огляделся вокруг и заметил в углу столик, за которым был занят только один стул. Как раз то, что он искал: одинокая женщина. Она не поднимала глаз, и Триммер смело ее разглядывал. Это была женщина, заслуживающая всяческого внимания, но не старающаяся его привлечь. Она сидела неподвижно, глядя на полупустой бокал на столе, и не замечала бравых голых коленок и болтающегося споррана Триммера. Ей, как прикинул Триммер, лет тридцать с небольшим; ее одежда – а в этом Триммер разбирался – была совсем не похожа на то, что носят дамы в Глазго. Ее сшили у *grand couturier*^[39] не больше двух лет назад. Женщина была не совсем во вкусе Триммера, но в этот вечер он был готов испробовать все что угодно. Он привык к неудачам.

Более острый глаз мог бы заметить, что она слишком хорошо вписывалась в окружающую обстановку: пустой аквариум, который еще недавно освещался и сверкал золотыми рыбками; белые бордюры на малиновых гардинах, теперь немного закопченные; белые гипсовые морские чудовища, не такие яркие, как прежде. Одинокая женщина не резко выделялась на этом фоне. Она сидела как бы окутанная легкой дымкой печали – то ли несчастная, то ли больная, то ли просто усталая. Женщина осушила бокал и поглядела мимо Триммера на бармена.

– Сию минутку, мадам, – сказал тот и плеснул джин неведомой марки в шейкер.

Когда Триммер увидел ее лицо, оно показалось ему удивительно знакомым: где-то он его видел, может быть, в этих потрепанных модных журналах.

– Я отнесу, – сказал он бармену и быстро поднял поднос с новым коктейлем.

– Извините, сэръ, *позвольте* ...

Но Триммер крепко вцепился в поднос, и бармен отпустил. Триммер отнес поднос в угол.

– Ваш коктейль, мадам, – развязно сказал он.

Женщина взяла бокал, поблагодарила и поглядела мимо Триммера. Тут он вспомнил ее имя.

– Вы забыли меня, миссис Трой?

Она медленно, без интереса подняла на него глаза:

– Разве мы прежде встречались?

– Часто. На «Аквитании».

– Простите, – сказала она. – Боюсь, что не помню. Встречаешь столько людей.

– Не возражаете, если я присяду?

– Я сейчас ухожу.

– Можно обойтись мытьем головы и укладкой, – произнес Триммер и добавил тоном специалиста: – Волосы мадам un peu fatigue, n'est ce-pas?^[40] Это морской воздух.

На лице миссис Трой вдруг отразились интерес, сомнение, радость.

– Густав, неужели это вы?

– Помните, как я по утрам приходил в вашу каюту? Как только я увидел ваше имя в списке пассажиров, я зачеркнул все записи на одиннадцать тридцать. Эти старые жабы предлагали мне по десять долларов на чай, но я всегда держал одиннадцать тридцать в резерве, на случай если понадобится вам.

– Густав, какой стыд! Как я могла забыть? Садитесь. Надо признаться, вы здорово изменились.

– А вы несколько, – сказал Триммер. – Помните, как я легонько массажировал вашу шейку? Вы говорили, что это помогает с похмелья.

– Оно-таки помогало.

Они воскресили много приятных воспоминаний об Атлантике.

– Дорогой Густав, у вас замечательная память. Боже, как было чудесно на «Аквитании»!

– Мистер Трой здесь?

– Он в Америке.

– Вы здесь одна?

– Я приезжала проводить одного человека.

– Друга или подругу?
– Вы всегда были чертовски нахальным.
– У вас никогда не было от меня секретов.
– Тут нет большого секрета. Он моряк. Мы недавно познакомились, но он мне понравился. Он уехал совершенно неожиданно. Теперь все уезжают неожиданно и не говорят куда.

– Если вы остаетесь, я в вашем распоряжении на неделю.
– У меня нет никаких планов.
– У меня тоже. Обедаете здесь?
– Тут очень дорого.
– Я угощаю, разумеется.
– Мой милый мальчик, я не могу вам позволить тратить на меня деньги. Я как раз думала, смогу ли угостить вас обедом. Думаю, что не смогу.

– Туго с деньгами?
– Очень. Сама не знаю почему. Что-то связанное с мистером Троем, и с войной, и с валютным контролем. Во всяком случае, управляющий моим лондонским банком вдруг очень переменялся.

Триммер был и потрясен, и обрадован этим сообщением.

Барьер между парикмахером и пассажиркой первого класса рухнул. Важно было установить новые отношения на должном уровне – более низком. Он и не думал часто угощать ее в «Шато де Мадрид».

– Как бы там ни было, Вирджиния, давайте выпьем здесь еще по одной.

Вирджиния вращалась среди людей, которые без разбора называли друг друга по имени, но из-за смущения Триммера она обратила внимание на его фамильярность.

– Вирджиния? – передразнила она.
– А я, между прочим, майор Мактейвиш. Друзья зовут меня Али или Триммер^[41].

– Значит, они знают, что вы были парикмахером?
– Вообще говоря, не знают. Прозвище Триммер не имеет к этому никакого отношения. Дело не в том, что я этого стыжусь. Могу вам сказать, что я здорово развлекался на «Аквитании» с пассажирами. Если я назову вам некоторые имена, вы поразитесь. Многие из вашего круга.

– Расскажите мне, Триммер.

Целых полчаса он развлекал ее своими откровениями – в некоторых была доля правды. Ресторан и фойе начали заполнять солидные пожилые штатские, летчики с эффектными местными девушками, адмирал с женой и дочерью. Метрдотель в третий раз подошел к Триммеру с меню.

– Так как же, Триммер? – спросила Вирджиния.

– Зовите меня лучше Али.

– Для меня вы всегда Триммер.

– Как вы смотрите на складчину, раз мы в одинаковом положении?

– Это меня устраивает.

– Завтра найдем что-нибудь подешевле.

При слове «завтра» Вирджиния подняла брови, но ничего не сказала. Она взяла меню и, не советуясь с ним, заказала питательные и недорогие блюда.

– Et pour commencer^[42] несколько устриц? Немного saumon fume?^[43]

– Нет, – твердо сказала она.

– Я сам не очень-то их люблю, – признался Триммер.

– Я люблю, но сегодня их не будет. Всегда читайте меню справа налево.

– Я вас не понимаю.

– Неважно. Я думаю, мы очень во многом друг друга не понимаем.

Когда Вирджиния вошла в ресторан, она выглядела как в старые времена. «Класс так и написан на ней», – сказал про себя Триммер. Но помимо того в ее глазах появился радостный озорной огонек.

За обедом Триммер начал хвастаться своим выдающимся положением в армии.

– Подумать только, – воскликнула Вирджиния, – один на всем острове!

– Там проходят подготовку и другие войска, – признался он, – но я не имею к ним отношения. Я командую обороной.

– А, к черту войну, – сказала Вирджиния. – Расскажите мне еще об «Аквитании».

Она была не из тех женщин, которые предаются воспоминаниям или гадают о будущем. Она подолгу не вспоминала о прошедших

пятнадцати годах своей жизни – о том, как на нее обратил внимание, водил туда и сюда и наконец соблазнил приятель отца, навещавший ее в пансионе для девиц в Париже; о браке с Гаем, о «кастелло Краучибек» и бескрайних туманных террасах Рифт-Вэлли; о браке с Томми, о лондонских отелях, роскошных автомобилях, о постоянных переездах с полком с места на место, о грозящих ужасах индийского военного городка; о жирном Огастесе с его чековой книжкой, которая всегда под рукой; о мистере Трое и его пристрастии к важным персонам. Она не вспоминала ни о чем. Все это, как сказал бы мистер Трой, ничего не прибавляло. Не прибавляла ничего и старость или смерть. Для Вирджинии имели значение лишь данный момент и ближайшие пять минут. Но именно теперь в этом затемненном, окутанном туманом городе, окруженная незнакомыми людьми в ярко освещенном маленьком зале, окруженная такими же незнакомыми людьми на темных улицах – миллионами людей, слепых и глухих, а не важными персонами; теперь, когда завывали сирены и далеко, в районе доков, начали падать бомбы и открыли огонь зенитки, – теперь на короткое время Вирджиния была рада оживить в памяти, вновь увидеть, как бы в перевернутый бинокль, упорядоченную, беспечную жизнь на борту большого лайнера. И верный Густав, который всегда оставлял для нее самый насыщенный час, со своим ломаным французским языком и успокаивающими пальцами на шее, плечах и верхних позвонках, вдруг преобразившийся рядом с ней в майора с голыми коленками и с акцентом кокни, нелепо переименованный, Густав был послан ей провидением в этот грустный вечер, чтобы увести ее назад – к тем солнечным дням, морским брызгам и резвящимся в воде дельфинам.

В это время в Лондоне полковник Грейс-Граундлинг-Марчпоул, недавно назначенный главой совершенно секретного департамента, читал последнее донесение контрразведки:

«Краучбек Гай, временный лейтенант королевского алебардийского корпуса, в настоящее время состоит в неопределенной должности в штабе отряда командос „Х“ на

острове Магг. Подозреваемый распространял ночью подрывные материалы. Экземпляр прилагается».

Полковник взглянул на слова: «Почему Гитлер должен победить».

– Да, мы это видели раньше. Десять экземпляров обнаружили в районе Эдинбурга. На островах они появились впервые. Очень интересно. Этим устанавливается связь между делом Бокса и шотландскими националистами – прямая связь из Зальцбурга на Магг. Теперь требуется установить связь между Кардиффским университетом и Санта-Дульчиной. Со временем мы это сделаем, не сомневаюсь.

Департамент полковника Марчпоула был такой секретный, что поддерживал связь только с военным кабинетом и комитетом начальников штабов. Полковник Марчпоул хранил информацию, пока ее не потребуют. В данное время этого не произошло, и он порадовался такой небрежности. Преждевременное исследование этих материалов могло бы разрушить его личный, еще не определившийся план. Где-то в отдаленных извилинах его мозга этот план зрел. При наличии времени, при наличии достаточных конфиденциальных материалов ему удалось бы опутать весь враждующий мир единой тайной сетью, в которой будут не противники, а только миллионы людей, работающих, не зная друг друга, для одной и той же цели; и больше не было бы войны.

Густой диккенсовский туман окутал город Глазго. День и ночь по улицам медленно ползли освещенные трамваи и грузовики, толкались кашляющие люди. Над головой появлялись и внезапно исчезали чайки. Грохот, шарканье ног и гудки автомобилей заглушали предупредительные сигналы далеких кораблей. Время от времени все звуки покрывал вой сирен воздушной тревоги. Отель был все время забит людьми. В гостиных в перерывах между часами выпивки спали солдаты и матросы. Как только открывались бары, они просыпались и с унылыми лицами требовали спиртного. Толкучка у конторки дежурного администратора никогда не уменьшалась. Наверху тускло горели лампочки, освещая днем желтовато-белые тюлевые занавеси, наполовину закрывавшие желто-бурый туман снаружи, а ночью –

черные рамы. Такова была обстановка, в которой протекала идиллия Триммера.

Она резко оборвалась на четвертый день.

Около полудня он осмелился спуститься вниз, в полутемный холл, заказать билеты в театр на сегодняшней вечер. От конторки администратора отделился один из просителей и столкнулся с Триммером.

– Виноват. Ба, Мактейвиш! Что вы тут делаете?

Это был помощник командира его батальона – человек, который, как считал Триммер, находится в далекой Исландии.

– В отпуске, сэр.

– Хорошо, что я вас встретил. Я ищу людей для отправки на север. Только утром высадился в Гриноке.

Майор присмотрелся к Триммеру более внимательно и уставился на его знаки различия.

– Какого черта вы так вырядились? – возмутился он.

Мысль Триммера сработала мгновенно.

– Мне на днях присвоили звание, сэр. Я больше не служу и полку. Нахожусь на специальной службе.

– Впервые об этом слышу.

– Меня недавно откомандировали в отряд командос.

– По чьему приказу?

– Штаба особо опасных операций.

Майор явно сомневался.

– Где же ваши солдаты?

– На острове Магг.

– А где вы находитесь, когда не в отпуске?

– Тоже на острове Магг, сэр. Но теперь я не имею никакого отношения к солдатам. Кажется, вскоре прибудет офицер, который примет их. Я нахожусь под командованием полковника Блэкхауса.

– Что ж, как будто все в порядке. Когда кончается ваш отпуск?

– Сегодня вечером, собственно говоря.

– Надеюсь, вы хорошо его провели.

– Отлично, благодарю вас.

– Все это очень странно, – пробормотал майор. – Кстати, поздравляю вас с быстрым продвижением.

Триммер собрался было ретироваться, но майор вернул его. Триммера прошиб пот.

– Вы освобождаете свой номер? Интересно, не занял ли его кто-нибудь другой?

– Боюсь, уже заняли.

– Проклятие!

Триммер пробился к администратору. Теперь ему нужны были билеты не в театр, а на поезд и на пароход.

– Магг? Да, сэръ. Как раз успеете. Поезд уходит в двенадцать сорок пять.

Вирджиния сидела у туалетного столика. Триммер выхватил у нее из-под рук свой щетки и начал укладывать на умывальнике сумку.

– Что ты делаешь? Ты достал билеты?

– К сожалению, театр отменяется. Срочно вызывают на службу, дорогая. Объяснить не могу. Война, сама понимаешь.

– О господи, – простонала она. – Еще один.

Она медленно сняла халат и улеглась в постель.

– Разве ты меня не проводишь?

– И не подумаю, Триммер.

– Что ты собираешься делать?

– Обо мне не беспокойся. Я собираюсь еще поспать. Прощай.

Итак, Триммер вернулся на остров Магг. Он остался доволен своим отпуском сверх всяких ожиданий, но наряду с этим возникла проблема, и он видел лишь единственное ее решение, притом самое неприятное.

Пока Триммер был в Глазго, Томми Блэкхауса вызвали в Лондон. В его отсутствие отряд охватила апатия. В короткие часы светлого времени подразделения отправлялись в необитаемые районы и стреляли по заснеженным склонам и темному морю. Одному солдату удалось убить тюленя. Карточная игра зачихала, и по вечерам гостиную отеля заполняли молчаливые фигуры, читающие «Нет орхидей для мисс Блэндиш», «Не надо, мистер Дизраэли», «Пармская обитель» и другие случайно подобранные романы, которые переходили из рук в руки.

Джамбо Троттер завершил работу в канцелярии по подшивке и регистрации ненужных бумаг. Он на время преобразился в капитана войск местной обороны, ожидающего назначения в добровольческий резерв военно-морских сил.

Утром после возвращения Триммера Джамбо и Гай сидели в канцелярии. Оба были в шинелях и перчатках. Джамбо еще надел на голову подшлемник. В это утро он получил «Не надо, мистер Дизраэли» и ломал голову над книгой.

Вскоре он заговорил:

– Видели письмо от помещика?

– Да.

– Кажется, он уверен, что полковник обещал дать ему взрывчатку.

Что-то не похоже на полковника.

– Я был там. Ничего ему не обещали.

– Мне и самому хотелось бы немного встряхнуться. – И он опять погрузился в чтение.

Через несколько минут Гай захлопнул «Нет орхидей для мисс Блэндиш».

– Нечитабельно, – сказал он.

– Другим ребятам вроде понравилось. Эту книгу рекомендовал Клэр. Ничего не могу понять. Это вроде какой-то пародии, что ли?

Гай перелистал бумаги в корзинке «На доклад»

– Как насчет доктора Гленденинг-Риза? – спросил он. – Не думаю, что полковник Томми особенно в нем заинтересован.

Джамбо взял письмо и перечитал его.

– Ничего не могу сделать, пока он не вернется. Да и потом мало что смогу. Я понимаю это как приказ. Кажется, штаб особо опасных операций направляет нам психов со всей страны. Сперва Чатти Корнер, теперь доктор Гленденинг-Риз. «Известный авторитет по диетике», «оригинальное и, возможно, ценное предложение относительно питания в чрезвычайных условиях боевой обстановки», «предоставьте все средства для исследования в условиях действительной военной службы». Не можем ли мы от него отделаться?

– Кажется, он уже в пути. Может быть, немного оживит обстановку.

На столе все утро пролежало письмо с адресом, написанным небрежным, неофициальным почерком. Конверт был из тонкой бумаги светло-фиолетового цвета.

– Как вы думаете, это личное письмо?

– Оно адресовано командиру отряда «Икс», а не полковнику по фамилии. Лучше вскройте.

Письмо было от Триммера.

– Мактейвиш просит полковника принять его.

– Тот парень, которого выгнали из алебардистов? Чего он хочет?

– Видимо, вступить в отряд. Что-то ему вдруг загорелось.

– Конечно, – снисходительно заметил Джамбо, – есть множество вполне приличных ребят, которые, однако, нам не подходят. Если хотите знать, то в отряде уже есть несколько человек, которые не совсем годятся для нашего рода войск. Заметьте, это вполне приличные ребята, но не на высоте. – Джамбо с грустной терпимостью смотрел перед собой, думая о неполноценности отряда командос «Икс». – Вы знаете, сержантам выдали бинокли, – сказал он.

– Знаю.

– По-моему, это ни к чему. Я вам кое-что расскажу. У Клэра есть старшина – такой чудаковатый парень с розовыми зрачками. Кажется, его называют главным капралом. Я подслушал, как он на днях назвал свой бинокль театральным. Я хочу сказать... – Он помолчал для эффекта и вернулся к первоначальной теме. – Наверное, Мактейвиш не очень-то преуспевал в своем полку. Сержант Бейн слышал от его сержанта, что накануне отправки в Исландию его выбросили из окна. Или бросили в кормушку для лошадей? Во всяком случае – изрядно поколотили. Когда я вступал в армию, проделывали много подобных штук. Чернильные ванны и прочее. Но это ничего не дает. Плохие парни становятся от этого еще хуже.

– Полковник Томми возвращается сегодня вечером. Пусть сам решает, как с ним быть.

Томми Блэкхаус вернулся, как и ожидалось, в тот же день. Он сразу вызвал командиров рот и объявил:

– Дело, начинает двигаться. Завтра или послезавтра к нам придет корабль. Будьте готовы к немедленной погрузке. Он имеет на борту ШДБ. Что это такое, Эдди?

– Не знаю, полковник.

– Штурмовые десантные баржи. Это первая партия. Ты, может быть, видел их, Гай, во время своей прогулки в Дакаре? Сразу начнутся большие учения по высадке десанта. Штаб особо опасных операций посылает своих наблюдателей, так что учения надо провести как следует. Раздать карты всем, вплоть до капралов. Подробный план учений сообщу завтра. А вот насчет пополнений дело обстоит хуже. Командиры частей, похоже, не так охотно включаются в эту игру, как шесть недель назад, но штаб все же обещает укомплектовать, нас до штата. Все. Гай, ты мне будешь нужен.

Когда командиры рот разошлись, Томми спросил:

– Гай, ты когда-нибудь задумывался над тем, зачем мы здесь?

– Нет, не могу сказать, что задумывался.

– Пожалуй, никто не задумывался. Это место выбрано не просто потому, что оно паршивое. В свое время вы все узнаете. Если тебе приходилось изучать инструкции адмиралтейства по мореплаванию, ты мог заметить, что есть еще один остров с двумя высотами, крутыми берегами, покрытыми галькой, и отвесными скалами. Где-то в более теплых широтах, чем наши. Название пока не имеет значения. Дело в том, что эти учения – не какая-нибудь военная игра в штабном колледже – «Северная страна против Южной страны». Это генеральная репетиция операции. Не будет вреда, если ты передашь это дальше. Мы слишком долго играли, занимались не тем, чем надо. Что-нибудь случилось, пока меня не было?

– Мактейвиш горит желанием увидеть вас. Он хочет вступить в наш отряд.

– Тот несуразный шотландец, который заклинил орудие?

– Тот самый, полковник.

– Хорошо, приму его завтра.

– По-моему, он не подойдет.

– Я могу использовать всякого, кто действительно имеет желание.

– Желание-то он имеет, только вот не знаю, в чем причина.

Во время передышки Айвор Клэр был занят тщательной разработкой мероприятий по отправке своего китайского мопса Фриды на попечение матери.

Обещанный корабль не пришел ни завтра, ни послезавтра, ни через много дней, а ночи между тем становились все длиннее, пока не стали казаться бесконечными. Часто солнце так и не появлялось, и на острове стояли серые сумерки. Рыбаки сидели дома у очагов, а улицы городка были одинаково пустынными и в полдень, и в полночь. Один или два раза туман поднимался, показывались две крутые возвышенности, и холодное сияние на горизонте бросало длинные тени на снег. Никто больше не ожидал корабля. Офицеры и солдаты начали мечтать о возвращении в свои полки.

«Надо бы давать солдатам снотворное, – размышлял Гай. – Пусть спят, пока не потребуется. Пусть покоятся среди вереска, как рыцари спящей красавицы. Пусть лежат, как оловянные солдатики в коробках в шкафу детской комнаты. Неизменный цикл возбуждения и разочарования начисто стер с них краску и обнажил оловянное нутро».

Теперь, когда Джамбо обосновался в канцелярии, Гай сделался кем-то вроде адъютанта. Томми не оставлял его без дела. Он приобрел в части репутацию человека, который ведает рождественскими отпусками и является посредником между командирами рот в их конфликтах и спорах. Его возраст здесь не привлекал внимания. Джамбо являл собой высокий образец древности. Полдюжине командиров подразделений тоже давно перевалило за тридцать. Никто не называл Гая «дядюшка». Ведь он был не одним из членов семьи, а только временным гостем. Теперь он знал название того острова в Средиземном море, который намечалось захватить, но в ту ночь его не будет с ними. Он не испытывал здесь такого подъема, как год назад, когда бригадир Ритчи-Хук говорил: «Вот люди, которых вы поведете в бой». Он имел дело только с офицерами – непопулярный и пагубный вид военной службы. Для развлечения он собирал в столовой самых бедных офицеров и играл с ними в покер по маленькой. Он был ненамного богаче их и играл довольно хорошо. Если кто-нибудь из его партнеров проявлял чрезмерную самоуверенность, Гай советовал ему присоединиться к компании, ведущей крупную игру. Проведя ночь с

богачами, тот неизменно возвращался, упавший духом и осторожный. Таким путем Гай получал регулярный доход в пять-шесть фунтов в неделю.

Провели репетицию штурма острова сначала в дневное время. Подразделения отправились на свои участки берега и оттуда карабкались по скалам к объектам в глубине острова Магг, которые на карте были обозначены просто точками, но на Средиземном море будут огневыми позициями и узлами связи. Гай действовал в роли офицера разведки, наблюдателя и посредника. Все шло хорошо.

Потом попытались повторить учение ночью, в полной темноте. Томми и Гай стояли у машины на дороге, неподалеку от старого замка. Начальник связи выпустил ракету, обозначающую начало учения. В неверном свете, затемненных фар, спотыкаясь, прошла рота Берти и с шумом скрылась в темноте. Мимо проехал гражданский автобус. Наступила тишина. Томми и Гай в ожидании сидели в машине, а на обочине дороги сгрудились, закутавшись в одеяла, штабные связисты, похожие на группу бедуинов. Пока не будут достигнуты намеченные объекты, соблюдалось радиомолчание.

– Мы могли бы с таким же успехом лежать в постели, – сказал Томми. – Раньше чем через два часа ничего не может случиться, да и мы ничем не можем помочь.

Но через двадцать минут после начала учения что-то сверкнуло в небе.

– Ракета, сэр, – доложил начальник связи.

– Не может быть!

В том же направлении вспыхнула еще одна искорка. Гай посмотрел на карту.

– Похоже, четвертая рота.

– Что за черт, ведь у нее самый дальний объект! Я специально дал его роте, чтобы Айвор для разнообразия немного потрудился.

Связисты что-то забормотали, и вскоре один из них доложил:

– Четвертая рота на месте, сэр.

– Дай-ка мне эту чертову штуку! – крикнул Томми. – Он взял в руки микрофон: – Штаб – четвертой роте! Где вы находитесь? Прием... Я вас не слышу. Говорите громче. Прием... У аппарата полковник Блэкхаус. Дайте капитана Клэра. Прием... Айвор, где вы находитесь?.. Вы не можете быть... Проклятье! – Он обратился к Гаю:

– Все, что я мог понять, это просьба о разрешении вернуться. Поди к ним, Гай, разберись.

На острове Магг было два пути к объекту четвертой роты. Согласно приказу рота должна была пройти четыре мили по болотистой местности и выйти к пункту, до которого, если следовать по прибрежному шоссе, было двенадцать миль. В будущей операции шоссе дорога проходила через населенную и забитую войсками деревню. Однако теперь, поскольку это было учение, Гай поехал на машине этой дорогой. Там, где дорога уходила в сторону, он оставил машину и пошел по тропинке пешком.

Вскоре его окликнул часовой. Поблизости раздался голос Клэра:

– Алло, кто это?

– Меня послал полковник Томми.

– Добро пожаловать. А мы тут замерзаем. Позицию занял и закрепился в обороне. Полагаю, что цель учения в этом и состояла.

Рота расположилась со сравнительным комфортом в овечьем загоне.

– Как вы, черт возьми, сюда добрались, Айвор?

– Я нанял автобус. Можете назвать это конфискованным транспортом. Могу я увести роту назад и распустить? Солдатам становится холодно.

– Не холоднее, чем другим.

– Я прежде всего забочусь об их удобстве. Так как, можно отправляться?

– Я думаю, полковник Томми захочет поговорить об этом.

– Я ожидаю поздравлений.

– Поздравляю, Айвор, лично от себя. Не знаю, что скажут на это другие.

Все остальные роты в эту ночь заблудились. Прождав три часа, Томми приказал дать ракеты, обозначающие конец учения, и до самого рассвета из темноты выходили солдаты еле волоча ноги, промокшие и сникшие, словно французы, отступающие от Москвы.

– Завтра в первую очередь вызвать ко мне Айвора, – сурово распорядился Томми, когда они наконец расстались с Гаем.

Но доводы Клэра были неоспоримы. Командос специально готовили для действий не по правилам, для захвата тактических преимуществ по своей инициативе.

– В данной операции, – разъярил Клэр, – вероятно, где-нибудь подвернулся бы автобус.

– В данной операции дорога вела через расположение батальона легкой пехоты противника.

– Об этом в приказе ничего не сказано, полковник.

Томми некоторое время сидел молча. Наконец он сказал:

– Ладно, Айвор, ваша взяла.

– Благодарю, полковник.

Этот эпизод высоко поднял Клэра в глазах его роты, но остальные командос были крайне рассержены. Среди солдат он вызвал вражду, среди офицеров – подчеркнутую холодность. И совершенно неожиданно он привел к сближению Клэра с Гаем. Клэру нужен был собеседник, но внезапная неприязнь офицеров сдерживала его выбор. Кроме того, он с уважением отметил поведение Гая за карточным столом. Что касается Гая, то он с самого начала заметил какое-то отдаленное родство с этим совсем не похожим на него человеком, общую для обоих, хотя по-разному проявляемую, отчужденность, общее грустное чувство юмора; каждый по-своему смотрел на жизнь *sub specie aeternitatis*^[44]. Вот так они и подружились, с бесчисленными оговорками, как прежде Гай с Эпторпом.

Только один человек пребывал в нервном ожидании прибытия корабля – это был Триммер. Немезида в образе позорного пятна казалась очень близкой. В открытом море, направляясь к секретному месту назначения, а еще лучше будучи торпедированным и выброшенным на нейтральный берег, Триммер чувствовал бы себя спокойно. А пока что оставалась опасность, что заместитель командира батальона сделал запрос относительно его чина и должности и что где-то между штабом шотландского командования и управлением генерал-адъютанта в Лондоне медленно переходят от стола к столу бумаги, которые в любой момент могут роковым образом решить его судьбу.

Была также опасность, что его подразделение может взбунтоваться, но он разрешил этот вопрос, отправив всех в двухнедельный отпуск. Солдаты были в нерешительности, но Триммер выглядел вполне уверенным в себе. Он израсходовал всю

книжку проездных документов и выдал каждому солдату положенную сумму, а старшине добавил пять однофунтовых бумажек от себя.

– Куда нам являться после отпуска, сэр?

Триммер задумался. Потом его осенила блестящая мысль.

– В Индию, – сказал он. – Явитесь в четвертый батальон.

– Сэр?

– Там совсем не такой климат, как на Магге. Поручаю подразделение вам, старшина. Желаю хорошо провести отпуск. Потом явитесь в управление морского транспорта. Там вам укажут корабль.

– Как, без приказа на перемещение, сэр?

– Видите ли, я больше не командую. Меня откомандировывают. Я все равно не могу подписать приказ.

– Не следует ли нам вернуться в штаб полка, сэр?

– Пожалуй, это было бы правильнее. Но сначала мне еще предстоит повозиться в порту. Надо выполнить кое-какие формальности.

– В каком порту, сэр?

Ответить было нетрудно, и он ответил без колебания:

– В Портсмуте.

– Мне нужен какой-то письменный документ, сэр.

– Я ведь объяснил вам, что не имею права отдавать какие-либо распоряжения. Все, что мне известно, это то, что вам необходимо явиться в четвертый батальон в Индии. Я видел в Глазго заместителя командира батальона. Он отдал мне устное распоряжение. – Он заглянул в бумажник и скрепя сердце вынул еще два фунта. – Все, что я имею, – сказал он.

– Слушаюсь, сэр, – сказал старшина.

Он был не из лучших и не из самых смысленных солдат, но в его глазах мелькнуло такое выражение, что Триммер побоялся, как бы семь фунтов не пропали даром. Этот человек явится в свою часть, как почтовый голубь, в тот же день, как истечет его отпуск.

Гаю пришлось самому найти место для Триммера. В радостном ожидании скорой погрузки Томми нетрудно было принять Триммера; другое дело – навязать его кому-нибудь из своих равных командиров рот.

Дело в том, что три из четырех рот, где не хватало офицеров, были укомплектованы добровольцами из гвардейских частей. Их

командиры заявляли, что гвардейцам не подобает служить под командованием офицера из линейного полка, и Томми, сам колдстримский гвардеец, был с ними согласен. Существовала еще шотландская рота, для которой Триммер мог бы подойти, но она была полностью укомплектована. Смешанной роте из состава стрелковой бригады и 60-го полка требовался офицер, но тут сразу выплыла на поверхность скрытая вражда между ними и пешей гвардией. Почему стрелки должны принять Триммера, когда гвардейцы отказываются? Томми не приходило в голову, что его могут заподозрить в личных пристрастиях в этом деле; он просто следовал, как ему казалось, обычному порядку. Свою короткую службу в линейном полку он рассматривал как вынужденную задержку в карьере и редко о ней вспоминал. В первый и последний раз за свою военную службу он допустил мелкую оплошность.

– Если они не хотят Мактейвиша, я могу дать им Данкена. Он из легкого пехотного полка шотландских горцев. Черт побери, разве не все части легкой пехоты готовятся одинаково?

Но Данкен не подошел, да и командир шотландской роты не хотел его отпускать. Дым сотен сражений на протяжении военной истории застилал путь к решению вопроса.

Выход нашли Гай и Джамбо – алебардисты, невозмутимо стоявшие выше всяких склок.

Существовала еще в довольно туманной форме шестая рота, именуемая ротой специалистов. Она включала взвод морских пехотинцев – специалистов по лодкам, канатам и берегам, двоих переводчиков, одного военного полицейского, расчеты тяжелых пулеметов и группу подрывников. Командовал ею индийский кавалерист, назначенный потому, что он имел опыт войны в горах. Этот офицер, майор Грейвс, еще до появления Гая на Магге разыгрывал из себя Ахиллеса. Он воспринял прибытие Чатти Корнера как намеренное третирование своего с таким трудом приобретенного опыта. Он не стал протестовать, но затаил обиду. Его мрачное настроение могли рассеять только рассказы о жертвах Чатти Корнера. Одной из первых среди них был его саперный офицер, командовавший группой подрывников.

Гай чувствовал симпатию к этому недовольному рыжеватому человечку, чье сердце было на северо-западной границе, и не раз

заманивал его к покерному столу. Теперь, в этот критический момент, он застал его раскладывающим пасьянс в ротной канцелярии.

– Вы знаете Мактейвиша, который только что поступил к нам?

– Нет.

– Вам ведь не хватает офицера, не так ли?

– Мне не хватает чертовой уймы вещей.

– Полковник Томми хочет направить Мактейвиша к вам.

– Какая у него специальность?

– Собственно говоря, *конкретно* никакой.

– Хреновый мастер на все руки?

– Он, кажется, довольно покладистый парень. Полковник Томми считает, что он может вообще оказаться полезным.

– Может получить саперов, если хочет.

– Думаете, подойдет?

– Думаю, что это несусветная глупость. Был у меня прекрасный парень. Но командир послал какую-то человекообразную обезьяну с задачей сломать ему шею. С тех пор я почти не вижу саперов. Даже не знаю, что они делают. Они мне осточертели. Мактейвиш может их получить.

Итак, Триммер сделал первый шаг по пути к славе, имея очень мало представления о своем предназначении.

В тот день Томми опять покинул остров по вызову из Лондона.

Несколько дней спустя Джамбо обратился к Гаю:

– Заняты?

– Нет.

– Неплохо бы вам отправиться в замок. Полковник Кэмпбелл опять пишет. Если можешь, всегда надо поддерживать связь с гражданским населением.

Дома Гай застал помещика в кожаных шлепанцах и в хорошем настроении. Они уселись в круглой комнате-башне, заполненной картами и охотничьим оружием. Помещик несколько минут бессвязно болтал о каком-то офицере, выслужившемся из рядовых.

– Совсем не шотландец... Я не против таких офицеров, если они придерживаются правил... Не против английских полков. Немного медлительны на марше, вот и все. Конечно, теперь приходится

производить в офицеры всяких людей, как и в прошлой войне... Познакомился с ним, когда он только прибыл на остров... Не очень-то понравился... Не знал, что он из ваших. Неплохой парень, когда узнаешь поближе.

И так далее, пока до Гая постепенно не дошло, что речь идет о Триммере.

– Приходил вчера после завтрака.

Чтобы перейти ближе к делу, Гай сказал:

– Мактейвиш теперь командует группой подрывников.

– *Вот именно.*

Магг встал и начал шарить под письменным столом. Наконец он извлек оттуда пару сапог.

– Помните, о чем мы говорили на днях? Я хотел бы, чтобы вы посмотрели.

Он надел сапоги и капюшон и выбрал длинную палку из кучи разных посохов, багров и жердей. Вместе с Гаем они прошли с полмили навстречу ветру и остановились на утесе, откуда был виден суровый берег, усеянный камнями и обломками скалы.

– Вот, – показал Магг, – купальный пляж. Мактейвиш говорит, что это долгое дело.

– Я не специалист, но думаю, что он, пожалуй, прав.

– У нас есть пословица: «Что упало, то надо поднять».

– У нас в Англии есть похожая пословица, только наоборот: «Потерянного не воротишь».

– Ну это *не* совсем одно и то же, – сурово буркнул Магг.

Они посмотрели вниз на огромную грудку гранита.

– Свалилась что надо, – сказал Магг.

– Да, это видно.

На обветренном лице помещика появилось странное выражение, под усами мелькнула загадочная улыбка.

– Это я взорвал, – сказал он наконец.

– Вы, сэр?

– Я устраивал много взрывов, – продолжал помещик, – то тут, то там. Пойдемте.

Они прошли с четверть мили назад вдоль мыса по направлению к замку и остановились.

– Вот здесь, – показал помещик. – Под снегом трудно рассмотреть. Там, где эта впадина. Видны верхушки чертополоха по краям. Ведь не подумаешь, что тут была конюшня?

– Нет, сэр.

– Конюшня на десять лошадей, каретный сарай, кладовка для упряжи?

– Нет.

– Все это *было*. Но место небезопасное: все деревянные части сгнили, не хватало половины черепиц. Отремонтировать не мог, да и ни к чему это было. Лошадей я не имел. И вот она *взлетела на воздух*. Взрыв слышали на Маке. Великолепное зрелище! Огромные глыбы гранита полетели в море, все коровы и овцы острова бросились врассыпную. Я взорвал ее пятнадцатого июня тысяча девятьсот двадцать третьего года. Наверное, никто на острове не забыл этот день. Уж я-то, конечно, не забыл. – Помещик вздохнул. – А теперь у меня нет ни кусочка гелигнита. Я вам покажу, что у меня осталось.

Он повел Гая на дно впадины к прочно сложенному из гранита сарайчику, который до сих пор не был виден.

– Мы построили это из части конюшни, которая почему-то не взорвалась. Остальной камень пошел на дорогу. Я продал его правительству. Пока что это единственный взрыв, который принес мне какой-то доход. Что-то около восемнадцати фунтов после всего, что я заплатил, включая плату рабочим за постройку склада. Вот этот склад.

В глубоком снегу, засыпавшем сарай, был расчищен узкий проход к двери.

– Никогда не знаешь, когда потребуется хоть чуть-чуть пироксилина. Но я не вожу сюда много людей. Прошлым летом приезжал какой-то инспектор с большого острова. Сказал, что поступило сообщение, будто я храню взрывчатку. Я показал ему несколько ящиков с патронами. Мой управляющий на ножах почти со всеми на острове, поэтому они мстят ему доносами. Позвольте, я пойду вперед.

Помещик вынул из кармана ключ и отпер дверь в единственное, неосвященное помещение. Он зажег огарок свечи и высоко поднял его, как коллекционер вин, показывающий свое самое дорогое сокровище. Помещение с рядом каменных ларей по стенам и в самом

деле сильно напоминало винный погреб – увы, основательно опустошенный.

– Когда-то здесь хранился мой гелигнит, – показал помещик, – отсюда и досюда... Теперь здесь пироксилин. Я еще довольно богат им, как видите. А вот – все, что осталось от нитроглицерина. Я не пользовался им пятнадцать лет. Возможно, он испортился. Скоро возьму немного и проверю... Здесь все пусто, видите? В сущности, теперь, можно сказать, не осталось ничего стоящего... Надо постоянно пополнять запасы, а то скоро останешься ни с чем. Мне не хватает главным образом взрывателей и детонаторов... А-а, вот удача! – Он опустил свечку, и длинные тени заполнили склад. – Ловите!

Он бросил что-то из довольно темного угла в сторону, где находился Гай. Предмет на мгновение промелькнул в пламени свечи, ударил Гая в грудь и упал на пол.

– Дырявые руки! – крикнул помещик. – Это динамит. Я и не знал, что еще осталось. Сделайте одолжение, бросьте назад.

Гай ощупью отыскал отсыревший цилиндр, обернутый бумагой, и осторожно протянул его помещику.

– Не бойтесь, ничего с вами не случится. Один шанс из тысячи, что динамит взорвется. Не то что кое-какие вещи, которые я когда-то имел.

Они двинулись к двери. Несмотря на жестокий мороз. Гая прошиб пот. Наконец они вышли на свежий воздух между снежными стенами.

– Так вот, – сказал помещик, запирая дверь, – я дал вам возможность увидеть, как бедна наша земля. Теперь вы понимаете, почему я прошу помощи? Позвольте далее показать вам кое-что из того, что требуется сделать.

Они ходили два часа, исследуя обвалы скал, заброшенные строения, заваленные водосточные канавы, пни деревьев и ручьи, которые следовало бы запрудить.

– Мне не удалось достаточно заинтересовать этого новоиспеченного офицера. Думаю, он за всю жизнь не выловил ни одной рыбки.

Для каждой проблемы у помещика было специфическое средство, почерпнутое из перечня дробящих или медленно сгорающих

взрывчатых веществ.

При расставании помещик, видимо, ожидал благодарности, как дядюшка, сводивший племянника в музей мадам Тюссо и выложившийся до конца, чтобы сделать это посещение занимательным.

– Спасибо, – сказал Гай.

– Рад, что вы получили удовольствие. Буду ждать ответа от вашего полковника.

Они стояли у ворот замка.

– Кстати, – сказал помещик, – моя племянница, которую вы видели в тот вечер, не знает про склад. И вообще это не ее дело. Она здесь просто гостит. – Он замолчал, посмотрел на Гая своими чистыми, старческими, пустыми голубыми глазами и добавил: – К тому же, понимаете, она могла бы растратить все попусту.

Но чудеса острова еще не были исчерпаны.

Возвращаясь в отель, Гай заметил человека, который стоял на берегу моря, согнувшись под тяжестью груза вдвое, среди камней и, казалось, вцепился в них обеими руками. Увидев Гая, он выпрямился и направился к нему, волоча за собой груды мокрых водорослей. Это был высокий, нескладный мужчина, без шляпы, в грубом, кожаном костюме. Его седая борода трепетала на ветру, как у карикатурного пророка; кожа на немногих открытых частях тела была старая и морщинистая, как его кожаные штаны; он носил пенсне в золотой оправе и говорил с акцентом Магга, однако изъяснялся педантичным, профессорским тоном.

– Имею ли я честь видеть полковника Блэкхауса?

– Нет, нет, – ответил Гай. – Полковник Блэкхаус в Лондоне.

– Он ожидает меня. Я прибыл сегодня утром. Поездка длилась больше времени, чем я рассчитывал. Я приехал на север на велосипеде и попал в очень плохую погоду. Я только что позавтракал, перед тем, как представиться. Могу предложить и вам. – Он протянул водоросли.

– Благодарю, – сказал Гай. – Я как раз иду в отель. Вы, наверное, доктор Гленденинг-Риз?

– Разумеется. – Он набил рот водорослями и принялся с удовольствием жевать, разглядывая Гая с отеческим интересом. – Завтракаете в отеле? – удивился он. – На поле боя, знаете ли, вы отелей не найдете.

– Надо полагать.

– Мясные консервы, – сказал доктор, – печенье, крепкий чай – все это отравы. Уж я-то знаю. Я был на первой мировой войне. Чуть не погубил желудок на всю жизнь. Именно поэтому я посвятил себя своей профессии. – Он залез в карман и извлек горсть больших моллюсков. – Попробуйте. Только что поймал. Ничуть не хуже устриц, но *гораздо* безвреднее. В них содержится все, что нужно человеку, – добавил он, глядя влюбленными глазами на пустынный берег. – Редкостное блюдо. Смею вас заверить, что вашим солдатам будет недоставать этого, когда они двинутся в глубь острова. Им будет там нелегко, особенно в это время года. Не много чего найдешь на земле. Придется покопаться, и надо знать, что ищешь. Надо иметь *чутье*. Молодые корни вереска, например, сдобренные маслом и солью, – превосходное блюдо, но стоит подмешать немного болотного мирта – и вы готовы. Не сомневаюсь, что мы сумеем их научить.

Он жадно сосал моллюсков.

– Я прикомандирован к штабу. Мы слышали о вашем прибытии. Полковник будет очень жалеть, что вы его не застали.

– О, я могу начать без него. У меня подготовлен план. А теперь не смею вас задерживать. Идите завтракать в свой отель. Я еще немного побуду здесь. Один из уроков, которые надо усвоить, – это есть медленно, естественным, рациональным способом. Где я смогу найти кого-нибудь из начальства?

– В отеле, я полагаю. – Это было не то слово, которое могло успокоить доктора Гленденинг-Риза.

– В Галлиполи отелей не было.

Часа через два, закончив свой естественный, рациональный завтрак, доктор Гленденинг-Риз сидел в полковой канцелярии напротив Джамбо и Гая и излагал свой план действий.

– Мне потребуется от вас показательное отделение. На данном этапе достаточно полдюжины солдат. Подберите их произвольно. Мне нужны не самые сильные, или самые молодые, или самые здоровые, а просто средние солдаты. Мы уйдем на пять дней. Главное – сначала произвести тщательный осмотр. Мой последний эксперимент потерпел неудачу из-за плохой дисциплины. Солдаты тайком

прихватили с собой еду. А у офицера оказалась даже бутылка виски. В результате вся диета нарушилась, и вместо того, чтобы постепенно приучить себя к естественной пище, они ночью убежали из лагеря, убили овцу и наелись до тошноты. Единственное, что им может понадобиться, это немного оливкового масла и ячменного сахара. Я буду держать это у себя и раздавать, если замечу, что в корнях чего-то не хватает. По истечении пяти дней я предлагаю устроить состязание по перетягиванию каната между моим отделением и шестью солдатами, которые ели обыкновенную пищу, и гарантирую, что мои солдаты покажут себя с лучшей стороны.

– Да, – сказал Джамбо. – Да. Это должно быть очень интересно. Жаль, что нет командира.

– Не сомневаюсь, что он будет присутствовать при перетягивании каната. Я изучал карту Магга. Это идеальное место для нашей цели. На западном побережье имеется большое пространство, кажется, почти необитаемое. У солдат не будет соблазна воровать у фермеров. Яйца, например, могут погубить все дело. Я разработал полный учебный план: марши, физические упражнения, окапывание. Солдаты получают бесценный опыт в устройстве бивака в снегу. Нет ничего удобнее, если сделать все по правилам.

– Ну что ж, – сказал Джамбо, – остается только подготовиться, а? Командир вернется завтра или послезавтра.

– Но я получил распоряжение непосредственно от штаба особо опасных операций. Мне надлежит приступить немедленно. Разве вам не сообщили?

– Мы получили письмо о вашем прибытии.

– Такое, да? – Доктор, обнажив мохнатую грудь, достал из-за пазухи отпечатанную на машинке копию того самого письма, что лежало в корзинке «На доклад». – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но я понимаю это как прямой приказ предоставить мне все средства для моих исследований.

– Да, – согласился Джамбо. – Его можно понимать в этом смысле. Почему бы вам сначала самому не произвести рекогносцировку? Я никогда не бывал на западном побережье. Карта, знаете, может устареть. Так часто бывает. Должен сказать, что теперь все это место застроено. Почему не взять несколько дней и не проверить?

Джамбо насытился неестественной и нерациональной пищей. Его клонило ко сну, и он не мог тягаться с оппонентом, взбодренным редкостными морскими солями и эссенциями.

– Я не так понимаю свои предписания, – возразил доктор, – да и ваши.

Джамбо бросил беспокойный взгляд на Гая.

– Не вижу, кто из командиров рот за это возьмется.

– Кроме майора Грейвса.

– Да, это дело явно для специалистов.

– Для Триммера и его саперов.

– А там представлены разные люди?

– Да, доктор Гленденинг-Риз. Думаю, это именно то, что вам нужно.

Майор Грейвс, казалось, испытывал огромное удовольствие, передавая распоряжение Триммеру.

– С завтрашнего дня вы выходите из моего подчинения. Ваше подразделение в полной походной форме явится к гражданскому медику и поступит в его распоряжение до дальнейших указаний. Вы будете жить на открытом воздухе и питаться вереском и водорослями. Большого сказать вам не могу. Приказ штаба особо опасных операций.

– Я понимаю, сэр, что мне не потребуется отправиться с ними?

– О нет, Мактейвиш. Вам предстоит большая работа. Вы должны будете следить, чтобы ваши солдаты не раздобывали никаких продуктов питания, и, конечно, показывать им личный пример.

– Почему именно мы, сэр?

– Почему, Мактейвиш? Потому что мы не гвардейцы и не «зеленые куртки», вот почему. Потому что мы рота с бору по сосенке, Мактейвиш. Именно поэтому и *вы* находитесь здесь.

Триммер повел свой отряд в неизвестность, так и не услышав в напутствие доброго слова.

– Знакомое зрелище, правда? – спросил Айвор Клэр.

Гай посмотрел на яхту в бинокль.

– «Клеопатра», – прочел он.

– Джулия Ститч, – сказал Клэр. – Просто не верится.

Гай тоже помнил это судно. Оно заходило в Санта-Дульчину не так уж много лет назад. В кастелло существовала традиция, которую Гай довольно неохотно соблюдал, – наносить визиты на английские яхты. Он обедал на борту. На следующий день пассажиры яхты – их было шестеро – поднялись в гору позавтракать с ним, беспечно, преувеличенно расхваливая все.

Дымилось большое блюдо спагетти. Жарилось несколько тощих, разрезанных на части кур, подавали вялый салат-латук, смазанный маслом и посыпанный мелко нарубленным чесноком. Это был унылый завтрак, который не оживляли даже красота и веселость миссис Ститч. Гай рассказывал романтическую историю о происхождении «кастелло Краучибек». *Vino scelto* начинало оказывать усыпляющее действие. Беседа постепенно замирала. Потом, когда они сидели с довольно хмурым видом на крытой галерее, пока Джозефина и Бианка убрали тарелки, сверху раздался дикий крик: «*C'e scarpata la mossa!*»^[45]. Это была вечная драма в жизни Санта-Дульчины – бегство из подвала на ферме коровы, больше похожей на пони, чем на Минотавра.

Джозефина и Бианка подхватили крик: «*Accidente! Porca miseria! C'e scarpata la mossa!*»^[46]. Бросили все и перепрыгнули через перила.

«*C'e scarpata la mossa!*» – закричала миссис Ститч, стремительно бросаясь за ними.

Ошеломленное животное неуклюже скакало с террасы на террасу между виноградными лозами. Миссис Ститч догнала корову первой. Она ухватилась за веревку и с успокаивающими словами отвела корову в ее подземный хлев.

– Я как-то был на этой яхте, – сказал Гай.

– А я плавал на ней. Три недели мучительных неудобств. Чего только не вытворяли в мирное время!

– Мне она казалась верхом комфорта.

– Только не холостяцкие каюты, Гай. Джули была воспитана на старых традициях давать жару холостякам. Все время назревал бунт. Она вытаскивала их из казино, как патруль военных моряков при облаве на квартал красных фонарей. Но нет никого, никого на свете, кого бы я так хотел сейчас видеть, как ее. – За все время их знакомства Гай ни разу не видел Клэра в таком восторженном состоянии. – Пошли на причал.

– Разве она может знать, что мы здесь?

– Будь уверен, Джулия не теряет связи с закадычными друзьями.

– Увы, я не принадлежу к ее закадычным друзьям.

– Для Джулии все друзья.

Но, когда «Клеопатра» подошла ближе, у обоих наблюдателей по спине пробежал холодок.

– О господи, – прошептал Клэр, – *военные*.

У поручней стояло с полдюжины мужчин. Там был Томми Блэкхаус рядом с моряком, обильно разукрашенным золотом; там был генерал Уэйл; там был бригадир Ритчи-Хук; там был даже, непонятно почему, Йэн Килбэннок. Но миссис Ститч там не было.

Вновь прибывшие, даже адмирал, имели бледный вид. Гай и Клэр вытянулись по стойке «смирно» и отдали честь. Адмирал поднял слабую руку. Ритчи-Хук оскалил зубы. Затем, словно по предварительной договоренности, старшие офицеры спустились вниз в поисках покоя, которого они были лишены во время плавания. «Клеопатра», грубо реквизированная, оплатила им; она была построена для более спокойных вод.

Томми Блэкхаус и Йэн Килбэннок сошли на берег. Денщик Томми, похожий на серый призрак, следовал за ними с багажом.

– Джамбо на месте?

– Так точно, полковник.

– Надо подготовить учение к завтрашнему вечеру.

– Должен ли я тоже участвовать?

– Нам придется расстаться, Гай. Твой бригадир забирает тебя. Вернее, наш бригадир. К твоему сведению, мы теперь входим в оперативную группу Хука, которой командует бригадир Ритчи-Хук. Почему вы, черт возьми, не со своей ротой, Айвор?

– Сегодня у нас занятия повзводно, – ответил Клэр.

– Ладно, отправляйтесь и помогите подготовить распоряжения на завтра.

– Полагаю, Томми мог бы распорядиться насчет моего чемодана, – проворчал Йэн. – У нас в военно-воздушных силах денщики не предусмотрены.

– Что ты сделал со своим маршалом авиации?

– Избавился от него. Совершенно избавился наконец. Все начальные симптомы мании преследования. Ему пришлось отпустить меня, как фараону Моисея, если такое сравнение допустимо. Правда, мне не пришлось убивать его первенца, но я заставил его покрыться волдырями и чирьями от социальной неполноценности в буквальном смысле слова. Кошмарное зрелище! И вот теперь я неплохо устроился в штабе отчаянно опасных операций. Нет ли у тебя солдата, которого можно послать за моими вещами?

– Нет.

– Ты, наверное, заметил, что меня повысили в чине? – Он показал свой обшлаг.

– Боюсь, не знаю, что это значит.

– Но считать-то ты умеешь? Я не рассчитываю, что люди понимают знаки различия военно-воздушных сил, но должен же ты заметить, что этих штуквин стало на одну больше. Она выглядит новее остальных. Думаю, мой чин соответствует майору. Безобразие, что приходится самому тащить свой чемодан!

– Тебе не потребуется чемодан. На этом острове негде ночевать. А что ты, собственно говоря, тут делаешь?

– На борту должно было состояться совещание по совершенно секретному оперативному планированию. Помешала морская болезнь. Я как ненормальный, – пожаловался Йэн, – собирался на прогулку. Думал, хорошо отдохну от бомбежек, помоги мне бог. Но не мог ни спать, ни есть. Эта кошмарная нижняя каюта над машиной!

– Помещение для холостяков?

– Я бы сказал, помещение для рабов. Мне пришлось делить его с Томми. Его отвратительно рвало. Между прочим, я не возражал бы теперь чего-нибудь поесть.

Гай повел его в отель. Поесть нашлось, и за едой Йэн объяснил свое новое назначение.

– Должность как раз для меня. Я даже думаю, что ее *ввели* специально для меня по настойчивой просьбе маршала авиации Бича. Я поддерживаю связь с прессой.

– Не приехал ли ты раструбить о *нас*?

– Упаси боже. Вы все еще страшно секретные. В этом вся прелесть моей работы. В управлении особо опасных операций все секретно, поэтому мне остается лишь время от времени выпивать с американскими журналистами в «Савое» и отказывать им в информации. Говорю им, что я сам журналист и глубоко им сочувствую. Они считают меня славным парнем. И я, черт возьми, такой и есть.

– Правда, Йэн?

– Ты никогда не видел меня с журналистской братией. Я показываю им демократическую сторону своего характера – не ту, которую видел маршал авиации Бич.

Гаю нечего было делать в то утро. Он наблюдал, как Йэн ест, пьет и курит. Когда вернулась иллюзия благополучия, Йэн разоткровенничался.

– Сегодня к вам приходит корабль.

– Это мы уже слышали и раньше.

– Дорогой мой, уж я-то *знаю*. Группа Хука отплывает с очередным конвоем. Три других отряда командос уже на борту своих кораблей. Вы составите целую армию, если вас не потопят в пути. – Его доверительность перешла границы дозволенного. – Это учение – только ширма. Томми, конечно, не знает, но, как только над вами прочно закроются люки, вы отправитесь в далекий путь.

– Ходили слухи о каком-то острове.

– Операция «Бутылочное горлышко»? Отменена несколько недель назад. После этого намечались операция «Зыбучий песок» и операция «Мышеловка». Обе отменены. Теперь намечается операция «Барсук».

– А это что такое?

– Раз ты не знаешь, я не имею права тебе говорить.

– Теперь слишком поздно отступать.

– Ну, откровенно говоря, это та же операция «Зыбучий песок», только под другим названием.

– И тебе, Йэн, все это рассказывают в управлении особо опасных операций?

– Я сам добываю сведения. Журналистская сноровка.

В тот день, как и во все предшествующие дни, транспортный корабль не прибыл. Томми подготовил распоряжения на учение и отдал их командирам рот; командиры рот довели их до командиров взводов. «Клеопатра» хранила свои тайны. Начальство приходило в себя и планировало. Вечером отель заполнили офицеры. В присутствии Томми в отряде «Икс» всегда становилось веселее. Большинство обедающих были старыми знакомыми Йэна. Его угощали так обильно, что в конце концов после полуночи ему пришлось искать помощи, чтобы найти дорогу к яхте. Провожал его Гай.

– Замечательный» вечер! – восторгался Йэн. – Замечательные ребята! – Когда он был пьян, его речь всегда текла медленнее и на высоких нотах. – Совсем как в «Беллами», только без бомбежек. Ты правильно поступил. Гай, что устроился сюда. Я побывал в других отрядах командос. Совсем не те ребята. Хотелось бы написать обо всех вас. Но ничего не выйдет.

– Да, не выйдет. Никак не выйдет.

– Ты меня не так понял! – Ночной воздух выветривал у него последние остатки сдержанности. – Я говорю не о секретности. Министерство информации добивается, чтобы вас рассекретили. Остро требуются герои, чтобы поднять дух народа. Скоро увидишь в газетах целые страницы о командос. Но не о вашей братии. Гай. Не подходит, понимаешь? Замечательные ребята, тоже герои, можно сказать, но не то время. Пережитки прошлой войны. Ушли с поэтом Рупертом Бруком.

– Ты находишь нас слишком поэтичными?

– Нет, – сказал Йэн, остановившись, и обернулся в темноте, чтобы взглянуть Гаю в лицо. – Вы не то что поэтичные, но высший класс. Безнадежно высший класс. Вы – цвет нации. Ты не можешь этого отрицать, а *это не подходит*.

В шутливом перечне различных стадий опьянения, сложившемся в течение веков, заслуживает места категория «пророчески пьян».

– Это народная война, – пророчески изрек Йэн, – а народу не нужна поэзия и не нужны цветы. Цветы воняют. Высшие классы засекречены. Нам нужны народные герои – для народа, именем народа, из народа и с народом.

Морозный воздух Магга завершил свое вредоносное действие.
Йэн запел:

Когда же ты спасешь народ,
О милосердный бог? Когда?
Народ, мой бог, народ!
Не троны и короны, а народ!

Он перешел на рысь и, задыхаясь, повторял один и тот же куплет, громко и монотонно, пока они не добрались до трапа.

Из глубины ночи грозно прозвучал голос Ритчи-Хука:

– Прекратите этот адский шум, кто бы вы ни были, и отправляйтесь спать!

Гай покинул Йэна, съездившегося среди мусора на причале в ожидании подходящего момента, чтобы проскользнуть на яхту.

На следующее утро с первыми лучами солнца, к удивлению Гая, из мифической дымки наконец выплыл войсковой транспорт; было видно, как он прочно встал на якорь у входа в гавань.

– Гай, если ты не нужен бригадиру, можешь мне помочь. Нам с Джамбо надо подготовить приказ на посадку. Отправляйся на корабль и вместе с моряками займись распределением мест для размещения подразделений. Предстоит до черта работы, пока погрузим все на борт. Молю бога, чтобы нам дали еще день до начала учения.

– По словам Йэна, никакого учения не будет.

– Чепуха. Наблюдать за учением прислали половину штаба особо опасных операций.

– Йэн говорит, что это ширма.

– Йэн сам не знает, о чем говорит.

– Как быть с тем отделением Мактейвиша, о котором я докладывал? – спросил Джамбо. – Они ушли куда-то в самые дебри.

– Отзовите их.

– Нет связи.

– Черт! Где они находятся?

– Сведений нет. Должны вернуться послезавтра.

– Придется им не участвовать в учении, вот и все.

Для Гая это была не первая погрузка. Он испытал все это прежде в Ливерпуле с алебардистами. Корабль не был зафрахтованным транспортом. Он был укомплектован новым экипажем из военных моряков. Гай добросовестно осмотрел палубы и каюты. Через два часа он доложил:

– Свободных мест просто нет, сэр.

– Должны быть, – ответил старший помощник. – Корабль оборудован согласно армейским требованиям для перевозки одного пехотного батальона. Это все, что мне известно.

– Но мы не совсем обычный батальон.

– Это дело ваше, – отрубил старший помощник.

Гай вернулся, чтобы доложить Томми, но застал одного Джамбо.

– Лучше бы вы, бригадир и другие члены штаба, которых он берет с собой, отправились на другом корабле, – сказал Джамбо. – Думаю, без бригадира поездка будет приятнее для всех.

– Это не решает проблемы сержантов. Разве они не могут хоть один раз разместиться с солдатами?

– Это невозможно. Сержанты уже начали волноваться. Гренадеры обратились к полковнику Томми. Все их сержанты носят три нашивки и требуют питаться отдельно. Тогда «зеленые куртки» заявили, что в таком случае их капралы тоже должны питаться отдельно. Кстати, надеюсь, вы подобрали мне приличную каюту?

– С майором Грейвсом и доктором.

– Я, откровенно говоря, рассчитывал на что-нибудь получше.

За вторым завтраком мишенью для нападок оказался Гай.

– Вы должны понимать, – с необычной суровостью сказал Берти, – что мои солдаты – крупные люди. Им нужно больше места.

– Мой денщик должен помещаться в соседней каюте, – потребовал Эдди. – Не могу же я каждый раз, как мне что-нибудь понадобится, вызывать его криками из солдатских помещений.

– Но, Гай, мы *не можем* спать с колдстримцами.

– Я не могу отвечать за тяжелые пулеметы, если они не будут под запором, Краучбек, – заявил майор Грейвс. – А помещаться в общей каюте с доктором? Это уж слишком.

– Я не могу делить корабельный лазарет с судовым врачом, – жаловался доктор. – Мне положена отдельная каюта.

– Мне кажется, вы для нас *ничего* не сделали.

– Сюда бы Джулию Ститч, она призвала бы их к порядку, – сочувственно отозвался Клэр.

Тем временем Томми Блэкхаус готовился к неприятному разговору, который больше нельзя было откладывать. Томми, как и большинство военных, старался по возможности перепоручать неприятные обязанности другим. Но теперь он понимал, что он, и только он, должен сообщить Джамбо печальную весть.

– Джамбо, – начал он, когда они остались наедине в канцелярии, – вам не нужно сегодня садиться на корабль. Вы, собственно, не понадобится нам на учении, а тут надо привести в порядок кучу дел.

– В канцелярии все дела в ажуре, полковник.

– Корабль набит до отказа. Вам будет лучше на берегу.

– Я предпочел бы принять участие в плавании.

– Беда в том, Джамбо, что для вас не найдется места.

– Краучбек нашел для меня койку. Правда, тесно, но я устроюсь.

– Видите ли, вы не входите в состав оперативного штаба.

– И не вхожу в состав отряда командос?

– Вы же знаете наш штат. Нам не положен офицер административно-хозяйственной-службы. Вы сверхштатный.

– Если дело только в этом, – сказал Джамбо, – я думаю, меня можно ввести в штат.

– Боюсь, что дело не только в этом. Разумеется, я хочу вас взять. Не знаю, что буду без вас делать. Но бригадир приказал взять только строевой состав.

– Бен Ритчи-Хук? Я знаю его больше двадцати лет.

– В том-то и беда. Бригадир считает, что вы немного староваты для такого рода операций.

– Бен так считает?

– Боюсь, что да. Конечно, если мы организуем постоянный штаб на Ближнем Востоке, вы можете приехать и присоединиться к нам позднее.

Джамбо был алебардист, с юности приученный отдавать и получать приказания. Это был для него тяжелый удар, но он исключал какие-либо личные счёты.

Он сидел среди своих папок и пустых корзинок для бумаг, и в его старом сердце не было надежды.

– Как вы думаете, если я поговорю с Беном Ритчи-Хуком, это поможет?

– Да, – охотно согласился Томми, – я бы так и сделал. У вас будет достаточно времени. Он пробудет в Лондоне по крайней мере три недели. Прилетит к нам в Египет на самолете. Думаю, вы сумеете уговорить его взять вас с собой.

– Нет, раз уж он меня не хочет, то не возьмет. Не знаю случая, чтобы Бен сделал что-нибудь, чего не хочет. А Краучбека вы берете?

– Он будет офицером разведки бригады.

– Я рад, что у вас будет хоть один алебардист.

– Я не знаю, когда мы отплываем. До тех пор вы, разумеется, останетесь здесь.

– Конечно.

Оба вздохнули с облегчением, когда вошел майор Грейвс и спросил, как быть с имуществом саперов.

– Никому из моей роты нельзя доверить взрывчатку. Есть ли на корабле подходящий склад?

– А, оставьте ее на месте, пока не вернутся саперы.

– Без охраны?

– Никуда не денется.

– Слушаюсь, сэр.

Когда майор Грейвс ушел, Томми опять занялся распоряжениями на учение. От него скрывали, что это напрасный труд, пока не закончилась погрузка. Тогда на борт явилась группа офицеров с «Клеопатры», и было объявлено, что никакого учения не будет. Никаких отпусков перед отплытием. Никаких прощальных писем. Корабль присоединится к другим кораблям с другими отрядами командос и к эскорту в установленном месте в открытом море.

– Вот так надули нас, черт возьми, – сказал Клэр.

Джамбо не мог знать, что Томми тоже держали в неведении. Для его старинного понятия о чести это было настоящим предательством. С обледенелого берега он наблюдал, как уходят корабль и яхта, потом устало побрел в опустевший отель. Его увеселительная прогулка кончилась.

Магг тайком вышел из замка на своем покинутом острове, чтобы украсть запасы саперов, а вскоре появились и сами саперы – истощенные, небритые, они еле передвигали ноги, неся на носилках из прутьев доктора Гленденинга-Риза.

Сильный взрыв, убивший Магга и его племянницу, приписали диверсии противника.

Оперативная группа Хука, совершив глубокий обходный путь в Атлантическом океане, прибыла в Кейптаун, где ее приняли с почетом.

– Должен сказать, – заметил Айвор Клэр, – что местные жители необычайно любезны.

Он и Гай на закате сидели в баре отеля. Сквозь незатемненные окна в сумерки лился свет, сливаясь со светом фар автомобилей, мчавшихся, разворачивавшихся и останавливавшихся на покрытой гравием мостовой, у ярко освещенных витрин магазинов. Кейптаун, расположенный на самом краю одного из двух затемненных континентов, был настоящим *ville lumiere*, который тщетно искал Триммер.

– Прибыли три корабля, и для каждого создан комитет по встрече. Для всех накрыты столы.

– Это отчасти для того, чтобы подразнить голландцев, отчасти, чтобы удержать солдат от озорства. Наверное, были инциденты с последним транспортом.

– Отчасти и добродушие, я думаю.

– Да, отчасти, конечно, и это. Я не спешил сойти на берег, но, когда сошел, там все еще околачивались дружелюбно настроенные туземцы. Подходит ко мне красивая баба и говорит: «Чего бы вам особенно хотелось сделать или увидеть?» А я отвечаю: «Лошадей». За последние шесть недель я, представь себе, ни о чем особенно не думал, кроме как о лошадях и, конечно, о своем китайском мопсе Фриде. «Это довольно трудно, – говорит она. – А вы хорошо ездите верхом?» Тогда я отвечаю, что служил в кавалерийском полку. «Но разве вы все теперь не механизированы?» – спрашивает она. «Думаю,

еще могу держаться в седле», – говорю. «Есть тут один мистер, Как Бишь Его, но у него свои странности. Впрочем, я попытаюсь». И вот она уцепилась за этого мистера Как Бишь Его, и, к счастью, оказалось, что он видел, как Тимбл победил в Дублине, и он в меня прямо-таки влюбился. У него действительно очень приличная конюшня где-то на берегу. Он позволил мне выбрать лошадь, и мы все утро ездили верхом. После завтрака я взял лошадь, которую он тренирует для препятствий. Я чувствую себя другим и прямо-таки поздоровевшим человеком. Ну, а ты что делал?

– Мы с Эдди и Берти ходили в зоопарк. Гнались за страусами, чтобы заставить их прятать голову в песок, но они не стали. Эдди забрался в ограду и гонялся за ними по всему загону, а по ту сторону сетки черный сторож умолял его прекратить это. Берти говорит, что страус может одним ударом ноги убить трех лошадей. Потом я пошел в художественную галерею. Там есть два замечательных полотна Ноэля Пейтона.

– Я ничего не понимаю в живописи.

– Ноэль Пейтон тоже не понимал. В этом вся его прелесть.

В бар вошли, нетвердо держась на ногах, Берти и Эдди, огромные, румяные и улыбающиеся.

– Мы весь день пробовали вина.

– Эдди пьян.

– Мы оба пьяны в стельку.

– Хотели потанцевать с девушками, но чересчур набрались.

– Почему бы вам не полежать? – сказал Клэр.

– Я как раз об этом думал. Потому и привел сюда Эдди – принять ванну.

– Еще, чего доброго, утону, – сказал Эдди.

– Чудесные бабенки, – вздохнул Берти. – Мужья на войне. Надо протрезвиться.

– Лучше всего поспать.

– Поспать, принять ванну, а потом танцевать. Пойду сниму комнаты.

– Чудно, – заметил Айвор Клэр, – теперь, когда есть возможность, совершенно не хочется напиваться. На этом корабле я почти не просыхал.

– Пойдем пройдемся.

Они не спеша вышли на улицу.

– Кажется, одна или несколько этих нелепых звезд называются Южный Крест, – проговорил Клэр, вглядываясь в теплую звездную ночь.

Все здесь сверкало. В витринах магазинов заманчиво сияли товары, бесполезные и некрасивые. Улицы были полны солдат из группы Хука. Медленно проезжали грузовики с солдатами, нагруженные плодами ферм и садов – корзинами с апельсинами и библейскими гроздьями винограда.

– Так или иначе, Гай, кажется, Кейптаун снабдил нас всем, что нам хотелось.

– Лампа Али-Бабы.

– Нам это было нужно. Куда теперь?

– В клуб?

– Слишком много приятелей. Обратно в отель.

Но когда они вернулись в отель, Клэр сказал:

– Слишком много солдат.

– Может быть, тут есть какой-нибудь сад?

Сад был. Гай и Клэр сидели в плетеных креслах, глядя на пустой, освещенный теннисный корт. Клэр зажег сигарету. Он курил довольно редко. А когда курил, то с явным наслаждением.

– Ну и путешествие! – сказал он. – Теперь уже почти кончилось. Иногда так хотелось торпеды. Стоишь, бывало, ночью на палубе и воображаешь: красивый пенящийся бурун, взрыв, потом вокруг меня головы, в третий и последний раз появляющиеся на поверхности, и я сам, единственный оставшийся в живых, медленно уплывающий к какому-то ближнему острову.

– Принимаешь желаемое за действительное. На самом деле набьют вас в открытые лодки, и вы сойдете с ума оттого, что будете пить морскую воду.

– Что за путешествие! – повторил Клэр. – Нам говорят, и мы говорим своим солдатам, что мы должны оборонять Египет, чтобы защитить Суэцкий канал. А чтобы добраться до Суэца, пришлось проплыть полпути до Канады и Тринидада. А когда мы наконец доберемся туда, окажется, что война кончилась. По словам одного парня, с которым я завтракал, не успевают строить лагеря для

пленных итальянцев. Мне кажется, нас превратят в караульную команду.

Шел февраль 1941 года. Английские танки ушли далеко на запад от Бенгази. Банкиры со значками AMGOT^[47] каждый вечер обедали в каирском клубе «Мохамед Али». А Роммель, еще никому не известный, уже организовывал свою первую штаб-квартиру в Африке.

– Сержанты вели себя ужасно.
– Всеми успешными бунтами руководили сержанты.
– Я нисколько бы не удивился, если бы старшина Людович оказался коммунистом.

– Он порядочный малый, – сказал Клэр, автоматически защищая своего подчиненного.

– У него страшные глаза.

– Просто бесцветные, вот и все.

– Почему он весь день ходит в домашних туфлях?

– Говорит, что у него болят ноги.

– Ты ему веришь?

– Конечно.

– Таинственный человек. Он раньше был кавалеристом?

– Кажется, был. Когда-то.

– Он похож на мошенника-лакея.

– Да, возможно, он был и лакеем. Он слонялся по Найтсбриджским казармам, и никто не знал, что с ним делать. В начале войны он прибыл как резервист и претендовал на звание капрала кавалерии. Его фамилия значилась в списках, но никто, видимо, ничего о нем не знал, поэтому, когда формировалась рота, его, естественно, навязали мне.

– Он был *eminence grise*^[48] за всеми жалобами на то, что обходы капитана нарушают неприкосновенность сержантской столовой.

– Так оно и было. Интересно, – сказал Клэр, деликатно меняя тему, – как ладили с моряками другие командос?

– По-моему, отлично. Они заставили своих офицеров придерживаться норм выпивки, установленных на флоте.

– Ручаюсь, что это противоречит уставу. – Помолчав, Айвор добавил: – Не удивлюсь, если мне не удастся избавиться от Людовича, когда мы прибудем в Египет.

Некоторое время они сидели молча. Потом Гай сказал:

– Становится холодно. Пойдем в бар и забудем хоть на один вечер про корабль.

В баре они обнаружили Берти и Эдди.

– Теперь мы совсем трезвые, – сообщил Эдди.

– Только выпьем еще по одной, перед тем как пойти к девочкам.

Добрый вечер, полковник.

Позади них возник Томми.

– Хорошо, – сказал он, – хорошо. Я так и думал, что найду здесь кого-нибудь из своих офицеров.

– Выпьете, полковник?

Да, конечно. У меня был чертовски трудный день в Саймонстауне, и я получил довольно тревожное сообщение.

– Подозреваю, что нам предстоит повернуться кругом и отплыть обратно, – сказал Клэр.

– Не то. Речь идет о нашем бригадире. О нем и начальнике штаба бригады. Их самолет вылетел из Бразавиля на прошлой неделе, и с тех пор о нем ничего не слышно. Кажется, оперативной группе Хука придется сменить название.

– Он найдется, – сказал Гай.

– Пусть поторопится, если собирается руководить нашей операцией.

– Кто теперь командует?

– В данный момент как будто я.

– Лампа Али-Бабы, – прошептал Клэр.

– Что?

– Ничего.

Поздно вечером Гай, Томми и Клэр вернулись на корабль. Эдди и Берти прогуливались по палубе.

– Протрезвляемся, – объяснили они.

После каждого второго круга они прикладывались к бутылке.

– Посмотрите, – сказал Эдди. – Надо будет купить. Называется «Команде».

– Это бренди, – сказал Верти, – порядочная дрянь. Вы не думаете, полковник, что следует послать его Олуху на крышу? (Так военные прозвали капитана корабля.)

– Нет.

– Единственное, что я еще могу придумать, это выкинуть бутылку за борт, пока нас не стошнило.

– Да, я бы так и сделал.

– А как же *esprit de corps*? Ведь оно называется «Командо»?

Эдди бросил бутылку за борт и следил за ней, перегнувшись через поручни.

– Кажется, меня все равно стошнит, – признался он.

Потом в крошечной каюте, которую он делил с двумя спящими глубоким сном коллегами, Гай долго лежал без сна. Еще рано было оплакивать Ритчи-Хука. Он был уверен, что этот неистовый алебардист в данный момент яростно пробивается через джунгли, чтобы «уничтожить и уничтожить» противника. Гай с глубокой любовью думал об отряде «Икс». Цветом нации иронически назвал их Йэн Килбэннок. А ведь он был недалек от истины. Какая-то героическая простота отличала Верти и Эдди. Айвор Клэр был совершенно другим человеком: язвительным, замкнутым, неисправимым. Гай вспомнил, как он впервые увидел Клэра в Риме в солнечный весенний день, среди кипарисов Боргезских садов, безупречно направляющего коня на препятствия, сосредоточенного, как монахиня на молитве. Айвор Клэр, подумал Гай, лучший цветок из всех. Он – квинтэссенция Англии, человек, которого Гитлер не принял в расчет.

Часть седьмая
«Офицеры и джентльмены»

Генерал-майор Уэйл занимал должность командующего сухопутными частями для проведения особо опасных операций. В бесчисленных официальных документах он именовался сокращенно КСЧООО; немногие старые друзья называли его Малышом. В субботу предпасхальной недели 1941 года он был вызван в военное министерство на еженедельное заседание военного совета при генерал-инспекторе. Уэйл направлялся туда, томимый дурными предчувствиями. Он не был информирован полностью о недавних катастрофах на Ближнем Востоке, но знал, что дела там идут отвратительно. На прошлой неделе пал Бенгази. О том, где собирается оказать сопротивление отступающая армия, никто, по-видимому, не имел ни малейшего представления. В четверг предпасхальной недели противник атаковал открытый фланг австралийских частей в Греции. Где эти части займут оборону, также никто не знал. В вербное воскресенье подвергся бомбардировке Белград. Однако Малыша в то утро занимали совсем иные мысли. Стоявший на повестке дня военного совета вопрос, в связи с которым понадобилось присутствие Малыша, гласил: «Будущее частей специального назначения, дислоцирующихся в Великобритании».

Восседавшие за столом заседаний представляли собой плеяду военачальников, облеченных могущественными полномочиями, носителей важных титулов: генерал-адъютант, генерал-квартирмейстер, начальник управления личного состава, начальник управления снабжения.

То были не седоголовые тупые ветераны, хранители английских традиций, а поджарые, средних лет, поддерживающие себя в форме мужчины – люди, делающие карьеру. «Члены суда, собравшиеся для вынесения смертного приговора», – подумал Малыш, сердечно приветствуя их.

Председательствующий генерал-лейтенант попросил:

– Будьте добры, Малыш, напомните нам точный численный состав ваших частей на данный момент.

– Во-первых, сэр, у нас были алебардисты.

– Но только до прошлой недели.

– И оперативная группа Хука.

– Та-ак, группа Хука. В каком она состоянии согласно последним данным? – Он повернулся к сидевшему слева генерал-майору, окутанному клубами дыма из трубки.

– По-видимому, никто так и не придумал, как их использовать на Ближнем Востоке. Операция «Барсук» отменена, конечно?

– Конечно.

– Конечно.

– Конечно.

– Вряд ли это их вина, сэр, – продолжал Малыш. – Сначала они потеряли своего командира, затем лишились десантных кораблей. Помните, когда они прибыли в Суэц, канал был закрыт. Их разместили в палатках в зоне канала. А когда канал открыли, эти корабли понадобились для переброски австралийцев в Грецию. Потом их перевезли по железной дороге в Александрию.

– Да, Малыш, это нам известно. Конечно, они не виноваты. Я хочу лишь сказать, что они, по-видимому, не очень-то оправдывают свое назначение.

– По-моему, сэр, – сказал рыжий бригадир, мы скоро узнаем, что их просто расформировали и использовали для пополнения линейных частей.

– Вот именно. Так или иначе, но сейчас они находятся в составе сил на Ближнем Востоке. Меня интересует другое: какими сухопутными частями в метрополии вы командуете в настоящий момент?

– Э-э, сэр, как вам известно, вербовка добровольцев после отплытия оперативной группы Хука временно прекращена. В результате наши сухопутные части оказались без личного состава.

– Да, да.

Сидящие за столом, опустив глаза, машинально рисовали что-то на лежавших перед ними листках с повесткой дня.

– В данный момент, сэр, я располагаю одним офицером и двенадцатью рядовыми, четыре из которых обморожены и находятся в госпитале – вряд ли они останутся годными к службе в строю.

– Вот именно. Я просто хотел, чтобы вы подтвердили это.

В кафедральном соборе, купол которого был виден из окон военного министерства и значительно дальше, как на территории противника, так и в союзных странах, зажигали пасхальные огни. Здесь же все казалось Малышу холодным и мрачным. Палачи из управления министерства нацелились на свою жертву. Председатель управления личного состава нарисовал ряд маленьких лиц на своем экземпляре повестки дня.

– Откровенно говоря, сэр, мне кажется, управление личного состава так и не смогло уяснить полностью, какие задачи частей командос относятся к категории невыполнимых личным составом обычных линейных частей или морской пехоты. Управление неодобрительно относится к системе комплектования на принципе добровольности. Каждый военный должен быть готов выполнять любую поставленную перед ним задачу, как бы опасна она ни была.

– Совершенно верно.

– Штабные офицеры выносили свой приговор по очереди.

– Я только могу сказать, сэр, что система комплектования частей особого назначения ставит перед нашим управлением множество новых трудностей...

– По нашему мнению, сэр, командос либо станут *corps d'elites*^[49] и в этом случае будут серьезно ослаблять другие рода войск, либо превратятся в своего рода иностранный легион, состоящий из подонков, и в этом случае мы вряд ли можем ожидать от них значительного вклада в военные усилия...

– Я не хочу сказать ничего плохого о ваших ребятах, Малыш. Они, несомненно, отличный сырой материал. Но, по-моему, вы должны согласиться, что этот эксперимент с ослаблением дисциплины в казармах совершенно не удался. Этот взрыв на Магге...

– Я полагаю... Если разрешите, я могу объяснить...

– Да, да, несомненно. Действительно, это не относится к существу вопроса. Извините, что мы затронули это.

– Если мы могли бы начать новый набор, я уверен, что отклик был бы...

– Именно против этого-то и возражает командование войск метрополии.

– Министерство информации... – начал Малыш нерешительно, совершенно отчаявшись. Руки, машинально чертившие что-то на

листочках с повесткой дня, замерли. На мгновение все затаили дыхание, затем резко выпустили клубы табачного дыма. – Министерство информации, – теперь уже вызывающе повторил Малыш, – проявило к нам большой интерес. Оно ждет только какой-нибудь успешной операции, чтобы разрешить прессе опубликовать все материалы о наших частях. Моральное состояние гражданских... – невнятно продолжал он. – Мнение американцев...

– Да, да, конечно, – сказал председатель. – Но это не касается нашего комитета.

В конце заседания был составлен проект памятной записки военного совета при генерал-инспекторе, в которой в отношении частей специального назначения рекомендовалось не предпринимать никаких мер.

Малыш возвратился к себе в управление. Во всем мире в это утро пели псалом «Ликуй, о господи». Но Малыш не слышал этого пения, и звуки псалма не находили никакого отклика в его пустом сердце. Он вызвал своих офицеров-операторов и офицера связи.

– Они жаждут нашей крови, – заявил он без лишних слов. Ему не надо было объяснять, кто занес над ними топор. Никому и в голову не пришло, что он мог иметь в виду немцев. – Только одно может спасти нас. Мы должны немедленно организовать какую-нибудь операцию и привлечь к ней внимание прессы. Что там у нас есть подходящее для довольно посредственного офицера и восьми солдат?

Операторы в штабе особо опасных операций были весьма плодовиты. В стальных сейфах в различной степени готовности и под различными кодовыми наименованиями у них лежали планы высадки на почти каждый заслуживающий внимания пункт бесконечной береговой полосы, занятой противником.

Наступила пауза.

– Как насчет «Пугача», сэр?

– «Пугач»? «Пугач»? Это один из ваших планов, не так ли, Чарлз?

– Этим планом никто особенно не заинтересовался. Но я всегда считал, что в нем кроются большие возможности.

– Напомните мне его.

План операции «Пугач» был наименее претенциозным по сравнению с планами всех других операций. Целью этой операции был крошечный необитаемый островок, расположенный недалеко от

острова Джерси в проливе Ла-Манш. На необитаемом островке, как предполагалось, стоял заброшенный маяк. Рассматривая от безделья карту, кто-то из военных моряков высказал предположение: если допустить, что противнику взбрело в голову позабавиться радиопеленгованием, этот островок и эти развалины могли бы оказаться вероятным местом для радиопеленгатора. Чарлз напомнил Мальшу об этих подробностях.

– Хорошо. Запускайте «Пугач». Йэн, вам придется заняться этим делом вплотную. Лучше всего немедленно свяжитесь с Мактейвишем. Вам придется отправиться вместе с ним.

– А где он? – спросил Йэн Килбэннок.

– Где-нибудь да должен быть. Кто-то должен знать. Пока вы и Чарлз будете разыскивать его, я постараюсь добыть подводную лодку.

Пока в христианском мире повсюду раздавался пасхальный колокольный звон, с бесформенного белого минарета, огороженного колючей проволокой, муэдзин призывал правоверных на молитву. На юге, на западе и на севере правоверные пали ниц, повернувшись лицом к Мекке. Лишь среди бесчисленных дюн Сиди-Бишра голос муэдзина остался неслышанным.

Давно проснувшийся Гай поднялся с походной койки и крикнул, чтобы принесли воду для бритья. Он был дежурным офицером по бригаде. Время выполнения обязанностей у телефона на командном пункте близилось к концу. В течение ночи была одна воздушная тревога. Главный штаб в Каире молчал.

Бригада, по-прежнему именовавшаяся оперативной группой Хука, разместилась в нескольких бараках, стоявших в центре палаточного лагеря. Томми Блэкхаус, получивший временный чин полковника, был заместителем командира бригады. На третий день пребывания в Египте он возвратился из Каира с красными петлицами на воротнике и с кучей штабных офицеров, старшим среди которых был небольшого роста, лысый, моложавый человек в чине майора по фамилии Хаунд, назначенный начальником штаба бригады. Ни среди алебардистов, ни среди командос Гай не встречал никого, похожего на Хаунда. Равным образом и майор Хаунд никогда до этого не сталкивался с частями, подобными оперативной группе Хука.

Военную карьеру он избрал потому, что не был достаточно умен и ловок, чтобы устроиться на гражданской службе. В 1925 году в Сандхерсте^[50] все считали, что британская армия никогда больше не будет вынуждена воевать в Европе. Молодой Хаунд проявил способности в административной области, а его неудачи в школе верховой езды компенсировались призами, которые он получал на всеармейский стрелковых состязаниях в Бислейе. Позднее, когда превратности войны привели оперативную группу Хука в Суэц без своего командира, майор Хаунд находился в составе резерва офицеров штабной службы в Каире. Отсюда его и назначили в оперативную группу Хука, где он не скрывал своего отвращения к отступлениям от армейских порядков, которые он встретил здесь. У них не было ни транспорта, ни поваров; среди них было слишком много офицеров и сержантов; они были одеты в самое разнообразное обмундирование и соблюдали многочисленные и противоречивые традиции различных полков; они носили необычное снаряжение и оружие: кинжалы, веревки с узлами и автоматы. Они могли бы показаться самыми распушенными, не будь среди них полусотни испанцев, сражавшихся за свободную Испанию, а позднее попавших сюда из Сирии и, непонятно почему, включенных в состав бригады. На фоне анархии, внесенной этими испанцами, все мелкие нарушения порядка стали незаметными. Из бараков, в которых разместились испанцы, лагерная военная полиция постоянно выгоняла женщин. Однажды утром за оградой лагеря полиция обнаружила слегка засыпанный песком труп египтянина с перерезанным горлом – это был шофер такси.

При отъезде из Каира майору сказали:

– Здесь не место разнузданным бандам, не признающим армейской дисциплины. Мы должны выбить дурь из этих типов, кто бы они ни были, сформировать из них нормальную пехотную бригаду.

Позднее поступило распоряжение: оперативную группу Хука расформировать, а личный состав ее использовать для пополнения других частей. Однако вслед за этим был получен приказ из Лондона: от выполнения предыдущего распоряжения воздержаться, так как вопрос о будущем всех частей специального назначения будет решаться на высшем уровне. Свое собственное мнение по этим вопросам майор Хаунд держал при себе. Официально эти вопросы перед ним, собственно, и не ставились. Он узнал о них в Каире из

разговоров с закадычными приятелями во время своих частых поездок в Жокей-клуб и в отель «Шеперд». О состоянии дисциплины в лагере Хаунд упоминал в этих разговорах тоже только неофициально. Итак, оперативная группа Хука осталась в Сиди-Бишре, разлагаясь от безделья, катясь по наклонной плоскости от беспросветной скуки к дезорганизации, все больше и больше оправдывая подозрения главного штаба.

Гай по-прежнему был офицером разведки штаба. Подчиненное ему отделение разведки состояло из пяти очкастых солдат, признанных негодными к службе в частях командос и по этой причине изгнанных из строевых подразделений. По вопросам использования этих людей Гай с первых же дней вступил в жестокую личную войну с начальником штаба бригады. Позднее он ухитрился укрыть своих солдат от поползновений майора, передав их начальнику связи для прохождения специальной подготовки.

Завтрак – что-то вроде обжаренных в масле пирожков с начинкой из говяжьего мяса и песка и чая, отдававшего хлором, – ему доставили на стол в канцелярию. В восемь часов утра появились штабные писари, через четверть часа пришел старшина Людович, которого Айвору Клэру удалось перевести в штаб с повышением. Старшина осмотрел барак своими бесцветными глазами, заметил Гая, отдал ему честь жестом, напоминая скорее о ритуальных пассах в церкви, чем о военной выправке, и начал неторопливо перекладывать бумаги из одной корзинки в другую, не то что начальник штаба бригады, бодро вошедший в канцелярию в двадцать минут девятого.

– Привет, Краучбек, – энергично сказал майор Хаунд. – Из главного штаба ничего не было? Тогда мы можем считать последний приказ об отмене распоряжения остающимся в силе. Подразделения могут выходить за пределы лагеря. Как насчет вашего отделения? Чем вы собираетесь занять их сегодня? Я полагаю, они уже прошли курс специальной подготовки по связи?

– Они занимаются физической подготовкой под руководством сержанта Смайли.

– А потом?

– Строевая подготовка, – импровизируя на ходу, сердито ответил Гай, – под моим руководством.

– Отлично. Подтяните их.

В девять часов прибыл Томми.

– Опять неприятности с отрядом командос «Икс», – сказал майор Хаунд.

– Черт бы их побрал!

– Грейвс находится на пути к вам с докладом.

– Черт с ним! Гай, материалы перспективной аэрофотосъемки для операции «Барсук» еще у вас?

– Так точно, полковник.

– Отфутбольте их обратно в главный штаб. Теперь они не понадобятся.

– Вам нет необходимости быть в канцелярии, если сюда придет майор Грейвс, – сказал Гаю начальник штаба. – Лучше займитесь строевой подготовкой со своими людьми.

Гай отправился на поиски своего отделения. Заметив Гая, сержант Смайли поспешно поднял солдат на ноги. На песке остались дымиться шесть сигарет.

– Через четверть часа построиться у штаба бригады с винтовками и полной выкладкой, – приказал Гай.

В течение часа Гай муштровал солдат на мелком, как пудра, песке. Строевой плац окутался тучами пыли. Стоя под окном кабинета начальника штаба, широко разевая рот, Гай орал, как истый алебардист. В бараке майор Грейвс повествовал о несправедливости и невнимании к службе. Старшина Людович печатал на машинке свой дневник.

«Человек – отражение того, что он ненавидит, – отстукивал он. – Вчера я был Блэкхаусом. Сегодня я – Краучбек. Завтра, о милосердное небо, буду ли я Хаундом?»

– ...Нечетные номера первой шеренги берут левой рукой винтовки четных номеров второй шеренги за ствол, скрещивают их у дульного среза и разворачивают магазинными коробками наружу. Одновременно, действуя указательными и большими пальцами обеих рук, поднимают верхние антабки...

Гай запнулся, осознав очевидную несуразность сказанного в этих обстоятельствах.

– В данном случае, – продолжал он, подражая сержанту, муштровавшему его в прошлом, – поскольку нет второй шеренги, нет и четных номеров этой шеренги. Поэтому третий номер пусть считает себя в учебных целях четным...

Закончив объяснение, Гай подал команду:

– Отделение, составить винтовки в козлы! Отставить! Повторяю еще раз подробно. Нечетные номера первой шеренги – это вы, номер первый, – берут винтовки четных номеров второй шеренги – это вы, номер третий...

Из окна высунулась голова начальника штаба.

– Послушайте, Краучбек, не могли бы вы отвести своих людей немного подальше отсюда?

Гай повернулся на каблуке кругом и козырнул.

– Сэр!

Он снова повернулся кругом.

– Отделение, к Отходу! Кру-гом! Бегом марш! Стой! Кру-гом! Отставить! Кру-гом! Отставить! Кру-гом!

Теперь солдаты находились в пятидесяти ярдах от Гая, но он продолжал подавать им команды еще громче.

– Еще раз объясняю подробно. Нечетные номера первой шеренги берут винтовки четных номеров второй шеренги...

Сквозь запотевшие стекла очков солдаты заметили, что это представление разыгрывается не только ради их неудобства. Сержант Смайли своим зычным голосом начал повторять команды, отдаваемые Гаем.

Через полчаса Гай скомандовал: «Вольно». Томми Блэкхаус позвал его в канцелярию.

– Чрезвычайно впечатляюще, – заметил он. – Первый класс. Однако я должен попросить вас немедленно прекратить занятие. У меня есть поручение. Отправляйтесь в город, навестите Айвора и узнайте, когда он вернется.

Уже две недели Айвор Клэр не показывался на службе. Возглавляя команду, вооруженную деревянными колотушками для забивания кольшков при установке палаток, выделенную для преследования арабов-мародеров, он споткнулся об оттяжку палатки и вывихнул ногу в колене. Остерегаясь забот медицинской службы сухопутных войск, Айвор устроился на лечение в частную больницу.

В автопарке Гай нашел грузовик, отправлявшийся за продовольствием. Дорога шла вдоль кромки воды. Ветер нес с берега тучи песка. На пляжах молодые гражданские парни, подставляя солнцу свои волосатые тела, гоняли мяч, громко и возбужденно крича. По дороге один за другим бесконечной лентой двигались армейские грузовики. То в одном, то в другом месте лента из грузовых машин прерывалась новенькими, наглухо закрытыми лимузинами, мчавшими дам с ярко-красными губами, наряженных в черный атлас.

– Высадите меня у «Сесила», – приказал Гай, ибо в Александрии у него кроме посещения Айвора были и другие дела. Он хотел отстоять пасхальную службу и предпочитал сделать это в городской церкви, а не в лагерной. Незаметно для себя в делах, имевших для него важное значение, он уже начал отделять себя от армии.

Церквей в Александрии, в этой древней колыбели теологических нелепостей, в настоящее время было довольно мало. Гай нашел одну из них на какой-то боковой улочке. Это было большое скромное здание, примыкавшее, по-видимому, к школе или госпиталю. Он вошел в царивший внутри непроницаемый мрак.

Упитанный малый в шортах и жилетке апатично подметал боковой придел. Гай подошел и обратился к нему по-французски. Тот, казалось, не слышал его. В темноте быстро, но плавно промелькнула бородатая фигура в рясе. Гай пошел за ней и напряженно спросил:

– Excusez-moi, mon pere. Y a-t-il un pretre qui parle anglais ou italien?^[51]

– Francais^[52], – ответил тот, не остановившись.

– Je veux me confesser, en francais si c'est necessaire. Mais je prefere beaucoup anglais ou italien, si c'est possible.^[53]

– Anglais, – сказал спешивший священник. – Par-la.^[54]

Он неожиданно свернул в ризницу, показав на ходу в сторону еще более темного придела. Из исповедальни торчала пара ног в гольфах цвета хаки и армейских ботинках. Гай опустился на колени и стал ждать. Он знал, что должен сказать священнику. Бормотание в тени, казалось, тянулось бесконечно долго. Наконец из исповедальни вышел молодой солдат. Гай занял его место. Бородатое лицо за решеткой было едва различимо, гортанный голос благословил его. Гай исповедался и умолк. Темная фигура за решеткой, казалось, стряхнула с плеч тривиальность только что сказанного Гаем.

– У вас есть четки? Произнесите молитву тридцать раз.

Священник отпустил ему грехи.

– Благодарю вас, отец, и молитесь обо мне.

Гай сделал движение, собираясь уходить, но священник задержал его:

– Вы находитесь здесь в отпуске?

– Нет, отец.

– Давно вы здесь?

– Несколько недель.

– Вы прибыли из пустыни?

– Нет, отец.

– Вы только что из Англии? Прибыли с новыми танками?

Гая внезапно охватили подозрения. Ведь он уже исповедался, и священник больше не связан тайной исповеди. Их по-прежнему разделяла решетка. Гай продолжал стоять на коленях, но обряд покаяния закончился, грехи были отпущены. Сейчас они были просто двумя людьми в стране, где шла война.

– Когда вы отправитесь в пустыню?

– Почему вы спрашиваете об этом?

– Чтобы помочь вам. Для таких случаев имеется специальное отпущение грехов. Если вы отправляетесь прямо на фронт, я могу дать вам причастие.

– Я не собираюсь на фронт.

Гай поднялся с колен и вышел из церкви. Его обступили нищие. Он сделал несколько шагов в направлении главной улицы, по которой ходил трамвай, затем повернул обратно. Упитанный малый с метелкой исчез. В исповедальне никого не было. Он постучал в открытую дверь ризницы. Никого. Он вошел, увидел чистый, вымощенный плитками пол, стенные шкафы, раковину умывальника. Священника здесь не было. Гай вышел из церкви и в нерешительности остановился среди нищих. Переход от роли исповедующегося к роли расследующего офицера был полным. Сейчас он не мог вспомнить весь разговор дословно. Вопросы священника были неуместными. Но обязательно ли в них был зловещий смысл? Смог бы он опознать священника? Смог бы он, если бы от него потребовали, найти свидетеля, чтобы опознать молодого солдата?

Церковь от дома настоятеля отделяли только две выросшие между ними пальмы. Гай позвонил. Перед ним появился уже известный ему упитанный парень. Через открытую дверь был виден длинный коридор с высоким потолком и белыми стенами.

– Я хотел бы узнать фамилию одного из ваших священников.

– В данный момент преподобные отцы отдыхают. Утром у них была очень продолжительная служба.

– Я не хочу беспокоить его, мне нужно только узнать его фамилию. Он говорит по-английски и исповедовал в церкви несколько минут назад.

– До трех часов исповедовать никого не будут. Преподобные отцы отдыхают.

– Я исповедовался у этого священника. Я хочу знать его фамилию. Он говорит по-английски.

– И я говорю по-английски. Я не знаю, какой священник вам нужен.

– Мне нужно узнать его фамилию.

– Приходите в три часа, пожалуйста, когда преподобные отцы отдохнут.

Гай повернулся и пошел прочь. Его снова окружили нищие. Он выбрался на многолюдную улицу. Посреди залитой солнечным светом мостовой на него опустилась египетская тьма сомнений. Возможно, он просто придумал все это, а если нет, то какую пользу может принести преследование? Есть же во Франции священники, работающие на союзников. Почему бы священнику, находящемуся в Египте, в эмиграции, не поработать на своих? Египет кишел шпионами. Любое передвижение войск было открыто миллионам пытливых взглядов. Благодаря бесчисленным источникам группировка английских сил, должно быть, становится известной противнику до мельчайших подробностей. Чего может добиться этот священник, кроме, возможно, более благожелательного отношения к своей общине, если Роммель займет Александрию? Если Гай доложит о происшедшем, то единственным результатом, вероятно, будет приказ, запрещающий военнослужащим королевских сил посещать городские церкви.

Фасад больницы, в которой лежал Айвор Клэр, выходил в муниципальный парк. Гай направился туда по оживленным,

заполненным прохожими улицам с таким мрачным видом, что плазевшие на него зазывалы приходили в отчаяние и беспрепятственно пропускали его.

Клэр сидел в кресле-каталке на балконе своей палаты.

– *Намного* лучше, – сказал он в ответ на вопрос Гая. – Здесь все очень довольны мною. Возможно, мне удастся на следующей неделе поехать в Каир на скачки.

– Полковник Томми начинает немного беспокоиться.

– А кто не беспокоился бы в этом Сиди-Бишре? Что ж, он ведь знает, где найти меня, когда я понадобится.

– Он, по-видимому, не прочь увидеть тебя уже сейчас.

– О, не думаю, что от меня будет много пользы, пока я не поправлюсь. Мое подразделение в хороших руках. После того как Томми любезно избавил меня от старшины Людовича, все мои неприятности кончились. Тем не менее контакт следует поддерживать. Я не хочу, чтобы вы навязали мне какого-нибудь Мактейвиша.

– Две ложные тревоги с тех пор, как ты уехал. Однажды мы просидели в двухчасовой готовности три дня подряд.

– Я знаю. Все это вздор, связанный с Грецией. Когда произойдет что-нибудь настоящее, я узнаю об этом от Джулии Ститч раньше, чем будет знать Томми. Она просто кладезь данных, не подлежащих разглашению, и выбалтывает их, не стесняясь. Ты знаешь, что она здесь?

– Половина отряда командос «Икс» проводит вечера у нее.

– А почему ты там не бываешь?

– О, она не помнит меня.

– Мой дорогой Гай, она прекрасно помнит каждого. В обязанности Эджи входит, так сказать, не спускать глаз с короля. Они очень хорошо устроились. Я подумывал переселиться к ним, но нельзя быть уверенным, что Джулия даст инвалиду все, в чем он нуждается. Там бывает слишком много людей, слишком много генералов и слишком много простых смертных. Джулия забегает ко мне почти каждое утро и приносит все сплетни и слухи.

Гай подробно рассказал о случае в церкви.

– Не слишком много, чтобы поставить этого типа к стенке, – заметил Клэр. – Пусть он даже и священник.

– Должен ли я предпринять что-нибудь в связи с этим?
– Спроси Томми. По-моему, это может оказаться ужасно скучным делом. В этой стране каждый встречный – шпион.

– Я тоже так подумал.

– Я уверен, что здешние медсестры – шпионки. Они шатаются с французами-вишистами с корабля, стоящего здесь в гавани. Что нового в Сиди-Бишре?

– Стало хуже. С каждым днем все хуже и хуже. Второй отряд командос на грани бунта. Прентис запретил увольнение из лагеря, пока каждый из них не проплывет сто ярдов в ботинках и снаряжении. Они пристрелят его в первом же бою. Майор Грейвс по-прежнему считает, что должен командовать отрядом командос «Икс».

– Он просто безумец, если действительно хочет этого.

– Да. У Тони неприятности. Все гренадеры свалились от египетской дизентерии. Пять гвардейцев из Колдстримского полка подали рапорт об откомандировании в свой полк. Старшина Людович подозревается в сочинении стихов.

– Более чем вероятно.

– Наши каталонские эмигранты заставили встревожиться даже Томми. Араб-официант офицерской столовой сбежал с запасом медикаментов первого отряда командос. Четыре солдата ожидают военного суда, а десять дезертировали. Одному богу известно, сколько разворовано оружия. Дважды обворована касса лагерной лавочки. Кто-то пытался поджечь лагерный кинотеатр. О нашем бригадире ничего не слышно.

– Единственная хорошая новость.

– Не для меня, Айвор.

Их прервал донесшийся с улицы пронзительный сигнал клаксона.

– Джулия, – сказал Айвор.

– Мне, пожалуй, лучше уйти.

– Нет, нет. Оставайся.

Через минуту миссис Элджернон Ститч вошла к ним. На ней было полотняное платье и мексиканское сомбреро; на белой руке висела чем-то наполненная корзинка для покупок. Джулия склонила огромный диск соломенной шляпы над Клэром и поцеловала его в лоб.

– Почему ваши медсестры такие противные, Айвор?

– Политика. Все они заявляют, что потеряли своих братьев в Оране. Вы помните Гая?

Она перевела взгляд своих сочно-синих, как два миниатюрных океана, глаз на Гая, внимательно изучала его несколько секунд и очень громко, с заметным генуэзским акцентом заявила:

– C'escappata la mussia. [\[55\]](#)

– Ну вот видишь, – сказал Айвор, будто демонстрируя умную выходку своего мопса Фриды. – Я же говорил тебе, что она вспомнит.

– Почему мне не сказали, что вы здесь? Придете на завтрак?

– Гм... боюсь сказать твердо... Очень любезно с вашей стороны...

– Отлично. А вы придете, Айвор?

– Будут и другие гости?

– Я не помню, кто будет.

– Мне, пожалуй, лучше не ходить.

Миссис Ститч пристально посмотрела с балкона на парк.

– Форстер пишет, что парк нужно тщательно осмотреть, – заметила она. – Как-нибудь на днях осмотрим. У вас есть путеводитель Форстера? – спросила она, обращаясь к Гаю.

– Я давно за ним охочусь, но нигде не могу найти.

– Его только что переиздали. Возьмите мой. Я без труда достану себе другой. – Она вынула из корзинки экземпляр «Александрии» Е.М.Форстера.

– Право, не знаю. Если путеводитель переиздали, то я смогу достать его. Тем не менее весьма благодарен вам.

– Берите этот, глупыш, – сказала она.

– Ну что ж, большое спасибо. Я, разумеется, знаком с его книгой «Фарос и Фарийон».

– Да? Путеводитель тоже великолепная книга.

– А мне вы принесли что-нибудь, Джулия? – спросил Клэр.

– Сегодня нет, если вы только не польститесь на разные турецкие сладости.

– Да, пожалуйста.

– Вот вам. Я еще не все купила, что хотела. Надо ехать. Идемте, – обратилась она к Гаю.

– Не очень-то долго вы побыли у меня.

– Нужно было сказать «да», когда вас пригласили на завтрак.

– Ну что же, спасибо за сладости.

– Я еще буду у вас. Идемте, Гай.

Она повела Гая на улицу. Он попытался сесть за руль ее небольшого открытого автомобиля, но она не допускающим возражений тоном приказала:

– С другой стороны, глупыш. Садитесь.

Машину она вела, искусно лавируя между верблюдами и трамваями, легковыми автомобилями и танками. На улице Салтен у Неби Дэниел она резко свернула влево и, остановив машину посреди перекрестка, сказала:

– Вот посмотрите. Это Сома. Во времена Клеопатры улицы шли от Ворот Луны к Воротам Солнца и от озерной гавани к морскому порту, и на всем пути стояли колонны. Белый мрамор и навесы из зеленого шелка. Вы, наверное, знаете это.

– Нет, я не знал.

Она поднялась на ноги.

– Гробница Александра Македонского, – сказала она, – где-то под этим уродливым сооружением.

Раздавшиеся автомобильные гудки вступили в соревнование со свистками полицейских и громкими голосами людей, говоривших на полдюжине языков. Египтянин в форме, вооруженный небольшим мегафоном, придя в ярость, исполнил перед ними нечто вроде ритуального танца. Галантный шофер из английского интендантства остановил свою машину рядом с ними.

– Заглох мотор, леди?

В машину Джулии попытались втиснуться два гида.

– Мы показать мечеть. Мы показать вам все мечеть.

– Форстер пишет, что мрамор так светился, что в полночь можно было продеть нитку в игольное ушко. Чего это они так суетятся? У нас еще масса времени. Здесь никто не завтракает раньше двух часов дня.

«Миссис Ститч, – подумал Гай, – по-видимому, не рассчитывает на особую разговорчивость с моей стороны». Он сидел молча, поглощенный ею.

– Я никогда до этого не была в Египте. Надо сказать, эта страна оказалась для меня большим разочарованием. Я не могу заставить себя полюбить этих людей, – уныло призналась она, рассматривая толпу своими бездонными глазами. – За исключением их короля, а

любить его слишком сильно – это неполитично. Пожалуй, нам надо ехать. Мне еще надо найти какие-нибудь туфли.

Усевшись за руль, она нажала на клаксон и безжалостно рванула маленькую машину вперед.

Вскоре она свернула в боковую улочку, в начале которой висел знак с надписью: «Вход и въезд английским военнослужащим запрещен».

– На днях здесь были подобраны два мертвых австралийца, – пояснил Гай.

Миссис Ститч интересовалась многим, но в любой данный момент – только одним. В то утро предметом ее интереса была история Александрии.

– Гипатия! – воскликнула она, сворачивая в грязный кривой переулочек. – Я расскажу вам интересные вещи о Гипатии. Мне говорили раньше, что ее зарезали устричными раковинами. Вам в школе тоже так говорили. А вот Форстер пишет – черепками.

– Вы уверены, что мы проедем по этому переулку?

– Не очень-то. Я никогда не бывала здесь. Кто-то порекомендовал мне здесь одного человечка.

Проезжая часть переулка сузилась настолько, что крылья машины начали скрести стены.

– Придется немного пройти, – сказала миссис Ститч, поднимаясь над ветровым стеклом и опуская пониже свою шляпу.

Вопреки ожиданиям Гая они нашли нужную лавочку. «Человечек» оказался рослым детиной, восседавшим на скамеечке у входа в лавку и курившим кальян. Он любезно поднялся, и миссис Ститч немедленно уселась на освободившееся место.

– Как нагрел местечко, – заметила она.

Вокруг на шнурках висели туфли различных фасонов и расцветки. Поскольку миссис Ститч не обнаружила того, что ей было нужно, она достала из своей корзинки блокнот и карандаш и принялась рисовать, а сапожник, приблизившись, дышал ей в шею. Затем он поклонился, закивал головой и достал пару малиновых вечерних туфель-лодочек с высокими загнутыми носами, красивых и забавных одновременно.

– Как раз то, что надо! – воскликнула миссис Ститч. – Сидят как влитые.

Свои туфли из белой кожи она положила в корзину. Ногти на пальцах ее ног оказались бледно-розового цвета и отполированными до блеска. Расплатившись за туфли, она пошла в них. Гай последовал за ней. Сделав три шага, она остановилась и, опершись на Гая, легкая и благоуханная, снова сменила обувь.

– Не для улицы, – пояснила она.

Подойдя к автомобилю, они обнаружили, что его облепили ребятишки, приветствовавшие их звуками клаксона.

– Вы управляете машиной? – спросила миссис Ститч.

– Не очень хорошо.

– Сможете выбраться отсюда задним ходом?

Гай посмотрел вверх маленького автомобиля на кривой, забитый людьми, похожий на ущелье переулок.

– Нет, – ответил он.

– Я тоже не смогу. Придется прислать кого-нибудь. Видите ли, Элджи не любит, когда я управляю машиной сама. Который час?

– Без четверти два.

– Проклятие! Придется взять такси. Было бы забавно проехаться на трамвае, но это как-нибудь в другой раз.

Предоставленная Ститчам вилла находилась за Рамле, за Сиди-Бишром, среди пиний и бугенвилей. Одетые во все белое, с красными кушаками, слуги-берберы были единственными африканцами в доме. На всех остальных лежал отпечаток Приморских Альп. Собравшееся на веранде общество было небольшим, но не однородным. Элджернон Ститч держался на заднем плане; на переднем красовались две местные сестры-миллионерши. Увидев миссис Ститч, они льстиво, на цыпочках бросились навстречу ей.

– Ah, chere madame, ce que vous avez Fair star, aujourd'hui^[56].

– Леди Ститч, леди Ститч, какая шляпа! Je crois bien que vous n'avez pas trouve cela en Egypte.^[57]

– Chere madame, quel drole de panier.^[58] По-моему, она очень оригинальная.

– Леди Ститч, ваши туфельки – просто прелесть!

– На базаре за пять пиастров, – отозвалась миссис Ститч (в такси она снова сменила туфли), увлекая за собой Гая.

– Ca, madame, c'est genial.^[59]

– Элджи, ты помнишь подземную корову?

Эджернон Ститч взглянул на Гая смущенно, но благожелательно. Представляя ему незнакомых людей, его жена чаще пользовалась иносказательными, чем определенными выражениями.

– Привет, – сказал он. – Очень рад снова встретиться с вами. Полагаю, вы знакомы с главнокомандующим?

Сестры-богачки обменялись полными недоумения, настороженными взглядами. Кто такой этот захудалый офицер? *Son amant, sans doute.*^[60] Как хозяйка назвала его? *La vache souterraine? Ou la vache au Metro?*^[61] Значит, это новый шикарный эвфемизм. Надо запомнить его и эффектно блеснуть им при случае.

– О, дорогая, по-моему, подземная корова – это ее шофер. В этом есть что-то великосветское.

Кроме главнокомандующего среди приглашенных были: молодой магараджа в форме Красного Креста, министр по особым поручениям английского кабинета и выделявшийся изысканными манерами паша. Миссис Ститч, не слишком строго придерживавшаяся этикета, посадила Гая за столом справа от себя, но живо участвовала в общем разговоре. Тему для начала она предложила сама.

– Махмуд-паша, расскажите нам о Кейвефи.

Махмуд-паша – печальный изгнанник из Монте-Карло и Биаррица – ответил с хладнокровным видом:

– Такие вопросы я оставляю его превосходительству.

«Кто такой Кейвефи? Что он представляет собой?» – эти вопросы живо светились в черных глазах обеих сестер, сидевших по сторонам от хозяина дома, однако они придерживали свои пунцовые язычки.

Английский министр по особым поручениям, по-видимому, был начитан по Греции. Он начал подробно объяснять. Дама, сидевшая справа от Гая, заметила:

– Возможно, они говорят о Константине Кавафисе? – Она произнесла это имя совсем-иначе, чем миссис Ститч. – Мы в Александрии в эти дни не слишком восхищаемся им. Понимаете ли, он весь в прошлом.

Главнокомандующий сидел с унылым видом, имея на то веские основания. Все ускользало из-под его контроля, и все обстояло из рук вон плохо. Он долго ел молча. Наконец он неожиданно сказал:

– Я прочту вам поэму, лучшую из когда-либо написанных в Александрии.

– Декламация! – объявила миссис Ститч.

Сказали мне, Гераклит,
Сказали мне, что ты уж мертв...

– Это просто изумительно! – воскликнула греческая дама. – Как поэтичны все ваши деловые люди! Они не социалисты, я надеюсь?

– Тише, – прошептала миссис Ститч.

...Да, смерть – она уносит всех,
Но их унести не может!

– Очень мило, – заметила миссис Ститч.

– Я могу прочитать это по-гречески, – сказал министр по особым поручениям.

– Быть гречанкой в настоящее время, – сказала дама, сидевшая рядом с Гаем, – это значит жить в тоске и печали. Мою страну распинают. Я пришла сюда потому, что люблю хозяйку. Теперь я избегаю бывать на приемах. Мое сердце осталось в родной Греции вместе с ее народом. Там мой сын, два брата, племянник. Мой муж слишком стар. Он отказался от карт. Я отказалась от сигарет. Конечно, не слишком-то много. Но это все, что мы можем сделать. Это, как правильно сказать, эмблематично?

– Символично.

– Это символично. Но не помогает моей стране. Это немного помогает нам *здесь*. – Она приложила к сердцу руку со сверкающими бриллиантовыми кольцами.

Главнокомандующий слушал молча. Мысленно он тоже был на горных перевалах Фессалии.

Магараджа говорил о скачках. На следующей неделе две его лошади должны участвовать в скачках в Каире.

Вскоре все поднялись. Главнокомандующий пересек веранду и подошел к Гаю.

– Второй батальон алебардистов?

– В настоящее время нет, сэр. Оперативная группа Хука.

– Ах да! С вашим бригадиром дело обстоит неважно. Похоже, что вы останетесь не у дел. Очень плохо с судами. И так все время. Да, но мне уже надо было бы быть на пути в Каир. Вам в какую сторону?

– Сиди-Бишр, сэр.

– Как раз по пути. Хотите, подвезу?

Адъютанта пересадили на переднее сиденье к шоферу. Гай уселся рядом с главнокомандующим. Машина очень быстро подкатила к воротам лагеря. Гай собрался выходить.

– Сидите, сидите, я довезу вас до места, – остановил его главнокомандующий.

В этот день караульную службу у ворот несли каталонские эмигранты. Небритые, со свирепыми лицами, они столпились вокруг большого автомобиля и тыкали дулами автоматов в открытые окна машины. Затем, убедившись, что в ней сидят их временные союзники, они расступились, распахнули ворота и в знак приветствия подняли вверх сжатые в кулак руки.

Начальник штаба бригады покуривал, развалившись в шезлонге у откинутой полы своей палатки. Распознав флажок проезжавшего автомобиля, он вскочил как ужаленный, ринулся к зеркалу, застегнулся на все пуговицы, собрался с духом, надел тропический шлем, вооружился стеклом и припустился бегом по той самой песчаной площади, на которой утром Гай муштровал свое отделение. Автомобиль важной персоны уже удалялся. Навстречу майору шагал Гай с путеводителем под мышкой.

– А, Краучбек, это вы. Наконец-то! А мне показалось, что эта машина главнокомандующего.

– Да, это была она.

– А зачем она сюда попала?

– Меня подвозила.

– Водитель не имел права ехать с флажком главнокомандующего, если главнокомандующего не было в машине. Вам следовало бы знать это.

– Но он *был* в машине.

Хаунд измерил Гая строгим взглядом:

– Вы случайно не пытаетесь морочить мне голову, Краучбек?

– Я никогда не осмелился бы. Главнокомандующий поручил мне принести его извинения полковнику. Он хотел остановиться здесь, но

вынужден спешить в Каир.

– Кто сегодня несет караул?

– Испанцы.

– О господи! Они хоть построились как полагается?

– Нет.

– О боже!

Хаунд стоял в нерешительности, терзаемый противоречивыми чувствами – спесью и любопытством. Любопытство победило.

– Что он сказал?

– Он читал стихи.

– И больше ничего?

– Мы разговаривали о проблемах нехватки судов, – ответил Гай. – Это чрезвычайно беспокоит его.

Начальник штаба повернулся и пошел прочь.

– Между прочим, – добавил Гай, – сегодня я, по-видимому, обнаружил в церкви вражеского агента.

– Исключительно забавно! – бросил Хаунд через плечо.

Великая суббота в Мэтчете. Мистер Краучбек разговелся после великого поста. В дни поста он, как обычно, отказывался от табака и вина. В предшествовавшие недели он получил от своего поставщика вин две посылки, значительно уменьшившиеся в результате воровства на железной дороге, однако несколько бутылок все же уцелело. За вторым завтраком мистер Краучбек выпил пинту бургундского. Он предпочел бы выпить что-нибудь другое, но, так как поставщик прислал ему бургундское, он и это выпил с благодарностью. После завтрака мистер Краучбек набил трубку. Теперь, когда он лишился гостиней, ему приходилось курить на первом этаже. В этот день, казалось, было достаточно тепло, чтобы посидеть на воздухе. В закрытом от ветра уголке повыше пляжа, размышляя о начавшейся с этого утра новой жизни, он закурил свою первую пасхальную трубку.

Транзитный лагерь № 6 Лондонского округа был лагерем только по названию. В действительности это был большой, старомодный, вполне респектабельный отель. Царившая в нем атмосфера навевала представление о беззаботном благополучии. Осколки бомб еще не выбили здесь ни одного оконного стекла. Управление воинскими перевозками направляло сюда заблудившиеся подразделения и части. Изредка сюда присылали капеллана, посаженного под строгий арест. В этих райских куцах оказался на время и Триммер со своим отделением. Здесь же обосновалась и Кирсти Килбэннок, чтобы внести свою лепту в военные усилия.

Кирсти была хорошей женой Йэну: представительной, верной, с уравновешенным характером и экономной. Все приличные вещи в их доме были куплены по дешевке. Свои туалеты она умудрялась шить экономно, но изысканно. Ее иногда подозревали в том, что она фабриковала подаваемое к завтраку *vin rose*, смешивая оставшиеся от обеда красные и белые вина, но более порочащих обвинений против нее не выдвигали. Во всех отношениях она была полной противоположностью своей подруге Вирджинии Трой.

Когда Йэн надел военную форму, его доход уменьшился на 1500 фунтов. Кирсти не жаловалась. Она отправила двоих сыновей к бабушке в Айршир и взяла к себе в дом своих подруг Бренду и Зиту в качестве пансионеров. Она также устроила их на работу в столовую в транзитном лагере № 6 Лондонского округа, в которой работала сама, но без оплаты. Кирсти платили в столовой немного, но достаточно. Однако в целом компенсация была отрицательной: пользуясь спецодеждой, бесплатно питаясь, работая весь день, валясь с ног от усталости к вечеру, она ничего не тратила. Когда Вирджиния Трой, все еще сохранившая былой отблеск богатства и способность покорять мужчин, которую Кирсти случайно встретила в отеле «Дорчестер» во время воздушного налета, поделилась с ней по секрету, что осталась без денег и без крова, Кирсти приняла ее жить в свой дом на Итон-терэс и устроила на работу в ту же столовую.

– Дорогая, ни звука Бренде и Зите о том, что ты не платишь мне за пансион, и ни слова, милая, о том, что тебе платят в столовой.

Работая официантками, эти хорошо воспитанные леди хихикали и сплетничали о своих клиентах не хуже, чем заправские официантки. Еще до того как Вирджиния начала работать, ее ознакомили с некоторыми объектами их многочисленных шуток. Главным среди них, по причине продолжительного пребывания в лагере, был офицер, которого они прозвали Шотландчиком. Различные случаи полнейшего неумения Шотландчика вести себя в обществе приводили их в восторг.

– Вот подожди, дорогая, ты увидишь его сама.

Вирджиния ждала неделю. Все леди предпочитали работать в столовой для унтер-офицерского и рядового состава, так как большинство посетителей этого заведения вели себя более благовоспитанно, чем питавшиеся в офицерской столовой. На второй день пасхи, когда Вирджиния проработала в столовой уже неделю, наступила ее очередь вместе с Кирсти работать в баре для офицеров.

– А вот и наш Шотландчик! – воскликнула Кирсти.

Пересекая холл неторопливой походкой, с пронырливым и хитрым видом к ним направлялся Триммер. Он знал, что его появление всегда вызывало известную неловкость и с трудом подавляемые смешки, но неизменно считал это следствием воздействия своих чар.

– Добрый вечер, красотка, – сказал он любезным, непринужденным тоном. – Как насчет пачки «Плейере» из-под прилавка? – Однако увидев Вирджинию, он внезапно застыл в безмолвии, и не только потому, что увидел ее, а скорее потому, что увидел и понял, как она посмотрела на него в этот знаменательный для него вечер.

Любезный и непринужденный, пронырливый и ловкий – таким казался Триммер, но все это было напускным, потому что в этот день медленно надвигавшаяся тень тотальной войны накрыла своим черным крылом и его. Пришедшая на имя Триммера телефонограмма содержала требование прибыть завтра в штаб особо опасных операций к определенному часу в определенный кабинет. Ничего хорошего это не могло предвещать. Он пошел в бар, чтобы подбодриться и немного развлечься в обществе девушек, и здесь, в этом самом невероятном из

всех месте, в этот потрясший его до основания момент он увидел некое предзнаменование, нечто, выходящее за рамки его привычных расчетов. Дело в том, что в медленно тянувшиеся дни безделья он то и дело мысленно возвращался к своему приключению с Вирджинией в Глазго. Насколько такое ощущение было доступно Триммеру, Вирджиния была для него священным воспоминанием. Ему очень хотелось сейчас, чтобы Вирджиния была здесь одна. Ему очень хотелось также, чтобы на нем, как и тогда в Глазго, был килт. В действительности же встреча получилась совсем не такой встречей любовников, какую он иногда живописал в воображении в конце своего путешествия.

В этот момент безмолвия и замешательства Вирджиния метнула на Триммера долгий, холодный и предостерегающий взгляд.

– Добрый вечер, Триммер, – сказала она.

– Так вы знакомы? – спросила Кирсти.

– О, да. Хорошо. Еще до войны, – ответила Вирджиния.

– Очень странно.

– Не так уж странно, правда, Триммер?

Насколько это было в пределах человеческих возможностей, Вирджиния обладала способностью не испытывать стыда, но вместе с этим у нее было твердое, врожденное чувство уместности тех или иных поступков. В одиночестве далеко отсюда некоторые вещи казались естественными там, в Глазго, в ноябре, под покровом тумана; здесь же, в Лондоне, весной, в обществе Кирсти, Бренды и Зиты такие вещи были недопустимы.

Пришедший в себя Триммер энергично подхватил:

– Мне приходилось делать прическу миссис Трой на «Аквитании».

– Неужели? Однажды я пересекла океан на этом лайнере, но вас не припоминаю.

– В те дни я был довольно разборчив в выборе клиенток.

– Это ставит тебя на место, Кирсти, – заметила Вирджиния. – Со мной он всегда был ангелом. Тогда он называл себя Густавом. А настоящее его имя Триммер.

– Мне кажется, довольно милое имя. Вот ваши сигареты, Триммер.

– Спасибо. Закурите?

- Не на работе.
- Ну ладно. До встречи.

Ни разу не взглянув больше на Вирджинию, ленивой походкой, напустив на себя важность. Триммер удалился, смущенный и растерянный. Ах, если бы на нем был килт!

– Знаешь, – сказали Кирсти, – по-моему, из-за этого пропадает вся соль нашей шутки. Я хочу сказать, что теперь уже не так смешно, что он такой, какой есть, потому что знаешь, кто он на самом деле, правда ведь? Понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю, о чем говоришь, – ответила Вирджиния.

– Тем не менее все это очень мило с его стороны.

– Да, конечно.

– Надо будет рассказать Бренде и Зите. Он не обидится, как ты думаешь? Я хочу сказать, не убежит же он теперь отсюда после того, как мы узнали его секрет?

– Нет, Триммер не таков.

На следующий день в десять часов утра генерал Уэйл, уныло глядя на Триммера, спросил:

– Мактейвиш, в каком состоянии ваша готовность?

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Все ли ваше отделение в наличии и готово ли оно к немедленным действиям?

– Да, сэр, полагаю, что готово.

– Полагаете? – спросил офицер по планированию общей части штаба. – Когда вы проверяли их в последний раз?

– Гм... Откровенно говоря, мы не проводили никакой настоящей проверки.

– Ладно, Чарлз, – вмешался генерал Уэйл, – не думаю, что нам необходимо вникать в это. Мактейвиш, у меня есть для вас хорошие новости. Держите их в секрете. Я посылаю вас на небольшую операцию.

– Сейчас, сэр? Сегодня?

– Сразу же, как только флот выделит подводную лодку. Они не заставят вас долго ждать, я надеюсь. Сегодня вечером выезжайте в Портсмут. Составьте список подрывного имущества и согласуйте его

там с артиллерийско-техническим управлением. Своим людям скажите, что это обычная боевая подготовка. Понятно?

– Да, сэр. Полагаю, что понятно, сэр.

– Отлично. Так вот, идите с майором Олбрайтом в оперативную комнату. Он обрисует вам всю картину и проинструктирует вас. С вами пойдет Килбэннок, но только в качестве наблюдателя. Понятно? Операцией руководите вы. Ясно?

– Да, сэр. Полагаю, что ясно, сэр. Благодарю вас.

– Ну что ж, на случай, если мы больше не увидимся, желаю удачи.

Послед того как офицер по планированию, Йэн Килбэннок и Триммер вышли из кабинета, генерал Уэйл сказал своему адъютанту:

– Что ж, он воспринял это совершенно спокойно.

– По-моему, вероятность встретить противодействие не слишком велика.

– Да. Но Мактейвиш не знает об этом.

Пока Триммеру «обрисовывали всю картину», он сохранял полное спокойствие. «Весьма симптоматично, – размышлял Йэн Килбэннок, слушая объяснения офицера по планированию, – что этим метафорическим словом „картина“ начали пользоваться как раз в то время, когда художники всего мира отказались наконец от четкого рисунка». У офицера по планированию был небольшой пластмассовый макет объекта, против которого планировалась операция «Пугач». У него имелись материалы аэрофотосъемки и копии боевого распоряжения летчикам. Он говорил о приливах, течениях, фазах луны, пироксилиновых зарядах, запалах и детонаторах. Он набросал проект приказа на переход. Он объяснил, к какому флотскому начальнику должна явиться группа «Пугач». Он сообщил время отбытия поезда в Портсмут и место расквартирования по прибытии туда. Он сделал строгое внушение по поводу необходимости сохранения тайны. Триммер слушал разинув рот, но не от страха, а, как во сне, витая в царстве грез. Он чувствовал себя так, словно его пригласили петь в Гранд-опере или скакать на фаворите на скачках в Дерби. Любая перемена, влекущая за собой оставление транзитного лагеря № 6 Лондонского округа, могла быть только переменной к худшему, и в это утро он прибыл в штаб с уверенностью, что его райскому житью пришел конец. В лучшем случае он ожидал,

что его снова отправят в оперативную группу Хука на Ближний Восток, а в худшем – обратно в свой полк в Исландию. Операция «Пугач» в сравнении с этими возможностями выглядела не более чем веселой забавой.

По окончании инструктажа к нему обратился Йэн:

– Когда об этой операции будет сообщено в печати, представители прессы захотят узнать кое-что о вашем прошлом. Не сможете ли вы придумать и рассказать им что-нибудь поярче?

– Не знаю. Думаю, что смогу.

– Пожалуй, нам следует встретиться сегодня вечером. Приходите ко мне домой, выпьем чего-нибудь перед отъездом. А сейчас вам, наверное, предстоит куча дел.

– Да, наверное.

– А вы, случайно, не растеряли свое отделение, а?

– Не совсем так. Я хочу сказать, что они должны быть где-то поблизости.

– Тогда вам лучше потратить день на то, чтобы разыскать их. Правильно?

– Да, по-моему, правильно, – уныло согласился Триммер.

Для леди в доме на Итон-терэс этот день был выходным. Кирсти так организовала смены, что они вчетвером могли проводить день отдыха вместе. В такие дни они вставали поздно, завтракали в отелях, ходили по магазинам, а по вечерам встречались с кавалерами. В половине седьмого все они были дома. Светомаскировочные шторы были опущены, огонь в камине горел. Сирены первой воздушной тревоги еще не прозвучали. Бренда и Зита сидели в пеньюарах. Зита накрутила волосы на бигуди и обмотала голову полотенцем. Бренда красила лаком ногти на ногах Кирсти. Вирджиния еще не вышла из своей комнаты. Эту идиллию нарушило вторжение Йэна.

– Найдется у нас что-нибудь поесть? – спросил он. – Со мной пришел приятель, с которым мне надо поговорить. Он уезжает поездом в половине девятого.

– Та-та-та, – протянул Триммер, входя следом за ним. – Вот это уж действительно сюрприз так сюрприз для всех.

– Капитан Мактейвиш, – представил его Йэн, – из отряда командос «Икс».

– О, мы знаем его.

– Ты? Они? Вы знакомы?

– Обратите внимание на героя, – объявил Триммер. – Перед отъездом за смертью или славой. Как я понимаю, одна из вас, милочки, замужем за этим пэром нашего королевства?

– Да, – ответила Кирсти. – Это я.

– Что все это значит? – в недоумении спросил Йэн.

– Просто встреча старых друзей.

– У нас ничего нет из еды, – сказала Кирсти, – если не считать какой-то ужасной, отвратительной на вид рыбы. Бренда и Зита собираются куда-нибудь пойти, а Вирджиния говорит, что ей ничего не хочется. У нас есть немного джина.

– Значит, миссис Трой живет здесь? – спросил Триммер.

– О, да. Мы все живем здесь. Я позову ее. – Кирсти подошла к двери и крикнула: – Вирджиния, посмотри, кто к нам пришел!

– Здесь происходит что-то такое, чего я не могу понять, – пробормотал Йэн.

– Это неважно, милый. Налей Триммеру джина.

– Триммеру?

– Мы так его называем.

– Мне, пожалуй, лучше пойти, – сказал Триммер, ужаленный мыслью о близости Вирджинии.

– Что за вздор! – возразил Йэн. – Мне надо о многом расспросить вас. В Портсмуте у нас может не оказаться времени.

– Что же это такое ты и Триммер собираетесь делать в Портсмуте?

– Так, ничего особенного.

– Скажите, пожалуйста, какие секреты!

В этот момент к ним присоединилась Вирджиния, стыдливо закутанная в большую купальную простыню.

– Что это такое? – спросила она. – Гости? Ах, это снова вы! Вы, как я вижу, действительно всюду поспеваετε.

– Я как раз собираюсь уходить, – сказал Триммер.

– Вирджиния, ты должна быть с ним поласковее. Он говорит, что уезжает за смертью или славой.

- Это просто шутка, – запротестовал Триммер.
- Разумеется, – язвительно сказала Вирджиния.
- Вирджиния! – укоризненно вмешалась Кирсти.
- Я могу поесть в нашей лагерной столовой, – сказал. Триммер. –

Мне надо идти и проверить, не улизнул ли кто-нибудь из ребят.

Йэн пришел к заключению, что перед ним какая-то тайна, которая, подобно многим другим, выше его понимания.

– Ладно, – сказал он. – Раз вам надо... Встретимся завтра на пирсе. Боюсь, что такси здесь вам поймать не удастся.

– Ничего, тут близко. – С этими словами Триммер вышел в уличную темь.

И сразу же завывли сирены, оповещавшие о начале воздушной тревоги.

– Должен сказать, – начал Йэн, возвратившись к дамам, – вышло очень неловко. Что это с вами со всеми произошло?

– Он наш друг. Мы просто не ожидали встретить его здесь, вот и все.

– Вы были не очень-то приветливы.

– Он привык к нашим капризам.

– Ладно, оставим это. Как насчет этой ужасной рыбы?

Однако позже, когда Йэн и Кирсти остались наедине в своей комнате, она все рассказала ему.

– Наконец, – заключила она, – если ты хочешь знать мое мнение, между ним и Вирджинией что-то было.

– Что ты имеешь в виду под «было»?

– Милый, что всегда бывает между Вирджинией и любым другим?

– Да? Но это же просто невысказано.

– По-твоему, невысказано, а по-моему, мыслимо.

– Вирджиния и Мактейвиш?!

– А ты не заметил ничего странного в их отношениях?

– Что-то странное было. Все вы странно вели себя, вот что я заметил.

Помолчав, Кирсти спросила:

– А не слишком ли близко упали эти бомбы?

– Нет, не думаю.

– Спустимся вниз?

– Если ты считаешь, что там выпишься лучше...

Они перенесли свои простыни и одеяла на кухню, расположенную в полуподвальном этаже, где вдоль стен стояли железные кровати. Там уже спали Бренда, Зита и Вирджиния.

– Это очень важно, что он был дамским парикмахером. Первоклассный материал для печати.

– Милый, неужели ты собираешься писать о нашем Триммере?

– Может быть, напишу, – ответил Йэн. – Кто его знает? Вполне возможно, напишу.

В лагере Сиди-Бишр в штабе бригады Томми Блэкхаус спросил:

– Гай, что все это значит? Ты что же, общаешься со шпионами?

– Общаюсь со шпионами? – ответил вопросом на вопрос Гей.

– Вот здесь у меня совершенно секретный доклад из контрразведки. У них находится под подозрением священнослужитель из Эльзаса, и они ведут за ним слежку. Они опознали тебя среди тех, с кем он вступал в контакт.

– Толстый малый с метелкой? – спросил Гай.

– Нет, нет, какой-то римско-католический священник.

– Я хочу узнать, это тот толстый парень с метелкой донес на меня?

– Портреты своих источников информации они, как правило, не прилагают.

– В воскресенье я действительно был на исповеди в Александрии. Это одна из обязанностей, которые нам приходится выполнять время от времени.

– Такого же мнения всегда придерживаюсь и я. Но в донесении сказано, что ты слонялся около дома, в котором он живет, и пытался встретиться с ним с глазу на глаз.

– Да, это верно.

– Весьма странный поступок! Зачем?

– Откровенно говоря, я решил, что он шпион.

– Ну и что, он *действительно* шпион.

– Вот именно. Я так и думал.

– Послушай, Гай, это может привести к очень серьезным последствиям. Какого черта ты не доложил об этом?

– О, я сразу же доложил.

– Кому?

– Начальнику штаба бригады.

Майор Хаунд, сидевший за соседним столом, смакуя то, что он принял за назревающую для Гая неприятность, вздрогнул.

– Я не получал никаких донесений, – возразил он.

– Я доложил вам, – настаивал Гай. – Разве вы не помните?

– Нет. Я определенно не помню.

– Я доложил вам.

– Если бы вы доложили, в моих бумагах остался бы какой-то след. Я просматривал их сегодня утром, перед вашим приходом, но ничего подобного не обнаружил.

– В тот день, когда меня подвез сюда главнокомандующий.

– А-а, – смущенно протянул Хаунд. – Это тогда-то? Я подумал, что вы просто пытаетесь морочить мне голову.

– Ради бога, – вмешался Томми, – доложил вам Гай или не доложил?

– Кажется, он действительно сказал что-то в этом роде, – пробормотал майор Хаунд, – но в самой неподобающей форме.

– И вы не приняли никаких мер?

– Нет. Это был неофициальный доклад.

– Вам, пожалуй, надо будет составить официальный ответ этим шутникам, чтобы снять с Гая все подозрения.

– Слушаюсь, полковник.

Так майор Хаунд написал в самых изысканных выражениях, принятых в штабном колледже, официальное донесение о том, что капитан Краучбек был допрошен, и заместитель командира оперативной группы Хука убедился в том, что никакого нарушения бдительности этим офицером допущено не было. Это донесение вместе с первоначальным докладом было сфотографировано, размножено и разложено в бесчисленные оцинкованные ящики для хранения. В положенное время один экземпляр донесения был получен полковником Грейс-Граундлинг-Марчпоулом в Лондоне.

– Подшить ли это в досье «Краучбек»?

– Да. И в досье «Бокс-Бендер», и в досье «Магг». Все это взаимосвязано, – спокойно ответил полковник, приятно обрадованный еще одним примером скрытой гармонии в мире, в котором более тупые умы способны видеть только хаос.

В Портсмуте Триммер со своим отделением застрял надолго. Военные моряки проявили гостеприимство, отсутствие любопытства и торопливости. Йэн ездил в Лондон и обратно, когда ему заблагорассудится. Дамы в доме Йэна забрасывали его вопросами. Триммер сделался для них плавной темой разговоров.

– В свое время вы все узнаете, – отвечал им Йэн, еще больше возбуждая этим их интерес.

Сержант Триммера кое-что понимал в подрывном деле. В уединенном месте, окруженном холмами, он успешно произвел пробный взрыв. Этот эксперимент был повторен через день или два в присутствии офицера по планированию общей части штаба особо опасных операций. При этом один солдат был изувечен. В один прекрасный день группу «Пугач» разместили на подводной лодке и Триммер ознакомил своих подчиненных с предстоящей операцией. Через час их высадили обратно на берег, так как получили сообщение о новых минных постановках в Ла-Манше. С этого времени они находились на флотских казармах практически под строгим арестом. Денщик Триммера, давно проявлявший явное неповиновение, улучил момент и дезертировал. В штабе особо опасных операций реакция на это была весьма скверной:

– Конечно, сэр, строго говоря, – доложил офицер по планированию, – операцию «Пугач» следовало бы отменить. Секретность операции, возможно, нарушена, поэтому ее безопасность поставлена под угрозу.

– У нас нет времени для разговоров, – огрызнулся командующий сухопутными частями для проведения особо опасных операций. – К чертям собачьим безопасность!

– Совершенно верно, сэр. Я только хотел сказать, что Мактейвиш будет выглядеть довольно глупо, если окажется, что противник поджидает его.

– По-моему, он уже сейчас выглядит достаточно глупо.

– Так точно, сэр.

В конечном счете группу «Пугач» снова разместили на подводной лодке. В ее состав вошли Триммер, сержант, пять солдат и Йэн. Даже в таком поредевшем виде их казалось слишком много.

Они вышли в море в полдень. Подводная лодка погрузилась, и сразу полностью исчезли всякое ощущение движения, все переживания, связанные с пребыванием в море. «Как все равно в вагоне метро, остановившемся в туннеле», – подумал Йэн.

Ему и Триммеру предложили устроиться поудобнее в тесном отсеке, который подводники называют кают-компанией. Сержант находился в старшинской кают-компании. Солдат разместили между торпедами.

– Мы не сможем всплыть до наступления темноты, – разъяснил командир подводной лодки. – К этому времени вам, возможно, покажется здесь несколько душно.

После второго завтрака командир минно-артиллерийской боевой части раздал всем специальные таблетки против отравления углекислотой.

– На вашем месте я бы попытался поспать, – посоветовал он Йэну и Триммеру.

Они улеглись на обитые чем-то жестким диваны и вскоре уснули.

Когда офицеры корабля собрались к обеду, Йэн и Триммер проснулись с головной болью.

– К вашему острову мы подойдем приблизительно через четыре часа, – сообщил им командир.

После обеда моряки возвратились в центральный пост и машинный отсек. Йэн лениво потягивал виски. Триммер сочинял письмо. Писал он всегда с трудом, а сегодня это казалось особенно трудным.

«Я оставляю это письмо для отправки вам на тот случай, если не вернусь. Как видите, мои слова „смерть или слава“ – это вовсе не шутка. Я хочу, чтобы, вы знали: я думал о вас до последней минуты. С первой нашей встречи я понял, что нашел настоящего человека. Пока мы были вместе, нам было хорошо...»

Триммер исписал три страницы своего блокнота для донесений. После долгих раздумий он подписался: «Густав». Перечитывая письмо от начала до конца, он вызвал в памяти образ той Вирджинии, какой видел ее в день своего бегства из Глазго и какой увидел ее снова в Лондоне, даже не столько такой Вирджинии, какой увидел ее он, сколько такой, какой, как ему показалось, она увидела его. Он перечитывал письмо, чувствуя на себе воображаемый презрительный взгляд ее широко раскрытых глаз, и в нем заговорила таившаяся в глубине души мизерная крупица мудрости. Ничего не выйдет. Вирджинии такое письмо ни к чему. Он сложил листки письма несколько раз, порвал их и дал клочкам упасть на стальную палубу.

– Глоток виски и мне, пожалуй, не помешает, – обратился он к Йэну.

– Нет, нет. Позже. Вам предстоит ответственное дело.

Время тянулось медленно. Неожиданно на лодке все оживились.

– Что это?

– Свежий воздух.

Вскоре в кают-компанию вошел командир и сказал:

– Ну вот, по времени мы должны уже подходить.

– Пойти и разбудить моих ребят?

– Нет, оставьте их в покое. Я сомневаюсь, сможете ли вы высадиться сегодня.

– Почему же нет? – спросил Йэн.

– Кажется, я потерял ваш проклятый остров.

Командир вышел.

– Что он там еще придумал? – воскликнул Триммер. – Возвращаться теперь нельзя. Если нас снова запрут в казармах, все солдаты дезертируют.

В кают-компанию вошел командир минно-артиллерийской боевой части.

– Что происходит? – спросил Йэн.

– Туман.

– Неужели вы со всеми вашими приборами не можете отыскать остров?

– Возможно, вы правы. Может, мы еще найдем его. Он должен быть где-то поблизости.

Подводная лодка находилась в надводном положении с открытым рубочным люком. Ночь для высадки была выбрана с участием лучших синоптиков. Небольшой необитаемый остров должен был поблескивать в сиянии луны в фазе между второй четвертью и полнолунием. Но ни луны, ни звезд в эту ночь видно не было. Все застлал туман.

Прошло полчаса. Словно что-то вынюхивая в спокойной воде, подводная лодка осторожно тыкалась носом то в одном, то в другом направлении. В кают-компанию еще раз заглянул командир.

– Сожалею. Похоже, что нам придется закругляться. Видимость – ноль. Туман может, конечно, подняться так же быстро, как опустился. Время у нас еще есть.

Йэн наполнил стакан. Вскоре он начал зевать. Затем дремать. Очнувшись в следующий раз, он обнаружил, что в кают-компании снова появился командир.

– О'кей, – сказал он. – Нам везет. Ясно, как днем, и ваш остров прямо по носу. По моим подсчетам, в вашем распоряжении полтора часа для всех ваших дел.

Триммер и Йэн проснулись.

Матросы вытащили на палубу четыре резиновые лодки и надули их сжатым воздухом из баллонов. В лодки погрузили подрывное имущество. Члены группы «Пугач» расселись по двое в каждую их четырех слегка покачивавшихся у борта корабля лодок. Перед ними на расстоянии сотни ярдов виднелись невысокие холмы. Затем члены группы «Пугач» вооружились веслами и начали подгребать к берегу.

Приказания отдавались подробные и четкие. Два человека – береговая партия – останутся у лодок. Сержант должен выгрузить взрывчатку и ждать, пока Триммер с Йэном проведут рекогносцировку башни, которая, судя по макету, расположена в самой высокой части острова в полумиле от берега. Все это время они должны находиться на дальности связи с помощью сигнальных фонарей.

Когда Йэн неуклюже перевалился через резиновый планшир и оказался по колени в воде, в которой мягко покачивались густые водоросли, он почувствовал, как в его жилах приятно разыграло виски. Он никогда не питал слишком большой привязанности к кому-нибудь. До этого момента Триммер не очень-то нравился ему. Его раздражала

искусственно создаваемая атмосфера популярности, которой обволакивали Триммера на Итон-терэс. Но сейчас он ощущал братские чувства к товарищу по оружию.

– Держись, старина! – громко, сердечным тоном сказал он, когда, споткнувшись, Триммер растянулся во весь рост.

Йэн помог ему подняться. Взявшись за руки, они вдвоем вступили на вражескую территорию. Оперативная группа «Пугач» высадилась на берег.

– Как насчет того, чтобы продолжать курить, сэр? – спросил сержант.

– По-моему, можно. Не вижу никаких причин, почему бы нельзя было. Я и сам не прочь затянуться.

На берегу замелькали слабые огоньки.

– Так, сержант, действуйте по плану.

Прибрежные скалы были преодолены без особого труда. Триммер и Йэн спотыкались и несколько раз падали, но вскоре идти стало легче – скалы сменились поросшими травой склонами. Они быстро пошли вперед по полого поднимающемуся склону.

– Мы, вероятно, увидим очертания этой башни на фоне неба, – довольно неуверенно сказал Триммер. – Местность здесь, кажется, более плоская, чем на макете острова.

– «Очень плоская, Норфолк», – сказал Йэн напыщенным тоном.

– Это еще что такое?

– Виноват, это я прочел строку из моей любимой пьесы.

– Какое отношение она имеет к нам?

– Собственно говоря, никакого.

– Слишком хорошо все получается, что-то здесь нечисто. Дело серьезное.

– Только не для меня, Триммер.

– Вы пьяны.

– Еще нет, старина. Но должен сказать, что буду пьян прежде, чем настанет утро. Я проявил мудрую предусмотрительность, захватив с собой бутылку.

– Ладно, дайте и мне плотнуть.

– Еще рано, старина. Я забочусь исключительно о твоих интересах. Пока нельзя.

Пошатываясь, он стоял в обманчивом лунном свете. Триммер озабоченно осматривался вокруг. Слабые звуковые эффекты, сопровождавшие операцию «Пугач»: шорох волн у берега, тихий говор, доносившийся из расположения подрывной партии, тяжелое дыхание двух офицеров, возобновивших движение вверх по склону, – все это внезапно было нарушено вызывающим ужас чужеродным звуком, пронзительным и не слишком отдаленным. Оба офицера замерли на месте.

– Что за черт? Что это? – испуганно прошептал Триммер. – Похоже, собака.

– А может быть, лисица?

– Разве лисицы так лают?

– Не думаю.

– Но откуда же здесь могла оказаться собака?

– Может быть, волк?

– Постарайтесь держать свои шутки при себе.

– У тебя что, повышенная раздражительность на собак? Была у меня тетка...

– Собаки не бывают без людей.

– А-а, теперь понимаю, о чем ты думаешь. Постой, постой, я, кажется, читал где-то, что гестапо использует ищеек...

– Не нравится мне все это, – прервал его Триммер. – Что же нам делать, черт возьми?

– Командир ты, старина. На твоём месте я просто поторопился бы.

– В самом деле?

– Конечно.

– Но вы пьяны.

– Совершенно верно. Если бы я был на твоём месте, я все равно был бы пьян.

– О боже! Что же делать?

– Торопись, дружище. Все тихо. Возможно, это была галлюцинация.

– Вы так думаете?

– Давай допустим, что так и было. Пошли.

Триммер вытащил пистолет и тронулся вперед. Они взобрались на вершину поросшего травой хребта и увидели в полумиле от себя на

фланге неясную массу, возвышающуюся темным пятном на фоне посеребренного лунным светом ландшафта.

– Вот она, твоя башня, – обрадовался Йэн.

– Ничего похожего на башню.

– «Лунный свет бывает жестоко обманчив, Эменда!» – процитировал Йэн, подражая голосу Ноэля Кауэрда. – Пошли, пошли.

Они медленно пошли вперед. Неожиданно снова залаяла собака, и так же неожиданно Триммер выстрелил из пистолета. Пуля попала в дерн в нескольких ярдах впереди, но звук выстрела был потрясающим. Оба офицера упали ничком.

– Зачем же, черт возьми, ты выстрелил? – спросил Йэн.

– А вы думаете, что это сознательно?

В здании впереди них зажегся свет. Йэн и Триммер продолжали лежать. Свет вспыхнул и в нижнем этаже. Открылась дверь, и в ней появилась приземистая женская фигура, ясно различимая, с лампой в руке и дробовиком под мышкой. Собака продолжала неистово лаять, гремя цепью.

– О боже, она собирается стрелять, – прошептал Триммер. – Я смываюсь.

Он вскочил и стремглав бросился бежать. Йэн следовал за ним по пятам.

На их пути оказалась проволочная изгородь, они перемахнули через нее и скатились вниз по крутому склону.

– Sales Boches!^[62] – крикнула женщина и выпалила из обоих стволов в их направлении. Триммер свалился на землю.

– Что случилось? – спросил Йэн, подбежав к тому месту, где, издавая стоны, лежал Триммер. – Не могла же она попасть в тебя!

– Я споткнулся обо что-то.

Йэн стоял, тяжело дыша. Собака, по-видимому, не преследовала их. Он осмотрелся вокруг.

– Я могу сказать тебе, обо что ты споткнулся. О линию железной дороги.

– Железнодорожная линия? – удивился Триммер, приподнявшись. – Что за чертовщина? Действительно линия.

– Сказать тебе еще кое-что? На острове, на котором мы должны находиться, нет никаких железных дорог.

– О боже, – пробормотал Триммер, – где же мы находимся?

– Мне думается, мы на материке, во Франции. Где-нибудь в районе Шербура, по-моему.

– У вас еще цела та бутылка?

– Конечно.

– Дайте мне ее.

– Спокойно, старина. Один из нас должен быть трезвым, а я таковым быть не собираюсь.

– Я думаю, у меня что-то сломано.

– Да, но я не сидел бы здесь слишком долго. Подходит поезд.

До их слуха доносился ритмичный стук колес приближавшегося поезда. Йэн подал Триммеру руку. Проковыляв несколько шагов, тот со стоном опустился на землю. Вскоре показались отблески огней и вылетающие из трубы паровоза искры, и мимо них медленно прошел грузовой состав. Йэн и Триммер зарылись лицом в покрытый сажей дерн. Ни тот, ни другой не промолвили ни слова, пока поезд не скрылся из виду и стук колес не замер. Затем Йэн сказал:

– А ты знаешь, прошло всего шестнадцать минут с того момента, как мы высадились.

– Шестнадцать проклятых минут... Это не так уж мало.

– У нас еще много времени, чтобы возвратиться к лодкам. Не спеши. По-моему, нам надо сделать небольшой крюк. Не нравится мне эта старушка с ружьем.

Триммер встал, опираясь на плечо Йэна:

– Кажется, у меня ничего не сломано.

– Конечно, нет.

– Почему «конечно»? Очень просто могло бы быть и сломано. Я ведь здорово грохнулся.

– Послушай, Триммер, сейчас нет времени спорить. Я очень рад, что ты не ранен. Давай пошли, может быть, мы еще доберемся до своих.

– Мне все же чертовски больно.

– Да, да, конечно, я не сомневаюсь. Давай быстрее, скоро все кончится. Можно подумать, черт возьми, что пьян ты, а не я.

Им понадобилось двадцать пять минут, чтобы добраться до лодок. Переход, по-видимому, пошел на пользу потрясенному Триммеру. К концу марша он начал двигаться быстрее и уверенней, но очень страдал от холода. Его зубы выбивали дробь, и только чувство долга не

позволило Йэну предложить Триммеру виски. Они прошли мимо места, где оставили подрывную партию, но там никого не оказалось.

– По-моему, они драпанули, когда услышали выстрел, – сказал Триммер. – Вряд ли их можно упрекать за это.

Однако, добравшись до места высадки, они увидели, что все четыре лодки на месте и охраняются оставленными на них солдатами. Остальных членов группы «Пугач» поблизости не оказалось.

– Они пошли вглубь, сэр, сразу после того, как прошел поезд.

– *Вглубь?*

– Так точно, сэр.

– Вот черт! – Триммер отвел Йэна в сторону и озабоченно спросил: – Что нам теперь делать?

– Сидеть и ждать их, я думаю.

– А по-вашему, мы не можем возвратиться на подводную лодку, оставив их здесь? Пусть они добираются самостоятельно!

– Нет.

– Нет? По-моему, тоже. Проклятие, здесь чертовски холодно.

Дрожа от холода и чихая, Триммер каждые две минуты посматривал на часы.

– По приказу мы должны отойти от берега в ноль плюс шестьдесят.

– Времени еще много.

– Черт бы их взял!

Зашла луна. До рассвета было еще далеко.

Наконец, посмотрев на часы, Триммер сказал:

– Ноль плюс пятьдесят две. Я замерз. Какого черта этот сержант поперся, куда его не просили? Ему было приказано ждать приказаний. Сам будет виноват, если останется здесь.

– Надо подождать до ноль плюс шестьдесят, – возразил Йэн.

– Уверен, что эта женщина подняла тревогу. Наверное, их захватили. Там сейчас наверняка уже целая толпа орущих гестаповцев с ищейками разыскивает нас... Ноль плюс пятьдесят пять.

Он чихнул. Йэн сделал большой плоток из бутылки.

– Дорогой Уотсон, – подражая Шерлоку Холмсу, сказал он, – если я не ошибаюсь, подходят наши клиенты с той или другой стороны.

Послышались осторожные, приближающиеся к ним шаги. Замигал сигнал зашторенного фонарика.

– Тогда мы отваливаем! – воскликнул Триммер, не желая терять времени на встречу возвращавшихся солдат.

В глубине суши блеснула вспышка, раздался оглушительный взрыв.

– О боже! – воскликнул Триммер. – Мы опоздали!

Он бросился к лодке.

– Что это было? – спросил Йэн сержанта.

– Пироксилин, сэр. Когда мы увидели проходивший поезд и не получили никаких приказаний капитана, я решил пойти сам и заложить шашку. Давайте, ребята, в лодки, но потише.

– Великолепно! – воскликнул Йэн. – Геройский поступок!

– О, я бы не сказал этого, сэр. Просто я подумал, что не мешает показать фрицам, что мы побывали здесь.

– Через пару дней, – сказал Йэн, – вы, капитан Мактейвиш, и ваши солдаты проснетесь и обнаружите, что вы – герои. Не хотите ли немного виски?

– Весьма признателен, сэр.

– Ради бога, идите скорее, – поторопил их Триммер из лодки.

– Иду, иду. Держи хвост морковкой, великий Триммер, и будь мужчиной. Мы милостью божьей зажжем в Англии такую свечу, которая, надеюсь, никогда не погаснет.

Перед рассветом было послано короткое донесение об успехе высадки. Подводная лодка погрузилась, и командир засел в своей каюте над отчетом о морской части операции. В кают-компани Йэн натаскивал Триммера на составление ее сухопутной версии. В подводном положении поддерживать хорошее настроение нелегко. Однако в то утро все были довольны.

Днем при сходе на берег в Портсмуте их встречал офицер по планированию общей части штаба особо опасных операций. Он был взволнован, держался чуть ли не почтительно.

– Что мы можем сделать для вас? Только скажите.

– Пожалуй, вот что... – важно заявил Триммер. – Нельзя ли смотаться в отпуск? Портсмут порядком осточертел ребятам.

– Вам придется поехать в Лондон.

– Не возражаю, если требуется.

– Генерал Уэйл хочет увидеться с вами. Он, разумеется, захочет услышать обо всем от вас самого.

– С этим, пожалуй, лучше справится Килбэннок.

– Правильно, – поддержал его Йэн. – Эту сторону дела лучше предоставьте мне.

Позже, вечером того же дня, он рассказал генералу все, что, по его мнению, тому следовало знать.

– Чрезвычайно успешная операция. Как раз то, что нам надо. Чрезвычайно успешная, – похвалил генерал. – Для сержанта следует добиться военной медали. Мактейвиш тоже должен отхватить что-нибудь. Пусть не орден «За выдающиеся заслуги», но уж военный крест обязательно.

– А вы не намерены попросить и для меня что-нибудь, сэр?

– Нет. От вас мне требуется только представление к награде Мактейвиша. Сейчас же отправляйтесь и приступайте к делу. Завтра можете позаботиться об опубликовании сообщения в печати.

На протяжении своей карьеры на Флит-стрит Йэн выполнил немало трудных заданий для более требовательных хозяев. Сейчас был именно такой случай. Через десять минут Йэн возвратился к генералу Уэйлу с отпечатанным на машинке текстом.

– Для официального представления к награде я преподнес это дело в довольно сдержанных выражениях. Строго придерживался фактов.

– Да, да, конечно.

– Когда будем передавать это в печать, изложим все несколько красочнее.

– Конечно, конечно.

Генерал Уэйл прочитал вслух:

– «Капитан Мактейвиш подготовил и возглавил небольшую диверсионную группу, которая высадилась на побережье оккупированной Франции. В ходе операции он проявил выдающуюся самоотверженность, которую сумел привить своим солдатам. Лично проводя рекогносцировку, он попал под огонь стрелкового оружия. Ответив на огонь, он принудил вражеский пост прекратить стрельбу. Капитан Мактейвиш проник в глубь территории и обнаружил полотно железной дороги. В результате наблюдения было установлено, что по железной дороге осуществляются

интенсивные перевозки стратегических материалов. Часть железнодорожного полотна была успешно разрушена, и это создало серьезные помехи военным усилиям противника. Несмотря на полученные в ходе операции травмы, капитан Мактейвиш обеспечил успешный отход всей своей группы, которая, не понеся потерь, возвратилась на подводную лодку в точном соответствии с плановой таблицей. Во время заключительной фазы операции он проявил примерное хладнокровие».

– Отлично, – сказал генерал Уэйл, – как раз то, что нужно.

– Нет, аута не было! – воскликнул мистер Краучбек.

Малорослый игрок с битой, отбивавший мяч, потер колено. На другом конце поля быстроногий боулер Грисуолд, капитан команды «Богородицы-Победительницы», в отчаянии смотрел на судью.

– О, сэр!

– Виноват. Боюсь, я просто не заметил. Но вы ведь знаете, сомнение толкуется в пользу проигрывающего.

Мистер Краучбек сидел, накинув на худые плечи свитер быстроногого боулера, завязав рукава узлом у горла. Он был рад хоть такой защите от пронизывающего вечернего ветра.

Грисуолд пошел назад, сердито перебрасывая мяч из руки в руку. Он разбежался издалека и мчался на большой скорости. Мистер Краучбек не мог различить положение его ноги в момент броска. Похоже, он значительно переступил линию. Мистер Краучбек хотел было не засчитать мяч, но не успел открыть рот, как воротца упали. На этот раз парень, несомненно, переступил черту. Однако время истекло, и первый матч семестра был выигран. Выигравшие из команды «Богородицы-Победительницы» возвращались в павильон, окружив Грисуолда и похлопывая его по спине.

– В первый раз он переступил черту, – настаивал вратарь.

– О, я не знаю. Крауч не согласился с этим.

– Крауч отвлекся, он смотрел на самолет.

– Так или иначе, какая разница?

Мистер Краучбек возвращался в отель «Морской берег» вместе с миссис Тиккеридж, приводившей Дженифер и Феликса на матч. Они пошли более длинной дорогой, по пляжу, и Дженифер бросала в море палки для Феликса. Мистер Краучбек спросил:

– Вы видели сегодняшнюю утреннюю газету?

– Вы имеете в виду рейд на железную дорогу во Франции?

– Да. Какой, должно быть, великолепный молодой человек этот капитан Мактейвиш. Вы обратили внимание на то, что до войны он работал дамским парикмахером?

– Как же!

– Вот это-то и ободряет. Такие вот храбрецы и побьют немцев. То же самое было и в первую мировую войну. Слава богу, в нашей стране нет этих высокомерных ретроградов. Такие люди выдвигаются в момент, когда страна нуждается в них. Возьмите этого Молодого человека. Завивал локоны женщинам на лайнере, называл себя французским именем, никто и не подозревал, что за этим кроется. Могло случиться так, что ему никогда и не представился бы случай проявить себя. Но начинается война – он откладывает свои ножницы в сторону и без какой-либо суеты совершает самые смелые в военной истории подвиги. Ни в какой другой стране, миссис Тиккеридж, этого не случилось бы.

– На фотографии он выглядит не очень привлекательно, вы не находите?..

– Он выглядит таким, какой есть – подмастерьем дамского парикмахера. Честь ему и слава. По-моему, он очень скромный человек. Храбрецы часто бывают такими. Мой сын никогда не говорил о нем, а они ведь довольно долго были в Шотландии вместе. Наверное, Мактейвиш чувствовал себя там среди них довольно неуютно. Ну что ж, он показал им всем.

Когда они вошли в отель, к мистеру Краучбеку обратилась миссис Вейвесаур:

– Ах, мистер Краучбек, я так ждала вас, чтобы спросить. Вы не против, если я вырежу кое-что из вашей газеты, когда вы прочитаете ее?

– Конечно. Ради бога. Буду рад.

– Я имею в виду фотографию капитана Мактейвиша. У меня есть рамочка как раз такого размера.

– Он заслуживает рамки, – согласился мистер Краучбек.

Сообщение об операции «Пугач» дошло до Сиди-Бишра сначала из передачи Би-Би-Си, а позже в виде поздравительной радиogramмы главнокомандующего в адрес штаба группы Хука.

– По-моему, это надо передать в отряд командос «Икс», – предложил майор Хаунд.

– Конечно. Во все отряды. Зачитать перед строем.

– Испанцам тоже?

– Особенно испанцам. Они всегда хвастаются тем, что взрывали монастыри во время гражданской войны. Пусть увидят, что мы тоже не пустяками занимаемся. Заставьте потрудиться этого толстяка переводчика.

– А вы знаете этого парня, полковник, Мактейвиша?

– Конечно. Я взял его к себе, когда был командиром отряда командос «Икс». Ты помнишь. Гай?

– Да, действительно.

– Ты и Джамбо Троттер пытались избавиться от него. Помнишь? Я хотел бы иметь здесь побольше таких офицеров, как Мактейвиш. Интересно было бы посмотреть на старину Джамбо, когда он прочитает это сообщение.

Действительно, прочитав это сообщение, Джамбо буквально засиял. В офицерском собрании алебардийского казарменного городка он заявил:

– Бедняга Бен Ритчи-Хук, не разбирался он в людях. Первокласный был вояка, знаете Ли, но и на солнце бывают пятна. Если уж затаит зло на человека, его никак не уломаешь. Вы знаете, ведь это он выгнал Мактейвиша из корпуса алебардистов. Парню ничего не оставалось, как пойти в шотландский полк простым солдатом. А вот я сразу заприметил его. Это солдат не мирного, а военного времени, понимаете? Но ведь и сам Бен такой же. Оба они высечены из одного и того же камня. Поэтому-то они и не сошлись характерами. Такое часто бывает. Сам видел десятки раз.

Дамы на Итон-терэс сокрушались:

– Как же теперь с нашим Шотландчиком?

– В самом деле, как же это мы?

– Мы обращались с ним по-свински.

– Не может быть!

– Не так уж часто.

– Я всегда питала к нему слабость.

– Не пригласить ли его зайти?

– Ты думаешь, он придет?

- Можно попробовать.
- Так нам и надо, если он будет презирать нас.
- Скорее я сама буду презирать себя.
- Вирджиния, почему ты молчишь? Следует ли нам попытаться заполучить Шотландчика?
- Триммера? Делайте что хотите, мои дорогие, только без меня.
- Вирджиния, ты не оговорила? Неужели ты не хочешь заглядеть свою вину?
- Я? Нет, – ответила Вирджиния и удалилась.

«Лейтенант (временный чин), состоящий в штатной должности капитана, Мактейвиш (офицерский корпус его величества).

По вопросу: *о дальнейшем использовании* ».

- Право же, – пробурчал председатель, – я не понимаю, из чего это вытекает, что наш комитет должен заниматься этим вопросом?
- Памятная записка военного кабинета, сэр.
- Удивительно! А я-то думал, что они заняты по горло более важными делами. Так в чем там дело?
- Так вот, сэр, вы помните Мактейвиша?
- Да, да, конечно.
- А вы читали о нем в «Ежедневном сплетнике»?
- Конечно нет.
- Так вот, сэр. Вы же знаете, что лорд Коппер всегда имел зуб на регулярную армию. Старые приятельские связи, протекция друзьям по одному выпуску и тому подобный вздор.
- Я не знал, – возразил генерал, набивая трубку. – Я никогда не читаю этот грязный листок.
- Так или иначе, но они откопали эту историю о том, что Мактейвиш начал войну в качестве кандидата в офицеры в корпусе алебардистов и был отчислен из него. Они говорят, потому якобы, что он был парикмахером.
- В этом нет ничего плохого.
- Вот именно, сэр. Однако все алебардисты, имевшие к нему то или иное отношение, находятся теперь на Ближнем Востоке. Мы

попросили представить объяснения, но на это потребуется некоторое время, и если, как я предполагаю, они будут неудовлетворительными, то мы не сможем воспользоваться ими.

– Столько шума из-за таких пустяков!

– Так точно, сэр. «Ежедневный сплетник» воспользовался историей с Мактейвишем как примером. Утверждает, что армия якобы теряет своих лучших потенциальных командиров из-за снобизма. И дальше пишет о всяких таких вещах, знаете ли.

– Нет, не знаю! – отрезал генерал.

– Один из лейбористских членов парламента сделал запрос о нем.

– О господи, неужели? Это уже хуже.

– Министр настоятельно требует, чтобы Мактейвишу подыскали должность, соответствующую его заслугам.

– Ну что ж, это не так уж трудно. На прошлой неделе было принято решение сформировать еще три отряда командос. Нельзя ли назначить его на один из них?

– Я не думаю, что он достаточно подготовлен, чтобы занять такую должность.

– В самом деле, Малыш? Мне следовало бы догадаться, что он принадлежит как раз к числу тех молодых офицеров, которых вы всегда затираете. *Вы сами-то* ничего не имеете против того, что он был парикмахером, а?

– Ни в коем случае, сэр.

– На прошлой неделе вы засыпали его похвалами. Имейте в виду, ему должна быть найдена соответствующая должность в вашей части.

– Слушаюсь, сэр.

– Надеюсь, вам понятно, что под соответствующей должностью я вовсе не имею в виду должность вашего адъютанта.

– Боже упаси, – прошептал Малыш.

– Я имею в виду что-нибудь такое, что дало бы понять этим лейбористам в палате общин, что мы знаем, как использовать хороших людей, когда находим их.

– Слушаюсь, сэр.

Командующий сухопутными частями, предназначенными для проведения особо опасных операций, возвратился в свой штаб, как всегда после посещения военного министерства, в глубоком отчаянии. Он послал за Йэном Килбэнноком.

– Вы перестарались с этим делом, – буркнул он.

Йэн сразу понял, что имеет в виду генерал.

– Триммер?

– Триммер! Мактейвиш! Как бы там, черт возьми, его не звали!

Вы зашли слишком далеко и втянули в это дело политиков. Теперь нам не отделаться от него до конца войны.

– Я уже размышлял над этим.

– Очень мило с вашей стороны.

– Знаете, генерал, – рассердился Йэн, который с тех пор, как он и генерал сделались, по существу, соучастниками обмана, все более усваивал фамильярный тон в служебных разговорах, – прибегая к сарказму, вы никогда не добьетесь ничего хорошего от своих подчиненных. Я много думал о Триммере и кое-что придумал. Как мужчина он весьма привлекателен.

– Чепуха!

– Я убедился в этом в кругу близких мне людей, особенно после его прогулки во Францию. Я привлек к нему внимание министерств информации, снабжения, авиапромышленности и иностранных дел. Для повышения морального состояния гражданского населения и укрепления англо-американской дружбы им требуется герой, обладающий как раз такими данными, какие есть у Триммера. Можете дать ему любой чин, какой угодно, и отправить в командировку на неопределенный срок.

Генерал-майор Уэйл довольно долго молчал.

– Это идея, – сказал он наконец.

– Особенно важно выдворить его из Лондона, – добавил Йэн. – Последнее время он постоянно околачивается в моем доме.

В дневнике старшины Людовича были не только эссе, но и отрывки описательного характера, которые в свое время непременно удостоятся похвалы критиков.

«Майор Хаунд – плешивый, его макушка и лицо блестят. Рано утром, после бритья, это сухой блеск. По прошествии часа майор начинает потеть, и блеск становится сальным. Руки майора Хаунда начинают потеть раньше, чем лицо. Макушка у него всегда сухая. Пот появляется на два дюйма выше бровей, но на лысине его никогда не бывает. Для чего ему нужен мундштук? Чтобы уберечь пальцы и зубы от налета никотина или чтобы отвести дым от глаз? Он часто посылает денщика вытряхнуть пепельницу. Капитан Краучбек презирает майора Хаунда, а полковник Блэкхаус считает его полезным. Для меня майор Хаунд почти не существует. Я записал все эти наблюдения, чтобы зафиксировать его образ в своей памяти».

Поражение в Греции сохраняли в тайне, пока остатки армии не прибыли в Александрию. Их собрали и распределили для переформирования и снаряжения.

«Мы живем, – записал старшина Людович в дневнике, – в век чисток и эвакуации. Вывернуть себя наизнанку – вот задача современного человека. Добиваться вызывающего отвращения вакуума. Земля принадлежит богу, и пустота от него же».

Все имевшиеся войска были отправлены на запад в Киренаику. В Александрии осталась только оперативная группа Хука. Она оказалась единственным защитником города.

Гай проводил долгие часы в клубной библиотеке за чтением переплетенных комплектов журнала «Каунтри лайф». Иногда он присоединялся к своим старым друзьям из отряда командос «Икс» в

отеле «Сесил» или в баре «Юнион». Отряд командос «Икс» не захотел утруждать себя хлопотами по организации офицерской столовой. Воины отряда держали в своей палатке запас сваренных вкрутую яиц, апельсины и консервированные сардины; они покрикивали на ленивых, хихикающих слуг-берберов, чтобы те приносили им чай и джин; швыряли себе под ноги окурки сигар, пустые сигаретные пачки, спички, пробки, кожуру от апельсинов и консервные банки.

– Можно подумать, что находишься на Лидо^[63], – сказал как-то Айвор Клэр, с отвращением глядя на усеянный мусором песчаный пол палатки.

Офицеров отряда командос охотно принимали в нескольких богатых греческих домах, в которых неизменно оказывалась и вездесущая миссис Ститч. Гай не наносил ей новых визитов, но ее имя произносилось повсюду. Офицеры отряда командос «Икс» всегда ощущали ее присутствие, как будто она была их доброй феей, всегда готовой прийти на выручку. Когда миссис Ститч находилась поблизости, ничего непоправимо плохого с ними произойти не могло.

Так шел день за днем, пока на третьей неделе мая война не приблизилась вплотную и к майору Хаунду.

Как обычно, об этом возвестили церемониальные фанфары предварительных приказов и контрприказов, но, прежде чем прозвучали их первые ноты, миссис Ститч сообщила об этом Айвору Клэру, а тот передал Гаю.

– Я слышал, что нас в любой момент могут отправить на Крит, – сказал Гай майору Хаунду.

– Чепуха!

– Что ж, поживем, – увидим, – заметил Гай.

Сидевший за письменным столом майор Хаунд сделал вид, что занят просмотром документов. Немного погодя он откинулся в кресле и вставил в мундштук сигарету.

– Откуда дошел до вас этот слух?

– Отряд командос «Икс».

– На Крите отбиты обе атаки, – возразил майор Хаунд. – Положение там полностью под нашим контролем. Уж я-то знаю.

– Вот и хорошо, – отозвался Гай.

Наступила еще одна пауза, во время которой майор Хаунд сделал вид, что читает документы. Затем он спросил:

– А вам не приходило в голову, что наша первоочередная задача – оборона Александрии?

– По-моему, Крит в данный момент важнее.

– Гарнизон на Крите сейчас и так больше, чем позволяют возможности снабжения.

– Тогда, значит, я не прав.

– Конечно, не правы. Вам следовало бы знать это и не принимать всякие слухи на веру.

Еще одна пауза; это был тот таинственный час, в который, как записал в дневнике старшина Людович, блеск на лице начальника штаба бригады менялся с сухого на сальный.

– К тому же, – сказал он, – наша бригада не имеет средств для действий в обороне.

– Тогда как же мы обороняем Александрию?

– Мы стали бы оборонять ее только в крайнем случае.

– Но ведь, возможно, на Крите как раз крайний случай.

– Я не спорю с вами, Краучбек. Я просто высказываю свое мнение.

Молчание. Затем майор Хаунд продолжал:

– Почему этот денщик не вытряхивает пепельницы? А что вам известно о возможностях нашего морского транспорта, Краучбек?

– Ничего.

– Вот именно». К вашему сведению, мы не в состоянии послать на Крит подкрепления, даже если бы и хотели этого.

– Понятно.

Еще пауза. В этот день майор Хаунд был явно обеспокоен чем-то. Он прибегнул к своему испытанному методу нападения.

– Кстати, чем сегодня занимается ваше подразделение?

– Наносят тонкие красные линии. Карта Крита – точная копия с греческого издания, поэтому я приказал нанести на нее полудюймовую сетку, чтобы картой можно было пользоваться.

– Карты Крита? Кто приказывал кому бы то ни было получать карты Крита?

– Я сам выписал их вчера вечером из Рас-эль-Тина.

– Вы занялись не своим делом, Краучбек. Именно так и рождаются слухи.

Вскоре в кабинет вошел Томми. Гай и майор Хаунд встали.

– Из Каира еще ничего не было? – поинтересовался он.

– Почта отправлена на регистрацию, полковник. Ничего срочного.

– Раньше десяти часов в ставке главнокомандующего к работе никто не приступает. Телефонограммы посыплются через несколько минут. А пока передайте подразделениям предварительные распоряжения. Надеюсь, вам известно, что мы отбываем?

– Обрато в зону канала для реорганизации?

– Боже мой, да нет же! Где ваш помощник по тылу? Нам нужно разработать плановую таблицу погрузки. Вчера вечером у мадам Каприкис я встретил адмирала, командующего эсминцами. Он уже все подготовил для нас. Гай, раздобудь несколько карт Крита для выдачи командному составу до командиров отделений включительно.

– Все уже сделано, полковник, – поспешил доложить майор Хаунд.

– Отлично.

В четверть одиннадцатого по телефону из штаба главнокомандующего в Каире посыпались длинные, скучные, противоречивые распоряжения; они продолжали поступать в течение всего дня. Майор Хаунд выслушивал, записывал и с воодушевлением передавал их дальше.

– Да, сэр. Слушаюсь, сэр. Все ясно. Все оповещены, – отвечал он штабу главнокомандующего. – Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! – торопил он подразделения.

Но Людовича это показное рвение не обмануло.

«Странно, но майор Хаунд, кажется, не имеет ни малейшего желания сложить голову в бою», – записал он в дневнике.

Для майора Хаунда это была первая боевая погрузка на корабли, а для Гая – третья. Гай равнодушно наблюдал за обменом «любезностями» между начальником штаба бригады, его помощником по тылу и офицером штаба, ведавшим погрузкой, сначала серьезными, затем озабоченными, потом озлобленными; за вереницами навьюченных и угрюмых солдат, проходивших по тесным палубам и неуклюже спускавшихся вниз по трапам; за моряками, ловко сновавшими между грудями военного имущества. Все это было

знакомо Гаю по прежнему опыту, и он держался от всего в стороне. Разговаривая с зенитчиком-артиллеристом морской пехоты, Гай услышал:

– Никакого воздушного прикрытия. Наша авиация на Крите разгромлена. Если мы не управимся с переходом туда и обратно в темное время суток, уцелеть шансов нет. Высаживаться вашим ребятам придется гораздо быстрее, чем они грузятся сейчас.

Под погрузку оперативной группы Хука выделили крейсер-минзаг и два эскадренных миноносца; на всех кораблях были заметны следы участия в эвакуации войск из Греции. Корабль, выделенный под погрузку штаба бригады, был потрепан больше других.

– Нашему кораблю нужен минимум месяц на ремонт, – продолжал морской пехотинец. – Если хватит пороху на переход, наше счастье, а уж о том, чтобы в случае чего-нибудь справиться с противником, и разговора быть не может.

С наступлением сумерек они вышли в море. На борту эскадренного миноносца вместе со штабом находились три роты второго отряда командос. На палубах и в кубриках вповалку лежали солдаты; офицеры разместились в кают-компаниях. Томми Блэкхауса пригласили на ходовой мостик. Постепенно установилась сравнительная тишина и спокойствие.

– Краучбек, – спросил Гая майор Хаунд, – вам не приходило в голову, что Людович ведет дневник?

– Нет.

– Это запрещено уставом – вести личный дневник на фронте.

– Да, конечно.

– Вот именно. Вы лучше предупредите-ка его. Я совершенно уверен, что он записывает что-нибудь неофициальное.

В восемь часов стюард-мальтиец накрыл стол для обеда, поставив в центре вазу с розами. Командир корабля остался на мостике. Старший помощник командира извинился и за отсутствие командира, и за неудобства размещения.

– Мы не в состоянии оказать гостеприимство в таких масштабах, – сказал он. – Боюсь, что мы во всем будем испытывать нехватку.

Солдаты достали свои кружки, котелки, ножи и вилки. Денщики помогли стюарду. Обед был отменен.

– До рассвета не будет никакой тревоги, – заверил старший помощник, покидая их.

Командир эсминца уступил свою каюту Томми, майору Хаунду и заместителю командира второго отряда командос. Чемоданы и постельные скатки оставили в лагере. Армейские офицеры устроились в креслах, на диванах и на полу в кают-компании. Вскоре все уснули.

Проснувшись на рассвете, Гай вышел на свежий воздух. Восхитительное утро после безветренной ночи; море спокойное, вокруг ни одного корабля, земли не видно. Довольно медленно двигавшийся эскадренный миноносец, казалось, плыл в фосфоресцирующей пустоте. Гай встретился со вчерашним артиллеристом.

– Ну как, здесь начнутся неприятности? – спросил Гай.

– Нет, не здесь. – Затем артиллерист, поскольку ему показалось, что на лице Гая появилось удивление, добавил: – Замечаете что-нибудь странное в положении солнца?

Гай посмотрел на солнце. Оно находилось слева по носу, довольно высоко над горизонтом, яркое, но пока еще не жаркое.

– Нет, – ответил он.

– Разве оно там, где вы ожидали увидеть его?

– А-а! – воскликнул Гай. – Теперь я понимаю, что вы имеете в виду. Оно должно быть с другого борта.

– Вот именно. Через час мы будем снова в Александрии. Неисправность машин.

– Как нескладно все это получилось!

– Я же говорил вам, что корабль нуждается в серьезном ремонте. К тому же его здорово потрепало в Эгейском море. Меня это вполне устраивает. Я в этом году еще ни разу не увольнялся на берег.

За завтраком Томми молча хмурился; майор Хаунд открыто ликовал. Он приложил к губам штуцер своего спасательного жилета и исполнил пантомиму игры на волынке.

– Дьявольски не везет, – обратился Томми к Гаю. – Но есть надежда, что в Александрии нам дадут другой эсминец.

Майор Хаунд повернулся к Гаю:

– Краучбек, вы говорили по тому вопросу с Людовичем?

– Еще нет.

– Сейчас самое подходящее время.

На горизонте уже показался берег, когда Гай разыскал старшину Людовича.

– До меня дошло, что вы ведете дневник, – сказал он.

Людович пристально посмотрел на него своими вызывающими неприятное впечатление глазами с серо-розовыми зрачками.

– Вряд ли я назвал бы это дневником, сэр.

– Вы понимаете, что все письменные материалы, могущие попасть в руки противника; подлежат цензуре?

– Я всегда прекрасно понимал это, сэр.

– Боюсь, что мне придется попросить вас дать мне дневник для просмотра.

– Слушаюсь, сэр. – Людович достал блокнот из кармана шортов. – Пишущая машинка осталась в лагере, сэр, вместе с остальным канцелярским имуществом. Не знаю, сможете ли вы разобрать, что здесь написано.

Гай прочитал: «Капитан Краучбек – человек уравновешенный. Он – как свинцовый шар, который в вакууме падает не быстрее пушинки».

– Это все, что вы написали?

– Все, что написал с тех пор, как мы выбыли из лагеря, сэр.

– Понятно. Что же, я не думаю, что это составляет военную тайну. Интересно, как я должен воспринять это?

– Это не предназначалось для прочтения вами, сэр.

– По правде говоря, я никогда не верил в эту теорию о пушинках в вакууме.

– Да, сэр. Она совершенно противоречит законам природы. Я употребил это выражение в фигуральном смысле.

Когда эсминец пришвартовался к стенке, Томми и майор Хаунд сошли на берег. Их встретили старшие офицеры штаба, армейские и флотские, и все вместе они направились в одно из зданий управления порта на совещание. Солдаты, склонившись над поручнями, плевали в воду и ругались.

– Так и есть, обратно в Сиди-Бишр, – говорили они.

Вскоре Томми и Хаунд возвратились на борт. Томми выглядел веселым.

– Они подготовили другой эсминец. На Крите все находится под нашим контролем. Военно-морской флот отбил попытки противника высадить десант с моря и потопил массу судов. Противник удерживает только два очага сопротивления, и новозеландцы полностью окружили его. Каждую ночь прибывают подкрепления для перехода в контрнаступление. Начальник оперативно-разведывательной части штаба сообщает из Каира, что войска противника в мешке. Нам поставлена очень сложная задача – совершить рейды на коммуникации в Греции.

Томми верил всему этому. Майор Хаунд тоже. Ни его подготовка, ни опыт предыдущей службы еще не сделали Хаунда скептиком.

Перегрузка на новый корабль прошла быстро. Солдаты, как муравьи, вереницами спускались с одного трапа и поднимались по другому, вполголоса чертыхаясь. Помещения для них отвели точно такие же, как и на предыдущем эсминце. Новые флотские офицеры встретили их знакомыми приветствиями и не менее знакомыми извинениями. К заходу солнца все устроились на своих местах.

– Выходим в море в полночь, – сказал Томми. – Они не хотят подходить к проливу Карсо завтра до наступления темноты. Не вижу причин, почему бы нам не пообедать на берегу.

Томми и Гай отправились в бар «Юнион». Им почему-то не пришло в голову пригласить с собой майора Хаунда. Ресторан, как всегда, был переполнен, несмотря на общеизвестный кризис людских ресурсов. Они заказали плов из омаров и большое блюдо из перепелов, приготовленных с мускатным виноградом.

– Возможно, это наша последняя приличная еда на ближайшее время, – заметил Томми. – Начальник оперативно-разведывательной части главного штаба откуда-то узнал, что на Крите туго со свежей провизией.

Они съели по шесть перепелов каждый и распили бутылку шампанского. Затем им подали зеленые артишоки и еще бутылку шампанского.

– Думаю, что через день-другой мы будем с грустью вспоминать об этом обеде, – сказал Томми, любовно смотря на украсившие их тарелки виноградные листья, – и нам наверняка захочется вернуться сюда.

– Не может быть, – возразил Гай, стирая салфеткой жир с пальцев.

– Нет, может. Спорю на всех перепелов в Египте.

Они были навеселе, когда подъехали к затемненному порту. Разыскав свой корабль, они крепко уснули еще до выхода в море.

Майор Хаунд проснулся, почувствовав, что его койка то поднимается, то опускается; до его слуха доносились звон бьющейся посуды и глухие удары падающих и перемещающихся грузов. Он начал сильно дрожать, потеть и плотать слюну. Лежа на спине, он судорожно комкал одеяло, смотрел невидящим взглядом в темноту и испытывал крайнее отчаяние. В таком состоянии в семь утра его и обнаружил денщик, сунувшийся в дверь с веселым приветствием, кружкой чая в одной руке и кружкой воды для бритья в другой. Майор Хаунд оставался недвижим. Солдат начал чистить ботинки Хаунда, еще сохранившие блеск от его стараний в предыдущее утро.

– Ради бога, – взмолился майор Хаунд, – займитесь этим за дверью.

– На корабле творится такое, сэр, что некуда ногу поставить.

– Тогда прекратите и оставьте их как есть.

– Слушаюсь, сэр.

Майор Хаунд осторожно приподнялся на одном локте и выпил чай. Позывы к рвоте, с которыми он боролся долгие предрассветные часы, немедленно возобновились. Он добрался до умывальника, вцепился в него руками и, опершись головой о край раковины, оставался в таком положении целых десять минут. Наконец он открыл кран, помочил глаза водой и, тяжело дыша, возвратился на койку, предварительно посмотрев на себя в небольшое зеркальце. Увидев собственное отражение, он напугался еще больше.

Дождь и брызги хлестали по палубе весь день, удерживая людей внизу. Маленький корабль медленно переваливался с борта на борт на крупной зыби.

– Эта низкая облачность послана нам самим богом, – сказал командир корабля. – Мы находимся недалеко от места, где прикончили «Джюно».

Гая морская болезнь прежде почти не беспокоила. Однако накануне вечером он выпил кварту вина, и это наряду с качкой одолело его; Томми Блэкхаус, напротив, носился по кораблю в

приподнятом настроении, появляясь то в кают-компаний, то на ходовом мостике, то на нижних палубах среди солдат; старшину Людовича качка тоже не беспокоила, он спозаранку засел в кают-компанию старшин с дорожным несесером для маникюра и, вызывая почтительные взгляды присутствующих, занялся подготовкой ногтей на пальцах ног к любым ожидавшим их испытаниям.

Солдат охватили апатия и усталость.

Через час после наступления темноты Томми Блэкхаус упал. Он сбегал с мостика по трапу в момент, когда корабль необычно стремительно рухнул носом вниз. Подошвы ботинок Томми, подбитые гвоздями, скользнули по остальным ступеням трапа, и он упал на железную палубу с грохотом, который хорошо услышали в кают-компаниях. Затем раздался его крик, а через какую-нибудь минуту старший помощник командира объявил по радио:

– Ваш полковник упал и сильно ушибся. Может кто-нибудь выйти наверх и помочь ему?

Два командира рот из второго отряда командос неумело перетащили полковника в лазарет, где врач сделал ему укол морфия. Томми сломал ногу.

С этого часа Гай проводил время в хождении от одного распростертого тела – начальника штаба бригады, к другому телу – заместителя командира бригады. Судя по внешнему виду, разница между болезненным состоянием того и другого была невелика.

– Это меняет все планы, – поспешил заявить майор Хаунд, когда ему доложили о случившемся. – В высадке штаба бригады на берег теперь вообще нет никакого смысла.

Томми Блэкхаус, страдая от боли, а временами даже в бреду, отдавал распоряжения:

– Вас встретят офицеры связи оперативной группы Хука и войск гарнизона Крита. После высадки бригаде немедленно развернуть тыловой командный пункт во главе с помощником начальника штаба по тылу и установить радиосвязь с подразделениями... Помощнику начальника штаба по тылу установить контакт с помощником начальника квартирмейстерского отдела адъютантско-квартирмейстерской части штаба войск гарнизона и организовать материально-техническое снабжение... Передовому командному пункту в составе начальника штаба бригады и офицера разведки

явиться к подполковнику Прентису на командный пункт второго отряда командос и вручить ему письменный приказ главнокомандующего вооруженными силами на Ближнем Востоке, определяющий специальную роль оперативной группы Хука – нарушение коммуникаций противника... Подполковнику Прентису явиться к командующему войсками гарнизона острова Крит и предъявить этот приказ... Его основная задача – предотвратить сведение подразделений отрядов командос в пехотную бригаду для использования в качестве резерва командующего войсками гарнизона острова... Заместителю командира оперативной группы Хука немедленно приступить к проведению операций под руководством командующего войсками гарнизона острова Крит...

Он часто повторялся, впадал в забытие, опять приходил в себя и заставлял Гая снова и снова повторять его распоряжения.

Качка уменьшилась, когда корабль обогнул восточную оконечность Крита и пошел вдоль северного побережья острова. Когда они входили в залив Суда, море совсем успокоилось. Молодая луна уходила за горизонт. Первым признаком человеческой деятельности, обнаруженным ими, был горящий танкер, пламя которого ярко освещало всю гавань. Эскадренный миноносец отдал якорь. Майор Хаунд робко слез с койки и взобрался на ходовой мостик. Гай оставался около Томми. Офицеры второго отряда командос готовили своих людей к высадке. Заместитель начальника штаба бригады по тылу и старшина Людович совещались. Томми начал проявлять раздражительность.

– Что происходит? Осталось всего два часа на разгрузку. Лихтер должен был подойти, как только мы встанем на якорь. – У борта корабля раздался окрик. – Вот и он. Гай, пойд и взгляни.

Гай поднялся на затемненную верхнюю палубу. На ней теснились приготовившиеся к высадке солдаты, все проходы были загромождены запасами, мотоциклами, имуществом связи. У борта стояла небольшая шлюпка, из нее на корабль поднимался какой-то человек. Гай возвратился, чтобы доложить Томми.

– Поднимись к командиру корабля и выясни, что происходит.

Гай нашел командира в его каюте. Вместе с ним были майор Хаунд и небритый, измученный, дрожащий капитан-лейтенант, одетый во флотскую шинель и белые шорты.

– Я получил приказ отходить, и, клянусь богом, я его выполню, – бубнил моряк. – Приказ получен еще утром. Я должен был бы отбыть вчера вечером. Пришлось ждать на причале целый день. Вынужден был бросить все свои вещи. У меня осталось только то, что на мне.

– Да, да, – сказал командир корабля, – мы видим. Но нам хотелось бы знать: подойдет ли сюда лихтер?

– По-моему, нет. Там все разгромлено. Я отхожу. Я получил приказ отойти. Приказ в письменном виде. – Моряк говорил низким монотонным голосом. – Я бы не отказался от чашки чая.

– Не было ли там, на причале, офицера штаба, ответственного за высадку войск? – спросил майор Хаунд.

– Нет. По-моему, не было. Я нашел шлюпку и пригреб сюда. У меня есть приказ отходить...

– Ответа на наши сигналы мы, кажется, не получим, – заметил командир корабля.

– Проклятая бойня, там все уничтожено, – сказал человек с Крита.

– Ладно, – решил командир, – я жду здесь два часа, затем выхожу в море.

– Для меня это не очень-то быстро, – сказал капитан-лейтенант. Затем, не скрывая откровенной заботы о личной безопасности, он обратился к майору Хаунду: – А знаете, вам ведь надо знать пароль. На берегу вы и шага не сделаете, не зная пароля. Если вы не знаете пароля, то часовые пристрелят вас сразу же, как только увидят.

– Ну хорошо, а какой же пароль?

– Его меняют каждый день.

– Хорошо, каков же пароль на сегодня?

– Что-то, а это-то я знаю. Уж его-то я могу сказать вам. Я знаю его так же твердо, как свое имя.

– Так говорите же.

Моряк уставился на них пустыми, отчаявшимися глазами.

– Виноват, – пробормотал он. – Только что помнил, и вдруг он выскочил из головы.

Гай и майор Хаунд вышли.

– Похоже на то, что это еще одна ложная тревога, – сказал майор почти с радостью.

Гай отправился доложить Томми.

– Гром и молния! Проклятье на все их дурацкие головы! – взорвался тот. – Что там на них нашло? Уснули они все, что ли?

– Я думаю, причина не в этом, – сказал Гай.

Через сорок пять минут по всему кораблю прокатилось: «Вот он. Подходит».

Гай отправился на палубу. Действительно, по воде к ним приближалась довольно большая, темная масса. Все начали взваливать на себя тяжелую поклажу; Матросы «уже свесили с борта грузовые сети. Солдаты сгрудились у поручней. И тут снизу донеслось:

– Двести ходячих раненых прибыли для погрузки!

Майор Хаунд крикнул:

– Кто там? Из управления перевозками есть кто-нибудь?

Ему никто не ответил.

– Где ваш командир? – продолжал майор Хаунд. – Эта десантная баржа должна высадить раненых обратно на берег, прийти за нами, перебросить нас, а потом уже заняться ранеными. Вот как это надо делать.

Никто не обратил на него внимания. С баржи на борт эсминца начали медленно подниматься заросшие, обмотанные бинтами фигуры.

– Назад! – крикнул майор Хаунд. – Не смей подниматься на борт, пока мы еще здесь!

– Сначала пропустите, пожалуйста, пассажиров, выходящих из вагона, – отозвался из темноты насмешливый голос.

Обессилевшие солдаты карабкались на палубу и проталкивались сквозь строй подразделений, ожидавших команды на посадку. Кто-то, невидимый в темноте, крикнул:

– Да уберите же с дороги это имущество!

Его слова тут же подхватили другие:

– Сбросить все имущество! За борт все имущество!

– Что же они делают?! – закричал майор Хаунд. – Остановите их!

Три роты второго отряда командос, в которых были офицеры, повиновались приказу майора. Штабные подразделения находились на другом борту. Там связисты начали швырять за борт свои радиостанции, потом в воду полетел мотоцикл.

Гай разыскал командира десантной баржи.

– Через пятнадцать минут после того, как последний раненый перейдет на эсминец, я отдаю швартовы. Вам следует поторопиться, – предупредил моряк. – После этого я сделаю еще один рейс, возьму еще двести раненых и греческого генерала. Затем топлю эту баржу, перехожу на эсминец, и прощай, Крит. Наше вам почтение.

– Что же происходит на острове? – спросил Гай.

– Это конец! Все сматываются.

Гай спустился вниз с последним коротким докладом своему командиру.

– Для тебя, Томми, дело оборачивается удачно, – сказал он ему без тени горечи.

Теперь лазарет был переполнен. Два армейских врача и корабельный эскулап хлопотали над ранеными, требовавшими срочной помощи. Пока Гай стоял у койки, на которой лежал Томми, в дверях появился огромный, окровавленный, весь в грязи, страшный на вид сержант-австралиец. Оскалив, как мертвец, зубы, он пробормотал:

– Слава богу, дождались наконец флота! – После этого медленно опустился на палубу и тут же впал в предсмертное забытье.

Гай перешагнул через его тело и стал пробиваться сквозь вереницу солдат, спускающихся вниз по трапу; среди них было много оборванных, небритых, изможденных, но, по-видимому, невредимых людей.

– Кто вы? – спросил он одного из них.

– Писарь штаба, – ответил солдат.

Вскоре, так и не дождавшись четких распоряжений, подразделения командос самовольно начали спускаться по сетям в десантную баржу.

Луна зашла. Теперь единственным источником света был пылающий в миле от эсминца танкер.

– Майор Хаунд! – позвал Гай. – Майор Хаунд!

Рядом кто-то отозвался мягким голосом:

– Майор Хаунд в безопасности на барже. Я разыскал его. Он спустился вместе со мной. Это старшина Людович.

Десантная баржа с пыхтением подошла к причалу – настолько разрушенному, что он походил скорее на груды камней, чем на причал. Еще до того как солдаты второго отряда командос начали

высаживаться с баржи, в нее с причала стали прыгать раненые и дезертиры.

– Назад, мерзавцы! – заорал командир десантной баржи. – Отдать швартовы! – Матросы оттолкнули баржу от стенки. – Пристрелю каждого, кто попытается прыгнуть в баржу, пока не будет команды. Отойдите назад! Эй вы, убирайтесь с причала к чертовой матери!

Толпа оборванных солдат начала пятиться в темноту.

– А теперь вы, пехтура, – крикнул командир баржи, – быстро на причал!

Он подвел баржу к стенке, и все наконец выбрались на берег. Позднее это событие, такое многозначительное в жизни Гая, майора Хаунда и остальных, было увековечено в официальной истории следующими словами:

«Дальнейшая поддержка гарнизону Крита, ведущему ожесточенный оборонительный бой, была оказана в полночь 25 мая эсминцем, его величества „Планджент“ (командир – капитан-лейтенант Блейк-Блейкстон), который успешно высадил в бухте Суда штаб оперативной группы Хука совместно с оставшимися подразделениями второго отряда командос и эвакуировал с острова четыреста раненых».

– Больше никого взять не могу! – крикнул командир баржи. – Остальные назад! Отдать швартовы!

Толпа разочарованных солдат расселась на разбитых взрывами камнях. Перегруженная баржа направилась к эсминцу. Высадившаяся на берег группа солдат, растолкав оставшихся на причале, построилась.

– Найдите офицеров связи, – распорядился майор Хаунд. – Они должны быть где-то здесь.

– Есть здесь кто-нибудь из оперативной группы Хука? – крикнул Гай.

Обмотанный бинтами солдат простонал:

– Ой, да заткнись же ты, черт тебя возьми.

От толпы отделились два офицера, оказавшиеся командирами рот второго отряда командос.

– А-а, вот и вы! – воскликнул майор Хаунд. – Наконец-то. Я уже начал терять надежду. Вы от полковника Прентиса?

– Не совсем, – ответил один из офицеров. Он говорил тихо, таким же подавленным, монотонным голосом, как и тот моряк, что получил приказ отходить. В последовавшие дни такой голос – отличительный признак поражения – Гай слышал еще много раз и во многих местах. – Видите ли, – продолжал офицер, – Прентис мертв.

– Мертв? – переспросил майор Хаунд таким раздраженным тоном, как будто его официально известили о кончине тети, которую он имел все основания полагать находящейся в добром здравии. – Не может быть! Мы имели связь с ним не далее как позавчера.

– Он убит. Многие из отрядов командос убиты.

– Надо было донести нам об этом. А кто вступил в командование?

– По-видимому, я.

– Что же вы здесь делаете?

– Кто-то сказал, что за нами придет корабль и нас эвакуируют отсюда. Но, кажется, это ошибка.

– *Кто-то* сказал? А кто дал приказ об эвакуации?

– Вот уже в течение двадцати четырех часов мы не получали никаких приказов от кого бы то ни было.

– Послушайте, – вмешался заместитель командира второго отряда командос, – не лучше ли нам пойти куда-нибудь, где вы смогли бы ознакомить нас с обстановкой?

– Вон там какое-то служебное помещение. Мы сидим в нем с тех пор, как прекратилась бомбежка.

Командиры рот. Гай, майор Хаунд и заместитель командира второго отряда командос начали медленно пробираться по обломкам и осколкам камней к барaku, на стене которого было написано краской: «Старший морской начальник». Гай положил на стол свой планшет с картой и направил на нее луч карманного фонарика.

– У нас насчитывается шестьдесят рядовых и четыре офицера, включая меня, – сказал командир роты. – Возможно, еще есть и отставшие. Это все, кого мне удалось собрать. Они находятся недалеко отсюда – в районе порта. Движение по дорогам невозможно. Еще у меня есть пара грузовиков. Здесь все норовят спереть какие-нибудь транспортные средства. Но наши грузовики в достаточной

безопасности – стоят под охраной недалеко отсюда. Все едут на юг, в направлении Сфакии.

– Вы бы лучше рассказали нам, что же, собственно, здесь произошло.

– Мне мало что известно. Просто здесь настоящая бойня. Прошлой ночью, когда мы прибыли, отсюда уже все драпали, я имею в виду всякие остатки и отставших. Линия фронта проходила по местности, называемой здесь сорок второй улицей. Нас подчинили первому отряду командос и на рассвете бросили прямо в контратаку. Вот тогда и убили Прентиса. Мы дошли до самого аэродрома. А потом оказалось, что испанцев, которые должны были находиться на нашем фланге, там вовсе и не было. Ни один человек не появился также и из тех частей, которые должны были сменить нас. Мы просидели там целый час под огнем противника со всех сторон, потом отошли. От первого отряда командос почти никого не осталось. Пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» уничтожили большую часть нашего транспорта. Мы весь день пролежали на поле боя под бомбежкой пикировщиков. Потом, когда стало темно, вернулись сюда, и вот мы здесь.

– Понятно, понятно, – пробормотал майор Хаунд.

Он старался сосредоточиться на возникшей перед ним проблеме, но его затуманенное сознание не могло найти нужного стандартного решения. Наконец он спросил:

– Надеюсь, вы знаете, где находится штаб войск гарнизона Крита?

– В данный момент он может быть где угодно. А до этого был в здании монастыря, несколько в стороне от шоссе.

– А другие отряды командос?

– Третий участвовал в контратаке вместе с нами. Они, наверное, окопались где-нибудь рядом со штабом. Отряд «Икс» я не встречал со времени высадки. Их отправили куда-то для решения других задач.

Хорошие привычки майора Хаунда начали брать верх. Он обратился к карте.

– *Это*, – начал он, наугад показывая на район южнее Суды, – пункт сбора. Собраться там немедленно. Здесь будет штаб бригады. Я сейчас же выезжаю в штаб войск гарнизона Крита. Командующий войсками должен срочно ознакомиться с приказом

главнокомандующего относительно поставленной нам задачи. Мне потребуется проводник. Командирам частей явиться ко мне в штаб к девяти ноль-ноль. Радиосвязь с отрядами первым, третьим и «Икс» есть?

– Нет.

– Передайте распоряжения с нарочными. Вопросы есть?

Заместитель командира второго отряда командос, казалось, хотел спросить что-то, но промолчал, повернулся кругом и, сторбившись, вышел.

– Краучбек, вы записали распоряжения?

– Да. Вы надеетесь, что они будут выполнены?

– Полагаю, будут. Во всяком случае, распоряжения отданы. Большого сделать никто не может.

Всех, кто находился в его непосредственном подчинении, майор Хаунд отправил в горы, в назначенные им по карте пункты. После этого он. Гай и их денщики взобрались на трехтонный грузовик и отправились в путь. Проводник из второго отряда сидел впереди рядом с водителем.

Выехав из порта, они повернули на шоссе, идущее из Кании. Ехали с выключенными фарами. Безоблачное небо было усыпано звездами, видимость была удовлетворительной. Вся дорога, насколько можно было рассмотреть, была забита идущими по ней людьми, среди которых то в одном, то в другом месте попадались продвигавшиеся со скоростью пешехода автомашины самых разнообразных видов тоже с выключенными фарами. Некоторые солдаты передвигались в небольших колоннах, в шеренгах по три, с полным снаряжением и с оружием; некоторые были ранены и плелись, поддерживая друг друга; немало брело и одиночных солдат без какого бы то ни было оружия. Грузовик двигался медленно, прокладывая себе путь сквозь этот встречный людской поток. Иногда солдаты со злостью кричали на них. Один солдат сказал: «Эй, приятель, не в ту сторону едешь!» Большинство же шли не поднимая глаз, и некоторые натыкались на капот и крылья идущего навстречу автомобиля. На протяжении нескольких миль плотность потока людей оставалась неизменной. Наконец грузовик свернул на узкую проселочную дорогу, и вскоре их остановил часовой. Водитель открыл капот и начал что-то откручивать в двигателе, подсвечивая себе ручным фонариком.

- Выключить свет, – потребовал часовой.
- Чем вы там занялись? – спросил водителя майор Хаунд.
- Снимаю распределитель зажигания, иначе машину сопрут.

Проводник повел их в тихий виноградник. Через несколько шагов их снова окликнули. Наконец они подошли к каким-то темным строениям. Гай взглянул на часы. Половина третьего ночи.

Денщики уселись во дворе. Гай и майор Хаунд откинули одеяла, висевшие на дверях крестьянского дома из двух комнат. В первой на столе были разложены карты, стоял фонарь «летучая мышь». За столом, сидя на стульях и положив голову на руки, спали два человека. Один из них поднял голову:

– Да?

– Докладывает начальник штаба оперативной группы Хука, сэр. Прибыл с приказом главнокомандующего вооруженными силами на Ближнем Востоке.

– Что? Кто? – От усталости начальник оперативно-разведывательной части штаба войск гарнизона Крита долго не мог сообразить, чего от него хотят. – Генерала нельзя беспокоить. Через час мы уезжаем отсюда. Оставьте все, что вы привезли. Я доложу позднее.

Второй спавший – это был офицер генерального штаба 1 ранга – медленно поднял голову:

– Как вы сказали? Группа Хука? Генерал весь день ждал от вас донесения.

– Это очень срочно. Я должен увидеть его, – настаивал майор Хаунд.

– Да, да, конечно. Но не сию минуту. Сейчас он никого принять не может. За двое суток он впервые уснул, а мы должны выехать отсюда до рассвета. Полковник Блэкхаус с вами?

Майор Хаунд принялся объяснять создавшуюся обстановку, чтобы ввести в курс дела начальника оперативно-разведывательной части штаба войск гарнизона и офицера генерального штаба 1 ранга. Гаю стало ясно, что те ничего не понимают. Однако Хаунду было достаточно того, что необходимые слова произнесены им, а то, что их смысл не доходил до сознания уставших слушателей, его, Хаунда, нисколько не интересовало.

– ...базирующийся на Канию... С задачей проведения диверсионных рейдов на линиях коммуникаций противника... Во взаимодействии со старшим морским начальником... – бубнил он, не останавливаясь.

– Да, да, – прервал его начальник оперативно-разведывательной части. – Благодарю вас. Оставьте это здесь. Генералу будет доложено. Попросите полковника Блэкхауса прибыть в восемь часов вот сюда. – Он указал на карту, покрытую калькой, на которой мелом было аккуратно нанесено новое место дислокации штаба. Гай обратил внимание, что расположено оно очень удачно: поблизости к пункту, выбранному майором Хаундом, на передних склонах, недалеко от шоссе в том месте, где дорога поворачивает в глубь острова, к горам и южному побережью.

Затем Гай, Хаунд и денщики вернулись к грузовику. Когда они выехали на шоссе, следуя теперь в одном направлении с потоком отступающих, их остановил офицер-новозеландец.

– Не можете ли вы взять с собой нескольких раненых?

– А куда они хотят добраться?

– Да куда угодно.

– Мы проедем всего три мили.

– Это уже кое-что.

Раненые стали карабкаться и подсаживать друг друга в машину, пока их не набился полный кузов.

– Благодарю, – сказал новозеландец.

– А сами вы куда направляетесь?

– В Сфакию, если доберусь, конечно.

Вскоре они подъехали к участку шоссе, на котором идущих в одиночку и марширующих в строю людей кто-то заставлял сходить на обочины, в результате чего дорога перед машиной освободилась. Грузовик на более высокой скорости начал подсакивать и вилять из стороны в сторону. Раненые часто стонали.

Они подъехали к возвышенности, которую майор Хаунд избрал для размещения штаба. Здесь был полный порядок. У обочины дороги в качестве часового и маяка стоял связист. Как только грузовик остановился, вокруг него тотчас же собрались отставшие и дезертировавшие солдаты.

– Не найдется ли еще одно местечко, дружище?

– Выходи! Все выходи! – крикнул майор Хаунд.

Не жалуясь и не задавая вопросов, раненые солдаты кое-как слезли и молча заковыляли по дороге, смешавшись с идущей толпой.

Грузовик отогнали в сторону от шоссе и поставили среди валунов и деревьев; водитель снова снял распределитель зажигания и накрыл машину камуфляжной сеткой.

В тусклом свете утренних сумерек появился старшина Людович.

– Все в порядке, старшина?

– Так точно, сэр.

– Офицеры штаба здесь?

– Они уехали на грузовике искать продовольствие.

– Отлично. Круговая оборона организована?

– Так точно, сэр.

– Ну что ж, надо, пожалуй, соснуть. Через час рассветет. Тогда мы лучше увидим, как наши дела.

Какие бы незнакомые течения ни швыряли майора Хаунда из стороны в сторону, он, подобно Ною, умудрялся держаться на поверхности, убежденный в своей непогрешимости. Однако на этот раз уснуть ему не удалось.

А в четверти мили от них, по уходящей в горы дороге, спотыкаясь, шагали молчаливые солдаты и громыхали автомашины с погашенными фарами.

Со времени выхода в море майору Хаунду еще ни разу не удалось поесть. На рассвете, как только штаб ожил, первая мысль майора была о пище.

– Самое подходящее время чайку попить, старшина.

– Штабная команда, выехавшая за продовольствием, еще не возвратилась, сэр.

– Нет чая?

– И чая нет, сэр, и воды тоже нет, не считая той, что во флягах. Мне посоветовали не разводить огня, сэр, так как он может привлечь вражеские самолеты.

Вторая мысль майора Хаунда была о своем внешнем виде. Он раскрыл свой ранец-рюкзак, достал зеркальце, прислонил его к камню, помазал лицо пастой из тюбика и начал бриться.

– Краучбек, вы не спите?

– Нет.

– Сегодня утром у нас совещание.

– Да.

– Не мешает привести себя в порядок. У вас есть крем для бритья?

– Никогда не пользуюсь им.

– Могу одолжить свой. Вы ведь много не израсходуете.

– Премного благодарен. Я подожду горячей воды. Судя по тому, что мне удалось заметить прошедшей ночью, бритье на этом острове не слишком-то в почете.

Майор Хаунд вытер лицо и бритву и отдал ее вместе с полотенцем своему денщику. Затем он принялся рассматривать в бинокль запруженную людьми дорогу.

– Не понимаю, что же могло произойти с теми, кто уехал в машине?

– Этой ночью, сэр, пока мы вас ждали, – отозвался старшина Людович, – я разговаривал с одним австралийским сержантом. За последние день или два здесь, видимо, было много случаев, когда солдаты убивали офицеров и похищали их автомашины. Фактически он предложил, чтобы мы осуществили это на практике.

– Не болтайте чепухи, старшина.

– Я отверг это предложение, сэр, с презрением.

Майор Хаунд строго посмотрел на Людовича, потом поднялся и неторопливо, будто прогуливаясь, пошел навстречу восходящему солнцу.

– Краучбек, – позвал он, – вам не трудно подойти ко мне на минутку?

Гай присоединился к нему и пошел позади, поднимаясь по узкой козьей тропинке, усеянной белым щебнем. Удалившись за пределы слышимости, майор Хаунд спросил:

– Вы не находите, что Людович какой-то странный сегодня?

– Он всегда такой.

– А вам не кажется, что он пытался дерзить только что?

– Не думаю. Вероятно, он просто хотел пошутить.

– Было бы чертовски некстати, если бы он свихнулся.

– Да, это совершенно ни к чему.

Они молча постояли среди зонтичных сосен, наблюдая за безостановочно движущейся по дороге процессией. Теперь она

значительно поредела и больше не казалась монолитной массой, как в ночные часы. Солдаты устало плелись поодиночке и небольшими группами. На дороге виднелся только один грузовик, медленно поднимающийся в гору по направлению к ним.

Слишком быстро, как будто он уже отрепетировал в уме этот вопрос, Хаунд спросил:

– Послушайте, Краучбек, вы не возражаете, если я буду называть вас по имени?

– Никаких особых возражений у меня нет.

– Мои друзья обычно зовут меня Фидо.

– Фило?

– Фидо.

– А-а... Понятно.

Пауза.

– Обстановка мне совсем не нравится, Гай.

– Мне тоже, Фидо.

– К тому же я чертовски голоден.

– И я тоже.

– А как ты думаешь, могли они в самом деле убить заместителя по тылу и уехать на нашем грузовике?

– Нет.

Не успели они закончить эту конфиденциальную беседу, как с ясного утреннего неба до их слуха донесся слабый, нарастающий гул самолета; вместе с ним неожиданно возник более близкий, оглушающий, не похожий на человеческий, внушающий страх крик, эхом прокатившийся вдоль пыльной дороги.

– Самолеты! В укрытие! В укрытие! В укрытие! Самолеты!

Вся картина сразу изменилась. Спотыкаясь и толкая друг друга, все сбежали с дороги и бросились ничком на землю, скрывшись среди кустов и скал. Поднятая людьми пыль улеглась. Грузовик подъехал прямо под сосны, у которых стояли Гай и Фидо, и остановился, уткнувшись в валуны. Более десятка солдат спрыгнули с него, сразу же разбежались и распластались среди тактически рассредоточенных элементов штаба оперативной группы Хука.

– Э-э, друзья, так дело не пойдет, – пробормотал Фидо.

Он отправился к одному из них.

– Эй, солдаты, здесь расположение штаба бригады.

– Самолет, – отозвался солдат. – В укрытие!

Небольшой самолет-разведчик постепенно вырос из серебристой блестящей в различимый силуэт. Он шел вдоль дороги на малой высоте, поворачивал назад, уменьшался в размерах, снова вырастал; наконец летчик заметил стоявший среди деревьев грузовик и дал по нему очередь из пулемета, ударившую по земле в двадцати ярдах в стороне, сделал круг, набрал высоту и исчез в направлении моря в безмолвном лазурном небосводе.

Как только ударили первые пули, Гай и Фидо моментально растянулись на земле. Поднявшись, они широко улыбнулись друг другу, как соучастники недостойного проступка.

– А теперь давайте-ка убирайтесь отсюда, – обратился Фидо к солдатам с грузовика.

Ему никто не ответил.

– Кто командует группой? – крикнул Фидо. – Вы, сержант?

Парень, которому был адресован вопрос, угрюмо ответил:

– Не совсем так, сэр.

– Ладно, это не имеет значения. Принимайте на себя командование и немедленно уезжайте отсюда.

– Сейчас, при дневном свете, ехать невозможно. Над головой все время висят фрицы. Вот уже целую неделю так.

Из кустарника повсюду высывались головы, но ни один человек не вышел на дорогу. Сержант перебрал из-за спины свой ранец-рюкзак и извлек из него жестянку с галетами и банку мясных консервов. Вскрыв штыком консервы, он начал делить мясо на порции.

Фидо наблюдал за ним. Ему страшно хотелось есть. Ни Гай, ни оборванный, небритый сержант, ни сам Фидо, у которого от голода и недосыпания кружилась голова, ни кто-либо еще из Лежащих на благоухающем склоне горы не подозревал, что для Фидо наступил момент испытания. Он находился на распутье. Позади у него была жизнь, отмеченная незапятнанной службой, а теперь он стоял перед провербиальным выбором: крутая нелегкая дорога долга или манящая пропасть, сулящая утоление плотских желаний. Это было первое большое искушение в жизни Фидо, и он не устоял.

– Послушай, сержант, – сказал он изменившимся голосом, – у тебя не найдется лишней банки?

– Лишней нет. Эта последняя.

В их разговор так же учтиво вмешался еще один солдат с грузовика:

– А у вас закурить случайно не найдется, сэр?

Фидо вытащил из кармана портсигар, открыл его и пересчитал сигареты.

– Я смог бы выделить пару, – ответил он.

– Давайте четыре, тогда возьмете мое мясо. У меня с животом не все в порядке.

– Мясо и две галеты.

– Нет, галеты я могу есть и сам. А вот мясные консервы никогда мне не нравились.

– Одну галету.

– Пять сигарет.

Сделка состоялась. Фидо получил на руки цену своего позора – небольшой кусочек волокнистого жирного мяса и единственную галету. Не плядя на Гая, он отошел в сторону и скрылся за кустами, чтобы съесть добытое. Для этого потребовалась всего одна минута. Потом он возвратился в центр расположения своих групп и молча уселся с картой и своей запроданной душой.

«Тактическое рассредоточение» штаба оперативной группы Хука, претерпевшее изменения, вызванные дезертирством команды, отправленной за продовольствием, и нашествием различных посторонних элементов, выглядело как случайное скопление людей. Так называемую круговую оборону составляли четыре связиста с винтовками, выдвинутые в направлении четырех главных румбов компаса. Под их охраной среди кустарника и валунов расположились небольшие группы солдат. Начальник штаба в одиночестве сидел в центре. Гай – несколько поодаль. Тепло, распространяемое лучами утреннего солнца, действовало на всех успокаивающе.

К Гаю подошел его денщик с оловянной тарелкой в руках, на которой лежали холодные затвердевшие бобы, галеты и джем.

– Вот, сэр, это все, что удалось раздобыть, – сказал он.

– Великолепно. Откуда это взялось?

– Наше отделение, сэр. Мы пошарили на причале прошлой ночью.

Гай присоединился к своим солдатам, которые ели осторожно, таясь от взглядов непредусмотрительных писарей и связистов.

Солдаты весело приветствовали его. Это был их пикник, а Гай был их гостем. Распоряжаться личной добычей солдат в официальные обязанности Гая, разумеется, не входило.

– На ближайшее время я не предвижу никаких разведывательных заданий, – сказал он. – Самое разумное сейчас – это произвести рекогносцировку источников воды для питья. Вон там, в одной из лощин, по-моему, должен быть родник.

Сержант раздал всем по сигарете.

– Расходуйте их поаккуратнее, – посоветовал Гай. – Они могут пригодиться нам для обмена.

– Я достал у моряков десять жестянок, сэр, – успокоил его сержант.

Гай отправил двух солдат на поиски воды. Развернув свою карту, он поставил на ней условный значок, а в блокноте записал: «28.6.41 05:00 передовой эшелон штаба бригады развернут на тропе к западу от шоссе в квадрате 346208. 06:10 – самолет-разведчик противника». Неожиданно ему пришла и голову мысль: в это утро неопределенности и смятения он ведет себя почти так, как полагается настоящему алебардисту. Гаю вдруг захотелось, чтобы здесь появился и увидел его полковник Тиккеридж. И хотя Гай понимал, что это только мечта, именно в этот момент он действительно увидел полковника Тиккериджа. Вначале неразличимый – простое пятнышко на пустынной дороге, затем, по мере приближения, – два пятнышка. Как говорится в «Наставлении по применению стрелкового оружия»: «В шестистах ярдах голова кажется точкой, туловище – конусом; в трехстах ярдах лица неразличимы; в двухстах ярдах все части тела видны отчетливо». Большие усы своего прежнего командира Гай распознал безошибочно.

– Эй! – громко крикнул Гай, побежав вниз к дороге. – Полковник Тиккеридж! Сэр! Эй!

Оба алебардиста остановились. Они были выбриты так же чисто, как и Фидо. Все их снаряжение пригнано и на месте. Словом, все было так, как на ученье в Пенкирке.

– Дядюшка! Вот это да, будь я проклят! Что вы здесь делаете? Не состоите ли вы по счастливой случайности в штабе войск гарнизона Крита?

Времени для пространных разговоров не было. Они обменялись кое-какой важной информацией по обстановке. Второй батальон алебардистов выбыл из Греции, не произведя там ни одного выстрела, и в ожидании дальнейших приказов расположился на постой между Ретиной и Судой. Наконец полковника вызвали в штаб. Что касается хода боевых действий, то Тиккеридж был в полном неведении. Не слышал он и об исчезновении Бена Ритчи-Хука.

Майор Хаунд еще не настолько погряз в бесчестье, чтобы спокойно наблюдать, как младший офицер разговаривает со старшим, и не вмешаться в этот разговор. Он торопливо подошел и отдал честь.

– Вы ищете штаб войск гарнизона, сэр? Он должен находиться на обратном склоне. Я сам должен явиться туда в восемь часов.

– Меня тоже вызвали на восемь, но я иду сейчас, пока еще тихо. Ровно в восемь немцы начнут воевать. После перерыва на завтрак они будут действовать до захода солнца. Никогда не отклоняются от заведенного порядка. А что же делает генерал здесь в ближнем тылу? Кто такие эти разболтанные молодцы, которые встречаются буквально на каждом шагу? Что здесь вообще происходит?

– Говорят, теперь это называется *sauve qui peut*^[64], – ответил майор Хаунд.

– Не знаю такого выражения, – сурово проговорил полковник Тиккеридж.

Часы показывали двадцать минут восьмого.

– Ну, я спешу. Они, правда, никогда ни в кого не попадают своими проклятыми бомбами, но бомбежка действует мне на нервы.

– Мы тоже пойдем, – сказал Фидо.

На дороге, кроме них, никого не было. Люди, которые брели по ней всю ночь напролет, залегли теперь среди кустов, греясь на солнышке, борясь с надоедливymi колючками, вдыхая ароматный воздух, голодные, страдающие от жажды и грязные, ожидающие, когда долгий, полный опасностей день сменится новой утомительной ночью.

Точно в восемь в небе появились самолеты. Сопровождение у командующего только начиналось. В шалаше из одеял, веток и камуфляжных сеток вокруг генерала сидели на корточках более десятка офицеров. Те, кто побывал за последнее время под сильными бомбежками, сидели, вобрав голову в плечи, и при каждом

приближении самолета становились глухими ко всем другим звукам, хотя ни пули, ни бомбы вблизи шалаша не свистели.

– Джентльмены, к сожалению, я должен сообщить вам, – начал командующий войсками гарнизона Крита, – что принято решение оставить остров. – Он кратко ознакомил офицеров с выводами по обстановке. – Такая-то и такая-то бригады вынесли на себе основную тяжесть боев и серьезно потрепаны... В связи с этим я вывел их из боя и приказал отойти в пункты посадки на южном берегу.

«Это, наверное, как раз тот сброд, который мы видели прошлой ночью, – подумал Гай, – те солдаты со стертymi ногами, что дремлют сейчас в кустах...»

Далее генерал перешел к разъяснению подробностей действий арьергарда. Оперативная группа Хука и второй батальон алебардистов в данный момент были, по-видимому, единственными частями, способными вести боевые действия. Генерал указал рубежи, которые надлежало удерживать.

– Это оборона до последнего солдата и последнего патрона? – бодро спросил полковник Тиккеридж.

– Нет, нет. Запланированное отступление... Такая-то и такая-то части должны отходить в таком-то и таком-то направлениях... Такой-то и такой-то мосты должны быть взорваны после отхода последнего подразделения.

– Мне представляется, что на моих флангах не очень-то много войск, – заметил полковник Тиккеридж, когда генерал сказал последнее слово своего последнего распоряжения.

– О флангах нет нужды беспокоиться. Немцы никогда не ведут боевых действий в стороне от дорог.

В заключение генерал сказал:

– Следует признать, что тыловое обеспечение у нас в какой-то мере нарушено... В различных пунктах вдоль дороги будут созданы склады боеприпасов и продовольствия... Есть надежда, что авиация доставит сегодня вечером дополнительные запасы... Возможно, потребуется некоторая импровизация... Свой штаб я переведу сегодня вечером в Имброс... Движение в районе настоящего расположения штаба должно быть сведено к минимуму. Расходиться отсюда поодиночке, дабы не оставить после себя легко обнаруживаемой протоптанной дороги...

К девяти часам Гай и Фидо возвратились туда, откуда выбыли на совещание. На обратном пути им дважды пришлось укрываться в тот момент, когда самолет пролетал над самой головой. Один или два раза, когда они открыто шли по дороге, из кустов по обочинам до них донеслись укоряющие голоса: «Эй вы, пригнуться не можете, что ли?» Однако на большей части пути казалось, что на прилегающей к дороге местности нет ни души. Прибыв к себе в штаб, Фидо занялся переписыванием распоряжений генерала. Затем он поинтересовался:

– Гай, как ты думаешь, командиры подразделений явятся на совещание, которое я назначил?

– Нет.

– Если не явятся, сами будут виноваты. – Фидо безнадежно осмотрелся вокруг ищущим взглядом. – Никого не видно. Возьми-ка ты лучше грузовик и развези эти распоряжения лично.

– Куда?

– Вот сюда, – сказал начальник штаба бригады, указывая на пометки мелом на своей карте, – и сюда, и сюда. Или еще куда-нибудь, – добавил он с явным отчаянием.

– Старшина, где наш водитель?

Водителя нигде не оказалось. Никто не помнил, видели ли его в это утро. Он был не из частей командос, а прикомандированный из транспортного парка, находившегося на этом острове разбитых надежд.

– Что же, черт возьми, с ним могло случиться?

– Я прихожу к выводу, сэр, что, найдя невозможным уехать, он предпочел уйти пешком. С первого взгляда на него, сэр, у меня сложилось мнение, что он не рвется в бой, и, опасаясь потерять еще одну машину, я отобрал у него распределитель зажигания.

– Отлично, старшина!

– По вульгарному выражению австралийца, о котором я говорил вам, сэр, транспортные средства всякого рода – это золотосный песок.

Над ними появился бомбардировщик «Юнкерс-87», обнаружил грузовик незваных гостей, спикировал на него и сбросил три бомбы. Они упали на противоположную сторону дороги, среди невидимых отсюда дезертиров. После этого самолет потерял интерес к грузовику

и, стремительно взмыв вверх, скрылся в западном направлении. Гай, Фидо и Людович поднялись на ноги.

– Я должен сменить место расположения штаба, – сказал Фидо. – Они всякий раз обнаруживают этот проклятый грузовик.

– А почему бы просто не убрать его отсюда? – возразил Гай.

Людович, не дожидаясь приказаний, взобрался в автомашину, завел двигатель и, выбравшись задним ходом на дорогу, проехал по ней с полмили. Спрятавшиеся дезертиры вскочили, посылая ему вслед проклятия. Когда он возвратился пешком с канистрой бензина в каждой руке, появился еще один «Юнкерс-87», оказавшийся более удачливым, чем его предшественник: сброшенные им бомбы взорвались рядом с грузовиком и опрокинули его колесами вверх.

– Вот и накрылся твой дерьмовый транспорт, – бросил Людович сержанту из группы спрятавшихся дезертиров. У него была присущая лакеям манера изменять свою речь; сейчас он говорил грубым, простонародным языком. С майором же он заговорил прежним, сладким и мелодичным, голосом. – Не позволите ли мне, сэр, взять с собой пару солдат и отправиться вместе с капитаном Краучбеком? Мы смогли бы раздобыть где-нибудь продовольствие.

– Старшина, – спросил его Гай, – вы, случайно, не подозреваете меня в намерении удрать на нашем грузовике?

– Ни в коем случае, сэр, – с напускной скромностью ответил Людович.

– Нет... Да... – нерешительно пробормотал Фидо. – Ладно, поступайте, как считаете нужным. Только сделайте что-нибудь, ради бога.

Среди солдат своего отделения Гай отыскал добровольца-водителя, и вскоре они – Гай в кабине, Людович с двумя солдатами в кузове – отправились по дороге, по которой ехали ночью.

На море и суше стояла тишина, как будто там никого не было, и лишь в воздухе жизнь била ключом. Однако в данный момент никакого интереса к грузовикам противник почему-то не проявлял. Самолеты больше не атаковали любой обнаруженный объект. Вместо этого, придерживаясь какой-то схемы, они, как насекомые, деловито сновали в миле или более от холмов, поднимавшихся к югу от гавани. Появляясь со стороны моря с пятиминутным интервалом, неизменно следуя определенным курсом, они разворачивались, пикировали,

сбрасывали бомбы, обстреливали что-то из пулеметов, снова разворачивались, снова пикировали, бомбили, обстреливали, и так три раза каждый, действуя в одной и той же последовательности. Затем они скрывались в направлении моря и своей базы на материке. Пока самолеты выполняли этот ритуал, Гай и его спутники беспрепятственно катили на грузовике по своим делам.

Вытоптаннные сады, разрушенные и брошенные обитателями виллы сменились вытянувшимися вдоль дороги узкими террасами, которые в окрестностях Суды вновь сменились виллами.

– Остановитесь-ка на минутку, – приказал Гай. – Здесь где-то должен быть отряд командос «Икс».

Он посмотрел на карту, сличил ее с окружающей местностью. Слева стояла церковь с куполообразной крышей, окруженная оливковыми деревьями – некоторые деревья были расщеплены и обгорели, но большая часть их уцелела и пышно цвела, напомнив Гаю Санта-Дульчину.

– Должно быть, где-то здесь. Заезжайте в укрытие и ждите меня.

Гай вышел из кабины и направился в оливковую рощицу. Он обнаружил, что она вся изрыта окопами, а окопы забиты солдатами. Они сидели съезжившись, полусонные, и лишь немногие поднимали голову вверх, когда Гай обращался к ним с вопросами. Иногда тот или другой из них отвечал ему вполголоса, вялым гоном, ставшим теперь характерным для личного состава гарнизона Крита: «Ради бога, пригнитесь. Разве вам не понятно, что надо укрыться?» Это были писари и санитары, солдаты из частей аэродромного обслуживания, ходячие раненые, солдаты из службы снабжения и транспорта, связисты, танковые экипажи без танков, артиллеристы без пушек. В некоторых местах лежали убитые. К отряду командос «Икс» никто из них не имел никакого отношения.

Гай вернулся к грузовику.

– Поезжайте медленно вперед. Наблюдайте за дорогой. Они наверняка выставили часового.

На дороге впереди них неожиданно появился мотоциклист. Резко затормозив, он остановился перед грузовиком. На мотоциклисте было серое обмундирование и плотно прилегающий к голове шлем. Мотоциклист озадаченно посмотрел на Гая мальчишечьими глазами

сквозь стекла защитных очков, затем поспешно развернулся и умчался в обратном направлении.

– Как по-вашему, – обратился Гай к водителю, – кто это был?

– Похоже, немец, сэр.

– Мы заехали слишком далеко. Поворачивайте обратно.

Они беспрепятственно развернулись и помчались назад. Отъехав с полмили. Гай сказал:

– Надо было бы пристрелить этого человека.

– Он не дал нам даже опомниться и улизнул, сэр.

– А он должен был бы пристрелить нас.

– Мы появились перед ним так же неожиданно, как и он перед нами, сэр. Никогда не подумал бы, что мы увидим немца так близко.

Некоторым утешением для Гая было то, что Людович не мог видеть мотоциклиста.

– Дезертиры в этом бою, кажется, оказались впереди линии фронта, – заметил Гай.

Следуя в обратном направлении, они доехали до Суды и остановились у складов недалеко от порта. Большая часть складов сгорела, однако в дальнем конце складского двора виднелись штабеля канистр с бензином и немного сваленного в кучу продовольствия, охраняемого Двумя греческими солдатами. Греки дружелюбно поприветствовали своих нестойких союзников. Среди запасов продовольствия было вино; вокруг валялось много пустых бутылок.

– А ну-ка, ребята, за дело! – скомандовал Гай.

Людович осмотрел запасы. Здесь были брикеты спрессованного сена, мешки с рисом, макаронами, сахаром и кофе, какая-то сушеная, но вонючая рыба, огромные классические амфоры с растительным маслом. Это были явно не армейские запасы, а остатки продовольственного склада, принадлежавшего какому-то частному предпринимателю. Людович отобрал сыр, два ящика вафель для мороженого и ящик сардин. Лишь эти продукты и вино можно было употреблять, не прибегая к разведению огня.

Потом они не спеша двинулись в обратный путь. На невидимую цель в горах по-прежнему пикировали самолеты. Греческие солдаты улеглись спать.

Солнце уже поднялось высоко и сильно припекало. Когда грузовик Гая доехал до того места, где дорога сворачивала в глубь

острова, непрерывные налеты бомбардировщиков прекратились. Последний самолет уменьшился до размеров букашки и растаял в небесной дали. Вокруг воцарилась тишина, ощущавшаяся даже в дребезжащей кабине водителя. На обочинах дороги, как по команде, появились потягивавшиеся и разминавшие ноги солдаты. У немцев начался перерыв на второй завтрак.

– Похоже, вон они, наши ребята! – воскликнул водитель, показывая на двух солдат, стоявших на обочине с противотанковым ружьем.

Наконец-то они нашли оперативную группу Хука. Ее воины засели попеременно с дезертирами в узких траншеях, отрытых в обширном винограднике. Кругом – старые, искривленные, несимметрично разбросанные виноградные кусты, усыпанные только что завязавшимися мелкими зелеными ягодами. Все командиры отрядов сидели в тени навеса для повозок. Здесь были командиры первого и третьего отрядов, отряда «Икс», а также майор из второго отряда, прибывший на эскадренном миноносце прошлой ночью.

Гай приблизился и отдал честь:

– Доброе утро, сэр. Доброе утро, сэр. Доброе утро, Тони.

Со времени повышения Томми в должности отрядом «Икс» командовал офицер Колдстримского гвардейского полка Тони Лаксмор, мрачный, неприветливый молодой человек, которому всегда везло в карты. Он ответил на приветствие Гая раздраженным вопросом:

– Где ты пропадаешь, черт возьми? Мы только что таскались по жаре до штаба бригады и обратно, разыскивая тебя.

– Разыскивая меня, Тони?

– Разыскивая распоряжения. Что случилось с твоим начальником штаба? Мы разбудили его, но не могли добиться от него ничего вразумительного. Он твердил только, что все уже спланировано и что распоряжения доставляются офицером.

– Он голоден.

– А кто не голоден?

– Он совсем не спал.

– А кто спал?.

– У нас был тяжелый переход морем. Как бы там ни было, вот они, ваши распоряжения.

Тони Лаксмор взял исписанные карандашом листки, и, пока он вместе с другими командирами отрядов изучал их, Гай подошел к колодцу и наполнил фляжку водой. Вокруг дворовых строений цвели ладанник и жасмин, но в воздухе стоял кислый запах, исходящий от давно не мывшихся людей.

– Это вздор! – воскликнул командир первого отряда командос, познакомившись с распоряжениями.

Гай попытался растолковать ему замысел планового отхода, но Гаю ответили, что не далее как утром этого дня части оперативной группы Хука произвели перегруппировки по своей инициативе. Полный состав сохранился только в отряде командос «Икс». Распоряжения были откорректированы. Гай сделал пометки в своей записной книжке и на карте, испытывая при этом немалое удовольствие оттого, что пунктуально соблюдал установленную процедуру. Затем, сам смертельно уставший, он покинул изнывающих от усталости людей и возвратился к остаткам своего штаба. По прибытии он улегся спать. Людович тоже спал. И лишь сбитый с толку майор Хаунд не смыкал своих пронизательных глаз, озадаченно озираясь по сторонам.

Долго спать не пришлось. Ровно в два часа послышались приглушенный гул моторов и зловещие крики, подхваченные на всем склоне горы.

– Самолеты! В укрытия! В укрытия! В укрытия!

Майор Хаунд внезапно оживился:

– Накрывать все металлические предметы! Убрать все карты! Спрятать колени! Закрывать лицо! Не смотреть вверх!

«Юнкеры» шли строем. На вторую половину дня у них был другой план действий. Ниже расположения штаба оперативной группы Хука раскинулось тучное, круглой формы поле молодой кукурузы, какие иногда попадаются в горах Средиземноморья. Это зеленое пятно летчики избрали в качестве ориентира. Каждый самолет, следуя на малой высоте, выходил строго на него, разворачивался на восток и летел до линии, проходящей в миле от дороги, сбрасывал бомбы, обстреливал цель из пулемета, снова разворачивался и направлялся к морю. Это были такие же действия, какие Гай наблюдал утром, но с другой стороны дороги. Самолеты атаковали цель в непрерывной последовательности, один за другим.

– Зачем все-таки они делают это? – поинтересовался Гай.

– Ради бога, замолчи, – прошипел Фидо.

– Но у них же нет никакой возможности услышать нас.

– Ой да замолчи же ты наконец!

– Послушайте, Фидо, а что, если установить пулемет «брен» на треногу? Мы не промахнулись бы.

– Не шевелиться! – глухо воскликнул Фидо. – Я запрещаю тебе двигаться.

– А я скажу вам, зачем они это делают. Расчищают путь своей пехоте, чтобы обойти наши фланги.

– Ох да заткнись же ты!

Все проснулись, но продолжали лежать недвижимо, молча, будто загипнотизированные этой монотонной процессией, действующей с четкостью хорошо отрегулированного механизма:

Час за часом с глухим гулом взрывались бомбы. Когда съезжившимся от страха и оцепеневшим людям эта непрерывно налетающая вереница самолетов стала казаться бесконечной, она неожиданно оборвалась. Приглушенный гул последнего самолета постепенно растаял в тишине, и склон горы снова ожил. Солдаты принялись зашнуровывать ботинки и собирать сохранившееся снаряжение. Дезертиры, укрывавшиеся в расположении штаба, потихоньку спустились на дорогу. Фидо наконец осмелился поднять голову кверху.

– Я думаю, – произнес он, – мы просто повисли в воздухе без тылового эшелона штаба.

– Правильно, ведь у нас нет командира бригады. Мне совершенно непонятно в связи с этим, зачем вам нужен первый эшелон штаба.

– Правильно, – согласился Фидо, – мне тоже непонятно.

Теперь он окончательно поджал хвост и превратился в дичь, на которую разрешено охотиться.

Гай отошел подальше и отыскал место, где было меньше колючек. Раскинувшись на спине, он стал смотреть в небо. Солнце еще не зашло, но в безоблачном небе над ними уже плыл месяц – четко выделявшийся бело-матовый тонкий серп, будто нанесенный легкими мазками на ободке затененного диска. До слуха Гай донеслись какие-то звуки, поблизости кто-то задвигался, но в тот же момент он уснул крепким сном.

Когда Гай пробудился, месяц поднялся высоко к звездам, Фидо, громко сопя, теребил Гая:

- Послушай, который час?
- Ради бога, Фидо, неужели у вас нет часов?
- Должно быть, я забыл завести их.
- Половина десятого.
- Только-то! Я думал, значительно больше.
- Как видите, нет. Вы не возражаете, если я снова засну?
- Людович удрал вместе с грузовиком.
- А зачем же нужно было будить меня?
- Больше того – он забрал с собой моего денщика.

Гай снова уснул, но проспал, как ему показалось, недолго. Проснулся оттого, что его опять теребил Фидо.

- Послушай, Гай, который час?
- Но разве вы не завели свои часы, когда спросили меня прошлый раз?

– Наверное, нет. Видимо, почему-то забыл. Они тикают, но показывают семь тридцать.

- Сейчас четверть одиннадцатого.
- Людович еще не вернулся.

Гай перевернулся на другой бок и снова заснул, но спал теперь более чутко. Он то и дело просыпался и ворочался. Время от времени с дороги до его слуха доносился шум проезжавших грузовиков. Несколько позднее где-то поблизости раздались звуки ружейной стрельбы, после которой заглох шум работавшего двигателя мотоцикла. Затем послышался громкий, возбужденный разговор. Гай взглянул на часы – ровно полночь. Ему еще хотелось спать, но рядом с ним стоял Фидо и громко кричал:

- Штабу бригады построиться на дороге! Пошевеливайся!
- Ради бога, что произошло? – спросил Гай.
- Не отвлекай меня вопросами. Поторапливайся!

Штаб оперативной группы Хука состоял теперь из восьми человек. Фидо осмотрел их при свете звезд.

- Где все остальные?
- Уехали со старшиной, сэр.
- Больше мы их не увидим, – с горечью произнес Фидо. – Вперед!

Но отправились они не вперед, а назад, в долгий обратный путь. Впереди, не замечая ухабов на дороге, энергично шагал Фидо. Сначала Гай был слишком ошеломлен, чтобы думать о чем-либо другом, кроме необходимости поспевать за Фидо. Позднее, пройдя около мили, он попытался заговорить:

– Что же все-таки произошло?

– Противник. Вокруг нас противник. Подходит к дороге с обоих флангов.

– Почему вы так думаете?

– Командос ведут бой. В долине.

Гай не стал больше задавать никаких вопросов. Ему едва хватало сил поспевать за Фидо. Сон не освежил его. За последние двадцать четыре часа все они измотались и ослабли, а он был на десять лет старше большинства других. Устремив взгляд прямо вперед, в изменчиво мерцающие звезды, Фидо мобилизовал на марш все свои силы. Молодая луна зашла. Они шли медленнее, чем идут походным маршем, но быстрее всех, кто в эту ночь шагал по дороге. Они обгоняли призрачные, как тени, медленно ковылявшие пары и сохранившие некое подобие строя подразделения, еле тащившиеся все в том же паническом отходе; они оставляли позади себя и крестьян, шедших, ведя на поводу ослов. После приблизительно часового марша Гай спросил:

– Фидо, где мы собираемся остановиться?

– Не здесь. До наступления рассвета мы должны уйти как можно дальше.

Они шли через безлюдную деревню.

– Не остановиться ли нам здесь?

– Нет. Заманчивая для противника цель. Надо торопиться.

Солдаты начали отставать.

– Надо передохнуть хоть десять минут, – снова предложил Гай. – Пусть солдаты догонят нас.

– Только не здесь. Никакого укрытия.

– Дорога в этом месте вилась вокруг холма, по обеим ее сторонам было много крутых склонов.

– Если мы остановимся, то уже не выберемся отсюда затемно, – добавил Фидо.

– В какой-то мере вы правы, Фидо, но стоит ли так волноваться?

Однако Фидо считал, что стоит. Он вел их все дальше и дальше. Тащась все медленнее, напрягая последние силы, они оставили за собой еще одну покинутую жителями деревню; по сторонам дороги появились деревья, а за ними – признаки открытой местности. Было около четырех часов.

– Ради бога, Фидо, давайте остановимся здесь.

– У нас впереди еще целый час темного времени. Мы должны идти, пока можем.

– Я больше не могу. Я со своим отделением останавлиюсь здесь.

Фидо не протестовал. Он резко свернул с дороги и уселся под какими-то деревьями, видимо фруктовыми. Гай ждал на дороге, пока не подошли один за другим отставшие солдаты.

– Мы развернем штаб здесь, – сказал Фидо неожиданно.

Гай улегся и уснул беспокойным сном.

Фидо не удалось уснуть до рассвета; обхватив колени, никем и ничем не тревожимый в ночной тиши, он предался мечтам и размышлениям. Он оказался среди негодяев. Обдумав очевидное предательство Людовича, подозреваемую измену своего заместителя по тылу и начальника, связи, Фидо начал формулировать обвинительное заключение для предания их военному суду. Он взвесил возможности учинить когда-нибудь такой суд и свод способности выступить на этом суде с показаниями. Поразмыслив, Фидо решил, что ни теми, ни другими он не располагает... Вскоре вошло солнце, и путники, которых стало теперь значительно меньше, разошлись по укрытиям. Фидо задремал.

Проснувшись, он увидел странное зрелище. Ближайший участок дороги был забит толпой обросших волосами людей – не просто небритых, а с длинными бородами и красивыми копнами густых черных волос. Их было не менее батальона. Они размахивали флагами, рубахами и лоскутами полотна на палках; некоторые растянули над собой целые простыни. Одеты они были во что попало. Гай Краучбек разговаривал с их вожаком на иностранном языке.

Фидо высунул голову из-за шпалерника и крикнул:

– Гай, Гай, кто это?

Краучбек продолжал разговаривать. Вскоре он вернулся улыбаясь.

– Пленные итальянцы, – объяснил он. – Невезучая команда. Несколько недель назад на албанской границе они сдались грекам в

плен. С тех пор их гоняли с места на место, пока им не удалось затеряться в массе отступавших войск и добраться сюда. Теперь им говорят, чтобы шли служить немцам, и они полны негодования потому, что мы не отправляем их в Египет. У них за старшего очень энергичный доктор. Он утверждает, что это противоречит международной конвенции – освободить нераненых пленных до окончания военных действий. Кроме того, он почему-то утверждает, что на острове полно разъяренных австралийцев, которые зверски расправятся с ними, если они попадутся им. Он требовал вооруженной охраны.

Фидо это нисколько не развеселило. Он только сказал:

– Я не знаю никакой международной конвенции, которая предписывала бы такие действия.

Через пару лет войны слово «освобождение» приобретет зловещий смысл. Для Гая этот случай оказался первым знакомством с его современным значением.

Пленные итальянцы, шаркая ногами, уныло потащились дальше и еще не скрылись из виду, когда первый же появившийся в этот день самолет с оглушительным ревом спикировал на них. Некоторые остались на месте и замахали своими белыми флагами, другие разбежались во все стороны. Последние оказались умнее. Немецкий летчик прострочил толпу пулеметной очередью – несколько человек упали; когда на втором заходе летчик снова открыл огонь, разбежались и остальные.

– Австралийцы *в самом деле* перебьют их, если они не перестанут привлекать внимание, – заметил Гай.

С оглушительным ревом немецкий самолет улетел искать другие цели. Разгневанный доктор возвратился на дорогу и осмотрел упавших. Он громко попросил помощи, и вскоре к нему присоединились два итальянца и англичанин. Они перенесли раненых и умирающих в тень. Белые флаги, на которые никто не обратил внимания, остались на пыльной дороге.

Гай присел рядом с Фидо.

– За ночь мы прошли длинный путь.

– Вероятно, не менее двенадцати миль. Надо разыскать командующего войсками гарнизона и доложить ему.

– Доложить о чем? – спросил Гай. – А вы не думаете, что нам лучше было бы узнать, что происходит в действительности.

– А как мы можем сделать это?

– Я могу пойти и выяснить.

– Хорошо. А ты вчера съел весь свой паек? Я съел весь.

– Я тоже. К тому же меня страшно мучает жажда.

– Может быть, в той деревне, которую мы прошли, найдется кое-что поесть: яйца или еще что-нибудь. Кажется, я слышал, как пропел петух. Почему бы тебе не взять с собой нескольких солдат и не отправить их обратно с тем, что удастся найти?

– Я предпочел бы пойти один.

Фидо не осмелился приказать Гаю взять с собой реквизиционную команду.

Гай оставил Фидо с одним писарем, тремя связистами и отделением разведки. Ни о какой реальной возможности ортодоксального тактического использования таких сил не могло быть и речи, поэтому солдаты разбежались и улеглись спать. Фидо посмотрел вокруг. Недалеко от него ровная местность переходила в овраг, на дне которого виднелась лужа застоявшейся воды. Два или три солдата – не из его подчиненных – мыли в ней ноги. Фидо присоединился к ним, окунув ноги в охладившуюся за ночь стоячую воду.

– Я не стал бы пить это, – заметил он солдату, жадно плотавшему воду прямо из лужи неподалеку от него.

– Ничего не поделаешь, приятель. Выбросил свою фляжку вчера, когда она опустела. Много еще осталось?

– До Сфакии? Не более двенадцати миль, по-моему.

– Не так уж далеко.

– На пути туда придется преодолеть довольно большой подъем.

Солдат внимательно осмотрел свои ботинки.

– Думаю, выдержат, – сказал он. – Если выдержат они, то и я смогу.

Фидо дал ногам просохнуть. Он выбросил снятые носки и надел чистые, хранившиеся в ранце-рюкзаке. Затем осмотрел свои ботинки: с ними ничего плохого, кажется, не произошло, они продержатся еще несколько недель. Но продержится ли сам Фидо? У него кружилась голова, он ощущал вялость. Любое движение требовало больших

усилий и напряжения воли. Он огляделся и увидел в нескольких шагах от себя проходящую под дорогой водопропускную трубу; через нее во время дождей бежал ручеек, остатком которого и была эта грязная лужа. Труба оказалась широкой, чистой, в данный момент сухой и страшно соблазнительной. С ботинками в руках Фидо побрел в чистых носках к ее концу. Заглянув в трубу, в дальнем конце ее он увидел заключенную в круглую рамку очаровательную картину далекой серовато-зелено-коричневой долины; между ним и этой картиной были мрак и пустота. Фидо залез в трубу. Он добрался до середины, и яркие ландшафты в обоих концах трубы сделались примерно одинакового размера. Фидо снял с себя снаряжение и положил его рядом. Кривизна дренажной трубы оказалась удивительно удобной для его ноющей от усталости спины; уподобившись загнанной лисе или, скорее, маршалу авиации, забравшемуся под бильярдный стол, он свернулся комочком и впал в полную апатию.

Ничто не беспокоило его. Немцы в тот день были заняты высадкой подкреплений и поиском спасательных судов. Здесь же, в трубе, не было ни бомб, ни пулеметных очередей. Остатки оперативной группы Хука скатывались вниз на равнину по дороге, проходившей над его головой, но Фидо ничего этого не слышал. В его жалкое убежище не проникал ни малейший звук, и в этом безмолвии его терзали две насущные потребности – в пище и в приказах. Он должен иметь то и другое или погибнуть.

День тянулся нестерпимо медленно. Ближе к вечеру Фидо охватило невыносимое беспокойство; надеясь ослабить чувство голода, он закурил свою последнюю сигарету и, медленно и жадно затягиваясь, курил ее до тех пор, пока горящий окурок не стал жечь кончики пальцев. Наконец он решил сделать последнюю затяжку, но в этот момент табачный дым коснулся какого-то чувствительного нерва в диафрагме, и Фидо стал икать. В его стесненном положении спазмы были мучительными. Он попытался вытянуться во весь рост, но это не помогло, и в конце концов ему пришлось выползти на свежий воздух. Несмотря на возбуждение, он двигался медленно и сосредоточенно, как при замедленной съемке; наконец он вскарабкался вверх по откосу и уселся на дорожной насыпи. Мимо устало тащились

возобновившие свой марш солдаты, одни – уткнувшись глазами под ноги, другие – вперив взгляд в горы.

Стоял тот вечерний час, когда молочный серп луны становится резко очерченным и ярким. Фидо ничего этого не замечал. Регулярно повторявшиеся приступы икоты застигали его врасплох и тут же забывались; между приступами икоты его сознание оставалось подавленным и опустошенным, взгляд – бессмысленным и затуманенным; в ушах непрерывно стоял слабый, но назойливый звон, будто стрекотали далекие кузнечики.

Наконец окружающий мир вторгся в его сознание. К нему приближалась автомашина. Она двигалась медленно и, когда Фидо встал на дороге, размахивая руками, остановилась. Это был небольшой, потрепанный спортивный автомобиль, который в свое время, несомненно, являлся гордостью какого-нибудь представителя критянской золотой молодежи. На заднем сиденье, поддерживаемый коленопреклоненным ординарцем, словно в пародии на сцену смерти в оперном театре, развалился запыленный и окровавленный офицер-новозеландец. Впереди сидел бригадир-новозеландец, а за рулем – молодой офицер, оба усталые и изможденные. Бригадир открыл глаза и пробормотал:

– Поезжай. Чего остановился?

– Мне надо добраться до штаба войск гарнизона острова, – сказал Фидо.

– Нет места. Мой начальник штаба очень плох. Я должен доставить его на перевязочный пункт.

– Я начальник штаба бригады. Оперативная группа Хука. Должен срочно доложить лично командующему войсками гарнизона.

Бригадир заморгал, скосил глаза на Фидо, собрался с мыслями.

– Группа Хука? – медленно переспросил он. – Группа Хука? Это вы выделяете арьергард?

– Да, сэр. Я уверен, командующий войсками гарнизона с нетерпением ждет моего доклада.

– Тогда другое дело, – проворчал бригадир. – Это, пожалуй, дает вам приоритет. Вылезай, Джайлз. Сожалею, но отсюда тебе придется идти пешком.

Изможденный молодой офицер ничего не сказал. Вид у него был ужасный. Он выбрался из машины, и бригадир занял его место за

рулем. Прислонившись к нагретой за день каменной стене, молодой офицер грустно посмотрел вслед автомобилю, медленно удалявшемуся в сторону гор.

Некоторое время все молчали, исключая раненого, который бредил, бормоча что-то невнятное. Под влиянием усталости бригадир пришел в состояние, напоминавшее старческий маразм, в котором коматозные периоды чередовались с приступами острой раздражительности. В данный момент усилия, израсходованные на принятие решения, совершенно истощили его. В его мозгу продолжал функционировать лишь крохотный участок, и с его помощью он управлял рулем, тормозил, переключал скорости. Дорога была извилистой, темнота ночи сгущалась все больше и больше.

Фидо, чувствуя себя как в кровати, еще не совсем проснувшись и не решившись встать, вспоминал кошмарный переход предыдущей ночью, когда он измерял каждую бесконечно тянущуюся милю волдырями на ногах, потом, голодом, жаждой и усталостью. Сейчас он преодолевал эти мили, не прилагая никаких усилий, обгоняя по пути оборванных солдат, прошедших мимо него, когда он сидел на дорожной насыпи. Ежеминутно к нему возвращалась икота.

Бригадир вдруг взорвался:

– Да заткнись же ты наконец!

– Сэр?

– Сам дьявол не справится с машиной, если не прекратятся эти идиотские звуки!

– Прошу прощения, сэр.

Другой начальник штаба продолжал твердить в бреду:

– Где донесения от частей? Почему нет донесений?

Бригадир снова умолк. Казалось, его сознание то прояснялось, то затемнялось, как проблесковый огонь маяка. По прошествии некоторого времени он неожиданно изрек:

– Ну и арьергард, нечего сказать! Нас захватили врасплох, мы даже штанов натянуть не успели. Даже не позавтракали еще, а эти мерзавцы тут как тут, накрыли нас из этих чертовых минометов. Вот Чарли и схлопотал себе осколок в бок. Где же был ваш треклятый арьергард? Что у вас там происходит?

Фидо очнулся от блаженной дремоты. Он выпалил первое, что пришло в голову:

– Неустойчивая обстановка! Обошли с флангов, просочились, – пролепетал он и икнул. – Действия патрулей... Поиски разведчиков... Прорыв превосходящими силами... Элемент внезапности... Координированный отход...

Бригадир не стал слушать.

– Э-э, – перебил он его, – короче говоря...

Две мили в царстве грез. Затем:

– А что именно вы собираетесь докладывать генералу?

– Оперсводку, – ответил Фидо односложно, – на каждый час. Распоряжения, – продолжал он, – получить распоряжения. Информацию. Намерения. *Тактику!* – неожиданно воскликнул он.

– Совершенно верно, – успокоился бригадир. – Совершенно верно.

Он низко склонился над рулем, впяльдяваясь в темноту. Теперь они преодолевали крутой подъем; дорога петляла по кромке крутого обрыва; повсюду, едва переставляя ноги, плелись группы мрачных солдат. Лишь благодаря какому-то странному стечению обстоятельств, благодаря необыкновенному везению бригадиру удавалось вести машину, не сшибая с ног спящих на ходу, усталых путников.

Фидо показалось, что все неприятности остались позади, но бригадир заговорил снова, и в его голосе зазвучала неприкрытая злоба.

– Убирайся вон, мерзавец! – хрипло приказал он.

– Сэр?

– Кто ты такой, черт возьми, что занял место Джайлза? Он один стоит шестерых таких, как ты. Слезай, мерзавец, и топай на своих двоих.

– Я, сэр?

– Ты мерзавец! Скажешь, нет?

– Нет, сэр! – От неожиданности у Фидо даже икота прекратилась.

– Да? – Бригадир, казалось, был обескуражен этим опровержением. – Я ошибся. Виноват. И все-таки катись к чертовой матери и топай пешком. Все равно ты мерзавец!

Однако бригадир не остановил машину и вскоре начал насвистывать что-то сквозь зубы. Фидо задремал. Так они доехали до вершины перевала, где неожиданно сильный толчок привел Фидо в

сознание. Их машина наткнулась на что-то большое, черное и твердое.

– Что за дьявольщина? – удивился бригадир.

Они ехали недостаточно быстро, чтобы разбить свою машину о неожиданное препятствие. Клаксон, по крайней мере, работал, и бригадир попытался пробить дорогу с помощью его неприятных звуков.

– Эй ты, заткнись! – послышался не очень гневный протест из темноты.

– Какого черта они остановились? Пойдите и заставьте их пошевелиться.

Фидо послушно вылез из машины и на ощупь обошел вокруг остановившего их препятствия. Им оказался пустой грузовик. Перед ним стоял еще один, а там еще и еще... Продвигаясь ощупью вперед, Фидо обнаружил, что попал в поток людей, с трудом взбирающихся с дороги вверх по неровному склону горы. Он разглядел, что с горы на дорогу обрушилась огромная скала; исковеркав покрытие дороги, основная масса скалы скатилась по крутому откосу, оставив после себя опасное нагромождение осыпающихся камней и обломков. За этой преградой дорога начинала спускаться вниз. Какой-то офицер сталкивал в обрыв камни и призывал людей на помощь.

– Мне нужны люди для расчистки завала! Надо освободить дорогу. Требуются добровольцы!

Никто не обращал на него внимания.

Остановившись, Фидо спросил:

– Что здесь случилось? Это бомбой?

– Саперы. Взорвали дорогу без приказа и смотались. Я бы всех их упек под военный суд, будь это последнее, что мне осталось сделать на этом свете, даже если бы мне пришлось в ожидании этого просидеть всю проклятую войну в тюрьме. Я еще дознаюсь, какие подлецы сделали это. Ради бога, помогите мне.

– Вам не справиться с этим, – сказал Фидо.

– Я обязан. По дороге должны пройти пять тысяч человек.

– Я доложу об этом, – предложил Фидо. – Я направляюсь в штаб и позабочусь, чтобы генерал узнал об этом лично.

– Лучше бы вы остались и помогли.

– Обязан спешить, – уклонился Фидо.

Напрягая все силы, Фидо перебрался через оползень и спустился по дороге на равнину, которая вела к морю. Продвигаясь вперед, он выкинул из памяти и обезумевшего от гнева, всеми брошенного офицера, старавшегося отремонтировать дорогу, и раздражительного бригадира-новозеландца, и умирающего майора. Его сознание свернулось калачиком и уснуло; мерно качающееся из стороны в сторону тело на онемевших ногах с каждым шагом продвигалось вперед, все ближе и ближе к морю.

Штаб войск гарнизона острова Крит разместился в нескольких пещерах. Фидо разыскал их вскоре после полуночи. Здесь царили строгий порядок и военная дисциплина. Его окликнул часовой и, услышав, кто он такой, указал, куда идти дальше. Проходя по узкой козьей тропе, Фидо задержался, как пьяница, собирающийся с духом перед тем, как войти в общество трезвых. Теперь, когда его утомительные поиски наконец увенчались успехом, ему пришло в голову, что, собственно, докладывать-то не о чем, спрашивать нечего и что у него вообще нет никаких оснований находиться здесь. Его вел инстинкт, стремление отыскать хозяина. Он не принес в пасти искупительную крысу, оправдывающую его отлучку, – стало быть, оказался дрянным псом; он действовал на свой страх и риск и вывалялся в чем-то гадком. Ему хотелось вилять хвостом и лизать секущую руку.

Но это ничего не дало бы. Постепенно в погруженном в дремоту сознании Фидо ожили человеческие качества, как с исчезновением последнего самолета оживали горные склоны Крита.

Широкие входы в пещеры были беспорядочно завалены камнями и занавешены одеялами. Он заглянул в первую пещеру и обнаружил там отделение связистов, сидевших вокруг фонаря «летучая мышь» и переносной радиостанции и безуспешно вызывавших Каир. В следующей пещере было темно. Фидо посветил карманным фонариком и увидел шестерых спящих вповалку солдат, а позади них, на выступе скалы, – знакомого вида жестяную коробку. Осторожно и, как ему казалось, очень мужественно Фидо прокрался к жестянке и стащил шесть галет – все, что в ней было. С наслаждением он съел их при свете звезд и смахнул крошки с губ. После этого Фидо вошел в пещеру, занятую командующим войсками гарнизона острова.

Свод пещеры был слишком низок, чтобы позволить Фидо вытянуться по стойке «смирно». Он больно ударился головой, согнулся и отдал честь пыли под ногами.

Вожди побежденного племени сидели на корточках плотной кучкой, как шимпанзе в клетке. Верховный вождь, по-видимому, узнал Фидо.

– Входите, – милостиво разрешил он. – Ну как, все идет хорошо?

– Так точно, сэр! – выпалил с отчаянием Фидо.

– Контрольные пункты функционируют удовлетворительно? Очередность посадки соблюдается как установлено, а?

– Я прибыл из оперативной группы Хука, сэр.

– О, а я подумал, что вы из района посадки войск на суда. Меня интересует донесение из района посадки.

В беседу вступил начальник оперативно-разведывательной части штаба войск гарнизона:

– Три часа назад мы получили оперативную сводку от алебардистов. Как вам известно, они удерживают фронт у Бабали-Инн и отойдут через ваши боевые порядки до рассвета. Все ли ваши люди находятся на назначенным позициях?

– Да, сэр, – соврал Фидо.

– Хорошо. Сегодня вечером флот доставил запасы снабжения. Они складированы на подходах к Сфакии. Заместитель генерал-квартирмейстера выдаст вам письменное распоряжение о выдаче продовольствия. Вы должны запастись им поосновательнее, чтобы продержаться, пока немцы не примут на себя заботы о вашем питании.

– Но разве *нас* не эвакуируют, сэр?

– Нет, – ответил генерал. – Нет. Боюсь, что это будет невозможно. Кто-то должен остаться, чтобы прикрыть отходящих последними. Оперативная группа Хука прибыла сюда последней, поэтому боюсь, что остаться придется вам. Сожалею, но ничего не поделаешь.

Кто-то из штабистов спросил:

– Как у вас с деньгами?

– Сэр?

– Некоторые из вас, возможно, смогут самостоятельно добраться до Александрии небольшими группами. Купите лодки на побережье. Их называют здесь «каики». Вам понадобятся драхмы. – Он открыл

небольшой чемодан и, показав содержимое, которое могло сойти за трофеи ограбления банка, сказал: – Пожалуйста, берите сами сколько надо.

Фидо взял две толстые пачки банкнот достоинством в тысячу драхм.

– Запомните, – продолжал офицер штаба, – откуда бы противник ни высунулся, надо дать ему хорошенько по морде.

– Да, сэр.

– Вы уверены, что взяли драхм достаточно?

– Да, сэр, я полагаю, достаточно.

– Ну что ж, желаю удачи.

– Желаю удачи. Желаю удачи, – эхом повторили вожди племени, когда Фидо отдал честь носкам своих ботинок и вышел на воздух.

Миновав часового, он оставил позади мир, в котором царили строгий порядок и военная дисциплина, и снова очутился в пустыне, предоставленный самому себе. Где-то недалеко от него, на расстоянии, легко преодолимом пешим ходом, находились море и военно-морской флот. Ему же можно было идти только в обратном направлении, под гору. Батарейки его фонарика сели. Он светил себе под ноги лишь короткими вспышками, но даже они вызывали возгласы возмущения, доносившиеся из окружающего кустарника:

– Выключи ты этот проклятый свет!

Он пошел вперед быстрее, и снова:

– Да выключи же ты этот чертов свет!

Неожиданно совсем рядом с ним грянул ружейный выстрел. Он услышал громкий хлопок, звонкий шлепок и свист срикошетировавшей от валунов пули. Уронив фонарик, Фидо пошел еще быстрее. Он потерял тропинку и шел теперь, спотыкаясь о булыжники, пока не почувствовал под ногами что-то, показавшееся ему при свете звезд гладким, круглым и твердым; в тот же момент он обнаружил, что оказался на верхушке дерева, росшего в двадцати футах ниже тропинки. Рассыпая греческие банкноты среди листьев, он довольно мягко падал с ветки на ветку и, приземлившись, продолжал катиться, переваливаясь с боку на бок, все ниже и ниже, задерживаемый и тут же отпускаемый ветками кустов, пока наконец не остановился, будто принесенный благодетельным мифическим Зефиром в это мирное, пустынное место, где было темно и сладко

пахло, где тишину нарушало только журчание падающей воды. Здесь его падение на время кончилось. Невидимые и неслышимые отсюда, переполненные людьми шлюпки отходили от берега, боевые корабли уходили в море, а сам Фидо тем временем мирно спал.

Вокруг мшистого ложа Фидо росли шалфей, тимьян, майоран, дикий бадьян и мирт, и, когда солнце поднялось над обрывом, заросшим густым кустарником, они своим ароматом совершенно заглушили мучившие его кошмары.

Бивший здесь же родник был ухожен, освящен и имел вполне христианский вид; в двух созданных руками человека искусственных бассейнах била ключом искрящаяся вода; в скале над бассейнами была высечена ниша. Над нишей, на плоской, потрескавшейся от времени доске, виднелось изображение святого, выцветшее, но еще различимое.

Проснувшись посреди этой идиллической долины, Фидо обнаружил около себя свирепо смотрящего на него человека, казалось, сошедшего сюда со страниц страшной народной сказки. Человек имел патриархальный вид; его костюм показался Фидо фантазмагорическим: куртка из козьей шкуры, малиновый кушак с заткнутым за него целым арсеналом античного оружия, штаны в стиле Абдула Проклятого, кожаные краги, босые ноги. В руках – посох с крюком на конце.

– Доброе утро, – пролепетал Фидо. – Я англичанин. Союзник. Воюю с немцами. Я голоден.

Критянин промолчал. Вместо ответа он протянул свой епископский посох, ловко зацепил им лежавший рядом с Фидо ранец-рюкзак и подтянул его к себе.

– Эй, послушай! Ты что же это делаешь?

Старик вытащил и осмотрел одну за другой все вещи Фидо и переложил их в свою сумку. Он забрал даже безопасную бритву и тюбик мыльной пасты. Затем он вывернул ранец-рюкзак наизнанку, потряс его и хотел было бросить в сторону, но передумал и повесил на свою мощную шею. Фидо наблюдал за ним как замороженный. Потом он крикнул:

– Что же это такое, черт возьми? А ну-ка отдавай мои вещи назад!

Старик поглядел на Фидо так, как будто тот был его капризным правнуком. Фидо вытащил пистолет.

– Отдай вещи иди я выстрелю! – исступленно крикнул он.

Критянин с интересом посмотрел на оружие, мрачно кивнул головой и сделал шаг вперед.

– Стой! – воскликнул Фидо. – Я выстрелю!

Однако потный палец Фидо лежал на спусковом крючке неуверенно. Старик наклонился к нему. Фидо не тронулся с места. Старик осторожно высвободил мозолистой рукой рукоятку пистолета из охвативших ее пальцев Фидо, с любопытством повертел его в своих руках и, кивнув головой, засунул за малиновый кушак рядом со своими кинжалами. Потом повернулся и молча, уверенно полез вверх по склону.

Фидо заплакал.

Он пролежал в долине всю первую половину дня, не имея ни сил, ни желания двигаться. В полдень он подполз к фонтанчику и подставил свою лысую голову под бьющую струю воды. Это тотчас же напомнило ему, что он голоден. Прошедшей ночью шел разговор о выгруженных на берег запасах продовольствия. Ручеек должен течь к морю, к пляжам, к запасам продовольствия. Где-то у Фидо было письменное распоряжение заместителя генерал-квартирмейстера. Даже в этих безвыходных обстоятельствах он не совсем потерял веру в магическую силу официальных форм. В этой бумажке заключено его спасение. Фидо встал и, нетвердо держась на ногах, отправился намеченным курсом.

Вскоре дорога стала сужаться и привела его в тесное ущелье; тропинка то и дело уходила под воду. Он шел очень медленно, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть. В безмолвие одной из таких пауз ворвался леденящий кровь звук. Кто-то шел ему навстречу. Уйти было некуда: стены ущелья поднимались отвесно. Он мог только повернуть назад или ждать своей участи на месте. Фидо решил остаться на месте. Шаги приближались, они раздавались совсем близко. Фидо не вынес пытки ожидания. Будь что будет. Он поднял руки вверх и побежал вперед с криком:

– Сдаюсь! Я безоружен. Я нонкомбатант. Не стреляйте!

Он закрыл глаза. И тут чей-то голос произнес:

– Майор Хаунд, сэр! Вы сам не свой. Попробуйте немного вот этого, сэр.

У Фидо подкосились ноги. Он смутно сознавал, что та часть тела, на которой сидят, у него холодная как лед, а голова пылает. Ему казалось, что он сидит в ручье, а перед ним возвышается призрак старшины Людовича, предлагающего ему бутылку. Кислое, терпкое вино полилось в плотку Фидо, потекло по подбородку и груди. Он пил жадно, большими плотками, не переводя дыхания, всхлипывая и постепенно приходя в себя; Людович – с каждым мгновением все более различимая фигура, – прислонившись к противоположной стене, наблюдал за ним.

– Счастливая встреча, если мне позволено выразиться так, сэр. Вы сможете пройти еще одну милю? Обед готов.

Обед. Фидо ощупал карманы своей полевой куртки. Из дрожащих рук вывалились сорок или пятьдесят тысяч драхм. Затем он нашел то, что искал: письменное распоряжение, полученное от заместителя генерал-квартирмейстера.

– Обед, – подтвердил он.

Людович прочитал бумажку, смял ее и выбросил прочь. Затем собрал рассыпавшиеся банкноты. Протянув руку, он помог Фидо встать на ноги, повернулся и пошел впереди, показывая дорогу.

Вскоре стены ущелья расступились, и взору идущих открылась небольшая возделанная равнина, окаймленная раздвинувшимися обрывистыми скалами и имеющая выход к морю. Людович уклонился в сторону от тропинки и ручья и пошел вдоль подошвы горы. Дорога была тяжелой, и Фидо, едва переставлявший ноги, стал пошатываться и отставать. Через полчаса он прошептал:

– Старшина, подождите меня. Я не могу идти дальше.

Это было сказано таким слабым голосом, что слова затерялись в шуме его неуверенных шагов. Людович продолжал идти широким шагом. Фидо остановился, его ноги подкашивались, голова поникла, глаза закрылись. Но именно в этот момент безнадежной отрешенности к нему пришло спасение. В пустоте, возникшей перед его невидящим взором, потянуло слабым, едва уловимым, восхитительно вкусным запахом. Он поднял опустившийся было нос и принюхался. Отчетливая, как рог Роланда, новая нота призывала его к

жизни. До него донесся хватающий за душу, забивающий нежную гармонию ароматов прелых листьев и усыпанных пчелками цветов великолепный запах – звучный, органной окраски тон кухни. Фидо пришел в восторг, раздумялся, его охватило восхищение. Не сказав ни слова, он рванулся вперед. Следуя по запаху, лавируя между валунами на предательских каменных осыпях, он обогнал Людовича; С каждым его энергичным шагом запах становился все сильнее. Вскоре он увидел высокую скалу, а в ней – широкий зев пещеры. Спотыкаясь, Фидо прошел через прохладную щель. Вокруг железного котла, едва различимая в чаду испарений и дыме костра, сидела группа людей; В котле клокотало варево из цыплят, зайцев, козлятины, свинины, перца, огурцов и чеснока, риса и хлебных корок, неизвестных крупных вялых клубней и пучков мясистой зелени, морской воды, доброй порции красного вина и оливкового масла.

Фидо растерял свои нож, вилку, ложку и котелок. Он искоса посмотрел на сборище и различил фигуру, оказавшуюся его денщиком, который намеревался приступить к еде. Фидо вцепился в его котелок, но солдат держал свой судок крепко и не проявлял ни малейшего желания выпустить его из рук.

– Эй, послушай-ка, в чем дело? – удивился Фидо.

Он продолжал тащить котелок к себе, солдат не уступал; их пальцы погрузились в горячую жирную похлебку.

– Уступи, Сид, – сказал дружелюбным, примирительным тоном стоявший позади Фидо старшина Людович. – Любому, у кого есть глаза, ясно, что майор дошел до ручки. Раз уж он нашелся, нельзя же дать ему помереть с голоду, верно ведь, Сид?

Так Фидо вступил в обладание котелком и молча начал пожирать его содержимое.

Пещера была вместительной. Довольно узкий проход вел в обширные покои, из которых во все стороны отходили темные галереи; откуда-то из глубины доносилось журчание проточной воды. В покоях хватало места для трех женщин, некоторого количества домашнего скота и более пятидесяти солдат, большей частью испанцев.

Эти кочующие странники удачно улили в самом начале. Они хорошо усвоили, что такое поражение во всех его аспектах, знали все связанные с ним хитрости, быстро улавливали его признаки. Еще до

того как самоходная баржа, доставившая их на берег, коснулась причала, они почуяли признаки катастрофы и за двенадцать часов до начала беспорядочного бегства возобновили миграцию, проходя по еще не опустошенным войной деревням и обчищая их опытными руками. Им принадлежали котел и его богатое содержимое, упомянутые женщины, кровать с медными шарами и другие предметы домашнего обихода, создававшие в этом убежище атмосферу уюта и оседлости. Но они твердо соблюдали традиции гостеприимства. Они давали свирепый отпор всяким незванным гостям, случайно встречавшимся во время реквизиций продовольствия, но своих старых товарищей из группы Хука приветствовали радостными улыбками, поднятыми кулаками и выражением чувства солидарности.

Они сохранили свое оружие, но сбросили с себя почти все предметы английского военного обмундирования, сменив их на различные критяньские головные уборы, шейные платки и куртки. Когда Фидо сделал передышку в еде и осмотрелся вокруг, он принял их за местных разбойников, но они его узнали. В Сиди-Бишре он не снискал их любви. Если бы он начал высказывать какие-нибудь притязания на власть или владел бы каким-либо необходимым для них имуществом, они быстро расправились бы с ним. Но, лишившись всего, он стал для них кровной родней и гостем. Они смотрели на него доброжелательно.

По прошествии некоторого времени Людович сказал:

– На вашем месте в настоящий момент я не стал бы есть больше, сэр. – Он свернул самокрутку и вручил ее Фидо. – Я всегда считал непостижимым, сэр, как мгновенно оживает человек после еды. Согласно науке процесс пищеварения должен длиться несколько часов, прежде чем организм, фактически, усвоит питательные вещества.

Умозрительные рассуждения Людовича не интересовали Фидо. Насытившись и обретя бодрость духа, майор вспомнила своей профессии.

– Мне не совсем ясно, старшина, каким образом вы оказались здесь?

– По-моему, в основном таким же, каким и вы, сэр.

– Я был уверен, что вы должны возвратиться в штаб.

– В этом, сэр, мы оба просчитались. Я полагал, что к этому времени я должен был бы благополучно возвратиться в Египет, однако

мы встретились с некоторыми трудностями, сэр. На всех подходах к берегу я обнаружил контрольно-пропускные пункты. Они пропускали только организованные подразделения под командой своих офицеров. То, что творилось здесь прошлой ночью, вы, наверное, назвали бы паникой. Солдаты метались в поисках офицеров, офицеры – в поисках солдат. Вот почему сегодня мне было особенно приятно встретить вас. Я искал отставшего от своей части офицера. Разумеется, я не рассчитывал, что этим офицером окажетесь вы, сэр. С вашей помощью мы просто отлично выберемся отсюда. Я набрал солдат, полностью готовых выступить сегодня ночью. К сожалению, это довольно разношерстная толпа, сэр, представители всех родов оружия. Не совсем то, к чему мы привыкли в Найтсбридже и Виндзоре^[65]. Но в темноте они вполне сойдут. Испанцы решили остаться.

– Старшина, то, что вы предлагаете, совершенно незаконно.

Людович посмотрел на Фидо притворно нежным взглядом.

– Та-та-та, майор Хаунд, сэр. Не торопитесь. Не кажется ли вам, что мы могли бы обойтись без этих штучек? Только между нами, сэр. Сегодня вечером, когда наша группа погрузится на судно, и позднее, когда мы возвратимся в Александрию, все это будет уместно; в данный же момент, поскольку мы находимся здесь, после всего того, что произошло, сэр, не кажется ли вам, что было бы намного уместнее, – Людович неожиданно сменил тон с угодливого на грубый, – заткнуть свою дурацкую плотку?!

Неожиданно, без видимых причин, гнездившаяся под сводами пещеры большая семья летучих мышей ожила: взмахивая крыльями и сталкиваясь между собой, они с писком описали круг над головами сидящих вокруг костра людей и, успокоившись, снова уселись на свои места, повиснув вниз головой.

Гай страшно устал, был голоден и страдал от жажды, но чувствовал себя в последние четыре дня лучше, чем Фидо, и по сравнению с ним был в лучшем настроении. Он был почти весел, когда, избавившись наконец от бремени людского общества, побрел по дороге один. В предыдущее утро, наткнувшись на отряд командос «Икс», засевший в траншеях среди оливковых деревьев, он лишь

косвенно ощутил эту долгожданную свободу. Теперь же он наслаждался ею полностью.

Вскоре дорога свернула в сторону и обогнула крутой скалистый отрог – место, где Фидо не видел никакого укрытия. Здесь Гаю повстречался быстро шедший нестройной толпой взвод пехоты. Впереди, на довольно большом расстоянии от взвода, шагал бледный молодой офицер.

– Вам не попадались какие-нибудь подразделения оперативной группы Хука? – спросил Гай.

– Никогда не слышал о такой.

Запыхавшийся офицер остановился, поджидая отставших солдат, на ходу строившихся в колонну. У них еще сохранились оружие и снаряжение.

– А алебардистов не видели?

– Отрезаны. Окружены. Сдались в плен.

– Вы уверены в этом?

– Уверен?! Боже мой, да здесь всюду парашютисты. Нас только что обстреляли, когда мы обходили вон ту скалу. Вы не пройдете вверх по дороге. На той стороне долины у них пулемет.

– А где именно?

– Верите ли, остановиться, чтобы рассмотреть, было просто невозможно.

– Понесли потери?

– Остановиться, чтобы убедиться в этом, тоже было невозможно. Да и сейчас я стоять не могу, надо спешить. На вашем месте я не стал бы пытаться пройти по этой дороге, если вам, конечно, жить не надоело.

Шаркая ногами, взвод двинулся дальше. Гай посмотрел на пустую, открытую со всех сторон дорогу и сверился с картой. Через холм вела тропа, которая выходила на ту же дорогу у деревни в двух милях отсюда. Гай не слишком доверял рассказу о пулемете, но выбрал более короткий путь и начал с трудом взбираться по откосу на вершину отрога. Оттуда была видна вся пустынная, безмолвная, без признаков жизни долина. Нигде и ничто не шевелилось, кроме массы жужжащих пчел. Точно так же он мог стоять на холмах за Санта-Дульчиной в какое-нибудь праздничное утро в дни своего одинокого детства.

Потом Гай спустился в деревню. В одних домах двери и окна были распахнуты настежь и разбиты, в других – варварски выломаны. Вначале он никого не обнаружил. Перед церковью, к которой вели мраморные ступени и цоколь которой был облицован мраморными плитами, во многих местах теперь выщербленными, находился колодец. Томимый жаждой, Гай подошел к нему и обнаружил, что короткая веревка свободно болтается на бронзовой скобе, а ведро исчезло. Заглянув в колодец, он увидел далеко внизу маленькое сверкавшее отраженным светом зеркало воды и свою смешную голову, темную и совсем крошечную.

Он вошел в открытый дом и отыскал глиняный кувшин. Вытащив из горлышка соломенную затычку. Гай услышал и почувствовал гудение. Наклонив кувшин к свету, он обнаружил, что в нем полно пчел, собиравших остатки меда. Оглянувшись вокруг, он рассмотрел в темноте пристально уставившуюся на него старуху. Он улыбнулся, показал свою пустую фляжку и дал ей понять жестом, что хочет пить. Старуха по-прежнему смотрела на него, но никак не реагировала. Он порылся в памяти в поисках греческих слов и попробовал:

– Хидор. Эхо. Dunca. ^[66]

Старуха по-прежнему никак не реагировала, как будто была глухая и слепая. Гай повернулся и вышел из дома на солнечный свет. Здесь к нему подошла молодая девушка, румяная, босая, вся в слезах; она доверчиво взяла его за рукав. Гай показал ей пустую фляжку, но она отрицательно покачала головой, тихо произнесла что-то неразборчивое и решительно потащила его к небольшому двору на окраине деревни, в котором раньше держали домашний скот, а теперь в нем не было никого, кроме другой девушки, похожей на первую, возможно ее сестры, и молодого английского солдата, неподвижно лежавшего на носилках. Девушки беспомощно показали на солдата. Гай ничем не мог помочь. Юноша был мертв, казалось, не имея никаких ран. Он лежал, будто отдыхая. Немногие трупы, виденные Гаем на Крите, лежали в неестественных позах. Этот же солдат лежал, как надгробное изваяние, как сэр Роджер в своей мрачной гробнице в Санта-Дульчине. Только трупные мухи, ползавшие вокруг его губ и в глазницах, указывали на то, что это человеческая плоть. Как он оказался здесь? Кто эти девушки? Не оставили ли его на их попечение уставшие носильщики, чтобы девушки позаботились о нем в его

предсмертные минуты? Не они ли закрыли ему после кончины глаза и сложили руки? Гаю не суждено было узнать об этом. Этот эпизод остался одной из бесчисленных, необъяснимых случайностей войны. Не находя слов, все трое стояли теперь у тела, недвижимые и безмолвные, как статуи надгробного памятника.

Погребение мертвых – святая обязанность всякого добропорядочного человека. А здесь не было даже инструментов, чтобы вырыть могилу в каменистой почве. Возможно, позднее противник будет очищать остров от мусора и швырнет эти останки вместе с другими в общую яму, а семья этого юноши не получит о нем известий и, месяц за месяцем, год за годом, будет ждать и надеяться. Гай вспомнил правило, засевшее в памяти со времени военной подготовки: «Офицер, возглавляющий похоронную команду, несет ответственность за сбор личных знаков красного цвета и отправку их в отдел учета личного состава. Знак зеленого цвета остается на теле. Джентльмены, запомните на случай сомнений: зеленый – это цвет разложения».

Гай опустился на колени и снял личный знак с холодной груди покойника. На знаке были номер, фамилия и литеры «Р» и «К»^[67].

– Да покоятся в мире душа твоя и души всех верующих, почивших в милости господней, – тихо произнес Гай.

Гай встал. Трупные мухи снова уселись на умиротворенное молодое лицо. Гай отдал честь и направился дальше.

Некоторое время он шел по пустынной равнине, но вскоре дорога привела его в следующую деревню. Прошлый раз, в темноте, с трудом поспевая за Фидо, Гай едва заметил ее. Теперь же он обнаружил, что это довольно большое селение: к рыночной площади стекались другие дороги и тропинки, позади дворов располагались обширные скотные дворы и амбары. Двери церкви с куполообразной крышей были распахнуты настежь. От местных обитателей не осталось и следа; вместо них у дверей стояли часовые – английские солдаты-алебардисты, а на перекрестке сидел, покуривая трубку, Сарам-Смит.

– Привет, «дядюшка». Командир говорил, что вы находитесь где-то поблизости.

– Я рад, что отыскал вас. По дороге мне попался болтун офицер, сообщивший, что вы все попали в мешок.

– Ничего похожего, как видите, правда ведь? Прошлой ночью здесь произошла какая-то заварушка, но мы в ней не участвовали. – Со времени их последней встречи в Западной Африке Сарам-Смит возмужал. Он не обладал особой привлекательностью, но стал настоящий мужчиной. – Командир вместе с адъютантом отлучились, они обходят роты, но заместитель командира – в канцелярии батальона, вон там.

Гай отправился в указанном направлении к фермерскому дому рядом с церковью. Везде чувствовался порядок. Одна табличка указывала, как пройти в батальонный лазарет, другая – в батальонную канцелярию. Гай прошел мимо старшины батальона и писарей и в следующей комнате нашел майора Эрскайна. Кухонный стол был застлан армейским одеялом. Все было как в канцелярии в Пенкирке.

Гай отдал честь.

– Привет, «дядюшка», вам не мешало бы побриться.

– Мне не мешало бы и позавтракать, сэр.

– Завтракать будем, как только возвратится командир. Что, привезли нам новые распоряжения?

– Нет, сэр.

– Информацию?

– Никакой, сэр.

– Тогда что же замышляет штаб?

– В настоящее время штаб почти не действует. Я прибыл, чтобы получить информацию от вас.

– Нам ничего не известно.

Он познакомил Гая с обстановкой. За ночь командос умудрились растерять две роты. Утром на их фланге появился патруль противника, который затем поспешно ретировался. Скоро через их боевые порядки должны пройти командос, которые займут позиции у Имброса. Они располагают автотранспортом и поэтому больших трудностей при отрыве от противника не испытывают. Второй батальон алебардистов должен удерживать свои позиции до полуночи, а затем отойти в тыл оперативной группы Хука, к району посадки на суда.

– После этого мы вверяем свою судьбу флоту. Таков приказ, насколько я его понимаю. Не знаю только, как все это получится.

Алебардист подал Гаю чашку чая.

– Крок! – обрадовался Гай. – Надеюсь, вы помните меня?

– Сэр?!

– Все так изменилось с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Да, сэр, – согласился Крок.

– Противник еще не атакует сколько-нибудь значительными силами, – продолжал майор Эрскайн. – Пока только патрули ведут поиски. Как только натыкаются на какую-нибудь часть, сразу же останавливаются и пытаются обойти ее. Все совершенно элементарно. Мы могли бы продержаться здесь сколько угодно, если бы эти проклятые штабисты делали свое дело как следует. С какой стати мы драпаем? Меня учили воевать по-другому.

Снаружи донесся шум подъехавшего автомобиля, и Гай узнал громкий, с командными нотками голос полковника Тиккериджа. Гай вышел на улицу и встретил Тиккериджа и его начальника штаба. Они руководили выгрузкой из грузовика троих раненых солдат, двое из которых едва держались на ногах, а третий лежал на носилках. Когда его пронесли мимо, он повернул побледневшее лицо, и Гай узнал солдата своей бывшей роты. Солдат был укрыт одеялом. Его только что ранили, и он еще не испытывал сильной боли. Он улыбнулся довольно весело.

– Шанкс! – окликнул его Гай. – Что это с вами приключилось?

– Должно быть, накрыло миной, сэр. Разорвалась неожиданно прямо в траншее. Мне еще повезло. Парня рядом со мной уложило наповал.

Гай вспомнил: алебардист Шанкс брал призы за исполнение медленного вальса. В дни Дюнкерка он просился в отпуск по семейным обстоятельствам для поездки на конкурс танцев в Блекпул.

– Я зайду поговорить попозже, после того как врач посмотрит вас.

– Благодарю вас, сэр. Приятно, что вы вернулись к нам.

Два других солдата, хромая, направились в лазарет. «Наверное, они тоже из четвертой роты», – подумал Гай. Он помнил только алебардиста Шанкса из-за его медленного вальса.

– Ну что ж, «дядюшка», заходите и рассказывайте, чем могу быть полезен вам.

– Я хотел бы знать, полковник, нет ли чего-нибудь такого, в чем я мог бы быть полезен вам?

– О, конечно, конечно! Попробуйте обеспечить горячий обед для батальона, для меня – ванну, артиллерийскую поддержку и несколько эскадрилий истребителей. Это, пожалуй, все, в чем мы нуждаемся сегодня утром. – Полковник Тиккеридж был в хорошем настроении. Войдя в дом, он крикнул: – Эй, кто там! Пригласить сюда танцовщиц! Где алебардист Гоулд?

– Сию минуту будет здесь, сэр.

Алебардист Гоулд – старый знакомый со времен Мэтчета, когда он доставил чемодан Гая со станции, еще до того как возник вопрос о поступлении Гая в алебардисты. Он широко улыбался.

– Доброе утро, Гоулд, не забыли меня?

– Доброе утро, сэр. С возвращением вас в батальон.

– Винца сюда, – приказал полковник Тиккеридж. – Вина для нашего гостя из вышестоящего штаба!

Это было сказано с величайшей сердечностью, но после более теплых приветствий солдат от этих слов слегка веяло холодком.

Гоулд поставил на стол кувшин с вином и к нему подал галеты и мясные консервы. Пока они пили и ели, полковник Тиккеридж рассказывал майору Эрскану:

– На левом фланге довольно оживленно. Взвод де Саузы подвергся сильному обстрелу. К счастью, с нами оказался грузовик, чтобы возратить туда огневые средства. Мы задержались только, чтобы пронаблюдать, как «брен» раздолбал их миномет. Затем направились прямо сюда. Там я подружился с отличными ребятами – ротой новозеландцев, которые появились совершенно неожиданно и попросились присоединиться к нам. Первоклассные ребята!

Этот момент показался Гаю подходящим, чтобы высказать то, что было у него на уме с минуты встречи с Шанксом.

– То же самое хочется сделать и мне, полковник, – сказал он. – Нет ли у вас взвода, который можно было бы дать под мое руководство?

Полковник Тиккеридж посмотрел на Гая благожелательно:

– Нет, «дядюшка», конечно, нет.

– А позже, днем, когда у вас будут потери?

– Мой дорогой «дядюшка», вы не подчинены мне. Вы не можете в разгар боя начать соваться со своими просьбами о перемещении с

должности на должность. В армии, как вам известно, так не делается. Вы служите в оперативной группе Хука.

– Но, полковник, а как же эти, новозеландцы...

– Сожалею, «дядюшка», но это невозможно.

И эти его слова – Гай знал по прежнему опыту – означали окончательный отказ.

Полковник Тиккеридж принялся объяснять майору Эрскайну подробности действий арьергарда. Прибыл Сарам-Смит и доложил, что командос проходят через расположение батальона. Гай последовал за ним на улицу и увидел в облаке пыли задний борт последнего грузовика, увозившего командос в южном направлении. В трех четвертях мили к северу, где рубеж удерживали алебардисты, завязалась небольшая перестрелка из стрелкового оружия и легких пулеметов; изредка слышались разрывы отдельных мин. Гай стоял среди друзей, но чувствовал себя совсем одиноким.

Несколькими часами ранее он был в восторге от своего одиночества. Другое дело теперь. Он – гость из вышестоящего штаба, офицер из группы Хука без места и обязанностей, сторонний наблюдатель. И его с прежней силой охватило плубокое чувство опустошенности и отчаяния, с которым он пытался бороться и которое временами, казалось, проходило. Сердце Гая замерло. Ему почудилось, что оно буквально сместилось куда-то, стало медленно опускаться вниз, как перышко в безвоздушном пространстве. Филоктет, оставленный друзьями из-за гноящейся раны. Филоктет без своего лука. Сэр Роджер без меча.

Но вскоре мрачные размышления Гая прервал бодрый голос полковника Тиккериджа.

– Ну что ж, «дядюшка», приятно было повидать вас. Я полагаю, вы хотите возвратиться к своим товарищам. Боюсь, вам придется идти пешком. Начальник штаба и я собираемся еще раз объехать роты.

– Можно мне с вами?

Полковник Тиккеридж заколебался, потом сказал:

– Чем больше, тем веселей. – Когда они тронулись, он спросил о новостях из Мэтчета. – Вы, штабисты, снимаете все пенки. Мы не получали почты со времени отправки в Грецию.

Линия обороны второго батальона алебардистов и роты новозеландцев пересекала шоссе; их фланги упирались в крутые

каменистые осыпи, окружавшие долину. Четвертая рота, развернутая вдоль ручья, занимала позиции на краю правого фланга. Чтобы добраться до нее, необходимо было пересечь открытую местность. Когда полковник Тиккеридж и его спутники вышли из укрытия, их встретил шквал огня.

– Ого! – воскликнул он. – Фрицы намного ближе, чем были сегодня утром.

Они бросились под защиту скал и осторожно продолжали движение окружным путем. Когда им удалось наконец спрыгнуть в окоп, их встретил старшина Рокис.

– Они подтянули еще один миномет, – доложил он.

– Вы можете точно засечь его место?

– Немцы постоянно меняют позицию. В настоящее время они пристрелялись по дальности, но экономят боеприпасы.

Полковник Тиккеридж встал и осмотрел в бинокль местность, прилегающую к переднему краю. Позади, в десяти ярдах от них, разорвалась мина; все бросились на землю, и над их головами пронесся град камней и металла.

– У нас нет лишних сил для контратаки, – заявил полковник Тиккеридж. – Вам придется отойти немного.

Во время военной подготовки Гай часто задавал себе вопрос: похожи, ли, хотя бы немного, учения в Пенкирке на настоящие боевые действия? Сходство было налицо. Ни великого побоища, ни стремительного бегства одетых в военную форму масс, ни схваток лязгающих механических чудовищ здесь не происходило; перед ним развертывался классический пример действий батальона в обороне, ведущего бой с легковооруженными и в равной степени измотанными небольшими силами противника. Ритчи-Хук мало сделал для обучения их искусству выхода из боя, однако в настоящий момент действия батальона соответствовали установленной схеме. Пока полковник Тиккеридж отдавал распоряжения, Гай спустился вниз по берегу ручья. Здесь он нашел де Саузу и его поредевший взвод. На голове у де Саузы красовалась живописная повязка; желтовато-бледное лицо под ней выглядело серьезным.

– Лишился кончика уха, проворчал он. – Совсем не больно. Но буду рад, когда этот день закончится.

– Вы начнете отходить в полночь, как я помню.

– «Отходить» – хорошее слово. Звучит так, будто старая дева отходит ко сну.

– По-моему, вы попадете в Александрию раньше меня, – продолжал Гай. – Группа Хука отходит последней, будет прикрывать посадку на суда. У меня не сложилось впечатления, что немцы горят желанием атаковать.

– Знаете, «дядюшка», что это такое, по-моему? По-моему, они хотят дать нам спокойно сесть на суда, а потом потопят нас с воздуха, когда им заблагорассудится. Куда более легкий способ разделаться с нами.

Недалеко от них разорвалась мина.

– До чего же мне-хочется засечь этот проклятый миномет! – сказал де Сауза.

В этот момент связной вызвал его на командный пункт роты. Гай пошел вместе с ним и снова присоединился к полковнику Тиккериджу.

Отход на фланге занял немного времени. Гай наблюдал, как батальон занимал оборону на новом рубеже. Все было сделано по правилам. Полковник Тиккеридж отдал распоряжения на темное время суток и изложил порядок окончательного отхода. Гай сделал пометки о времени и направлениях отхода алебардистов и новозеландцев через боевые порядки группы Хука. Затем он распрощался.

– Если случайно встретитесь с морячками, – сказал на прощание полковник Тиккеридж, – передайте им, чтобы подождали нас...

В третий раз Гай проследовал по дороге на юг. Наступила ночь. Дорога была забита множеством солдат. Остатки своего штаба он нашел на прежнем месте. Построившись в колонну, они двинулись в темноту. Идти пришлось всю ночь молчаливой составной частью бесконечной процессии шатающихся от усталости, медленно волочивших ноги людей.

Потом прошел еще один день, минула еще одна ночь.

– «Ночью и днем, – напевал Триммер, – только вдвоем. И под солнцем и под луной только с тобой...»

– Слушай, – строго сказал Йэн Килбэннок, – ты едешь в «Савой» на встречу с представителями американской прессы.

– «Ив тишине, и в тьме ночной мои мечты лишь о тебе», – продолжал напевать Триммер.

– *Триммер!*

– Я уже встречался с ними.

– Это другие. Это Скэб Данз, Вам Шлюм и Джо Маллигэн. Они большие люди, эти Скэб, Вам и Джо. Их статьи публикуются во всех американских штатах. Триммер, если ты не перестанешь заливаться, как канарейка, я предложу откомандировать тебя обратно в Исландию, в твой полк. Вам и Скэб, разумеется, – антифашисты. Джо настроен менее определенно. Он – бостонский ирландец и не очень-то интересуется нами.

– Пресса мне осточертела. Ты знаешь, как называет меня «Ежедневный сплетник»? «Демонический цирюльник»!

– Это они так называли тебя, а не мы. Жаль, что такое название не пришло в голову мне.

– Так или иначе, я завтракаю с Вирджинией.

– Я избавлю тебя от этого.

– А меня эта встреча вовсе не обременяет.

– Предоставь это решать мне.

Йэн стал набирать номер телефона, а Триммер снова погрузился в мир грез и запел:

– «О, как во мне пылает все, и жаждет, и клоочет...»

– Вирджиния? Это Йэн. Полковник Триммер приносит свои извинения. Он не сможет сегодня позавтракать с вами, мадам.

– «Демонический цирюльник»? Мне и в голову не приходило завтракать с ним. Йэн, сделай что-нибудь, пожалуйста, как для старого друга. Внуши твоему юному герою, что меня просто тошнит от него.

– По-твоему, это будет очень любезно?

– Десятки девушек страстно желают провести с ним время. Почему он должен надоедать именно мне?

– Он говорит, что ему все время подсказывает внутренний голос: «Ты, ты, ты».

– Скажи ему, пусть убирается ко всем чертям. Ладно, Йэн?

Йэн положил трубку.

– Она говорит, чтобы ты проваливал ко всем чертям, – сообщил он.

– О-о!

– Почему ты не прекратишь приставать к Вирджинии? Ведь из этого ничего не выйдет.

– Нет, выйдет, уже выходило. Она не может относиться ко мне так высокомерно. Ведь в Глазго...

– Триммер, ты достаточно хорошо знаешь меня, чтобы понять, что я последний человек на свете, кому тебе следует поверять свои тайны, особенно любовные. Ты должен забыть о Вирджинии и об этих лондонских девицах, с которыми встречаешься последнее время. У меня есть приятное известие для тебя. Я собираюсь повозить тебя по промышленным предприятиям. Ты поможешь росту производства. Выступления в обеденные перерывы. Танцы в столовых. Мы найдем тебе очаровательных девиц всех сортов. Тебя ожидает веселое времяпрепровождение в центральных графствах Англии, на севере, далеко от Лондона. А пока ты должен внести свой вклад в укрепление англо-американских отношений вместе с Бамом, Скэбом и Джо. Ведь идет война.

В штабном автомобиле, увозившем их в «Савой», Йэн пытался ввести Триммера в курс дела.

– Я рад сообщить тебе, что Джо не очень-то интересуется военными операциями. Он воспитан в духе недоверия к красномундирникам^[68]. Он смотрит на нас, как на феодальных и колониальных угнетателей, к числу которых ты, Триммер, ручаюсь за тебя, определенно не относишься. Мы должны показать ему новую Великобританию, которая куется в горниле войны. Черт побери, Триммер, я не уверен, что ты слушаешь меня.

Не был уверен в этом и Триммер. Внутренний голос продолжал нашептывать ему безнадежным тоном: «Ты, ты, ты».

Йэн Килбэннок, подобно Людовичу, обладал способностью изменять манеру разговора. У него была одна манера разговаривать с друзьями, другая – с Триммером и генералом Уэйлом, третья – с Бамом, Скэбом и Джо.

– Здорово, ребята! – громко сказал он, входя в номер отеля. – Посмотрите, кого я привез вам.

Эти три толстых, неряшливых человека жили бок о бок не ради экономии; их расходы никто не ограничивал. В том, что они жили вместе, не играло роли, как иногда бывало в прошлом, и профессиональное соперничество; в этом городе коммюнике и цензуры нельзя было надеяться на какую-нибудь сенсационную новость и не было никакой необходимости следить за соперниками. Просто их тянуло к дружескому общению, к разделению общих для всех условий жизни в чужой стране, да и состояние нервов у них было одинаковое. Скучная диета, беспробудное пьянство и ночные тревоги подкосили их, или, точнее, сильно ускорили процесс разрушения, едва различимый у этих трех широко почитаемых репортеров-асов год назад, когда они беспечно высадились в Англии. Они вели репортажи о падении Аддис-Абебы, Барселоны, Вены и Праги. Здесь они находились, чтобы вести репортаж о падении Лондона, но падение этой столицы почему-то задерживалось, и заготовленный впрок материал покрылся плесенью. Тем временем они подвергались лишениям и опасностям, которые в пору юности переносили с хвастливым видом несколько дней подряд, но которые теперь, затянувшись на неопределенное время и распространившись почти на каждого, стали навевать скуку.

Их комната выходила окнами на реку, однако стекла были заклеены крест-накрест липким пластырем, и сквозь них проникали лишь скудные солнечные лучи. Комната освещалась электрическим светом. В ней были три пишущие машинки, три больших чемодана, три кровати, масса беспорядочно разбросанной бумаги и одежды, бесчисленные окурки, грязные стаканы, чистые стаканы, пустые бутылки, полные бутылки. С трех лиц желтовато-серого цвета на Триммера уставились три пары налитых кровью глаз.

– Бам, Скэб и Джо, это тот самый парень, с которым вы все хотели встретиться.

– В самом деле? – подозрительно спросил Джо.

– Полковник Мактейвиш, я очень рад познакомиться с вами, – сказал Скэб.

– Полковник Триммер, я очень рад познакомиться с вами, – сказал Бам.

– Ха! – удивился Джо. – Кто же этот шутник? Мактейвиш? Триммер?

– Этот вопрос еще решается на высшем уровне, – ответил Йэн. – Я, разумеется, сообщу вам результаты еще до публикации вашей корреспонденции.

– Какой еще корреспонденции? – зло спросил Джо.

На помощь пришел Скэб.

– Не обращайтесь внимания на Джо, полковник. Позвольте предложить вам выпить.

– Джо сегодня не совсем в своей тарелке, – заметил Бам.

– Я только спросил, как зовут этого парня и о какой корреспонденции идет речь. При чем здесь мое самочувствие?

– Как насчет того, чтобы нам всем выпить? – спросил Бам.

Пьянство не входило в перечень многочисленных слабостей Триммера. Он не испытывал удовольствия от виски перед завтраком и поэтому отказался от стакана, который сунули ему в руку.

– Чего он дерет нос, этот парень? – спросил Джо.

– Командос, проходящие подготовку, не пьют, – поспешил на выручку Йэн.

– Вот как? Ладно, я всего лишь паршивый газетчик и не прохожу никакой подготовки. Если этот парень не хочет выпить со мной, я выпью без него.

Из этого трио наиболее вежливым был Скэб.

– Я догадываюсь, где бы вам хотелось быть сейчас, полковник, – заявил он.

– Да, – обрадовался Триммер, – в Глазго, в привокзальной гостинице, во время тумана.

– Нет, сэр. Место, где вы хотите сейчас быть, – это Крит. В настоящий момент ваши ребята замечательно держат там оборону. Вы слушали старину Уинстона по радио вчера вечером? Он сказал, что об оставлении Крита не может быть и речи. Наступление противника захлебнулось. Оборона усиливается. Это поворотный пункт. Отступления больше не будет.

– В этом отношении мы целиком с вами, – великодушно добавил Бам, – до самого конца. Я не отрицаю, было время, когда я смертельно ненавидел вас, англичан. Абиссиния, Испания, Мюнхен – с этим все кончено, полковник. Я бы многое отдал, лишь бы оказаться на Крите. Там-то уж наверняка сейчас есть о чем написать.

– Вы, видимо, помните, – перебил его Йэн, – что просили меня привезти полковника Мактейвиша на завтрак. По вашему мнению, он мог бы дать вам материал для корреспонденции.

– Правильно. Мы так и думали, правда ведь? Для начала надо, пожалуй, выпить еще, даже если полковник и не может составить нам компанию. Выпьем?

Они выпили, закурили. Руки, подносявшие горящую спичку к сигаретам, после каждого стакана тряслись все меньше, радушный тон становился все эмоциональнее.

– Ты мне нравишься, Йэн, хотя ты и лорд. Черт побери, человек не виноват в том, что он лорд! Ты парень что надо, Йэн, ты мне нравишься.

– Благодарю, Бам.

– Полковник мне тоже нравится. Он не слишком разговорчив и ничего не пьет, но он мне нравится. Он правильный парень.

Джо настолько подобрел, что заявил даже следующее:

– Любому, кто скажет, что полковник – плохой парень, я вобью зубы в плотку.

– Ну зачем так, Джо? Никто ведь не отрицает, что полковник – парень на все сто.

– То-то же!

Вскоре время завтрака прошло.

– Все равно здесь нет ничего съедобного, – сказал Джо.

– Сам-то я сейчас не голоден, – заметил Бам.

– Еда? А мне все равно: могу поесть, а могу обойтись и без этого, – заявил Скэб.

– Послушайте, ребята, – напомнил Йэн, – полковник Мактейвиш – довольно занятой человек. Он приехал сюда, чтобы дать вам материал для печати. Как насчет того, чтобы расспросить его сейчас обо всем, что вас интересует?

– Это можно, – согласился Джо. – Чего вы еще натворили, полковник? Этот ваш рейд оказался неплохим материалом для печати.

У нас в штатах его проплотили с потрохами. Вас наградили. Сделали полковником. Ну а дальше что? Где вы побывали еще? Расскажите нам, что вы делали на этой неделе и на прошлой. Как случилось, что вы не на Крите?

– Я нахожусь в отпуске, – пояснил Триммер.

– Да-а, это дьявольски интересно.

– Здесь есть одна особенность, ребята, – пояснил Йэн. – Он не обычный полковник, он представляет собой тип нового офицера, зарождающегося в старой британской армии, отличавшейся снобизмом.

– А откуда мне известно, что он не сноб?

– Джо, не надо быть таким подозрительным! – воскликнул Скэб. – Всякому, у кого есть глаза, видно, что полковник не сноб.

– Он *не похож* на сноба, – согласился Джо, – но откуда я знаю, что он *не сноб*? Вы сноб? – спросил он Триммера.

– Он не сноб, – ответил Йэн за Триммера.

– А почему бы не предоставить полковнику возможность ответить на этот вопрос самому? Я задаю этот вопрос вам, полковник. Вы сноб или не сноб?

– Нет, – ответил Триммер.

– Это все, что я хотел узнать.

– Ты спросил его. Он ответил, – вмешался Бам.

– Теперь я знаю, ну и что из этого?

Через минуту сквозь табачный дым и пары виски пробилась неподдельная горячность Скэба.

– Вы не сноб, полковник, и я скажу вам почему. Вы обладаете преимуществами, которых нет у этих напыщенных ничтожеств. Вы работали, полковник, и где вы работали? На океанском лайнере. И кого вы обслуживали? Американских женщин. Правильно я говорю? Все это взаимосвязано. Я могу сделать из этого отличный материал. О том, как случайные личные контакты могут способствовать укреплению международных отношений. Дамский салон в качестве школы демократии! У вас, должно быть, были очень и очень приятные знакомства на этом океанском лайнере, полковник?

– У меня были знакомства первый сорт, – заявил Триммер.

– Расскажи им, – тормозил его Йэн, – о своих американских друзьях.

В глазах журналистов загорелась слабая искорка живого профессионального интереса, тогда как Триммер, наоборот, впал в транс.

– Там была миссис Трой... – начал он.

– Я не думаю, что ребят интересует именно это, – поспешно вмешался Йэн.

– Не каждый рейс, конечно, но раза два-три в год. Четыре раза в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, когда половины наших регулярных пассажиров не было из-за обстановки в Европе. *Она* не боялась, – задумчиво вспомнил Триммер. – Я всегда искал ее фамилию в списке пассажиров. Еще до того как его отпечатывали, я обычно проскальзывал в канцелярию и подсматривал. В ней было что-то такое – вы же знаете, как это бывает, – как музыка. Когда она мучалась с похмелья, только я один и мог помочь ей. Во мне, по ее словам, тоже было что-то такое в моменты, когда я массажировал ей заднюю часть шеи.

– Но вы должны были встречать других, более типичных американок?

– Она нетипичная. Она вообще не американка, за исключением, пожалуй, того, что вышла замуж за американца, который был ей совершенно не нужен. Она какая-то совершенно необычная...

– Их не интересует миссис Трой, – снова вмешался Йэн. – Расскажи им о других.

– Большею частью – старые калоши! – выпалил Триммер. – Миссис Стайвесент Огландер, например. Были, конечно, и другие элегантные дамы: Асторы, Вандербилты, Каттинги, Уитни. Все они приходили ко мне, но никто не мог сравниться с миссис Трой.

– Полковник, моих читателей больше интересует что-нибудь пикантное о дамах попроще.

Триммер был горд по-своему. Глубоко задетый, он очнулся от грез.

– Я никогда не имел дела с дамами попроще, – резко возразил он.

– Черт возьми! – воскликнул Джо, торжествуя. – Теперь вы видите? Полковник – *сноб!*

На этом Йэн закончил данный этап англо-американского сближения, и через несколько минут вместе с Триммером они стояли на Стрэнде, тщетно пытаясь перехватить такси. В этот момент Гай,

охваченный глубоким отчаянием, находился в Бабали-Хани. Перспективы Йэна и Триммера тоже выглядели мрачными. Мимо них, шаркая подошвами, текла лондонская толпа: мужчины в разнообразном грязноватом военном обмундировании, женщины – по новой, непривычной моде этого десятилетия – в брюках, шляпках без полей, с прилипшими к губам сигаретами, с нечистыми, усталыми лицами; все пресыщенные чаем и вултонскими пирожками, все с болтающимися на боку противогазами, хлопающими их по бедру в такт неуклюжей походке.

– Сегодня ты не слишком блистал, – сурово сказал Йэн.

– Я хочу есть.

– В это время дня ничего не найдешь. Я отправляюсь домой.

– Мне идти с тобой?

– Нет.

– Вирджиния будет там?

– Не думаю.

– Но она была там, когда ты звонил.

– Она собиралась уходить.

– Я не видел ее целую неделю. Она ушла с работы в транзитном лагере. Я расспрашивал других девушек. Они не сказали, куда она устроилась. Ты же знаешь, какие бывают девушки.

Йэн печально взглянул на своего протеже. Он собирался прочитать Триммеру нотацию, напомнить о предстоящих удовольствиях поездки по заводам, производящим оружие, однако Триммер посмотрел на него таким скорбным взглядом, что Йэн сказал только:

– Ну ладно, я иду в управление особо опасных операций, позвоню тебе еще. – И, повернувшись, направился на Трафальгар-сквер.

Триммер следовал за ним до станции метро, затем, не сказав ни слова, внезапно повернул и, напевая себе под нос, спустился на платформу, заставленную рядами коек, где долго ждал переполненного поезда.

Управление особо опасных операций в Марчмэйн-Хаус, ожившее в результате повысившегося к нему интереса и новой волны энтузиазма в отношении частей особого назначения, расширялось. Прибавились новые помещения, появились новые люди. Здесь же, в отделе Йэна, нашла убежище и Вирджиния Трой.

– Ну как, удалось избавиться от «демонического цирюльника»? – спросила она.

– Он только что исчез, фальшиво мурлыча что-то себе под нос. Вирджиния, мне надо серьезно поговорить с тобой о Триммере. На карту поставлено благополучие нашего управления. Ты же понимаешь, что на данный момент он является нашим единственным вкладом в военные усилия. Я никогда не встречал человека, который так изменился бы под влиянием успеха. Месяц назад он был в центре всеобщего внимания. Со своим произношением, улыбкой и шевелюрой он просто создан для того, чтобы стать национальным героем. А посмотри на него сегодня. Сомневаюсь, хватит ли его на это лето. Я уже видел, как на моих глазах стал ничем маршал авиации Бич. Мне знакомы эти симптомы. Надо сделать все, чтобы такое не повторилось. Я приобрету плохую репутацию в нашей службе, и на этот раз совсем не по своей вине. Как заметила твоя жертва, виновата в этом «ты, ты, ты». Следует ли напомнить тебе, что ты явилась ко мне в слезах и сделала жизнь в нашем доме невыносимой, пока я не нашел тебе эту работу? Взамен мне хотелось, чтобы ты проявила хотя бы немного лояльности.

– Но, Йэн, почему ты считаешь, что мой уход из столовой был вызван чем-то другим, кроме желания избавиться от Триммера?

– Я думал, тебе надоели Бренда и Зита.

– Только потому, что возле них всегда околачивался этот Триммер.

– А-а, – протянул Йэн. Он забарабанил по столу пальцами. А как понимать все эти разговоры о Глазго? – поинтересовался он.

– О, *это*? – усмехнулась она. – Ничего особенного. Просто дурачество. Ничего похожего на то, что происходит сейчас.

– Сейчас бедняга воображает себя влюбленным.

– Да это просто неприлично.

31 мая Гай находился в пещере в скалах, нависших над берегом моря в Сфакии, с которого вскоре должна была начаться посадка войск на корабли. Стрелки на часах показывали, что еще нет и десяти, но было похоже, что наступила глубокая ночь. В лунном свете все казалось недвижимым. Внизу, в запруженном войсками ущелье, ожидая подхода шлюпок, в ротных колоннах стоял второй батальон алебардистов; все солдаты были в полном походном снаряжении. Оперативная группа Хука, развернутая на господствующих над берегом высотах, держала оборону района посадки, имея перед собой противника, который после захода солнца не подавал никаких признаков жизни. Гай привел сюда свое отделение в конце дня. Им пришлось идти всю прошлую ночь и большую часть дня до перевала, затем вниз до Имброса и далее по лощине на эту последнюю позицию. Дойдя сюда, все повалились и заснули мертвецким сном прямо там, где остановились. Гай пустился на поиски, разыскал штаб войск гарнизона Крита и возвратился оттуда с последним суровым приказом командирам частей оперативной группы Хука.

Он беспокойно дремал, часто просыпался и едва ли сознавал, что с ним происходит.

Снаружи слышались шаги. Гай не стал выставлять часового. Рота Айвора Клэра находилась в нескольких сотнях ярдов от их расположения. Гай подошел к выходу из пещеры и увидел в лунном свете фигуру, заговорившую знакомым голосом:

– Гай? Это я, Айвор.

Айвор вошел в пещеру и сел рядом с Гаем.

Едва живые от усталости, они вели разговор безжизненным тоном, томительно растягивая слова, прерывая их длинными паузами.

– Черт возьми, Гай, это же просто идиотское решение.

– Завтра все кончится.

– Только начнется. Ты уверен, что Тони ничего не напутал? Я был в Дюнкерке, ты знаешь. Там не очень-то соблюдали очередь на посадку. Потом тоже не было никаких расследований. Нет никакого

смысла бросать боевые части и вывозить этот сброд. Тони страшно устал. Держу пари, он перепутал полученный приказ.

– Я получил его в письменном виде от командующего. Капитуляция на рассвете. Солдатам знать об этом еще не полагается.

– Но они все равно все знают.

– Генерал отбывает на летающей лодке сегодня вечером.

– Значит, не хочет оставаться на тонущем корабле.

– Наполеон не остался со своей армией после Москвы.

После небольшой паузы Айвор спросил:

– А что делают в лагере военнопленных?

– Мне представляется страшно надоевшая серия концертных вечеров самодеятельности, возможно, в течение ряда лет. У меня есть племянник, он попал в плен в Кале. Как ты думаешь, можно добиться отправки в какой-нибудь лагерь по собственному выбору?

– Я полагаю, да. Обычно это возможно.

Еще одна пауза.

– Командующему не имело смысла оставаться здесь, чтобы попасть в плен.

– Никакого. Никому из нас нет смысла оставаться.

Снова пауза.

– Бедная Фрида. К тому времени, когда я увижу ее снова, она превратится в старую суку.

Гай ненадолго забылся в дремоте. Затем Айвор спросил:

– Гай, что бы ты сделал, если бы тебя вызвали на дуэль?

– Расхохотался бы.

– Да, конечно.

– Почему ты спросил об этом именно сейчас?

– Я думал о чести. Это понятие, которое изменяется со временем, не так ли? Я хочу сказать, что сто пятьдесят лет назад нам пришлось бы драться, если бы нас вызвали. Теперь мы рассмеялись бы. Должно быть, во времена, отстоящие от нас лет на сто или около того, этот вопрос представлялся довольно щекотливым.

– Да. Моралисты-теологи так и не смогли прекратить дуэли. Понадобилась демократия, чтобы добиться этого.

– По-моему, и в следующей войне, когда мы полностью демократизируемся, для офицеров будет вполне пристойно бросать своих солдат. Так и запишут в уставе в качестве обязанности:

сохранять *кадры* для подготовки новых солдат, на место взятых в плен.

– Возможно, солдаты не очень-то благожелательно отнесутся к перспективе проходить подготовку под руководством дезертиров.

– А ты не думаешь, что в истинно современной армии их уважали бы больше за такое бегство? Я считаю, наша беда в том, что мы оказались здесь в недобрый час, подобно человеку, вызванному на дуэль сотню лет назад.

В лунном свете Гай видел Айвора отчетливо; строгое лицо, теперь изможденное, но спокойное и собранное, такое же, каким он увидел его впервые в Боргезских садах. Айвор поднялся и побрел прочь со словами:

– Что ж, стало быть, дорога чести проходит через дезертирство.

Гай забылся в крепком сне.

В затянувшемся видении ему чудились самые прозаические вещи. Всю проведенную в пещере ночь он маршировал, записывал приказания, передавал их, делал пометки на карте обстановки, снова маршировал. Тем временем луна опустилась за горизонт, в залив вошли корабли, между ними и берегом засновали шлюпки, а затем корабли ушли, оставив на берегу оперативную группу Хука и еще пять-шесть тысяч солдат. В снах Гая не было ни чуждых ему высоких чинов из штаба гарнизона Крита, ни нелепостей, встречавшихся на острове в реальной действительности, ни бегства. Все выглядело так, как в предшествовавший день, предшествовавшую ночь, в ночь и день после высадки в заливе Суда; когда на рассвете он проснулся, перед ним предстал тот же мир, что и во сне; сон и реальность – как два аэродрома, похожие друг на друга во всех отношениях, но находящиеся на разных континентах. Вдали Гай смутно различал самого себя. Он неимоверно устал.

– Говорят, корабли оставили продовольствие на берегу, – сказал сержант.

– Перед тем как попасть в лагерь военнопленных, не мешало бы поесть.

– Значит, правду говорят, сэр, что кораблей больше не будет?

– Истинная правда, сержант.

- И мы должны сдаться в плен?
- Должны, сержант.
- Неправильно все это, по-моему.

Золотистый рассвет уступал место безоблачной синеве. Гай повел свое отделение по каменистой тропинке вниз в гавань. Набережная была завалена брошенным снаряжением и обломками, появившимися в результате бомбежек. Среди мусора и обломков стояли штабеля ящиков с продовольствием (мясные консервы и галеты) и медленно двигалась толпа солдат, запасавшихся едой. Сержант протолкался через толпу и вскоре вынырнул из нее со множеством консервных банок. Из стены разрушенного здания торчал кран, и холодная вода стекала в груды обломков. Гай и солдаты его отделения наполнили фляжки, напились досыта, снова наполнили их и завернули кран. Потом они позавтракали. Небольшой город был сожжен, разрушен, и жители покинули его. Повсюду, как тени, бродили солдаты разбитой армии. Одни апатично слонялись без цели, слишком усталые, чтобы думать о еде; другие разбивали о камни свои винтовки, испытывая яростное удовольствие в этом символическом прощании с оружием; какой-то офицер топтал ногами свой бинокль; рядом с ним пылал подожженный мотоцикл; небольшая группа солдат под руководством капитана-сапера возилась у старой рыбацкой лодки, лежащей на боку, частью в воде, частью на песке. Сидевший на набережной солдат методично разбирал пулемет «брен» и швырял детали в воду. Какой-то низкорослый солдат переходил от группы к группе и, как проповедник, увещающий обреченных прихожан на пороге неминуемого страшного суда, твердил: «Чтобы я сдался? Черта с два! Я иду в горы. Кто со мной?»

– Есть в этом какой-нибудь смысл, сэр? – спросил сержант.

– Нам приказано сдаться, – возразил Гай. – Если мы скроемся, критянам придется заботиться о нас. Если нас найдут немцы, мы попадем в категорию военнопленных, а наших друзей расстреляют.

– Что ни говорите, сэр, все равно мне кажется, что это неправильно.

В это утро ничто не казалось правильным, все выглядело нереальным.

– По-моему, группа старших офицеров уже отправилась на поиски нужного человека для переговоров о сдаче.

Прошел час.

Низкорослый солдат набил свой вещевой мешок продуктами, повесил на плечи три фляжки с водой, сменил винтовку на пистолет, который артиллерист-австралиец намеревался бросить в море. Согнувшись под тяжестью ноши, но твердо переставляя ноги, он с важным видом зашагал прочь и вскоре скрылся из виду. Вдали, за выходом из гавани, поблескивало спокойное открытое море. Повсюду жужжали и роились мухи. Со дня прибытия на эсминце Гай ни разу не раздевался. Он сказал:

– Сержант, я вот что собираюсь сделать – выкупаться в море.

– Но *не здесь* же, сэр?

– Нет. Вон там, за мысом, вода, должно быть, чистая.

Сержант и два солдата отправились вместе с ним. Приказаний в этот день никто не отдавал. В толще скалистого мыса, образующего гавань, они отыскали расщелину. Пройдя ее, они попали в небольшую бухточку с каменистым пляжем, глубокой и чистой водой. Гай снял с себя одежду и во внезапном приступе эйфории принялся нырять и плавать, затем он лег в воде на спину и, закрыв глаза, долго покачивался под лучами солнца; ни один звук не доносился до его ушей, он ощущал только физическую легкость, одиночество и возбуждение. Перевернувшись на живот, он принимался плавать и снова ложился на спину, опять плавал, потом поплыл к противоположному берегу бухты. Здесь скалы отвесно спускались в глубокую воду. Протянув руку, он зацепился за выступ скалы. Нагретый солнцем камень был теплым. Гай подтянулся и, опершись локтями на выступ, отдыхал, болтая ногами в воде, доходившей ему до колен. Он сделал передышку, так как за прошедшую неделю потерял много сил, затем поднял голову и обнаружил, что смотрит прямо в чьи-то глаза – глаза человека, сидевшего над ним на выступе скалы из черного камня и пристально разглядывающего его; человек выглядел необычно чистым и упитанным по сравнению с другими из гарнизона Крита; в ярких лучах солнца его зрачки, казалось, были цвета устричной раковины.

– Не разрешите ли подать вам руку, сэр? – обратился к Гаю старшина Людович. Он встал, наклонился и вытащил Гая из воды. – Сигарету, сэр?

Предложив Гаю аккуратную, красочную пачку греческих сигарет, он поднес ему и зажженную спичку. Обнаженный, мокрый, Гай уселся рядом с ним и закурил.

– Где же вы все-таки пропадали, старшина?

– На своем посту, сэр. В тыловом эшелоне штаба.

– Я думал, вы дезертировали.

– Неужели, сэр? Вероятно, мы оба ошиблись в расчете.

– Вы видели майора Хаунда?

– Есть ли необходимость вдаваться в эти подробности, сэр? Не лучше ли признать, что для подобных расспросов еще слишком рано или скорее слишком поздно?

– Что вы здесь делаете?

– Если быть совершенно откровенным, сэр, я подумываю, не утопиться ли мне. Пловец я плохой, а море так и манит. Вы, сэр, в какой-то мере, видимо, разбираетесь в теологии. Я видел у вас кое-какие книги. Посчитают ли моралисты это самоубийством, если я поплыву прямо в море, сэр, в фантастической надежде добраться до Египта? Сам я не наделен верой в бога, но всегда интересовался теологическими умозрительными заключениями.

– Вам следовало бы присоединиться к остаткам штаба.

– Вы говорите как офицер или как теолог?

– Ни как тот, ни как другой, по правде сказать.

Гай встал.

– Если вы не собираетесь докурить эту сигарету, могу я получить ее обратно? – Старшина Людович заботливо отщипнул тлеющий конец сигареты и водворил окурок в пачку. – «Бычки» теперь на вес золота, – заметил он, перейдя на казарменный жаргон. – Я последую за вами в обход, сэр.

Гай нырнул и поплыл обратно. Когда он одевался, Людович уже присоединился к нему. На нем теперь была форменная одежда и, как заметил Гай, майорские погоны.

– Вас повысили в чине на поле боя? – спросил Гай.

– Сейчас не то время, чтобы строго соблюдать этикет, – ответил Людович.

Прекратив разговоры, они молча побрели в Сфакию. Толпа солдат разрослась и продолжала расти по мере подхода нестройных колонн, покинувших укрытия в горах и спускавшихся, еле передвигая ноги,

вниз, к гавани. От складов продовольствия ничего не осталось. Повсюду под стенами домов, прислонившись к ним спинами, сидели солдаты, уныло жевавшие у кого что было. Общий интерес привлекала копошившаяся у лодки группа, которая теперь принялась сталкивать ее в воду. Возглавлявший группу саперный капитан покрикивал на солдат голосом более решительным, чем те, которые приходилось слышать Гаю за последние дни.

– Легче, легче... Вместе все!.. Раз, два – взяли!.. Так, так... Давай, давай... – Солдаты обессилели, но лодка продвигалась. Берег был крутой, скользкий от покрывавших его водорослей. – Давай еще! Вместе взяли! Еще раз... Пошла, пошла... Не задерживай... Вот так, вот она и плывет...

Гай устремился вперед, проталкиваясь сквозь толпу.

– Они спятили! – произнес стоявший рядом солдат. – Ни черта у них не выйдет.

Лодка была на плаву. Ее удерживали три человека, стоявшие по пояс в воде; капитан и остальные из его группы взобрались в лодку и принялись вычерпывать воду и готовить двигатель к запуску. Гай наблюдал за ними.

– Кто еще хочет с нами? – крикнул саперный капитан.

Гай пробрался к нему по воде.

– Каковы ваши шансы? – спросил он.

– Один к десяти – что нас подберут, и один к пяти – что дойдем самостоятельно. Мы не слишком хорошо обеспечены всем необходимым. Ну как, идете?

Гай ничего не взвешивал. В это утро ничто не поддавалось взвешиванию. Он видел перед собой только манящий простор открытого моря, испытывал удовольствие оттого, что нашел кого-то другого, взвалившего на себя тяжесть решения.

– Да. Только я еще переговорю со своими солдатами.

Двигатель после серии мелких хлопков выпустил клуб маслянистого дыма.

– Скажите им, чтобы решали поскорее. Мы отойдем сразу же, как только запустим эту штуку.

Гай обратился к своему отделению:

– Шансы выбраться – один к пяти. Я иду. Решайте каждый сам за себя.

Солдаты разведывательного отделения отрицательно покачали головой.

– А вы, старшина, как намерены поступить? Можете быть уверены, ни один богослов не посчитал бы это самоубийством.

Старшина Людович посмотрел своими тусклыми глазами на море, но ничего не сказал.

– Шлюпка с идущими в увольнение отходит! Есть еще желающие занять места? – крикнул саперный капитан.

– Я иду, – отозвался Гай.

Он подходил к борту лодки, когда обнаружил, что Людович следует за ним по пятам. Шум запущенного двигателя не позволил Гаю услышать тот звук, который хорошо услышал Людович. Они вместе взобрались в лодку. Из наблюдавшей за ними толпы кто-то крикнул: «Счастливого пути, друзья!», и этот возглас подхватили немногие другие, но из-за работающего двигателя их голосов на шлюпке не слышали.

Саперный капитан стал за руль. Они продвигались довольно быстро, оставляя позади радужную пленку нефти и плавающий мусор. Глядя на берег, они заметили, что в толпе все подняли лица к небу.

– Опять «юнkersы», – проворчал саперный капитан.

– Ничего, теперь уже все кончилось. По-моему, они прилетели просто посмотреть на результаты бомбежек.

Оставшиеся на берегу, казалось, придерживались того же мнения. В укрытие ушли лишь немногие. Матч закончился, игра прекратилась. Однако в следующий момент среди толпы начали рваться бомбы.

– Сволочи! – ругнулся саперный капитан.

С лодки было видно, что толпу охватило смятение. Один из самолетов пролетел над лодкой на небольшой высоте, дал очередь из пулеметов, промазал и повернул в сторону. Больше их никто не потревожил. Гай видел, как новые бомбы взрывались на опустевшей теперь набережной. Его последние мысли были об отряде командос «Икс», о Берти, Эдди и больше всего об Айворе Клэре, ожидающих на своих позициях, пока противник возьмет их в плен. В лодке в этот момент никому из них занятия не нашлось. Оставалось спокойно сидеть, наслаждаясь солнечными лучами и свежим бризом.

Так они покинули этот остров бесславия.

Полное забвение. Всепоглощающее молчание. Когда по госпиталю проносились дуновение и шелест легкого, нетерпеливого северо-западного ветерка, который в давние времена задержал на этом берегу Елену и Менелая, молчание сладостно разрасталось, подобно зреющей винной ягоде.

Молчание было личным достоянием Гая, его собственным действием.

Извне до него доносилось множество звуков: радио в другом конце коридора, другое радио в корпусе напротив, постоянный звон колокольчиков на тележках разносчиков, шум шагов, голоса; в этот день, как и во все предыдущие, в палату Гая входили люди и говорили ему что-то. Он слышал и понимал их, но испытывал такое же небольшое желание вступить с ними в разговор, как зритель – в разговор актеров на сцене; между ним и этими людьми, как в театре, находилась оркестровая яма, рампа и задрапированная авансцена. Он, как путешественник-исследователь, лежал в освещенной палатке, в которую снаружи, из темноты, теснясь и толкая друг друга, то и дело заглядывали каннибалы.

В детстве Гай знал одну всегда молчавшую женщину по имени миссис Барнет. Навещая ее, мать Гая часто брала его с собой. Женщина лежала в единственной верхней комнате коттеджа, пропитавшейся запахами парафина, герани и самой миссис Барнет. Ее племянница, женщина в возрасте, по понятиям Гая, стояла у кровати и отвечала на вопросы его матери. Мать обычно сидела на единственном в комнате стуле, а Гай стоял рядом, разглядывая всех их и религиозные гипсовые статуи, расставленные вокруг кровати миссис Барнет. Когда они уходили, племянница благодарила мать Гая за принесенную провизию и говорила: «Тетушка очень признательна вам за ваши посещения, мэм».

Старуха же не произносила ни слова. Она лежала, держа руки поверх стеганого лоскутного одеяла и уставив глаза на закопченную от лампы бумагу, которой был оклеен потолок и которая в местах, где на нее падал свет, оказывалась покрытой прекрасным узором,

похожим на узор накрахмаленной скатерти, покрывавшей стол в столовой дома у Гая. Голова старухи была неподвижна, однако глазами она следила за всем происходящим в комнате. Ее руки почти незаметно, но неустанно шевелились и подергивались. Крутая лестница заканчивалась вверху и внизу жиденькими, из двух створок, дверцами. Пожилая племянница, бормоча слова благодарности, провожала гостей вниз, в гостиную, и далее – на деревенскую улицу.

– Мамочка, почему мы навещаем миссис Барнет?

– О, мы обязаны навещать ее. Она лежит вот так с тех пор, как я приехала в Брум.

– Но знает ли она нас, мамочка?

– Я уверена, если бы мы не приходили, она очень сожалела бы.

Его брат Айво тоже был молчаливым, и Гай хорошо запомнил это. В длинной галерее или за столом Айво, бывало, отчужденно просиживал иногда целые дни напролет, ничем не занимаясь, не вступая в общий разговор, внимательно слушая, но не говоря ни слова.

В детской на Гая тоже находили приступы молчаливости. «Что, проплотил свой язычок?» – ласково спрашивала нянюшка.

Таким же веселым тоном спрашивала его сейчас медсестра, которая приходила по четыре или по пять раз в день с шутливым вопросом: «Ну как, скажете ли вы нам что-нибудь сегодня?»

Хромой гусар, навещавший его по вечерам с неизменным виски с содовой, потерял терпение скорее. Вначале он пытался быть дружелюбным: «Томми Блэкхаус, через две палаты отсюда, спрашивает о вас. Я знаю Томми уже много лет. Хотелось бы мне послужить в его частях. Это плохо, что они все угодили к фрицам... А ногу мне покалечило под Тобруком...» Однако, остуженный продолжавшимся безмолвием недвижимо лежащего Гая, он отказался от дальнейших попыток и теперь молчаливо стоял с подносиком в руках, ожидая, пока Гай осушит свой стакан.

Однажды к Гаю заглянул капеллан.

– Я внес вас в списки как католика – это правильно?

Гай не ответил.

– Я с сожалением услышал, что вы чувствуете себя не очень хорошо. Не нужно ли вам что-нибудь? Нельзя ли чем-нибудь помочь вам? Я всегда поблизости. Только спросите меня – и я тут. – Гай по-прежнему молчал. – Я оставлю вам вот это, – сказал священник,

вкладывая ему в руки молитвенник, и это его действие каким-то образом соответствовало мыслям Гая, ибо последнее, о чем он помнил, была молитва. В самые тяжелые дни в лодке, когда они дошли до крайности, молились все: некоторые предлагали богу сделку: «Боже, вызволи меня отсюда, и я буду жить иначе, честное слово»; другие повторяли строфы из псалмов, запомнившихся с детства, – все, кроме безбожника Людовича, сидевшего за рулем.

Был один четко запомнившийся момент прозрения между двумя провалами памяти, когда Гай обнаружил, что держит в руке не медальон, принадлежащий Джервейсу, как он воображал, а красный личный знак, снятый с неизвестного солдата, и услышал свой голос, бессмысленно твердивший: «Святой Роджер Уэйброукский, защити нас в этот день войны и будь нашим хранителем против зла и искушений дьявола...»

Ничего происшедшего после этого Гай не помнил.

Положив руки поверх простыни, он как бы заново переживал пройденное.

Было ли это с ним наяву или приснилось? Можно ли вспомнить и снова пережить что-либо, если факты и сны перемешались? Можно ли верить воспоминаниям, если время было фрагментарным или, наоборот, растяжимым, если оно состояло из минут, которые казались днями, и из дней, казавшихся минутами? Он мог бы все рассказать, если захотел бы. По ему было необходимо сохранить эту тайну. Начав рассказывать, он возвратился бы в тот же мир, он снова оказался бы на сцене.

Однажды после полудня, в первые дни тревожных мыслей и подсчетов, все они запели «Боже, храни короля!». В знак благодарности. В небе появился самолет с опознавательными знаками королевских военно-воздушных сил. Он изменил курс, покругил над ними, дважды с ревом пронесся над их головами. Все замахали чем попало, но машина, набрав высоту, улетела на юг, в направлении Африки. В тот момент возможность спасения не вызвала сомнений. Саперный капитан приказал установить вахты. Весь следующий день они вели наблюдение в ожидании корабля, который должен был бы прийти, но так и не появлялся. К ночи надежда угасла, и вскоре страдания от лишений уступили место апатии. Саперного капитана, до этого такого проворного и деловитого, охватило оцепенение.

Горючее иссякло. Они подняли парус, не требовавший особого внимания. Временами он повисал безжизненно, иногда наполнялся легким ветерком. Распростертые на дне лодки люди лежали почти без сознания, бормоча что-то и храпя. Вдруг саперный капитан неистово закричал:

– Я знаю, что вы задумали!

Ему никто не ответил. Он повернулся к Людовичу и крикнул:

– Думаешь, я сплю? Я слышал... Я все слышал!

Побледнев, Людович молча смотрел на него. С неистовой злобой сапер продолжал:

– Учти, если погибну я, ты сдохнешь вместе со мной.

Затем, обессиленный, он уронил голову на покрытые волдырями колени. Гай в промежутках между приступами дремоты молился.

Позже в тот день – какой же это был день: следующий или второй? – саперный капитан подполз к Гаю и шепотом попросил:

– Мне нужен ваш пистолет, дайте его мне, пожалуйста.

– Зачем?

– Свой я выбросил до того, как нашел эту лодку. Здесь я командир. Я один имею право носить оружие.

– Чепуха.

– Значит, вы тоже с ними?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Да, это, пожалуй, верно. В самом деле, вы же спали. Но я слышал их разговор, пока вы спали. Мне известны их планы, его план, – прошептал он, кивнув на Людовича. – Вы же понимаете, мне *необходим* ваш пистолет, ну *пожалуйста*.

Гай взглянул в его безумные глаза и вытащил пистолет из кобуры.

– Если вы снова заснете, то пистолетом овладеет *он*. В этом и состоит его план. Я единственный в состоянии не спать. Я обязан бодрствовать. Если я засну, мы *все* пропадем. – Безумный взгляд был полон мольбы. – Теперь вы понимаете? Ну пожалуйста, я должен иметь пистолет.

– Вот самое лучшее место для него, – сказал Гай и бросил оружие за борт.

– Идиот! Проклятый идиот! Теперь мы все в его власти.

– Прилягте, – сказал Гай. – Успокойтесь, не то вы заболаете.

– Один против всех вас! – обреченно произнес капитан. – Совершенно один.

В эту ночь между заходом луны и восходом солнца саперный капитан исчез. На рассвете парус безжизненно повис. На горизонте – ни одного ориентира, по которому можно было бы определить, стоят они на месте или дрейфуют по течению, и никаких следов саперного капитана.

Что же было реальным? Клопы. Вначале это показалось неожиданностью. Гай всегда думал о море, как о чем-то особенно чистом. Однако под всеми шпангоутами старой лодки оказалось полно клопов. По ночам они расползались повсюду, больно кусались и испускали зловоние. К началу дня они заползали в укрытые участки тела, под колени, на затылок, под подбородок. Они-то были реальными. А как насчет китов? Было такое время – и оно отчетливо сохранилось в памяти Гая, – когда он проснулся и услышал, как залитое лунным сиянием окружающее море издает низкую, раздирающую уши ноту, и увидел вокруг лодки огромные блестящие мясистые туши, то вздымающиеся на волнах вверх, то проваливающиеся вниз. Были ли они реальными? Был ли реальным туман, опустившийся на воду, и закрывший их, и рассеявшийся так же быстро, как появился? А черепахи? В ту же ночь или в другую после захода луны Гай увидел, как на спокойной поверхности моря появились мириады кошачьих глаз. В батарейках ручного фонарика, который Гай использовал очень экономно, еще оставалось немного энергии. Он повел тусклым лучом по воде и увидел, что все море, насколько хватало света, покрыто слегка покачивавшимися на волнах черепашьими панцирями и что на него изумленно уставились бесчисленные, неопределенного возраста, похожие на ящериц морды.

Пока Гай перебирал в памяти эти смутные воспоминания, к нему постепенно возвращалось здоровье, подобно тому, как весной в сухой ветке пробуждается жизнь. За ним заботливо ухаживали. Первое время, когда под влиянием инъекции морфия он находился в полусонном состоянии, над его головой висел сосуд с раствором солей, поступавшим по резиновой трубке в вену на руке, подобно тому, как садовники подкармливают питательными веществами цветы, предназначенные для выставки; по мере того как жидкость растекалась по венам, его ужасно распухший язык постепенно

уменьшался, становился розовым и влажным и приходил в норму. Гая натирали маслом, как крикетную битку, и его старческая, морщинистая кожа делалась гладкой. Очень скоро его ввалившиеся глаза, свирепо глядевшие на него из зеркальца для бритья, приобрели свой обычный мягкий, меланхолический взгляд. Фантастические галлюцинации в его мозгу уступили место перемежающемуся и неясному, но спокойному сознанию.

Первые дни он с благодарностью пил чашками восхитительный солодовый напиток и тепловатый рисовый отвар. Его аппетит отставал от физического выздоровления. Ему назначили легкую диету – вареную рыбу и саго, но он ничего не ел. Его перевели на консервированную селедку, мясные консервы и картофель, бланманже и сыр.

– Как он ест? – неизменно спрашивал полковник, обходивший палаты.

– Весьма посредственно, – докладывала медсестра.

Гай доставлял одни неприятности этому тучному, добродушному и довольно тяжелому на подъем офицеру, он знал это и сожалел об этом.

Полковник испробовал все виды уговоров, от повелительного: «Ну довольно, Краучбек, кончайте это» – до заботливого: «Если вы в чем-либо и нуждаетесь, то это в отпуске по болезни. Вы могли бы поехать куда угодно, хоть в Палестину, если хотите. Вам нужно больше есть. Попробуйте заставить себя». Полковник направил к нему неврастеника-психиатра, которого Гай легко провел ничем не нарушаемым молчанием. Наконец полковник заявил:

– Краучбек, я обязан сказать вам, что ваши документы прошли все инстанции. Ваше временное назначение потеряло силу со дня капитуляции на Крите. С первого числа этого месяца вы получаете прежний чин лейтенанта. Неужели вы не понимаете, дружище: продолжая лежать здесь, вы *теряете* деньги!

В этом обращении звучала настоятельная просьба. Гай и хотел бы успокоить его, но к этому времени утратил способность делать то, что от него требовали, точно так же, как, приехав однажды в Англию, еще до войны, чувствуя сильное утомление, он обнаружил, что

необъяснимым образом разучился завязывать себе, галстук бабочкой. Он повторял, казалось бы, привычные движения, но каждый раз узел либо распадался, либо получалось, что бант стоит строго вертикально. В течение десяти минут он, выбиваясь из сил, стоял перед зеркалом и наконец вынужден был позвонить и попросить о помощи. На следующий вечер и неизменно в дальнейшем он без труда выполнял это маленькое чудо ловкости рук. Так и теперь, тронутый искренностью этого пожилого полковника медицинской службы, он и хотел бы ответить ему, но был не в состоянии сделать это.

Полковник посмотрел историю болезни, в которой были зарегистрированы неизменно нормальная температура Гая, его ровный пульс и координированные движения. Затем он вручил историю болезни старшей медсестре в красном колпаке, которая передала папку медсестре в полосатом колпаке, и вся процессия оставила его в одиночестве.

Выйдя за дверь, полковник озабоченно и неохотно распорядился, чтобы Гая перевели для обследования в другую палату.

Однако, сумасшедший или нормальный. Гай не давал наблюдавшим за ним никакой пищи для фантазии. Подобно миссис Барнет, он лежал, положив едва двигавшиеся руки поверх полотняной простыни.

Избавление пришло, но не по официальным каналам.

Однажды утром совершенно неожиданно новый звонкий голос неумолимо призвал Гая к порядку:

– *C'e scappeto il Capitano?*^[69]

В дверях его палаты стояла миссис Ститч – лучезарная противоположность накрахмаленным и покрытым колпаками медицинским сестрам, единственным его посетительницам. Без усилий и раздумий Гай ответил:

– *No Capitano oggi, signora, Tenente.*^[70]

Войдя, она уселась на кровати и немедленно пустилась рассказывать о часах, которые ей подарил король Египта, о том, как Эджи Ститч сомневался, следует ли ей принять их, а посол не сомневался совсем, а также о том, что сказала сестра главнокомандующего.

– Я ничего не могу поделывать, король мне нравится, – заявила она, доставая часы из сумочки – на этот раз не в виде корзинки, а в виде чего-то нового, скромного и изящного, прямо из Нью-Йорка, – и нажимая на них кнопку, чтобы продемонстрировать все, на что они способны. Это был увесистый, искусно сработанный уродливый механизм эпохи второй империи, усыпанный бриллиантами, покрытой эмалью и украшенный купидончиками, которые во время боя неуклюже танцевали гавот. Гай обнаружил, что разговаривает с миссис Ститч совершенно свободно.

– Я только что виделась с Томми Блэкхаусом, – сказала она после демонстрации часов. – Он лежит в одной из палат в этом же коридоре с вытянутой к потолку ногой. Я хотела увезти Томми с собой, но они не разрешают трогать его с места. Он всячески старался связаться с вами. Ему необходимо помочь написать письма ближайшим родственникам солдат его отряда командос. Как ужасно все, что случилось с ними!

– Да, Томми повезло, он не участвовал во всем этом.

– С Эдди и Берти, да и со всеми остальными друзьями.

– И с Айвором.

В дни своего молчания Гай много думал об Айворе, этом молодом принце, которого Афины послали в качестве жертвоприношения в критский лабиринт.

– О, с Айвором все в порядке! – воскликнула миссис Ститч. – Здоров и бодр, как никогда. Он жил у меня.

– *Все в порядке?! Каким образом? В такой же лодке, как я?* – удивился Гай.

– Ну не совсем в такой, как вы. С большими удобствами. Об Айворе можете не беспокоиться, он не растеряется.

Подобно действию солевого раствора, по каплям стекавшего в вену на руке, возбуждение, вызванное этой новостью об Айворе, исцеляющее и оживляющее, медленно охватило все тело Гая.

– Это замечательно, – обрадовался он. – Поистине это чудесно. Это лучшее из всего, что произошло.

– Ну конечно же, *по-моему*, тоже, – присоединилась к нему миссис Ститч. – Я, как всегда, на стороне Айвора.

В тоне, которым это было сказано, Гай не заметил ничего особенного. Он был слишком возбужден радостной вестью о спасении

своего друга.

– Он где-нибудь поблизости? Попросите его зайти ко мне.

– Нет, он не поблизости. Дело в том, что вчера он отбыл в Индию.

– Почему в Индию?

– Его вызвали туда. Вице-король в некотором роде его кузен. Он потребовал Айвора к себе.

– Я не могу представить, чтобы Айвора можно было заставить сделать что бы то ни было против его желания.

– Я думаю, он сам хотел уехать. В конце концов, это почти единственное место, где еще осталось много лошадей.

В эту минуту медицинская сестра внесла поднос.

– Послушайте, и этим вас здесь кормят? Но это так отвратительно выглядит! – воскликнула миссис Ститч.

– Да, действительно.

Миссис Ститч взяла ложку и попробовала еду.

– Вы не можете питаться этим.

– Что и говорить, не очень-то вкусно. Но расскажите мне об Айворе. Когда он вырвался оттуда?

– Больше недели назад. Вместе со всеми остальными.

– Какими остальными? Разве из группы Хука спасся хоть кто-нибудь?

– По-моему, да. Томми сказал мне, что несколько связистов и помощник начальника штаба бригады по тылу.

– А отряд командос «Икс»?

– Нет. Насколько мне известно, из них больше никто не спасся.

– Но я не совсем понимаю... Что же, собственно, делал Айвор?

– О, это целая история. Сейчас рассказывать ее у меня нет времени. – Она нажала кнопку часов, и купидончики пустились в пляс. – Я еще зайду к вам. Очень приятно, что вы в хорошем состоянии. Мне наговорили о вас совсем другое.

– В последний вечер на Крите я виделся с Айвором.

– В самом деле. Гай?

– У нас состоялся длинный, тоскливый разговор о сдаче в плен. Я не могу понять, что произошло с ним после этого.

– Представляю, какой невообразимый хаос царил там.

– Вот именно.

– И все слишком устали и были голодны, чтобы запомнить что-нибудь.

– Да, почти все.

– И мало кто понимал толком, что происходит.

– Да, лишь немногие.

– И никто не имел оснований гордиться чем-нибудь.

– Да, таких было не очень-то много.

– Именно это я и утверждаю все время, – торжественно заявила миссис Ститч. – И совершенно очевидно, что под конец *не было* никаких приказов.

После того как Гай пришел в сознание, это был его первый разговор. У него немного кружилась голова, но он сообразил, что предпринимается попытка, мягко выражаясь, ввести его в заблуждение с помощью лести.

– Ну почему же, приказы были, – возразил он. – Причем совершенно недвусмысленные.

– Были, Гай? Вы уверены в этом?

– Вполне.

Миссис Ститч, казалось, забыла о нетерпении, с которым только что порывалась уйти. Она сидела неподвижно со своими смешными часами в руках.

– Гай, – начала она после небольшой паузы, – я думаю, мне лучше сказать вам: нас окружает сейчас масса гадких людей. И почти все они настроены по отношению к Айвору не очень-то хорошо. Как вы помните, в этих приказах не было ничего, означавшего, что Айвор должен был остаться там в числе последних и быть взятым в плен, правда ведь?

– Нет, было.

– О-о! По-моему, вы просто не очень хорошо их помните.

– Я записал их.

Чудные глаза миссис Ститч скользнули по небольшой неказистой палате и остановились на тумбочке, в которой хранилось все имущество Гая.

– Там?

– Вероятно. Я еще не проверял.

– Я предполагаю, что они были отменены.

– Не знаю, кто бы мог их отменить. Генерал убыл.

– Там произошло вот что, – сказала Джулия, как бы повторяя урок в классе, – из района посадки поступил приказ: группе Хука немедленно грузиться на корабль. Айвора послали на берег проверить достоверность приказа. Там он встретил старшего флотского начальника, который сообщил ему, что высланы проводники и группа Хука уже следует к берегу. Корабль этого начальника как раз отходил. Там был и другой корабль, остававшийся для снятия группы Хука. Этот моряк приказал Айвору немедленно садиться в шлюпку. Пока Айвор не прибыл в Александрию, он думал, что оставшиеся части группы Хука находятся на другом крейсере. Обнаружив, что это не так, он оказался в довольно затруднительном положении. Вот как это случилось. Поэтому, вы понимаете, Айвора обвинять нельзя. Правда ведь?

– Это он так рассказывает?

– Это говорим мы.

– Почему же он сбежал в Индию?

– Это моя идея. Мне казалось, это удачный выход из положения. Ему надо было уехать куда-нибудь. Бригады командос, которой командовал Томми, больше не существует. Полка Айвора здесь нет. Я хочу сказать, не может же он провести остаток войны в клубе «Мохамед Али». Его слишком часто видели в обществе, что и дало людям повод сплетничать. Конечно, – добавила она, – тогда не было никаких оснований ожидать, что до конца войны объявится еще кто-нибудь из группы Хука. Что вы собираетесь делать с этими вашими записями?

– Я полагаю, кое-кто захочет познакомиться с ними.

– Только не Томми.

В этом Джулия оказалась права. После ее ухода Гай направился по коридору в палату Томми. По пути он разминулся с медсестрой.

– Я собираюсь только поговорить с полковником Блэкхаусом.

– *Поговорить?! – переспросила она изумленно. – Поговорить?* Теперь ясно: *у вас* была посетительница.

Томми лежал с ногой в гипсе, удерживаемой в приподнятом положении при помощи веревки и шкива. Он радостно приветствовал Гая.

– Тебя должны представить к военному кресту или какой-нибудь другой награде, – сказал он. – Конечно, беда в том, что на Крите мы

добились не слишком много. Награды предпочитают давать после победы.

– У меня в свое время был медальон. Он принадлежал моему брату, а отец передал его мне. – Гай приложил руку к пижаме и пощупал то место на груди, где висел медальон. – По-видимому, он пропал.

– Наверняка медики постарались, – заметил Томми и перешел к более практическим вопросам: – Ты был, хотя бы некоторое время, старшим группы на лодке?

– Нет. Там был саперный капитан, и вначале всем занимался он. А когда он исчез, мы, кажется, положились на волю случая.

– А что стало с Хаундом?

– Понятия не имею. Людович – единственный, кто может рассказать об этом.

– Насколько я понимаю, Людович оказался на высоте положения.

– Да?

– Первый класс. Ты знаешь, ведь это он доставил тебя на берег в Сиди-Баррани.

– Я не знал.

– Он, должно быть, сильный как лошадь. Пробыл в госпитале всего два дня. Я представил его к производству в офицеры. Не могу сказать, что этот парень очень нравился мне когда-нибудь, однако, несомненно, я, как обычно, был не прав. Медсестры говорили мне, Гай, что ты спятил, но у тебя, кажется, все в порядке.

– Сегодня утром заходила Джулия Ститч.

– Да, она зашла ко мне на обратном пути. Хочет попытаться получить у них разрешение перевезти меня к себе домой.

– Она рассказала мне об Айворе.

– Да. Значит, она сказала. – Хорошо знакомая Гаю профессиональная осторожность Томми омрачила его открытое, с дружелюбной улыбкой лицо. – Айвор был в прекрасном состоянии. Ему не разрешили навестить тебя. Его очень обрадовала весть о твоём возвращении. Жаль, что ему пришлось уехать так скоро.

– Он рассказал тебе историю своего бегства? – спросил Гай.

– Одну из версий.

– Ты не поверил в нее?

– Мой дорогой Гай, за кого ты меня принимаешь? Никто не верит в нее, а Джулия – меньше всех.

– Ты не собираешься предпринять что-нибудь по этому поводу?

– *Я?* Слава богу, это не имеет ко мне никакого отношения. В данный момент я являюсь майором, ожидающим нового назначения по выходе из госпиталя. Джулия убрала его отсюда. Уверяю тебя, ей пришлось здорово потрудиться, чтобы добиться этого. Теперь самое лучшее для всех – это помалкивать и забыть, что произошло. Все это слишком сложное дело, чтобы кому бы то ни было *предпринимать* что-нибудь. Айвор мог бы угодить под военный суд по обвинению в дезертирстве перед лицом неприятеля. Это было бы чертовски паршивое дело. В прошлую войну людей расстреливали за такое. Разумеется, никто и не собирается *предпринимать* что-нибудь. Айвору крупно повезло, что с нами не было вашего бригадира Ритчи-Хука. Уж *тот-то* наверняка предпринял бы что-нибудь!

Гай ничего не сказал Томми о записях, хранившихся в тумбочке. Они перешли на разговор о будущем.

– Похоже, что командос сходят со сцены, по крайней мере в части, касающейся Ближнего Востока, – сказал Томми. – Нам обоим повезло. Нас не будут пихать куда попало, батальоны наших полков, к счастью, находятся здесь. Ты, я полагаю, возвратишься к алебардистам?

– Надеюсь. О лучшем я и не мечтаю.

В тот же день после полудня Гая перевезли к миссис Ститч. Госпиталь отправил его туда на санитарной машине. Врачи даже настояли на том, чтобы в машину и из машины его внесли и вынесли на носилках, однако, прежде чем уехать, Гай самостоятельно прошел по палатам и попрощался со всеми.

– Там вы будете как сыр в масле кататься, – сказал Гаю полковник медицинской службы, вычеркивая его из списков больных. – Ничто не поправит вас лучше, чем хотя бы элементарный домашний уют.

– Вот что значит иметь влияние, – прокомментировала уход Гая медицинская сестра.

– Она и меня пыталась похитить, – признался Томми. – Я люблю Джулию, но, если ты собираешься погостить у нее, надо иметь немалый запас сил.

Такое предупреждение Гай слышал в свое время из уст Айвора, но не обратил на него внимания. Поскольку теперь предупреждение исходило от более крепкого Томми, оно заставило Гая заколебаться, но отступить было поздно. Около него с безжалостным видом уже стояли санитары с носилками. Через полчаса он оказался в роскошной официальной резиденции миссис Ститч.

Деды и бабки Джулии Ститч провели жизнь на службе у королевы Виктории и при этом дворе сформировали свои взгляды на уклад жизни, оказавшие влияние на следующее поколение и определившие обстановку, в которой проходило детство миссис Ститч, преждевременно закончившееся, но оставившее глубокие впечатления. Миссис Ститч выросла в убеждении, что комфорт – довольно распространенная вещь. Она любила роскошь и в некоторых, неопределенных, пределах была расточительной: никто, сидящий за ее обеденным столом, не мог быть совершенно уверенным, без опасения впасть в ошибку, какое блюдо, по-видимому, классического обеда, является последним; она обожала всякие перемены и сюрпризы, блестящую оригинальность и седую старину, однако не любила окружать чрезмерными удобствами гостей у нее мужчин.

Последнее стало очевидным, когда она проводила носилки с Гаем вниз, в приготовленную для него комнату. Комната находилась действительно внизу, значительно ниже уровня земли. Миссис Ститч прошла по цементному полу легко, вприпрыжку, от таракана к таракану, раздавив штук шесть на пути к окну. Распахнув окно настежь, она открыла доступ на кухонный двор. На уровне глаз во всех направлениях сновали босые ноги слуг-берберов. Один из них сидел на корточках рядом с окном, ощипывая гуся, пух которого, подхваченный северо-западным ветерком, поплыл по комнате.

– Ну вот! – воскликнула она. – Здесь чудесно! Чего еще можно было бы пожелать? Знаю – цветов. – Она умчалась куда-то. Вернулась с охапкой тубероз. – Вот, – сказала она, поместив их в таз. – Если захотите умыться, пользуйтесь ванной комнатой Элджи. – Она оглядела комнату с непритворным удовольствием. – Все к вашим услугам, – заключила она. – Присоединяйтесь к нам, когда появится желание. – Затем она исчезла, но тут же вернулась. – Вы любите кошек? Вот вам. Они будут разгонять тараканов. – Она вбросила в комнату двух полосатых кошек и закрыла дверь. Оказавшись на полу,

кошки сладко потянулись и с презрительным видом удалились через окно во двор.

Гай сел на кровать; он почувствовал, что за прошедший день на него свалилось слишком много впечатлений. На нем по-прежнему была пижама и халат, казавшиеся наиболее подходящим одеянием для такого переезда. В комнату вошли санитары-носильщики, доставившие личные вещи Гая.

– Можем ли мы помочь вам разложить вещи, сэр? Хотя здесь, кажется, не слишком-то много места для них, правда?

Ни шкафа, ни комода – только вешалка. Солдаты развесили обмундирование Гая и, откозыряв, удалились.

Вещевой мешок Гая переслали в госпиталь из лагеря, как обнаружилось, значительно опустевшим. В нем он нашел сверток с выстиранными лохмотьями (обмундирование, которое он носил на Крите) и аккуратный пакет с вещами, извлеченными из его карманов и ранца-рюкзака; наряду с красным личным знаком там лежали «отпускная грамота», полученная от Чатти Корнера, и записная книжка, в которую Гай заносил свои заметки для журнала боевых действий. Стягивавшая книжку резинка исчезла. Обложка покрылась пузырями, размякла, съежилась в складки, местами разлохматилась, некоторые страницы слиплись. Гай осторожно отделил их друг от друга бритвочкой. На покрывшейся пятнами бумаге в клетку можно было видеть, как на различных стадиях истощения изменялся его почерк. По мере упадка сил буквы становились все крупнее, а нажим все сильнее. Последняя запись о появлении над лодкой самолета была сделана размашистыми каракулями, занявшими всю страничку. Это был его вклад в историю, возможно, свидетельство для процесса по поводу прошедших печальных событий.

Гай лежал на кровати, слишком потрясенный всем происшедшим за этот день, чтобы сосредоточиться на всплывших сегодня проблемах морали. Для Джулии Ститч не было во всем этом никаких проблем. Старый друг попал в беду. Скорее на помощь! Прикрой его спиной! Томми руководствовался неизменным принципом – никогда не создавать затруднений, за исключением дающих положительные результаты или преимущества. Если Айвор или кто-то другой в боевой обстановке поставил бы под угрозу интересы дела, Томми без всяких сожалений немедленно расстрелял бы его. Но здесь совсем

другое дело. Ничто не подвергалось опасности, кроме репутации одного человека. Айвор не навредил никому, кроме самого себя. Теперь он далеко отсюда. Его часть до конца войны обречена сидеть в плену. Для достижения победы не имеет никакого значения, что они там, в лагере военнопленных, говорят об этом.

Гай не таков. Ему эти простые правила поведения не свойственны. Он не питал какой-нибудь давней приязни к Айвору и вообще не испытывал к нему никакой симпатии, потому что человек, бывший его другом, оказался иллюзией. Гай достаточно хорошо понимал также, что суть всей войны заключается в причинении затруднений и неприятностей без особой надежды приобрести взамен преимущество. Почему он оказался здесь, в подвале у миссис Ститч? Почему оказались в плену Берти и Эдди? Почему тот молодой солдат все еще лежит непогребенный в покинутом жителями селении на Крите? Разве все это не ради справедливости?

В подобных размышлениях Гай пролежал почти весь день, пока миссис Ститч не позвала его на коктейль.

Прошло немало дней, а Гай по-прежнему лежал в шезлонге в обществе важничающих, прихорашивающихся «павлинов». Непрерывной вереницей, в одиночку и большими компаниями, приезжали и уезжали гости: паши, придворные, дипломаты, политики, генералы, адмиралы и субалтерны; греки и египтяне, евреи и французы. Но миссис Ститч никогда не упускала из виду Гая. Три, а то и четыре раза в день она появлялась рядом с ним, изливая на него очередную порцию своего обаяния.

– Нет ли у вас здесь друзей, кого бы вам хотелось пригласить? – поинтересовалась она однажды, затеявая очередной званый обед.

– Пожалуй, есть один. Полковник Тиккеридж. Я слышал, что он в лагере в Мариауте. Вы не знакомы с ним, но он не может не понравиться вам.

– Я отыщу его для вас.

Это произошло рано утром 22 июня – в день откровения для людей всего мира, для бесчисленных грядущих поколений, и среди них для Гая – одной бессмертной души выздоравливающего лейтенанта-алебардиста.

Новость о вторжении в Россию принес Элджернон Ститч, возвратившийся домой ко второму завтраку. За столом сидели только

миссис Ститч, Гай и два секретаря.

– Но почему этот идиот не мог начать именно с России, – возмущенно спросил Эджернон Ститч, – вместо того чтобы причинять нам массу неприятностей?!

– А для нас это хорошо? – тоном школьницы задала вопрос миссис Ститч.

– Трудно сказать. Специалисты считают, что у русских не очень-то много шансов. Зато у них имеется масса вещей, которые окажутся весьма полезными для немцев.

– А что скажет в связи с этим Уинстон?

– Будет приветствовать наших новых союзников, конечно. Что же ему остается?

– А это очень приятно – иметь союзника, – заметила миссис Ститч.

За завтраком только и говорили, что о ресурсах Украины, о количестве самолетов, дивизий, транспортных средств и нефти, о Тильзите и Толстом, об американском общественном мнении, о Японии и «антикоминтерновском пакте» – обо всем том, что занимало тогда важнейшее место в умах большинства людей и горячо обсуждалось во всех уголках мира. Однако Гай сохранял молчание.

Миссис Ститч легко коснулась лежавшей на скатерти руки Гая:

– Чувствуете себя неважно сегодня?

– Отвратительно.

– Не унывайте. Сегодня за обедом вы увидите вашего приятеля.

Но Гай нуждался в чем-то большем, нежели полковник Тиккеридж.

Два года назад, в такой же солнечный, беззаботный день, на Средиземноморье он прочел о русско-германском договоре. Тогда ему казалось, что десятилетний период тьмы и позора подходит к концу, что наступает время рассвета и здравого рассудка, время, когда огромный и ненавистный враг хорошо виден, когда все маски сброшены; это был современный век оружия и войн.

Теперь эта иллюзия рассеялась, как рассеялись киты и черепахи во время бегства с Крита; после менее двух лет паломничества в святую землю иллюзий Гай вновь оказался в старом лицемерном мире, где священники оборачивались шпионами, храбрые друзья становились предателями, а его страну вели к бесчестью.

В тот день он достал свою записную книжку и швырнул ее в мусоросжигатель, стоявший во дворе недалеко от окна его комнаты. Это был символический акт; Гай поступил, как солдат на набережной в порту Сфакии, разбиравший пулемет «брен» на части и швырявший их одну за другой, всплеск за всплеском, в воду, покрытую плавающими нечистотами.

Полковник Тиккеридж в этот вечер, как обычно, был в бодром настроении. Его не мучили проблемы добра и зла. Чем больше парней будут стрелять в немцев, тем лучше. Это ясно. Скверная форма правления у русских? Так она и раньше была не из лучших. И русские изменили ее. Все это он объяснил Гаю еще до начала обеда. Полковник Тиккеридж был доволен и только слегка озадачен. По его мнению, так много гостей за обедом могло быть только в честь празднования какого-то события. Какого именно, он так и не узнал. Он испытывал некоторое благоговение перед высоким положением присутствовавших, особенно генералов. Его внимание не привлекла ни одна из дам, сидевших с той и другой стороны от него. Когда они раздражались тирадами на французском языке, он ничего не понимал. Однако он усердно отдавал должное угощению. «Дядюшка» Гай поступил очень хорошо, попросив пригласить его сюда. Позже, вечером, когда они с Гаем вдвоем сидели под пальмами, к ним присоединилась миссис Ститч.

– «Алебардисты! Где ваши пистолеты? – процитировала она. – Где ваши острые секиры? О, алебардисты!»

– Как? – пробормотал ошеломленный полковник Тиккеридж. – Простите, я не совсем вас понимаю...

– О чем вы разговаривали? – поинтересовалась миссис Ститч.

– Я договариваюсь о своем будущем, – ответил Гай. – Результат вполне удовлетворительный. Полковник берет меня обратно к себе.

– На том берегу мы потеряли много хороших парней, как вы знаете. В настоящий момент мы усиленно занимаемся пополнением своих рядов. Не хотелось бы брать кого попало из общего резерва, если можно обойтись без этого. Рады снова видеть у себя одного из старых сослуживцев. Надеюсь, что бригадир не взъестся на него.

– Бригадир? – рассеянно, но вежливо спросила миссис Ститч. – Кто же это?

– Бен Ритчи-Хук. Вы, должно быть, слышали о нем.

Миссис Ститч внезапно насторожилась.

– Думаю, что слышала. Разве он не умер? Я считала, что Томми именно поэтому и вступил в командование чем-то там таким...

– Он пропал без вести, а не умер. Это далеко не одно и то же. Теперь он объявился на западе Абиссинии, возглавляет группу черномазых. Разумеется, хотел и дальше командовать ими, но власть имущие не допустили этого. Они выдворили его оттуда и отправили в Хартум. На этой неделе он должен прибыть в Каир. Мы только что узнали об этом. День хороших новостей, правда ведь?

– Говорят, он солдафон.

– Я бы сказал, не такой, как считают некоторые. Он всегда сам создает себе неприятности.

– Томми вспоминал о нем позавчера, когда говорил о чем-то... Он, кажется, известен всем как человек, с которым то и дело попадаешь в неприятное положение.

– В неприятное положение попадают только те, кто заслуживает этого, – уточнил полковник Тиккеридж.

– Кажется, я знаю, кого вы имеете в виду, – заметил Гай.

– В прошлую войну был один человек, который подвел бригадира в трудную минуту, – сказал полковник Тиккеридж. – Не из наших, разумеется. Бен был тогда всего лишь командиром роты, а тот человек, служил в штабе. Вскоре после этого Бен получил ранение и несколько месяцев провалялся в госпитале. Ко времени его выздоровления этого человека перевели куда-то в другое место. Но Бен так и не простил ему обиды. Он разыскал его и испортил ему всю карьеру. В Бене сидит безжалостный охотник.

– Понятно, понятно, – сказала миссис Ститч. – И все это время формально он оставался командиром части, которой командовал Томми?

– На бумаге.

– И когда же он приезжает?

– На этой неделе, кажется.

– Понятно. Пожалуй, мне следует пойти помочь Элджи.

Через два дня Гай и миссис Ститч сидели на солнышке за апельсиновым соком, дыней, кофе и рогаликами. Тишину раннего утра неожиданно нарушил треск мотоцикла, и в благоухание сада грубо ворвалось облако вонючих выхлопных газов. Солдат-нарочный вручил Гаю официальный пакет. Это был приказ о перемещении его в транзитный лагерь в Суэце для немедленной отправки в Соединенное королевство. Он исходил от управления воинскими перевозками штаба округа. Гай протянул приказ через стол миссис Ститч.

– О, дорогой! – воскликнула она. – Нам будет не хватать вас.

– Ничего не понимаю. Меня назначили на медицинскую комиссию в конце недели. Они признали бы меня годным к прохождению службы в батальоне.

– Вы *не хотите* возвращаться домой?

– Конечно, нет.

– А все другие, по-видимому, хотели бы.

– Здесь какая-то ошибка. Нельзя ли мне взять машину на полчаса, чтобы выяснить это дело?

– Берите, если вы действительно считаете, что этим стоит заняться.

Гай прибыл в штаб и разыскал майора, подписавшего препроводительную к приказу.

– Медицинская комиссия в субботу... Командир второго батальона алебардистов ходатайствует о назначении... Приезжает Ритчи-Хук, – объяснял ему Гай.

– Да-а, – протянул майор. – Похоже, здесь допущена какая-то ошибка. Большую часть дня я провожу в спорах с парнями, которые *хотят* возвратиться. Разбомбили дом, изменила жена, душевнобольные родители – хватаются за любой предлог. *Задержать* кого-то здесь, видимо, будет не трудно. Я не совсем понимаю, – продолжал он, перелистывая бумаги в папке, – откуда появился этот приказ. Официально вы находитесь в отпуске по болезни. Приказ, по-видимому, исходит из главного штаба в Каире. Что это им взбрело в голову? Никакой срочности в вашем прибытии домой, как я понимаю, нет. Вам забронировано место на пароходе «Кэнэри Касл», идущем самым дальним из всех маршрутов. Сейчас он разгружается в Суэце.

Отвратительная старая калоша. На обратном пути его собираются поставить в док в Дурбане. Переход займет несколько недель. Вы, случайно, не замарали свою аттестацию?

– Нет, насколько мне известно.

– Подцепили туберкулез или что-нибудь еще?

– Нет.

– Что ж, тогда в этом нет ничего такого, что нельзя было бы поправить. Позвоните мне сегодня во второй половине дня. – Он дал Гаю добавочный номер своего телефона.

Когда Гай возвратился, Джулия была еще дома.

– Все улажено?

– Думаю, да.

– Прекрасно. Сегодня к завтраку никого не будет. Хотите, я подброшу вас к бару «Юнион»?

Позже в этот день Гаю удалось переговорить с майором, телефон которого очень долго был занят.

– Я спрашивал о вас, Краучбек. Боюсь, что ничем не смогу помочь. Этот приказ исходит от самой высокой инстанции.

– Но почему?

– Об этом вы, вероятно, знаете больше, чем я.

– Во всяком случае, я могу подождать прибытия моего бригадира. Вы не возражаете?

– Сожалею, старина. Вам приказано убыть в Суэц завтра в семь ноль-ноль. Явитесь сюда в шесть пятнадцать... Сам я буду отсутствовать, но вы найдете здесь другого. Надеюсь, вам предстоит приятное путешествие. «Кэнэри Касл» – довольно устойчивая посуда. Она битком набита пленными макаронниками.

В этот вечер состоялся большой прием. Приехала большая часть греческой королевской семьи. Гай с большим трудом улучил момент, чтобы переговорить с миссис Ститч наедине. Когда ему это наконец удалось, он попросил:

– Джулия, вы способны добиться всего. Устройте так, чтобы меня оставили здесь.

– О нет, Гай. Я никогда не вмешиваюсь в дела военных. Элджи это совсем не понравилось бы.

Позже, в тот же вечер, укладывая свои вещи, Гай наткнулся на красный личный знак, привезенный им с Крита. Он не был знаком с

установленной для таких случаев процедурой, не знал, куда и кому адресовать этот знак. После некоторого размышления он написал на листе плотной бумаги, которой пользовалась миссис Ститч: «Снят с трупа английского солдата, убитого на Крите. Точное место захоронения неизвестно». Не подписав, Гай сложил листок, сунул его в конверт и надписал просто: «Главный штаб войск на Ближнем Востоке». «Так или иначе, – подумал он, – знак попадет к кому следует».

Однако на следующее утро, увидев миссис Ститч уже на ногах, одетой и ожидающей, чтобы проводить его в дорогу, Гай подумал, что существует более надежный способ выполнить свой долг.

– Джулия, – спросил он, – как, по-вашему, Элджи сможет поручить кому-нибудь из своих подчиненных выполнить за меня одно дело?

– Конечно. А что именно?

– Всего лишь небольшое незавершенное дело, оставшееся с Крита. Я не знаю, кому надо послать вот это. Секретарь Элджи, видимо, знает.

Миссис Ститч взяла конверт, взглянула на адрес, затем нежно поцеловала Гая.

Когда машина тронулась, она помахала конвертом, потом, войдя в дом, бросила его в корзинку для ненужных бумаг. В ее глазах плескалось огромное, безбрежное море с мчащимися по ветру крылатыми парусниками.

Часть восьмая
«Государственный меч»

– Добрый вечер, Джоуб.

– Добрый вечер, сэр. Очень рад видеть вас снова.

– Кажется, у вас здесь довольно тихо.

– О, не сказал бы, сэр.

– Я имею в виду воздушные налеты.

– О, это верно, сэр. Теперь они кончились. Все, что есть у Гитлера, он теперь использует на русском фронте.

– Мистер Бокс-Бендер прибыл?

– Да, сэр, он здесь.

– Привет, Гай, вы вернулись?

– Привет, Гай, где это вы пропадали?

– Послушайте, Гай, вы были вместе с Томми? Ужасно скверно получилось с Эдди и Берти!

– Не повезло Тони Лаксмору, он попал в плен.

– Вам-то, во всяком случае, удалось улизнуть.

– А как Томми?

– А как Айвор?

– Я был ужасно рад, когда узнал, что с Айвором все в порядке.

– А с Элджи и Джулией приходилось встречаться?

– А, вот и ты, Гай! – сказал Бокс-Бендер. – Я ждал тебя. Если не возражаешь, мы сразу поднимемся наверх и приступим к обеду. Мне надо вернуться в парламент. Кроме того, в наше время, если не поспешить, все будет съедено без тебя.

Гай с зятем протолкались через окружавшую их толпу и поднялись наверх в общую столовую. При свете канделябров официанты разносили скудный обед. Было еще только половина восьмого, но большинство столов оказалось занятыми. Гай и Бокс-Бендер нашли свободный столик в центре зала.

– Надеюсь, все останется между нами. Мне кое о чем надо обязательно переговорить с тобой. Лучше возьми суп. Другое блюдо приготовлено из яичного порошка. Как прошло путешествие?

– Восемь недель.

– *Восемь недель!* Ты привез что-нибудь с собой?

– У меня были апельсины. Испортились во время перехода.

– О-о! Не оборачивайся. Элдерберри ищет свободное место...

Привет, Элдерберри, хотите сесть с нами?

Элдерберри сел за их стол.

– Слышали об итогах недели «Танки для России»?

– Да, – ответил Бокс-Бендер.

– Макс здорово придумал.

– Хотелось бы мне посмотреть на Гарольда Макмиллана, стоящего навтыжку под пение «Красного знамени».

– Я видел это в кинохронике. И миссис Майскую, торжественно снимающую покрывало с портрета Сталина.

– А вы знаете, это сработало, – сказал Бокс-Бендер. – Производство поднялось на двадцать процентов. Двадцать процентов! А ведь предполагалось, что они уже отдали все свои силы.

– А эта забастовка в Глазго. Она не прекратилась бы, если бы не кампания «помощь России».

– Да, так пишут в «Экспрессе».

– Танки для России? – спросил Гай. – Впервые слышу об этом. В танках достаточно остро нуждаются и в пустыне.

– Не беспокойся, там тоже получают их, – успокоил его Бокс-Бендер. – Естественно, рабочие страстно хотят помочь России. Это их так научили. В том, что они берут ведро с красной краской и повсюду малюют огромными буквами «Добрый старый дядюшка Джо», серпы и молоты, плохого ничего нет. Это смоется. Танки попадут туда, где они больше всего необходимы. Можешь быть уверен.

– Имейте в виду, я целиком за русских, – предупредил Элдерберри. – За последние несколько недель нам пришлось во многом перестроиться. Они замечательно дерутся.

– Жаль, что они продолжают отступать.

– Заманивают, Гай, заманивают.

Ни Элдерберри, ни пища не вызывали желания засиживаться за столом.

– Послушай, – оживленно начал Бокс-Бендер, оказавшись наедине с Гаем в углу бильярдной, – у меня мало времени. Я вот что хотел показать тебе. – Он извлек из своей записной книжки бумажку с отпечатанным на ней текстом и вручил ее Гаю. – Что ты скажешь на это?

Гай прочитал: «Духовная борьба» Фрэнсиса де Сэйлса, «Христос – идеал монаха» аббата Мармиона, «Божественные письма» дона Джона Чэпмэна, «Как почувствовать присутствие бога» Лоуренса».

– Я полагаю, здесь должно стоять не дон Джон, а его преосвященство^[71] Джон, – заметил он.

– Да, да, очень возможно. Это копия, снятая моей секретаршей. Но что ты думаешь об этом?

– Чрезвычайно назидательный подбор литературы. Не могу сказать, что я сам читал много подобного. Вы намереваетесь стать монахом, Артур?

Эффект этой маленькой колкости был поразителен.

– Точно! – сказал Бокс-Бендер. – Именно это я и ожидал услышать от тебя. То же самое мне говорили и другие люди, когда я показывал им список.

– Но что это за список?

– Книги, которые Тони попросил прислать ему в лагерь военнопленных. Ну, *a теперь* что ты скажешь?

Гай заколебался.

– На него непохоже, – ответил он.

– Стоит ли мне говорить, что думаю я? Религиозная мания, вот что это такое! Ясно как день: бедный мальчик сходит с ума.

– Ну почему же мания, Артур? Масса совершенно нормальных людей читают книжки подобные этим.

– Только не Тони. В его-то возрасте! Кроме того, ты знаешь, следует помнить об Айво.

В этом замечании на мгновение приоткрылась семейная тайна Бокс-Бендера: он не забывал об Айво ни на один день своей хлопотливой обеспеченной жизни.

В «Беллами» напряженные ситуации разряжаются быстро.

– Не возражаете, если я снова присоединюсь к вам? – спросил Элдерберри, подходя к ним с чашкой кофе в руке. – Больше сесть негде.

В тот же момент Гай заметил Йэна Килбэннока и воспользовался случаем, чтобы уклониться от разговора о Тони и Айво.

– Что же все-таки произошло с Айвором Клэром? – спросил Йэн.

– Понятия не имею. Я восемь недель находился в море. Последнее, что я слышал: он уехал в Индию.

– Все говорят, что он сбежал с Крита.
– Все мы сбежали.
– Говорят, Айвор сбежал быстрее всех. Я думал, что тебе известно об этом больше, чем другим.
– Боюсь, что нет. Как дела в штабе особо опасных операций?
– Распухает до неузнаваемости. Мы переехали в новое здание. Посмотри-ка на это. – Он показал нашивки на рукаве своей форменной тужурки.
– Кажется, их стало больше.
– Будет еще больше. У меня появился свой собственный штат, включая, между прочим, Вирджинию. Она будет рада узнать, что ты возвратился. Она все время вспоминает о тебе. В данное время она в отъезде вместе с Триммером.
– Триммером?
– Помнишь его? Мактейвиш. Теперь он официально именуется Триммером. Им понадобилось несколько недель, чтобы решить, как его называть. В конце концов дело дошло до министра. Тот решил, что шотландских героев хватает и без Триммера. К тому же, конечно, он ужасно не похож на шотландца. Триммер делает большое дело. На прошлой неделе мы потерпели в некотором роде фиаско. Здесь появилась советская женщина-снайпер, которая разъезжает повсюду и срывает аплодисменты. Поэтому я и отправил бедняжку Вирджинию поднять бодрость духа у нашего парня. Он затосковал немного. Теперь дела снова пошли на лад, только не у Вирджинии, конечно. Ей очень не хотелось ехать в такие дыры, как Сканторп, Халл, Хаддерсфилд, Галифакс...

На следующий день Гай явился в казарменный городок алебардистов. Его старый знакомый, во второй раз произведенный в майоры, по-прежнему служил там.

– Снова вернулись? – удивился он. – Ваш приезд становится ежегодным событием! Вы появляетесь с каждым осенним листопадом, ха-ха-ха! – Получив чин майора, он стал более общительным. – На этот раз у нас все в порядке. Мы ждем вас уже несколько недель. Вы, наверное, не прочь пойти в краткосрочный отпуск?

– Ну что вы, – смутился Гай. – По-моему, не стоит. Я бездельничал на судне с конца июня. Вполне могу приступить к несению службы.

– Капитан-комендант сказал что-то о необходимости для вас пройти двухнедельную строевую подготовку, чтобы вернулась ваша молодцеватая выправка.

– Мне это подходит.

– Вы уверены? А мне это показалось несколько нетактичным. Возвратившийся герой и все такое. Но капитан-комендант утверждает, что в действующей армии люди забывают решительно все. Лучше я представлю вас ему сегодня до обеда. У вас есть перчатки?

– Нет.

– Возможно, мы найдем пару в офицерском собрании.

Перчатки они нашли. Они нашли там также и Джамбо.

– Я прочитал о вашем спасении, – сказал он. – Об этом писали в газетах. – Последние слова он произнес с мягкой, добродушной укоризной. Офицеру-алебардисту не подобало попадать в газеты, однако подвиг Гая делал ему честь.

В полдень, натянув перчатки, Гай размеренным шагом вошел к капитан-коменданту. Полковник Грин заметно постарел.

– Мистер Краучбек представляется по случаю прибытия с Ближнего Востока, сэр, – доложил начальник штаба.

Полковник Грин поднял глаза от стола и, заморгав, посмотрел на Гая.

– Как же, помню, – заявил он. – Вы – один из первой группы молодых офицеров с временным чином. Эпторп. Так, кажется?

– Краучбек, – значительно громче сказал начальник штаба, вкладывая в руки капитан-коменданта относящиеся к данному случаю документы.

– Да, да, конечно... – Полковник просмотрел документы, припомнил все хорошее, что знал о Гае. – Краучбек, Ближний Восток... Это плохо, что вы не смогли остаться там и получить назначение во второй батальон. Они посылали ходатайство о вашем назначении, я знаю. И ваш бригадир тоже ходатайствовал. Старые бабы эти эскулапы, тем не менее их предписаниям приходится подчиняться. Здесь у меня их рапорт. Они пишут: вам очень повезло,

что вы остались живы... необходима перемена климата... Что ж, сейчас вы выглядите довольно хорошо.

– Да, сэръ, благодарю вас. В настоящее время я совершенно здоров.

– Хорошо. Отлично. Надеюсь, мы еще не раз увидимся...

В тот же день после полудня Гай маршировал по плацу в составе смешанной команды новобранцев и офицеров, проходивших строевую подготовку под командой старшины-алебардиста Олденшоу.

– Повторяю еще раз подробно. Нечетные номера первой шеренги берут левой рукой винтовки четных номеров второй шеренги за ствол, скрещивают их у дульного среза... Ясно? И разворачивают магазинными коробками наружу... Ясно? Одновременно, действуя указательным и большим пальцами обеих рук, поднимают верхние антабки. Ясно?..

Ясно, старшина-алебардист Олденшоу. Все ясно.

На протяжении следующих двух лет, составлявших в то время одну двадцатую его жизни, Гай оставался в своем полку. У него появилась одышка, поэтому на полевых учениях он преждевременно выбивался из сил, и это раздражало его. Он глубже постиг армейские порядки и в силу этого вырос в должности до заместителя командира учебного батальона. Первый батальон – его батальон – последовал за Ритчи-Хуком, пройдя с боями по пескам Северной Африки. К ним отправлялись пополнения из новобранцев. Гая туда не назначили. Вся оперативная группа Хука, за исключением четырех человек, попала в плен на Крите. В Англии у него не было товарищей по оружию, кроме Томми Блэкхауса, который возвратился сюда, чтобы сформировать еще одну часть специального назначения. Они встретились в «Беллами», и Томми предложил Гаю должность в своем штабе, однако черное пятно, оставленное Айвором Клэрор, надолго определило отношение Гая к частям командос, и он ответил, что предпочитает продолжать службу в алебардийском полку.

Из алебардистов была сформирована вторая бригада, и в период обучения Гай разделял с ней все превратности судьбы с периодической сменой места расквартирования от Пенкирка в Шотландии до Брук-парка в Корнуолле. Войска в метрополии больше не подвергались нервотрепке, их не засыпали противоречивыми приказами, и не было неразберихи первых двух лет войны. Теперь поражения, схожие с испытанными ими, несла английская армия на Дальнем Востоке. В Европе инициатива перешла к союзникам. Они напряженно собирали силы, снаряжались и проходили обучение.

Неожиданно в августе 1943 года на Гая свалился удар, подобный тому, что сокрушил Джамбо на Магге.

– Сожалею, «дядюшка», но боюсь, что при отправке за границу мы не возьмем вас с собой. Ваша помощь была неоценима во время боевой подготовки. Просто не знаю, как бы я обошелся без вас. Но брать человека вашего возраста на поле боя – это уже рискованно.

– Разве я намного старше вас, полковник?

– Не намного, полагаю, но я провел всю жизнь на военной службе. Если я выйду из строя, в командование должен будет вступить мой заместитель. Этим рисковать я не могу.

– Я пошел бы на меньшую должность с понижением в чине. Нельзя ли мне получить роту? Или взвод?^[72]

– Будьте благоразумны, «дядюшка». Ничего не поделаешь. Это приказ из бригады.

Новый бригадир, недавно прибывший из Восьмой армии, был знаком Гаю. Это к нему Гай был временно прикомандирован в Западной Африке, когда окружал заботой и вниманием умиравшего Эпторпа. Тогда бригадир сказал: «Я никогда больше не хотел бы вас видеть». После этого бригадир много воевал, участвовал в ожесточенных боях и заслужил орден «За выдающиеся заслуги», но, куда бы ни бросала его война. Гая он не забыл. «Эпторп, этот собрат-дядюшка, этот призрак, переселившийся на остров Магг, – думал Гай, – все еще бродит в своих „дельфинах“ и преследует меня; переселившаяся из джунглей магия поверженного владельца „гром-бокса“ продолжает действовать; если алебардист сказал „ничего не поделаешь“, значит, действительно ничего не поделаешь».

– Конечно, вы понадобится нам при посадке на суда. Когда проводите нас, возьмите небольшой отпуск. В конце концов, вы достаточно прожили на свете, чтобы подыскать себе какое-нибудь занятие. Всегда можно устроиться по квартирно-эксплуатационной части, например, или обратиться в военное министерство с просьбой об откомандировании в резерв офицерского состава. Для людей в вашем положении вакантных должностей сколько хотите.

Гай ушел в отпуск и в день капитуляции Италии находился в Мэтчете. Известие о бегстве короля пришло в день высадки бригады в Салерно. Оно принесло Гаю кратковременную радость.

– Похоже, что это конец узурпации Пьемонтца^[73], – обратился он к отцу. – Какой ошибкой оказался Латеранский договор?^[74] В то время он казался совершенным, но надолго ли? Пятнадцать лет. Однако, что такое пятнадцать лет в истории Рима? Насколько лучше было бы, если бы папа пересидел все это до конца, а затем явился миру со словами: «А что такое все это? Рисорджименто?^[75] Гарибальди? Кавур?

Савойский дом? Муссолини? Просто хулиганье какое-то из предместий, нарушающее порядок. Подумайте-ка, не было ли здесь однажды бедняги мальчугана, которого называли Римским королем?»^[76] Вот что папа обязан был бы говорить сегодня.

Мистер Краучбек печально посмотрел на сына.

– Мой дорогой мальчик, – возразил он, – право же, ты говоришь чепуху, да будет тебе известно. Это совсем не то, что представляет наша церковь. И существует она совсем *не для* этого.

Они шли вдоль прибрежных скал, в вечерних сумерках возвращаясь в отель «Морской берег», и охотничий пес мистера Краучбека, уже постаревший, не резвящийся, как прежде, плелся позади. Мистер Краучбек тоже состарился и впервые стал проявлять беспокойство о своем здоровье. Они умолкли, Гай – расстроенный замечанием отца, мистер Краучбек, по-видимому, – продолжая обдумывать вопрос, поднятый Гаем, потому что когда он наконец нарушил молчание, то сказал:

– Конечно, солдату естественно радоваться победе.

– А я теперь, пожалуй, и не заинтересован в ней, – возразил Гай.

– Тогда тебе незачем оставаться солдатом.

– О, нет. Пока идет война, я хочу остаться в армии, мне хотелось бы повоевать. Но теперь, по-видимому, не имеет значения, кто побеждает. Раз мы объявили войну Финляндии...

Гай не закончил фразу, и его отец сказал:

– Солдат этот вопрос не касается.

Когда они подошли к отелю, он добавил:

– Мне кажется, я становлюсь похожим на школьного учителя. Прости меня. Мы не должны ссориться. Раньше я, бывало, часто сердился на Айво, на Анджелу тоже. В тот год, когда Анджела начала выезжать в свет, она была довольно взбалмошной девицей. Но на тебя я, по-моему, никогда не сердился.

За последние два года Мэтчет изменился. Армейская часть, для которой был очищен от постояльцев пансион «Монте-Роуз», выбыла так же быстро, как и появилась, оставив пансион пустующим. Его окна без занавесок и полы без ковров являли собой символ краткосрочной популярности этого городка. Беженцы, спасавшиеся от бомбежек, разъехались по своим домам. Миссис Тиккеридж переехала поближе к школе, в которой училась Дженифер. Ушли в

прошлом дни, когда Катберты могли сдать каждую комнату в два раза дороже, и теперь они нехотя смирились с необходимостью быть снова покладастыми. Конечно, миссис Вейвесаур несколько преувеличила, заявив, что им пришлось «встать на колени», чтобы удержать своих постояльцев, но довольно и того, что они предложили мистеру Краучбеку занять его бывшую гостиную за прежнюю плату.

– Нет, премного благодарен, – ответил он. – Если помните, я обещал снять ее снова после войны, и, если дела не слишком изменятся к худшему, я сделаю это. Между прочим, моя немногочисленная мебель находится на складе и я не испытываю желания забирать ее оттуда.

– О, мы сами мебелируем гостиную для вас, мистер Краучбек.

– Это было бы не одно и то же. Вы и так неплохо заботитесь обо мне.

Его бывшая арендная плата выдавалась теперь в виде еженедельного пособия лишенному сана католическому священнику.

Катберты были рады сдавать комнаты хотя бы родителям, навещавшим своих сыновей, обучающихся в школе Богородицы-Победительницы, и смутно сознавали, что их враждебное отношение к мистеру Краучбеку могло бы так или иначе лишить их и этих клиентов.

На следующий день Гай уехал и, явившись в казарменный городок алебардистов, доложил о возвращении из отпуска. Отдохнуть ему вдруг расхотелось.

Через три дня он получил письмо от отца:

«Отель „Морской берег“, Мэтчет.

20 сентября 1943 г.

Мой дорогой Гай!

Мне не принес радости наш разговор в твой последний приезд. Я сказал слишком много или слишком мало. Теперь я должен сказать больше.

Конечно, в 1870—1880 годах каждый добропорядочный римлянин недолюбливал Пьемонтца точно так же, как теперь добропорядочные французы ненавидят немцев. Их

земля подверглась захвату. И конечно, большинство римлян, которых мы знаем, не пали духом, сохранив в душе ненависть. Но не церковь тому причиной. Господь бог никогда не становится в позу и не подчеркивает своего превосходства. Он принимает страдания и несправедливости. Он готов даровать прощение при первых признаках раскаяния.

Говоря о Латеранском договоре, подумал ли ты, сколько душ, возможно, примирилось и умерло успокоенными в результате его заключения? Сколько детей, которые могли бы жить в неведении, возможно, было воспитано в страхе божьем? Но количественные критерии здесь неприменимы. Если спасена хоть одна душа, то уже одно это является полным вознаграждением за потерю лица.

Я пишу об этом потому, что беспокоюсь о тебе и прихожу к заключению, что жить мне осталось недолго. Вчера я был у доктора, и он, как мне показалось, считает, что мои дела довольно плохи.

Как я сказал, меня беспокоит твое будущее. Мне думалось, что, поступив в армию, ты ожил. Я знаю, ты страдаешь оттого, что тебя оставили в Англии. Но приходить в уныние из-за этого не следует.

Ничего хорошего в том, что ты жил в одиночестве и за границей, нет. Думал ли ты вообще о том, что будешь делать после войны? В Бруме есть дом, который в деревне называют – совершенно неправильно – «малый дом». Во всех документах он называется просто – «меньший дом». Тебе понадобится жить где-нибудь, и я сомневаюсь, что ты захочешь возвратиться в свое кастелло, даже если оно уцелеет, что, судя по размаху и неразборчивости, с какими в Италии бомбят все подряд, мало вероятно.

Как видишь, в настоящее время я много думаю о смерти. Что ж, в моем возрасте и состоянии это вполне естественно.

Всегда твой нежно любящий
отец Дж. Краучбек».

Когда оперативная группа Хука отплыла на фронт, оставив Джамбо Троттера на берегу, он отказался от всех надежд на службу в действующей армии. Джамбо стал начальником транзитного лагеря № 6 Лондонского округа. Этот пост требовал добродушия, спокойствия и вряд ли чего-нибудь еще, кроме, пожалуй, влиятельных друзей. Все эти качества у Джамбо имелись в изобилии. Он больше не таил обиды на Бена Ритчи-Хука. Примирился он и с тем, что его оставили в тылу. Над Гаем нависла угроза такой же капитуляции перед сложившимися обстоятельствами.

Джамбо часто навевывался в казарменный городок алебардистов посмотреть, как там идут дела. И вот в последних числах сентября он встретил там Гая, глубоко расстроенного официальным назначением на должность офицера местной противовоздушной обороны и помощника начальника штаба.

– Зайдите на прием к капитану-коменданту, – посоветовал Гаю Джамбо. – Скажите ему, что на днях ожидаете чего-то важного для себя, в связи с чем вам необходимо находиться в Лондоне. Добейтесь откомандирования в офицерский резерв и переходите жить в мою укромную обитель. Я могу устроить вас довольно комфортабельно.

Так Гай перебрался в укромную обитель Джамбо. В «малый дом»? В «меньший дом»? Нет. В транзитный лагерь № 6 Лондонского округа, и в течение нескольких дней он заглядывал в глубины армейской преисподней – в пристройке к зданию военного министерства имелась приемная, в которую ежедневно стекались офицеры всех возрастов, не нашедшие применения в своих полках и службах.

В те годы действовала директива о «живой силе», исходившая от самых высших инстанций, которая предписывала немедленно использовать все население страны в осуществлении «военных усилий». Принявший Гая безногий майор сказал:

– Служба у вас шла, по-видимому, хорошо. Не понимаю, почему вас отчислили в это заведение. Это первый случай, когда через мои руки проходит алебардист. Вы что, натворили там что-нибудь?

Он внимательно просмотрел личное дело, в котором была зафиксирована вся официальная биография Гая за последние четыре года.

– Возраст, – пояснил Гай.

– Тридцать девять, уже близко к сорока. Да, для вашего чина это многовато. Теперь вы, конечно, снова снижены до капитана. Что ж, единственное, что я могу предложить вам в настоящий момент, – это должность в подразделении контрразведки в Адене или должность хозяйственника в гражданском госпитале. Не думаю, чтобы то или другое слишком устроило бы вас.

– Верно.

– Вот видите. Наведывайтесь. Возможно, будет что-нибудь получше. Но в моей конторе никто не ищет стоящих парней. Попробуйте поискать сами в других местах, может, что-нибудь и удастся найти.

Действительно, однажды вечером в начале октября, после третьего визита к безногому майору, который с нескрываемой иронией предложил ему административную должность в школе дешифрования аэрофотоснимков в Уэльсе, Гай еще раз повстречался в «Беллами» с Томми Блэкхаусом. Теперь Томми командовал бригадой командос. Он получил приказ в ближайшее время отплыть в Италию для участия в репетиции высадки в Анцио и хранил гробовое молчание о предстоящей передислокации. Он сказал только:

– Как было бы хорошо, если бы ты тогда решил пойти ко мне, Гай.

– А теперь слишком поздно?

– Да, слишком поздно.

Гай объяснил ему свое затруднительное положение.

– Да, положение чертовски неприятное.

– По крайней мере, тот тип в военном министерстве был очень вежлив.

– Конечно, но ты увидишь, что терпение у него очень быстро иссякнет. Кругом столько болтают об использовании живой силы. Они могут неожиданно загнать тебя в какую-нибудь отвратительную дыру. Мне хотелось бы помочь тебе.

Позже в этот вечер Томми вернулся к этому вопросу:

– Ты знаешь, я кое-что придумал в качестве временного выхода из положения. В управлении особо опасных операций я держу офицера связи. Черт его знает, чем он занимается там. Так или иначе, но я забираю его в другое место. Там есть несколько каких-то подразделений, которые придаются мне. Вообще-то они подчинены управлению. Если хочешь, ты мог бы какое-то время выполнять роль офицера связи с ними.

Узнав об этом назначении, Джамбо проворчал:

– Строго говоря, вы тем самым лишились статуса «транзитного военнослужащего».

– Надеюсь, что да.

– Хорошо. Но вы тем не менее можете оставаться здесь сколько угодно. Мы отыщем способ отчитаться за вас в ведомостях. В Лондонском округе всегда найдется выход из положения. Все биржевые маклеры и виноторговцы раньше служили в гвардейской пехоте. Дела с этими ребятами вести проще простого.

Не такому делу посвящал себя Гай, когда касался меча Роджера Уэйброукского четыре года назад в то памятное и так много обещавшее утро.

Из множества статуй, которыми уставлены боковые приделы Вестминстерского аббатства, только одна – и это статуя моряка – обращает на себя внимание воинственностью позы. Мужички средневековья, вложив мечи в ножны, молитвенно сложили руки; мужики века разума облачились в тоги. Один лишь капитан Монтегю в посмертной статуе работы Флэксмэна крепко сжимает эфес шпаги. Потому, видимо, что у капитула хватало забот об укрытии более ценных сокровищ, его оставили стоять всю войну на прежнем месте, не обложенным мешками с песком, пристально глядящим прямо через нижний неф, так же, как он смотрел на корабли революционной Франции в водах у острова Ушант в день победы и смерти.

Его имя помнили не слишком хорошо, и его портрет, больше натуральной величины, где он изображен чересчур дородным для своих лет, редко привлекает к себе внимание посетителей. И в пятницу 29 октября 1943 года он не привлек к себе внимания людей, выстроившихся в очередь по четыре в ряд и медленно, шаркая

подошвами, продвигавшихся от Миллбэнка в направлении Грейт-Колледж-стрит вдоль испещренной выбоинами кирпичной стены, которую под покровом темноты какой-то коммунист украсил бросающейся в глаза надписью: «ВТОРОЙ ФРОНТ – ТЕПЕРЬ ЖЕ!» Очередь непрерывно продвигалась вперед, устремляясь к двери под западным окном, вдребезги разбитым взрывной волной во время бомбежки. Англичане уже привыкли к очередям. Некоторые присоединились к этой процессии, даже не ведая, куда она направляется, надеясь, возможно, купить сигареты или башмаки, но большинство людей в очереди пребывало в молитвенном настроении. Лишь изредка и немногие перебрасывались несколькими словами; никто не смеялся.

День стоял пасмурный, сырой, туманный и тихий. Зимние пальто еще никто не носил. Каждый идущий в толпе имел при себе противогаз, теперь бесполезный, как по секрету признавались эксперты, против любого газа, который, вероятно, мог применить противник, но по-прежнему являвшийся символом вооруженного народа. В очереди преобладали женщины; кое-где встречались военнослужащие – англичане, американцы, поляки, голландцы, французы, которые выделялись некоторой подтянутостью; штатские выглядели убого и неряшливо. Поскольку подошло время обеденного перерыва, одни уминали пирожки с мясом, другие сосали самокрутки, свернутые из табака, добытого из окурков, собранных на полу в столовых. Бомбежки временно прекратились, однако наряды, в которых отсиживались в бомбоубежищах во время воздушных налетов, оставались национальной формой одежды. Подходя к церкви аббатства, в которую многие входили первый раз в жизни, все замолкали, будто приближаясь к телу усопшего, выставленному для торжественного прощания.

Они прошли посмотреть на меч, который стоял вертикально между двумя свечами на столе, подделанном под алтарь. С каждой стороны его охраняли полисмены. Он был изготовлен по повелению короля в качестве дара «людям со стальными сердцами – жителям Сталинграда». Чтобы отковать его, поднялся со своего ложа восьмидесятилетний старец, изготавливавший церемониальные мечи для пяти монархов. Меч был украшен золотом, серебром, горным хрусталем и эмалью. В этот год автоматов «стен» меч являл собою

выдающийся образец оружия. Сначала его демонстрировали в Гоулдсмит-холле и в музее Виктории и Альберта как выдающийся образец мастерства. Некоторые расценивали его как свидетельство живучести древнего искусства, уцелевшего под напором низкопробной импровизации нашего времени. Но не этим меч тронул сердца людей. В те дни, когда наступление британских войск в Италии захлебывалось, радио ежедневно объявляло о великих победах русских. Англичане были преисполнены чувством благодарности к своим далеким союзникам и благоговели перед этим мечом как символом их собственных щедрых, стихийно возникших чувств.

Газеты и министерство информации ухватились за это. «Таймс» ударилась в поэзию:

...Ты, меч Сталинграда! Склоняю главу
Перед грозным сияньем твоим.
И в сердце слова – я без них не живу, —
И голос твой сердцем храним:
«...О, смертный, узри – я судьбина твоя.
Все люди сойдутся во мне...
И реки мои. И леса, и моря.
И синие звезды во мгле...
Ты знай: твои дети и внуки твои,
Что будут еще рождены,
Моим, лишь моим, закаленным в крови,
Сияньем озарены.
Когда им расскажет счастливая мать
О славе, рожденной в огне,
Они будут песни победы слагать
И петь обо мне, обо мне!...»

Репортер отдела светской хроники «Дейли Экспресс» предложил провезти меч по всему королевству. Кардифф, Бирмингем, Глазго и Эдинбург в своих картинных галереях и залах гильдий оказали ему почести, какие оказываются раз в сто лет. Теперь, возвратившись из своего турне, выставленный для всеобщего поклонения возле раки

святого Эдуарда-Исповедника, на том месте, где происходит миропомазание королей Англии, он достиг своего апофеоза.

Направляясь в ресторан, Гай Краучбек проехал мимо этой очереди ревностных почитателей меча. Равнодушный к всеобщему энтузиазму по поводу триумфа «Джо» Сталина, который, подобно Гаю и Эпторпу, теперь обрел право называться «дядюшкой», он не испытал желания влиться в их благочестивые ряды. День 29 октября 1943 года имел для него другое, более безрадостное значение. Это был сороковой день его рождения, и, чтобы отпраздновать это событие, Гай пригласил Джамбо Троттера на завтрак.

Именно благодаря любезности Джамбо он сейчас сидел развалившись позади шофера санитарной машины, вместо того чтобы ехать в автобусе. На четвертом году войны Джамбо сохранил достаточно изворотливости, чтобы не поддаваться действию различных правил, направленных на ограничение излишеств. В этом отношении от него не отставал и Рубен. В охваченном голодом мире в рыбном ресторанчике Рубена, в зависимости от сезона, подавали такие редкостные яства, как колчестерские устрицы, шотландская лососина, омары, креветки, яйца чаек – столь редкие блюда, что они даже не упоминались в законе, ограничивающем стоимость еды в гостиницах пятью шиллингами, – а часто и черную икру, получаемую – один Рубен знал каким образом – по дипломатическим каналам. И что было, пожалуй, наиболее удивительным – в этом ресторанчике иногда появлялись сыры из Франции, добываемые бесстрашными парашютистами и доставляемые в Англию на подводных лодках. Хорошее вино здесь было тоже в изобилии – невероятно дорогое в те дни, когда винные погреба гостиниц опустели и виноторговцы выделяли скудные месячные партии вина только своим старейшим клиентам. На протяжении ряда лет ресторан Рубена посещала небольшая, но ценившая его по достоинству клиентура. Когда-то Рубен служил в «Беллами», поэтому в его ресторане всегда находились столики для членов этого клуба. Теперь старая клиентура все больше разбавлялась странного вида людьми, у которых задние карманы брюк были набиты пачками банкнот и которые называли хозяина мистером Рубеном. Этот ресторан был редкой свечой во мраке, окутавшем грешный мир. Кирсти Килбэннок, предпринимавшая опасные для желудка эксперименты с

концентратом заварного крема и различными приправами, однажды спросила: «Скажите мне, Рубен, в чем секрет вашего майонеза?» – и получила серьезный ответ: «Очень просто, сударыня, свежие яйца и оливковое масло».

Гай повел Джамбо к столику в углу зала. Со времени возвращения из Египта он пробыл в Лондоне немного и редко позволял себе подобные празднества, но Рубен оставался лояльным к издавна знакомым лицам и именам.

– Выгодно отличается от «Сеньора», – заметил Джамбо, разглядывая присутствующих. – Большое различие, – добавил он, просматривая меню.

Они истребили множество устриц. Когда, пресытившись, они поднялись из-за стола, последний немедленно был захвачен только что вошедшей парой – Кирсти Килбэннок и американским военным. Как в музыкальной игре, она плюхнулась на еще теплое место Джамбо прежде, чем тот снял свою фуражку с вешалки над головой.

– Гай, как поживаете?

– Сегодня сорок.

– Мы завтракали с Руби в «Дорчестере», но остались настолько голодными, что нам пришлось забежать сюда, чтобы подкрепиться. Вы знакомы с лейтенантом?

– Да, знаком. Как поживаете, Лут?

Второй лейтенант Пэдфилд был известен всем, даже Гаю, знавшему так мало людей. Пэдфилд был недобрым предвестником «великого альянса». В Лондоне было полно американских солдат – долговязых, слоняющихся без дела, дружелюбных, безутешно скучающих по дому молодых людей, всегда, казалось, ищущих, где бы присесть. Летом ими были переполнены парки; они сидели на тротуарах вокруг величественных особняков, отведенных им для постоя. Для их утешения там же толпами гуляли уродливые девушки-подростки, их тетки и матери, вышедшие из трущоб и из-за реки и никогда до этого не бывавшие на площадях Мэйфэр и Белгрейв. Не обращая внимания на публику, будь то во время затемнения или среди бела дня, американцы заключали этих девиц в страстные объятия и вознаграждали жевательной резинкой, лезвиями для безопасных бритв и другими редкими потребительскими товарами из своих военных ларьков. Лейтенант Пэдфилд был птицей другого полета, правда, цвет

его лица тоже был желтовато-серый, он тоже слонялся без видимого дела, а по своим привычкам тоже относился к категории любящих посидеть. Но лейтенант совсем не скучал по дому; если он не сидел, то обязательно находился в беспрестанном движении, потому что был вездесущ. Ему исполнилось двадцать пять лет, и в Англии он оказался впервые. Лейтенант входил в состав одной из первых групп американской армии, и не было такого закоулка во все еще сложном социальном мире, где бы его не знали.

Гай впервые встретил его, когда, находясь в отпуске, без особого желания пошел навестить своего дядю Перегрину. Это случилось в первые дни пребывания Лута в Англии.

– ...Привез письмо от человека, часто бывавшего у меня в Каусе. Хочет посмотреть мои миниатюры...

Затем на той же неделе Гая пригласил пообедать в палате общин его зять Артур Бокс-Бендер.

– ...Сказал, мы должны сделать что-то для каких-то американцев. Разумеется, они интересуются палатой общин. Пойдем, поможешь мне разобраться с ними...

Оказалось, что это шесть американских офицеров, и среди них Лут.

Очень скоро этого молодого американца перестали считать одним из многих представителей оккупационных сил, с которыми следовало быть любезным. Со времен, когда гостеприимство было в моде, уцелели две-три вдовы, которые, несмотря на скудные возможности, пытались устраивать приемы. Лейтенант Пэдфилд присутствовал на всех этих небольших сборищах. В соперничество со вдовами вступили две-три молодые замужние женщины, пожелавшие заменить их в качестве хозяек дома. Лут знал всех. Он бывал в каждой картинной галерее и книжной лавке, в каждом клубе и отеле. Он побывал также в каждом доступном для других замке в Шотландии, у постели каждого больного ветерана-художника и политика, в театральной уборной каждой известной актрисы и в каждой профессорской комнате каждого университета, при этом он выражал благодарность своим хозяевам и хозяйкам не предметами из военных ларьков, а изданиями от Сильвии Бич и набросками Фьюзели.

Когда Гай приходил в парикмахерскую постричься, Лут почему-то всегда оказывался в соседнем кресле. Одним из немногих мест, где

лейтенанта никогда не видели, был штаб особо опасных операций. Лут не выполнял каких-либо видимых военных должностных обязанностей. В мирные годы он был младшим партнером влиятельной в Бостоне юридической фирмы. Говорили, что в настоящее время обязанности Лута по-прежнему связаны с юриспруденцией. Или американская армия была исключительно законопослушной, или в ней везде было полно адвокатов, но Лут никогда не принимал участия ни в одном военном судопроизводстве.

На этот раз он сказал:

– Вчера я побывал в Бруме.

– Бруме? Вы имеете в виду наш Брум? Скажите на милость, Лут, что же привело вас туда?

– У Салли Сэквилл-Стратт дочь учится в школе в Бруме. Мы ездили посмотреть, как она играет в хоккей. Она капитан команды «Краучбек». Вы знаете, школа разделилась на два лагеря, принявшие названия «Краучбек» и «Святое семейство».

– Возмутительное разделение. Но каковы же результаты?

– Команда «Краучбек» выиграла. Будете ли вы сегодня у Гленобэнов?

– Нет.

– Вы ходили смотреть меч Сталинграда? Я ходил, когда его впервые показали в Гоулдсмит-холле. Я считаю этот жест вашего короля очень красивым, но я заметил одну странность, которую никто так и не смог объяснить мне: герб на ножнах окажется вверх ногами, когда ножны будут висеть на перевязи.

– Не думаю, что Сталин будет носить меч на перевязи.

– Может быть, и нет. Но меня удивляет, что ваша геральдическая палата просмотрела это. Ну пока, где-нибудь встретимся.

Применительно к лейтенанту Пэдфилду «где-нибудь» было самым подходящим выражением.

– Слишком много берет на себя этот сопливый американец. Тоже мне, недостатки в мече вздумал отыскивать! – возмутился Джамбо, выходя из ресторана. – К тому же ошибку-то обнаружил вовсе не он. Письмо по этому поводу было опубликовано в «Таймсе» несколько недель назад. Я высажу вас у самого управления. Не могу допустить, чтобы в день вашего рождения вы ездили в общественном транспорте. Никаких особых дел у меня сегодня нет. Сегодняшний завтрак лучший

из всех, на которых мне довелось побывать за последние три года. Я не прочь вздремнуть немного.

Осенью 1943 года штаб особо опасных операций представлял собой организацию, в корне отличавшуюся от скромного управления, которое Гай посещал зимой 1940 года. Три квартиры, в которых штаб располагался вначале, остались частью его помещений – очень важной частью, потому что в них размещалась хлопотливая служба информации и связи с прессой под начальством Йэна Килбэннока, но к ним прибавились многочисленные особняки, расположенные в районе от Хендона до Клэпхэма, в которых небольшие группы экспертов в строжайшей тайне вели исследования с целью создания сверхпитательных продуктов, карт-невидимок, бесшумных взрывчатых веществ и тому подобных хитроумных проектов, близких сердцу каждого нормального школьника. В комнатах, выходивших окнами на Эджвер-роуд, размещался колдун-знахарь из племени суахили, нанятый, чтобы заклинать нацистских главарей.

– Знаешь, Чарлз, иногда мне кажется, что этот черномазый смахивает на шарлатана, – признался однажды в минуту откровенности генерал Уэйл майору Олбрайту. – Он выписывает для себя самые необычные снадобья и материалы. Но мы ведь знаем, что Гитлер суеверен, и имеется немало доказательств, что на суеверных людей заклинания иногда действуют.

Даже доктор Гленденинг-Риз, полностью восстановивший свои силы после лишений, перенесенных на острове Магг, имел свою диетическую команду в Аппер-Норвуде. В результате его экспериментов группа истощенных отказчиков от военной службы по религиозным убеждениям время от времени отправлялась в госпиталь. Однако официальное руководство всей этой деятельностью размещалось в величественном, выстроенном в венецианско-греческом стиле кирпичном здании королевского викторианского института-музея в церковном приходе Бромптон, величественно спланированном, но мало посещаемом. Его немногие ценные экспонаты были вынесены в безопасное хранилище. Другие, более громоздкие предметы оставили на месте, несмотря на риск уничтожения их во время бомбежек, и они продолжали стоять в

лабиринте фанерных перегородок, которыми разгородили выставочные залы.

Выгородка, предназначенная для отдела связи групп специального назначения – для Гая, была больше остальных, однако свободной площади в ней осталось мало, так как Гай делил ее с огромным гипсовым мегалозавром, в тени туши которого его стол на козлах увидеть от двери было невозможно. В первые дни после вступления во владение этим столом у Гая имелся высококвалифицированный секретарь-девушка, но вновь появившийся эксперт по эффективности труда гражданских служащих вскоре ее уволил. Гая это мало тронуло, но, чтобы убить время, он затеял спор, возразив против ее увольнения. Томми сказал ему, что не знает, чем полагается заниматься офицеру связи; не знал этого и Гай.

Обойдя гигантского хищника, к Гаю подошел капитан морской пехоты и вручил ему папку с надписью: «Операция „Тарарам“. Совершенно секретно. Передавать только через офицеров».

– Просмотрите эти материалы, пожалуйста, и передайте их в отдел «пункты высадки».

– А я считал, что операция «Тарарам» отменена.

– Отложена, – уточнил морской пехотинец. – Группа, находившаяся у нас на подготовке, отправлена в Бирму. Но мы по-прежнему работаем над этой операцией.

Замыслом операции «Тарарам» предусматривалось атаковать какие-то необыкновенно больших размеров, неуязвимые для авиабомб укрытия подводных лодок в Бретани. Категорическое требование о проведении немедленных действий против этой твердыни поступило из военного кабинета. «Если военно-воздушные силы не могут уничтожить корабли, мы перебьем их экипажи», – заявил генерал Уэйл. Эту резню должны были учинить двенадцать человек, высаженных на берег с бретонской рыбацкой лодки.

Самое последнее замечание гласило:

«В связи с разведывательным донесением С/806/R.T./12 о том, что оккупированная Франция снабжается эрзацем моторного топлива, выхлопные газы которого имеют легкоразличимый характерный запах, рекомендуется добыть образцы этого топлива через соответствующие органы, сделать его анализ, воспроизвести и снабдить им группу

„Тарарам“ для использования во вспомогательном двигателе рыбацкой лодки».

Кто-то до Гая приписал к этому замечанию:

«Нельзя ли ввести в обычное топливо какое-нибудь вещество, воспроизводящее характерный запах эрзаца?»

Еще кто-то, какой-то адмирал, добавил:

«Принято решение (см. прилагаемое примечание), что вспомогательный двигатель должен использоваться только при сильном ветре с берега. В таких обстоятельствах считаю риск обнаружения запаха ничтожным».

Гай написал более скромно:

«Принято к сведению и одобрено. За командира бригады командос: капитан Гай Краучбек».

После этого он протиснулся между мегалозавром и стенкой, чтобы передать папку по назначению.

В отделе «пункты высадки» царил веселая атмосфера. В комнате, в которой размещался отдел, находились: локомотив начала викторианской эпохи, шесть моряков и склад морских карт. Возвращение досье операции «Тарарам» было встречено ироническими аплодисментами. Несколько ранее генерал Уэйл утратил свое благожелательное прозвище Малыш и в низших, более активных кругах стал известен под кличкой Невеста Ванны^[77] в связи с тем, что все предлагаемые им операции, по-видимому, требовали уничтожения всех участвующих в них.

Следующая после отдела «пункты высадки» дверь вела в помещение, которое называлось студией и в котором жили три сержанта военно-воздушных сил. Здесь ярд за ярдом создавались пункты высадки в миниатюре, миля за милей воспроизводилось с аэрофотоснимков побережье оккупированной Европы. Студия была завалена инструментами и отходами разнообразных материалов: дерева, металлов, мастик, резины, красителей, перьев, фибры, гипса и масляных красок, многие из которых издавали резкий запах. Здесь господствовала атмосфера равенства в его старомодном, свойственном простонародью виде, когда-то унаследованном от учеников Уильяма Морриса. Два сержанта были зрелыми мастерами, третий – значительно моложе, с шапкой золотистых кудрей, которые, служи он в армейских частях, были бы острижены. Все называли его

Сузи, и, подобно своим предшественникам в движении «Искусства и ремесла», он открыто исповедовал коммунизм.

В свободное время – а его у них хватало – эти искусники создавали модель королевского викторианского института. Гай использовал любую возможность, чтобы навестить этих мастеров, и восхищался их творением, день ото дня становившимся все более совершенным. И на этот раз он заглянул к ним.

– Ходили смотреть меч Сталинграда? – спросил Сузи. – Тонкая работа. Но я считаю, несколько пулеметов оказались бы для русских более полезными.

Он обращался к стоявшему рядом в небрежной позе высокому седоватому штатскому денди, раскручивавшему вокруг пальца монокль на черной ленте. Это был сэр Ральф Бромптон, дипломатический советник при штабе особо опасных операций, который производил впечатление персонажа скорее из старинного водевиля, чем из современной тотальной войны.

– Он предоставляет народу возможность самовыражения, – пояснил сэр Ральф.

Этот посол в отставке, добровольно возложив на себя миссию политической индоктринизации, ежедневно обходил все кабинеты управления. Он был пожилым человеком, поставившим перед собой определенную задачу и выполнявшим ее не торопясь.

В свое время он нанес визит и Гаю, однако, обменявшись с ним несколькими словами, потерял надежду найти в нем объект для своих симпатий. Сейчас, будучи застигнутым наедине с Сузи, он не мог скрыть своего раздражения.

– Я заглянул только для того, – сказал он, обращаясь наполовину к Гаю, наполовину к старшему сержанту, – чтобы убедиться, регулярно ли вы получаете «Форин эфффеарс саммэри».

– Не знаю, – ответил старший сержант. – Получаем мы, Сэм? – Он рассеянно окинул взглядом заваленные обрезками верстаки. – Мы здесь не очень-то интересуемся всякой писаниной.

– Но вы *должны* интересоваться, – возразил сэр Ральф. – Я специально добивался, чтобы этот журнал получал весь личный состав. В последний выпуск вложено много труда. Такой материал иногда следует читать между строк. Я оказываюсь в затруднительном положении, будучи вынужденным называть вещи своими именами.

Конечно, существуют некоторые предубеждения, которые необходимо рассеивать, – не в высших кругах, конечно, или среди народа, а где-то *в среднем звене*, – продолжал он, пристально разглядывая Гая в монокль, внешне беззлобно, но в душе жаждая поставить его к стенке. – Занимаясь моим абсурдным делом, поневоле приобретаешь определенную профессиональную осторожность. После войны необходимость в ней отпадет. А пока приходится прибегать к намекам. Могу посвятить вас в главное: наш друг – Тито, а не Михайлович. В Малайе мы ставим не на ту лошадь. В Китае тоже. Чан Кайши – коллаборационист. У нас есть доказательства. Реальное сопротивление оказывается только в северных провинциях, силами, обученными русскими и вооруженными русским оружием, конечно. Именно эти люди выгонят японцев. Все это вы найдете в «Саммэри», если будете читать его внимательно. Я достану один экземпляр для вас. Не забудьте о сегодняшнем вечере, Сузи. Боюсь, что сам я не смогу присутствовать там, но на вас они рассчитывают.

Он вышел неторопливой походкой, крутя монокль вокруг пальца.

– Куда это ты собираешься вместе с этим стариканом? – спросил Сэм.

– На партийное собрание, – ответил Сузи.

– Есть вещи поинтересней собрания, которыми можно заниматься во время затемнения.

– Старикан, кажется, такого же мнения, – заметил третий сержант.

– Да, он немного смахивает на буржуя, несмотря на все его прекрасные речи, – заметил Сузи. В течение всего разговора он не отрывался от небольшого токарного станка, на котором с изумительной точностью вытачивал крохотные витые колонки.

– Скоро вы закончите это? – спросил Гай, обращаясь к старшему из сержантов.

– Да, если не помешают. Ведь не угадаешь, когда они снова заявятся и потребуют воспроизвести новые пункты высадки. Никак не подберут удовлетворяющие их по всем статьям.

– Они должны были бы высадиться на них этим летом, – вмешался Сузи. – Так они, по крайней мере, обещали.

– Я не давал никаких обещаний, – сказал Сэм, выпиливая лобзиком из красного дерева крохотные плитки для тротуара.

Гай оставил этих веселых, трудолюбивых людей и на пути в свой кабинет задержался в комнате эксперта по эффективности труда гражданских сотрудников мистера Оутеса.

Ни об одном из сотрудников штаба особо опасных операций нельзя было обоснованно сказать, что он не на своем месте, но, несмотря на скромную внешность, мистер Оутес казался Гаю странным. Толстенный, неразговорчивый человек, он один из всех своих коллег был вполне уверен в себе. Все другие или бессмысленно трудились, не жалея сил, перекладывая папки с документами из корзинки для входящих бумаг в корзинку для исходящих, или бездельничали, или плели интриги, или прятались от начальства, или брюзжали; все были так или иначе сбиты с толку. Один мистер Оутес верил, что по-своему помогает выиграть войну. Он был до мозга костей мирным человеком, и собственный путь казался ему предельно ясным.

– Имеется ли какой-нибудь ответ на мое отношение по поводу возвращения секретаря-машинистки?

– Ответ отрицательный, – сказал мистер Оутес.

– Но у Килбэннока три машинистки.

– Уже не три. Двух я только что отобрал. Пока осталась одна миссис Трой, которая официально состоит у них в штате, но ее работа, кажется, проходит главным образом вне этих стен. Фактически ее положение в этом штабе в какой-то мере ненормальное. Я подниму вопрос об этом на следующем совещании об использовании рабочей силы.

Со времени последнего визита Гая обстановка в кабинете мистера Оутеса пополнилась весьма эффективно выглядевшим предметом: сложной машиной, на вид более современной конструкции, чем любой постоянный экспонат музея, в котором они находились.

– Что это такое вы приобрели?

На лице мистера Оутеса появилась гримаса удовлетворения.

– О, вы задели мое слабое место. Эту машину можно без преувеличения назвать моей любимицей. Абсолютно новая. Ее только что прислали самолетом из Америки. На ее установку потребовалось затратить пятьсот шестьдесят человеко-часов. Механики тоже прибыли из Америки. У нас в стране другой такой нет.

– Но что же это такое?

– Электронный комплектатор личного состава.

– А у нас есть специалисты по электронике?

– Он предусматривает любые возможные случаи. Например, допустим, что я хочу подобрать подполковника, пловца на длинные дистанции, имеющего квалификацию барристера, с опытом работы в области поставки продовольствия в тропических странах. Вместо того чтобы перебирать все личные дела, я просто нажимаю эти кнопки: раз, два, три, четыре... – В этот момент в чреве машины послышалось жужжание, потом ряд щелчков, как в игорном автомате, предсказывающем судьбу, затем из прорези неожиданно выскочила карточка. – Вот видите, совершенно чистая. Это означает, что ответ отрицательный.

– По-моему, это можно было сказать и без машины.

– Да, я продемонстрировал исключительный случай. А вот здесь, – он взял бланк запроса из корзинки для входящих бумаг, имеется фактический запрос. Меня просят найти офицера для выполнения специального задания: возраст до сорока лет, с университетским образованием, жившего в Италии и прошедшего диверсионно-десантную подготовку в частях командос. Раз, два, три, четыре, пять. – Жужжание, щелк-щелк-щелк-щелк-щелк. – Вот, пожалуйста. Послушайте, вот это да! Удивительное совпадение!

На карточке, которую держал в руках Оутес, было напечатано:

«Капитан (временный чин) Краучбек Г., королевский корпус алебардистов, прикомандирован к штабу особо опасных операций».

Гай не стал поправлять данные машины относительно своего возраста или степени своей подготовки в частях командос.

– По-видимому, я единственный.

– Да. Я, конечно, не знаю, для каких целей это понадобилось, но немедленно сообщу ваше имя.

Тридцати семи лет от роду, шести футов и двух дюймов ростом, с хорошей выправкой, сильный, пополневший и более бледный, чем был на Ближнем Востоке, со слегка дряблыми щеками, в повседневной форме одежды, с хорошо начищенным офицерским ремнем, с ленточкой военной медали и знаками различия майора корпуса разведки, он если и обращал на себя внимание, то только розовато-серой радужной оболочкой зрачков. Человек, отвечавший этому описанию и известный в оперативной группе Хука как старшина Людович, в задумчивости остановился у ограды Святой Маргариты в Вестминстере.

Именно здесь двенадцать лет и несколько месяцев назад он вместе со своими товарищами из полка стоял в строю королевской гвардии на венчании одного из офицеров. В то время Людович носил нашивки капрала. Невеста была светской красавицей, а имя жениха каждый мог прочитать на рекламных щитах и этикетках пивных бутылок. Огромная толпа была менее организованной и более беззаботной, чем те, кто сейчас, шаркая ногами, проходил к аббатству.

Гвардейцы построились в церкви в проходе между рядами; затем, пока совершалась запись в приходскую книгу, актов гражданского состояния, вытянулись двумя шеренгами по обеим сторонам дорожки, разостланной от двери до автомобиля. Их блестящая форма вызывала возгласы восхищения. Когда прозвучали первые органые аккорды свадебного марша, они обнажили сабли и держали их в положении, не предусмотренном никакими уставами, образовав арку над головами супружеской четы. Невеста в знак благодарности рассыпала налево и направо улыбки, каждому из гвардейцев смотрела в глаза. Жених, держа в руке цилиндр, приветствовал по имени тех из своего эскадрона, которых узнавал. Шлейф несли два карлика, наряженные в костюмы, представлявшие собой точную копию гвардейской формы Людовича, стоившую немало денег; за ними шли подружки невесты, поплотнее и попроще, чем она, но цветущие, как розы в середине лета. Потом гвардейцы опустили сабли в положение «на плечо»; между ними, тоже улыбаясь, прошли члены королевской семьи; за ними

последовали родители новобрачных, затем потянулся длинный поток гостей; вокруг них толпились репортеры, фотографы и другие аплодирующие и смеющиеся лондонцы, едва видимые из-под козырьков касок.

Именно после этого венчания на покрытом шатром дворе дома на Сент-Джеймс-сквер сэр Ральф Бромптон впервые пристал с известной целью к Людовичу. Члены королевской семьи сидели в большом зале на втором этаже, где молодая пара принимала гостей. С балкона бального зала к шатру во дворе вела временная деревянная лестница (существовало правило, согласно которому члены королевской семьи не должны находиться в помещении, не имеющем запасного выхода), и гости после представления королевским особам, отдав им долг уважения, сходили вниз, оставляя эту тихую заводь ради шумного праздника под брезентовым шатром. Позднее, обсуждая этот вопрос – а такие обсуждения происходили довольно часто, – ни сэр Ральф, ни Людович не могли объяснить, что же выделило молодого капрала среди его товарищей, кроме того, что он стоял немного поодаль от них. Он не любил пива, а почетному караулу, квартирантам, мастерам и старым слугам, собравшимся в углу шатра, непрерывно подносили большие кружки этого напитка, сваренного специально для данного случая на заводе отца жениха. Сэр Ральф, ростом не ниже любого гвардейца и такой же великолепный в своей серой паре с фалдами и пышным галстуком, присоединился к веселой плебейской компании со словами: «А у вас дело с пивом обстоит гораздо лучше. Шампанское – отравка по сравнению с ним». Так началось общение, принесшее богатые плоды.

В то время сэр Ральф высиживал положенный срок в министерстве иностранных дел. Когда наступила пора ехать на предложенную должность за границу, он устроил увольнение Людовича из полка, в котором весьма сожалели о его уходе – незадолго до этого Людовича, несмотря на молодость, произвели в старшие капралы. С той поры и начался пятилетний период жизни за границей в обществе сэра Ральфа: при посольстве – в качестве камердинера, в путешествиях во время отпусков – в качестве секретаря. Сэр Ральф в меру необходимости просвещал своего протеже, снабжая Людовича книгами по психологии, которые тот читал с удовольствием, и по марксистской экономии, казавшиеся ему

скучными, давая ему билеты на концерты и в оперу, посещая с ним в праздничные дни картинные галереи и соборы.

Брак людей, на свадьбе которых они встретились, оказался непродолжительным. Он прекратился необычно ранним разводом. Людович такой, каким он теперь стал, оказался единственным результатом этого союза.

Было около пяти часов вечера. В пять тридцать аббатство закрывалось на ночь. Полиция уже заворачивала обратно последних, становившихся в очередь, предупреждая: «Сегодня в собор не попадете. Приходите завтра утром пораньше». Люди покорно скрывались в темноте, чтобы пристроиться к какому-нибудь хвосту в другом месте.

Майор Людович направился прямо к входу в аббатство, вперив в полисмена пристальный взгляд пустых рыбьих глаз и подняв руку в перчатке, отвечая на приветствие, которым его никто не встретил.

– Э-э, одну минутку, сэр. Куда вы направляетесь?

– Ммм... дар короля... этим... э-э... русским... гм... мне сказали... его показывают здесь.

– Придется встать в очередь. Многие пришли раньше вас, сэр.

Людович свободно владел двумя манерами разговора. Одну из них – офицерскую – он испробовал, теперь прибегнул к солдатской:

– Ну чего ты петушишься, приятель, я здесь на такой же службе, как и ты.

Ошарашенный полисмен отступил в сторону и позволил Людовичу пройти.

Внутри аббатства, казалось, уже наступила ночь. Свет через окна не проникал. Путь входившим освещали две свечи; посетителей впускали группами по двадцать человек. Попав внутрь храма, они проходили вперед группой, а затем, по мере приближения к мечу, выстраивались в затылок. Они не знали, как вести себя по этикету, чтобы выразить свое благоговение. Люди нерешительно приостанавливались, пристально всматривались, тихо перешептывались и проходили к выходу. Людович оказался самым рослым из присутствующих. Поверх голов он увидел яркую полосу клинка. Фуражку и стек он держал за спиной и внимательно смотрел

вперед. Все здесь представляло для него особый интерес, но, когда он приблизился к мечу и Попробовал задержаться, на него молча, без раздражения, не толкаясь, нажали и так же молча втиснули в эту ничего не замечающую, безмолвную процессию, утверждавшую свое право на равную долю всего того, что, как они верили, олицетворяло это оружие. У него не было времени рассмотреть все подробно. Он мельком различил острое лезвие, скромный орнамент, более роскошные ножны; затем толпа повлекла его дальше и вынесла наружу. Не прошло и пяти минут, как он снова оказался в одиночестве в сгущавшемся тумане.

В пять тридцать у Людовича было назначено свидание с сэром Ральфом. Теперь он должен был встречаться с ним по предварительной договоренности. Они больше не поддерживали прежних непринужденных отношений, однако связи с сэром Ральфом Людович не терял. В своем изменившемся и теперь высоком положении Людович не нуждался в деньгах, однако имелись другие соображения, в интересах которых их старая связь могла пригодиться. О каждом своем приезде в Лондон он извещал сэра Ральфа, и они встречались за чаем. Для обеда у сэра Ральфа имелись другие компаньоны.

Они встретились в старом условленном месте. В свое время у сэра Ральфа был дом на Ганновер-терэс и интимное убежище на Ибьюри-стрит – комнаты над магазином, напоминавшие роскошную берлогу студента последнего курса; убежище это составляло тайну, известную едва ли пятидесяти лицам. Теперь эти комнаты стали его домом. Он перевез сюда менее громоздкие предметы своей обстановки, однако не намного больше людей, возможно, даже меньше, чем в старые времена, знали туда дорогу.

Людович прошел по Викториа-стрит, пересек бесформенное расширение в конце улицы и подошел к знакомой двери одновременно с хозяином. Сэр Ральф открыл дверь и пропустил Людовича вперед. Он никогда не испытывал недостатка в преданных слугах.

– Миссис Эмбьюри! – позвал он. – Миссис Эмбьюри!

На площадке лестницы показалась его экономка. Она знавала Людовича в прежние времена.

– Чай, – сказал Ральф, вручая ей небольшой сверток. – «Лэпсэнг Сучонг», полфунта. Добыт путем обмена на одном из неизвестных

мне восточных рынков. Но чай отличный. В штабе у меня есть друг, который иногда достает его для меня. Чай надо расходовать поэкономнее, миссис Эмбьюри, но для майора, пожалуй, можно заварить покрепче.

Они поднялись наверх и уселись в гостиной.

– Ты, несомненно, хочешь услышать мое мнение о твоих эссе.

– Я хочу услышать мнение Эверарда Спрюса.

– Да, да, конечно, я заслужил этот небольшой выговор. Ну что ж, приготовься к хорошей новости: Эверард *восхищен* ими и хочет опубликовать их в «Севайвэле». Он согласен дать их анонимными. Единственное, что ему не нравится, – это название.

– Эссе^[78], – сказал Людович. – Знаете ли вы, как называют нашу эмблему? – Он постучал ногтем по эмблеме на лацкане своей форменной тужурки. – Педик, сидящий на своих лаврах.

– Да, да. Очень метко. Я уже слышал эту остроумную шутку. Нет, Эверард считает это название старомодным. Он предлагает назвать «Путевые заметки» или как-нибудь в этом роде.

– Это не имеет значения.

– Совершенно верно. Но он определенно заинтересовался тобой. Хочет познакомиться. Фактически я предварительно принял за тебя приглашение на сегодняшний вечер. Сам я, увы, не смогу представить тебя. Но тебя там ждут. Адрес я дам. А ко мне сюда придет другой посетитель.

– Кудрявый?

– В штабе его зовут Сузи. Нет, не он. Сузи – милый мальчик и несгибаемый член партии, но он несколько серьезен для этого. Я отправил его на собрание. Нет, я ожидаю очень смышленного молодого американца по фамилии Пэдфилд. Он офицер, *как и ты*.

Миссис Эмбьюри принесла чай, и небольшая, загроможденная мебелью комната наполнилась ароматом.

– Боюсь, что не смогу предложить тебе закусить.

– Я достаточно смышлен, чтобы не приезжать в Лондон наедаться. Нас хорошо кормят там, где мы расквартированы. – Людович перенял офицерский тон у сэра Ральфа, но редко пользовался им, когда они оставались наедине. – Миссис Эмбьюри почему-то не очень общительна последнее время, правда?

– Это твой высокий чин. Она не знает, как держаться в твоём присутствии. Ну, а как ты? Где побывал сегодня?

– Перед приходом сюда я ходил в аббатство посмотреть на меч.

– Ты, наверное, подобно другим, начинаешь ценить но достоинству достижения русских. Обычно ты не слишком разделял мои красные симпатии. Мы едва не поссорились однажды, помнишь? Из-за Испании.

– Там, на Ближнем Востоке, были испанцы – настоящие подонки... – Людович оборвал фразу, вспомнив то, о чем решительно старался забыть. – Мой визит туда не имеет никакого отношения к политике. Этот меч является темой еженедельного литературного конкурса в «Тайм энд Тайдс» на сочинение сонета. Я решил, что, если взгляну на него, у меня могут возникнуть какие-нибудь идеи.

– О, дорогой, не вздумай сказать об этом Эверарду Спрюсу. Боюсь, что он презирает эти литературные конкурсы в «Тайм энд Тайдс».

– Просто мне нравится писать, – возразил Людович, – в разной манере о разных вещах. В этом, по-моему, нет ничего зазорного, правда ведь?

– Конечно, нет. Литературное чутье. Но не говори об этом Эверарду. Ну и как, у тебя *возникли* какие-нибудь идеи?

– Не такие, чтобы их можно было использовать в сонете. Но это заставило меня призадуматься о мече.

– Первоначальная идея и цель устроителей всей этой церемонии, как сейчас говорят, заключалась не совсем в этом. Имелось в виду, что вид меча вызовет у всех мысли о танках и бомбардировщиках, о народной армии, изгоняющей нацистов.

– Я подумал о *своем* мече, – упрямо возразил Людович. – Строго говоря, это была скорее сабля. Мы называли их мечами, государственными мечами. Я не видел ни одного меча после того, как ушел из полка. Когда нас призвали снова, их уже сняли с вооружения. Он требовал очень большого ухода, этот меч. Время от времени их собирал оружейник и полировал на шлифовальном круге. В обычные дни мы обходились суконкой и полировочной пастой. На нем не должно быть ни пятнышка. Хорошего офицера всегда можно было узнать: в дождливый день он не подал бы команду: «Клинки в ножны!» – а скомандовал бы: «С обнаженным клинком подготовиться

спешиться!» Лево́й руко́й берешь клинок за среднюю часть и прижимаешь его к ближней стороне холки коня. Таким образом не допускаешь попадания влаги в ножны. Некоторые офицеры не заботились об этом, но хорошие – всегда помнили.

– Да, да, исключительно живописно, – заметил сэ́р Ра́льф, – однако не имеет почти никакого отношения к обстановке в Сталинграде.

Неожиданно Людович заговорил офицерским тоном:

В конце концов, не что-нибудь еще, а именно моя форма привлекла тогда ваше внимание ко мне, разве вы не помните?

Только исключительно проницательный читатель мог уловить в афоризмах Людовича, что их автор в душе или, скорее, в каких-то глубочайших тайниках своего сознания был когда-то романтиком. Большинство из тех, кто весной 1940 года добровольно пошел служить в части командос, сделали это по другим мотивам, нежели из желания служить своей стране. Только немногие стремились вырваться из рутины повседневной службы в обычной строевой части; другие – таких было больше – хотели порисоваться перед женщинами; третьи, отличавшиеся изнеженностью в гражданской жизни, стремились восстановить свою честь в глазах героев своей юности – легендарных, исторических или надуманных, – в мыслях, продолжавших не давать им покоя и в более зрелом возрасте. В сочинении Людовича, которому предстояло вскоре быть опубликованным, ничто не говорило, каким автор представлял себе самого себя. Начальное образование дало ему лишь смутное представление о рыцарстве. Его добровольное вступление в конногвардейский полк, такой близкий к особе короля, так блестяще экипированный, не было подсказано каким-то знакомством или привязанностью к лошадям. Людович был горожанином. Запах конюшен не вызывал у него воспоминаний о ферме или охоте. Годы, проведенные с сэ́ром Ра́лфом Бро́мпто́ном, он прожил легко и в комфорте; некоторая врожденная склонность к заглаживанию грехов, которую он, возможно, знал за собой, осталась невыраженной. Тем не менее он при первой возможности пошел добровольцем в диверсионно-разведывательные части. Теперь его товарищи – добровольцы, находящиеся в различных лагерях для военнопленных, – имеют массу свободного времени на обдумывание своих мотивов и на

избавление от иллюзий. Что касается Людовича, то он занимался тем же в свободное от службы время, однако его прозрение (если он когда-либо питал иллюзии) предшествовало разгрому на Крите. Там он провел неделю в горах, два дня в пещере, особенно памятную ночь в открытой лодке, когда он совершил подвиг, принесший ему военную медаль и производство в офицеры, подвиг, о котором он никогда не говорил. По прибытии в Африку на все вопросы о том, как это произошло, он отвечал, что в его памяти о тех событиях почти ничего не сохранилось – весьма обычное состояние после подвига, потребовавшего исключительной выносливости, как его уверяли преисполненные сочувствия врачи.

Последние два года жизни Людовича, как и жизни Гая, не были отмечены никакими яркими событиями.

После кратковременного пребывания в госпитале Людовича откомандировали в Англию для прохождения офицерской подготовки. В комиссии, интересовавшейся его пожеланиями, он не высказал предпочтения ни одному роду войск. У него не было склонности к технике. Его назначили в корпус разведки, находившийся тогда в процессе преобразования и расширения. Он обучался на различных курсах – научился дешифровать аэрофотоснимки, распознавать форму одежды противника, рассчитывать боевые порядки, наносить на карту обстановку, сопоставлять и обобщать боевые донесения. Короче говоря, он постиг основы разведки. По окончании обучения на отборочную комиссию произвела впечатление его служба в мирное время в конной гвардии. Комиссия решила, что он подходит к квартирмейстерской службе, и для него была подыскана должность, далекая от поля боя, далекая от секретных управлений, упоминавшихся в учебных классах только намеками; фактически его назначили в секретную часть, но такую, в которой Людович не узнал никаких секретов. Он стал начальником небольшого заведения, в котором мужчины, а иногда и женщины, всех возрастов и национальностей, военные и штатские, многие, очевидно, под вымышленными именами, обучались на соседнем аэродроме прыжкам с парашютом.

Таким образом, если в прошлом у Людовича и создалось романтическое представление о самом себе, то теперь оно было окончательно рассеяно.

В своем одиночестве в писательской деятельности он нашел больше, чем покой, – он нашел благотворное возбуждение. Чем дальше он отходил от человеческого общества и чем меньше слышал человеческую речь, тем больше его ум занимали слова напечатанные и написанные. Книги, которые он читал, повествовали о словах. Когда он ложился спать, не исповедовавшись ни перед кем в содеянном в прошлом, его сон никогда не нарушали чудовищные воспоминания, которые, как можно было ожидать, подстерегали его во мраке. Во сне он думал о словах и, просыпаясь, повторял их, будто заучивал иностранный словник. Людович сделался приверженцем этого могучего, опьяняющего напитка – английского языка.

Не изнывая, как изнывают от тяжелого труда, а, скорее, с восторгом упоения Людович работал над своими записными книжками; расширяя, развертывая, шлифуя, часто консультируясь с Фаулером, не гнушаясь заглядывать и в Роже, он писал и переписывал заново своим мелким писарским почерком многочисленные листы линованной бумаги, которой снабжалась армия; он писал, не говоря никому ни слова о том, что задумал, пока наконец не исписал пятьдесят листов бумаги форматом тринадцать на шестнадцать дюймов, которые и послал сэру Ральфу не для того, чтобы узнать его мнение, а для того, чтобы тот подыскал издателя.

В то время в книжной торговле наступил золотой век в миниатюре; продавалось все что угодно; популярность писателя определялась только возможностью достать бумагу. Однако издатели имели обязательства перед старыми клиентами и думали о будущем. Эссе Людовича не внушали надежд стать бестселлерами. Солидные фирмы интересовались скорее перспективами, чем достоинствами. Поэтому-то сэр Ральф и послал рукопись Эверарду Спрюсу – основателю и редактору журнала «Севайвэл», человеку, который не имел никаких честолюбивых замыслов, считая, несмотря на название^[79] его ежемесячного обозрения, что род человеческий обречен исчезнуть в хаосе.

Спрюса, который в предвоенные годы не пользовался слишком большим уважением в кругах молодых писателей социалистического толка, война подняла на недосягаемую высоту. Те из его друзей, кто не сбежал в Ирландию или Америку, вступили в «пожарную команду»^[80]. В отличие от них Спрюс остался на своих позициях, и в

тот суматошный период, когда Гай, сидя в «Беллами», строчил множество бесплодных прошений о приеме на военную службу, он объявил о рождении журнала, посвященного «выживанию ценностей». Министерство информации взяло журнал под свое крыло, освободило его сотрудников от всех других повинностей, назначило щедрое пособие бумагой и завалило этим журналом все страны, куда еще был открыт доступ британским судам. Эти журналы даже разбрасывались с самолетов над районами, находившимися под властью немцев; партизаны терпеливо пытались читать их с помощью словарей. Член парламента, пожаловавшийся в палате общин на то, что, как он мог понять, тон журнала пессимистичен и его содержание не имеет отношения к военным усилиям, получил отпор со стороны министра, указавшего в довольно пространным заявлении, что свободное выражение мыслей имеет важное значение для демократии. «Лично я не сомневаюсь, – сказал министр, – и мое мнение подтверждается многими сообщениями, что выживание того, что в нашей стране в настоящих условиях является почти уникальным, а именно – журнала, полностью не зависящего от официальных указаний (эти слова вызвали смех в зале), рождает большое воодушевление у наших союзников и сочувствующих нам во всем мире».

Спрюз жил в прекрасном доме на Чейни-уок, окруженный заботами четырех секретарш. Сюда-то и направил Людовича сэр Ральф. Он пошел пешком по неосвещенным улицам, в продолжавшем густеть тумане, вдыхая доносившиеся с реки запахи.

Некоторое знакомство с литераторами у него уже было. Кое-кто из них был частым гостем на Ибьюри-стрит, он сживал с ними за одними столиками в кафе на берегах Средиземного моря; однако в те дни он всегда оставался придатком сэра Ральфа, иногда игнорируемым, иногда формально включаемым в беседу, часто бесцеремонно рассматриваемым, но никогда не воспринимаемым в качестве возможного коллеги. Впервые Людович входил в их общество на равных правах. Он нисколько не нервничал, наоборот, горделиво ощущал изменение в своем положении, приносившем ему гораздо большее удовлетворение, чем военный чин.

Спрюсу было за тридцать. В свое время он стремился иметь пролетарский, молодежавый, привлекательный внешний вид, правда,

без особого успеха; теперь, возможно ненамеренно, он выглядел старше своих лет и имел небрежно-элегантную внешность модного метра. Сегодня он был одет в рубашку из плотного шелка в широкую полоску с галстуком бабочкой и неопределенного цвета брюки. Туалеты его секретарш были выдержаны примерно в таком же духе, хотя из более простых материалов; их длинные волосы были распущены в стиле, которому пятнадцатью годами позже на страницах газет предстояло ассоциироваться с Кингс-роуд. Одна из секретарш ходила босиком, как бы желая подчеркнуть свое подневольное положение. Иногда о них отзывались как о «гареме Спрюса». Они отдавали ему свою преданную любовь и заодно свой паек масла, мяса и сахара.

Одна из этих секретарш открыла Людовичу дверь и, не спрашивая его имени, сказала сквозь завесу волос:

– Входите быстрее. Затемнение не слишком эффективно. Все наверху.

В гостиной на втором этаже собрались гости.

– Который из них мистер Спрюс?

– Разве вы не знаете его? Вон тот, и, конечно, разговаривает с Элегантной Женщиной.

Людович осмотрел всю комнату. В компании человек из двадцати или около того большую часть составляли дамы, однако ни одна из них не производила впечатления элегантно одетой. Тем временем хозяин дома сам обозначил себя, выступив вперед с выражением острого любопытства на лице.

– Я Людович, – представился Людович. – Ральф Бромптон сказал, что вы ждете меня.

– Да, конечно. Не уходите, пока мы не поговорим с вами. Я должен извиниться за тесноту. Министерство информации навязало мне двух нейтралов-антифашистов. Они просили собрать каких-нибудь интересных людей. Не так-то легко это в наши дни. Вы говорите по-турецки или по-португальски?

– Нет.

– Жаль. Оба они преподаватели английской литературы, но не очень бегло говорят по-английски. Пойдемте, познакомьтесь с леди Пердитой.

Он повел Людовича к женщине, с которой стоял перед этим. На ней красовалась форма уполномоченного гражданской обороны, по лицу были размазаны пятна сажи. «Элегантная!» Людович решил, что этим маскарадом она скорее подчеркивала свою должность, чем элегантность.

– Я присутствовал на вашем венчании, – заявил он.

– Не может быть! На моем венчании никого не было.

– На вашем первом венчании.

– О да, конечно, *тогда* были все.

– Я держал саблю над вашей головой, когда вы выходили из собора.

– Это было давным-давно, – заметила леди Пердита. – Подумать только – *сабли!*

К ним подошла босоногая секретарша с кувшином и стаканом:

– Не хотите ли выпить?

– А что это?

– Ничего другого здесь нет, – сказала она. – Это я сама приготовила. Южноафриканский херес пополам с чем-то, называемым «оулд фальстаф джин».

– Что-то не хочется, спасибо, – уклонился от угощения Людович.

– Сноб, – сказала леди Пердита. – Налей мне, Фрэнки, дорогая.

– Вряд ли здесь хватит всем.

– А ты налей мне порцию этого гостя.

В разговор вмешался хозяин дома:

– Пердита, я хочу познакомить вас с доктором Яго из Коимбры. Он немного говорит по-французски.

Людович остался в обществе секретарши, скрывавшей свои глаза за длинной челкой. Глядя на свои босые ноги, она сказала:

– Единственная польза от гостей – они согрели комнату. А вы кто такой?

– Людович. Мистер Спрюз принял кое-что, написанное мной для опубликования в «Севайвэле».

– Да, конечно, – обрадовалась она. – Теперь я знаю о вас все. Я тоже читала вашу рукопись. Она произвела на Эверарда колоссальное впечатление. Он сказал, что это звучит, как если бы Лоугэн Пирсолл Смит написал в стиле Кафки. Вы знакомы с Лоугэном?

– Только с его сочинениями.

– Вы должны познакомиться с ним. Сегодня его здесь нет. Он не бывает в обществе. Такое утешение встретить настоящего писателя вместо всех этих остряков-самоучек, на которых Эверард тратит свое время. – Она перевела угрюмый взгляд со своих ног на уполномоченную гражданской обороны. – Вы знаете, у нас есть немного виски. Мы достали только одну бутылку, поэтому приходится экономить. Пройдите в следующую дверь, и я налью вам немного.

За следующей дверью была контора – комната поменьше, обставленная просто, без роскоши, даже скудно. Пачки старых номеров «Севайвэла» громоздились на голых досках пола, рукописи и фотографии – на голых столах; окна были занавешены листами черной бумаги, прикрепленными кнопками. Здесь во время, свободное от домашней работы – приготовления пищи, стояния в очередях или штопки, – четыре секретарши начинали горючим светоч культуры, озарявший ярким интеллектуальным светом все в пространстве от Исландии до Аделаиды; здесь девушка, умевшая печатать на пишущей машинке, отвечала на многочисленные смешные письма почитателей Спрюса, а девушка, знавшая грамматику, корректировала гранки. Судя по стоявшим в комнате диван-кроватьям, покрытым одними одеялами, и валявшемуся Гребню, большому, без многих зубьев, некоторые из них, видимо, тут же и спали.

Фрэнки подошла к стенному шкафу и достала бутылку. В те дни получило распространение много странного пойла, вроде «оулд фальстаф». Извлеченная из шкафа бутылка принадлежала к другой категории.

– Еще не откупорена, – подчеркнула босая секретарша.

Людович не был любителем спиртного, да и виски вовсе уж не какая-то редкость в его хорошо обеспеченной части; тем не менее он принял предложенную стопку с торжественностью, граничившей с благоговением. Это было не просто угощение украдкой. Фрэнки приобщила его к таинственной компании Лоугэна и Кафки. В ближайшие дни он обязательно найдет время, чтобы узнать, кто такой Кафка. А сейчас Людович осушил стаканчик, проплотив почти без отвращения этот высоко ценимый продукт перегонки.

– Вы, кажется, выпили с удовольствием, – сказала Фрэнки. – Боюсь, что предложить вам второй я не осмелюсь. Возможно, позже. Все зависит от того, кто еще придет к нам.

– Мне вполне достаточно одного. Это *все*, что я хотел, – успокоил ее Людович, подавляя внезапный позыв к рвоте.

Дом Килбэнноков на Итон-терэс не пострадал от прямых попаданий бомб; в нем не было разбито ни одного оконного стекла, не была разрушена ни одна дымовая труба. Однако четыре года войны оставили свои следы на некогда нарядном интерьере. Кирсти делала все возможное, но краски, обои, ситцевая мебельная обивка и ковры покрылись пятнами и имели убогий вид. Несмотря на такое неприглядное внутреннее убранство, Килбэнноки, фактически, оправились от сравнительной бедности 1939 года. Кирсти больше не сдавала комнат. Из столовой при транзитном лагере она перевелась на хорошо оплачиваемую работу шифровальщика; жалование Йэна возросло вместе с числом нашивок на обшлагах рукавов его мундира; его тетушка умерла, оставив ему скромное наследство. К тому же жизнь в те времена не давала поводов к расточительности. Кирсти ловко переделала вечернюю пару Йэна в добротный дамский костюм. Дети по-прежнему оставались на попечении бабушки в Шотландии и приезжали в Лондон только от случая к случаю.

В этот октябрьский вечер они поджидали Вирджинию Трой, некогда квартирантку, а теперь довольно редкую гостью.

– Тебе лучше было бы уйти в «Беллами» или еще куда-нибудь, – заметила Кирсти. – Судя по телефонному разговору, Вирджиния хочет поговорить по душам.

– Триммер?

– Видимо, Триммер.

– Я подумываю об отправке его в Америку.

– Это было бы самое лучшее.

– Здесь, в Англии, мы выжали из него все, что могли. Съемку фильма закончили. Би-Би-Си не хочет возобновлять воскресную вечернюю передачу «Голос Триммера».

– Ничего удивительного.

– Вначале идея казалась удачной. Но почему-то передача не пошла. Триммера надо видеть, когда слушаешь его. Кроме того, появилась масса соперничающих с ним героев, куда более правдоподобных.

– Ты думаешь, американцы поверят его басням?

– Для них он будет новинкой. Их уже тошнит от летчиков-истребителей. Между прочим, представляешь, ведь не кто иной, как Триммер, подал монарху мысль об этом мече Сталинграда. Косвенно, конечно. В большой сцене высадки Триммера я дал ему в руки кинжал, которым вооружены отряды командос, чтобы он размахивал им. Тебе вряд ли приходилось видеть что-либо подобное. Этот кинжал – выдумка Невесты Ванны. Их изготовили несколько сотен. По моим точным данным, ни один из них не был применен по назначению. В Глазго таким кинжалом опасно пырнули одного полисмена. Большую часть этого добра пооставляли у шлюх. Но вещь красивая! Так вот, ты знаешь, как внимателен король, когда дело касается любой детали военного снаряжения. Он присутствовал на предварительном просмотре фильма о Триммере и сразу обратил внимание на кинжал. Приказал прислать ему один такой. Затем королевский мозг поработал немного, и в конечном итоге появилась эта штука, выставленная в аббатстве. Необычный эпизод современной истории, правда?

– Ты собираешься в «Беллами»?

– Эверард Спрюс пригласил нас на прием. Возможно, я загляну к нему.

Трель звонка у входной двери пронеслась по всему небольшому дому.

– Вирджиния, наверное.

Дверь открыл Йэн. Вирджиния поцеловала его с холодным, гадливым чувством и поднялась наверх.

– Я думала, ты выпроводишь его, – сказала она Кирсти.

– Так я и сделаю. Убирайся, Йэн, нам надо поговорить.

– Должен ли я напоминать вам, что являюсь вашим прямым начальником?

– О боже, как мне надоела эта дурацкая шутка!

– Я вижу, ты с багажом.

– Да. Кирсти, могу ли я остановиться у тебя ненадолго?

– Да. Ненадолго.

– Пока Триммер не уберется за границу. Он говорит, что получил предварительное распоряжение быть готовым к поездке в какое-то место, куда, слава богу, не может взять меня с собой.

– Я всегда надеялся, – сказал Йэн, – что в конце концов он понравится тебе.

– Я старалась два года.

– Да, ты старалась не жалея сил. Вполне заслужила отдых. Ну что ж, пожалуй, оставлю вас вдвоем. Думаю, что вернусь довольно поздно.

При этом заявлении ни одна из женщин не проявила никакого сожаления. Йэн спустился вниз и вышел в темноту.

– В доме нет ничего выпить, – сказала Кирсти. – Может быть, пойдем куда-нибудь?

– А кофе?

– Это-то у меня найдется.

– Тогда посидим дома.

– Есть тоже почти нечего. Осталось лишь немного трески.

– Никакой трески. Спасибо.

– Послушай, Вирджиния, ты чем-то сильно расстроена.

– Полная апатия. Что случилось со всеми? Лондон всегда был полон закадычных друзей. Теперь же мне просто кажется, что я никого не знаю. Ты представляешь, после того как убили моего брата, у меня не осталось в живых ни одного родственника.

– Дорогая, мне очень жаль. Я не знала. Я даже не знала, что у тебя был брат.

– Его звали Тим. Он на пять лет моложе меня. Мы никогда с ним не ладили. Его убили три года назад. У тебя так много детей, Кирсти, есть родители, кузены. Ты даже не можешь представить, как горько быть совсем одинокой. У меня в Швейцарии мачеха. Она никогда не жаловала меня, да я, так или иначе, и не могу добраться до нее. Я просто в ужасе, Кирсти.

– Ну, рассказывай же!

Вирджиния никогда не принадлежала к числу тех, кого надо долго уговаривать поделиться своими секретами.

– Деньги, – призналась она. – Я прежде не знала, что это такое – совсем не иметь денег. Право же, это очень странное ощущение. Тим завещал все, что имел, какой-то девице. Папа как-то ухитрился не оставить мне ни пенни. Он считал, что я хорошо обеспечена.

– Но ведь мистер Трой непременно должен выложить денежки в конце концов. Американцы очень щепетильны насчет алиментов.

– И я так думала. Так мне сказали мой управляющий банком и адвокат. Вначале они считали, что дело заключается просто в некоторых трудностях обмена валюты. Они написали ему целую кучу писем, сначала вежливых, затем твердых, потом угрожающих. Наконец, около шести месяцев назад, они наняли юриста в Нью-Йорке для подачи искового заявления. Хорошеньким делом это обернулось! Мистер Трой развелся со мной.

– Но он же не мог сделать этого!

– Сделал! Все подписано и подтверждено печатями. По-видимому, у него был человек, следивший за мной и собиравший письменные показания.

– Как это отвратительно!

– Таков уж мистер Трой. Я должна была догадаться об этом, когда он начал так оскорблять меня. Мы запросили копии показаний на случай, если обнаружится какая-нибудь возможность подать апелляцию. Но это кажется маловероятным. В конце концов, все это время я не слишком строго соблюдала верность мистеру Трою.

– Вряд ли он мог ожидать этого от тебя.

– И вот, не только нет алиментов, но и превышение кредита в банке и огромный счет от адвоката. Я сделала единственно возможный шаг в моем положении – продала свои драгоценности. Эти скоты дали мне половину того, что они стоят, сказав, что сейчас их никто не покупает.

– То же самое сказали Бренде.

– А тут еще сегодня утром приключилась очень неприятная история. Среди вещей, которые я продала, была пара серег, тех, что подарил мне Огастес. Я совершенно забыла о них, а они, оказалось, лежали в старом чемодане. Больше того, решив, что я потеряла их, я сообщила об этом в страховую компанию, и мне уплатили за них. По-видимому, я совершила уголовное преступление. Но люди оказались достаточно порядочными. Они не намерены заявлять в полицию или предпринимать еще что-нибудь, однако я должна возвратить деньги – двести пятьдесят фунтов. Это не так уж много, но у меня и этого нет. Поэтому сегодня, всю вторую половину дня, я ходила повсюду и торговала мехами. Мне говорят, что *их* тоже никто не покупает, хотя я была уверена, что меха-то сейчас каждый *захочет* иметь, учитывая наступление зимы и отсутствие угля.

– Я всегда завидовала твоим мехам, – заметила Кирсти.
– Они твои за двести пятьдесят фунтов.
– Какую наибольшую цену тебе предлагали?
– Хочешь верь, хочешь нет – семьдесят пять фунтов.
– В данный момент у меня случайно есть немного денег в банке, – задумчиво проговорила Кирсти. – Я могла бы дать немного больше.
– Мне надо в три раза больше.
– У тебя должны остаться и *кое-какие* другие вещи.
– Все, чем я владею, находится внизу, в твоем холле.
– Давай пойдем посмотрим, Вирджиния. У тебя всегда было так много вещей. Я уверена, мы сможем подобрать что-нибудь. Например, портсигар, которым ты сейчас пользуешься.
– Он сильно помят.
– Но раньше он был хорош.
– Мистер Трой, Канн, тысяча девятьсот тридцать шестой год.
– Уверена, что мы найдем достаточно, чтобы набрать двести пятьдесят фунтов.
– О Кирсти, ты просто утешение для девушки в беде.
Так обе женщины, начавшие выезжать в свет в один и тот же год и жившие совершенно различной жизнью, одна – такой расточительной, другая – такой умеренной и бережливой, разложили вещи Вирджинии на обшарпанной софе и провели весь вечер, как цыганки-барышницы, рассматривая и оценивая немногие уцелевшие трофеи десятилетия соблазнительной женственности; затем обе пошли спать, успокоенные каждая по-своему и довольные заключенной сделкой.

Гай чувствовал себя так, будто ему преподнесли подарок в день рождения, впервые неизвестно за сколько лет. Карточка с его фамилией, выскочившая из электронного комплектатора личного состава, подобно билету с судьбой из автомата на пляже, подобно настоящей реальной удаче – выигрышу в лотерее или тотализаторе на бегах, вызвала приятное возбуждение, какое он чувствовал разве только в первые дни службы в алебардийском корпусе или в первые минуты на земле неприятеля в Дакаре, возбуждение, похожее на чувство раскрепощения, охватившее его после передачи наследства Эпторпа Чатти Корнеру или в госпитале в Александрии, когда он нарушил свое долгое молчание. Это были памятные события в его армейской жизни. Все они произошли в первые два года войны; после них он потерял надежду на появление новых ярких событий. Теперь его надежды воскресли. Значит, и для него есть еще место где-то за пределами бесплодной рутинной службы в штабе особо опасных операций.

Со службы Гай ушел в шесть часов и, придя в транзитный лагерь, под влиянием импульса сделал то, что в последнее время делал редко: переоделся в синюю парадную форму. Затем он сел в метро, где беженцы уже расставляли свои койки на ночь, и, доехав до станции Грин-парк, пошел пешком под аркаду Ритц в направлении Сент-Джеймс-стрит и далее – в «Беллами». На каждом шагу, подпирая стены, стояли американские солдаты, крепко облапив своих шлюх. В вестибюле клуба его приветствовал американец иного сорта.

– Добрый вечер, Лут.

– Вы будете на приеме у Эверарда Спрюса?

– Не приглашен. Вообще не знаю, кто это. А вас, по-моему, ожидают у Гленобэнов.

– К ним я пойду позже. Сначала у меня обед с Ральфом Бромптоном. Но по дороге мне, пожалуй, надо заглянуть к Эверарду.

Лут возобновил свое прерванное занятие: он писал письмо за столиком, стоявшим напротив комнатки Джоуба. Гай никогда не видел раньше, чтобы этим столиком кто-нибудь пользовался.

В следующем холле Гай нашел Артура Бокс-Бендера.

– Только что ускользнул из палаты немного отдохнуть. На Восточном фронте все складывается очень недурно.

– Недурно?

– Подожди до передачи последних известий в девять часов. Кое-что услышишь. Дядюшка Джо явно обратил их в бегство. Не хотел бы я оказаться одним из его военнопленных.

По естественной ассоциации Гай спросил:

– Есть ли что-нибудь от Тони?

Лицо Бокс-Бендера помрачнело.

– Да, было на прошлой неделе. Он все еще не выбросил из головы эту дурацкую мысль стать монахом. Я уверен, он забудет о ней, как только вернется к нормальной жизни, но сейчас это все равно неприятно. Анджела, по-видимому, не очень-то против этого. Она больше беспокоится об отце.

– Я тоже.

– Она сейчас в Мэтчете. Как ты знаешь, он оставил работу в школе, и это уже хорошо. В таком возрасте ему совсем не следовало приниматься за это занятие. Ты знаешь, у него ведь тромб. Серьезное осложнение может наступить в любое время.

– Знаю. Я виделся с ним в прошлом месяце. Тогда он, как мне показалось, был здоров, но позднее он писал, что чувствует себя неважно.

– Да, ничего не поделаешь, – сказал Бокс-Бендер. – Анджела считает, что ей следует находиться там на всякий случай.

Гай прошел в бар, где обнаружил Йэна Килбэннока, беседующего с пожилым гренадером.

– ...Знаете, как внимателен король, когда дело касается любой детали военного снаряжения, – говорил он. – Монарх приказал прислать ему такой кинжал. Он-то и натолкнул короля на размышления о ножевых изделиях.

– Исключительно удачная идея.

– Да, я сам в некотором роде причастен к этому делу. Привет, Гай! Как ты думаешь, кто только что выгнал меня из дому? Вирджиния!

– Как она там?

– Без гроша. Я видел ее мимоходом, но она явно на мели. Я и до этого слышал кое-какие сплетни о ее делах.

– Я угощаю, – прервал его Гай, – по случаю дня моего рождения. Два стакана вина, Парсонс.

Гай ничего не сказал об электронном комплектаторе, однако мысль о нем согревала его во время разговоров о других вещах. Когда их стаканы опустели, гренадер сказал:

– Кто-то здесь сказал, что сегодня день его рождения. Три стакана вина, Парсонс!

Когда наступила очередь Йэна заказывать, он заметил:

– Как поднялись цены! Десять шиллингов за стакан шампанского, и к тому же дрянного! Почему бы тебе не пойти к Эверарду Спрюсу и не выпить бесплатно?

– А у него будет шампанское?

– Конечно, будет. Спрюс получает крупные специальные субсидии, а сегодня он принимает двух видных иностранцев, на которых надо произвести впечатление. Иногда приятно побывать в кругу одних штатских. Ты читаешь его журнал?

– Нет.

– Я тоже. Но его высоко ценят. Сам Уинстон читает его.

– Я не верю тебе.

– Возможно, сам-то он и не читает. Но один экземпляр направляется в канцелярию кабинета, я случайно узнал об этом.

– Я едва знаком со Спрюсом. А вот Лут туда собирается.

– Значит, туда может заявиться каждый. Луту удастся поймать такси. Для американцев они всегда останавливаются.

Лейтенант Пэдфилд все еще трудился над своей корреспонденцией. Он писал довольно усердно; перо не слишком хорошо подчинялось ему: в юности он печатал на пишущей машинке, а в ранней зрелости диктовал. Йэн послал его на Пиккадили. Действительно, через четверть часа он возвратился на такси.

– Рад, что вы едете со мной, – заявил он. – Я считал, вы не знакомы со Спрюсом.

– Я передумал.

– «Севайвэл» – весьма знаменательный рупор общественного мнения.

– Знаменующий что, Лут?

– Выживание ценностей.

– Вы считаете, я нуждаюсь в специальном натаскивании по этому вопросу?

– Прошу прощения.

– По-вашему, мне следует читать этот журнал?

– Я уверен, вы найдете его весьма знаменательным.

Было почти восемь, когда они приехали на Пейни-уок. Кое-кого из присутствовавших, включая нейтральных гостей, уже начало тошнить от коктейля, приготовленного Фрэнки, и они сбежали.

– Прием, собственно, уже закончился, – заявила одна из секретарш – не Фрэнки. На ногах у нее были веревочные сандалии, а челка, сквозь которую она разговаривала, была черная. – Эверард, по моему, собирается уходить.

Тем временем лейтенант Пэдфилд был занят тем, что переплачивал за такси; после длительного временного пребывания в стране он все еще находил английскую денежную систему запутанной, а шофер такси старался запутать его еще больше. Услышав эти невнятно произнесенные слова, он всполошился:

– Боже мой! Неужели уже так поздно? Я должен быть на Ибьюри-стрит. Если вы не возражаете, я поеду в такси дальше.

Гай и Йэн не возражали. Доставив их сюда, лейтенант выполнил свое очевидное предназначение.

Дезертирство Пэдфилда усилило решимость секретарши, которую звали Коуни, и она сказала:

– Выпить, по-моему, уже ничего не осталось.

– Мне было обещано шампанское, – настаивал Гай.

– Шампанское! – воскликнула захваченная врасплох Коуни, не зная, кто такой Гай, и не имевшая ни малейшего представления, кто такие эти двое в военной форме, неясно маячившие в непроглядной мгле, но хорошо зная, что у Спрюса действительно есть несколько бутылок этого вина, отложенного про запас. – Я ничего не знаю о шампанском.

– Ну что ж, мы поднимемся и посмотрим сами, – перебил ее Йэн.

Коуни провела их наверх.

Толпа гостей, хотя и поредевшая, была достаточно многочисленная, чтобы образовать плотную завесу между входом и дальним углом комнаты, в котором расположился Людович. Прошло

уже две минуты, как он наслаждался тем, ради чего пришел – вниманием хозяина дома.

– А скажите, схема вашего произведения случайная или обдуманная? – допытывался Спрюз.

– Обдуманная.

– План непосредственно не просматривается. Там есть более или менее общие афоризмы, есть заслуживающие особого внимания наблюдения, которые, по-моему, если мне будет позволено так сказать, исключительно пронизательны и забавны. Интересно, есть ли там такие места, где они вымышленны? И кроме того, мне кажется, там присутствуют две поэтические темы, которые появляются снова и снова. Просматривается мотив «Утонувшего моряка». Возможно, это отзвук «Бесплодной земли»? Вы сознательно имели в виду Элиота?

– Не Элиота, – беспокойно возразил Людович. Но моему, его звали не Элиот.

– Очень интересно! И потом это изображение пещеры. Должно быть, вы много читали о фрейдистской психологии?

– Не особенно много. В описании пещеры не было ничего психологического.

– Очень интересно. Спонтанное высвобождение подсознания!

В это время Коуни пробилась сквозь толпу и встала сбоку от разговаривающих.

– Эверард, там два человека в военной форме спрашивают шампанского.

– Боже милостивый, надеюсь, это не полиция?

– Один, возможно, из полиции. На нем какая-то странная форма синего цвета. Другой в форме летчика. Я никогда не видела его прежде. С ними был американец, но он уехал.

– Это очень странно. Ты не дала им шампанского?

– О, нет, Эверард.

– Лучше я пойду и посмотрю сам, кто это.

У двери Йэн столкнулся с Элегантной Женщиной и горячо расцеловал ее в обе грязные щеки.

– Здесь вся выпивка кончилась, – объявила она, – и я направляюсь на свой пост гражданской обороны. Почему бы вам обоим не заглянуть туда? Это неподалеку, за углом, там всегда найдется бутылка.

Их поприветствовал Спрюз.

– Боюсь, мы немного запоздали. Я привел Гая. Вы помните его? – спросил Йэн.

– Да, да, по-моему, мы где-то встречались, – сказал Спрюз. – У нас здесь все уже кончилось. Я только что имел небольшой разговор с очень интересным новым писателем. Мы всегда особенно рады приветствовать сотрудничество военных. Это входит в нашу программу.

Центральная группа гостей расступилась, и позади них стал виден Людович, аппетит которого к разбору его творчества был возбужден, но далеко не удовлетворен. Он обиженно смотрел на стоявшего к нему спиной Спрюса.

– Людович?! – удивился Гай.

– Это как раз тот человек, о котором я сказал вам. Вы знаете его?

– Он спас мне жизнь, – ответил Гай.

– О, это очень странно.

– У меня так и не было возможности поблагодарить его.

– Что ж, сделайте это сейчас. Но не уводите его с собой. Вы застали нас в разгар захватывающего разговора.

– Я думаю, что уйду вместе с пэром.

– Да, пожалуй.

Просвет в толпе снова закрылся. Гай протиснулся между гостями и протянул руку Людовичу, который с выражением нескрываемого ужаса поднял на него свои рыбы глаза и, вяло пожав протянутую ему руку, отвернулся.

– Людович, вы, конечно, помните меня?

– Это в высшей степени неожиданно.

– Группа Хука. Крит.

– О да, припоминаю.

– Я всегда питал надежду встретиться с вами. Столько всего, о чем нам надо поговорить! Я узнал, что это вы спасли мне жизнь. – При этих словах Гая Людович безмолвно, будто в раскаянии бия себя в грудь, поднял руку к ленточке военной медали. – Кажется, вы не очень рады видеть меня.

– Вот это удар! – сказал Людович, переходя на казарменный жаргон. – Вы как снег на голову! Вот уж не ожидал встретить вас

здесь. Только не у мистера Спрюса. Кого-кого, но не вас, где-где, но не здесь.

Гай уселся на стул, на котором до этого сидел Спрюс.

– Я смутно помню те последние дни на Крите и в лодке.

– Лучше забудьте, – сказал Людович. – Есть вещи, о которых лучше забыть.

– О, что вы! Не слишком ли вы скромничаете? Кроме того, меня мучает любопытство. Что произошло с майором Хаундом?

– Я слышал, его считают пропавшим без вести.

– А разве он не в плену?

– Простите, мистер... э-э... капитан Краучбек. Я не служу в управлении учета личного состава.

– А саперный капитан, который взял нас в лодку? Я был в ужасном состоянии, да и он не в лучшем: он бредил.

– Вы тоже бредили.

– Да. А сапера вы тоже спасли?

– Я думаю, он утонул в море.

– Послушайте, – предложил Гай, – вы не собираетесь пообедать?

Это прозвучало так, будто призрачный шекспировский Банко вдруг превратился в хозяина.

– Нет, – отрывисто сказал Людович. Нет! – Не извинившись, не сказав ни слова на прощанье Гаю, Спрюсу или Фрэнки, он внезапно бросился к парадной двери, ведущей на лестницу, и выскочил в спасительную уличную темноту.

– Что с ним стряслось? – удивился Спрюс. – Не мог же он напиться здесь. Что вы сказали ему?

– Ничего. Я спросил его о прошлых временах.

– Вы хорошо знали его?

– В сущности, нет. Мы всегда считали его человеком со странностями.

– У него несомненный талант, – сказал Спрюс. – Возможно, даже зачатки гения. Чрезвычайно досадно, что он сбежал. Пожалуй, пора заканчивать прием. Девочки, может быть, вы выпроводите гостей и приберете? Мне пора идти.

Оставшиеся часы своего сорокового дня рождения Гай провел в «Беллами» в бессмысленных разговорах. Когда он возвратился в свою комнату в транзитном лагере, в его голове было больше мыслей о будущем, чем о прошлом.

В одиннадцать часов завывали неслышные в «Беллами» сирены воздушной тревоги, а после полуночи был дан отбой. Никто не слышал их и в Вестминстерском аббатстве, где стоял никем не охраняемый меч Сталинграда. Все двери были заперты, все огни погашены. На следующий день здесь снова выстроится очередь и возобновится акт преклонения.

В литературном конкурсе, проведенном «Тайм энд Тайдс», Людович успеха не добился. Его сонет даже не отметили. Он внимательно прочел стихотворение, занявшее первое место:

...Лежит здесь меч очень редкой работы —
Это бесценный символ. Кто знал,
Как близко зло или как опасно добро,
Кто презирает покровы, носимые ангелами?

Он не мог понять смысл этого сонета. Было ли второе «кто» относительным местоимением к слову «добро», выступающим в качестве его эквивалента? Он сравнил с ним свой ясный, понятный сонет:

Надпись о моем прошлом
На этом длинном мече.
Светившая мне в море
Путеводная звезда
Сияет на нем.
Пусть будет стерта она!
Рея, мачта, фал и бушприт —
Все кануло в вечность,
Когда бот мой погиб.

«Возможно, – подумал он, – эти строки не слишком хорошо отвечают заданной теме. Они, видимо, не отразили общего настроения. В них слишком много личного, такого, что не подходит „Тайм энд Тайде“. Я пошлю их в „Севайвэл“.

Часть девятая
«Fin De Ligne»

Вирджиния Трой не прожила в доме Килбэнноков и десяти дней, а Йэн уже начал спрашивать: «Когда она уедет?»

– Я не против того, что Вирджиния живет здесь, – сказала Кирсти. – Не так уж дорого она нам обходится.

– Но она не участвует в наших расходах ни единым пенсом.

– Я не могу просить Вирджинию об этом. Она проявляла к нам необыкновенную доброту, когда была богатой.

– Это было очень давно. Я уже проводил Триммера в Америку. Просто не понимаю, почему она должна жить здесь. Другие женщины платят свою долю.

– Могу посоветовать ей это.

– Пожалуйста, как только представится возможность.

Однако, когда Вирджиния возвратилась в тот вечер, она сообщила такие новости, что все другие мысли вылетели из головы Кирсти.

– Я только что была у своих адвокатов, – сказала Вирджиния. – У них есть копии всех свидетельских показаний по делу мистера Троя о разводе. И кто, по-твоему, собрал их?

– Кто?

– Назови троих, наиболее вероятных.

– Не могу представить себе ни одного.

– Этот омерзительный Лут!

– Не может быть!

– Он, очевидно, член фирмы, работающей на мистера Троя. Он все еще выполняет случайную работу для них в свободное время.

– И это после всего хорошего, что мы сделали для него! Ну и как, ты намерена разоблачить его?

– Не знаю.

– Людей следует предупреждать.

– Мы сами виноваты, что покровительствовали ему. Он всегда приводил меня в содрогание.

– Подобные вещи, – сказала Кирсти, – разбивают у людей веру в человека.

– Но Лут вовсе не человек.

– Да, действительно, он не человек.

– Не то что Триммер.

– А Триммер, по-твоему, человек?

Они снова вернулись к проблеме, которую в той или иной форме всесторонне обсуждали в течение вот уже трех лет.

– А ты скучаешь по нему хоть сколько-нибудь?

– Испытываю полнейшее облегчение. Каждое утро в последние четыре дня я просыпаюсь с мыслью: «Триммер уехал».

После почти часовой беседы Кирсти наконец сказала:

– Я думаю, ты теперь найдешь новое место проживания.

– Нет. Если, конечно, ты и Йэн не захотите избавиться от меня.

– Конечно нет, дорогая. Но видишь ли, Йэн...

Однако Вирджиния прервала Кирсти, не выслушав ее:

– У тебя есть семейный врач?

– Мы всегда обращались к одному пожилому врачу на Слоан-стрит. Его фамилия Патток. Это очень хороший врач, особенно по детским болезням.

– У меня никогда не было доктора, – сказала Вирджиния. – Такого, которого я могла бы назвать *своим*. Видимо, потому, что часто переезжала и мало болела. В Ньюпорте я иногда ходила к одному докторишке, но только для того, чтобы подписать рецепт на снотворные таблетки. Еще в Венеции был довольно противный англичанин, который зашивал меня, когда я упала на лестнице во дворце Коромбона. Чаще же всего я полагалась на фармацевтов. В Монте-Карло, например, есть один такой волшебник. Ты просто приходишь к нему и говоришь, где болит. Он дает тебе *капсулку*, ты глотаешь ее, и боль сразу же прекращается. Я, пожалуй, все же схожу к твоему врачу на Слоан-стрит.

– Ты больна?

– Нет. Просто мне думается, что надо сделать то, что мистер Трой называет обследованием.

– При штабе особо опасных операций есть прекрасный лазарет. Там всевозможное современное оборудование, причем бесплатно. Генерал Уэйл ходит туда каждый день на прогревание искусственными солнечными лучами. Главного зовут сэр Кто-то Кто-то – большая шишка в мирное время.

– Я, пожалуй, предпочту твоего врача. Он берет недорого?

– Гинея за визит, кажется.

– Ну, это мне по карману.

– Кстати, о деньгах, Вирджиния... Ты помнишь, Бренда и Зита платили за то, что проживали здесь...

– Да, в самом деле. Это очень великодушно с твоей стороны, что ты позволяешь мне жить здесь бесплатно.

– Я очень рада, что ты живешь здесь, а вот про Йэна этого не скажешь. Сегодня в разговоре со мной он интересовался, не почувствуешь ли ты себя удобнее, если будешь платить хоть сколько-нибудь...

– Удобнее, чем теперь, мне не может быть, дорогая. К тому же я просто не в состоянии платить. Поговори с ним, Кирсти. Объясни ему, что я разорилась.

– О, он знает об этом.

– Но я *действительно* разорилась. Никто не хочет верить этому. Я поговорила бы с Йэном сама, но, по-моему, будет лучше, если поговоришь ты.

– Хорошо, я *попробую* ...

Процесс назначения военных на новую должность пока еще осуществлялся людьми, а не электронным комплектатором. Поэтому прошла целая неделя, прежде чем Гай получил уведомление о том, что он, возможно, кому-то и для чего-то потребуется. Через некоторое время после этого в его корзине для входящих бумаг появилось письмо, адресованное ему лично. В письме сообщалось, что Гаю «следует явиться для беседы к офицеру планерно-десантного отряда Свободной Италии». Гай не удивился, когда узнал, что этот офицер сидит в том же здании, что и он сам. Явившись в соответствующий кабинет, Гай увидел ничем не примечательного подполковника, которого довольно часто встречал в коридорах здания и с которым, случалось, даже обменивался несколькими фразами, сидя в баре клуба-столовой.

«Освободитель» Италии не подал и виду, что знает Гая, и сказал:

– Entrate e s'accomode. ^[81]

Произнесенные подполковником слова прозвучали так неразборчиво, что Гай простоял несколько секунд в полном замешательстве, не понимая, на каком языке к нему обратились.

– Входите и садитесь, – повторил подполковник по-английски. – Я думал, что вы говорите по-итальянски.

– Да, я говорю.

– Похоже на то, что вам потребуется освежить ваши знания. Скажите что-нибудь по-итальянски.

– Sono pi и abituato al dialetto genovese, ma di solito posso capire e farmi capire dappertutto in Italia fuori Sicilia ^[82], – сказал Гай быстро и с несколько преувеличенным акцентом.

Подполковник ухватил лишь последнее слово и спросил отчаянно и глупо:

– Siciliano lei? ^[83]

– О, нет, нет, нет! – Гай ярко изобразил итальянский жест несогласия. – Ho visitato la Sicilia, poi ho abitato per un bel pezzo sulla costa ligure. Ho viaggiato in quasi ogni parte d'Italia. ^[84]

Подполковник снова перешел на английский.

– Звучит, кажется, неплохо. Вы не принесли бы нам большой пользы, если бы говорили только по-сицилиански. Вам придется работать на севере, вероятно, в Венеции.

– *Li per me tutto andra liscio*^[85], – сказал Гай.

– Да, – сказал подполковник, – да, я понимаю. Хорошо, давайте теперь говорить по-английски. Работа, о которой пойдет речь, разумеется, секретная. Как вам, вероятно, известно, продвижение наших войск в Италии сейчас приостановлено. На существенное продвижение до весны вряд ли можно надеяться. Немцы получили значительные подкрепления. Часть итальянцев, кажется, симпатизирует нам. Называют себя партизанами. Это крайне левое крыло. Ничего плохого в этом, разумеется, нет. Спросите у сэра Ральфа Бромптона. Мы будем посылать различные маленькие группки, чтобы информировать главное командование, с какими силами им придется столкнуться, и чтобы по возможности подготовить в подходящих местах площадки для сброса оружия и снаряжения. Офицер разведки и связист – это костяк каждой группы. Вы, как я понимаю, уже прошли подготовку в частях командос. Спуск на парашюте был включен в подготовку?

– Нет, сэр.

– Э-э, тогда вам лучше пройти этот курс. Полагаю, возражений не будет?

– Абсолютно никаких.

– Вам, пожалуй, многовато лет, но вы еще не раз удивитесь возрасту некоторых наших ребят. А возможно, что вам и не придется прыгать с парашютом. У нас есть разные способы переброски наших людей. Имеете ли вы какой-нибудь опыт плавания на малых судах?

Гай вспомнил о небольшой парусной яхте, которой он пользовался для прогулок в Санта-Дульчине, о беспечной вылазке на берег в Дакаре, о фантасмагорическом бегстве с Крита и, не кривя душой, ответил:

– Да, есть, сэр.

– Вот и отлично. Это может пригодиться. Ну ладно, когда вы потребуетесь, мы дадим вам знать. Пока же все должно быть в полном секрете. Вы член клуба «Беллами», так ведь? Там слишком много болтают ненужного. Держите язык за зубами.

– Хорошо, сэр.

– A riverderci!^[86]

Гай взял под козырек и вышел из кабинета.

Когда Гай вернулся в транзитный лагерь, там его ожидала телеграмма от сестры Анджелы, в которой сообщалось, что их отец в Мэтчете неожиданно и мирно скончался.

На всех железнодорожных станциях королевства висели плакаты с надписью: «Вам действительно необходимо ехать?»

В день похорон Гай и его зять сели в переполненный утренний поезд из Паддингтона.

У Гая на рукаве мундира чернела траурная повязка. На Бокс-Бендере был темный костюм, черный галстук и котелок.

– Я не надел цилиндр, – сказал Бокс-Бендер. – Он в наше время кажется неуместным. Не думаю, что там будет много народу. Перегрин уже уехал туда еще позавчера. Он обо всем позаботится. Ты взял с собой бутерброды?

– Нет.

– Не знаю, где мы сможем позавтракать. Вряд ли в монастыре для нас приготовят еду. Впрочем, Перегрин и Анджела, наверное, закажут что-нибудь в закусочной.

Здание вокзала было покрыто маскировочными пятнами, ставни на окнах закрыты. Когда поезд тронулся, уже светало. В коридорах вагонов толпились направлявшиеся в Плимут моряки. Маленькие электрические лампочки над сиденьями не горели, газеты читать было почти невозможно.

– Я всегда глубоко уважал твоего отца, – сказал Бокс-Бендер и через несколько минут заснул. Гай просидел, не сомкнув глаз, в течение всего трехчасового пути до железнодорожного узла в Тонтоне.

Дядя Перегрин прислал к местному поезду где-то раздобытый им специальный автобус, похожий на трамвайный вагон. На станцию прибыли мисс Вейвесаур, священник из Мэтчета и директор школы Богоматери-Победительницы. Там находились также многие другие с различными знаками траура. Гай должен был бы узнать этих людей, но не узнал. Они здоровались с ним, бормотали слова соболезнования и, убедившись в необходимости, напоминали ему свои фамилии: Трешэм, Бигод, Инглфилд, Оранделл, Хорниоулд, Плессингтон, Джернингэм и Дакр (целый перечень нонконформистских фамилий) –

его кузены, кузины или другие дальние родственники. Их поездка по железной дороге была, вне всяких сомнений, необходима.

Убедившись, что Гай не слышит ее, мисс Вейвесаур сказала о нем со вздохом: «Fin de ligne»^[87].

Начало заупокойного богослужения было назначено на полдень. Местный поезд должен был прибыть в Брум в одиннадцать тридцать, и он прибыл почти без опоздания.

Недостатка в местах для богослужения в этой маленькой деревне не ощущалось.

Во времена папистов и нонконформистов мессы, как правило, служились в доме священниками, приходившими в него в одеянии домашних учителей. Эта же маленькая часовня сохранялась в качестве места для случайных паломников, желавших помолиться за священного Джервейса Краучбека.

Католическая приходская, церковь видна прямо с маленькой станционной площади; она была построена прапрадедом Гая в начале шестидесятых годов девятнадцатого века в самом начале проходящей через всю деревню улицы. А в конце той же улицы стоит средневековая церковь, неф и алтарь которой используются приверженцами англиканского вероисповедания, в то время как северный боковой придел и примыкающая к нему часть кладбища являются собственностью владельца поместья. Могилу для мистера Краучбека вырыли на этом участке земли, и именно в этом боковом приделе церкви ему поставят позднее памятник среди множества статуй и мемориальных досок, воздвигнутых в память о его предках.

Большая часть жителей деревни Брум – католики, объединенные в обособленную общину наподобие тех, которых часто можно встретить во многих уголках графства Ланкашир и на отдаленных островах Шотландии и которые так редки в западной части Англии. Прихожане англиканской церкви в незапамятные времена объединились с двумя соседними деревнями, и их обслуживал один священник, который раз в месяц приезжал на велосипеде и проводил богослужение, если верующие собирались в достаточном количестве. Бывший дом священника перестроили и сдавали в аренду дачникам.

Дом в усадьбе Брум стоит позади чугунных ворот; ведущая к нему дорога является продолжением тянущейся вдоль деревни улицы. Мистер Краучбек очень часто, но не совсем, конечно, правильно заявлял, что любой солидный дом, под которым он, конечно, подразумевал дома, основанные не иначе как в средние века, должен стоять на дороге, на берегу реки или на утесе. Дом в усадьбе Брум

стоял на шоссе, ведущем в Эксетер, и так было до восемнадцатого столетия, пока владелец соседней усадьбы, представлявший графство в палате общин, не добился разрешения провести дорогу через свои владения и установить на ней заставу для взимания прибыльных подорожных сборов. Старая дорога все еще проходит мимо дома в усадьбе Брум, но пользуются ею очень немногие.

Когда в Бруме обосновался монастырь, его обитатели привезли с собой и своего священника, а молельню устроили в длинной, обшитой панелями галерее. Никто из живущих в монастыре не появлялся в приходской церкви, за исключением разве каких-нибудь особых случаев. Похороны мистера Краучбека стали как раз одним из таких событий. Обитатели монастыря встретили тело покойного накануне вечером, когда его привезли из Мэтчета. Они накрыли катафалк балдахин, а утром следующего дня спели погребальную песнь. Их священник должен был помочь провести заупокойное богослужение.

Анджела Бокс-Бендер встретила поезд на платформе. Лицо ее было скорбным и печальным.

– Послушай, Анджи, – обратился к ней муж, – долго ли протянется вся эта церемония?

– Не более часа. Отец Гейохеген хотел было прочесть хвалебную проповедь, но дядя Перегрин отговорил его.

– А перекусить что-нибудь мы сможем? Я ведь вышел из дома в шесть утра.

– Вас ждут в пресвитерии. Думаю, там вы найдете что-нибудь.

– Надеюсь, на меня не рассчитывают как на участника церемонии? Я хочу сказать, не придется ли мне участвовать в каком-нибудь ритуале или нести что-нибудь? Я ведь совершенно не знаю этих порядков.

– Нет, нет, – ответила Анджела. – Это один из тех случаев, когда от тебя ничего не требуется.

Маленькая приемная пресвитерии была переполнена людьми. Кроме дядюшки Перегрин и монастырского священника здесь были еще четыре священника, один из них носил титул монсеньора.

– Его светлость епископ не смог приехать. Он послал меня в качестве своего представителя, чтобы передать свои соболезнования.

Здесь был также один мирянин из Тонтона, о котором Гай знал, что это адвокат отца.

Отец Гейхоген постился, но своему гостеприимству он не изменил: в пресвитерии поставил виски и сладкий пирог. Дядюшка Перегрин оттеснил Гая в уголок. Его глупое старческое лицо выражало льстивую благопристойность.

– Насчет мемориального щита с гербом, – проговорил он вполголоса. – Я встретился в этом деле с немалыми трудностями. Сделать на заказ что-нибудь сейчас почти невозможно. Нигде нет ни одного специалиста по гербам. В ризнице, правда, хранится целая коллекция старых мемориальных щитов, но все они не в очень хорошем состоянии. Там есть щит твоего деда, но он, конечно, соединен со щитом Роутмэна и поэтому вряд ли подойдет. Потом мне немного повезло: я наткнулся на щит, который, должно быть, заказывали для Айво. Довольно грубая работа, видно, местного мастера. Я ведь был за границей, когда он умер, бедняга. Это очень простой герб, не разделенный на четыре поля. Но это лучшее из того, что можно найти в настоящий момент. Как, по-твоему, правильно, что я остановился на нем?

– Конечно, дядя Перегрин, я уверен, что вы поступили правильно.

– Ну, я, пожалуй, пойду. Начинают прибывать все новые и новые люди. Надо, чтобы кто-то показывал им, куда садиться.

Священник из Мэтчета сказал:

– Ваш отец, я думаю, пройдет через чистилище очень быстро.

Адвокат сказал:

– Нам надо бы после всего поговорить наедине.

– А завещание не будет зачитываться?

– Нет, так происходит только в романах викторианской эпохи. Но есть вещи, которые необходимо обсудить, а ведь встретиться для этого еще раз в наше время довольно трудно.

Артур Бокс-Бендер изо всех сил старался завоевать симпатии местного прелата.

– Я не принадлежу к вашему вероисповеданию, но должен отметить, что ваш кардинал Хинсли выполняет замечательную работу по радио. Про него можно уверенно сказать: он прежде всего англичанин, а потом уже христианин; а ведь этого никак не скажешь о том или другом *нашем* епископе.

Анджела сказала:

– Я тщательнейшим образом прочитала и разобралась во всех письмах. Их поступило несколько сотен.

– И я тоже.

– Необычайно много людей, о которых я даже не слышала, оказывается, были близкими друзьями папы. Эту ночь я провела в монастыре и поеду домой только сегодня вечером. Монахини были очень милы и любезны. Достопочтенная матушка хочет, чтобы после похорон все вернулись в монастырь и выпили кофе. Здесь собрались люди, с которыми нам следует поговорить. Я никак не думала, что их приедет так много.

Все новые и новые люди прибывали пешком, на машинах и на двуколках, запряженных пони. Гай и Анджела наблюдали за ними из окна пресвитерии.

– Феликса я возьму к себе, – сказала Анджела. – Сейчас он еще там, в отеле.

Духовенство вышло, чтобы облачиться. В пресвитерии снова появился дядюшка Перегрин, чтобы повести за собой ближайших родственников.

– Аналой впереди справа, – сказал он.

Они пересекли узенькую полоску сада и вошли в церковь, построенную еще Джервейсом и Хермайэни, которая по традиции называлась часовней. Медленно шагая по проходу между рядами, Гай печально смотрел на катафалк и на горящие рядом с ним высокие неотбеленные свечи. В прохладном, слегка задымленном воздухе сильно пахло пчелиным воском и хризантемами. Позднее к этому запаху прибавился благовонный запах фимиама.

Людей на похоронах мистера Краучбека было не меньше, чем на мессе в предрождественскую ночь: почти все жители деревни, многие из соседних деревень. Глава судебной и исполнительной власти графства сидел на передней скамье слева, рядом с представителем рыцарей Мальты. Лейтенант Пэдфилд сидел вместе с англиканским приходским священником, семейным адвокатом и директором школы Богоматери-Победительницы. Хор из монахинь расположился рядом с органом на верхнем ярусе. Священники, за исключением трех, совершающих богослужение, заняли места вдоль стен алтаря.

Дядюшка Перегрин окинул всех взглядом и убедился, что все на своих местах.

Бокс-Бендер не сводил взгляда с Анджелы и Гая, опасаясь совершить какую-нибудь ошибку в ритуале церковной службы. Он преклонил, как и они, колена, сел, затем снова опустился на колени, опять сел и поднялся, когда три священника, облаченные в черное, вышли из ризницы, еще раз сел, но забыл перекреститься при этом. Бокс-Бендер выполнял этот ритуал не вслепую. Он бывал на мессах и раньше. Он просто хотел выполнить все в точном соответствии с принятым обрядом. Глава судебной и исполнительной власти тоже не знал ритуала, и его тоже посадили в таком месте, чтобы он мог видеть других.

Заупокойная служба началась. Воцарилась полнейшая тишина. Слова молитвы были едва слышны даже на первых скамьях. Бокс-Бендер вовремя заметил, как его родственники перекрестились в момент отпущения грехов. На этот раз успел перекреститься и он. Затем начал петь хор монахинь.

Прислушиваясь к знакомым словам молитвы, Гай думал о своем отце.

Мистер Краучбек был всеми уважаемым, добрым, отзывчивым и добросовестным человеком, человеком, который по всем правилам своего вероисповедания был достоин спасения Души. Гай считал своего отца самым лучшим человеком на всем свете, единственным незапятнанным человеком из всех, кого ему довелось узнать.

«Сколько же из всех переполнивших сейчас церковь, – думал Гай, – пришли сюда, движимые простой учтивостью, и сколько для того, чтобы помолиться за то, чтобы добрая память о мистере Краучбеке светилась вечным негасимым огнем? Что ж, – продолжал размышлять он, – божья милость в учтивости: в том, что Артур Бокс-Бендер косит глаза, чтобы не ошибиться в своих действиях, в том, как прелат держит свечу у алтаря, представляя собой епископа, в том, что лейтенант Пэдфилд совершает бог его знает какое вездесущее чудо...»

Священник перевернул страницу молитвенника и перешел от проскомидии к канону. В тишине, воцарившейся после удара колокола, Гай поблагодарил бога за своего отца и мысленно переключился на свою смерть, к которой он был так близок, когда отступал с Крита, и

которая могла теперь снова оказаться близкой во время выполнения миссии, предложенной ему безымянным подполковником.

«Я беспокоюсь о тебе», – писал ему отец в письме, хотя оно было не последним, ибо он и Гай успели с тех пор обменяться еще несколькими письмами; *auditiones malae*^[88] об ухудшающемся здоровье отца и свое собственное затянувшееся разочарование Гай считал в известном смысле заключительным этапом их регулярной, но довольно сдержанной переписки в течение более чем тридцати лет. Отец был обеспокоен не чем-нибудь, связанным с земным преуспеванием Гая, а его очевидной апатией ко всему; Гай же был обеспокоен теперь, видимо, тем, что находился в этом таинственном транзитном лагере, через который он должен пройти на своем пути к вечному покою и свету. Молитвы Гая были направлены скорее «к», а не «за» отца. Гай поступил на службу и обратился про себя к богу: «Я ничего не прошу у тебя. Я прибыл сюда на тот случай, если нужен. Не думаю, что могу оказаться полезным, но, если существует что-нибудь такое, что я мог бы сделать, дай мне знать об этом».

«Я ничего не прошу у тебя» – это и являлось сутью апатии Гая; именно это пытался внушить ему отец, он и сейчас говорит ему об этом. Чувство опустошенности не оставляло его многие годы, даже тогда, когда он, став алебардистом, переживал минуты подъема и воодушевления. Подъема и воодушевления оказалось недостаточно. Бог требовал от него чего-то большего.

В глубине души Гай верил, что где-нибудь, как-нибудь и что-нибудь от него все же потребуются и что, когда такой момент настанет, ему надо быть особенно внимательным. Быть в готовности к тому, чтобы что-то сделать, – это ведь тоже служба. Настанет время, и он получит возможность сделать нечто, пусть даже незначительное, но зато такое, чего не сможет сделать никто другой, для чего он предназначен самой судьбой. Такого положения, чтобы бог не дал ему никакого предназначения, просто не может быть. Он вовсе не претендует на героическую судьбу. Количественные критерии здесь неприменимы. Главное – это не упустить момент, не прозевать возможность, когда она появится. Не исключено, что как раз сейчас, в этот момент, отец расчищает путь для него. «Дай мне знать, что я должен сделать, и помоги мне сделать это», – мысленно произнес Гай в своей молитве.

Артур Бокс-Бендер бывал на богослужении и раньше. Когда священник кончил читать молитву и удалился из алтаря, Бокс-Бендер посмотрел на часы и взялся было за котелок. Затем, когда священник появился снова, в другом облачении, и остановился в нескольких футах от того места, где сидел Бокс-Бендер, тот незаметно отложил котелок в сторону. Хор пропел отпущение грехов, затем священник и дьякон прошли вокруг катафалка, побрызгали его святой водой и окурили ладаном. Черная риза коснулась почти черного костюма Бокс-Бендера. На левую щеку Бокс-Бендера попала одна капелька воды. Смахнуть ее он не осмелился.

Сняв с гроба покров, люди из похоронного бюро подняли его и понесли по проходу между рядами скамеек. Анджела, дядюшка Перегрин и Гай пошли за гробом первыми, за ними последовали другие родственники покойного. Бокс-Бендер скромно пошел позади главы судебной и исполнительной власти. Монахини пропели антифон, после чего спустились с хоров и направились в монастырь. Похоронная процессия двинулась вдоль улицы, от новой церкви к старой. Тишина нарушалась лишь стуком копыт лошади, скрипом упряжи и колес фермерской повозки, на которой везли гроб; впереди старой кобылы, держа ее за узду, шел управляющий усадьбой.

День был безветренный. С деревьев по одному – по два опадали листья; падая, они кружились по-разному, в зависимости от того, какое очертание принимали и как сморщивались, когда высыхали, но все падали под то дерево, на котором выросли. В какой-то момент Гай вспомнил о записной книжке Людовича, о «пушинке в вакууме», с которой его сравнили, а потом, как бы сопоставляя, о шумных ноябрьских днях, когда он и его мать пытались ловить падающие листья на улице; каждый пойманный лист гарантировал... день, неделю, месяц – точно не мог вспомнить он – его счастливого и радостного детства. Только его отец остался живым, чтобы увидеть превращение этого веселого маленького мальчика в одинокого капитана алебардийского полка, который следовал теперь за его гробом.

На мощенных булыжником тротуарах стояли жители деревни, занятость которых не позволила им прийти в церковь. Они молча смотрели на проходившую процессию. Многие из тех, кто пришел в

церковь, отделялись от процессии и возвращались к своим делам. Места у могилы для всех все равно будет недостаточно.

Монахини обложили края могилы мхом, вечнозелеными листьями и хризантемами, которые слабо напоминали рождественские украшения. Люди из похоронного бюро молча опустили гроб. Святая вода, окуривание кадилом, несколько коротких молитв, бессловесные «Отче наш» и «Благословен». Еще раз святая вода; бессловесная «Из глубины». Гай, Анджела и дядюшка Перегрин вышли вперед, взяли по очереди кропило и добавили свои капли святой воды. Через некоторое время все было кончено.

Стоявшие у могилы люди повернулись и пошли. Выйдя за ворота церковного двора, все вступили в приглушенный разговор. Анджела здоровалась с теми, кто не повстречался ей утром. Дядюшка Перегрин переговаривал с теми, кто должен был пойти в усадьбу выпить кофе. Гай оказался рядом с лейтенантом Пэдфилдом.

– Очень мило, что вы приехали, – сказал он.

– Это весьма многозначительное событие, – отозвался Пэдфилд.

«Чем же оно так многозначительно?» – озадаченно подумал Гай.

– Я пойду в поместье, – добавил Пэдфилд. – Достопочтенная матушка просила меня зайти.

«Когда? Как? Почему?» – подумал Гай, но вслух спросил:

– Дорогу знаете?

– Конечно.

Глава судебной и исполнительной власти остался среди людей, задержавшихся на англиканском кладбище. Там же был и Бокс-Бендер.

– Мне не хотелось бы беспокоить вашу жену и племянника, – сказал глава. – Передайте им, пожалуйста, мои соболезнования и наилучшие пожелания, хорошо? – После того как Бокс-Бендер проводил его до машины, он добавил: – Я очень уважал вашего тестя. К сожалению, мало встречался с ним за последние десять лет. Да и другие видели его мало. Но он пользовался большим уважением во всем графстве.

Основная масса присутствовавших на похоронах шла по деревенской улице в обратном направлении. Напротив католической церкви и пресвитерии, последним перед воротами, стоял «малый дом». Под заштукатуренным фасадом и верандой скрывалась

значительно более давняя постройка. Монастырь этот дом не арендовал. В прошлом «малый дом» выполнял много различных функций, его часто использовали как вдовый дом. Теперь в нем жил управляющий усадьбой. Шторы на окнах были опущены. В этом доме всегда царила тишина. Улица около него фактически заканчивалась тупиком, а задней частью дом выходил в парк. Именно здесь мистер Краучбек советовал Гаю доживать последние дни.

Монастырская школа была состоятельной, и земельный участок содержался в хорошем состоянии даже в этом году, когда самшит и тис росли почти везде не подстриженными, а газоны вспахивали, чтобы вырастить на них овощи.

Передний двор в усадьбе Брум охраняла воротная башенка. За воротами располагались два прямоугольных участка средневековой планировки, с декоративными растениями эпохи Карла Великого, как в университетском колледже; здание, как и большинство колледжей, имело массивное готическое крыло. Его пристроили к зданию Джервейс и Хермайэни, воспользовавшись услугами того же архитектора, который построил им церковь. У главного входа стояла достопочтенная матушка в окружении группы монахинь. В окнах верхнего этажа и в башенке, в которой был взят в плен благословенный Джервейс Краучбек, появились головки девушек, некоторые ангельские, а некоторые нелепые, словно кронштейны старой церкви, но все украдкой заглядывавшие вниз, на входящих родственников мистера Краучбека.

В восемнадцатом столетии в гостиной главного здания изменили потолок, покрыв его штукатуркой, но Джервейс и Хермайэни распорядились убрать штукатурку, обнажить деревянные балки. В годы детства Гаю на обшитых дубовыми панелями стенах было симметрично развешано различное оружие – символы многих геральдических щитов. Однако теперь все это было продано вместе с остальной мебелью. Вместо оружия на стенах висело несколько больших выцветших религиозных картин из тех, которые обычно завещают монастырям. Над кафедрой, в той части гостиной, где стена была покрыта панелями на всю высоту, на том месте, где когда-то размещались фамильные портреты, висел киноэкран, а в углу были сложены стулья с ножками из металлических трубок и стойки для натяжения бадминтонной сетки. Гостиная использовалась

монастырской школой в качестве зала для отдыха и развлечений. Здесь девушки танцевали в зимние вечера под музыку, передаваемую по радио; здесь рождались и принимались или, наоборот, отвергались предложения тесной дружбы и любви между ними; здесь в летнее время ежегодно организовывался концерт и ставилась какая-нибудь нудная историческая пьеса, выбираемая по признаку невинности ее сюжета и по возможно большему количеству действующих лиц.

Монахини накрыли стол на козлах с такой щедростью, с какой позволяло трудное военное время. Недостаток продуктов компенсировался искусностью в их приготовлении и расстановке на столе. Кексы, приготовленные из яичного порошка и низкосортной муки, были украшены орехами и консервированными фруктами, взятыми из ежемесячно присылаемого им подарка сестринской общины в Америке. Колбасные ломтики были разрезаны на части в форме трилистника. Ученицы старших классов в синих форменных платьях разливали из кофейников подслащенным сахарином кофе. Бокс-Бендер достал было сигарету, но потом решил, что курить здесь неуместно.

Сопровождаемый дядюшкой Перегрином, представлявшим незнакомых лиц, Гай обошел и поприветствовал всех гостей. Большинство из них интересовались, чем он сейчас занимается, и Гай отвечал: «Ожидаю назначения на новую должность». Многие напоминали ему различные случаи и происшествия в детские годы, о которых он ничего не помнил. Некоторые выразили удивление по поводу того, что он уже не живет в Кении. Одна дама поинтересовалась, где его жена, затем, поняв, что допустила оплошность, усугубила ее словами:

– Какая же я идиотка! Я сначала подумала, что вы – муж Анджелы.

– Она вон там. А он вон там.

– Да, да, конечно. До чего же глупо с моей стороны! Теперь я все вспомнила. Вы – Айво, правда?

– Вполне естественное заблуждение, – ответил ей Гай.

Через некоторое время Гай оказался рядом с адвокатом.

– Нам не мешало бы поговорить наедине. Вы не возражаете?

– Давайте выйдем в парк.

Они вышли в передний двор. Головки в окнах второго этажа исчезли: девушек собрали и прогнали в классы.

– Для утверждения завещания и расплаты с долгами всегда необходимо некоторое время, однако я полагаю, что ваш отец оставил свои дела в хорошем состоянии, – начал адвокат. – Он вел тихий образ жизни, но, как вы знаете, был тем не менее не богат. Когда он унаследовал усадьбу, она была очень большой. Он распродал имущество в тяжелое время, но разумно вложил деньги и никогда не тратил сбережения. Большую часть своего дохода он раздавал. Об этом-то мне и хотелось поговорить с вами. У него было множество обязательств по договорам за печатью и с организациями, и с частными лицами. С его смертью их действие, разумеется, прекращается. Вложенный им капитал переходит в равных долях вам и вашей сестре, пока вы живы, а затем ее детям и, конечно, если они будут у вас, – вашим. Долги, безусловно, подлежат оплате, однако будет существенный остаток. Возникает вопрос о выплатах по договорным обязательствам. Пожелаете ли вы и ваша сестра продолжать эти выплаты? Если их прекратить, то в некоторых случаях могут возникнуть значительные неприятности. Он оказывал денежную помощь многим частным лицам, которые, как я полагаю, не имея других доходов, живут только на эти средства.

– Что касается организаций, я не знаю, – ответил Гай. – Но я уверен, что моя сестра согласится со мной продолжать выплату частным лицам.

– Хорошо. Мне надо будет поговорить и с ней об этом.

– А о каких суммах, собственно, идет речь?

– Частным лицам – не более двух тысяч, при этом многие получатели достигли весьма преклонного возраста, поэтому мало вероятно, что они явятся обузой на долгое время. Я полагаю, что от мебели в Мэтчете вы пожелаете освободиться?

– Нет, – ответил Гай. – Все, что находится в Мэтчете, мне хотелось бы оставить.

По ступенькам лестницы к ним спустился дядюшка Перегрин.

– Вам надо пойти и попрощаться с достопочтенной матушкой. Пора уезжать. Поезд отходит через двадцать минут. Автобус на обратный путь мне заказать не удалось.

На пути к станции к Гаю подошла мисс Вейвесаур.

– Возможно, – сказала она, – вы сочтете мою просьбу крайне глупой, но мне очень хотелось бы иметь что-нибудь на память о вашем отце, какую-нибудь маленькую вещицу. Вы сможете дать мне что-нибудь?

– Конечно, мисс Вейвесаур. Мне надо было бы самому догадаться об этом. А что именно вы хотели? У моего отца было так мало личных вещей.

– Я все время думала... Если это не попросит никто другой – а я не представляю, что такой найдется, – не могли бы вы дать мне его банку из-под табака?

– Конечно, мисс Вейвесаур. А может, еще что-нибудь, более, так сказать, личное? Одну из его книг, например? Или трость?

– Мне *хотелось бы* банку из-под табака, если, конечно, это не слишком много. Она почему-то представляется мне особенно личной. Я, должно быть, кажусь вам очень глупой.

– Конечно, мисс Вейвесаур. Ради бога, возьмите ее, если это действительно то, что вы хотели бы взять.

– О, большое спасибо вам. Я не нахожу слов, чтобы выразить свою признательность. Не думаю, что долго пробуду в Мэтчете. Катберты не очень-то заботливы. Без вашего отца отель будет совсем уже не тот, а банка из-под табака напомнит мне его. Запах я хочу сказать...

Бокс-Бендер в Лондон не поехал. Он пользовался скидкой парламентария на бензин. Анджела воспользовалась этим для поездки в Брум. Бокс-Бендер, Анджела и собака Феликс поехали домой в Котсуолдс.

Позднее в тот вечер Бокс-Бендер сказал Анджеле:

– Твоего отца все очень уважали.

– Да, об этом сегодня говорили многие, правда?

– А ты беседовала с адвокатом?

– Да.

– Я тоже. А ты представляла себе, что финансовые дела у твоего отца были не так уж плохи? Конечно, это твои деньги, Анджи, но они появились очень даже кстати. Адвокат сказал что-то по поводу

оказания денежной помощи частным лицам. Ты вовсе не обязана продолжать эти выплаты.

– Я так и предполагала. Но Гай и я будем выплачивать эти пособия.

– Конечно, но, по-моему, люди не во всех случаях заслуживают такого отношения к себе. В этом деле стоит разобраться. В конце концов, твой отец ведь был очень доверчивым человеком. У нас расходы увеличиваются с каждым годом. Когда девочки вернутся из Америки, нам придется оплачивать очень много счетов. У Гая положение совсем иное. У него нет никаких иждивенцев, и он содержит только самого себя. К тому же он получил свою долю, когда уезжал в Кению, ты же знаешь. У него нет никакого права рассчитывать на большее.

– Гай и я будем продолжать оказывать денежную помощь частным лицам.

– Как хочешь, Анджи. Я не вмешиваюсь. Просто я считал необходимым сказать тебе об этом. Так или иначе, но придет время – и все они умрут.

Когда Вирджиния Трой пришла к доктору Паттоку во второй раз, он принял ее очень радушно.

– Так вот, мисс Трой, счастлив сообщить вам, что анализ положительный.

– Вы хотите сказать, что у меня *будет* ребенок?

– Вне всяких сомнений. Эти анализы по новым методам совершенно безошибочны.

– Но это же ужасно!

– Дорогая миссис Трой, уверяю вас, беспокоиться нет никаких оснований. Вам тридцать три года. Конечно, желательно, чтобы женщина рожала в более раннем возрасте, но общее состояние вашего организма отличное. Я не вижу никаких причин для беспокойства. Продолжайте вести обычный, нормальный образ жизни и покажитесь мне недельки через три просто для того, чтобы убедиться, что беременность развивается нормально.

– Но все это *уже не нормально*. Мне нельзя иметь ребенка ни под каким видом.

– Нельзя в каком смысле, миссис Трой? Полагаю, что половые сношения у вас проходят в соответствующее время?

– Половые сношения? Вы имеете в виду супружеские сношения?

– Да, да, конечно.

– Но я не видела своего мужа четыре года.

– А-а, понимаю, понимаю. Ну что же, это ведь скорее правовая, чем медицинская сторона проблемы, не правда ли? Или, вернее сказать, социальная сторона. В наше время такие случаи встречаются довольно часто и во всех слоях населения. Мужья находятся за границей, в армии или в плену – что-нибудь в этом роде. Супружеская верность сейчас не та, что раньше. Незаконнорожденный ребенок – это не такой уж большой грех, как бывало в старые времена. Отец ребенка, полагаю, вам известен.

– О, конечно! Я хорошо знаю его. Он только что уехал в Америку.

– Да, я понимаю, что положение довольно затруднительное, но уверен, что в конце концов все как-нибудь обойдется. Деятельность

детских и материнских учреждений у нас, несмотря ни на что, налажена очень хорошо. Некоторые даже считают, что молодому поколению уделяется неоправданно много внимания.

– Доктор Патток, вы *должны* сделать что-нибудь, чтобы у меня не было ребенка.

– *Я?!* Мне кажется, я не совсем понимаю вас, миссис Трой, – сказал доктор холодно. – Боюсь, что должен попросить вас не задерживать моих других пациентов. Мы, гражданские врачи, просто с ног сейчас сбиваемся, понимаете? Передайте мои наилучшие пожелания леди Килбэннок.

До настоящего времени все превратности семейной жизни Вирджиния принимала с необыкновенным спокойствием. Какие бы неприятности и волнения Вирджиния ни причиняла другим, самой ей, в ее маленьком, но весьма многообразном мире, всегда сопутствовали покой, свет и мир. Она обеспечила такое положение себе, спокойно оттолкнувшись от беспорядочного и неорганизованного детства и навсегда выбросив его из своей памяти. С того дня, как она вышла замуж за Гая, и до дня, когда от нее ушел мистер Трой, и еще за год после этого она постигла *douceur de vivre*^[89], которая была не свойственна ее эпохе, ничего не добиваясь, принимая все, что давалось, и наслаждаясь этим без угрызений совести. Затем, после того как она встретила с Триммером в окутанном туманом Глазго, она почувствовала вокруг себя холодные тени, сгущавшиеся с каждым днем. «Всему виной эта проклятая война, – думала она, спускаясь по ступенькам на Слоан-стрит. – Что хорошего, по их мнению, они делают? – задалась она вопросом, рассматривая лица встречных военных. – *Для чего все это?*»

Вирджиния пришла на свое рабочее место в конторе Йэна Килбэннока и позвонила Кирсти в шифровальный отдел.

– Мне нужно повидать тебя. Как насчет того, чтобы вместе позавтракать?

– Я хотела пойти с приятелем.

– Ты должна избавиться от него, Кирсти. Я влипла.

– О, Вирджиния, опять несчастье?

– Не опять, а впервые. Разве ты не знаешь, что имеют в виду женщины, когда говорят «влипла»?

– Неужели ты имеешь в виду *это*, Вирджиния?

– Именно это.

– Да, дело серьезное, правда? Ну хорошо, я избавлюсь от приятеля. Встретимся в клубе в час дня.

Офицерский клуб в штабе особо опасных операций внешне выглядел более мрачным, чем столовые в транзитном лагере № 6. Здание клуба строили для других целей. Стены были украшены керамическими портретами рационалистов викторианской эпохи, изображенных с бакенбардами, в капюшонах и мантиях. Клуб обслуживали жены и дочери офицеров штаба под руководством жены генерала Уэйла, которая распределяла обязанности так, чтобы молодые и красивые женщины и девушки находились не на виду, а где-нибудь на кухне или в кладовой. Помимо многого другого миссис Уэйл зорко следила за функционированием электрического кофейника. Если какая-нибудь красавица случайно оказывалась около бара, миссис Уэйл немедленно поворачивала краник и выпускала клубы пара, которые надежно скрывали красавицу от взоров офицеров. В меру своих возможностей миссис Уэйл противилась также и посещению клуба женщинами, но это удавалось ей не всегда. Она предпринимала все возможное, чтобы пребывание в клубе оказалось для них неприятным, и часто выговаривал им: «Вам не следует расслаиваться здесь. Офицерам приходится ждать из-за вас, а они ведь *спешат на службу*».

Именно это она и сказала, когда Вирджиния уселась за столиком поудобнее, чтобы рассказать Кирсти о своих делах.

– О, миссис Уэйл, мы ведь только что сели.

– У вас было вполне достаточно времени, чтобы покушать. Вот ваш счет.

Безымянный подполковник – «освободитель» Италии – как раз в этот момент расхаживал в поисках свободного места. Он с благодарностью воспользовался освобожденным Вирджинией стулом.

– С удовольствием сварила бы эту суку в ее собственном соку, – сказала Вирджиния, выходя из клуба.

Они остановились в укромном уголке на улице, и Вирджиния рассказала о своем визите к доктору Паттоку. Выслушав ее, Кирсти сказала:

– Не волнуйся, дорогая. Я пойду и поговорю с ним сама. Он любит меня до безумия.

- Тогда поторопись с этим.
- Зайду сегодня же вечером, по пути домой. Я сообщу тебе, что он скажет.

Когда вернулась Кирсти, Вирджиния уже была в доме на Итон-терэс. Она сидела в нетерпеливом ожидании, ничем не занимаясь, в том же платье, которое носила весь день.

- Ну, – спросила она, – как дела?
- Давай-ка, пожалуй, выпьем что-нибудь.
- Плохие новости?
- Разговор оказался довольно неприятным. Джин?
- Что он сказал, Кирсти? Он согласился сделать?
- *Нет*. Он был ужасно, неговорчивым. Раньше я никогда не видела его таким. Сначала принял меня радушно, но, когда я сообщила о цели своего визита, он стал совсем другим. Начал разглагольствовать о профессиональной этике, сказал, что я склоняю его на совершение тяжелого преступления, спросил меня, обратилась ли бы я к своему управляющему банком с просьбой выдать мне чужие деньги. Я сказала, что обратилась бы, если бы была хоть малейшая надежда на то, что он сделает это. В результате он стал чуть-чуть добрее. Я рассказала ему все о тебе и о твоём финансовом положении. Тогда он сказал: «За малую плату никто такую операцию делать не согласится». Эти слова в какой-то мере выдали его. Я ответила: «Ну так что же? Вы же знаете *таких* врачей, которые делают подобные операции». А он мне: «О таких случаях обычно узнают в полицейских судах». Я в свою очередь сказала: «Могу держать пари, что вы знаете одного-двух врачей, которые еще не попались на этом деле. Ведь аборт делали, делают и будут делать. Мы обращаемся к вам просто потому, что ни Вирджиния, ни я никогда раньше не нуждались в этом». Потом я долго подлизывалась к нему, напомнила, как он всегда заботился, когда детей ждала я. Не думаю, что это было неоспоримо аргументом^[90], но, кажется, я все-таки несколько разжалобила его, и он стал мягче, ибо в конце концов сказал, что знает одного человека, который, может быть, поможет нам. Однако он тут же оговорился, что назовет мне этого человека не как врач, а как друг семьи. Надо заметить, что для меня он всегда был доктором, а не другом семьи. Он

никогда не приходил в наш дом просто так, бесплатно; за каждый визит ему платили не менее гинеи. Но я не стала разговаривать с ним на эту тему, а только сказала: «Ну что ж, очень хорошо, напишите мне его адрес». И тут, Вирджиния, он буквально потряс меня. Он заявил: «Нет. Вы *сами* запишите его адрес», а когда я протянула руку, чтобы взять листок бумаги с его стола, он добавил: «Одну минутку!» – и, взяв ножницы, отрезал верхнюю часть бланка, на котором были напечатаны его фамилия и адрес. «Так вот, – продолжал он, – я уже довольно давно не встречался с этим человеком и не знаю, продолжает ли он практиковать. Если ваша подруга хочет, чтобы ее приняли, пусть она возьмет с собой сотню фунтов ассигнациями. Это все, что я могу сделать для вас. И запомните, я в этом деле не участвую. Мне ничего об этом не известно. Вашу подругу я никогда не видел». И ты знаешь, Вирджиния, я так разнервничалась, что едва смогла записать адрес.

– А фамилию-то ты записала?

Кирсти достала из сумочки листок бумаги и вручила его Вирджинии.

– Брук-стрит? – спросила Вирджиния, взглянув на листок. – Это, наверное, где-то в Паддингтоне или в Сохо. И нет телефона. Давай посмотрим в телефонной книге.

Они нашли фамилию под соответствующим адресом, но, позвонив по указанному в книге телефону, получили ответ, что абонент недоступен.

– Я отправлюсь туда сейчас же, – сказала Вирджиния. С сотней фунтов можно и подождать. Надо посмотреть, каков он из себя. Ты, конечно, не захочешь поехать со мной?

– Нет.

– Мне хотелось бы, чтобы ты поехала, Кирсти.

– Нет. Меня от этого дела всю в дрожь бросает.

Вирджиния поехала одна. Такси на Слоан-сквер не оказалось. Она доехала до Бонд-стрит на метро и пошла дальше пешком, беспрестанно встречая на пути американских солдат. Брук-стрит когда-то была тихой фешенебельной улицей. Дойдя до того места, где должен был бы стоять разыскиваемый дом, Вирджиния увидела воронку от взорвавшейся здесь бомбы и множество мусора и обломков вокруг. Обычно в таких местах выставлялась надпись, в которой

указывались новые адреса бывших жителей разрушенного дома. Вирджиния осмотрела участок, воспользовавшись своим электрическим фонариком, и прочитала на дощечке, что находившиеся по соседству фотография и шляпная мастерская переехали по таким-то адресам. Никаких объявлений о том, куда переехал подпольный акушер, не было. Возможно, он вместе со своими инструментами лежал где-нибудь под обломками.

Вирджиния находилась рядом с отелем «Клэридж» и, движимая старой привычкой, в отчаянии заглянула туда. Прямо перед ней, у камина, стоял лейтенант Пэдфилд. Она отвернулась, сделав вид, что не заметила его, и устало поплелась по коридору, выходящему на Дэйвис-стрит, но в тот же момент подумала: «Что за черт? Почему я начинаю избегать людей» – и, повернувшись назад, улыбнулась:

– Лут, я совсем не узнала вас. С затемненных улицходишь, как слепая лошадь из шахты. Не желаете ли вы угостить девушку чем-нибудь?

– А я как раз намеревался предложить это. Через минуту-две я должен поехать в «Дорчестер» к Руби.

– А она живет теперь там? Я, бывало, ходила к ней в гости на Белгрейв-сквер.

– Вам надо съездить повидать ее. Сейчас люди навещают ее не так часто, как раньше. Она очень впечатляющая и приятная женщина. У нее фантастическая память. Вчера она рассказывала мне о лорде Керзоне и Элинор Глин.

– Я не задержу вас, но мне хочется выпить.

– Насколько я понял, они оба интересовались оккультизмом.

– Да, Лут, да. Но все же дайте мне выпить что-нибудь.

– Меня оккультизм никогда особенно не интересовал. Для меня гораздо интереснее живые люди. Иначе говоря, не то, о чем помнит Руби, а сам факт, что она помнит это. Несколько дней назад я был на католическом заупокойном богослужении в графстве Сомерсетшир. Но меня там больше заинтересовали живые люди. Их было много. Это были похороны мистера Джервейса Краучбека в Бруме.

– Я читала, что он умер, – сказала Вирджиния. – Мы встречались с ним много лет назад. Когда-то он очень нравился мне.

– Замечательный человек, – сказал лейтенант.

– Но ведь вы совершенно не знали его, Лут.

– Личного знакомства между нами не было, я знаю его только понаслышке. Все считали его очень хорошим человеком. Я с радостью узнал, что и финансовые дела у него в хорошем состоянии.

– Только не у мистера Краучбека, Лут. Это какая-нибудь ошибка.

– Как мне рассказали, дела здесь были неважными после первой мировой войны. Недвижимость не давала никакого дохода. Она не только не давала дохода, но даже постоянно приносила убытки. Когда мистер Краучбек сдал свое имение в аренду, он не только окупил стоимость земли, но и сэкономил все, что ежегодно расходовал на поддержание своего поместья в порядке. Он ведь не допускал, чтобы оно пришло в упадок. Вскоре он распродал все недвижимое имущество. Таким образом он расплатился по всем своим обязательствам. Он продал также некоторые ценные вещи из имения, поэтому к концу своей жизни стал весьма состоятельным человеком.

– Как вы много знаете о каждом, Лут.

– Да, мне еще раньше говорили, что в этом отношении я подозрительный человек.

Вирджиния не принадлежала к тем женщинам, которые могут долго скрывать свои мысли.

– Я знаю о вас все в связи с моим разводом, – сказала она.

– Мистер Трой – давний и ценный клиент моей фирмы, – ответил лейтенант. – Никаких элементов личного порядка в этом деле нет. Главное – служба, а потом уже дружба.

– Вы по-прежнему считаете меня другом?

– Конечно.

– Тогда пойдите и найдите такси.

Лейтенанту всегда это удавалось лучше, чем кому-либо другому. Когда Вирджиния ехала обратно на Итон-терэс, в тусклом свете фар то и дело возникали мужчины и женщины, энергично размахивающие банкнотами, пытаясь привлечь ими внимание водителя такси. Она испытывала кратковременное чувство торжества оттого, что без всяких хлопот сидит в уютной темноте машины. Однако в следующий момент она буквально согнулась под огромным весом нерешенной проблемы. Отчаяние ее было так велико, что весь остаток пути до дома она ехала, стиснув голову руками и склонив ее на колени.

Кирсти встретила ее на ступеньках крыльца.

– Какое счастье! Не отпускай такси. Ну как, все в порядке?

- Нет. Ничего не получилось. Я видела Лута.
- У доктора?! Как он мог оказаться там? Ему-то это вроде бы совсем ни к чему.
- Нет, в «Клэридже». Он во всем признался.
- А как насчет доктора?
- О, с ним ничего не вышло. Дом разбомбили.
- О, дорогая! Знаешь что, утром я спрошу у миссис Бристоу. Она все знает. (Миссис Бристоу была приходящей домашней работницей.) Ну, мне надо ехать. Поеду к бедняжке Руби.
- Ты увидишь там Лута.
- Я задам ему перцу!
- Он говорит, что остается мне другом. Я, наверное, уже лягу спать, когда ты вернешься.
- Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Вирджиния вошла в пустой дом одна. Йэна Килбэннока не было дома уже несколько дней, он возил группу журналистов по штурмовой полосе в Шотландии. Стол в столовой накрыт не был. Вирджиния пошла в кладовую, нашла там полбуханки серого хлеба, немного маргарина, небольшой кусочек эрзац-сыра и, усевшись за кухонным столиком, съела все это в одиночестве.

Вирджиния не принадлежала к категории женщин, которые ропщут. Она смирилась с переменой, хотя в душе не признавалась себе в этом. В какой-нибудь миле темноты от Вирджинии, сидя в гостиной своего номера в отеле, Руби, наоборот, роптала. Одна ее бровь и кожа вокруг старческих глаз напряглись от раздражения. Она смотрела на четырех совсем непредставительных людей, сидящих за ее маленьким обеденным столом, и вспоминала блистательных гостей, которых принимала когда-то на Белгрейв-сквер день за днем тридцать лет подряд, – ярких, знаменитых, многообещающих, красивых гостей. Тридцать лет усилий, направленных на то, чтобы утвердить свое имя и произвести впечатление на людей, привели теперь к таким вот результатам... Кто эти люди? Как их фамилии? Что они сделали? О чем говорят эти люди, сидя на стульях перед электрическими каминами? «Руби, расскажите нам о Бони де Каstellане», «Расскажите нам о Маркеше Касати», «Расскажите нам о Павловой».

Вирджиния никогда не старалась произвести впечатление. Она тоже устраивала приемы, и это были блистательнее и весьма успешные приемы в разных странах Европы и в некоторых избранных местах в Америке. Она не могла вспомнить имена всех своих гостей; много было таких, чьих имен она не знала даже тогда, во время приемов. И теперь, плотая на кухне намазанный маргарином хлеб, она не сравнивала свое прежнее положение с настоящим. Сейчас, вот уже в течение целого месяца, она была объята страхом за свое будущее.

Утром следующего дня Кирсти пришла в комнату Вирджинии очень рано.

– Миссис Бристоу уже здесь, – сообщила она. – Я слышала, как она возится там с чем-то. Пойду вниз и поговорю с ней. Ты пока не говори ей ничего.

Утренний туалет Вирджинии не отнимал теперь так много времени, как раньше. Ни широкого выбора нарядов, ни дорогостоящего изобилия на ее туалетном столике уже не было. Когда Кирсти наконец вернулась, Вирджиния, уже одетая, сидела в ожидании на кровати и неторопливо подправляла пилкой сломанный ноготь.

– Кажется, все в порядке, – сказала Кирсти.

– Миссис Бристоу спасет меня?

– Я не сказала ей, что это нужно тебе. По-моему, она предполагает, что это Бренда, а к ней она всегда относилась хорошо. Она отнеслась ко мне благосклонно, не то что доктор Патток. Она знает одного нужного человека. Несколько женщин из ее окружения ходили к нему и говорят, что на него можно положиться полностью. К тому же он берет за операцию только двадцать пять фунтов. Боюсь только, что он иностранец.

– Эмигрант?

– Гм... хуже, чем эмигрант. Он, собственно, чернокожий.

– А почему бы мне не обратиться к чернокожему?

– Ну, знаешь, некоторые не доверяют им. Так или иначе, вот его фамилия и адрес: доктор Аконанга, Блайт-стрит, дом четырнадцать. Это улица, идущая от Эджвер-роуд.

– Это тебе не Брук-стрит.

– Да, и берет он четверть той цены. Миссис Бристоу полагает, что телефона у него нет. Главное, по ее словам, – это пойти к нему утром пораньше. Он пользуется в своем районе большой популярностью.

Часом позднее Вирджиния уже была на ступеньках крыльца дома номер четырнадцать по Блайт-стрит. На эту улицу не упала ни одна бомба. Это была улица, где жили малоимущие и бедные табачные торговцы, имевшие, видимо, множество детей. В настоящий момент Пайд Пайпер^[91] государственных школ увез детей в загородные дома, а здесь остались лишь неряшливо одетые пожилые люди. На витринном стекле бывшего магазина была небрежно выведена надпись: «Приемная врача». Около двери курила женщина в брюках и с тюрбаном на голове.

– Простите, вы не знаете, доктор Аконанга дома?

– Он уехал.

– О боже! – Вирджинию снова охватило безумное отчаяние вчерашнего вечера. Ее надежды никогда не были твердыми или слишком претенциозными. Это была сама судьба. Вот уже четыре недели ее преследует навязчивая мысль, что в окружающем мире разорения и убийств одиозной жизни в ее чреве предназначено выжить.

– Уехал год назад. Его забрало правительство, – пояснила женщина в брюках.

– Вы хотите сказать, что он в тюрьме?

– Нет, что вы! На работе государственной важности. Он очень умный, несмотря на то что черный. А что вы думаете, есть такие вещи, которые черные знают, а эти цивилизованные белые – черта с два. Вон, прочитайте, куда его взяли. – Она показала на прикрепленную к косяку двери визитную карточку, на которой было написано: «Доктор Аконанга, натуртерапевт и глубокий психолог, временно прекратил практику. Почту и посылки направлять...» Далее следовал адрес дома на Брук-стрит – всего в двух номерах от места, где вчера вечером Вирджиния нашла в темноте лишь воронку от бомбы.

– Брук-стрит? Какое совпадение...

– Вышел в люди, – продолжала женщина в брюках. – А вы знаете, что я вам скажу: выходит так, что умных людей оценивают только во время войны.

Вирджиния нашла такси на Эджвер-роуд и поехала по новому адресу. Когда-то это был большой частный дом, сейчас его заняли военные. В вестибюле сидел сержант.

– Будьте любезны, ваш пропуск, мэм.

– Мне нужен доктор Аконанга.

– Ваш пропуск, пожалуйста.

Вирджиния показала удостоверение личности, выданное штабом особо опасных операций.

– О'кей, – сказал сержант. – Вы застанете его. Мы всегда знаем, когда доктор на работе. Проходите.

Откуда-то с самого верха широкой лестницы доносились звуки, очень похожие на удары в тамтам. Поднимаясь наверх по направлению к этим звукам, Вирджиния вспомнила о Триммере, который бесконечно и невыносимо нудно напевал ей песенку под названием «Ночь и день». Звуки тамтама, казалось, говорили: «Ты, ты, ты». Она подошла к двери, за которой раздавался африканский музыкальный ритм. Стучать в дверь ей показалось бесполезным, и она попробовала повернуть ручку, но дверь была заперта. На стене около двери Вирджиния увидела кнопку звонка и табличку с фамилией доктора и нажала кнопку. Удары в тамтам прекратились. Щелкнул замок – дверь распахнулась. Перед Вирджинией стоял улыбающийся, низкорослый, опрятно одетый негр далеко не первой молодости; в его реденькой нечесаной бороде проглядывала седина; множество морщин на лице делало его похожим на обезьяну, а белки глаз были такого же темного цвета, как обожженные табачным дымом пальцы Триммера; из-за его спины на Вирджинию дохнуло слабым запахом – смесью чего-то пряного и гнилого. Улыбка негра обнажила множество зубов в золотых коронках.

– Доброе утро. Заходите. Как поживаете? Вы принесли скорпионов?

– Нет, – ответила Вирджиния. – Сегодня никаких Скорпионов.

– Ну, пожалуйста, входите.

Вирджиния вошла в комнату, в которой кроме обычной мебели было множество маленьких барабанов, блестящая статуя Христа, различные кости от скелета человека, в том числе и череп, прибитый гвоздями к столу петух, обезглавленный, но не ошипанный, с распростертыми, как у бабочки, крыльями, медная кобра работы

индийских ремесленников из Бенареса, горшочки с пеплом, лабораторные колбы, наполненные темной жидкостью и закупоренные пробками. На стене висел увеличенный портрет мистера Черчилля, сердито смотревшего на все эти богатства доктора Аконанги. Другие предметы Вирджиния разглядывать не стала. Ее внимание привлек петух.

– Вы не из штаба особо опасных операций? – спросил доктор Аконанга.

– Да, я действительно оттуда. А как вы догадались?

– Я ожидаю скорпионов вот уже три дня. Майор Олбрайт заверил меня, что их переправляют из Египта на самолете. Я объяснил им, что скорпионы необходимы мне в качестве важнейшего составного элемента одного изготавливаемых мной очень ценных препаратов.

– В наше время все доставляется с большим опозданием, правда, доктор? Боюсь, что майора Олбрайта я не знаю. Меня направила к вам миссис Бристоу.

– Миссис Бристоу? Я не уверен, что имел честь...

– Я пришла к вам как частный пациент, – сказала Вирджиния. – Вы врачевали многих ее друзей. Таких женщин, как я, – объяснила она с присущей ей прямоотой и откровенностью. – Тех, кто хотел избавиться от ребенка.

– Да, да. Возможно. Это было очень давно. В пору мирного веселья, я бы сказал. Теперь все изменилось. Сейчас я на государственной службе. Генералу Уэйлу не понравится, если я возобновлю свою частную практику. На карту поставлена сама демократия.

Вирджиния перевела взгляд с безглавого петуха на другие незнакомые ей предметы. Она заметила на столе экземпляр книги «Орхидеи для мисс Блэндиш».

– Доктор Аконанга, – спросила Вирджиния, – как вы полагаете, какие ваши дела могут быть важнее чем я?

– Герру фон Риббентропу снятся из-за меня самые ужасные сны, – ответил доктор Аконанга гордо и важно.

Какие сны мучили Риббентропа в ту ночь, Вирджиния знать не могла. Ей же самой приснилось, что она лежит распростертая на

столе, крепко привязанная к нему, обезглавленная, покрытая перьями с кровяными полосками, и какой-то внутренний голос, выходящий из ее лона, непрерывно повторяет одно и то же: «Ты, ты, ты...»

Сверхсекретное заведение Людовича размещалось на большой реквизируемой вилле в тихом, малонаселенном районе графства Эссекс. Владельцы виллы оставили большую часть мебели, поэтому в апартаментах самого Людовича, которые по замыслу строителей виллы были детскими комнатами, имелось все необходимое. Он никогда не разделял пристрастия сэра Ральфа и его друзей к *bric-a-brac*^[92]. Кабинет Людовича в какой-то мере напоминал гостиную мистера Краучбека в Мэтчете; в нем недоставало лишь характерного запаха курительной трубки и собаки. Людович не курил, и у него никогда не было собаки.

Когда его назначали, ему сказали:

– Вас не касается, кто ваши «клиенты» и куда они направляются. Ваше дело – просто позаботиться о том, чтобы в течение десяти дней, которые они проведут у вас, им было хорошо и удобно. Кстати, вы и сами можете устроиться очень удобно. Полагаю, что данная перемена... – дававший указания заглянул в досье Людовича, – после вашего пребывания на Ближнем Востоке такая перемена не может не оказаться для вас приятной.

За весь период обучения у сэра Ральфа Бромитона Людовичу недоставало жадного стремления Джамбо Троттера к комфорту и его изобретательности в создании такового. Людовича и его заместителя по административно-хозяйственным вопросам Фримантла обслуживал один денщик. Поясной ремень и ботинки Людовича всегда были начищены до блеска. Он высоко ценил необычное пристрастие старого солдата к коже. Его сверхсекретное заведение получало специальные высококалорийные продовольственные пайки, ибо оно обслуживало «клиентов», которые проходили усиленную физическую подготовку и испытывали – большая их часть, по крайней мере, – огромное нервное напряжение. Людович ел много, но не без разборчивости. Его деятельность была в основном умственной, поэтому на него возлагался весьма ограниченный круг официальных служебных обязанностей. Всеми административными вопросами ведал заместитель начальника учебного заведения, а подготовкой

«клиентов» занимались три атлетически сложенных офицера, и эти храбрые молодые люди основательно побаивались Людовича. О том, кого и для каких целей они готовят, им было известно гораздо меньше, чем Людовичу. Они не знали даже сокращенных обозначений подразделений, в которых служили, и предполагали – правильно предполагали, – что, когда им случалось бывать в городе, их там умышленно подпаивали одетые в штатское агенты контрразведывательной службы, пытавшиеся вызвать их на неосторожный разговор о том, чем они занимаются в сверхсекретном заведении. По завершении каждого курса подготовки эти молодые люди должны были представлять письменный доклад о мастерстве, отваге и удали каждого «клиента». Людович переписывал эти доклады, слегка изменяя их, если находил нужным, и, запечатав в несколько конвертов, отправлял соответствующим хозяевам «клиентов».

Как-то утром в один из последних дней ноября Людович уселся в своем кабинете как раз для того, чтобы выполнить эту свою почти единственную обязанность. На его столе лежали доклады о результатах подготовки «клиентов».

«Ф.П.О.К.», – прочитал он в одном из них, что означало: «Физическая подготовка о'кей, но нервный тип. Стал еще более нервным. При выполнении последнего прыжка пришлось буквально выталкивать». «Н.К.Ч.Н.Г.» – означало: «Ни к черту не годится».

«Отличная физическая подготовка „клиента“ не соответствует его психологической стойкости», – написал Людович.

Затем он взял словарь Роже и под заголовком «Характерные качества» нашел «трусость, малодушие, боязливость, подлость, страх, пугливость» и далее перечень носителей таких качеств: «... презренный тип, идиот. Боб Акрес^[93], Джерри Сник^[94]». Выражение «презренный тип» показалось Людовичу новым. Он обратился к толковому словарю и нашел: «Грум, конюх, слуга, подлец, мошенник, плут, гнусный тип, трусливый, ничтожный, недостойный уважения». Далее следовала цитата из какого-то произведения: «...несметная толпа наших презренных викариев».

Людович продолжал просматривать колонку словаря, как ищущий золото старатель. В каждом гнезде он находил какое-нибудь необычно звучащее словцо или словосочетание. «Коук-эпонлитлтон –

жаргонное название смешанного напитка...» Людович редко посещал бар в комнате отдыха. Возможность воспользоваться этим названием ему самому вряд ли представится. А вот для выговора кому-нибудь оно наверняка пригодится, «Фримантл, мне кажется, вы вчера слишком много выпили коук-эпонлитлттона». «Коллапсус – состояние после сильного удара...» Людович с неослабевающим интересом водил пальцем по колонке словаря до тех пор, пока в его кабинет не вошел заместитель начальника по административно-хозяйственным вопросам с конвертом в руке, на котором стоял гриф: «Совершенно секретно». Людович торопливо написал в конце доклада: «Недостатки процессом подготовки не искоренены. Для участия в особо опасных операциях рекомендован быть не может», – и поставил в конце листа свою подпись.

– Благодарю вас, Фримантл, – сказал он. – Возьмите эти секретные доклады, запечатайте их в конверт и отправьте с мотоциклистом связи обратно. Кстати, каково ваше мнение о наших «клиентах» последней группы?

– Не особенно высокое, сэр.

– Толпа презренных викариев?

– Сэр? – удивился Фримантл.

– Это я просто так.

Пройдя подготовку, каждая группа «клиентов» уезжала рано утром, а через два дня поздним вечером приезжала новая группа. Промежуточное между двумя сменами время предоставлялось руководящему составу заведения для отдыха, и, если у них были деньги, они могли поехать в Лондон. На этот раз в заведении остался только главный инструктор, который не признавал почти никаких развлечений в городе потому, что не любил надолго расставаться с гимнастическими снарядами, которых было так много в этом заведении. Заместитель начальника Фримантл нашел инструктора сидящим в комнате отдыха после напряженнейшего часа занятий на трапедии. От выпивки инструктор отказался. Заместитель начальника приготовил себе в баре смешанный напиток из розового джина и аккуратно записал его на свой счет в бухгалтерской книге. После некоторой паузы он спросил:

– Вы не находите, что наш шеф в последнее время стал странноватым?

– Мне не очень часто приходится встречаться с ним.

– В последние дни я не могу понять и половины из того, что он говорит.

– Отступление с Крита было для него очень тяжелым. Несколько недель в открытой шляпке. В таких условиях любой станет странноватым.

– Он только что лепетал о каких-то презренных викариях.

– Возможно, это религиозная мания, – сказал главный инструктор. – Меня он ничем не беспокоит.

Людович в своем кабинете на верхнем этаже вскрыл доставленный ему конверт, извлек из него список новой группы «клиентов», прибывающих на следующий день, и бегло просмотрел его. Он заметил с удовлетворением, что все в группе общевойсковые офицеры. У него была лишь одна маленькая причина для беспокойства. Так много было связано с предыдущим периодом его подготовки, что ему отнюдь не хотелось бы заполучить в свое заведение кого-нибудь из офицеров гвардейской кавалерии. До сих пор этого не случалось, не случилось и на сей раз. Однако в полученном списке значилась еще более угрожающая фамилия. Список был составлен в алфавитном порядке, и в его начале Людович прочитал: «Краучбек Г. Территориальная армия. Капитан королевского корпуса алебардистов».

Даже для такого страшного момента новый словарный запас Людовича оказался весьма кстати. В нем было одно замечательное слово, которое очень точно определяло его состояние: «коллапсус».

Получить два удара в течение одного месяца после двухлетней передышки! Получить удары в таком месте, где он, казалось, был защищен от них наилучшим образом! В башне из слоновой кости! Получить удары в собственной, хорошо укрепленной, казалось, неприступной крепости – это была не имеющая себе равных катастрофа. Людович прочитал достаточное количество работ по психологии, и ему был хорошо знаком термин «травма», он хорошо знал, что ранение без видимых внешних следов вовсе не гарантирует непогрешимого состояния здоровья.

Летом 1941 года с Людовичем кое-что произошло – кое-что, непосредственным участником чего он был, и что, по мнению греков, привело к роковому концу. И не только по мнению греков. Почти все

люди на земле, не имевшие никакой связи друг с другом, обнаружили и заявили об этом зловещем родстве между силами мрака и справедливости. «Кто такой был Людович, – спросил себя Людович, – чтобы выдвигать свой ограниченный современный скептицизм против накопленного человечеством опыта?»

Людович открыл словарь и прочитал: «Рок – неотвратимая судьба (обычно неблагоприятная), гибельный конец, гибель, крах, разрушение, разорение, полный провал, смерть».

Йэн возвратился из поездки по Северной Шотландии. Группу журналистов он распустил на платформе в Эдинбурге.

Он прибыл в Лондон утром, но не намеревался появляться в своей конторе по меньшей мере до полудня. В конторе для оказания помощи малочисленному теперь секретариату и для ответов на телефонные звонки находилась Вирджиния. Йэн принял ванну после своего ночного путешествия, побрился и позавтракал, закурил сигару и готовился приятно отдохнуть, когда неожиданно пришла Кирсти. Рабочий день шифровальщиков был не нормированным, их загружали по мере необходимости. Она работала в ночную смену и вернулась домой в надежде принять ванну. То, что Йэн израсходовал всю горячую воду, обескуражило ее. С досады она выпалила Йэну все неприятные новости о положении Вирджинии.

– Боже мой! В ее-то возрасте и при таком богатом жизненном опыте! – были первые слова Йэна. – Что ж, у нас ей в таком положении оставаться нельзя, – добавил он.

– Она очень озабочена, – сказала Кирсти. – Настроение – хуже быть не может. Неужели в нашей стране нет врачей, которые могли бы ей помочь? Она уже дважды получила отказ. Теперь она оставила все попытки. Говорит о неотвратимой судьбе.

Йэн глубоко затянулся сигарным дымом и задался вопросом, почему в Шотландии все еще есть те продукты и товары, которые давно уже исчезли здесь, на юге. Затем снова обратил свои мысли к положению Вирджинии. На какой-то момент он представил себя участником мелодрамы, выталкивающим Вирджинию за дверь. Наконец он сказал:

– А о Луте она не думала?

– Как о враче?

– Нет, нет. Как о муже. Ей надо выйти замуж за кого-нибудь. Так делают многие девушки, которые боятся операции.

– По-моему, Лут не любит женщин.

– Ну что ты, он всегда крутится около них. Но он действительно вряд ли согласится. Ей надо парня, который вот-вот уедет в Бирму или

в Италию. Многие ребята женятся во время отпуска перед отъездом. Ей вовсе не обязательно объявлять о рождении ребенка, пока не настанет удобный момент. Когда такой парень вернется домой, если он вообще вернется, он вряд ли попросит ее предьявить свидетельство о рождении. Будет на седьмом небе оттого, что его встретит малыш. Таких случаев сколько хочешь.

Кирсти ушла наверх, чтобы умыться холодной водой и переодеться, а Йэн молча курил, сидя у газовой плиты. Когда она вернулась, надев на себя один из костюмов Вирджинии 1939 года, Йэн все еще размышлял о Вирджинии.

– А как насчет Гая Краучбека? – спросил он.

– Что насчет Гая Краучбека?

– Гая Краучбека как ее мужа, разумеется. По-моему, он в ближайшее время уедет в Италию.

– Ужасная идея. Я очень уважаю Гая.

– О, я тоже. Мы старые друзья. Но он любил и любит Вирджинию. Она говорила мне, что, когда возвратилась в Лондон в первый раз, он пытался приставать к ней. А в «Беллами» поговаривают, что он унаследовал недавно солидные денежки. Подумай хорошенько, ведь он когда-то был женат на ней. Тебе стоило бы подать ей эту идею. Важно намекнуть ей об этом, а все остальное она сделает сама. Но ей следует поторопиться с этим делом.

– О, Йэн, то, что ты предлагаешь, просто отвратительно!

– Ну что ж, тогда мне, может быть, как ее боссу, лучше поговорить с ней самому в конторе. Я ведь должен заботиться о благополучии сотрудников.

– О, Йэн, бывают такие моменты, когда ты мне просто ненавистен.

– Да, то же самое иногда испытывает и Вирджиния. Ну хорошо, а кого еще ты можешь предложить ей? Конечно, подцепить какого-нибудь американца было бы лучше всего. Но судя по тому, что там, где они побывали, всегда кругом разбросаны противозачаточные средства, сильное желание размножаться для них, по-видимому, не характерно.

– А ты можешь отозвать обратно Триммера?

– И перечеркнуть работу, на которую ушли целые месяцы? Ни за что на свете! К тому же Вирджиния ненавидит его больше, чем кого-

либо другого. Она не выйдет за него замуж даже в том случае, если он приедет к ней в юбке шотландского горца и в сопровождении оркестра волынщиков. Он влюбился в нее, помнишь? Именно это и вызвало у нее отвращение к нему. Он, бывало, и *мне-то* все время напевал свою песенку о ней. Просто замучил этой песенкой «Ночь и день».

Кирсти села рядом с Йэном у плиты, и ее сразу же окутало ароматным сигарным дымом. Она сделала это не потому, что ее влекло к Йэну, а потому, что хотела почувствовать тепло слабого синеватого пламени.

– А почему бы тебе не пойти в «Беллами» и не поговорить там с твоими отвратительными друзьями? – спросила она.

– Не хочу попадаться на глаза кому бы то ни было из штаба особо опасных операций. Официально я еще нахожусь в Шотландии.

– Ну что ж, я, пожалуй, пойду спать. Говорить больше нет никакого желания.

– Как тебе угодно. Не унывай, – добавил Йэн, – если Вирджиния не сможет попасть в больницу для жен офицеров, то, по-моему, у нас есть теперь специальные государственные родильные дома для незамужних девушек, работающих на фабриках. Собственно, я уверен, что такие дома есть. Триммер побывал в одном из них во время одной из своих поездок с целью осмотра промышленных предприятий. Он очень понравился там всем.

– И ты серьезно считаешь, что Вирджиния пойдет в один из таких домов?

– Это лучше, чем если она останется здесь. Намного лучше.

Кирсти спала недолго, но, когда, проснувшись в полдень, она спустилась вниз, ей стало ясно, что притягательная сила клуба «Беллами» превзошла осторожность Йэна. В доме никого не было, кроме миссис Бристоу, которая завершала свои утренние дела чашкой чая, слушая радиопередачу под названием: «Музыка для тех, кто работает».

– Только что ушел, голубушка, – сказала миссис Бристоу, пользуясь обращением, широко использовавшимся во время

воздушных налетов. – У меня есть знакомая, которая говорит, что может дать для вашей подруги адрес еще одного доктора.

– Спасибо, миссис Бристоу.

– Только беда в том, что он живет на острове Канвей. Как трудно сейчас найти то, что вам нужно, правда, голубушка? Все это из-за войны.

– Увы! Вы правы.

– Завтра я все-таки принесу этот адрес. До свидания, голубушка.

Кирсти не надеялась, что поездка на остров Канвей приведет к желаемым результатам, и еще более убедилась в этом, когда через несколько минут после ухода миссис Бристоу Вирджиния позвонила ей с работы по телефону.

– Остров Канвей? А где он находится?

– Где-то в районе Саутенда, по-моему.

– Это далеко.

– Последняя надежда миссис Бристоу.

– *Остров Канвей* ... Ну ладно, я ведь позвонила совсем не по этому поводу. Скажи, Кирсти, Йэну известно о моем положении?

– По-моему, известно.

– Это ты сказала ему?

– Гм, да.

– О, я ничего не имею против этого, но, послушай, Кирсти, он только что предпринял весьма удививший меня шаг. Он пригласил меня позавтракать с ним. Как, по-твоему, к чему бы это?

– Не имею представления.

– И это несмотря на то, что он вполне достаточно видит меня каждый день и дома, и на работе. Говорит, что хочет поговорить со мной с глазу на глаз. Как, по-твоему, это связано с моим делом?

– Думаю, что, может быть, связано.

– Ну ладно, я все расскажу тебе, когда вернусь домой.

Кирсти призадумалась. Моральные нормы этой женщины часто коренным образом отличались от норм ее мужа. Наконец она позвонила Гаю, но незнакомый глухой голос, словно из подземелья, ответил, что его перевели в другую часть и что связаться с ним невозможно.

Людович сидел за своим письменным столом в состоянии почти полного оцепенения. Из этого состояния его вывел гул поднявшегося в воздух и с ревом пролетевшего над самой крышей самолета. Это был устаревший бомбардировщик, один из тех, которые использовались для тренировок парашютистов. Людович приподнялся из своего глубокого кресла, склонился к столу и записал на первой странице новой тетради первое предложение своего эссе: «Наказанием за праздность является долголетие». Затем он подошел к окну с зеркальными стеклами и тупо посмотрел через него наружу.

Людович выбрал себе эти комнаты потому, что их окна не выходили на расположенные перед фасадом площадки и платформы, на которых проводилась подготовка «клиентов». Окна его комнат выходили на лужайку величиной с четверть гектара, на которой бывшие владельцы виллы выращивали деревья и которую называли древесным питомником. Людович называл это место просто рощицей. На простых лиственных деревьях благодаря дувшим с моря восточным ветрам не осталось теперь ни одного листочка. Зато замысловато разбитые участки с каменными дубами, тисовыми и хвойными деревьями отливали в этот мрачный полдень сизым, золотистым и таким сочным зеленым цветом, что казались почти черными. Людович, глядя на них, не испытывал, однако, никакого удовольствия.

«Где, – спрашивал он себя, – прятаться в течение предстоящих десяти дней? Джамбо Троттер изобрел бы на моем месте десяток не вызывающих никаких подозрений способов объяснить свое отсутствие. Если ему не удалось бы придумать ничего лучшего, он просто откомандировал бы себя на какие-нибудь курсы усовершенствования старших офицеров». Людович никогда не стремился овладеть искусством использования обходных путей в личных интересах.

Он спустился вниз, прошел через зал и вошел в комнату отдыха. Сидевшие в ней капитан Фримантл и главный инструктор вскочили на ноги.

– Садитесь, садитесь, – сказал им Людович, ибо никогда не практиковал сам и не стремился прививать своим подчиненным манеры офицерских клубов в Виндзоре или в алебардийском центре формирования и подготовки. – Вот поименный список группы, которая прибудет завтра. – Он передал список своему заместителю и после короткой паузы спросил: – Фримантл, скажите, пожалуйста, моя фамилия появляется где-нибудь?

– То есть как это появляется, сэр?

– Я хочу сказать, знают ли мою фамилию люди, находящиеся на подготовке?

– По-моему, сэр, вы обычно встречаетесь и говорите с ними в первый же вечер, правда ведь? Вы всегда начинаете так: «Я здесь начальник, моя фамилия Людович. Я хочу, чтобы любой из вас, если возникнут какие-нибудь трудности, заходил ко мне без всякого стеснения».

Людович действительно унаследовал эту привычку от своего более добродушного и общительного предшественника. Однако мрачный и злой взгляд, сопровождавший эти формальные слова приветствия, оказывал на многих восприимчивых «клиентов» совершенно противоположное воздействие. Никто никогда не приходил к нему ни с какими трудностями.

– В самом деле? Неужели я говорю именно это?

– Не дословно, сэр, но обычно что-нибудь в этом духе.

– Э-э, а если я *не* встречу с ними, смогут они узнать, кто я такой? Не вывешен ли где-нибудь список сотрудников, например? Не появляется ли моя фамилия на приказах?

– По-моему, появляется, сэр. Это надо проверить.

– Впредь все приказы подписывайте вы: «За начальника – заместитель начальника такой-то». И если потребуются какие-нибудь документы, на которых есть моя фамилия, перепечатайте их, исключив ее. Вы поняли меня?

– Так точно, сэр, понял.

– И еще одно. Я не буду ходить в столовую. Всю следующую неделю, а может быть и больше, я буду принимать пищу в своем кабинете.

– Хорошо, сэр. – Капитан Фримантл бросил на Людовича озабоченный и озадаченный взгляд.

– Вам может показаться все это довольно странным, Фримантл. Это меры безопасности. Начальство закручивает все гайки. Наше заведение, как вам известно, секретное. Недавно имела место утечка информации. Сегодня утром я получил приказ скрыться на время, как там сказано, «в подполье». Вам это может показаться крайней мерой. Мне тоже так кажется. Но приказ есть приказ. С сегодняшнего дня я начинаю жить согласно новому режиму. Прикажите заведующему столовой принести мой завтрак наверх.

– Слушаюсь, сэр.

Людович повернулся, вышел через двустворчатую дверь на веранду и направился к рощице.

– Ну, – спросил главный инструктор, – что ты скажешь на это?

– Он не получал сегодня утром никаких приказов. Я просматривал всю почту. В ней был лишь один совершенно секретный пакет, такой же, как и всегда, с поименным списком «клиентов» новой группы.

– Мания преследования, – заключил главный инструктор. – Ни на что другое это не похоже.

Людович неторопливо шел по рощице. Когда-то тропинки здесь были ухоженными, а теперь ноги на них вязли по лодыжки в опавших листьях, шишках и хвойных иголках. Начищенные до блеска ботинки Людовича потускнели. Вскоре он повернул обратно к дому, но вошел в него не через дверь на веранде, а через боковую дверь и черную лестницу. На его столе стояли большая тарелка с жареным мясом – недельная норма для гражданского человека, еще одна тарелка с горкой картофеля в холодной густой подливке и какой-то пудинг. Людович посмотрел на все это и задумался, как ему поступить. Звонок не работал, а если и работал бы, все равно солдаты, обслуживающие столовую, не были приучены отзываться на него. Людович не мог сидеть рядом с этой неприятно пахнущей стряпней и ждать, пока кто-нибудь придет и уберет ее. Он снова вышел из дома в рощу. Над его головой то и дело с ревом проносились взлетающие или совершавшие посадку самолеты. Наступили сумерки, начало темнеть. Повеяло сыростью, а ее Людович опасался. Когда он наконец вернулся в свой кабинет, тарелок на столе уже не было. Он сел в свое глубокое кресло и лениво проследил за тем, как сумерки быстро сменила полная темнота.

Раздался стук в дверь. Людович не ответил. Дверь открылась, и в нее заглянул капитан Фримантл. Освещенный лучом света, падавшим из коридора через дверной проем, Людович сидел с пустыми руками и широко открытыми глазами.

– О, – пробормотал капитан Фримантл, – извините, сэръ. Мне сказали, что вы вышли. Как вы себя чувствуете?

– Все в порядке, спасибо. А чем вызвано ваше беспокойство? Я люблю иногда посидеть вот так и подумать в темноте. Наверное, если бы я курил при этом трубку, все выглядело бы гораздо привычнее. Как, по-вашему, стоит мне курить трубку?

– Да, но это ведь зависит скорее от вашего желания, сэръ.

– Правильно. И для меня лично это крайне нежелательно. Но я все-таки куплю трубку, коль скоро она, возможно, изменит ваше мнение обо мне.

Капитан Фримантл вышел. Закрывая дверь за собой, он услышал, как Людович включил свет. Фримантл вернулся в комнату отдыха.

– Наш начальник окончательно помешался, – доложил он.

Частью секретной завесы, которая окутывала виллу Людовича, являлось и то обстоятельство, что ее местонахождение скрывалось даже от самих «клиентов». Официально это заведение именовалось «Специальный учебный центр № 4 ». Тем, кто назначался в этот центр, приказывали являться к семнадцати ноль-ноль в комендантский пункт регулирования движения на одном из лондонских автобусных вокзалов, где какой-то офицер ВВС нелетного состава собирал их в группу и отвозил в автобусе в Эссекс.

Беженцев-иностранцев, из которых формировались многие группы «клиентов», сбивали с толку именно этой уловкой, и если они попадали позднее в руки гестапо и подвергались пыткам, то могли сказать только, что их доставляли в заведение в темное время суток и что сообщить, где оно находится, они не в состоянии; что же касается англичан, то они, как правило, легко узнавали дорогу, по которой их везли в автобусе.

Когда Гай прибыл в назначенное время на автобусный вокзал, там уже было одиннадцать офицеров, все в чине капитана или ниже, выглядевшие куда старше, чем стройные молодые атлеты

парашютного полка. Гай был старше их всех примерно на пять-шесть лет. Последним на вокзал явился алебардист, и Гай узнал в нем своего бывшего подчиненного Франк де Саузу.

– «Дядюшка»! Какими судьбами вас занесло сюда? Неужели вы служите в той самой хитрой диккенсовской школе, куда нас повезут?

– Конечно, нет. Я так же, как и вы, еду на подготовку.

– Что ж, это, пожалуй, наиболее радостное из того, что мне удалось узнать об этом заведении. Раз туда берут таких бывалых солдат, как вы, то не так уж там трудно, как они говорят.

Они сели рядом в задней части автобуса и в течение всего часового пути разговаривали о последних событиях и о новостях у алебардистов. Полковник Тиккеридж стал теперь бригадиром, Ритчи-Хук – генерал-майором.

– Ритчи-Хук просто не выносит своего повышения, – сказал де Сауза, – да и пользы никакой из него не извлекает. В штабе его никогда нет, все время где-то носится и готовится нанести свои уничтожающие удары.

Эрскайн теперь командовал вторым батальоном, де Сауза был командиром четвертой роты, пока несколько недель назад не попросил о переводе, сославшись на скрываемое до этого знание сербскохорватского языка.

– Они могут сказать, что это результат измотанности в боях, – заметил де Сауза. – Но мне просто хотелось перемены. Четыре года в одном батальоне – это слишком много для человека, который по природе своей скорее гражданский, чем военный. К тому же батальон совсем уже не тот. Из тех, кто служил в нем раньше, остались очень немногие. Вот и я решил предложить использовать мои знания Югославии.

– А что ты знаешь о Югославии, Франк?

– Я однажды провел целый месяц в Далмации – это очень хорошее место – и немного усвоил язык по туристскому разговорнику. Во всяком случае, моих знаний оказалось вполне достаточно, чтобы удовлетворить экзаменаторов.

Гай рассказал свою скучную историю, закончившуюся знакомством с электронным комплектатором в штабе особо опасных операций.

– А вы встречали там Ральфа Бромптона?

– Ты тоже знаешь его, Франк?

– Да, конечно. Фактически это он сказал мне об этой миссии по связи с партизанами.

– Когда ты был в Италии?

– Отчасти. Мы с ним старые друзья.

– Очень странно. А я думал, что у него друзья только гомосексуалисты.

– Отнюдь нет. Ничего подобного, уверяю вас... В действительности, – добавил де Сауза после короткой паузы и слегка понизив голос, – я нисколько не удивлюсь, если половина из всех, кто сейчас здесь, в автобусе, были друзьями Ральфа Бромптона.

Когда де Сауза произнес эти слова, не похожий на военного человек в берете и пальто, сидящий впереди, повернулся и бросил на него осуждающий взгляд. Де Сауза обратился к нему резко измененным голосом и тоном:

– Привет, Джилпин. Ну как, тебе удалось посмотреть в городе что-нибудь?

Джилпин проворчал что-то себе под нос и отвернулся. После этого де Сауза говорил только о театре.

Когда автобус прибыл к месту назначения, их встретили радушно и организованно.

Гай поднялся наверх. Де Сауза остался на первом этаже. Когда Гай возвращался вниз, он невольно остановился на лестнице, так как услышал, что кто-то произнес его фамилию. Де Сауза и Джилпин вели внизу, как им казалось, конфиденциальный разговор. Джилпин, судя по тону, выговаривал де Саузе за что-то, а тот с несвойственной ему покорностью пытался оправдаться.

– Краучбек – хороший дядька.

– Может быть, хороший, а может быть, и нет. Ты не имеешь никакого права упоминать Бромптона. Надо думать, с кем ты разговариваешь. Сейчас никому нельзя доверять.

– Да, но я знаю «дядюшку» Краучбека с тридцать девятого года. Мы вместе поступали в алебардисты в один и тот же день.

– Ну и что ж? Франко, как мне говорили, очень хорошо играет в гольф. Какое отношение к этому имеет звание алебардиста? Помоему, у тебя слишком много повадок и вольностей, которыми славилась Восьмая армия.

Джилпин и де Сауза прошли в комнату отдыха. Спустя минуту туда же прошел и озадаченный Гай.

Вечером к прибывшим обратился капитан Фримантл:

– Я – заместитель начальника этого центра подготовки. Моя фамилия Фримантл. Начальник просил передать вам, чтобы вы не стесняясь приходили ко мне с любыми затруднениями...

Затем Фримантл прочитал приказы об общем режиме, распорядке дня, порядке питания в столовой и мерах соблюдения секретности.

За ним к «клиентам» обратился главный инструктор, ознакомивший их с программой подготовки: пять дней классных занятий и физической подготовки, затем пять квалификационных прыжков с самолета, которые будут проводиться в зависимости от погодных условий. Он сообщил им также несколько ободряющих статистических данных о редкости прыжков с фатальным исходом.

– Иногда бывают такие случаи, – сказал он, – когда парашют не раскрывается. Это значит, что вас постигло несчастье. У нас было несколько случаев, когда ребята запутывались в стропах и приземление оказывалось из-за этого неудачным. Но в целом это менее опасно, чем, скажем, скачки с препятствиями.

Гай и де Сауза оказались товарищами по комнате. Когда они остались в комнате одни, Гай спросил:

– Франк, а кто такой Джилпин?

– Джилпин? Парень из управления по общеобразовательной подготовке. По-моему, на гражданке он был школьным учителем. Мне кажется, он не в меру серьезный какой-то.

– А чем он занимается здесь?

– Тем же, чем и мы, я думаю. Тоже захотелось перемены.

– А где и как ты познакомился с ним?

– О, я знаю очень многих, «дядюшка».

– Один из подопечных сэра Ральфа?

– Не думаю. А по-вашему, он оттуда?

В течение первых двух дней новая группа разминалась. Инструктор по физической подготовке проявил к возрасту Гая особое уважение, и Гай отнюдь не был в претензии на него за это.

– Не перегружайте себя, сэр. Для начала делайте не все упражнения. Сразу видно, что вы работали за письменным столом. Прекращайте упражнение сразу же, как только почувствуете усталость. У нас здесь бывают всякие: и рослые, и маленькие, и стройные, и тучные. В прошлом месяце здесь был один такого веса, что ему пришлось давать два парашюта.

На третий день они прыгали с высоты шести футов и, приземлившись, катились по траве. На четвертый день их заставили прыгать с высоты десяти футов, а во второй половине дня их послали на деревянную конструкцию выше дома, где на них надевали подвесную систему парашюта, прицепив ее к тросу, и заставляли их прыгать вниз. Трос к концу падения притормаживался, и они мягко опускались ногами на землю. Здесь за ними внимательно наблюдал главный инструктор, не проявит ли кто-нибудь перед прыжком признаков колебаний или нерешительности.

– У вас все хорошо, Краучбек, – сказал он. – А вы, Джилпин, несколько затянули прыжок.

Гай почувствовал в эти дни слабую боль в мышцах, и ему назначили массаж, который делал специально предусмотренный для этих целей штатный сержант-массажист.

Ночных полетов с близрасположенного аэродрома не производилось, и Гай, довольный отличным физическим состоянием своего организма, спал очень хорошо. В отличие от других «клиентов», его нисколько не раздражало то обстоятельство, что полеты не состоялись и они остались на земле.

Еще в первые дни де Сауза проявил любопытство относительно начальника этого небольшого учебного центра.

– Начальник? А он вообще-то существует? Кто-нибудь видел его хоть один раз? Здесь все равно как в одном из древних ближневосточных государств, в которых послания от таинственного властелина-жреца приносили визири.

Несколько позднее де Сауза сказал:

– Я видел, как по черному ходу на верхний этаж носят пищу. Начальник, видимо, сидит где-то взаперти наверху.

– Может быть, он все время пьяный?

– Скорее всего. Я прибыл в Англию на корабле. Командир перебрасывавшейся на нем армейской части был неизлечимым

алкоголиком. Так вот, его держали в запертой каюте на всем переходе.

Еще позднее де Сауза доложил:

– Нет, тут дело не в алкоголе. Я видел, как обратно тарелки несут пустыми. Алкоголик не может есть столько. По крайней мере, наш начальник столько съесть не может.

– А может быть, пищу носят часовому?

– Вот это, пожалуй, вероятнее всего. Он или пьяница, или душевнобольной, поэтому около него день и ночь сидит солдат и смотрит за тем, чтобы он не покончил жизнь самоубийством.

И наконец еще позднее де Сауза заявил своим друзьям в комнате отдыха:

– Все, что мы думали о начальнике, – неправильно. Его держат как военнопленного. Здесь просто устроили дворцовый заговор, и его сотрудники продают продовольственные пайки на черном рынке. А может быть, все это заведение захвачено гестапо, а? Где вражеским парашютистам легче всего приземлиться? Разумеется, там, где готовят парашютистов. Они расстреляли всех, кроме начальника. Он нужен им, чтобы подписывать документы. А они тем временем собирают подробнейшие данные о всех наших агентах. Здесь есть один инструктор, у которого всегда в руках фотоаппарат. Говорит, что изучает отдельные элементы движений для того, чтобы выявлять неправильную позу перед прыжком. В действительности же он наверняка собирает данные о каждом из нас. Потом он переснимет все это на микропленку и перешлет своим через Португалию. Ну, а дальше все очень просто: в руках гестапо будет, так сказать, полная портретная галерея, и они будут хватать нас, как только мы высунем свой нос. По-моему, нам надо немедленно организовать спасательный отряд.

Выслушав это фантастическое предположение, Джилпин презрительно фыркнул и вышел из комнаты отдыха.

– Серьезный парень, – продолжал де Сауза с едва уловимой, как показалось Гаю, бравадой. – Помните, «дядюшка», я говорил вам, что он иногда слишком серьезен. К тому же он очень побаивается прыгать завтра.

– Я тоже побаиваюсь.

– Я тоже, – сказали другие в один голос.

– Я не верю, что вы боитесь, «дядюшка», – сказал де Сауза.

– О, конечно, боюсь, – солгал Гай, – да еще как боюсь-то!

Одним из приспособлений, воздвигнутых на тренировочной площадке перед фасадом дома, был фюзеляж самолета. Вдоль бортов внутри фюзеляжа были металлические сиденья; в полу фюзеляжа было вырезано отверстие, изображавшее собой люк для покидания самолета. Это была модель самолета, из которого «клиентам» предстояло совершать прыжки с парашютом, и в последний день тренировок они практиковались на этой модели под руководством инструктора по прыжкам с парашютом.

– Подходим к району прыжков! – подал инструктор предварительную команду и снял крышку с люка. – Первой паре приготовиться!

Два «клиента» сели напротив друг друга, свесив ноги в люк.

– Первый номер! Пошел!.. – инструктор махнул рукой вниз.

«Клиент» номер один спрыгнул на траву, его место занял «клиент» номер три.

– Второй номер! Пошел!..

Прыжки повторялись в таком порядке всю вторую половину дня до тех пор, пока все действия «клиентов» не стали быстрыми и автоматическими.

– Старайтесь в этот момент ни о чем не думать. Просто следите за моей рукой. В парашюте есть скользящий вытяжной трос, он открывается автоматически. Как только вы прыгнете с самолета, единственное, о чем вам следует заботиться, – это держать ноги вместе и несколько раз перевернуться, когда приземлитесь.

Однако вечером, когда «клиенты» собрались в комнате отдыха, чувствовалось, что многие из них испытывают страх перед предстоящим прыжком с самолета. Де Сауза, как обычно, фантазировал о таинственном начальнике.

– Я видел его лицо в окне, – доложил он. – Огромное, страшное, мертвенно-бледное лицо. Он посмотрел прямо на меня и быстро исчез. Его наверняка схватили и оттащили от окна часовые. Это было лицо человека, охваченного крайним отчаянием. По-моему, его все время пичкают наркотиками.

– А что происходит, если парашют не раскрывается? – спросил Джилпин.

– Ты летишь вниз как камень и шлепаешься на землю с такой силой, что сразу оказываешься в могиле. Остается только призасыпать землей да поставить крест.

– А отчего парашют не раскрывается?

– Неправильная укладка, наверное.

– А укладкой занимаются девчонки. Стоит среди них появиться одному фашистскому агенту, как будут убиты сотни людей, а может быть, даже и тысячи. И ведь такого агента никак не поймаешь. Я, как и другие, конечно, готов пойти на разумный риск. Но мне вовсе не нравится доверять свою жизнь какой-то девчонке в цехе укладки парашютов, каким-то там так называемым беженцам из Польши или еще откуда-нибудь.

– А ты боишься, правда, Джилпин?

– Я просто прикидываю, каков здесь риск, вот и все.

– Если эти типы надеются, что я прыгну с самолета трезвый, то пусть они лучше еще раз все обдумают как следует, – сказал один из самых молодых «клиентов».

– Конечно, – продолжал фантазировать де Сауза, – вполне возможно, что начальник – это главный руководитель всей вражеской организации. Ему не разрешают показываться нам потому, что он не знает английского языка. Но он, наверное, выходит по ночам и переукладывает парашюты так, чтобы они не раскрывались. На это у него уходят многие часы, так что отсыпаться ему приходится только днем.

Однако на этот раз шутка де Саузы подействовала на всех удручающе.

– Замолчи ты, ради бога! – укоризненно воскликнул Джилпин.

Наступила тишина. Де Сауза понял, что симпатиям аудитории к нему пришел конец.

– «Дядюшка», – обратился он поздно вечером к Гаю, – по-моему, только вы да я из всех не испытываем страха. Что касается меня – я в этом не очень-то уверен.

Когда в доме погасли все огни, Людович вышел из своего кабинета и пошел, спотыкаясь, к рощице. Подышав несколько минут воздухом, пропитанным запахом влажной листвы, и убедившись, что

это не вызывает у него никаких приятных воспоминаний, он вернулся в кабинет и записал в тетрадь:

«Те, кто проявляет слишком большой интерес к внешнему миру, могут в один прекрасный момент оказаться по ту сторону закрытых дверей своего собственного дома».

Это, конечно, не было бесспорно оригинальное эссе. Он как-то прочитал эти слова – и смутно запомнил их в студенческом журнале, полученном сэром Ральфом и оставленном им среди своих вещей. Для данной ситуации и момента эти слова показались Людовичу подходящими.

Утро следующего дня наступило хорошее, почти безветренное, похоже было даже, что день будет солнечный. Отличная погода для прыжков с парашютом.

– Если такая погода удержится, – сказал главный инструктор, словно предлагая особое, неожиданное удовольствие, – то в конце занятий мы сможем провести ночные прыжки.

Он рано отправился на учебный парашютный аэродром – бесплодную пустошь в нескольких милях от виллы, чтобы проверить, правильно ли там расположены знаки, и расставить громкоговорители, при помощи которых он давал указания своим подопечным, когда они приближались к нему на парашютах. Однако прибывших позднее «клиентов», казалось, никто не ожидал.

– Всегда вот так, – раздраженно сказал инструктор по прыжкам. – Им ведь и делать-то больше нечего, кроме как организовать для нас вылет, но в последнюю минуту у них всегда появляются какие-нибудь трудности.

В сборном бараке расположились десятка полтора солдат, слушавших оглушительную джазовую музыку; неподалеку от них сидел офицер летного состава, углубившийся в чтение «Дейли миррор». Он встретил «клиентов» более чем безразличным взглядом и через несколько минут куда-то вышел.

– А нельзя ли как-нибудь выключить эту музыку? – поинтересовался Гай.

Кто-то нашел соответствующую ручку музыкального аппарата и выключил его. На несколько секунд в бараке воцарилась тишина. Затем из-за слегка приоткрытой двери протянулась сине-серая рука, покрутила ручки аппарата, и музыка загремела громче прежнего.

Через полчаса вернулся инструктор по прыжкам с парашютом в сопровождении молодого офицера, который читал «Дейли миррор».

– Я все урегулировал, – сказал инструктор.

На костюме офицера летного состава появились некоторые дополнения.

– Наш старый драндулет должен находиться в капитальном ремонте, – сказал он, – но я думаю, что мы поднимемся на нем.

Они толпой прошли к взлетно-посадочной полосе, каждый надел на себя подвесную систему парашюта, инструктор бегло осмотрел каждого. Затем все поднялись на самолет. Вытяжные тросы парашютов пристегнули к стальной рейке над трапом. Внутри фюзеляжа было почти темно. Гай сел следующим за Джилпином, который должен был прыгать перед ним. Джилпин был седьмым номером, Гай – восьмым. Тот же порядок, в каком они прыгали на тренировках.

– Хорошо, если у них все получится... – начал было Гай, но продолжать разговор из-за рева двигателей стало невозможно. У Джилпина был такой вид, как будто его вот-вот стошнит.

Одна из целей данной тренировки состояла в том, чтобы приучить обучаемых к условиям полета; поэтому самолет не пошел сразу к учебному парашютному аэродрому, а пролетел по отлогой дуге над морем и возвратился к берегу лишь по прошествии некоторого времени. Рассмотреть что-нибудь через бортовые иллюминаторы почти не удавалось. Подвесная система парашюта оказалась значительно большей помехой для движения, чем это представлялось на земле. Согнувшись, они сидели как скованные в полумраке, в шуме, в бензиновых парах. Наконец инструктор по прыжкам и его сержант открыли выходной люк.

– Входим в зону прыжков! – подал он предварительную команду. – Первой паре приготовиться!

Де Сауза стоял первым номером. Как только инструктор махнул рукой, он чисто соскользнул в люк. Его место занял третий номер.

– Подожди, – сказал инструктор. Между прыжками выдерживался минутный интервал, во время которого самолет, накренившись, разворачивался и занимал необходимое положение для следующего прыжка. Вскоре у люка лицом друг к другу оказались Джилпин и Гай. Земля под самолетом поворачивалась с

головокружительной скоростью. – Не смотрите вниз! – крикнул инструктор. – Смотрите на мою руку! – Однако Джилпин не отрывал взгляда от земли и не мог видеть никакого сигнала. Инструктор подал команду: – Седьмой номер! Пошел!

Но Джилпин никуда не «пошел». Сжавшись в комочек и крепко держась руками за край люка, он по прежнему смотрел не на инструктора, а в бездну под самолетом. Инструктор молчал до тех пор, пока самолет не развернулся на обратный курс. Затем он крикнул Гаю:

– Номер восьмой! Пошел!

Гай прыгнул. На какое-то мгновение, когда по нему ударил встречный поток воздуха, он потерял сознание, но затем быстро пришел в себя. Его органы чувств не ощущали больше ни гула двигателей, ни запаха бензина, ни вибрации. Он как бы купался в ласковых золотистых лучах слабого ноябрьского солнца. Одиночество было абсолютным.

Гай пришел в невероятный восторг; он чувствовал себя так, будто его душа еще при жизни попала в рай господний. Самолет, казалось, был таким же далеким от него, какой, наверное, показалась бы земля в момент смерти. Гай парил в воздухе так легко и свободно, как будто его мышцы, кости и нервы утратили всякую связь между собой. Подвесная система, которая так раздражала его в тесном, темном и заполненном шумом самолете, теперь почти неощутимо поддерживала его. Гай чувствовал себя так легко и свободно, как будто только что родился на свет божий.

Однако секунды душевного подъема промелькнули слишком быстро. Он не просто висел в воздухе, а стремительно падал вниз. С земли из мощных динамиков до него донесся голос: «Вы раскачиваетесь. Остановите качание при помощи стропов. Ноги держите вместе!» В какой-то момент в поле его зрения было только бесконечное небо, а в следующий – только земля, к которой он приближался, словно сброшенный лошастью наездник. Как только ноги коснулись земли, Гай покатился по ней, как его учили. Что-то сильно ударило по колену, как будто он приземлился на камень. В следующий момент он понял, что лежит в осоке, ошеломленный, затаив дыхание. Затем, в соответствии с тем, как его учили, он отстегнул подвесную систему парашюта. Он попробовал встать, но,

почувствовав острую боль в колене, снова повалился на землю. К нему подбежал инструктор.

– Все хорошо, номер седьмой. О, это вы, Краучбек! Что-нибудь случилось?

– Кажется, я ушиб колено, – сказал Гай.

Это было то же колено, которое он вывихнул на прощальном вечере в алебардийском казарменном городке.

– Ну ладно, посидите здесь, пока не закончатся прыжки. Потом мы подберем вас.

Над ним то в одном направлении, то в обратном пролетал самолет, под которым всякий раз появлялся новый раскрывшийся парашют. Наконец рядом с Гаем неожиданно приземлился Джилпин; от его нерешительности не осталось никакого следа. К Гаю бодро приблизился совершенно неузнаваемый, полный самодовольства и беспечности человек.

– Ну как? Не так уж страшен черт, как его малюют, правда? – сказал он.

– Очень даже приятно до известного момента, – согласился Гай.

– Я сначала не услышал команду, – сказал Джилпин. – Просто не понимаю, почему так произошло. У меня и на строевых занятиях получалось так же. Потому, наверное, что никак не могу привыкнуть к инстинктивному, беспрекословному выполнению команды.

Гай хотел спросить Джилпина, как он покинул самолет – сам или с помощью инструктора, – но воздержался. Поскольку Джилпин прыгал последним, об этом не узнает никто, кроме тех, кто прочитает секретный доклад о его подготовке.

– Надеюсь, что мы сегодня совершим еще по одному прыжку, – сказал Джилпин. – Я вполне готов к этому.

– А я вот уж никак не смогу, – сказал Гай.

Вечером капитан Фримантл доложил Людовичу:

– Один выбыл из строя, сэр. Краучбек.

– Краучбек? – спросил Людович рассеянно, как будто он не знал этой фамилии. – Краучбек?

– Один из алебардистов, сэр. Мы считали, что в его возрасте прыгать с парашютом, пожалуй, поздновато.

– Да? Один из тех случаев, когда не раскрылся парашют?

– О, нет. Не столь уж страшно. Простое растяжение сустава, по моему. – Услышав эти слова, Людович постарался скрыть свое огорчение. – Мы отправили его в госпиталь военно-воздушных сил, чтобы сделать рентгеновский снимок. Возможно, он задержится там на несколько дней. Вы поедете навестить его?

– Нет, боюсь, мне это не удастся. У меня очень много работы. Позвоните по телефону и узнайте результат рентгеновского обследования. Позднее вы или кто-нибудь из инструкторов можете посетить его и узнать, как у него дела.

Капитан Фримантл хорошо знал, сколько работы у Людовича. Предыдущий начальник всегда посещал «клиентов», получивших травмы, а в редких случаях даже участвовал в их похоронах.

– Слушаюсь, сэр, – сказал капитан Фримантл.

– Да, кстати, – продолжал Людович, – можете сказать заведующему столовой, что ужинать сегодня я буду в столовой.

В комнате отдыха в тот вечер царило безудержное веселье и ликование. Одиннадцать членов группы совершили в тот день второй прыжок в условиях прекрасной погоды. Все они полностью преодолели страх перед прыжком и были абсолютно уверены, что закончат курс подготовки с высокой оценкой. Некоторые непринужденно развалились в креслах или на диване, другие стояли группами, громко разговаривая и весело смеясь. Даже Джилпин и тот не остался равнодушным к общему веселью. Он заявил во всеуслышание:

– Теперь я сознаюсь, что перед первым прыжком я-таки здорово побаивался. – С видом равного принял бокал пива, предложенный ему инструктором по прыжкам, бесцеремонно спихнувшим Джилпина утром с самолета, наступив ногой на его пальцы, когда он судорожно схватился за край люка.

Людович появился в этой компании, как некий пришелец с неба. Никто, конечно, не верил в буквальную правдоподобность фантастических выдумок де Саузы о начальнике, однако неоднократное повторение таких выдумок во все более мрачных красках оставило в сознании «клиентов» произвольный страх перед

этим таинственным, скрывавшимся на верхнем этаже человеком, которого никто ни разу не видел и не слышал. Появление Людовича никоим образом не рассеяло испытываемого «клиентами» страха перед ним.

Он был на несколько дюймов выше самого рослого «клиента». В те времена наблюдалось заметное различие во внешности счастливых военных, которым предстояло участвовать в боях, и тех, кто подвергал опасности свое пищеварение и здравомыслие, просиживая за письменным столом и имея дело главным образом с бумажками и телефонами. Внешний вид бледного, но упитанного Людовича, стоявшего перед и над худыми и возбужденными молодыми людьми, вряд ли подтверждал теорию о том, что работа за письменным столом – это медленное приближение к могиле. В комнате отдыха с его появлением наступила полная тишина.

– Представьте мне джентльменов, – обратился он к своему заместителю.

Капитан Фримантл церемонно познакомил его со всеми «клиентами». Людович протягивал каждому свою холодную и влажную руку и повторял произносимую Фримантлом фамилию: «... де Сауза... Джилпин...» – как будто он перечислял названия книг на полке, которые не намеревался читать.

– Не желаете ли выпить с нами? – храбро предложил де Сауза.

– Нет, нет, – ответил Людович из глубины своего невидимого саркофага. – У меня слишком много забот о вашей подготовке. – Затем он медленно обвел взглядом всех «клиентов». – Один из вас, как мне доложили, выбыл из строя. Вас теперь только одиннадцать. Фримантл, как дела у *этого капитана*?..

– Краучбека, сэр. Ничего нового с момента моего доклада вам. Результаты рентгеновского обследования мы получим только завтра.

– Держите меня в курсе. Я очень обеспокоен состоянием здоровья *этого капитана*. Прошу вас, продолжайте веселиться, джентльмены. Я слышал со второго этажа, у вас тут было очень шумно. Продолжайте. Мое присутствие здесь совершенно неофициальное.

Однако молодые офицеры опорожнили свои бокалы и отставили их в сторону.

Джилпин внимательно смотрел на грудь Людовича.

– Вас, наверное, интересует, за что я получил военную-медаль? – неожиданно спросил строгим голосом Людович.

– Нет, – смущенно ответил «Джилпин. – Я просто интересуюсь, что это за награда.

– Это награда за героизм, проявляемый рядовыми солдатами и младшими офицерами. Я заслужил ее за вылет – не за такой, в каком вы участвовали сегодня. Меня наградили за то, что я вместе с другими с треском вылетел с Крита во время поспешного отступления под напором сил противника.

Будь в словах Людовича хоть малейшие признаки юмора, его слушатели наверняка рассмеялись бы. Но в данном случае эти слова лишь вызвали у них молчаливое недоумение. Людович достал из кармашка под орденскими планками большие стальные часы и сказал:

– Пора ужинать. Действуйте, Фримантл.

В заведении Людовича до сего времени придерживались обычая заходить в столовую в любое время за полчаса до ужина и занимать места по собственному выбору. Сегодня Людович сел во главе стола. Главный инструктор сел за другой конец стола, и между «клиентами» возникло своеобразное соревнование за то, чтобы занять место как можно ближе к инструктору. В конечном итоге двум несчастливцам пришлось сесть на места справа и слева от Людовича.

– Вы читаете молитву перед едой? – спросил он одного из них.

– Только когда к ужину приглашены гости, сэр.

– Но сегодня у нас день без гостей. Как раз наоборот. Мы отмечаем отсутствие вашего двенадцатого коллеги. Вы знаете молитву, Фримантл? Никто не знает молитвы? Ну хорошо, приступим к трапезе без молитвы.

Ужин в этот вечер был необыкновенно вкусным и обильным. Стесненность от присутствия Людовича не помешала проголодавшимся молодым людям опорожнить тарелки. В конце стола, где сидел главный инструктор, завязался приглушенный обмен мнениями, соседи же Людовича сидели как немые. Людович ел много, с присущей ему педантичностью, строго следя за манерой обращения с вилок и ножом («Как зубной врач», отозвался о нем позднее де Сауза), в им же самом созданном одиночестве, подобном тому, в каком чувствовал себя Гай в ходе кратковременного спуска на парашюте. Покончив с ужином, он встал и, не сказав ни слова, вышел

из столовой. Однако общее настроение после его ухода заметно не повысилось. Все почувствовали, что порядком устали за день, и поэтому, прослушав девятичасовую сводку известий, разошлись по своим комнатам и легли спать. Де Сауза очень сожалел, что отсутствовал Гай, с которым можно было бы обсудить неожиданное появление начальника. Он уже присвоил начальнику прозвище Майор Дракула, а в его сознании роились различные мысли из области некрофилии, которые Джилпин наверняка назвал бы буржуазными.

Сотрудники учебного центра задержались внизу. Это была немногочисленная группа дружных людей. Благоговение, которое они испытывали перед Людовичем, почти не нарушало их уютной и спокойной жизни. Но теперь все они были в той или иной мере встревожены – кто абсурдностью, кто чудовищностью происходящего, чем-то, во всяком случае, что заметно нарушало их привычную и спокойную жизнь.

– Я не совсем представляю, как поступают в таких случаях, – заявил главный инструктор. – Что должны делать подчиненные, если их начальник сошел с ума? Кто и кому должен доложить об этом?

– Но может быть, это у него пройдет?

– Сегодня он был намного хуже, чем вчера.

– А «клиенты», по-вашему, заметили это?

– По-моему, такие вещи не могут остаться незамеченными. Ведь группа состоит не из каких-нибудь там беженцев.

– Но пока он ничего особенного, собственно, *не сделал*.

– А вы представляете, что будет, если он-таки сделает что-нибудь?

Следующий день выдался тоже хорошим, тренировки прошли по заведенному порядку, однако вечером такого веселья и возбуждения, как вчера, уже не было. Даже самые молодые и самые здоровые жаловались на ушибы и переутомление, и все считали, что вчерашнее посвящение в парашютисты вовсе не устранило присущее человеку естественное нежелание бросаться из самолета в воздушное пространство. Людович присутствовал на завтраке и на обеде, но уже без всяких церемоний и разговоров. Во время обеда он произнес всего несколько слов, обратившись к капитану Фримантлу:

– Я думаю, мне надо завести собаку.

– Да, сэр. Это забавно иметь около себя шустренькое животное.

– Собака мне нужна не для забавы.

– О, понимаю, понимаю, сэр. Вы хотите собаку, которая будет охранять вас.

– И *не* для охраны. – Людович помолчал немного, бросил испытующий взгляд на своего заместителя и на озадаченных, притихших «клиентов». – Собака нужна мне для *любви*.

Никто не сказал ни слова. Людовичу подали острейшее блюдо, которое не всякий осмелился бы отведать. Уничтожив его одним духом, он сказал:

– У капитана Клэра был китайский мопс. – И добавил после небольшой паузы: – Вы не знаете капитана Клэра. Он тоже отступал с Крита, но *медали не удостоен*. – Еще одна пауза – несколько секунд, которые показались слушателям целыми часами. – Мне нужен красивый китайский мопс.

Затем, как бы не желая вступать в дискуссию по вопросу, который он уже решил, Людович встал из-за стола так же неожиданно, как и вчера, и зашагал прочь с таким видом, будто выбранный им пес уже ожидает его с другой стороны дубовой двери и он возьмет его сейчас на руки и понесет в привычные для себя и пса покои.

Людович закрыл за собой дверь, но и сквозь толстые дубовые доски было слышно, как он запел песенку. Это была песенка, которую папа когда-то, должно быть, напевал своему необыкновенному малышу, ставшему теперь Людовичем:

Папа не купит ни лука, ни стрел,
У тебя есть маленький кот.
Зачем тебе лук, пострел?
Спи. Закрой глазки и рот.

Позднее главный инструктор предложил капитану Фримантлу:

– По-моему, было бы неплохо спросить у одного из наиболее серьезных «клиентов», что они думают о нашем начальнике.

На следующий день дул сильный восточный ветер. Всю первую половину дня «клиенты» сидели в готовности к тренировке и в ожидании сообщения об улучшении погоды. В полдень главный инструктор объявил, что тренировка отменяется. Капитан Фримантл,

который за последние тридцать шесть часов все более и более беспокоился в связи с очевидным регрессом в состоянии Людовича, решил воспользоваться передышкой в занятиях и осуществить предложение главного инструктора.

Он выбрал де Саузу.

– Надо кому-нибудь съездить в госпиталь, – сказал Фримантл. – Не хотите ли вы повидать своего товарища-алебардиста? Мы сможем пообедать где-нибудь за пределами нашего центра. На пути в госпиталь есть вполне приличная придорожная закусочная.

Они поехали вдвоем, без водителя. Как только вилла осталась позади, капитан Фримантл сказал:

– Я, разумеется, понимаю, что вести с вами разговор о старшем офицере не положено, но мне кажется, вы вполне разумный человек, и я хочу спросить вас неофициально, в конфиденциальном порядке, заметил ли кто-нибудь из вас, «клиентов», что-нибудь необычное в поведении нашего начальника?

– Майора Дракулы?

– Майора Людовича. Почему вы называете его Дракулой?

– Так его прозвали офицеры нашей группы. Кажется, его настоящую фамилию нам никто не сообщал. Он, конечно, странноватый. А что, он не всегда был таким?

– Нет. Особенно странно он ведет себя лишь в последние несколько дней. Он никогда не был очень общительным и добродушным, предпочитал находиться в одиночестве, но в его поведении не было замечено ничего такого, что могло бы показаться странным.

– А теперь такое есть?

– Вы же видели его два последних вечера.

– Да, но, понимаете ли, я ведь не знал его раньше. У меня было одно предположение, но, судя по тому, что вы сказали, я, видимо, ошибался.

– А что именно вы предполагали?

– Я думал, что он мертв.

– Я вас не совсем понимаю.

– На Гаити таких называют «зомби». Оживающие мертвецы. Люди, которых выкапывают, заставляют работать, а потом снова

хоронят. Я думал, что его, возможно, убили на Крите или где-нибудь еще. Но теперь ясно, что я ошибался.

Капитан Фримантл начал сомневаться в правильности своего выбора.

– Я не завел бы разговор с вами об этом, если бы знал, что вы превратите все в шутку, – сказал он сердито.

– Это всего-навсего гипотеза, – произнес примирительным тоном де Сауза, – и конечно же она базируется на впечатлениях слишком короткого периода, в течение которого я наблюдал его. По-моему, действительное объяснение его поведения весьма прозаическое: он просто-напросто сходит с ума.

– Вы хотите сказать, что ему необходимо обратиться к психиатру?

– О нет, ни в коем случае! Ни к чему хорошему *они* не приведут. На вашем месте я раздобыл бы ему китайского мопса и держал бы его подальше от всех, насколько это возможно. Мой опыт подсказывает мне, что наиболее ответственные посты в армии занимают главным образом засвидетельствованные лунатики. И беспокойства от них нисколько не больше, чем от нормальных людей.

– Если вы намерены превращать все это в шутку... – начал было капитан Фримантл.

– Для Гая Краучбека это наверняка окажется шуткой, – сказал де Сауза. – Я надеюсь, она пригодится ему. В военно-воздушных силах шутки, как правило, только тоску наводят.

Вскоре они подъехали к госпиталю, который располагался во временной неприглядной постройке. На крыше хлопал раскачиваемый ветром флаг ВВС. Согнувшись навстречу ветру, они прошли по наклонному бетонированному въезду и вошли в здание.

За столом около входа сидел длинноволосый молодой человек в форме военно-воздушных сил, перед ним стояла кружка с чаем, а с его нижней губы свисала прилипшая сигарета.

– Мы приехали навестить капитана Краучбека.

– А вы знаете, где он лежит?

– Нет. Вы, вероятно, скажете нам.

– Я уверен, что не знаю, где он. Вы, кажется, сказали «капитан»? Армейских типов в этом госпитале не держат.

– Его привезли вчера для рентгеновского обследования.

– Попробуйте узнать в рентгенологическом отделении.

– А где оно?

– Это написано вон на той доске, – ответил авиатор.

– Я думаю, что никакого толка, если привлечем этого солдата за грубость, мы не добьемся? – спросил капитан Фримантл.

– Ни малейшего, – согласился де Сауза. – В военно-воздушных силах это не грубость.

– Уверен, что вы ошибаетесь.

– Не ошибаюсь, а просто шучу.

Больных в госпитале было немного, а час, в который они приехали, был наименее занятым. Больных только что покормили, и по идее они должны были спать; обслуживающий персонал в это время принимал пищу. В комнате с надписью: «Рентгенологическое отделение» – никого не было. Два солдата слонялись по безлюдным коридорам, полы в которых были покрыты какой-то темной, слегка липкой мастикой, предназначенной для заглушения шагов.

– Где-то должен же здесь быть какой-нибудь дежурный, – сказал де Сауза.

Увидев дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен», – он открыл ее. В комнате находился, очевидно, температуривший и бредивший человек, который громко жаловался на то, что его постель усыпана ядовитыми насекомыми.

– Белая горячка, наверное, – сказал де Сауза. – Давайте нажмем его сигнальную кнопку, – предложил он. – Кто-нибудь подумает, что ему плохо, и придет с успокаивающим лекарством. – Он нажал кнопку, и спустя несколько минут в палату вошел дежурный санитар.

– Мы ищем армейского офицера по фамилии Краучбек.

– Это не он. Это, один из серьезных больных. Вам лучше выйти отсюда. – Когда они вышли в коридор, санитар добавил: – Никогда не встречался с таким случаем. Какой-то шутник в Александрии дал ему посылку с надписью: «Только через офицера» – которую надо было доставить в Лондон. В посылке была полная коробка скорпионов, и они вылезли из нее.

– И какому только риску вам, летчикам, не приходится подвергаться ради нас! Ну, а как же нам все-таки найти капитана Краучбека?

– Попробуйте спросить в регистратуре.

Они нашли регистратуру, а в ней – дежурного офицера.

– Краучбек? Нет, не слышал о таком.

– У вас есть список больных?

– Конечно, есть. А как же без него, по-вашему?

– И что, Краучбека в списке нет? Он поступил вчера.

– Вчера дежурил не я.

– А можно увидеть того, кто дежурил?

– Он сегодня отдыхает.

– Все это весьма смахивает на насильственный увоз, – заметил де Сауза.

– Послушайте, вы! Я не знаю, кем вы оба, черт возьми, являетесь, не знаю, как вы сюда попали и что вам, собственно, нужно здесь! – воскликнул дежурный офицер.

– Проверка службы безопасности. Обычная проверка, – сказал де Сауза. – Мы направим докладную соответствующим органам.

Когда они вышли из госпиталя, ветер дул с такой силой, что разговаривать до того момента, пока они не сели в машину, было невозможно. В машине капитан Фримантл сказал:

– Знаете ли, вам не следовало так разговаривать с этим офицером. Все это может принести нам неприятности.

– *Нам* – нет. Вам – может быть. Моя личность, как вам, должно быть, известно, – это строго сохраняемая тайна. А теперь давайте поедем в вашу придорожную закусочную.

Придорожная гостиница явилась хорошим укрытием от ветра, но ничего похожего на изобилие и роскошь в ресторане Рубена здесь не было. Фактически, она отличалась от соседних отелей только тем, что в нее попадала большая часть продовольственных пайков, продаваемых сержантом-квартирмейстером капитана Фримантла. Они смогли, однако, поесть здесь со значительно большим аппетитом, чем ели у себя под мрачным взглядом Людовича.

– Жаль, что нам не удалось повидать Краучбека, – сказал капитан Фримантл. – Его, наверное, перевели куда-то.

– В армии такие тайные операции – явление постоянное. А вы не думаете, что его похитили по приказу нашего начальника? Он ведь неоднократно высказывался по поводу отсутствия этого капитана, при этом следует отметить, что высказывался с почти нескрываемым злорадством. – Подогретая крепким североафриканским вином,

фантазия де Саузы заработала с удвоенной энергией, как будто он находился на изнурительном конкурсе писателей-сценаристов. – Предполагая умопомешательство, мы в общем-то приняли слишком простое объяснение поведения вашего начальника. Мы сейчас находимся в глубоких политических водах, Фримантл. Я удивился, когда увидел «дядюшку» Краучбека в вашем центре. Этому человеку слишком много лет, чтобы забавляться вашими парашютами. Мне надо было бы отнестись к этому с еще большим подозрением, но я, думая о нем, представлял того ревностного офицера, которого знал в тридцать девятом году. Четыре года тотальной войны способны изменить человека. Меня они, например, изменили. На Крите я потерял не имеющую большого значения, но заметную часть своего левого уха. «Дядюшку» Краучбека послали сюда с определенной целью: возможно, для слежки за майором Людовичем, а может, наоборот, чтобы тот следил за ним. Тот или другой является фашистским агентом, а может быть, и сразу оба. «Дядюшка» Краучбек работал в штабе особо опасных операций – пресловутая конспиративная сеть. Возможно, ваш Людович получил приказ в запечатанном пакете, в котором не было никаких объяснений, просто было сказано: «Вышеуказанного офицера пустить в расход». Позавчера кто-то говорил, что устроить так, чтобы парашют не раскрылся, – дело очень простое. Номер Краучбека в группе был известен заранее. Я не сомневаюсь, что Людович и его сообщники подстроили какую-то ловушку.

Бесхитростный капитан Фримантл, тоже в немалой степени подогретый кровавым, красно-коричневым вином, охотно ухватился за высказанную де Саузой идею.

– Фактически, – сказал он, – именно об этом в первую очередь Людович и спросил, когда я доложил о прыжке Краучбека. «Не раскрылся парашют?» – спросил он, как будто это обыкновеннейший случай.

– Все это было подстроено так, чтобы не вызвать никаких подозрений. Начальник не должен был знать, в какое именно время произойдет убийство. Оно могло быть запланировано и на позавчерашний день, и на вчерашний. Но непредвиденный случай спас Краучбека – на время, конечно. Теперь они снова схватили его.

По-моему, ни вы, ни я никогда больше не увидим моего старого товарища по оружию.

Они обсудили и детально развили возможности заговора, контрзаговора и предательства. Капитан Фримантл был бесхитростным человеком. До войны он был скромным сотрудником в одной из страховых компаний. Занимаемая им в течение последних трех лет должность позволяла ему иногда заглядывать в суть тайных операций. Слишком много странных людей прошло за короткое время через его узкое поле зрения, чтобы он мог не знать о существовании запутанного мира лжи, обмана и опасностей, находившегося за пределами его скромного опыта. Короче говоря, он был готов поверить всему, что ему скажут. Де Сауза несколько запутал его, пожалуй, только тем, что наговорил всего слишком много.

Позднее, когда они ехали обратно в центр, де Сауза развил идею еще об одном заговоре.

– А не слишком ли мы современны? – спросил он. – Мы рассуждаем категориями тридцатых годов. Но ведь и Краучбек, и ваш майор Дракула пришли в человечество в двадцатых годах. Возможно, в этом деле играет роль какое-нибудь любовное побуждение. Ваш начальник – очень подозрительный тип, а половая жизнь «дядюшки» Краучбека всегда была окутана тайной. Когда я служил с ним, он никогда не проявлял никаких признаков интереса к женщинам. Вполне возможно, что мы имеем здесь дело с самым заурядным случаем шантажа или, еще вероятнее, со случаем ревности на любовной почве.

– Почему «еще вероятнее»?

Капитан Фримантл окончательно запутался и соображал с трудом.

– Просто потому, что в общем-то это менее омерзительно.

– А на каком основании вы считаете, что Людович имеет то или иное отношение к исчезновению Краучбека?

– Эта наша рабочая гипотеза.

– Я просто не знаю, то ли вы говорите Seriously, то ли нет.

– Конечно, не знаете. Но согласитесь, вы ведь довольны нашей маленькой прогулкой, правда? Она несомненно дала вам кое-какую пищу для размышлений.

Капитан Фримантл возвращался в учебный центр озадаченный и погруженный в глубокое раздумье. Ему поручили тактично осведомиться у одного из наиболее серьезных офицеров группы, замечают ли он и его товарищи хоть какие-нибудь странности в поведении их начальника. Вместо этого Фримантл оказался в роли ведущего расследование загадочной тайны, может, даже убийства, мотивы которого скрываются или в высотах международной политики или в глубинах неестественного порока. Разобраться в этих делах капитану Фримантлу было отнюдь не легко.

В доме, когда они подъехали к нему, казалось, никого не было. Если не считать завывания ветра в трубах, в нем стояла полнейшая тишина. В гараже дежурил рядовой из роты обслуживания. Все остальные, не имея никаких дел, разошлись по своим комнатам и легли спать. Все, кроме майора Людовича, который, как сообщили капитану Фримантлу, уехал на машине еще тогда, когда все были на аэродроме. Он уехал с водителем и, отбывая, произнес фразу, обычно используемую всеми командирами частей для объяснения своего отсутствия: «Меня вызвали на совещание».

– Я думаю тоже пойти поспать, – сказал де Сауза. Спасибо за прогулку и за компанию.

Фримантл заглянул в свой чисто убранный кабинет. Никаких новых документов в этот день не поступило. Он тоже положил свою озадаченную голову на подушку. Африканское вино медленно, но верно проявило свое усыпляющее воздействие, и он проспал до того момента, пока в комнату не вошел денщик, чтобы поднять светомаскировочную штору на окне.

– Извините, сэр, – сказал он, увидев взъерошенную фигуру капитана, – я не знал, что вы здесь.

Капитан Фримантл медленно пришел в себя.

– Пора, пожалуй, вставать, – сказал он. – Начальник приехал?

– Так точно, сэр, – ответил денщик, широко улыбаясь.

– А почему ты смеешься, Ардингли?

Отношения между капитаном Фримантлом и денщиком Ардингли строились на доверии и сердечности, чего нельзя было сказать об отношениях между Людовичем и тем же денщиком.

– Майор, сэр. Он очень смешной.

– Смешной? – В теперь уже полностью освободившуюся от сна голову капитана Фримантла возвратились фантазмагорические воспоминания. – Почему же он смешной, Ардингли?

– Так точно, сэръ. Он был смешной, а теперь у него еще маленькая собачонка.

– И что же, он стал от этого еще смешней?

– Видите ли, сэръ, он как-то не похож на майора, когда возится с ней.

– Пожалуй, мне лучше пойти и взглянуть на него.

– Вы, наверное, скажете, что он просто влюблен в эту собачонку, – добавил Ардингли.

Капитан Фримантл прилегал отдохнуть вечером не раздеваясь, теперь он снял ботинки, носки и мундир, надел свою повседневную форму и прошел по коридору в ту часть второго этажа, которую занимал майор Людович. Остановившись у двери, он услышал за ней звуки, такие же, какие издает крестьянка, кормящая кур, Фримантл постучал в дверь и вошел.

Пол в комнате Людовича был уставлен блюдами с молоком, подливами, соусами, колбасным фаршем, печеньем, сосисками и другими предметами кулинарного искусства. В нескольких местах пища была нагло расплескана и разбросана; ничто из этого меню, видимо, не возбуждало аппетита китайского мопса, который, свернувшись в комочек, лежал на смятой бумаге под кроватью Людовича. Это был очень миленький песик с такими же выпуклыми глазами, как у самого Людовича. Людович стоял на четвереньках и произносил те самые звуки, которые Фримантл услышал еще в коридоре. Приподняв голову, Людович посмотрел на вошедшего заместителя. Лицо его выражало безудержное ликование и радость, на нем не было ни признаков усталости и обремененности делами, ни негодования по поводу вторжения. Он был охвачен желанием поделиться переполнявшим его сердце восторгом.

– Кор, – сказал он, – вы только взгляните на этого маленького субъекта. Ничего не берет из того, что я предлагаю ему. Я уж начал беспокоиться, не заболел ли он. Я даже хотел было позвать начальника медицинской службы. Но не успел я отвернуться и на секундочку, как он расправился с последним номером «Севайвэла». Что вы скажете о таком аппетите? – Затем, перейдя на слащавый и,

как показалось Фримантлу, ужасный тон страстно влюбленного человека, Людович обратился к собачонке: – Что скажет мой заместитель, капитан Фримантл, если ты не будешь есть его жратву, а? Что скажет редактор, если ты ешь его умный журнал?

Гай между тем лежал на койке в какой-нибудь миле от Людовича и его любимого щенка. В Англии в те времена то в одном, то в другом месте создавались такие, по словам де Саузы, малоизвестные и малодоступные заведения, в которых по тем или иным причинам содержались те или иные виды вооруженных сил его королевского величества. Именно в такое заведение попал и Гай. На нем была не принадлежавшая ему фланелевая пижама; его нога была заключена в гипсовую повязку, и ему казалось, что эта конечность потеряла какую ты то ни было связь с остальным телом. Его оставили одного в бараке, где музыка гремела так оглушительно, что бушующий снаружи ветер был совершенно неслышим. Это был специальный аэродромный пункт неотложной медицинской помощи. Гай был доставлен сюда из госпиталя военно-воздушных сил на санитарной машине. Молодой госпитальный врач сообщил ему перед отправкой, что необходимости в каком-либо специальном лечении ноги нет. «Просто лежите и отдыхайте, – сказал он. – Через несколько недель мы еще раз заглянем к вам и, наверное, снимем гипсовую повязку. Вам будет там отлично».

Но Гаю вовсе не было отлично. Больных в палате больше не было. Единственным собеседником Гаю, после того как ушли доставившие его на носилках санитары, оказался присевший на край койки молодой парень, который сразу же представился:

– Я Си-Оу^[95].

– Начальник? – спросил Гай без особого удивления.

– Отказывающийся от военной службы, – ответил парень.

Затем под шум джазовой музыки парень многоречиво, но довольно путано объяснил причины отказа. Это были не политические и не этические, а какие-то оккультные причины, неуловимым образом связанные с Великой Пирамидой.

– Я мог бы дать вам на время книгу об этом, но в ней этот вопрос изложен очень ограниченно.

В этом молодом человеке Гай не заметил ни признаков злого умысла, ни чего-нибудь такого, чем он мог бы расположить к себе. Гай попросил у него что-нибудь почитать.

– Однажды сюда приезжал какой-то тип из управления культурно-бытового обслуживания и привез несколько книг. Но, по моему, кто-то просто-напросто порвал и выбросил их. Да и книги-то это были такие, что читать их никто не стал бы. А газет и журналов в военно-воздушных силах не выписывают. Тот, кто хочет узнать новости, слушает их здесь по радио.

– А вы не можете прекратить этот дьявольский шум?

– Какой шум?

– Да вот эту радиопередачу.

– О нет! Я не могу. Ее транслируют специально. По всему городку. К тому же это не радиопередача. Это проигрывают пластинки. Вы очень скоро привыкнете и не будете замечать этого шума.

– А где моя одежда?

Молодой парень неуверенно обвел взглядом палату.

– Тут ее, кажись, нет, правда ведь? Наверное, ее забыли захватить сюда. Вам придется спросить у Эдмина.

– А кто такой Эдмин?

– Какой-то тип, который бывает здесь раз в неделю.

– Послушайте, дружище, мне надо как-нибудь выбраться отсюда, – сказал Гай. – Сделайте одолжение, позвоните в парашютную школу и попросите капитана Фримантла. Скажите, чтобы он приехал сюда.

– Нет, я вряд ли смогу это сделать.

– Почему же, черт возьми?

– По телефону разрешается разговаривать только Эдмину. А какой номер в школе?

– Я не знаю.

– Ну вот видите.

– А можно увидеть этого Эдмина?

– Увидите, когда приедет.

Весь этот мучительный день Гай пролежал на койке, созерцая все детали гофрированной крыши постройки и слушая разносившуюся во всех направлениях оглушительную джазовую музыку. Молодой

парень довольно часто приносил ему кружки с чаем и тарелки с несъедобным месивом. В медленном ходе бессонных часов второй ночи Гай твердо решил сбежать.

К ночи ветер утих. Его товарищи, подумал он, наверное, готовятся теперь к пятому прыжку с парашютом. Превозмогая боль, напрягая все силы и держась за спинки пустующих коек, он пробрался из одного угла палаты в другой, где стояла почти безволосая от долгого употребления половая щетка, которой, видимо, подметали пол. Пользуясь ею как костылем, Гай вышел из барака наружу. Он узнал окружающие здания; путь по асфальтированному грунту до офицерской столовой для здорового человека не составил бы никакого труда. Но именно теперь, впервые после своего неудачного приземления на парашюте, он почувствовал острейшую боль в травмированной ноге. Обливаясь, несмотря на прохладное ноябрьское утро, потом, он преодолел наконец пятьдесят трудных шагов до столовой. В алебардийском казарменном городке такой его подвиг, разумеется, не остался бы незамеченным. Здесь же никому до него не было никакого дела и никто не попытался ни остановить его, ни оказать ему помощи.

Наконец он добрался до столовой и, войдя в нее, опустился в кресло.

Один или два авиатора посмотрели на него изумленно, однако восприняли появление этого инвалида в пижаме с таким же безразличием, с каким несколько дней назад они встретили одетых в форму парашютистов с Гаем во главе. Стараясь преодолеть шум все той же джазовой музыки, Гай крикнул одному из них:

– Эй, послушайте, я хочу написать письмо!

– Пишите. Меня это никоим образом не беспокоит.

– А есть здесь где-нибудь листок бумаги и перо?

– Я что-то нигде не вижу. А вы?

– А что ваши ребята делают, если им нужно написать письмо?

– Мой старик всегда учил меня: «Старайся никогда не излагать свои мысли письменно».

Авиаторы посматривали на Гаю с некоторым изумлением. Одни из них выходили, на их место приходили другие.

Гай сидел и ждал. И не напрасно. По прошествии примерно часа в столовую прибыла группа парашютистов, на этот раз во главе с

капитаном Фримантлом.

Фримантл уже дважды откладывал до утра принятие того или иного решения в связи с исчезновением Гая. Безоговорочно он теперь не соглашался ни с одной гипотезой де Саузы, однако атмосфера таинственности вокруг их событий и явлений сохранилась, и он был совершенно не подготовлен к тому, чтобы увидеть Гая во фланелевой пижаме, с половой щеткой в руке. Фримантл медленно, явно опасаясь чего-то, подошел к Гаю.

– Слава богу, что вы пришли, – сказал Гай с непривычной для Фримантла теплотой.

– Да, мне нужно обсудить кое-что с начальником аэродрома.

– Вы должны забрать меня отсюда.

Капитан Фримантл служил в армии уже более трех лет, и, поскольку все связанные с Гаем события были истолкованы в столь мрачном свете, его решение было быстрым и точным.

– Это не в моей компетенции. Вас должен выписать начальник медицинской службы.

– Там, где я нахожусь, нет никакого начальника. Там хозяйничает какой-то санитар.

– Он тоже не компетентен. Документ должен быть подписан начальником медицинской службы.

Одиннадцать «клиентов» пребывали в мрачном настроении. Испытанные ранее подъем и веселье уступили место страху. На этот последний прыжок они шли явно поневоле. Де Сауза, увидев Гая, приблизился к нему.

– Значит, вы живы и здоровы, «дядюшка», – сказал он.

Гай был для де Саузы как бы источником, из которого он черпал все свои выдумки, помогавшие коротать время. Теперь всему этому наступил конец. Де Сауза сейчас стремился как можно скорее закончить курс обучения и вернуться в Лондон, к ожидающей его подруге.

– Я просто сойду здесь с ума, Франк.

– Да, – согласился де Сауза, – я не удивлюсь, если это действительно произойдет.

– Капитан Фримантл уверяет, что предпринять что-нибудь в отношении меня он совершенно бессилён.

– Да, да. По-моему, он действительно не в состоянии. Ну ладно, очень рад, что вы живы и здоровы, «дядюшка». Кажется, нас уже приглашают в самолет.

– Франк, а ты помнишь Джамбо Троттера, там, в алебардийском казарменном городке?

– Нет. Не могу сказать, что помню его.

– Он, наверное, смог бы помочь мне. Послушай, позвони ему, пожалуйста, как только вернешься в школу. Просто расскажи ему, что со мной произошло и где я нахожусь. Я могу дать тебе номер его телефона.

– Но *вернусь ли* я еще – вот вопрос. И в настоящее время этот вопрос беспокоит меня больше всего. Мы подвергаем свою жизнь страшной опасности всякий раз, когда поднимаемся на этом проклятом самолете, или, вернее, всякий раз, когда спрыгиваем с него. Не исключено, что я окажусь на койке рядом с вашей, да еще без сознания. А возможно, и вовсе подохну. Младший инструктор знаете как сказал нам: «Если парашют не раскроется, вы при падении сами же выдавите себе могилу глубиной пять футов, и останется только взять лопаты да засыпать ее выдавленной землей». Я нет-нет да и напоминаю об этой возможности Джилпину.

– Франк, ну ты все-таки позвонишь Джамбо?

– Если останусь жив, «дядюшка», то обязательно позвоню.

Гай заковылял обратно к бараку, где была его койка.

– Ну как, снаружи, наверное, было холодновато? – спросил его все тот же молодой парень.

– Очень холодно, – ответил Гай.

– А я тут обыскался, думаю, кто это мог взять мою щетку.

Утомленный прогулкой. Гай снова лег на койку. Его нога в гипсе болела больше, чем когда бы то ни было после ушиба. Через некоторое время молодой парень принес ему чай.

– Взял вам в канцелярии командира эскадрильи кое-что почитать, – сказал он, подавая Гаю два до неузнаваемости потрепанных иллюстрированных журнала, которые, видимо, в соответствии с их весьма давним первоначальным предназначением все еще назывались «комиксы», но которые, судя по цене, было бы вернее назвать теперь «грошовые ужасы», ибо все иллюстрации были одинаково ужасающими.

Над баракком раздался рев совершающего посадку самолета.

– Это учебный самолет для прыжков с парашютом? – спросил Гай.

– Не знаю, я в этом не разбираюсь.

– Будь добр, выйди и узнай, пожалуйста, не получил ли кто-нибудь травмы.

– О, мне таких вещей никто не скажет. Я думаю, они и сами-то этого не знают. Летчики просто сбрасывают парашютистов и возвращаются на аэродром. А тела уже подбирают наземные команды.

Гай стал рассматривать комиксы командира эскадрильи.

Где бы ни появлялся де Сауза, он неизменно сеял необоснованное беспокойство и волнение.

Лишь немногие другие события могли бы вызвать сострадание Джамбо с такой силой, с какой оно было вызвано сообщением о том, что алебардист попал в руки военно-воздушных сил. Никто из знавших Джамбо недостаточно не подозревал в нем человека быстрых действий. В случае с делом Гая он моментально переменял обычный для себя спокойный аллюр и перешел с рыси на карьер. На машине из Лондона в Эссекс на максимальной скорости мчался не только сам Джамбо, но и ею шофер и денщик. Во второй машине, не отставая от первой, мчались начальник медицинской службы транзитного лагеря со своим денщиком, а позади них – еще одна машина – «скорая помощь» со всем своим экипажем. Были составлены и подписаны предоставляющие соответствующие права документы и соответствующий отпускной билет; в госпитале быстро собрали одежду Гая, а в учебном центре – его остальное имущество. Затем все в том же темпе из аэродромного пункта неотложной медицинской помощи забрали самого Гая и доставили его в Лондон. Он оказался в своей тихой комнате еще до того, как де Саузу, Джилпина и еще девять «клиентов» посадили в автобус и повезли в распределительный центр.

Утром следующего дня капитан Фримантл явился в кабинет начальника с намерением доложить ему о текущих секретных

документах. Майор сидел за своим дубовым письменным столом, на отполированной поверхности которого, там, где обычно лежала раскрытая тетрадь, на страницы которой он записывал осенявшие его мысли, сейчас не было ничего, кроме китайского мопса. Людович тщетно пытался привлечь внимание песика, подталкивая к его мордочке или шарик для пинг-понга, или клубок ниток, или канцелярскую резинку.

– Как вы намерены назвать щенка, сэр? – спросил капитан Фримантл подобострастным тоном, который обычно вызывал у Людовича пренебрежение. На этот раз начальник встретил Фримантла более приветливо.

– О, вы знаете, я уже много думал об этом. Капитан Клэр звал свою собаку Фридой. Но это имя исключается, потому что у него была сука, а у меня – кобель. Я знал одного пса, которого звали Трупер, но это был огромный пес, совсем не похожий на моего мопса. – Людович с неприязнью взглянул на принесенные Фримантлом документы. – Работа, – сказал он. – Опять эта рутина. Ну хорошо, положите их вот сюда. – Он нежно, как младенца, перенес щенка со стола в корзину. – Лежи здесь, – сказал он. – Твоему папочке надо зарабатывать тебе на обед.

Капитан Фримантл отдал честь и вышел. Людович разыскал соответствующие бланки и начал писать заключения о подготовке «клиентов».

«Де Сауза О.К.», – прочитал он в докладе о результатах подготовки «клиентов» и сразу же написал свое краткое заключение: «Вышеупомянутый офицер удовлетворительно закончил курс и рекомендуется к использованию в боевых операциях».

О Джилпине он написал: «Первоначальные страх и нежелание прыгать с парашютом в ходе дальнейшей подготовки преодолены, но с очевидным усилием. Твердость характера этого офицера рекомендуется подвергать проверке и в дальнейшем».

Доклад о Гае Людович намеренно рассматривал последним. Главный инструктор написал о нем: «Н.К.Ч.Н.Г. Слишком стар. Желание велико, но физически слаб». Людович задумался, подыскивая в уме слова, которыми можно было бы выразить решение, созревшее у него заранее. Наконец он написал: «Небольшой несчастный случай, отнюдь не являющийся результатом слабого физического развития или

невнимательности этого офицера, не позволил ему закончить полный курс обучения. Однако он проявил столь выдающиеся способности, что рекомендуется для немедленного использования в операциях без дальнейшей подготовки».

Людович поставил на документах гриф: «Совершенно секретно» и сложил их пополам, запечатав в серию конвертов и вызвав своего заместителя.

– Ну вот, – сказал он, обращаясь к своему песику, – твой папочка закончил эту проклятую, изнурительную работу. А ты, наверное, подумал, что я совсем забыл тебя, а? Наверное, ревнуешь меня ко всем этим отвратительным людям?

Когда капитан Фримантл вошел в кабинет, он увидел, что Людович держит мопса на груди, прижимая его к себе застегнутыми пуговицами мундира так, что из-под бортов торчит только ослепительно белая голова щенка.

– Я придумал, как назвать его, – сказал Людович. – Вам может показаться, что это самое обычное имя, но для меня оно связано с очень горькими воспоминаниями. Я буду звать его Фидо.

В течение приближавшегося к концу года Джамбо относился к Гаю не как к любящему приключения безрассудному офицеру с временным чином, а как к закаленному алебардисту, которого, как самого Джамбо, несправедливо, жестоко и бессердечно перевели на второстепенную роль. Транзитный лагерь, несмотря на искреннее желание Джамбо обеспечить в нем для Гая привилегированные условия, был далеко не идеальным местом для больного, прикованного к постели. Лагерь был прекрасным местом, чтобы уходить из него рано утром и возвращаться туда поздним вечером. Но проводить в нем дни и ночи, особенно в положении Гая, который почти не смыкал глаз из-за острой пульсации и ощущения тяжести в ноге, обремененной гипсовой повязкой, было просто невыносимо. Два первых дня, освобожденный от оглушительной джазовой музыки и от чрезмерного внимания молодого парня в аэродромном пункте неотложной помощи. Гай чувствовал себя сравнительно хорошо. Затем на него напала тревожная меланхолия, и это не ускользнуло от внимания Джамбо.

– Вам надо бы побольше видеться с людьми, – сказал как-то Джамбо. – В некоторых отношениях здесь, конечно, скучно и неудобно. Женщины в лагере бывают очень редко. В сущности, гражданским вход сюда вообще запрещен. А у вас нет таких, у кого вы могли бы временно пожить? Деньги на аренду квартиры выписать проще всего.

Гай призадумался. Артур Бокс-Бендер? Вряд ли он обрадуется Гаю. Кирсти Килбэннок? У нее живет Вирджиния.

– Нет, – ответил он, – по-моему, таких нет.

– Жаль. А что, если я пошлю письмецо в ваш клуб? Ваш швейцар, может быть, пришлет когонибудь навестить вас. Кстати, как ваша нога сегодня?

Травма у Гая была несерьезной: видимо, что-нибудь треснуло, что-нибудь слегка сдвинулось с места. Чувствовал он себя лишь немногим хуже, чем после того памятного вечера в алебардийском казарменном городке с приглашением гостей. Однако ему было очень

трудно передвигаться, и, конечно, мешала боль. Икра и лодыжка ноги вспухли, – вероятно, от слишком тугой гипсовой повязки.

– Я думаю, мне будет намного легче без этой вот штуки, – сказал Гай, показывая на гипс.

– А Кто вам наложил ее?

– Какой-то доктор в госпитале военно-воздушных сил.

– Надо как можно скорее снять ее, – согласился Джамбо. – Я сейчас же пришлю вам нашего эскулапа.

Вскоре к Гаю пришел прикомандированный к лагерю майор медицинской службы сухопутных войск, занимавший одну из наиболее спокойных должностей в этой весьма занятой службе. Он принес с собой ножницы и старательно снял повязку.

– Я уверен, что все будет в полном порядке, – сказал он. – Им следовало бы выслать мне рентгеновские снимки, но они, конечно, не догадались сделать это. Ну как, без повязки вам лучше, правда?

– Намного лучше.

– Это очень важно, если вам так действительно лучше. По-моему, вам необходимы тепловые процедуры. Я пришлю санитару с лампой.

Однако перевоплощение флорентийского соловья не состоялось. Опухоль на икре и лодыжке слегка уменьшилась, а колено, наоборот, вспухло. Вместо постоянной ноющей боли Гай страдал от частых мучительных спазм, если поворачивался в кровати. Но в целом эти боли для него были предпочтительнее.

Непосредственным результатом обращения Джамбо в клуб «Беллами» был визит лейтенанта Пэдфилда. Он приехал утром, когда большая часть мужчин и женщин в Лондоне создавали видимость занятости или в самом деле были заняты. Пэдфилд принес свежий номер «Севайвэла» и стаффордширскую фаянсовую фигурку мистера Глэдстоуна; кроме этого у него был в руках замечательный букетик хризантем, но это, разумеется, не для Гая.

– Я заглянул к вам по пути в «Дорчестер», – пояснил он. – У Руби вчера вечером произошло довольно неприятное событие. Один из наших здешних генералов – большой поклонник Питера Пэна. Руби пригласила его на обед, чтобы познакомить с сэром Джеймсом Барри. Я тоже получил ее приглашение. Меня очень удивило, что Барри еще жив. Он ведь совершенно определенно умер. Мы прождали его целый час, и, когда Руби позвонила наконец, чтобы несли обед, ей сказали,

что прислуги в отеле нет и что объявлена воздушная тревога. «Вот поэтому его и нет, – сказала Руби. – Он ушел в бомбоубежище. Смешно. В его-то возрасте». Таким образом, никакого обеда не состоялось, генерал расстроился. Руби тоже.

– А вы действительно ведете очень хлопотливую и напряженную жизнь, Лут.

– Говорят, что в Нью-Йорке тоже все время происходят такие вещи. Все личные секретари, ведающие приемами и приглашениями, находятся в Вашингтоне. Поэтому я думаю, что букетик цветов...

– Вы и фигурку мистера Глэдстоуна взяли бы к ней, Лут. Очень приятно, конечно, что вы принесли ее, но, видите ли, мне некуда поставить ее.

– По-вашему, она понравится Руби? У нес большей частью французские вещи.

– Ее муж был членом кабинета при премьерере Аскуите.

– О да, конечно. Я забыл. Это, разумеется, меняет дело. Ну ладно, мне надо ехать. – У дверей он остановился, нерешительно размышляя о фаянсовой фигурке. – Глонобэны шлют вам свои соболезнования.

– Я их не знаю.

– И ваш дядя Перегрин тоже. Очень интересный человек... Вы знаете, Краучбек, по-моему, эта фигурка не впишется в комнату Руби.

– Тогда отдайте ее Гленобэнам.

– А они либералы?

– Мне кажется, да. Многие шотландцы – либералы.

Наконец лейтенант отправился наносить свой визит, оставив Гая с «Севайвэлом».

Это был номер, который сжевал маленький Фидо. Он был отпечатан задолго до того, как Эверард Спрюз получил рукопись Людовича. Гай переворачивал страницы журнала без особого интереса. По его мнению, журнал был под стать и, пожалуй, даже по своему превосходил комиксы командира эскадрильи, особенно по части иллюстраций. Во времена заигрывания с марксистами Эверард Спрюз скрывал дискредитирующее его предпочтение Фрагонара Леже путем отрицания всякого интереса к графическому искусству, энергично и правильно утверждая, что рабочие в безразличии к этому искусству находятся далеко позади него самого. «Посмотрите на Россию», – говорил он, бывало. Однако в ранние дни «Севайвэла», еще

до союза с Россией, министерство информации указывало, что, поскольку Гитлер провозгласил «образную живопись», защита космополитических авангардистов стала в Англии обязанностью всякого патриота. Спрюз согласился с этим безоговорочно, в результате чего «Севайвэл» стал довольно часто давать художественные приложения, которые подбирали Коуни и Фрэнки. Было такое приложение и в данном номере журнала: десять плянцевых страниц с различными каракулями. Просмотрев их, Гай перешел к очерку эмигранта-пацифиста Парснипа, прослеживавшего духовное сходство Кафки и Клаа. Гай не знал ни того, ни другого.

Следующим его навестил дядюшка Перегрин.

У дядюшки Перегринна, как и у лейтенанта Лута, свободного времени было хоть отбавляй. Он не принес никакого подарка, считая, что самого факта его появления здесь уже вполне достаточно. Он сел у койки Гая, не выпуская из рук зонтика и мягкой поношенной шляпы, и, укоризненно посмотрев на своего племянника, сказал:

– Тебе надо быть более осторожным, особенно теперь, когда ты стал главой семьи.

Перегрин был на пять лет моложе отца Гая, но выглядел он намного старше – несовершенное и плохо обработанное литье из одной и той же формы.

Лейтенант Лут назвал Перегринна Краучбека интересным человеком, и это суждение, несомненно, было уникальным. Конечно, это был человек с широким кругозором, хорошо начитанный, повидавший мир, полно и точно осведомленный во многих неясных для других вопросах, разборчивый коллектор всяких безделушек; человек, очень красиво одевавшийся на время исполнения своих обязанностей в католическом суде, но тем не менее человек, которого старались избегать даже те, кто разделял его интересы. Дядюшка Перегрин являлся примером не поддающейся четкому определению нечувствительности, которую Гай нередко замечал и у себя, – мрачная напряженность и замкнутость, которые довели Айво до умопомешательства и страшная мысль о которых преследовала Бокс-Бендера, когда он изучал письма своего сына из лагеря для военнопленных.

В 1915 году, в первый день пребывания в Дарданеллах, дядюшка Перегрин подхватил сложную форму дизентерии и всю остальную

войну провел в качестве личного адъютанта губернатора колонии, который неоднократно, но безуспешно посылал телеграммы с просьбой об отзыве Перегрин. В двадцатых годах Перегрин бездельничал на дипломатической службе в качестве почетного атташе. Однажды в том же посольстве в ранге первого секретаря появился Ральф Бромптон, который попытался устроить его в канцлерское отделение Высокого суда правосудия Великобритании, и тоже безуспешно, потому что Перегрин был слишком высокого мнения о себе; из этого инертного элемента нельзя было высечь ни единой искорки. В течение десяти лет после снижения курса фунта стерлингов дядюшка Перегрин жил в Лондоне в старомодной квартире рядом с Вестминстерским кафедральным собором, где, надев тот или иной наряд, он иногда помогал выполнять ту или другую функцию. Возможно, для такого любознательного иностранца, каким был лейтенант Лут, Перегрин действительно представлял какой-то особый интерес. Нигде, кроме Англии, и ни в какое другое время, кроме своего, Перегрин появиться не мог.

Дядюшка Перегрин очень любил войну. За свою жизнь, когда падали бомбы, он нисколько не боялся. Его очень радовало то обстоятельство, что многие из его предсказаний в области внешней политики оправдывались. Позднее он подыскал себе подходящую работу. В те времена в разгаре было движение «за спасение», в ходе которого граждан призывали освободить свои полки от книг, чтобы превратить их в пульпу для изготовления из нее официальных бланков и для таких публикаций, как «Севайвэл». Благодаря этому движению успели исчезнуть многие редчайшие и ценнейшие тома, и только после этого министерству пришла в голову мысль, что продать их было бы гораздо выгоднее. Немедленно была создана комиссия, чтобы решить, что из обреченного на переработку в пульпу еще можно спасти; пожилые мужчины и женщины в поте лица своего рылись в связках книг и отбирали те из них, которые следовало спасти, оценить и продать. Как и во всех других делах, дядюшка Перегрин был скрупулезно честен, но он воспользовался прерогативой преимущественного права покупки, которым пользовались держатели киосков благотворительных базаров. Он неизменно просил какого-нибудь коллегу оценить то, что хотел купить, и, если цена оказывалась сходной, платил ее и откладывал книгу для себя. Таким образом его

небольшая библиотека пополнилась всего какими-нибудь двадцатью томами, но каждый из них был истинным сокровищем библиофила. Дядюшка Перегрин приобрел эти тома по ценам, превалировавшим, как помнят любители книг, в небогатые последние мирные годы.

– Мой протеже – молодой американец – сообщил мне, что ты здесь, – продолжал дядюшка Перегрин. – Ты, наверное, помнишь, как мы познакомились с ним. А место-то здесь не очень хорошее, – добавил он, критически осматривая комнату Гая. – Раньше я об этом доме, кажется, ничего не слышал.

Он поинтересовался состоянием травмированного колена Гая и тем, как его лечат.

– А кто лечащий врач? – спросил он.

– Майор Бленкинсон.

– Майор Бленкинсон? Кажется, я никогда не слышал о нем. А ты уверен, что он разбирается в этом деле? Настоящих специалистов по колену очень мало. – Он рассказал о травме своего колена, полученной им много лет назад на теннисной площадке в Бордегаре. – Лечивший меня врач ничего не смыслил в колене. С тех пор оно у меня так и не пришло в норму. – Он взял «Севайвэл», просмотрел иллюстрации и заметил без злобы: – Э-э, все этот стиль *модерн*. – Затем перешел к разделу «государственные дела». – Ужасные новости с восточного фронта. Большевики опять продвигаются. Немцы, кажется, не в состоянии остановить их. Я скорее бы предпочел видеть в Европе японцев, у них, по крайней мере, есть император и какая-то религия. Если верить газетам, то мы к тому же еще и помогаем большевикам. Поистине мир сошел с ума.

После небольшой паузы он продолжал:

– Я ведь пришел пригласить тебя. Почему бы тебе не перебраться ко мне на квартиру и не побыть там до выздоровления? Места там много; миссис Корнер все еще у меня, готовит, как может, из пайков. Лифт работает, а сейчас ведь многие дома лишены этого. Там у нас в соборе голландский монах-доминиканец – это не значит, конечно, что я одобряю доминиканцев вообще, – устраивает действительно интересные рождественские собрания. Ты сможешь убедиться, что ходом войны он совершенно недоволен. И вообще, там тебе будет гораздо лучше, чем здесь. Я по вечерам большей частью дома, –

добавил он, как будто это обстоятельство было чрезвычайно привлекательным.

Гай не отверг сразу предложения, видимо, из-за своего меланхолического настроения; фактически, он принял его.

Джамбо позаботился о санитарной машине, и Гая доставили к новому месту жительства. Лифт, как и обещал Перегрин, работал, и Гая подняли в большую, мрачную, тесно заставленную мебелью квартиру. Экономка миссис Корнер приняла его как раненного на фронте солдата.

Не очень далеко от того места, где находился теперь Гай, полковник Грейс-Граундлинг-Марчпоул изучал доложенный ему для утверждения документ.

– Краучбек? – спросил он. – А у нас есть досье на него?

– Да, в деле Бокс-Бендера.

– Да, да, я помню. И шотландские националисты.

– И священник в Александрии. Ничего особенного на него с тех пор не поступало.

– Возможно, он потерял связь со своим руководством. Хорошо, что мы не арестовали его в то время. Если мы позволим ему сейчас попасть в Италию, он может навести нас на неофашистскую шпионскую сеть.

– Но следить за ним там будет не легко. Необходимые меры безопасности в Восьмой армии соблюдаются далеко не всегда.

– Нет. Это спорный вопрос. В целом можно сказать, что соблюдаются.

Полковник написал: «Для секретной работы в Италии этот офицер рекомендован быть не может» – и перешел к следующей фамилии – де Сауза.

– Член коммунистической партии с хорошей репутацией, – сказал он. – Очень кстати в данный момент.

Комната, в которой Гаю предстояло провести шесть недель и принять важное решение, за весь период проживания в этой квартире дядюшки Перегриня занималась всего несколько раз. Окно выходило

на кирпичную стену. Комната была обставлена мебелью, вывезенной из Брума. Гай лежал на огромной старинной кровати, украшенной медными шарообразными шишками. Здесь Гаю нанес очередной визит майор Бленкинсон.

– Опухоль все еще не спадает, – констатировал он. – Единственное средство – это держать ногу вверх.

Во время первых дней пребывания на новом месте у Гая побывало несколько посетителей; среди них был Йэн Килбэннок.

После двадцати минут бесцельной болтовни он спросил:

– А ты помнишь Айвора Клэра?

– Да, помню.

– Он сейчас с чиндитами в Бирме. Удивительно, правда?

Гай вспомнил, как впервые увидел Айвора в Боргезских садах.

– Ничего удивительного.

– Слухи доходят до Дальнего Востока только через некоторое время. А может, ему уже надоели вице-королевские круги?

– Айвор не верит в жертвы. Да и кто верит-то в наше время? Но он обладает сильным желанием выиграть.

– Я не представляю себе ничего более жертвенного, чем таскаться по джунглям с этими головорезами. Не знаю, что именно он намеревается выиграть там.

– Было время, когда Айвор мне очень нравился.

– О, мне он и *сейчас нравится*. Все уже забыли его ошибку на Крите. Именно поэтому-то и странно, что он выдает сейчас себя за героя.

Когда Йэн ушел, Гай долго размышлял о полной противоположности между желанием принести себя в жертву и желанием выиграть. Это, казалось, в какой-то, пусть еще неопределенной мере имело отношение лично к нему и его положению. Он еще раз перечитал письмо отца, которое всегда носил с собой: «...Господь бог никогда не становится в позу и не подчеркивает своего превосходства. Он принимает страдания и несправедливости... Количественные критерии здесь неприменимы...»

В это время проходила Тегеранская конференция, на которой количественные критерии имели первостепенное значение.

В конце первой недели декабря 1943 года, как свидетельствуют исторические записи, мистер Уинстон Черчилль показал мистеру Рузвельту сфинкса. Ободренные уверенностью своих военных советников в том, что немцы капитулируют этой зимой, два могущественных пожилых джентльмена обошли вокруг колосса, молча наблюдая, как вечерние тени смягчают черты этого древнего изваяния. Несколькими часами позднее то же самое солнце скрылось за горизонтом и в Лондоне, не с такими контрастными световыми тенями, как в пустыне, а постепенно тускнея в пелене дождя и оставляя в темноте мокрые неосвещенные мостовые города. В этот час с почти таким же самодовольным и мыслящим выражением на лице, с каким лидеры «Свободного мира» созерцали сфинкса, дядюшка Перегрин, стоя у раскрытой двери, созерцал женщину, нажавшую на кнопку звонка его квартиры.

– Я пришла повидаться с Гаем Краучбеком, – сказала она.

На лестничной площадке было темно. Коридор был освещен очень слабо. Дядюшка Перегрин считал затемнение важной мерой и строго и неукоснительно соблюдал все относящиеся к этой мере правила.

– А он ожидает вас?

– Нет. Я только что узнала, что он здесь. Вы не помните меня? Вирджиния.

– Вирджиния?

– Вирджиния Краучбек, по тому времени, когда вы знали меня.

– О! – воскликнул дядюшка Перегрин. – В самом деле? Это вы? – Практически он никогда не смущался, но, если до сознания Перегрин доводился какой-нибудь новый, неизвестный факт, на его усвоение ему требовалось некоторое время. – Сегодня ужасная погода, – продолжал он. – Надеюсь, вы не промокли на пути сюда?

– Я приехала на такси.

– Отлично. Вы уж простите, что я не узнал вас. А вы действительно уверены в том, что Гай захочет увидеть вас?

– Почти на сто.

Дядюшка Перегрин закрыл входную дверь и сказал:

– Я был на вашей свадьбе. А после этого мы встречались с вами?

– Один или два раза.
– Вы уехали в Африку. Потом мне кто-то говорил, что вы уехали в Америку. А теперь вы хотите видеть Гая?

– Да, пожалуйста.

Он провел Вирджинию в гостиную.

– Вы найдете здесь много интересных вещей, – сказал он, словно предсказывая длительное ожидание. – Разумеется, если вы интересуетесь редкими вещами.

Он прикрыл за собой дверь. Войдя в комнату Гая, он, прежде чем начать разговор, прикрыл дверь и в нее.

– Там пришла молодая дама. Говорит, что твоя жена.

– Вирджиния?

– Да, так она назвала себя, по крайней мере.

– Хорошо. Пошлите ее сюда.

– А ты *хочешь* увидеть ее?

– Очень хочу.

– Если что-нибудь произойдет, ты позвони. Миссис Корнер уже ушла, но я услышу твой звонок.

– А что, собственно, вы имеете в виду, дядюшка?

– Да *что угодно*. Ты же знаешь, на что способны женщины.

– А вы *сами-то* знаете, дядюшка?

Дядюшка задумался на несколько секунд, затем согласился:

– Да, кажется, ты прав. Пожалуй, не знаю.

Затем он вышел, привел Вирджинию и оставил мужа и жену вдвоем.

На то, чтобы принять подобающий внешний вид, Вирджиния затратила немало труда. Кирсти дома не было, она ушла праздновать день святого Николаев в частной подготовительной школе своего сына, поэтому Вирджинии пришлось позаимствовать одежду, которую она недавно продала Кирсти, без разрешения. Ни признаков беременности, ни каких-либо других существенных перемен в ее внешности с тех пор, как они виделись в последний раз. Гай не заметил. Она решительно подошла к кровати, поцеловала его и сказала:

– О, дорогой, как долго мы не виделись!

– С четырнадцатого февраля сорокового года, – уточнил Гай.

– Неужели так давно? А почему ты запомнил число?

– Это был важный день в моей жизни – плохой день, критический... Я слышал о тебе. Ты работаешь в конторе Йэна и живешь у него и Кирсти.

– А еще что-нибудь слышал? Что-нибудь довольно отвратительное?

– Ходят разные слухи...

– О Триммере?

– Йэн что-то говорил о нем.

– Он говорил все правильно. – Вирджиния вздрогнула от отвращения. – И чего только не происходит с человеком? Во всяком случае, с этим покончено, но жизнь у меня до сих пор безотрадная. Уж лучше бы мне было остаться в Америке. Сначала все это представлялось веселой забавой, но длилась она недолго.

– Я убедился в этом, – сказал Гай. – Не совсем тем же путем, правда... Последние два года была такая же скука, как и в мирное время.

– Ты мог бы заглянуть ко мне.

– Я вел себя очень глупо во время нашей последней встречи, помнишь?

– О, ты *об этом* ... – сказала Вирджиния пренебрежительно. – Если бы ты только знал, как отвратительно ведут себя в таких случаях другие! *Все это* забыто, будь спокоен.

– Но я-то не забыл.

– Ну и глупо.

Вирджиния придвинула к кровати стул, закурила сигарету и нежно спросила Гая о ранении.

– Какой ты храбрый! – восторженно заметила она. – Ты действительно мужественный человек. *Прыгнуть с парашютом!* Я умираю от страха только оттого, что нахожусь в самолете, не говоря уже ни о каких прыжках. – После короткой паузы она добавила: – Я ужасно опечалилась, когда узнала о смерти твоего отца.

– Да. Я всегда надеялся, что он проживет дольше. Его здоровье пошатнулось лишь за несколько месяцев до кончины.

– Мне, конечно, хотелось увидеть его. Но, по-моему, он не пожелал бы этого.

– Он давно уже перестал ездить в Лондон, – сказал Гай.

Вирджиния впервые окинула взглядом темную комнату Гая.

– А почему ты здесь? – спросила она. – Йэн и Кирсти говорят, что ты стал теперь богатым.

– *Пока* еще нет. Адвокатам все еще не до моих дел. Однако в конечном итоге мое финансовое положение, кажется, немного улучшится.

– А у меня – полнейший крах.

– На тебя это совсем не похоже.

– О, ты еще убедишься, что я переменялась во многих отношениях. Послушай, а как бы мне развлечь тебя? Мы, помнится, любили играть с тобой в пикет?

– Не играл уже много лет. Да и карт в этом доме, кажется, нет.

– Завтра я принесу их. Хочешь?

– Приноси, если придешь.

– Конечно, обязательно приду. Если ты не возражаешь, разумеется.

Гай не успел еще ответить ей, как дверь открылась и в комнату вошел дядюшка Перегрин.

– Я просто интересуюсь, не нужно ли вам что-нибудь, – сказал он.

Что его беспокоило? Подозрение в возможности убийства? Сворачивания? Он стоял, внимательно созерцая их – так же, как те два лидера великих держав созерцали сфинкса, – не рассчитывая на участие в разговоре, но подсознательно ощущая существование проблем, решение которых лежало за пределами его возможностей. Им двигало также и более простое чувство – желание еще раз взглянуть на Вирджинию. Он не привык к таким посетителям, а Вирджиния к тому же обладала какой-то необъяснимой притягательной силой. Начитанный, повидавший мир, хорошо осведомленный во всем, он был тем не менее каким-то посторонним в этом мире. Он редко в прошлом понимал шутки, которые отпускал на его счет Ральф Бромптон. Вирджиния была греховной женщиной, роковой женщиной, приведшей к упадку семью Краучбеков; и, что еще важнее, дядюшка Перегрин считал ее главной виновницей. Не ему, конечно, разбираться в трудно различимых причинах неудачи. Вырождения и отчаяния; для этого нужно обладать куда более острым зрением, чем у него. За время, прошедшее с того момента, как дядюшка Перегрин проводил Вирджинию в комнату Гая, он и не

пытался возобновить чтение, которым был занят до ее прихода. Он стоял у газового камина и размышлял над тем немногим, что запечатлелось в его воображении в результате нескольких беглых взглядов на Вирджинию. Он вернулся в комнату Гая, чтобы убедиться в безошибочности своих впечатлений о ней.

– Боюсь, что выпить у меня ничего не найдется, – сказал он.

– Боже мой, зачем же! Это совсем не обязательно.

– У Гая, по-моему, частенько бывает джин.

– Все выпито, – сказал Гай. – Теперь он у меня будет только после следующего визита Джамбо.

Дядюшка Перегрин стоял как очарованный. Ему явно не хотелось удаляться. Неудобное положение разрядила Вирджиния.

– Ну, мне надо идти, – сказала она, хотя торопиться ей было совершенно некуда. – Но я еще приду и теперь знаю, что привести с собой. Карты и джин. Ты заплатишь за них, Гай, правда ведь?

Дядюшка Перегрин проводил Вирджинию до двери, затем вошел вместе с ней в лифт; он постоял рядом с ней на неосвещенных ступеньках крыльца, озабоченно всматриваясь в темноту и дождь.

– Как же вы пойдете? – спросил он. – На Виктории, возможно, есть такси.

– Мне только до Итон-терэс. Я пойду пешком.

– Это далеко. Может быть, мне проводить вас?

– Не говорите глупостей, – ответила Вирджиния, спускаясь по ступенькам под дождь. – Завтра увидимся.

Дядюшка Перегрин был прав: путь был действительно не близкий. Вирджиния шагала по улицам смело, освещая себе путь на перекрестках фонариком. Даже в такой ненастный вечер позади каждой двери стояли обнимающиеся и целующиеся пары. Дома, когда Вирджиния наконец добралась до него, никого не было. Она повесила пальто так, чтобы оно высохло. Потом простирнула свое белье. Затем подошла к буфету, в котором, как ей было известно, Йэн хранил коробочку со снотворными таблетками. Кирсти никогда не нуждалась в таких таблетках. Вирджиния проглотила две и, погрузившись в глубокий сон, не слышала даже воя сирен, предупреждавших об отдаленном беспокоящем воздушном налете противника.

В доме на Карлайл-плейс дядюшка Перегрин вернулся в комнату Гая.

– Видно, теперь это совершенно обычное явление, когда разведенные встречаются как друзья? – спросил он.

– В Соединенных Штатах, по-моему, так заведено с давних времен.

– Да. И она ведь жила там довольно долго, правда? Этим и объясняется ее приход. А как ее фамилия?

– Кажется, Трой. Такую она носила, по крайней мере, во время нашей последней встречи.

– Миссис Трой?

– Да.

– Смешно звучит. А ты уверен, что Трой, а не Тройти? Рядом с нами живет семья с фамилией Тройти.

– Нет. Такая же, как у Елены Троянской.

– А-а... Да, да, совершенно верно, – согласился дядюшка Перегрин. – Как Елена Троянская. Очень яркая женщина. А почему она упомянула об оплате карт и-джина? Она что же, не богата?

– Да. Теперь не располагает ни одним лишним пенсом.

– Какая жалость, – сказал дядюшка Перегрин. – А по внешнему виду никак не подумаешь, правда?

Когда Вирджиния пришла вечером следующего дня, она назвала дядюшку Перегриня просто Перегрином; он возмутился, но, не показывая вида, проводил ее в комнату Гая. Он пронаблюдал, как она распаковала сверток, поставила на прикроватный столик бутылку джина и бутылку ликера и положила рядом с ними колоду игральные карты. Перегрин настоял на том, что оплатит ее покупки, как будто это доставляло ему особое удовольствие. Он сходил в столовую и принес стаканчики. Он не пил джин и не участвовал в игре в пикет, но и на этот раз долго оставался в комнате как зачарованный. Когда он наконец оставил их вдвоем, Вирджиния сказала:

– Какой забавный старикашка! Почему же ты не познакомил меня с ним раньше?

Вирджиния приходила каждый день и сидела с Гаем иногда по полчаса, а иногда и по несколько часов, незаметно приучая его к своему присутствию. Она легко добилась того, что для Гая ее приход в эти скучные и однообразные дни стали желанным и что он ждал ее появления с нетерпением. Она вела себя, как всякая жена, имеющая кучу других дел и тем не менее посещающая своего прикованного к

постели мужа. Вдвоем они оставались довольно редко. Дядюшка Перегрин с раздражающим напускным лукавством неизменно играл роль старшей придворной дамы. В воскресенье Вирджиния пришла утром и, пока дядюшка Перегрин был в соборе, спросила Гая:

– А ты подумал о том, чем будешь заниматься после войны?

– Нет. Строить какие-нибудь планы сейчас, пожалуй, не время.

– Говорят, что немцы капитулируют еще до весны.

– Я не верю в это. Но если даже капитулируют, это все равно будет только началом других конфликтов.

– О, Гай, мне хотелось бы, чтобы ты смотрел на жизнь повеселее. Впереди нас всегда ожидает что-то хорошее и интересное. Если я думала бы иначе, то просто не смогла бы жить. А какое тебя ожидает наследство?

– Отец оставил что-то около двух тысяч фунтов.

– Боже мой!

– Половина из них – Анджеле, а одна треть государству. Кроме того, в течение нескольких ближайших лет нам придется выплачивать немало пособий. Я буду получать арендную плату за Брум. Это примерно еще триста фунтов.

– Каков же будет общий доход?

– Думаю, что в конечном счете что-то немногим более двух тысяч.

– Особенно не разбежишься.

– Да, не разбежишься.

– Но это все же намного лучше, чем ничего. К тому же у тебя ведь кое-что уже было. А как насчет дядюшки Перегриня? У него ведь тоже есть кое-что. Он оставит это тебе?

– Не имею никакого представления. Кроме того, я должен подумать о детях Анджелы.

– Ну, это-то может и измениться.

На второй завтрак в этот день был фазан. Миссис Корнер, которая восприняла визит Вирджинии без каких-либо комментариев, накрыла стол в столовой на двоих; пока Вирджиния и дядюшка Перегрин долго сидели за столом, Гай неуклюже поглощал свою порцию с подноса и в одиночестве.

На десятый день дядюшка Перегрин не приходил домой до семи часов вечера. Вирджиния уже собралась уходить, когда дверь

открылась и в ней появился дядюшка. Его глаза лукаво искрились.

– Я не видел вас, – сказал он.

– А я скучала без вас.

– Знаете, о чем я подумал? Не выпадет ли сегодня на мою долю такое счастье, что вечер у вас свободный? Мне хочется пойти куда-нибудь с вами.

– Свободна как птица, – сказала Вирджиния. – Это будет чудесно.

– А куда бы вы пожелали пойти? Боюсь, что я не очень-то разбираюсь в ресторанах. Здесь недалеко, напротив вокзала Виктория, есть небольшой рыбный ресторанчик. Я иногда хожу туда.

– А что, если пойти к Рубену? – предложила Вирджиния.

– Боюсь, что я не знаю, где он.

– Вы оставите там все свое состояние! – крикнул Гай со своей кровати.

– Ну *что ты* в самом деле, – сказал дядюшка Перегрин, придя в ужас от этого нарушения приличных манер. – *По-моему*, в присутствии гостя обсуждать такие вещи просто неприлично.

– Конечно, оставите, – сказала Вирджиния. – Гай абсолютно прав. Я просто попыталась вспомнить какое-нибудь уютное местечко.

– Ресторанчик, о котором я говорил, это очень тихое и уютное место. Он всегда поражал меня своей скромностью.

– *Скромностью?! Боже!* По-моему, я за всю свою жизнь не бывала в скромных ресторанах. Чудесно!

– И уж коль скоро зашла речь об этих корыстных вещах, – добавил дядюшка Перегрин, бросив укоризненный взгляд на племянника, – позвольте мне заверить вас, что это вовсе *не дешевый* ресторан.

– Пошли. Я не хочу больше ждать, – сказала Вирджиния.

Гай проследил за уходом этих совершенно не подходящих друг для друга людей с некоторым удивлением и не без досады. Если Вирджиния была свободна в этот вечер, рассудил, он, она должна была бы остаться с ним.

Они шли к ресторану сквозь влажную темноту. Вирджиния опиралась на руку дядюшки Перегрин. Когда на перекрестках или на поворотах он пытался, следуя старомодному этикету, занять более опасную сторону по отношению к движущемуся транспорту, Вирджиния решительно противилась этому, продолжая опираться на одну и ту же руку Перегрин. Вскоре они приблизились к рыбному

магазину и, поднявшись по боковой лестнице на второй этаж, вошли в расположенный там ресторан. Незнакомая Вирджиния, но хорошо известная ненавязчивым, но разборчивым людям длинная комната с редко расставленными столами постепенно пропадала из видимости в слабом свете затемненных розовыми абажурами ламп времени Эдуардов. Перегрин Краучбек сбросил с себя пальто и шляпу, вручил свой зонт старомодному швейцару и сказал не без некоторого напряжения:

– Вы, наверное, хотите, так сказать, помыть руки и привести себя в порядок. Дамская комната, как я полагаю, где-то вон там, вверх по лестнице.

– Нет, спасибо, – сказала Вирджиния и добавила, когда их уже провожали к столу: – Перегрин, вы раньше когда-нибудь бывали с дамой в ресторане?

– Да, конечно.

– С кем? Когда?

– Некоторое время назад, – ответил дядюшка Перегрин довольно неуверенно.

Они заказали устрицы и белокорый палтус. Вирджиния сказала, что хотела бы выпить крепкого портера. Затем она спросила:

– Почему вы прожили всю жизнь холостяком?

– Я – младший сын в семье. Младшие сыновья в мое время не женились.

– О, чепуха! Я знаю сотни женатых младших сыновей.

– Это считалось довольно эксцентричным для землевладельцев, если, конечно, они не подыскивали себе богатую наследницу. У них не было никаких поместий. Они жили в небольших домиках, которые полагалось возвращать фамильным наследникам, то есть их племянникам или другим младшим сыновьям. Младшие сыновья всегда находились, если глава семьи умирал молодым. В прошлой войне они оказались очень полезными. В некоторых отношениях наша семья, пожалуй, была очень старомодной.

– А вам когда-нибудь хотелось жениться?

– Нет, пожалуй, нет.

Эти прямые вопросы личного порядка нисколько не смутили дядюшку Перегрин. Практически он был невозмутим. Никто еще, насколько он помнил, никогда не проявлял к нему такого большого

интереса. Разговор продолжал нравиться ему даже после того, как Вирджиния спросила без обиняков:

– И много было любовных связей?

– О нет, боже упаси!

– Надеюсь, вы не гомик?

– Гомик?

– Вы не гомосексуалист?

Даже этот вопрос не смутил дядюшку Перегринна. С мужчинами он обсуждал эту тему очень редко, с женщиной – никогда. В откровенности же Вирджинии было что-то такое, что по-детски подкупающе привлекало его.

– О нет, боже упаси!

– Я-знала, что нет. И всегда так думала. Просто пошутила над вами.

– Раньше со мной никто *так* не шутил. Но однажды, когда я находился на дипломатической службе, мне довелось знать парня, который слыл гомосексуалистом. В этом, по-видимому, нет ничего особенного. Он дослужился до ранга посла. Это был довольно тщеславный и модный парень. По-моему, именно из-за этого люди и говорили о нем как о гомосексуалисте.

– Перегрин, а вы когда-нибудь лежали в постели с женщиной?

– Да, – самодовольно ответил дядюшка Перегрин, – два раза. Обычно я об этих вещах не рассказываю.

– Ну расскажите...

– Первый раз, когда мне было двадцать, а второй – когда сорок пять. Я не в восторге от этого дела.

– Расскажите мне о них.

– Это была одна и та же женщина.

Спонтанный смех Вирджинии в последние годы можно было слышать все реже и реже; когда-то этот смех был одной из ее главных покоряющих черт. Она откинулась на спинку кресла и расхохоталась в полный голос, безудержным детским смехом, в котором не было и тени насмешки. Звонкий голос Вирджинии нарушил царившую в ресторане строгую тишину; на нее, как по команде, устремились сочувственные и даже завистливые взгляды сидящих за другими столиками. Она положила руку на руку дядюшки Перегринна, конвульсивно сжала его костлявые пальцы и продолжала хохотать до

тех пор, пока едва не задохнулась. Дядюшка Перегрин самодовольно улыбался. Он никогда не пользовался таким успехом. В свое время он, конечно, бывал на приемах, где многие так же вот смеялись, но это был не им вызванный смех, и сам он в нем никогда не участвовал. Он не совсем понимал, чем так развеселил Вирджинию, но тем не менее испытывал от этого огромное удовольствие.

– О, Перегрин, – сказала наконец Вирджиния с неподдельной искренностью, – я люблю вас!

Не опасаясь умалить свою победу длинной тирадой, Перегрин продолжал:

– Я знаю, большинство мужчин увлекаются любовными делами. Некоторые просто не могут без этого, женщины для них – все. Но есть много и других мужчин – вам они, видимо, встречались не так уж часто, – для которых женщины, в сущности, совсем не обязательны, но они, не понимая этого, все же стремятся к ним и в результате половину своей жизни тратят на женщин, которые в действительности им вовсе не нужны. Я могу сказать вам нечто такое, о чем вы, вероятно, не знаете. Есть такие мужчины, которые были в свое время неисправимыми женолюбам, а потом, достигнув моего возраста, потеряли интерес к женщинам, а в некоторых случаях и способность иметь дело с ними, и вот они, вместо того чтобы радоваться и отдыхать, начинают принимать различные медикаменты в надежде возродить желание обладать женщиной. Я слышал в своем клубе, как некоторые обсуждали этот вопрос.

– В «Беллами»? – спросила Вирджиния.

– Да. Я бываю там редко, да и то просто, чтобы посмотреть газеты и журналы. Там теперь стало ужасно шумно и неуютно. Меня зачислили членом, когда я был еще совсем молодым человеком, и я до сих пор плачу взносы, сам не знаю зачем. Я мало кого знаю там. Так вот, однажды я слышал там разговор двух мужчин примерно моего возраста. Вы знаете, о чем они говорили? Они обсуждали, какой доктор скорее и успешнее добивается того, чтобы у его пациентов снова появлялось *желание* обладать женщиной, говорили также о различных дорогостоящих курсах лечения.

– Я знала одного мужчину по имени Огастес, который проходил такой курс.

– В самом деле? И он сам говорил вам об этом? Поразительно!

– А почему же? Разве это не одно и то же, например, если вы идете на прогулку специально для того, чтобы возбудить аппетит перед завтраком?

– Потому что это грешно, – сказал дядюшка Перегрин.

– Грешно – с точки зрения вашей религии?

– Конечно, а как же что-нибудь может быть грешно иначе? – спросил дядюшка Перегрин с необыкновенным простодушием и продолжил свои рассуждения о проблемах секса: – Следует сказать и еще об одном обстоятельстве. Вам стоит только взглянуть на истощенных мужчин, пользующихся успехом у женщин, чтобы понять, что смысла в этом деле очень мало.

Но Вирджиния слушала его уже менее внимательно. Она начала сооружать на своей тарелке пагоду из ракушек от устриц.

– Я *подумываю* о том, чтобы стать католичкой, – сказала она, не отрывая взгляда от тарелки.

Она позволила гильотине упасть неожиданно.

– О, – сказал дядюшка Перегрин, – с какой целью?

– А вы разве не считаете это хорошим желанием?

– Смотря по каким причинам.

– По любым. Разве вообще это не хорошее желание?

Подошедший официант, бросив на Вирджинию укоризненный взгляд, разрушил сооруженную ею пагоду и взял тарелку.

– Ну-ну, говорите же, разве это не хорошее желание? – настойчиво спросила она еще раз. – Чем вы так неожиданно шокированы? Я очень часто и от многих слышала, что католическая церковь – это церковь грешников.

– Для меня она таковой не является, – сказал дядюшка Перегрин.

Официант принес им блюдо с белокорым палтусом.

– Конечно, если вы предпочитаете не обсуждать этот...

– Я, в сущности, не компетентен обсуждать это, – перебил ее дядюшка Перегрин. – Лично я считаю обращение в католики-делом очень сложным.

– О, не надо быть таким высокомерным и пренебрежительным. А что вы скажете насчет леди Плессингтон? Она ведь наверняка считается первоапостолом.

– Мне всегда было нелегко говорить о Элоиз Плессингтон, если речь шла о религии. К тому же она была принята католической

церковью после выхода замуж.

– Правильно.

– А вы, дорогая, не стали католичкой.

– А вы считаете, что все могло бы быть по-иному – я имею в виду себя и Гаю, – если бы я стала католичкой?

Дядюшка Перегрин заколебался. С одной стороны, он признавал теоретическую возможность милости господней, а с другой – хорошо изучил мужчин и женщин, которых ему довелось знать.

– Я в самом деле не компетентен в этом.

Наступило молчание. Дядюшка Перегрин молчал потому, что разговор, к его неудовольствию, зашел совсем не о том, о чем ему хотелось говорить, а Вирджиния – потому, что размышляла над тем, что ей сказать, чтобы продолжить разговор именно в этом направлении. Пока они ели палтуса, официант принес кофе. Засиживаться за столом в те времена было не принято. Наконец Вирджиния сказала:

– Видите ли, Перегрин, откровенно говоря, я рассчитывала на вашу поддержку в осуществлении своего плана. Беспутная жизнь мне порядком надоела. Я хочу возвратиться к мужу.

– К Трою?

– Нет, нет. К Гаю. В конце концов мой настоящий муж – Гай, правда ведь? Я думала, что обращение в католики могло бы помочь мне. Количество разводов в вашей церкви, по-моему, не имеет никакого значения, так ведь? Нам, наверное, придется обратиться в какое-нибудь учреждение записей актов гражданского состояния, чтобы брак был законным, но в глазах бога мы уже в браке, он сам мне сказал так.

– Недавно?

– Нет, не очень.

– И вы считаете, что он желает вашего возвращения?

– Я убеждена, что смогу сделать так, чтобы он пожелал, и очень скоро.

– Да-а, – сказал дядюшка Перегрин, тяжело вздохнув, – это меняет все дело. – Он посмотрел на нее грустным взглядом. – Так, значит, это вы к Гаю приходили все эти дни?

– Конечно. А вы думали к кому?.. О, Перегрин, неужели вы думали, что я имею виды на вас?

– Да, эта мысль как-то приходила мне в голову.

– Вы, наверное, надеялись, что я могу явиться для вас третьей... –

Она употребила нецензурное для тех времен слово, которое, несмотря на его непристойность, не заставило дядюшку Перегринна даже поморщиться. Произнесенное ее губками, оно показалось ему в какой-то мере даже привлекательным. Она была переполнена чувством тонкого юмора и находилась на грани нового взрыва безудержного смеха.

– Что-то в этом роде.

– Но это, без сомнения, было бы грешно?

– Очень даже грешно. Серьезных планов на этот счет я, правда, не строил, но мысль о возможности этого приходила мне в голову довольно часто, даже в те моменты, когда я перебирал книги. Вы могли бы в таком случае поселиться в той комнате, где сейчас Гай. Я не думаю, что миссис Корнер истолковала бы это превратно. В конце концов вы ведь моя племянница.

Вирджиния снова рассмеялась своим самым очаровательным смехом:

– Дорогой Перегрин, а вам не пришлось бы-прибегнуть к одному из этих дорогостоящих курсов лечения, о которых говорили ваши друзья в «Беллами»?

– В случае с вами, – сказал дядюшка Перегрин с присущим ему высокомерием, – я почти уверен, что не пришлось бы.

– Очень мило. Надеюсь, вы не думаете, что я смеюсь *над вами*, а?

– Нет, не думаю.

– В любое время, когда вы захотите попробовать, дорогой Перегрин, я к вашим услугам.

Старческое лицо Перегринна Краучбека потускнело и опечалилось.

– Это будет совсем не то. Предложение в такой формулировке меня просто смущает.

– О, дорогой, неужели я попала впросак?

– Да. Все это так щекотало воображение. А вы начали говорить об этом уж слишком практично. Я мечтал видеть вас в своей квартире, понимаете? Но не более этого.

– А я хочу иметь мужа, – сказала Вирджиния. – Об этом вы, конечно, не думали?

- Нет-нет. Это, разумеется, совершенно невозможно.
  - Опять ваша религия?
  - Да, религия.
  - Тогда им должен быть Гай. Неужели вы и теперь не понимаете, почему я хочу стать католичкой? Не может же он сказать мне «нет», как по-вашему?
  - Почему же, может, если захочет.
  - Но вы же знаете Гая и не думаете, что он скажет «нет», правда ведь?
  - В сущности, я знаю Гая очень мало, – сказал дядюшка Перегрин довольно раздраженным тоном.
  - Но вы же поможете мне? Когда настанет время, вы скажете ему, что он обязан?
  - Он вовсе не из тех, кто стал бы советоваться со мной.
  - А если посоветуется? И если дело дойдет до расчетов с Анджелой?
  - Нет, дорогая, – сказал дядюшка Перегрин, – ни за что на свете.
- Вечер прошел не так, как каждый из них планировал. Дядюшка Перегрин проводил Вирджинию до крыльца дома. Расставаясь, она впервые поцеловала его. Он приподнял в темноте шляпу, расплатился с таксистом и пошел домой, подавленный и расстроенный. Гай еще не спал, читал книгу.
- Ну как, хорошо провели время, дядюшка?
  - В этом ресторане по нынешним временам всегда хорошо. Он стоил мне более двух фунтов, – ворчливо добавил Перегрин, вспомнив, какими словами о бережливости Гай проводил их.
  - Я спрашиваю, вы сами-то довольны вечером?
  - И да и нет. Больше нет, чем да, по-видимому.
  - У Вирджинии, по-моему, было прекрасное настроение.
  - И да и нет. Больше да, чем нет. Смеялась она действительно очень много.
  - Ну, значит, все хорошо.
  - И да и нет, Гай, я должен предупредить тебя. Эта женщина имеет *виды*.
  - На вас, дядюшка Перегрин?
  - На тебя.
  - А вы уверены в этом?

- Она сама сказала мне.
- И вы считаете, что должны сообщить мне об этом?
- В настоящих условиях – да.
- А не да и нет?
- Нет, только да.

Сэр Ральф Бромптон был воспитан старой дипломатической школой и поэтому умел избегать хлопотливых обязанностей и достигать власти, занимая такие должности, на которых на него не возлагалось буквально никаких обязанностей. В безответственных военных организациях он ухитрялся постоянно перемещаться из одного управления в другое или из одного комитета в другой. Начальник штабов сухопутных частей для проведения особо опасных операций считали, что они должны иметь своих представителей во всех органах, которые занимаются планированием и проведением операции. Будучи весьма занятыми оживленной деятельностью в высших органах, они с удовольствием наделили сэра Ральфа правами слушать, говорить за них и докладывать им о делах в стоящей чуть-чуть пониже, но никоим образом не менее озорной среде своих непосредственных подчиненных.

Освобождение было одной из главных забот сэра Ральфа. Если кто-нибудь из стоящих ниже кабинета и комитета начальников штабов планировал действия по разделению христиан, сэр Ральф обычно находился среди них.

Однажды утром, вскоре после рождественских праздников, сэр Ральф заглянул в одно из совершенно независимых от частей для проведения особо опасных операций управлений, чтобы неофициально переговорить по вопросам взаимодействия на территории Балканских стран. Человек, с которым он вел переговоры, получил свой чин бригадира довольно неожиданно. Его функции были так же нечетко определены, как и функции сэра Ральфа; они назывались одним словом: «взаимодействие». В профессиональной карьере сэра Ральфа были такие случаи, когда ему становилось известно, что некоторые из его коллег, а позднее некоторые из его сотрудников по штабу занимаются секретной работой. Незнакомые дипломатам люди неожиданно предъявляли свои мандаты и беспрепятственно пользовались дипломатической почтой и шифровальным постом. Сэр Ральф притворялся, что ничего не знает, и делал вид, что не обращает на их деятельность никакого внимания.

Теперь, будучи призванным из запаса, сэр Ральф находил пикантную остроту в том, чего раньше так остерегался. Оба эти человека поднялись до своего положения совершенно различными путями, которые никогда не пересекались. Сэр Ральф щеголял в светлом твидовом костюме «в елочку», который в мирное время в Лондоне он в такой сезон не надел бы; на его узких ногах были начищенные до блеска спортивные черные ботинки. Он сидел, скрестив свои длинные ноги, и курил турецкую сигарету. Бригадир купил форменную одежду готовой, в магазине. Пуговицы на ней были тусклыми, пояс матерчатым. Его выпуклую грудь не украшала ни одна орденская планка. Вставными зубами он неуверенно зажимал трубку. В данный момент их довольно плотно объединяли не личные, а служебные интересы. Их политические взгляды были одинаковыми.

– Очень важно контролировать освобождение Балканских стран отсюда, а не из Каира.

– Да, почти вся сеть на Ближнем Востоке безнадежно скомпрометирована роялистскими беженцами. Мы сможем использовать лишь несколько надежных человек. Для других мы подыщем более подходящее использование.

– Исландия?

– Да, Исландия вполне подходящее место.

Они разложили перед собой документ с перечнем задач по организации взаимодействия.

– Де Сауза характеризуется парашютной школой очень хорошо.

– Да. А вы не считаете, что мы можем напрасно потерять его там? Он мог бы оказаться очень полезным нам здесь.

– Да, там он особой пользы не принесет. Джилпин провалился. Можно использовать его здесь, пока не сформируется штаб в Италии.

– Как только наши люди попадут в Италию, управлять ими станет значительно труднее. Во многих отношениях они ведь будут подчиняться армейскому командованию. С нами вполне считаются вышестоящие инстанции, а что касается нижестоящих, то там доверие к нам надо еще завоевать. Мы нуждаемся сейчас в надежной поддержке со стороны обычных строевых офицеров на нижестоящих должностях. Я вижу здесь фамилию Краучбека, и она вычеркнута. Я знаю его. По-моему, это как раз такой человек, какие нам нужны: средний возраст, католик, политикой не занимается, алебардист,

хороший послужной список, отличная характеристика из парашютной школы.

– Плохой отзыв органов безопасности.

– Почему?

– Причин они никогда не сообщают. О нем просто говорится, что для использования в Северной Италии не рекомендуется.

– Слаб к женскому полу, наверное, – предположил бригадир.

– Я очень сомневаюсь в этом.

Наступила пауза, во время которой сэр Ральф просматривал глупую бумажку из органов безопасности. Затем он спросил:

– Только в Северной Италии?

– Так там написано.

– Стало быть, против посылки его на Балканы возражений не будет?

– Судя по этой бумажке – нет.

– Я думаю, Краучбек и де Сауза составят хорошую группу.

В течение вот уже многих лет рождественские праздники были очень скучными как для самого Перегрин Краучбека, так и для других. Говорят, что холостяков среди народов низших рас и классов, за исключением тех, кто принадлежит к какой-нибудь особой религиозной секте или является жертвой какого-нибудь порока, не бывает. Перегрин Краучбек был холостяком от природы, поэтому дни праздника рождества Христова были для него наименее радостными днями календаря. Для дядюшки Перегрин стало уже привычкой, почти традицией проводить рождественские праздники у дальних родственников матери, старше его по возрасту, по фамилии Скроуп-Уелд, которые населяли небольшой сельскохозяйственный «островок» среди промышленных районов в графстве Стаффордшир. Дом Скроуп-Уелдов был большой, и встречали Перегрин в нем с самого начала очень гостеприимно; один никем не любимый холостяк среднего возраста – для них тогда все еще старый крикетист – ничем не нарушал настроения и обычаев 20-х годов. Жалкий родственник на рождественских праздниках – это было обычным явлением в большинстве английских семей того времени.

Миссис и мистер Скроуп-Уелд умерли, их место заняли сын и его жена, прислуги в доме стало меньше, гости бывали реже, но дядюшка Перегрин по-прежнему приезжал на каждое рождество. В 1939 году большую часть дома сдали детскому саду; Скроуп-Уелд вместе со своим полком уехал за границу; его жена с тремя детьми и одной няней осталась в четырех комнатах. Но Перегрин Краучбека продолжали приглашать на рождество, и он неизменно принимал эти приглашения. «Отказаться от этой традиции было бы просто нелепо, – сказала миссис Скроуп-Уелд. – Война не должна быть причиной для неуважения людей».

В 1940, 1941 и 1942 годах традиция оставалась в силе. Подростки стали кое-что соображать.

– Мамочка, неужели мы будем приглашать дядюшку Перри на каждое рождество, пока он не умрет? Он ведь портит нам весь праздник.

– Да, дорогой. Он был хорошим другом и каким-то родственником твоей бабушки. Мы очень обидим его, если не пригласим.

– Он и без того всегда выглядит обиженным, когда находится у нас.

– Рождество для старых людей довольно часто бывает печальным. Он очень любит вас всех.

– Могу поспорить, что меня он не любит.

– Или меня.

– Или меня.

– А он оставит нам наследство?

– Фрэнсис, это мерзкий вопрос. Конечно, не оставит.

– Все равно, мне хотелось бы, чтобы он поторопился и умер бы поскорей.

И ежегодно, покидая семью Скроуп-Уелдов на следующий день после «дня подарков», Перегрин Краучбек бормотал себе под нос: «Ну вот прошел и еще один год. Они ужасно обиделись бы, если бы я не приехал к ним».

Так было и в 1943 году. В сочельник они, как всегда, присутствовали на мессе. В первый день рождества они все торжественно посетили библиотеку, ставшую теперь общей комнатой платных помощников, похвалили венки из ветвей остролиста, которыми те украсили книжные полки и рамки картин, и выпили с ними хереса перед тем, как пойти на праздничный обед из индейки, которую длительное время откармливали нормированными продуктами.

– Я чувствую себя очень неудобно, что мы едим индейку одни, – сказала миссис Скроуп-Уелд, – но угостить всех помощников одной индейкой просто невозможно, а вырастить еще одну мы были не в состоянии.

Дети ели с жадностью. Перегрин и няня скорее делали вид, что едят. Вечером в этот день в вестибюле дома было рождественская елка для эвакуированных.

Позднее дядюшка Перегрин отправился с хозяйкой дома в длительную прогулку по декабрьской сырости.

– Вы, по существу, единственное напоминание о настоящих рождественских праздниках, о тех, к которым мы так привыкли.

Очень мило, что вы не забываете нас. Я знаю, сейчас вам не очень-то уютно здесь. Как, по-вашему, войдет ли когда-нибудь все снова в норму? Будем ли мы жить, как прежде?

– О нет! – ответил Перегрин Краучбек. – По-прежнему – уже никогда.

Тем временем Гай и Вирджиния были вместе в Лондоне.

– Слава богу, сегодня у тебя нет никого из сослуживцев. Перегрин уехал?

– Он всегда уезжает на рождество в одну и ту же семью. Он подарил тебе что-нибудь?

– Нет. А я долго думала, подарит или нет. По-моему, он просто не знает, какой именно подарок был бы мне наиболее приятен. Он, кажется, стал менее приветлив после посещения со мной ресторана.

– Он сказал мне, что ты имеешь виды.

– На него?

– На меня.

– Да, – сказала Вирджиния, – имею. А Перегрин имел виды на меня.

– Серьезно?

– Не думаю. Дело в том, что все вы, Краучбеки, какие-то изнеженные, неспособные, бесплодные. А ты знаешь, Перегрин заставил меня правильно произнести слово «гомосексуалист».

– А почему это вдруг тебе потребовалось разговаривать с ним о гомосексуалистах? Уж не думаешь ли ты, что он является таковым?

– Нет, не думаю. Но, по-моему, все вы, Краучбеки, слишком уж породистые и слишком бесполое.

– Это вовсе не одно и то же. Вспомни хотя бы Тулуз-Лотрека.

– О черт. Гай! Ты стараешься избежать моих «видов» на тебя. Вы – вымирающий род. Даже сын Анджелы, и тот, как мне сказали, намерен стать монахом. Почему вы, Краучбеки, так мало...? – Она снова употребила нецензурное по тем временам слово, вовсе не желая при этом обидеть Гая.

– О других я сказать ничего не могу. А что касается меня, то у меня эта функция организма ассоциируется с любовью. А я уже больше не люблю.

– Даже и меня?

– Даже и тебя, Вирджиния. Тебе пора бы понять это.

– Понять это довольно трудно, если совсем недавно меня добивалось столько людей. А что ты скажешь о себе, Гай, в тот вечер в «Клэридже», помнишь?

– Это была не любовь, – ответил он. – Хочешь верь, хочешь нет, это была просто выходка алебардиста.

– Да. Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Вирджиния сидела около кровати Гая, лицом к нему. Между ними лежал плетеный настольный поднос, на котором они играли в пикет. Неожиданно она сунула свою нежную, ласковую, ищущую руку под одеяло. Гай инстинктивно отстранился. Боль в ноге от этого резкого движения вызвала на его лице неодобрительную гримасу.

– Нет, – сказала Вирджиния, – ты не хочешь.

– Извини.

– Женщине не очень-то приятно, когда на нее бросают такой злой взгляд.

– Это из-за колена. Я же извинился.

Гай действительно очень сожалел, что обидел женщину, которую когда-то так любил.

Но Вирджиния поддавалась обидам не так-то легко. Неудачи нескольких последних лет вовсе не означали потерю всех ее шансов на успех в будущем. В то время в Англии почти все женщины надеялись, что настанет мир и все нормализуется. Для миссис Скруп-Уелд в Стаффордшире нормализация означала, что муж вернется, что дом снова будет весь в их распоряжении и что она наверняка будет пользоваться теми элементарными удобствами, к которым так привыкла: никакой роскоши, полные кладовая и подвал, горничная (но такая, чтобы убирала спальню и чтобы шила и штопала на всю семью), дворецкий, лакей (но такой, чтобы колот и приносил дрова для камина), надежная, имеющая хотя бы элементарную кулинарную подготовку кухарка, которая могла бы выполнять простые работы на кухне, умеющие держаться в тени уборщицы для наведения порядка в комнатах, один человек на конюшне, два в саду. Вернется ли когда-нибудь все это? Для Вирджинии же нормализация означала силу ее чар и удовольствия – удовольствия в первую очередь, и не только для нее одной. Сила чар и искусство нравиться все еще

являлись неотъемлемой частью ее натуры, они лишь временно бездействовали. Война, сосредоточение и передвижение миллионов людей, многим из которых иногда угрожала опасность и большинство из которых ничего не делали и были одиноки, опустошение, голод и разорение, разрушенные дома, уходящие на дно корабли, пытки и убийства военнопленных – все это было злонамеренным временным нарушением нормальной обстановки, в которой искусство нравиться позволяло Вирджинии оплачивать счета, носить новые наряды, ухаживать за своим лицом при помощи всевозможных дорогих кремов, путешествовать быстро, комфортабельно, с неизменным к себе вниманием туда и тогда, куда и когда ей хотелось, выбирать себе мужчину и наслаждаться с ним там и тогда, где и когда ей хотелось. Временное бездействие ее чар и искусства нравиться слишком затянулось. Так может настать и критический момент... Но пока...

– А что, собственно, сказал тебе Перегрин относительно моих видов на тебя?

– В подробности он не вдавался.

– А что, по-твоему, он хотел этим сказать? Что *ты* думаешь обо мне?

– Я думаю, что ты сейчас несчастлива и неустроена, что у тебя нет никого, в ком ты была бы особенно заинтересована, и что впервые в жизни ты опасаясь за свою будущность.

– И ничто из этого не касается тебя?

– Разница между нами заключается в том, что я думаю только о прошлом.

Вирджиния решила перейти к главному для себя вопросу.

– Но ведь у тебя сейчас тоже нет кого-нибудь, в ком ты был бы особенно заинтересован, так ведь?

– Да, это так.

– И ты очень доволен тем, что в последние несколько недель я бываю у тебя почти каждый день, правда? Скажи откровенно. И мы с тобой очень хорошо себя чувствуем вместе, как все равно Дарби и Джоун^[96], правда?

– Да, мне очень приятно, что ты приходишь.

– И я все еще твоя жена. Ничто не может изменить этого?

– Ничто.

– И я, разумеется, не утверждаю категорически, что ты имеешь по отношению ко мне какие-то *обязательства*, – сказала Вирджиния примирительно.

– Нет, Вирджиния, не утверждаешь.

– А ты однажды счел, что я обязана по отношению к тебе. Помнишь тот вечер в «Клэридже»? Помнишь?

– Я уже объяснил тебе. Я находился тогда в отпуске, жил в казарме, на мне была новая форма, я начинал, так сказать, новую жизнь... Обстановка была военная...

– Хорошо. А разве не из-за этой же войны я сегодня здесь, с тобой, и разве не из-за нее я принесла тебе такой замечательный рождественский подарок?

– Да, но ты ведь не имела в виду ничего такого...

Вирджиния запела песенку их юношеских лет о маленькой сломанной куколке. Оба они неожиданно рассмеялись, и Гай сказал:

– Это бесполезно, Джини. Я очень сожалею, что ты в трудном положении. Мои финансовые дела, как ты знаешь, немножко поправились, и я с удовольствием помогу тебе, пока ты не найдешь кого-нибудь более подходящего.

– Гай! Говорить так – это же просто свинство! Совсем на тебя не похоже. Раньше ты никогда не позволил бы себе сказать мне такие горькие слова.

– Горше этого не будет. Все. Это все, что я могу сделать для тебя.

Тогда Вирджиния сказала еще откровеннее:

– Мне нужно большее. Я должна сказать тебе кое-что, и, пожалуйста, поверь, я намеревалась сказать тебе это даже в том случае, если наш разговор принял бы совершенно иной оборот. Ты хорошо знаешь меня, знаешь, что я не способна на какой-нибудь подлый обман.

Затем, не ища никаких оправданий и сострадания, очень откровенно и коротко она рассказала ему, что ждет ребенка от Триммера.

Йэн и Кирсти Килбэннок возвратились в Лондон из Шотландии в ночь на 28 декабря. Он поехал прямо на службу, а она – домой. Она

застала миссис Бристоу курящей сигарету и слушающей радиопередачу.

– Ну как, все в порядке? – спросила Кирсти.

– Миссис Трой уехала.

– Куда?

– Она не сказала. Вчера утром. Она собрала все свои пожитки и дала мне на прощание фунт. Я не знаю, как это надо понимать: то ли у нее просто больше нет ничего, то ли она считает это достаточным вознаграждением за все, что я делала для нее. Я уж хотела было сказать ей, что на чай сейчас давать не принято. То есть я хочу сказать, что сейчас, как говорят по радио, мы все помогаем друг другу. А если уж она хотела выразить свою признательность, то должна была бы дать по меньшей мере пять фунтов. К тому же я помогла ей снести вещи вниз. Она ведь довольно долго жила за границей, правда? Ах да, она еще оставила вам вот это. – Миссис Бристоу подала Кирсти конверт.

В конверте было письмо:

«Дорогая,

я очень сожалею, что уехала не попрощавшись, но уверена, вы будете рады тому, что я наконец-таки оставила ваш дом в покое. Ты была для меня просто ангелом. Я буду в вечном долгу перед тобой и Йэном. Давай как можно скорее встретимся, и я обо всем расскажу тебе. Йэну я оставила маленький сувенир – довольно жалкий подарок, но ты же знаешь, как теперь трудно достать что-нибудь хорошее.

С сердечным приветом, Вирджиния».

– А еще что-нибудь она оставила, миссис Бристоу?

– Да. Две книги. Они наверху, в столовой. Лежат на столе.

На столе в столовой лежали два томика Наина «Гораций». Кирсти не была библиофилом, но ей доводилось присутствовать на распродаже имущества, и она знала цену вещам. «Как и в случае с вознаграждением миссис Бристоу, – подумала Кирсти, – Вирджинии следовало бы оставить Йэну или что-нибудь совсем недорогое, или что-нибудь подороже этих книг». В действительности же изящные томики Наина были единственной собственностью Вирджинии –

неуместный и запоздалый рождественский подарок дядюшки Перегринна.

Кирсти возвратилась на кухню.

– А не оставила ли миссис Трой какой-нибудь адрес? – спросила она.

– Она уехала недалеко. Я не уловила, что именно она сказала водителю такси, но это был не вокзал.

Тайна вскоре раскрылась. Раздался телефонный звонок. Это был Йэн.

– Хорошие новости, – сказал он. – Наконец-то мы отделались от Вирджинии.

– Я знаю.

– Тем лучше. Она все-таки оказалась умной женщиной. Я знал, что она достаточно рассудительна. Она сделала как раз то, что я рекомендовал: нашла себе мужа.

– Кто-нибудь, кого мы знаем?

– Конечно. Не кто иной, как Гай.

– О, не может быть!

– Уверяю тебя. Она сейчас здесь, в конторе. Только что вручила официальное заявление о том, что увольняется с работы и становится домашней хозяйкой.

– Йэн, не может быть, чтобы она подложила такую свинью Гаю.

– Они намерены зарегистрировать брак, как только Гай встанет на ноги.

– Он, должно быть, сошел с ума.

– А я всегда считал, что он ненормальный. У них вся семья такая, ты же знаешь. Помнишь, и брат у него был такой же.

У Кирсти еще сохранилось присущее шотландцам чувство добропорядочности. Жизнь в Лондоне и общение с Йэном не успели полностью атрофировать ее восприимчивость к явным нарушениям морали. Случалось это, правда, довольно редко, но уж если случалось, если ее что-нибудь шокировало, то в ней происходило не какое-нибудь едва ощутимое смещение почвенных пластов, а сильнейшее сейсмическое потрясение. В течение нескольких минут после звонка Йэна она сидела не шевелясь, погруженная в мрачные размышления, затем решительно направилась на Карлайл-плейс.

– О, доброе утро, сударыня, – приветливо встретила ее миссис Корнер, совсем не так, как встречала миссис Бристоу. – Вы, наверное, пришли навестить капитана Гая? А вы слышали, какие у него новости?

– Да, слышала.

– Меня это ни капельки не удивило, уверяю вас, сударыня. Я чувствовала, что дело идет к этому. Все хорошо, что хорошо кончается. Все это вполне естественно, не важно, что там было плохого или хорошего до этого, важно, что теперь они – муж и жена. Она переехала в этот дом, в комнатку вон в том конце коридора, бросает работу, и теперь у нее будет время для ухода за ним.

Пока миссис Корнер произносила эту речь, Кирсти продвигалась к двери в комнату Гая.

Войдя в комнату, она не села на стул. Подождала, пока миссис Корнер оставила их вдвоем.

– Гай, – сказала она, – я буквально на минутку. Мне надо успеть на работу. Я должна была зайти и повидаться с тобой. Я знаю тебя, может быть, не очень хорошо, но зато длительное время. Случилось так, что ты – один из друзей Йэна, которых я действительно уважаю. Ты, может быть, считаешь, что я вмешиваюсь не в свои дела, но я должна сказать тебе... – И она рассказала Гаю все, что знала о Вирджинии.

– Но, дорогая Кирсти, неужели ты думала, что я ничего этого не знаю?

– Тебе сказала Вирджиния?

– Конечно.

– И ты женишься на ней, несмотря на?..

– Именно поэтому я и женюсь.

– Ты самый последний дурак, – сказала Кирсти голосом, в котором одновременно слышались и гнев, и сожаление, и нечто похожее на любовь. – Ты поступаешь по отношению к Вирджинии *по-рыцарски*. Неужели ты не понимаешь, что рыцарей теперь не бывает, да и вряд ли они были когда-нибудь. Неужели ты в самом деле рассматриваешь Вирджинию как девицу, попавшую в беду?

– Но она действительно в беде.

– Она выносливая и малочувствительная женщина.

– А может быть, когда *такие попадают в беду*, они страдают больше, чем слабые и чувствительные.

– А-а, брось, Гай. Тебе ведь уже сорок. Неужели ты не понимаешь, какая это нелепость – разыгрывать из себя странствующего рыцаря? Йэн считает, что ты сошел с ума, честное слово. Можешь ты назвать хоть одну разумную причину, оправдывающую такой поступок?

Гай внимательно рассматривал Кирсти. Ее вопрос не был для него новым. Он ставил его перед собой и отвечал на него несколько дней назад.

– Чтобы совершать доблестные подвиги, рыцари странствуют, – сказал он. – По-моему, за всю свою жизнь я не совершил ни одного положительного поступка и уж наверняка не сворачивал с дороги в поисках возможности совершить такой поступок. В этом же случае мне предложили нечто наиболее неприятное; нечто такое, что американцы называют «находящимся за пределами долга»; нечто, требующее от офицера и джентльмена необычного поведения; нечто, над чем в клубе «Беллами» от души посмеются. Конечно, Вирджиния – выносливая женщина. Она выжила бы, несмотря ни на что. Я вовсе не собираюсь как-нибудь изменить ее своим поступком. Все это я знаю. Но, видишь ли, Кирсти, в данном случае принимается во внимание другая... – Гай хотел сказать «душа», но тут же решил, что для Кирсти это слово мало что значит. – Принимается во внимание другая жизнь. Какой, по-твоему, будет жизнь у ребенка, родившегося нежеланным в сорок четвертом году?

– Это абсолютно не твое дело.

– Оно стало моим после того, как мне предложили его.

– Дорогой Гай, мир переполнен нежеланными детьми. Половина населения Европы не имеет крыши над головой – беженцы и военнопленные. Одним таким ребенком больше или одним меньше, какое это имеет значение для всего горя в целом?

– Я не могу ничего сделать по отношению ко всем другим. Но этот случай – один из тех, где я могу помочь. И в данном случае только я, и никто другой. Я был для Вирджинии последней надеждой, поэтому я не мог поступить иначе. Неужели ты *не понимаешь* этого, Кирсти?

– Конечно, не понимаю. Йэн совершенно прав. Ты рехнулся.

Кирсти ушла более разгневанная, чем была, когда пришла сюда.

«Попытка объяснить ей ни к чему не привела, – подумал Гай. – Правильно кто-то сказал, что все расхождения во мнениях – это теологические расхождения». Он еще раз обратился к письму отца: «...Количественные критерии здесь неприменимы. Если спасена хоть одна душа, то уже одно это является полным вознаграждением за потерю лица...»

Часть десятая
«Последнее сражение»

Транспортный самолет «дакота» пролетел над морем, затем свернул в сторону берега. Скучающие пассажиры – англичане и американцы, все мужчины, всех родов войск, все в невысоком чине – зашевелились и пристегнулись ремнями к металлическим скамейкам. Перелет через Гибралтар и Северную Африку был утомительным и по непонятным причинам затягивался. День подходил к концу, а они с рассвета ничего не ели. Это был совсем не такой самолет, на какой Гай сел в Англии. Никто из пассажиров, летевших с ним в первую бессонную ночь, до Бари не следовал. Наклонившись, Гай посмотрел в маленький бортовой иллюминатор и успел заметить миндалевые сады. Был конец февраля, и деревья уже полностью расцвели. Через несколько минут он уже стоял на земле рядом со своим вещевым мешком и чемоданом и докладывал о прибытии офицеру транспортной службы.

Согласно командировочному предписанию ему следовало немедленно явиться в английскую миссию при штабе антифашистских сил национального освобождения (Адриатика).

Гая ждали. За ним выслали джип, который доставил его к мрачному зданию в новом городе, где размещалась упомянутая организация. Ничто здесь не напоминало ему Италию, которую он знал и любил, – страну его школьных каникул, страну, которая приютила его после того, как ушла Вирджиния.

Часовой был отнюдь не приветливым.

– Согласно предписанию я должен явиться к бригадиру Кэйпу.

– Его сегодня нет. Вам придется подождать и переговорить с офицером службы безопасности. Рон! – крикнул он своему коллеге. – Скажи капитану Джилпину, что прибыл какой-то офицер и хочет видеть бригадира.

Несколько минут Гай молча стоял в темном вестибюле. Здание было построено в дофашистские времена в традиционном стиле – вокруг темного внутреннего дворика. Широкий лестничный марш из низких каменных ступенек уходил наверх, в темноту, ибо разбитые стекла в крыше были заменены промасленной бумагой.

– Электрический свет должен загореться с минуты на мину ту, – сказал часовой, – но положиться на то, что он не погаснет, невозможно.

Вскоре откуда-то из темноты вышел Джилпин.

– Да? – сказал он. – Чем могу быть полезен?

– Разве вы не помните меня по парашютной школе? Я был вместе с де Саузой...

– Де Сауза в войсках. А что, собственно, вас интересует?

Гай предъявил ему свое командировочное предписание.

– Впервые вижу...

– Но вы же не думаете, что это подделка, правда ведь?

– Мне должны были бы прислать копию. Я *ничего* не думаю. Просто мы обязаны соблюдать меры безопасности. – Напрягая зрение в темном вестибюле, Джилпин внимательно посмотрел на обратную сторону предписания и прочитал его еще раз. Затем обратил внимание на подозрительное, по его мнению, обстоятельство. – А не слишком ли долго вы сюда добирались?

– Да, перелет затянулся. Простите, вы что же, возглавляете эту организацию?

– Я здесь не старший, если вас интересует именно он. Там наверху есть майор, такой же *алебардист*, как и вы. – Он произнес это слово, почти не скрывая насмешливого тона, умышленно подчеркивая свое презрение к каким бы то ни было армейским традициям. – Я не знаю, чем он занимается. Он числится здесь офицером генерального штаба по вопросам взаимодействия. Как я понимаю, при отсутствии бригадира вы можете считать его старшим.

– А можно мне увидеться с ним?

– Это ваши вещи?

– Да.

– Вам придется оставить их здесь.

– А вы полагали, что я хочу взять их с собой наверх?

– Посмотрите здесь за ними, капрал, – сказал Джилпин, озабоченный, по-видимому, не столько их сохранностью, сколько подозрением, что в вещах может оказаться что-нибудь опасное, взрывчатка например. – Вы правильно поступили, что задержали этого офицера для выяснения, – добавил он. – Можете послать его к

майору. – Не сказав больше ни слова Гаю, Джилпин повернулся и скрылся в темноте.

Другой часовой провел Гая к двери на антресолях. Четыре с половиной года превратностей войны приучили Гая к самым неожиданным встречам и приемам. Они приучили его и к тому, что время от времени он сталкивался на своем пути с этим офицером, фамилию или имя которого ему никогда никто не сообщал и который теперь приветствовал его с необычной теплотой.

– Так-так, – сказал он улыбаясь, – мы ведь встречались с вами когда-то. Вы, как я полагаю, удивлены больше, чем я. Я видел вашу фамилию в каком-то документе. Мы ждем вас вот уже несколько недель.

– Но Джилпин, видимо, не ждал.

– Мы стараемся по возможности ограничить Джилпину доступ к документам. Нам, правда, не всегда это удается.

В этот момент, словно символизируя что-то, свисавшая с потолка электрическая лампочка накалилась, несколько раз мигнула и загорелась ярким светом.

– А вы все еще майор, как я вижу, – заметил Гай.

– Да, черт бы их взял! Был подполковником почти целый год. Потом бригаду реорганизовали. Должности для меня в ней не оказалось. Поэтому-то меня и направили сюда.

Электрическая лампочка, снова символизируя что-то, замигала, потускнела и погасла.

– Никак не наладят работу электростанции, – пояснил майор, – то дадут ток, то выключат.

Они продолжали разговор в перемежающиеся периоды света и темноты, как во время летней грозы с молниями.

– А вам известно, чем вы будете заниматься здесь?

– Нет.

– Я тоже не знал, когда меня назначили. Да и теперь не знаю. А в общем-то здесь неплохо. Кэйп вам понравится. Он недавно выписался из госпиталя – был ранен под Салерно. В боях ему теперь больше не бывать. Завтра он все объяснит вам. Он и Джо Каттермоул должны поехать на совещание в Казерту. Джо – это довольно странный человек. На гражданке был каким-то профессором. Ужасно музыкальный. Но работает как дьявол. Делает все и *за меня*, и за

Кэйпа. Джилпин – это отъявленный бездельник, вы уже видели его. Единственный, кто ладит с ним, – это Джо. Джо любит всех. Чертовски хороший парень, всегда готов заменить кого-нибудь и взять на себя дополнительную нагрузку.

Они поговорили об алебардистах, о достижениях и срывах Ритчи-Хука, о потерях и подкреплениях, о наборе новичков, перегруппировках, реорганизациях, переводах офицеров, из-за которых менялось лицо всего корпуса алебардистов. Электрическая лампа то горела ослепительно, то вдруг тускнела и начинала мигать, а то и совсем гасла. Собеседники долго еще продолжали называть фамилии общих знакомых алебардистов. Затем безымянный майор снова заговорил о самом Гае и заказал ему номер в отеле для офицеров. Когда лампа еще раз погасла, они оказались в абсолютной темноте и поняли, что солнце уже зашло за горизонт. Вошел денщик с керосиновой лампой.

– Пора укладываться, – сказал майор. – Я прослежу, чтобы вас устроили. А потом можно будет пойти поужинать.

У входа в клуб безымянный майор сказал:

– Я сейчас запишу вас.

Гай посмотрел через его плечо, но подпись была, как всегда, неразборчива. В сущности, и сам Гай, поскольку его записал майор, стал косвенно анонимным.

– Если вы собираетесь бывать в Бари, вам лучше быть записанным здесь.

– Но, судя по вывеске, это клуб для старших офицеров?

– Это ничего не значит. Он для тех, кто привык есть в приличных местах. По вечерам в отеле полно сестер милосердия из госпиталя королевы Александры. С женщинами здесь трудно, – продолжал майор на пути в буфетный зал. Это было новое, довольно необычное здание, построенное для семинарии унии абиссинцев, которые попали в Рим после падения итальянско-эфиопской империи; главные комнаты здания венчались куполом наподобие их церквей и храмов. – Местные женщины совершенно недоступны. Да и не больно-то они соблазнительны, насколько я успел разобраться. У нас есть, правда, несколько женщин – секретарши и шифровальщицы, – но они все уже

заняты. Я имею дело главным образом с женщинами из вспомогательной службы военно-воздушных сил; они бывают здесь иногда проездом, на пути в Фоджу. Они говорят об Италии много всякой чепухи.

– Женщины из вспомогательной службы?

– Нет-нет. Я имею в виду тех, кто никогда не был здесь. *Романтики*, черт бы их взял! В этом-то смысле клуб как раз и хорош. Столовая здесь как дома, в Англии, правда? Готовят из английских продуктов, разумеется.

– Вина не бывает?

– Есть какое-то местное красное вино; если хотите, можете брать.

– Рыба, конечно?

– Ее держат главным образом для итальяшек. Тоже неплохая вещь, один запах чего стоит.

Приятное возбуждение, которое Гай почувствовал, прибыв за границу после двухлетнего пребывания в Англии военного времени, замигало и погасло, подобно электрической лампочке в кабинете безымянного майора.

Гражданский официант принес им розовый джин. Гай попросил по-итальянски принести мясо с чесноком и зеленью. Официант ответил по-английски почти презрительно: «У нас этого нет!» – и принес американские земляные орехи.

Под голубым куполом, там, где недавно грызли гранит науки смуглые, бородатые духовные лица, теперь сидели военные в самой разнообразной форме и с многочисленными знаками различия. Гай вспомнил свое недавнее прошлое и задумался над вероятным будущим. Это был как бы еще один Саутсанд, еще один транзитный лагерь, привокзальный отель в Глазго; это была еще одна самая низшая ступень – неиспользуемый офицерский резерв.

– Послушайте, – обратился безымянный майор к Гаю, – что это вы приуныли? В чем дело? Соскучились по дому?

– Соскучился по Италии, – ответил Гай.

– Вот это здорово! – сказал майор, озадаченный, но довольный, что Гай шутит.

Они прошли в зал, который был когда-то трапезной. Если Гай действительно скучал бы по Лондону военного времени, он нашел бы здесь утешение, ибо увидел за столиком лейтенанта Пэдфилда в

компании троих англичан. В Лондоне Гай не видел лейтенанта с рождественских дней.

– Добрый вечер, Лут. А вы как сюда попали?

– Я присоединюсь к вам позднее, хорошо?

– Вы знаете этого янки? – спросил майор.

– Да.

– И чем же он занимается?

– Это никому не известно.

– Недавно он все время крутился около Джо Каттермоула. А кто привел его сюда, я не знаю. В служебное время мы стараемся быть с американцами на короткой ноге, а во внеслужебное – не очень-то. У них здесь своих клубов сколько угодно.

– Лут – очень общительный человек.

– Как вы зовете его?

– Лут. По-американски это значит «лейтенант», начальнй слог этого слова.

– В самом деле? Не знал. Чушь какая-то.

На ужин, как Гаю уже ответили, не было никаких острых мясных итальянских блюд, но он с удовольствием выпил вино, хотя далеко не первосортного. В Лондоне в последние два месяца вино было большой редкостью и стоило оно дороже, чем когда-либо раньше. Майор вина не пил. Он подробно рассказал Гаю о своей последней любовной связи с женщиной из вспомогательной службы и о женщине, с которой он встречался до нее. Разница между ними, по его словам, была невелика. Вскоре к ним подошел лейтенант Пэдфилд с раскрытым портсигаром.

– Сам я их не переносу, – сказал он, – но думаю, что они неплохие. Не из нашего военторга. Это мне подарил советник нашего посольства в Алжире.

– Хорошая женщина – это одна, а хорошая сигара – это совсем другое, – сказал майор.

– И это напоминает мне, – подхватил лейтенант, – что я так и не поздравил вас, Гай, и Вирджинию. Я читал о вас в «Таймсе», когда жил со Ститчами в Алжире. *Очень* приятная новость.

– Спасибо за поздравление.

Безымянный майор, взяв предложенную сигару, откусил кончик, закурил и счел своим долгом сказать:

– Садитесь с нами. Мы с вами не встречались, но я видел вас вместе с Джо Каттермоулом.

– Да-да, для моей работы он здесь самый полезный человек.

– И что же это за работа, если не секрет?

– Отнюдь нет. Опера. Мы пытаемся возродить оперу, представляете?

– Нет.

– Это самый верный путь к сердцам итальянцев. Что касается оркестров, то с ними никаких трудностей нет. А вот певцы, по-видимому, все сбежали вместе с немцами. – Он рассказал о различных оперных театрах в оккупированной Италии; одни из них были разрушены бомбами, другие лишь слегка повреждены. Оперный театр в Бари остался невредимым. – Однако мне пора вернуться к моим друзьям, – сказал лейтенант, поднимаясь.

В течение нескольких последовавших секунд, опасаясь затронуть сугубо личный вопрос, майор сидел молча, затем все же решился и спросил:

– Как я понимаю, из того, что сказал этот молодой человек, следует, что вы только что женились?

– Да.

– Тогда это никуда не годится, что вас сразу же послали за границу. Боюсь, что в таком случае весь мой разговор о местном женском рынке был неуместен.

– Не думаю, что моя жена стала бы возражать против этого.

– В самом деле?! Моя возражала бы, а я женат уже одиннадцать лет. – Он помолчал, видимо размышляя о своих любовных похождениях в течение уже довольно длительного времени, и добавил: – По крайней мере, я думаю, что возражала бы. – Помолчав еще несколько секунд, он продолжал: – Впрочем, я ведь уже давно не виделся с ней. Возможно, что теперь она не обратила бы на это никакого внимания, – закончил он с покорной грустью.

Они вернулись в буфетный зал. От мысли о возможности того, что жена безразлична к его любовным связям с женщинами из вспомогательной службы, настроение майора заметно упало. Он заказал виски и спросил:

– Послушайте, а что этот молодой человек имел в виду, когда говорил о самом верном пути к сердцам итальянцев? Мы же только

что отколошматили этих ублюдков, правильно? О чем им еще распевать в операх? По-моему, даже янки и те не настолько глупы, чтобы развлекать итальяшек и устраивать для них дивертисменты. Если бы спросили меня, то я не задумываясь ответил бы, что под этим кроется что-то другое. Как только выбываешь из действующей части, сразу же сталкиваешься со множеством подозрительных явлений, о которых ты не имел ни малейшего представления. А в этом городе таких явлений до черта.

В Лондоне в этот момент разыгрывалась сцена традиционной домашней идиллии. Вирджиния готовила *приданое* для новорожденного. Хорошо и красиво шить она научилась еще в детстве, когда ходила в школу. В зрелом возрасте она, правда, занималась этим делом мало и без особой к нему любви. В Кении, например, по вечерам она довольно часто была занята шитьем стеганого одеяла, но закончить эту работу так и не удосужилась.

Дядюшка Перегрин читал вслух роман Троллопа «*Можешь ли ты простить ее?*»

– А вы знаете, дядюшка, я уже прошла все уроки, – неожиданно сказала Вирджиния.

– Уроки?

– Да, подготовку. Священник Уэлд говорит, что он готов принять меня в любое время.

– Ну что ж, ему виднее, – проговорил дядюшка Перегрин с сомнением в голосе.

– Все это, оказывается, совсем не трудно, – продолжала Вирджиния. – Я не понимаю, почему романисты так много рассуждают о людях, которые якобы потеряли веру во всевышнего. Для меня, например, все это ясно как белый день. И почему только меня никто не наставил на путь истинный раньше? Я хочу сказать, что в действительности все это совершенно очевидно, стоит только как следует подумать.

– Для меня это очевидно, – сказал дядюшка Перегрин.

– Я хочу, чтобы вы были моим крестным отцом, дядюшка. Это не значит, конечно, что я хочу получить от вас подарок; во всяком случае, не обязательно что-нибудь очень уж дорогое. – Она усердно заработала иголкой, демонстрируя свои красивые руки. – Ведь это вы, дядюшка, приобщили меня к церкви, понимаете?

– Я? Боже мой, каким же это образом?

– Просто тем, что вы очень милы ко мне, – ответила Вирджиния. – Вам ведь нравится, что я живу здесь, не правда ли?

– Да, конечно, дорогая.

– Я долго раздумывала, – продолжала Вирджиния, – и мне очень хотелось бы родить ребенка здесь.

– Здесь? В этой квартире?

– Да. А вы разве возражаете?

– А не будет ли для вас здесь не совсем удобно?

– Для меня? О нет, здесь очень уютно.

– Уютно, – повторил ошеломленный Перегрин. – Уютно.

– Вы можете стать крестным отцом и для ребенка. Только не будете ли вы возражать?.. Если родится мальчик, мне не хотелось бы называть его Перегрином. По-моему, Гай пожелает назвать его Джервейсом. А вы как думаете?

А Людович все писал и писал. Начиная с середины декабря он, не ослабляя темпов, писал ежедневно по три тысячи слов; более чем сто тысяч слов. Сочинял он теперь совсем по-иному. Фаулер и Роже лежали в стороне, он не обращался к ним. В отыскании нужных слов необходимость уже не возникала. Все слова были правильными. Они неудержимым потоком соскакивали с кончика его пера. Он писал безостановочно, никогда ничего не исправлял и не переписывал. Он просто выполнял стоящую перед ним задачу. Людович писал как одержимый, как будто ему кто-то быстро диктовал, как будто это были совсем не его мысли. Писал для чего? Он не задавался этим вопросом. Он просто писал. Его рукопись росла, как маленький Триммер в утробе Вирджинии, без осознаваемого соучастия.

Поступить на работу в оккупационные силы мечтал любой житель Вари. На службу в офицерскую гостиницу ухитрились устроиться целые семьи со всеми их ответвлениями. Шесть старцев жили и питались за счет того, что с раннего утра до позднего вечера тщательно вымывали и натирали линолеумовый пол в вестибюле. Все они замерли как вкопанные, когда утром следующего дня Гай шел мимо них, и все, как один, бросились вытирать оставленные им следы на полу.

Гай прошел к кабинету, в котором был накануне вечером. Здание в лучах утреннего солнца прямо-таки преобразилось. Теперь Гай заметил, что во внутреннем двореке когда-то бил фонтан. «Настанет время, – подумал Гай, – и фонтан, может быть, снова забьет». Здесь же, среди колосовидной растительности, стоял последний потомок великих предков – высеченный из камня тритон с открытой пастью. Часовой был занят разговором с мотоциклистом связи и не окликнул Гая. На лестнице Гаю встретился Джилпин.

– Как вы прошли сюда?

– Я же прикомандирован сюда, разве вы не помните?

– Но у вас нет пропуска. Сколько еще надо учить этих солдат, что офицерская форма сама по себе еще ничего не значит? Часовой не имеет права пропускать вас без пропуска.

– А где я могу получить его?

– У меня.

– Ну что ж, хлопот будет намного меньше, если вы дадите мне его.

– А у вас есть с собой три фотокарточки?

– Конечно нет.

– Если нет, то пропуск оформить невозможно.

В этот момент послышался голос сверху:

– В чем там дело, Джилпин?

– Офицер без пропуска, сэр.

– Кто?

– Капитан Краучбек.

– Ну так дайте ему пропуск и пошлите наверх.

Голос исходил от человека на лестничной площадке; это был бригадир Кэйп, прихрамывающий, худой человек с эмблемой уланского полка. Когда Гай представился, бригадир сказал:

– Дотошный парень этот Джилпин. Слишком ревностно относится к своим обязанностям. Извините, что вчера меня не было. И в данный момент не смогу поговорить с вами, ко мне должны прийти югославы с жалобой. Вам лучше всего, пожалуй, пройти сейчас к Каттермоулу, он познакомит вас с обстановкой. А потом уж мы решим, как вас использовать.

Майор Каттермоулу находился в комнате рядом с комнатой бригадира Кэйпа. Это был мужчина примерно того же возраста что и Гай, высокий, несколько сутулый, истощенный, аскет с веселой улыбкой.

– Баллиол, двадцать первый – двадцать четвертый год, – сказал он.

– Да. Вы там тоже были?

– Вы меня не помните, конечно. Я вел там очень тихую жизнь. А я вспоминаю, что видел вас с другими пижонами.

– Я пижоном никогда не был.

– Но вы казались мне таким. Вы дружили со Слиттером. Он всегда относился ко мне очень хорошо, но я в его компании не бывал. Я вообще не бывал ни в какой компании. Мое свободное время уходило на работу. Я был вынужден работать.

– Кажется, вы выступали в студенческом клубе, правда?

– Пытался. Но хорошего из этого ничего не выходило. Так вы, значит, в Югославию?

– Я? В Югославию?

– По-моему, вас прислали именно для этого. Завидую вам. Я выбрался оттуда под Новый год, и доктора больше не разрешают мне ехать туда. Меня посылали туда в связи с шестым наступлением, но я совсем сдал там. Последние две недели меня носили на носилках. Я был для них только обузой. Партизаны никогда не оставляют своих раненых. Они знают, как поступит с ними противник. В нашей колонне было семьдесят мужчин и пятнадцать женщин. Привалы делали только на несколько часов, а потом – все вперед и вперед. Я не знаю, как бы отнеслись к этому переходу мои коллеги-ученые. Мы

сожрали всех своих ослов в первую же неделю, а к концу перехода питались корнями и корой. Тем не менее мы благополучно дошли, и меня вместе с другими ранеными отправили на самолете. А вы участвовали в этом довольно трудном отступлении с Крита?

– Да. Откуда вы узнали?

– Это все есть в присланном нам досье. Ну что ж, вам, наверное, не надо рассказывать, что значит настоящее изнурение. У вас галлюцинации были?

– Да, были.

– У меня тоже. Но вы поправились лучше, чем я. Доктора говорят, что я к боевым действиям теперь уж совсем не пригоден. Приходится вот сидеть здесь и инструктировать других. Давайте приступим к работе. – Он развернул большую карту. – Положение весьма неустойчивое, – продолжал он. – Но мы постарались нанести на карту самые последние данные.

В течение двадцати минут он знакомил Гая с обстановкой. Здесь – освобожденные районы; по этой дороге движется одна бригада, а по этой – другая; здесь был штаб дивизии, а здесь – штаб корпуса. Четкими академическими формулировками Каттермоул изложил весь план крупной и очень сложной операции по окружению и контратакам сил противника.

– Я не представлял, что все это происходит в таких крупных масштабах, – признался Гай.

– И никто не представляет. Никто и не представит, и так будет до тех пор, пока роялистское правительство будет сидеть в изгнании в Лондоне. Партизаны припирают к стенке в три раза больше войск, чем мы во всей Италии. Помимо группы армий фон Вейхса там пять или шесть дивизий четников и усташей. Вам эти названия, вероятно, незнакомы. Это сербские и хорватские квислинговцы. У противника там, должно быть, не менее полумиллиона человек.

– Но и партизан там, кажется, много, – заметил Гай показав на карту, где было нанесено множество соединений.

– Да, да, – согласился майор Каттермоул. – Разумеется, не все части полностью укомплектованы. Ничего хорошего из того, что мы отправим на поле боя людей больше, чем в состоянии материально обеспечить, не получится. А нехватку мы ощущаем почти во всем – и в артиллерии, и в транспортных средствах, и в самолетах, и в танках.

Мы вынуждены вооружать себя тем, что удастся захватить у противника. До недавнего прошлого те, кто сидит в Каире, посылали оружие Михайловичу, которое он использовал против наших людей. Сейчас дело обстоит лишь немногим лучше. Вооружение и другие запасы понемногу поступают, но организовать снабжение ими движущихся сил с воздуха не так-то легко. Прислали свою миссию и русские, ее возглавляет генерал. Вы не можете себе представить, пока не увидите сами, какое влияние это оказывает на партизан. Это нечто такое, что я считаю своим долгом объяснить всем нашим офицерам связи. Югославы считают нас союзниками, но русские для них нечто большее. Однажды во время шестого наступления, когда мы переправлялись через реку, нас атаковали пикирующие бомбардировщики. Так вот парнишка из загребского университета – один из тех, кто нес меня на носилках, – сказал совершенно искренне: «Каждая бомба, сброшенная здесь, значит: долой еще одну из тех, которые предназначаются для бомбардировки русских». Мы для них – иностранцы. Они принимают, конечно, то, что мы посылаем, но особой благодарности нам не высказывают. Сражаться и умирать приходится им, а не кому-нибудь еще. Некоторые наши малоумудренные опытом люди приходят в замешательство и думают, что здесь играет роль какая-то политика. Уверен, что вы не совершите этой ошибки, но на всякий случай я говорю об этом каждому, кого мне приходится инструктировать.

В этот момент дверь приоткрылась и в ней появилась голова бригаадера Кэйпа.

– Джо, зайдите ко мне на минутку.

– Изучайте пока карту, – сказал майор Каттермоул. – Я скоро вернусь.

Читать карту военной обстановки Гая научили неплохо. Старательно просматривая ее, он задался вопросом: где конкретно на этой сложной, пересеченной местности он окажется в ближайшем будущем?

Майор Каттермоул возвратился к Гаю.

– Извините, что оставил вас. Текущие дела. Мой инструктаж, собственно, можно считать законченным, да и бригадир освободился, чтобы побеседовать с вами. Он скажет вам, куда и когда вас направят.

Вам предстоит весьма интересная работа, куда бы вы ни попали. Партизаны – это поистине откровение в буквальном смысле слова.

О противнике майор Каттермоул говорил с безличной профессиональной враждебностью, с такой же, с какой хирург смотрит на злокачественную операбельную опухоль; о товарищах по оружию он говорил с чувством преданности, хотя также безличной, почти с мистической любовью, которую можно заметить на картинах чувствительных художников, писавших в стиле барокко.

– Офицеры и солдаты, – продолжал он возбужденно, – едят одно и то же и живут в одних и тех же помещениях. И женщины тоже. Вы видите, что девушки служат в тех же рядах, что и парни. Некоторые из них убежали к партизанам, едва успев окончить школу и оставив свои буржуазные семьи сотрудничать с врагом. Я был свидетелем таких смелых и отважных действий, в подлинность которых не поверил бы, несмотря на самые достоверные описания. Даже когда мы располагали анестезирующими средствами, девушки часто отказывались пользоваться ими. Я видел, как они, дабы доказать свое мужество, переносили мучительнейшие операции, не вздрогнув ни единым мускулом, а иногда даже напевая песни в то время, когда хирург делал свое дело. Впрочем, все это вы увидите сами. Вы будете свидетелем удивительных превращений.

Дверь открылась, и в ней снова показалась голова бригадира Кэйпа.

– Пойдемте, Краучбек, – пригласил он. Гай последовал за ним в соседнюю комнату. – Очень рад, что вы прибыли, – продолжал бригадир. – Вы уже третий алебардист у нас. Я с удовольствием принимаю всех, кого мне присылают. Вы, наверное, знаете де Саузу. Он сейчас выполняет боевое задание. Мне известно, что вы уже побеседовали с нашим офицером разведки. А значка парашютиста у вас разве нет?

– Я не сдал зачета, сэр.

– Да? А я был уверен, что сдали. Значит, произошло какое-то недоразумение. У нас сейчас есть два или три места, куда мы можем сбрасывать парашютистов. А сербскохорватский язык вы знаете?

– Ни слова. Когда со мной беседовали, то интересовались только, знаю ли я итальянский.

– Ну что ж, как это ни странно, но незнание языка несколько не помешает. У нас были ребята, знающие этот язык. Некоторые, кажется, перешли к партизанам, а кого-то вернули обратно за неправильное поведение. Югославы предпочитают пользоваться своими переводчиками, они узнают при их помощи, о чем и с кем говорят наши ребята. Джо Каттермоул, конечно, рассказал вам о них. Он прямо-таки энтузиаст. А теперь я обрисую вам обстановку с другой точки зрения. Но все равно помните, Каттермоул – первоклассный парень. Он никому не рассказывает об этом, но поработал там отлично. Югославы любят его, а этим могут похвалиться лишь немногие из нас. Да и сам Джо любит югославов. Однако к тому, что говорит он, вам следует относиться критически. Он, вероятно, сказал вам о том, что партизаны припирают к стенке полмиллиона человек. По моему мнению, обстановка там несколько иная. Немцев интересуют лишь две вещи: коммуникации с Грецией и оборона своего фланга от сил, которые могут быть высажены в Адриатике. Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что немцы оставят Грецию этим летом. Им нужен чистый путь для отступления домой. Вопрос о прорыве к Суэцкому каналу сейчас не стоит. Но немцы очень опасаются продвижения крупных англо-американских сил к Вене.

И хорошенько запомните: мы солдаты, а не политики. Наша задача – сделать все, чтобы причинить противнику наибольший ущерб. Ни вы, ни я не собираемся жить в Югославии после войны.

Перед отправкой я еще повидаюсь с вами. Сказать вам сейчас, куда и когда вас отправят, я не в состоянии. Бари – неплохой городок, и вы не заскучаете в нем. Ежедневно являйтесь к нашему офицеру разведки. Желаю вам хорошо отдохнуть.

В период от крестовых походов до падения Муссолини Бари посетили лишь немногие иностранцы. Немногие туристы, даже из числа самых любознательных, побывали на Апулианском побережье. А в Бари много такого, что должно было бы привлечь их: старый город с множеством зданий в норманнском стиле, мощи святого Николаев в серебряной раке, просторный и удобный новый город. Несмотря на

это, в течение нескольких веков город не интересовал никого, кроме местных бизнесменов.

И только теперь, в начале 1944 года, в городе снова почувствовалось такое же космополитическое военное оживление, какое было присуще ему лишь в средние века. Его улицы заполнили находящиеся в краткосрочных отпусках солдаты союзных армий, некоторые из них, по довольно интересному случайному совпадению, носили эмблему с мечом крестоносцев; госпитали города были переполнены ранеными; штабы многочисленных служб занимали новые, поврежденные обстрелом административные здания; небольшие военные корабли украшали разрушенную гавань. Конкурировать с Неаполем, с этой огромной импровизированной фабрикой войны, Бари, разумеется, был не в состоянии. Его подвижный и бесхитростный преступный мир состоял главным образом из небольших величин. Лишь на немногих машинах развеялся флажок высокопоставленных деятелей, и лишь несколько загородных вилл было занято офицерами в чине выше бригадира. Все шишки из военно-воздушных сил находились в Фодже. Ничего и никого, внушающего благоговейный страх, в Бари не было, но в нем были мрачные дома, занятые балканскими и сионистскими эмиссарами, издателями небольших пропагандистских газеток, печатавшихся на нескольких языках, агентами соревнующихся друг с другом разведывательных служб и даже итальянцами, которых обучали искусству местного демократического самоуправления. Союзники недавно значительно осложнили свое положение тем, что разрушили игорный дом, но расплачиваться за это святотатство пришлось пехоте на передовой линии. Это никоим образом не затронуло миролюбивых и нечестолобивых офицеров, которые с радостью устроились в Бари.

Они образовали небольшой мирок офицеров – часть молодых и неважно одетых, часть пожилых и шикарно одетых, – освобожденных от какой бы то ни было ответственности и неприятностей, связанных с командованием. Встречавшиеся иногда на улицах низшие чины выполняли при этих офицерах обязанности шоферов, денщиков, полицейских, писарей, прислуги и солдат охраны.

В этой раздражающей обстановке Гай прожил более недели, пока февраль не сменился мартом.

Он ежедневно являлся в штаб.

– Пока никаких новостей, – говорили ему. – Связь в последние несколько дней работает неудовлетворительно. Командование военно-воздушных сил не желает ничего предпринимать, пока не выяснит, как там дела.

«Желаю вам хорошо отдохнуть», – сказал бригадир Кэйп. Ритчи-Хук так не распорядился бы. Ничего похожего на «уничтожение и уничтожение» противника в Бари не было.

Мучимый бездельем, Гай направился в старый город и разыскал там полуразрушенную романскую церковь, в которой священник принимал исповедующихся. Гай дождался своей очереди и сказал:

– Отец, я хочу умереть.

– Да. Сколько раз?

– Почти все время, отец.

Неясная фигура позади решетки наклонилась к Гаю:

– Чего вы хотели-то, сын мой?

– Умереть.

– Да?. Вы пытались покончить жизнь самоубийством?

– Нет.

– За что же вы просите прощения? Желание умереть – это самое обычное желание в наше время. Это может даже рассматриваться как очень хорошее намерение. Вы же не обвиняете себя в отчаянии?

– Нет, отец, только предположение. Я не готов умереть.

– В этом нет никакого греха. Только угрызения совести. Искренне покайтесь за все грехи ваши в прошлом.

После отпущения грехов священник спросил:

– Вы иностранец?

– Да.

– Не дадите ли мне несколько сигарет?

Почти в то же самое время Вирджиния впервые покаялась в своих грехах священнику в Вестминстерском кафедральном соборе. Она рассказала ему все – полно, точно, ничего не скрывая и ни в чем не оправдываясь. На перечисление грехов и дурных поступков, совершенных ею на протяжении всей сознательной жизни, потребовалось менее пяти минут.

– Благодарение богу за ваше откровенное и смиренное признание, – сказал священник.

Грехи были отпущены. Ей сказали об этом теми же словами, что и Гаю. Ей была дарована такая же милость господня. Маленький Триммер зашевелился, когда она опустилась на колени перед боковым алтарем и произнесла слова покаяния.

После этого Вирджиния снова принялась за шитье приданого. Вечером в этот день она сказала дядюшке Перегрину то же, что говорила раньше:

– Не понимаю, почему люди делают из этого так много шума? Все это, оказывается, очень просто. И все же чувствовать, что в будущем тебе уже не придется каяться в чем-нибудь серьезном, очень приятно.

Дядюшка Перегрин ничего не ответил на это. Он никогда не считал, что обладает особой способностью распознавать души людские. Все, что делало или говорило большинство людей, просто озадачило его, когда он начинал думать об этом. Такие Проблемы он предпочитал оставлять на суд божий.

Лето в лесистых горах и плодородных долинах Северной Хорватии наступило быстро и щедро. Мосты на небольшой, однопутной железнодорожной ветке, связывавшей когда-то Бигой с Загребом, были опущены, шлагбаумы подняты. Магистральная дорога на Балканы вилась в восточном направлении. Немецкие грузовые машины двигались по ней непрерывной лентой днем и ночью, а немецкие гарнизоны в прилегающих районах сидели в ожидании приказа отступить. Здесь же, на островке освобожденной территории, крестьяне, как это бывало всегда в прошлом, обрабатывали свои поля, священники, как всегда, служили в церквях обедни. В одной магометанской деревушке в первые дни независимости Хорватии усташа сожгли мечеть. В самом Бигое та же банда, обученная в Венгрии, взорвала православную церковь и осквернила кладбище. Итальянцы отступали, усташа следовали за ними, а партизаны спускались сюда с гор и устанавливали свою власть. Ряды партизан непрерывно пополнялись просачивавшимися через немецкую линию фронта небольшими, разрозненными отрядами. Ощущался недостаток продовольствия, но голода никто не испытывал. Партизаны взимали небольшие налоги, но до грабежа дело не доходило. Партизаны подчинялись приказам, ибо расположение крестьян имело для них первостепенное значение.

Все буржуа покинули Бигой вместе с отступавшим гарнизоном. Магазины на небольшой главной улице стояли пустыми или использовались как помещения для постоя. Липовые аллеи были варварски вырублены на дрова. Однако в городе кое-где все еще встречались явные признаки габсбургской империи. В конце прошлого столетия город, благодаря его теплым источникам, благоустроили, и он стал-сравнительно известным курортом с лечебными водами. В доме лечебных ванн по-прежнему была горячая вода. Два пожилых садовника все еще поддерживали декоративные насаждения в относительном порядке. В густых зарослях между палаточными лагерями партизан еще встречались аккуратные нивелированные дорожки, с каждой из которых открывался особый вид, а по сторонам

от них еще можно было увидеть поломанные скамейки и беседки, в которых когда-то отдыхали больные, принимавшие курс лечения. Расположенные вокруг города шикарные виллы, поспешно оставленные их владельцами, использовались для различных служебных надобностей партизанами. В самой большой из этих вилл разместилась русская миссия.

В двух милях от города находилось бывшее пастбище – ровный участок земли, который использовался теперь как аэродром. Заведовали аэродромом четыре авиатора английских военно-воздушных сил. Они занимали одну сторону четырехугольника из деревянных домов, составлявших ранее находившуюся по соседству с пастбищем сельскохозяйственную ферму. Дома с другой стороны четырехугольника, отделенные от первых кучами навоза, занимала английская военная миссия. Обе эти миссии неумолимо обслуживались тремя черногорскими вдовами военного времени; функция охраны миссий была возложена на партизан, а роль переводчика выполнял некто по имени Бакич – политический изгнанник тридцатых годов, живший в Нью-Йорке и в какой-то мере усвоивший там английский язык. Каждая миссия располагала собственной радиостанцией, при помощи которой осуществляла связь с различными штабами. Сержант-связист и денщик составляли немногочисленный штат миссии, возглавляемой Гаем.

Офицер, которого Гай сменил на этом посту, впал в меланхолию, и его отозвали для медицинского обследования. Он улетел на том же самолете, который доставил Гая. Между ними состоялся десятиминутный разговор, пока группа девушек выгружала из самолета запасы.

– Эти товарищи – хитрые люди, – сказал он. – Не держите у себя никаких копий шифровок. Бакич читает все, что попадает под руку. И не говорите при нем ничего такого, что могло бы заинтересовать его начальство.

Командир эскадрильи заметил, что этот офицер стал в последнее время чертовски нудным. Страдает манией преследования. Совсем не тот человек, который необходим на этом месте.

Джо Каттермоул хорошо проинструктировал Гая относительно его обязанностей. Они были необременительными. В это время года самолеты прилетали в Бигой почти каждую неделю, доставляя

помимо запасов и грузов не называвших своих имен людей в форме, которые сразу же после посадки самолета направлялись в штабы своих товарищей. В обратный рейс самолеты забирали тяжело раненных партизан и союзников-летчиков, которые выбрасывались с парашютом из поврежденных бомбардировщиков, возвращавшихся из Германии в Италию. Наряду с доставкой на аэродром запасы просто сбрасывались с самолетов в различных районах освобожденной территории: бензин и оружие – парашютом, а менее уязвимые – одежда и продовольствие – в свободном падении. Рейсами всех самолетов руководил командир эскадрильи. Он назначал время вылетов и принимал самолеты на аэродроме. В обязанности Гая входило направлять в штаб доклады по военной обстановке.

Местный штаб партизан вел ночной образ жизни. Утром партизаны спали, во второй половине дня ели, курили и отдыхали, с заходом солнца начинали работать. Штаб и аэродром связывал полевой телефон. Один или два раза в неделю раздавался телефонный звонок, и Бакич объявлял: «Генерал просит прибыть немедленно». Затем Бакич и Гай с трудом плелись по изрытой глубокими колеями дороге на совещание, которое проводилось при свете иногда керосиновых ламп, а иногда электрической лампочки, которая тускнела, мигала и гасла так же часто, как и в штабе в Бари. На совещании обычно рассматривался перечень заявок на предметы снабжения. В нем могли быть и предметы медико-санитарной службы, и полное оборудование для госпиталя с подробнейшим списком препаратов и инструментов, на зашифрование и передачу которых по радио потребовались бы многие дни, и полевая артиллерия, и легкие танки, и пишущие машинки, и многое другое. Штаб заявлял также, что ему необходим собственный самолет. Гай не пытался оспаривать состоятельность заявок. Он лишь указывал на то, что союзные армии в Италии сами вели войну. Затем он обещал передать пожелания штаба своему командованию. После этого Гай редактировал заявки и просил только то, что считал разумным. Реакция бывала самой непредвиденной. Иногда с самолетов сбрасывали древние ружья, захваченные в Абиссинии, иногда обувь для полуроты, иногда в упаковках обнаруживали пулеметы, боеприпасы, бензин, сухие пайки, носки, школьные учебники. Партизаны вели строгий учет и составляли списки всего полученного, которые Гай также передавал

по радио. Ни одного случая пропажи или воровства не было. Несоответствие между тем, что испрашивалось, и тем, что фактически присылалось, лишало Гая возможности чувствовать себя хотя бы косвенным благодетелем.

Настоящее лето наступило в мае. Ежедневно после обеда Гай совершал пешую прогулку по городским садам. Там было множество извилистых тропинок, деревьев различных пород, скульптуры, эстрада для оркестра, пруд с сазанами и экзотическими утками, вычурные клетки на месте когда-то бывшего здесь зоопарка. Садовники разводили в этих клетках или кроликов, или кур, или белок. Гай не встречал в садах ни одного партизана. Но улицам города, взявшись под руки и распевая патриотические песни, важно расхаживали низкорослые толстенные девушки в военной форме, с медалями на груди и болтающимися на поясе ручными гранатами. Однако в садах, где не так давно едва передвигались ревматики с зонтиками и книжечками в руках, эти девушки почему-то не показывались.

«Держаться подальше от гражданских людей» – таково было одно из указаний, данных Гаю.

Позднее в этом месяце Гай заметил, что настроение в штабе стало настороженным и даже тревожным. Генерал и комиссар почти открыто искали расположения Гаю. Ему сказали, что в военной обстановке существенных изменений не произошло. Никаких заявок на предметы снабжения штаб не давал. В саду на костре было сожжено множество документов.

Вскоре Гай получил сообщение из Бари, в котором говорилось, что в район Дврара сброшен немецкий воздушный десант, а Тито и его штаб, а также английская, американская и русская миссии были вывезены самолетом, который доставил их в Италию. Знал ли об этом генерал. Гаю известно не было. Прошло две недели. Тито, как сообщили Гаю, развернул свой штаб под защитой союзников на острове Вис.

Через несколько дней Гай получил радиogramму открытым текстом:

«P(302)B. Лично Краучбеку. Начало радиограммы. Вирджиния сегодня родня сын. Оба здоровы. Краучбек. Конец радиограммы. Пожалуйста, имейте в виду личные радиограммы передаются только если они очень важные. За бригадира Джилпин».

– Запросите, что значат слова «родня сын»? – приказал Гай связисту.

Через три дня он получил еще одну радиограмму:

«Лично Краучбеку. Нашем номере P(302)B вместо „родня сын“ читайте „розга сын“. Это не может рассматриваться как очень важная личная радиограмма. Смотрите нашу предыдущую. За бригадира Джилпин».

– Запросите, что значат слова «розга сын»? – приказал Гай связисту.

Наконец он получил:

Вместо «розга сын» читайте «родила сына». Повторяю «родила сына». Поздравляю. Кэйп».

– Пошлите открытым текстом, – приказал Гай связисту.

«Личная радиограмма. Краучбеку, дом Бурна, Карлайл-плейс, Лондон. Рад, что оба здоровы. Краучбек. Конец радиограммы. Лично бригадиру. Благодарю за поздравления».

Сын Вирджинии родился 4 июня, в день, когда союзные армии вступили в Рим.

– Предзнаменование, – заметил дядя Перегрин.

Он разговаривал со своим племянником Артуром Бокс-Бендером в «Беллами», где нашел убежище, пока его квартиру «оккупировали» доктор, медицинская сестра и его племянница Анджела. В клубе в эти дни было довольно безлюдно. Большинство членов помоложе отправились на южное побережье в ожидании дня, когда их переправят через Ла-Манш. У более пожилых членов настроения напряженного ожидания не замечалось. Вряд ли они даже знали о предстоящем вторжении. Социальные условности препятствовали разговорам о нем сильнее, чем любые инструкции о соблюдении бдительности.

Для Бокс-Бендера рождение племянника было событием отнюдь не радостным. Он был расстроен женитьбой Гая. Он подсчитал месяцы беременности. Всю эту историю Бокс-Бендер считал результатом помрачения ума у людей среднего возраста, за которое Гай платит необычно высокую цену – возможное лишение наследства собственных детей Бокс-Бендера.

– Предзнаменование чего? – спросил он довольно резко. – Разве вы ожидаете, что этот мальчишка станет папой римским?

– Такая мысль мне в голову не приходила. Впрочем, я должен признать, за последние несколько недель Вирджиния приобщалась к религии довольно необычным способом. Не совсем благочестивым, я бы сказал, скорее с помощью болтовни. Духовенству она, кажется, страшно понравилась. Они непрестанно наносят ей визиты, в то время как ко мне никогда не заглядывали. Ей удастся вызывать у них смех. Она принадлежит к более веселому типу новообращенных, чем такие люди, как Элоиз Плессингтон.

– Прекрасно представляю себе это.

– Анджела очень помогла. Ты, конечно, знаешь все о рождении детей. А для меня это оказалось большой неожиданностью. Я никогда не задумывался над такими вещами, но мне казалось, что женщины

просто ложатся на кровать и у них начинает немного болеть живот; потом они постанут немного – и вот вам ребенок. На самом деле все оказалось не так.

– Я всегда уезжал из дому, когда Анджела рожала.

– Мне было ужасно интересно. В конце концов я тоже уехал, но начало было крайне неожиданным, почти лишающим мужества.

– Я совершенно уверен, Перегрин, вас ничто и никогда не лишит мужества.

– Да. Возможно, это не совсем удачное выражение.

В штабе особо опасных операций, в его опустевших отделах царил застой. Более эксцентричные фигуры – знахарь-колдун и человек, который питался травой, – остались, но операторы и боевые офицеры исчезли. На фоне предстоящей операции «Оверлорд»^[97], этой гигантских масштабов особо опасной операции, от которой, казалось, зависела судьба всего мира, значение авантюр меньших масштабов съезжилось до бесконечно малой величины.

Генерал Уэйл отдал приказ не об уничтожении, а об отправке в бездонную пучину забвения груды папок, каждая из которых содержала разработанный в деталях проект плана какой-нибудь отчаянной операции. Каждая такая операция носила несколько причудливое кодовое название, и все они в свое время горячо обсуждались и неоднократно перерабатывались. Теперь все эти операции не имели совершенно никакого значения.

Йэн Килбэннок без сожаления сообразил, что он прошел зенит своих возможностей и должен уйти в тень. Он уже вел переговоры о работе в качестве специального корреспондента в Нормандии. Эта работа проходила бы недалеко от дома и оказалась бы в центре внимания, но конкуренция здесь была ожесточенной. Йэну надо было подумать о своей будущей профессиональной карьере. Его небольшой опыт в качестве репортера скандальной хроники, казалось, не соответствовал духу времени. Пришла пора, думал Йэн, утвердиться в чем-нибудь серьезном. Тогда появились бы безграничные возможности для военных откровений очевидца, и этих возможностей хватило бы на всю его жизнь.

Ему намекнули об Адриатике, и он обещал подумать. Была предложена Бирма, но от этого предложения он уклонился. Из поступавших оттуда донесений Йэну было ясно, что это место не для него. В то же время такое место могло бы оказаться подходящим для Триммера.

– Все донесения Триммера свидетельствуют об отсутствии положительных результатов, сэр, – доложил Йэн генералу Уэйлу.

– Да. А где он сейчас?

– В Сан-Франциско. Он пересек всю страну и везде провалился. Но это вовсе не его вина. Он отправился туда слишком поздно. У американцев теперь полным-полно своих героев. Кроме того, как вам известно, они не обладают полностью развитым классовым сознанием. Они не воспринимают Триммера как предвестника пролетариата. В нем они видят типичного британского офицера.

– А что, разве они не замечают шевелюру этого парня? Я имею в виду не то, как он подстрижен, а то, как она *растет*. Что-что, а его шевелюра должна иметь для них достаточно пролетарский вид. Вы согласны?

– Такие вещи до них не доходят. Единственное, что нам остается, – это перебрасывать его все дальше на запад. Возвращать его в настоящий момент в Соединенное Королевство, по-моему, нецелесообразно. На то есть причины. Их можно было бы назвать основанными на сострадании.

– Перед нами стоит еще более сложная проблема – генерал Ритчи-Хук. Он окончательно разругался с Монти^[98], остался без должности и продолжает надоедать начальству. Я не совсем понимаю, почему нас считают ответственными за него.

– Вы считаете, что они смогли бы работать в паре и поражать воображение лояльных индийцев?

– Нет.

– Я тоже. Только не Ритчи-Хук. Стоит индийцам увидеть его, как они перестанут быть лояльными.

– Ради бога, уладьте все это сами. Меня тошнит от одного имени этого человека.

Генерал Уэйл тоже сознавал, что зенит его возможностей миновал и что в дальнейшем он может двигаться только к закату. В его прошлом был такой бредовый эпизод, когда он помог отправить на

верную смерть в Дьепп многих канадцев. Он участвовал в планировании еще более крупных авантур, из которых ничего не вышло. Теперь Уэйл оказался там же, откуда начинал в самый критический час для своей страны, но с незначительными возможностями причинить новый вред. Он занимал ту же комнату, его обслуживали те же люди из ближайшего окружения, что и в годы наибольшего расцвета. Однако он потерял свои легионы.

В положении Людовича также наметился застой. Его заместитель – он же начальник штаба – остался, но инструкторов отозвали. Ему перестали присылать новых «клиентов» для прохождения курса парашютной подготовки. Однако Людович был доволен.

В Шотландии он отыскал себе машинистку. Выбрал он ее потому, что она показалась ему наиболее изолированной от враждебного влияния тех, кто предлагал свои услуги литературному приложению к «Таймсу». На протяжении всей зимы он еженедельно посылал ей пакет с рукописью и взамен получал две отпечатанные копии в разных конвертах. Она подтверждала почтовой открыткой получение каждого пакета, но оставался четырехдневный интервал, во время которого Людович испытывал приступы острого беспокойства. В те дни на железных дорогах многое разворачивали, но так уж получилось, что роман Людовича избежал этой участи. Сейчас, в начале июня, он закончил его полностью, и теперь рукопись лежала перед ним в двух пачках, обернутых в бумагу и перевязанных бечевкой. Он приказал Фидо лечь в корзинку и уселся читать последнюю главу не ради того, чтобы исправить опечатки, так как он писал разборчиво и машинистка была опытная, не для того, чтобы отшлифовать или изменить что-нибудь, так как работа казалась ему совершенной (и, по существу, была таковой), а просто ради наслаждения своим собственным произведением.

Поклонники его эссе (а таких было немало) не угадали бы автора этой книги. Это был очень яркий, почти кричащий рассказ о любовной истории и драматических событиях большого накала. Но книга не была старомодной. Людович, правда, не знал этого, но не менее полдюжины других английских писателей, с отвращением отвернувшись от тягот войны и от чреватых опасностями социальных

последствий мира, уже в то время, каждый в отдельности и втайне один от другого, от Эверарда Спрюса, Коуни и Фрэнки, создавали книги, которые уводили бы из скучных серых аллей тридцатых годов в ароматные сады недавнего прошлого, преображенные и освещенные расстроенной памятью и воображением. Людович на своем уединенном посту оказался участником этого движения.

Несмотря на всю свою яркость, книга Людовича не была радостной. Ее страницы были залиты меланхолией, усиливающейся к концу повествования.

Поскольку о каждом литературном персонаже можно было бы сказать, что он имеет прототипа в реальном мире, героиней романа был сам автор.

Читая последние страницы, Людович четко осознал, что вся книга представляет собой описание подготовки к смерти леди Мармадюк – длительному, церемониальному убийству, подобному убийству быка на арене цирка. За исключением того разве, что в книге отсутствовало насилие. Временами Людович побаивался, как бы его героиню не замуровали в пещере или не бросили дрейфовать в открытой лодке. Но то были химеры. В стиле раннего и более счастливого века леди Мармадюк просто зачахла. Ее недуг был безболезненным и точно не определенным. Под тяжелой рукой Людовича она чахла, худела, становилась прозрачной; кольца соскальзывали с ее пальцев на богатое покрывало шезлонга, когда на далеких восхитительных вершинах гор замирали последние лучи света. Он колебался, выбирая название, примеривая многие невразумительные идеи, возникавшие при недавнем чтении. И вот, наконец решившись, он начертал большими буквами вверху на первой странице: «ЖЕЛАНИЕ СМЕРТИ».

Лежавший в своей корзине Фидо, почувствовал, что хозяин возбужден, нарушил приказ, запрещающий ему разделять с ним эмоции, вспрыгнул на крепкие колени Людовича и, не получив замечания, остался там, пожирая его своими глазами, более светлыми и выпуклыми, чем глаза хозяина.

– Что мне страшно хочется узнать, – призналась Кирсти, – так это как все сложилось у Гая и Вирджинии после того, как она переехала

на Карлайл-плейс. В конце концов прошел добрый месяц, прежде чем ее фигура начала расплываться.

– А меня это совсем не интересует, – заметил Йэн.

– Вряд ли теперь можно задать ей этот вопрос. После нашей размолвки мы помирились; ничего хорошего в том, чтобы *долго дуться* друг на друга, нет, правда ведь? Но какой-то холодок все же остался.

– Почему тебя так интересует это?

– А тебя нет?

– Между мной и Вирджинией прохладные отношения сохранялись многие годы.

– Кто был там сегодня вечером?

– Прямо-таки целый салон. Пердита привела Эверарда Спрюса. Была еще одна – я ее не знаю, – которую звали леди Плессингтон; пришел какой-то священник. Все было бы очень мило, если бы не акушерка, которая то и дело показывала нам младенца. Вирджиния просто не переносит его вида. Если верить романам и фильмам, ребенок должен был бы преобразить Вирджинию. Но этого не случилось. Ты заметила, она всегда называет его «оно» и никогда – «он». Акушерку она зовет Дженни. Старина Перегрин говорит о ребенке как о Джервейсе. Они уже окрестили его. Когда он ее спрашивает, как чувствует себя Джервейс, Вирджиния, по-видимому, ощущает неловкость. «О-о, вы имеете в виду ребенка? Спросите у Дженни».

Когда сыну Вирджинии исполнилось десять дней, а страницы газет были заполнены новостями о высадке в Нормандии, окутавшее Лондон сомнительное спокойствие было нарушено. В небе появились летающие снаряды – эти маленькие уродливые карикатуры на самолет, которые, дымя, с гудением пролетали над крышами, потом внезапно замолкали, исчезали из виду и глухо взрывались. Они прилетали днем и ночью, через короткие неравные интервалы, падая наугад и далеко, и поблизости. Все это было совсем не похоже на сцену боев во время блица с их драматическими картинками атак и обороны, их потрясающими разрушениями и ревущими пожарами, их передышками, когда давали отбой воздушной тревоги. Здесь враг не

рисковал жизнью своих людей. Это было безличным, как чума, как если бы город наводнили огромные злобные насекомые. В те минувшие дни, когда «Черепаша» исчезла в пламени, а маршал авиации Бич прятался под бильярдным столом в «Беллами», моральный дух в клубе, как и всюду, был высок, как никогда. Теперь в этом клубе лица у всех были мрачные. В баре гул пролетающих снарядов слышен не был, но зато в кофейной гостиной, высокие окна которой (заклеенные крест-накрест липким пластырем) выходили на Сент-Джеймс-стрит, одного проезда по улице мотоцикла было достаточно, чтобы головы поворачивались на звук и наступала тишина. Джоуб храбро стоял на своем посту в помещении для швейцара, однако его самообладание требовало теперь куда более частого подкрепления спиртным. Члены клуба, на имевшие определенных обязанностей в Лондоне, начали исчезать. Элдерберри и Бокс-Бендер решили, что наступило время заняться местными делами в своих избирательских округах.

Генерал Уэйл сделал беспрецедентный шаг, переселившись в бомбоубежище. Строительство бомбоубежища обошлось очень дорого, в нем находились средства связи и кондиционеры воздуха, но оно никогда до этого не использовалось. В штабе особо опасных операций сложилась традиция не обращать внимания на воздушные тревоги. Однако теперь генерал Уэйл приказал поставить в убежище кровать и проводил в нем не только все ночи, но и все дни.

– Если мне позволено сказать, сэр, – решился Йэн Килбэннок, – вы выглядите не совсем хорошо.

– Откровенно говоря, Йэн, я не ощущаю этого. В течение двух лет я не побывал в отпуске ни одного дня.

«У этого человека сдали нервы, – решил Йэн. – Теперь его можно покинуть без всякого риска».

– Сэр, – начал он, – если вы не возражаете, я подумываю обратиться с просьбой о назначении за границу.

– И вы тоже, Йэн? Куда? Как?

– Сэр Ральф Бромптон считает, что мог бы добиться посылки меня военным корреспондентом на Адриатику.

– А какое отношение имеет к этому *он*? – спросил генерал в приступе слабого раздражения. – С каких это пор назначение на военные должности стало его обязанностью?

– По-видимому, у него есть там какие-то связи, сэр.

Генерал Уэйл уставился на Йэна унылым, непонимающим взглядом. Два-три года назад, даже шесть месяцев назад обращение к нему с такой просьбой вызвало бы взрыв ярости. А теперь генерал только глубоко вздохнул. Он посмотрел на шероховатые бетонные стены своего убежища, на молчащий телефон с автоматическим шифровальным устройством и подумал, что он подобен прекрасному и бесплотному ангелу, напрасно машущему в пустоте своими блестящими крыльями.

– Что же я здесь делаю? – спросил он. – Зачем я прячусь здесь, если единственное, чего я хочу, – это умереть?

– Анджела, – сказала Вирджиния, – тебе лучше бы уехать тоже. Теперь я могу справиться сама. Право, и нянечка Дженни мне больше не нужна. Послушай, а не могла бы ты забрать с собой в деревню и ребенка? Старая нянюшка, конечно, справилась бы с ним...

– Вероятно, она охотно согласилась бы, – сказала Анджела Бокс-Бендер. Несмотря на сомнения, она была готова выслушать доводы Вирджинии. – Беда только в том, что у нас просто не хватит места еще для одного взрослого.

– О, я вовсе не собираюсь ехать. Если освободится детская, Перегрин будет счастлив остаться со мной и миссис Корнер. Миссис Корнер будет на седьмом небе, когда все уедут. (Между проходящей нянечкой и домашней прислугой существовала нормальная неискоренимая вражда.)

– Это поразительно бескорыстно с твоей стороны, Вирджиния. Если ты действительно считаешь, что так лучше для Джервейса...

– Я действительно считаю, что для... для Джервейса это самое лучшее.

Итак, все было улажено. Вирджиния с комфортом восстанавливала свои силы под звуки гудевших над головой снарядов и каждый раз, когда выключался двигатель очередного самолета-снаряда, задавала себе вопрос: не этот ли ударит сейчас сюда?

Никакого предупреждения о прибытии важной персоны Гай не получал. О том, что готовятся к чему-то важному, он узнал только тогда, когда в темноте, предшествовавшей зажиганию огней вдоль посадочной полосы, рассмотрел, что для встречи самолета собирается целая группа, в том числе генерал и комиссар. Когда зажглись огни, Гай увидел здесь и представителей русской миссии. Когда самолет остановился и распахнулись двери, из них вынырнули шесть фигур в боевом обмундировании. Партизаны немедленно окружили их, крепко обнялись с каждым и отвели их в сторону.

Командир эскадрильи начал руководить выгрузкой запасов. Их оказалось немного – продовольствие, почта и довольно много канистр с бензином, – и предназначались они главным образом для британской миссии.

– Что, по-вашему, я должен делать со всем этим? – спросил Гай у пилота.

– Подождите, узнаете. Там еще джип должны выгрузить.

– Для меня?

– Э-э, нет, для вашего майора.

– А у меня есть майор?

– Разве вам не сообщили? Они же радиовали, что прибывает майор. Никогда не говорят мне имен. Вон он там, вместе со всей компанией.

Крепкие, старательные партизаны, соорудили сходню и осторожно скатили на землю автомашину. Через некоторое время кто-то очень уж английским голосом спросил:

– Есть здесь Гай Краучбек?

Гай узнал голос.

– Франк де Сауза?

– Что, не рады мне? Сообщение о моем прибытии вы, наверное, получите в завтрашней радиопередаче. Решение отправить нас было принято в последнюю минуту.

– Кого же еще?

– Объясню позже. Боюсь, «дядюшка», что в вихре войны я стал теперь вашим командиром. Будьте добры, присмотрите за грузом, хорошо? Мне предстоит всю ночь разговаривать со штабом и президиумом.

– С кем?

– Я так и думал, что удивлю вас. Обо всем этом поговорим завтра. Бигую, к вашему сведению, предстоит стать весьма популярным курортом. Мы будем творить здесь историю, «дядюшка». Я должен отыскать подарок генералу, он лежит в моем чемодане. Подарок может помочь укрепить антифашистскую солидарность.

– Он склонился над небольшой грудой багажа, отстегнул какие-то ремни и выпрямился, держа в каждой руке по бутылке. – Скажите кому-нибудь, пожалуйста, чтобы привели все вещи в порядок. И пусть отнесут их туда, где я буду ночевать.

Он присоединился к группе прибывших и встречавших, которые уже шагали по полю, с трудом вытаскивая вязнущие в земле ноги.

– Отлично, – сказал пилот. – Я готов принять пассажиров.

Сначала в самолет внесли двух раненых партизан, затем на борт поднялись члены экипажа американского бомбардировщика, которые за неделю до этого выпрыгнули с парашютом и были доставлены в резиденцию командира эскадрильи. Они чувствовали себя далеко не в восторге от столь быстрого возвращения на службу. Существовала инструкция, согласно которой, если бы они оставались на неприятельской территории на несколько недель дольше, их могли бы репатриировать в Соединенные Штаты. Именно с этой целью они совершили опасный прыжок с парашютом и уничтожили слегка поврежденный дорогостоящий самолет.

Как обычно, во время этих ночных нашествий Гая сопровождали его сержант и денщик. Они явно повеселели при виде джипа. Гай оставил автомобиль и запасы на их попечение и пешком возвратился к себе на квартиру. На ночном летнем небосводе сверкали мириады звезд, и небосвод от этого весь осветился. Придя на ферму, Гай сообщил вдовам о прибытии де Саузы. Рядом с его спальней была еще одна пустая комната, которую они немедленно начали приводить в порядок. Хотя было уже за полночь, они работали не жалуясь, усердно, возбужденные перспективой встречи с вновь прибывшим гостем.

Вскоре во двор въехал джип. Вдовы выбежали, чтобы полюбоваться им. Солдаты разгрузили джип, поместив продовольствие и канистры в кладовой, а багаж де Саузы – в приготовленной для него комнате. Президиум, что бы это ни было, не представлял для Гая никакого интереса; он просто был рад приезду де Саузы.

– Почта, сэр, – доложил денщик.

– Лучше оставьте это майору де Саузе на утро. Вы знаете, что теперь начальником здесь будет он?

– Да, об этом болтали летчики. Для вас два личных письма сэр.

Гай взял два тонких листа бумаги, предназначенных для переписки авиапочтой – единственное в то время средство связи. Одно письмо было от Вирджинии, другое – от Анджелы.

Письмо от Вирджинии не имело даты, но было ясно, что оно написано около шести недель назад.

«Умница Перегрин говорит мне, что ему удалось убедить их принять телеграмму для тебя, извещающую о рождении. Надеюсь, она дошла. На телеграммы сейчас полагаться нельзя. Так или иначе, но ребенок родился, и я чувствую себя прекрасно, и все вокруг, особенно Анджела, просто восхитительны. Няня Дженнигс – Дженни для меня – говорит, что ребенок изумительный. Мы довольно весело пошутили по поводу сочетания слов „Дженни“ и „джин“ и моих слов о том, что она похожа на миссис Гэмп, – по крайней мере, эта шутка привела в смущение других людей. Я думаю, это очень смешно – все эти шутки, связанные с нянями. Его уже окрестили. Элоиз Плессингтон, которая – хочешь верь, хочешь нет – теперь стала моим новым большим другом, была крестной матерью. Со времени твоего отъезда я приобрела массу новых друзей, и вообще мне живется очень хорошо. Один интеллектуал по имени Эверард (фамилию не знаю), который говорит, что знаком с тобой, принес мне копченого лосося от Рубена. И лимон! Где Рубен достает все это? Волшебник. Я надеюсь, тебе нравится твоя служба за границей, где бы ты ни был, и ты уже забываешь все лондонское свинство и грязь. Йэн

говорит, что собирается навестить тебя. Каким образом? Страшно хочется, чтобы ты поскорее возвратился.

В.».

Письмо Анджелы было написано месяцем позже.

«У меня для тебя ужасная новость. Возможно, мне надо было попытаться дать телеграмму, но Артур сказал, что в этом нет смысла, так как ты ничего не сможешь сделать. Так вот, приготовься. Вирджиния убита. Перегрин и миссис Корнер тоже. Джервейс уцелел и находится у меня в безопасности. Один из этих новых самолетов-снарядов попал в Карлайл-плейс вчера в десять утра. Все они были убиты наповал. Все коллекции Перегрини уничтожены. Это Вирджиния подала идею, чтобы Джервейс находился у меня и был в безопасности. Мы надеемся, что сможем перевезти Вирджинию и Перегрини в Брум и похоронить их там, но это нелегко. Сегодня утром я заказала мессу по ним здесь. Вскоре состоится другая месса в Лондоне для друзей. Не буду пытаться рассказывать тебе, что я чувствую, кроме того, что теперь больше, чем когда-либо, молюсь о тебе. У тебя была трудная жизнь, Гай, и казалось, наконец твои дела начали поправляться. Как бы там ни было, у тебя есть Джервейс. Жаль, что папа не дожил, чтобы узнать об этом. Мне хотелось бы, чтобы ты видел Вирджинию в эти последние недели. Она, конечно, оставалась прежней – прелестной, беспечной, самой собой, – но в ней произошла какая-то перемена. Я начинала все больше и больше понимать, почему ты любил ее, и сама стала любить ее. В прежнее время я не понимала этого.

Как говорит Артур, тебе здесь действительно делать нечего. Я полагаю, ты мог бы получить отпуск по семейным обстоятельствам, но думаю, ты предпочтешь продолжать заниматься своим делом, в чем бы оно ни заключалось».

Эти новости не слишком взволновали Гая; в действительности – даже меньше, чем прибытие Франка де Саузы, джипа и президиум.

Ответ на вопрос, который так волновал Кирсти Килбэннок и других его знакомых (каковы были отношения между ними во время их недолгой совместной жизни в квартире дяди Перегринна?), был достаточно прост. Возвратившись из бюро записи актов гражданского состояния в качестве мужа, Гай с трудом доковылял до лифта. Когда он улегся в постель, к нему присоединилась Вирджиния и с мягким, нежным проворством приспособила свои ласки к его болезненному состоянию. Как всегда, она была щедра в том, в чем заключался ее талант. Без страсти или сентиментальности, но в духе дружбы и уюта они вновь обрели удовольствия брака, и за те недели, пока заживало его колено, глубокие старые раны в сердце Гая и в его гордости также затянулись. Возможно, Вирджиния знала, что так и должно было произойти. Январь был месяцем удовлетворения, временем завершения, а не посвящения в тайну. Когда Гай был признан годным к службе в строю и ему выписали командировочное предписание, он почувствовал себя так, как будто покидает госпиталь, где его искусно врачевали, – место, которое с благодарностью помнят, но куда не имеют особенного желанья возвратиться. Ни тогда, ни позже Гай не сказал Франку о смерти Вирджинии.

Франк появился на ферме на рассвете, сопровождаемый двумя партизанами, весело разговаривая с ними на сербскохорватском языке. Гай долго ожидал его и, не дождавшись, задремал. Теперь он встретил Франка и показал отведенную ему комнату. Вдовы появились с предложением принести закусить, но Франк сказал:

– Я не спал тридцать шесть часов подряд. Когда проснусь, у меня будет много о чем рассказать вам, «дядюшка». – Затем он поприветствовал партизан сжатым кулаком и закрыл за собой дверь.

Взошло солнце, ферма ожила. Сменился партизанский караул. Вскоре на ярко освещенном дворе появились и стали бриться солдаты британской миссии. В стороне, на ступеньках кухни, завтракал Бакич. Колокол на церковной башне пробил три раза, сделал паузу и ударил еще три раза. Гай ходил в церковь по воскресеньям и никогда в будние дни. На воскресной мессе было полно крестьян. Здесь всегда читали получасовую проповедь, которую Гай не понимал – его прогресс в изучении сербскохорватского был незначителен. Когда старичок священник поднялся на кафедру, Гай протиснулся к выходу, а партизанские полицейские продвинулись вперед, чтобы не упустить

ни одного слова. Когда литургия возобновилась. Гай возвратился, а полицейские подались назад, остерегаясь таинства.

Удар колокола, возвещающий о вознесении святых даров, напомнил Гаю о его долге перед своей женой.

– Сержант, – спросил он, – сколько у нас лишнего продовольствия?

– Много, особенно после пополнения запасов прошлой ночью.

– Я подумал, нельзя ли мне взять немного для небольшого подарка кое-кому в деревне?

– Не следует ли нам подождать и спросить у майора, сэр? Имеется приказ ничего не давать местным.

– Вы, пожалуй, правы.

Он пересек двор, направляясь в помещения авиаторов. Здесь все было свободнее и проще. Командир эскадрильи наладил скромную и слабо замаскированную меновую торговлю с местными крестьянами и собрал небольшую коллекцию произведений хорватского искусства и ремесла, намереваясь отвезти ее домой своей жене.

– Бери сколько надо, старина.

Гай положил в рюкзак коробку мясных консервов и несколько плиток шоколада и направился в церковь.

Старенький священник находился в ризнице один и подметал метелкой голый каменный пол. Он знал Гая в лицо, хотя они никогда не пытались вступать в разговор. Люди в военной форме не сулили церковному приходу ничего хорошего.

Войдя, Гай отдал честь и положил свои дары на стол. Священник с удивлением посмотрел на подарок, затем разразился благодарственными словами на сербскохорватском. Гай сказал:

– *Facilius loqui latine. Hoc est pro Missa. Uxor mea mortua est.* ^[99]

Священник кивнул:

– *Nomen?* ^[100]

Гай написал печатными буквами в своей записной книжке имя Вирджинии и вырвал листок. Священник надел очки и посмотрел на листок.

– *Non es partisan?* ^[101]

– *Miles anglicus sum.* ^[102]

– *Catholicus?* ^[103]

- Catholicus.
- Et uxor tua?^[104]
- Catholica.^[105]

Все это звучало неубедительно. Священник снова посмотрел на продовольствие, на имя на листке бумаги, на боевое обмундирование Гая, которое ему было известно только как партизанская форма. Затем сказал:

- Cras. Hora septem.^[106] – Он поднял вверх семь пальцев.
- Gratias.^[107]
- Gratias tibi. Dominus tecum.^[108]

Выйдя из ризницы, Гай направился в примыкающее здание церкви. В этом здании все напоминало о старине, и только специалист мог бы надеяться определить его возраст. Несомненно, церковь здесь была еще в древние времена. Несомненно, часть древнего здания уцелела до сих пор. За прошедшие века его обновляли, перекрашивали, украшали и грабили, забрасывали и любовно восстанавливали. Одно время, когда Бигой был курортом, наступали периоды его умеренного процветания. Теперь он возвратился к своим прежним занятиям. В церкви в эту минуту находилась крестьянка в местном старинном костюме, преклонившая колена прямо на каменном полу сбоку от алтаря, с распростертыми в стороны руками. Она, несомненно, молилась, благодаря за приобщение к святым тайнам. Здесь стояло несколько скамеек и не было никаких стульев. Гай преклонил колена, затем встал и помолился, прося прощение для Вирджинии и для себя. Несмотря на религиозное воспитание с младенческих лет, Гай никогда не мог привыкнуть читать в церкви молитвы с определенной целью. Он вверил душу Вирджинии богу – просьба о покое для нее казалась ему вполне уместной, – произнеся монолог, который всегда употреблял в своих молитвах. «Как старушка, – печально думал он иногда, – беседующая со своим котом».

Устремив взгляд на алтарь, Гай простоял так около пяти минут. Обернувшись, он увидел Бакича, стоявшего позади него и внимательно наблюдавшего за ним. Чаша для святой воды была пустой. Гай преклонил колена у двери, потом вышел на солнечный свет. Бакич стоял рядом с ним.

- Что вам нужно?
  - Я подумал, может быть, вы хотите поговорить с кем-нибудь.
  - Когда я молюсь, переводчик мне не нужен, – ответил Гай.
- Однако позже он усомнился: действительно ли не нужен?

Тела Вирджинии, дяди Перегринна и миссис Корнер были извлечены из руин многоквартирного дома Бурна неповрежденными и поддающимися опознанию, однако официальные препятствия перевозке их в Брум (миссис Корнер была тоже уроженкой Брума) оказались для Артура Бокс-Бендера непреодолимыми. Он похоронил их на берегу Темзы в Мортлейке, где у них имелся участок, приобретенный кем-то из семьи в прошлом веке и оставшийся неиспользованным. Он находился поблизости от оштукатуренного шатра цирка Бартонна. Заупокойная служба состоялась неделей позже в кафедральном соборе. Эверард Спрюз не побывал ни на одной из этих служб, но зачитал вслух Фрэнки и Коуни список присутствовавших на похоронах.

Эверард Спрюз познакомился с Вирджинией только в последние недели ее жизни, но задолго до этого наслаждался заочным знакомством с ней по газетам. Подобно многим левонастроенным, он был прилежным подражателем Йэна Килбэннока и его собратьев – склонность, которую он оправдывал, утверждая, что обязан знать боевой порядок неприятеля. На последнем этапе периода заката социального порядка он встречался на дружеской основе с некоторыми из представителей гнета и фривольности, такими, например, как старая Руби в «Дорчестере», а много лет спустя, когда Спрюз принялся за свои мемуары, он давал понять, что был частым гостем этих домов в период их расцвета. Он начинал считать Вирджинию своим старым и ценным другом.

– Кто такие все эти люди? – спросила Коуни. – Какое они имеют значение? Все, что мне известно о миссис Краучбек, это то, что ты отдал ей копченого лосося, которого нам было бы достаточно, чтобы прокормиться в течение целой недели.

– Отдал прежде, чем мы смогли откусить от него хотя бы кусочек, – добавила Фрэнки.

– И лимон, – сказала Коуни.

Самолеты-снаряды нарушили устоявшийся порядок в редакции «Севайвэла». Две секретарши уехали в деревню. Фрэнки и Коуни

остались, но были менее покорны, чем в прежние времена. Самолеты-снаряды прилетали с юго-востока и были ясно различимы на фоне широко открытого над рекой неба. Казалось, все они нацелены на дом на Чейни-Роу. Они отвлекали девушек от исполнения своего предназначения служить Спрюсу и почитать его. Его манера поведения в отношениях с ними начинала все больше напоминать манеру школьного учителя, тем более что собственные нервы Спрюса были не совсем в порядке. Он больше походил на школьного учителя, который опасается, что назревает скандал.

Сейчас он заговорил, стараясь, чтобы его слова звучали внушительно:

– Вирджиния Трой была последней в ряду героинь минувших двадцати лет – романтических фигур, прошедших перед нами в промежутке между двумя войнами. – Он взял с полки книгу и прочитал: – «Она пересекла грязную улицу, старательна ставя ноги одну за другой, точно по прямой линии, как будто шла по острию ножа, а по сторонам зияла один только бог знает какая бездна. Казалось, она плыла, слегка подпрыгивая с каждым шагом, и юбка ее летнего костюма – а была она белая, с вычурным рисунком черного цвета, нанесенным по всему полю, – грациозно развевалась в такт ее раскачивающейся походке». Спорю, никто из вас не знает, кто написал это. Вы скажете, Майкл Арлин.

– Я не сказала бы, – возразила Коуни. – Никогда не слышала о нем.

– Никогда не слышала об Айрис Сторм, этой бесстыдной скандальной леди, одетой *pour le sport*?^[109] «Я подстилка для мужчин», – сказала она. Я прочитал это еще в школе, где книга была под запретом. Меня она по-прежнему волнует. Что такое юность без лишений?! Осмелюсь сказать, о Скотте Фитцджеральде вы тоже не слышали. Так или иначе, отрывок, который я прочитал – хотите верьте, хотите нет, – из Элдоса Хаксли. Тысяча девятьсот двадцать второй год. Миссис Вайвиш... Хемингуэй огрубил этот образ в своей «Брет», но тип сохранился и в книгах, и в жизни. Вирджиния была последней из них – утонченных, осужденных и изобличенных, с замирающим голосом, – на целое поколение моложе. Мы никогда больше не увидим кого-либо, похожего на нее, в литературе или в жизни, и я очень рад, что знал ее.

Коуни и Фрэнки посмотрели друг на друга, их глаза метали стрелы возмущения.

– Может быть, вы собираетесь сказать: «Форма для отливки разбита»? – спросила Коуни.

– И скажу, если захочу, – раздраженно возразил Спрюс. – Только посредственность боится штампов.

В ответ на это замечание Коуни разразилась слезами.

– «Утонченных, осужденных и избличенных, с замирающим голосом», – передразнила Спрюса Фрэнки. – Это звучит так, будто сказано о героине отвратительного «Желания смерти» майора Людовича.

В этот момент еще один самолет-снаряд Загудел над их головами. Они молчали, пока он не пролетел.

Тот же самолет-снаряд прошел поблизости от небольшого дома Элоиз Плессингтон, где она сидела вместе с Анджелой Бокс-Бендер. Прямо над ними, как показалось, двигатель снаряда выключился. Обе женщины сидели молча, пока не услышали взрыв где-то через несколько улиц от них.

– Мне страшно признаться, – сказала Элоиз, – но каждый раз, когда летит снаряд, я молюсь: «Пожалуйста, боже, не дай ему упасть на меня».

– А кто же не молится?

– Но, Анджела, это ведь означает: «Пожалуйста, боже, пусть он упадет на кого-нибудь другого».

– Не будь плупой, Элоиз.

Обе эти женщины одного возраста знали друг друга с детских лет. Когда-то Чарлз Плессингтон одним из молодых людей, казавшихся подходящими для брачного союза с Анджелой. Он происходил из одного с Анджелой замкнутого круга неконформистских семей, владевших землей. Однако она поставила в тупик сватов из клуба «Разумных», предпочтя протестанта и плебея Бокс-Бендера. За Чарлза вышла Элоиз и сделалась после этого не простой, а очень деятельной католичкой. Ее сыновья выросли и удачно женились. Ее единственной семейной проблемой была дочь Доменика, которой уже исполнилось двадцать пять лет; она пыталась найти свое призвание в монастыре, но потерпела неудачу и теперь водила трактор на ферме – занятие, изменившее ее внешность и манеры. Из застенчивой и несколько

излишне женственной она стала теперь довольно шумливой, носила брюки, ходила вымазанной в грязи, пересыпала свою речь жаргонными словечками, характерными для скотного двора.

– Так о чем мы говорили?

– О Вирджинии.

– Да, конечно. За эту зиму и весну я очень полюбила ее, но, ты знаешь, я не могу рассматривать ее смерть как обыкновенную трагедию. Я вижу особое провидение божье в падении этой бомбы. Бог простит меня за такие мысли, но я никогда не была полностью уверена в том, что ее новое настроение надолго сохранится. И все же ее убило в тот момент, когда она могла быть уверена в том, что в конечном итоге попадет в царствие небесное.

– Нельзя было не полюбить ее, – сказала Анджела.

– Гай будет сильно переживать?

– Кто знает? Все это очень запутано. Ты знаешь, она забеременела до того, как они снова поженились.

– Я так и предполагала.

– В действительности я знаю Гая очень мало. Он так долго прожил за границей. Я всегда воображала, что он окончательно выбросил ее из головы.

– Они, казалось, были достаточно счастливы в те немногие последние дни.

– Вирджиния знала, как делать людей счастливыми, когда хотела.

– И что же теперь будет с моим крестником?

– Действительно, что? По-моему, я должна присмотреть за ним. Артуру это вовсе не понравится.

– Временами я подумывала усыновить ребенка, – сказала Элоиз, – сироту из семьи беженцев или что-нибудь в этом роде. Ты знаешь, пустые детские кажутся укором, когда так много людей осталось без крова. Это было бы интересно также и для Доменики, отвлекло бы ее от неумеренной выпивки и дурных компаний.

– Ты хочешь усыновить Джервейса?

– Ну *не усыновить*, конечно, не оформлять это юридически и не давать ему нашу фамилию или что-нибудь в этом роде, а просто позаботиться о нем, пока Гай не возвратится и не сможет создать для него дом. Каково твое мнение об этом?

– Это очень любезно. Артур был бы безмерно рад. Но надо спросить у Гая, конечно.

– Но ты ведь не будешь возражать, если я возьму малыша к себе, пока мы будем ждать ответа.

– Я не вижу никаких препятствий. Джервейс – очень славный ребенок, понимаешь, но Артур просто не переносит его присутствия.

– Вот летит еще один отвратительный снаряд.

– А ты помолись: «Боже, сделай, пожалуйста, чтобы этот был неисправный и не взорвался бы вообще».

Но снаряд был исправный. Он все-таки взорвался, но далеко от Вестминстера, на улице, уже разрушенной ранее упавшими бомбами и теперь совершенно безлюдной.

– Ты прочитала «Желание смерти»? – спросил Спрюз.

– Несколько отрывков. Обыкновенный дешевый любовный романчик.

– Дешевый любовный *романчик*? Да он вдвое длиннее «Улисса»! В наше время не очень много издателей имеют достаточно бумаги, чтобы напечатать его. Прошлой ночью я прочитал большую часть его. Не мог уснуть из-за этих проклятых снарядов. Знаешь ли, в «Желании смерти» Людовича что-то есть...

– Что-то очень безнравственное.

– О да, безнравственное, в высшей степени безнравственное. Я не удивлюсь, если узнаю, что роман будет иметь большой успех.

– Вряд ли это то, что мы ожидали от автора афоризмов.

– Интересно, что лишь очень немногие из великих мастеров литературной халтуры сознательно писали в начале карьеры всякую дрянь. В молодости большинство из них писали сонеты, один за другим. Возьмите Холла Кейна^[110], протеже Роусетти^[111], или молодого Хью Уолпоула^[112], соперничавшего с Генри Джеймсом^[113]. Дороти Сэйерс^[114] писала религиозные стихи. Практически никто не намеревался писать халтуру. Те, которые начинают с халтуры, очень далеко не уходят.

– Еще один снаряд.

Это был тот самый снаряд, который всполошил Анджелу и Элоиз. Спрюз и Фрэнки не молились. Они просто отошли подальше от окон.

Франк де Сауза придерживался партизанского распорядка: спал по утрам, вел переговоры по ночам. В день приезда он появился ко второму завтраку.

– Помещения здесь лучше, чем те, к которым я привык, – признался он. – До этого в Боснии я жил в пещере. Но нам придется быстро кое-что сделать, чтобы помещения стали еще лучше. К нам придут с визитом высокопоставленные лица. С вашего позволения, я возложу всю подготовку на вас, «дядюшка». Генералу и комиссару я обрисовал всю картину вчера ночью. Вы убедитесь, что они с готовностью помогут нам. Янки не склонны принимать на веру наши разведывательные сообщения. Хотят убедиться сами. Поэтому они посылают сюда генерала, чтобы тот донес, хорошо ли воюют партизаны.

Бой, подготовленный для приезжего генерала, должен был представлять собой штурм небольшого блокгауза, расположенного приблизительно в двадцати милях к западу, – ближайшего к Бигою неприятельского поста на второстепенной дороге, ведущей к побережью. Гарнизон атакуемого объекта состоял из роты хорватских националистов, в обязанности которых входило патрулировать вдоль плохо определенных границ освобожденной территории и выставлять часовых у мостов в этом районе. Во всех отношениях это был удобный объект для задуманного представления; объект был удобно расположен и для наблюдателей – в небольшой долине с лесистыми склонами по обеим сторонам.

Генерал обратил внимание на то, что фронтальный штурм в дневное время не является нормальной партизанской тактикой. «Нам понадобится поддержка авиации», – сказал он.

По этому вопросу де Сауза составил длинную радиограмму. В том, что королевские военно-воздушные силы согласились выделить для атаки этой незначительной цели два истребителя-бомбардировщика, проявилась мера нового престижа партизан.

Осуществление штурма было поручено двум бригадам армии национального освобождения. В бригадах насчитывалось по сто солдат в каждой.

– Я думаю, – сказал де Сауза, – нам лучше называть их ротами. Не будут ли бригады возражать против снижения их чина до капитана на день или два?

– В народных антифашистских силах мы не придаем значения таким вещам, – ответил комиссар.

Генерал оказался не столь покладистым.

– Они заслужили свое звание на поле боя, – напомнил он. – Численность бригад сократилась только из-за понесенных нами больших потерь. И потому еще, что поставки оружия нашими союзниками были очень скудными.

– Да, – согласился де Сауза. – Я-то, конечно, понимаю все это, но нам не следует упускать из виду того, как все это может повлиять на наших высокопоставленных наблюдателей. Они намерены прислать сюда и журналистов. Их корреспонденции будут первыми сообщениями очевидцев из Югославии, и они появятся в прессе. Использование двух бригад против одной роты плохо выглядело бы в глазах читателей.

– Это надо обдумать, – согласился комиссар.

– Я советую, – сказал де Сауза, – бригады оставить в прежнем чине, а их части называть ударными силами. Я думаю, это произвело бы впечатление. «Оставшиеся в живых после шестой атаки».

Де Сауза прибыл с мандатом, к которому генерал и комиссар отнеслись с уважением. Они доверяли ему и относились к его советам с вниманием, которого не оказали бы ни Гаю, ни даже бригадиру Кэйпу, фактически, даже ни генералу Александеру^[115], ни мистеру Уинстону Черчиллю.

Гая никогда не приглашали на эти совещания, которые проводились на сербскохорватском языке без переводчика. Его не информировали и о переговорах в Бари. Все радиogramмы де Сауза получал лично и в зашифрованном виде. Все утренние часы, проводимые им в постели, он посвящал чтению радиogramм и лично зашифровывал ответы. Гаю он передал все местные заботы и хлопоты по подготовке к предстоящему визиту. Как и предсказывал де Сауза, партизаны подобрели и стали более сговорчивыми. Они раскрыли

перед ним тайну секретных запасов имущества, реквизированного в домах сбежавшей буржуазии, мебель чудовищного немецкого стиля, но добротную сделанную. Тяжелые вещи внесли в дом дюжие партизанки. Комнаты деревенского дома преобразились в духе, оказавшем гнетущее впечатление на Гая, но вызвавшем восторг у вдов, которые полировали и сметали пыль с мебели с усердием церковных служек. Один из сотрудников штаба был произведен в ранг церемониймейстера. Он предложил *Vin d'Honneur*^[116] и концерт.

– Он хочет знать английские и американские антифашистские песни, – перевел Бакич. – Мелодии и слова, чтобы девушки могли разучить их.

– Я не знаю никаких, – ответил Гай.

– Он хочет знать, каким песням вы учите своих солдат.

– Мы *не учим* их никаким песням. Иногда они поют о выпивке: «Эй, давай выкатывай бочку» и «Покажите мне дорогу домой».

– Он говорит, что ему нужны не такие песни. У нас тоже были такие песни при фашистах. Теперь их не поют больше. Он говорит, что комиссар приказывает петь американские песни в честь американского генерала.

– У американцев все песни про любовь.

– Он говорит, что в любви нет ничего антифашистского.

Позже де Сауза вышел из своей спальни с пачкой радиogramм.

– У меня есть сюрприз для вас, «дядюшка». Высокопоставленный офицер-наблюдатель будет и от нашей армии. В Казерте, очевидно, ввели правило для важных персон всегда путешествовать парами, причем янки ровно на одну звезду выше своего британского компаньона. Подождите и вы увидите, кто к нам пожалует. Я сохраню это в секрете в качестве подарка для вас, «дядюшка».

Йэн Килбэннок оказался первым журналистом, которого допустили в Югославию. Сэр Ральф Бромптон поручился за него перед Каттермоулом не только как за преданного делу, но и как за человека без предрассудков. Кэйп питал невысказанное, а в действительности и неосознанное убеждение, что пэр и член «Беллами», по-видимому, должен заслуживать доверия. Йэн выслушал все, что ему сказали, задал несколько умных вопросов и, не сделав ни одного замечания, заявил:

– Я просто осмотрюсь там, поговорю с людьми, потом вернусь сюда и напишу серию статей.

Он намеревался утвердиться теперь и на будущее как политический комментатор того сорта, которые пользовались престижем в конце тридцатых годов.

Во время своего пребывания проездом в Бари он был приглашен майором-алебардистом на обед в клубе. Будучи более непосредственным, чем Гай, Йэн сказал:

– Боюсь, что не расслышал вашего имени.

– Марчпоул. Грейс-Граундлинг-Марчпоул, если быть точным. Осмелюсь предположить, что вы знакомы с моим братом в Лондоне. Он там большая шишка.

– Нет. Не знаю такого.

Полковник Грейс-Граундлинг-Марчпоул, подобно генералу Уэйлу, мистеру Черчиллю и многим другим ревностным соотечественникам, становился в это время все меньшей и меньшей шишкой. Однако он не ощущал своего заката, а скорее испытывал триумф. Все складывалось так, как он задолго до этого предчувствовал. Каждый день он закрывал чье-нибудь досье. Составные частицы головоломки подходили друг к другу, и целое начинало обретать форму.

Краучбек, Бокс-Бендер, Магг, Каттермоул – фашист, нацист, шотландский националист, коммунист – все были частью единого ясного целого.

В это утро он передал в архив досье Краучбека.

Пока они сидели за обеденным столом, в комнату вошел бригадир Кэйп, вежливо пропустив вперед малоподвижного пожилого человека в форме генерал-майора, тощего, с серым лицом. Когда он, хромя и волоча ноги, подходил к столу, его единственный глаз был тусклым, а искалеченная рука протянулась к спинке стула, чтобы опереться на нее.

– Боже милостивый, – сказал Йэн, увидев его, – привидение!

В декабре 1941 года Йэн совершил переход морем до острова Магг на яхте «Клеопатра» с этим человеком, с человеком, склонным к диким шуткам и кровавым честолюбивым замыслам, полным неумеренной энергии, торжествующим человеком, действия которого невозможно предсказать и встречи с которым Йэн всячески старался избегать.

– Бен Ритчи-Хук, – сказал майор Марчпоул, – один из самых больших оригиналов корпуса алебардистов. Ко мне он всегда относился без особого энтузиазма, и мы расстались с ним.

– А что с ним случилось?

– Его признали негодным к строевой службе, – ответил майор Марчпоул. – Единственное, что смогли подыскать для него, – это роль второй скрипки в качестве наблюдателя. Он будет в составе нашей группы, отправляющейся завтра вечером на ту сторону.

Группа, собравшаяся на аэродроме следующим вечером, якобы наносила официальный визит новому президиуму. Вместо одного независимого наблюдателя, как это было предложено и утверждено ранее, к партизанам теперь отправлялась довольно многочисленная компания.

Генерал Спейт, американец, по-прежнему был главной персоной в группе. Круглое суровое лицо генерала частично скрывалось под объемистой каской; он был весь перетянут множеством пластиковых ремней и увешан оружием, инструментами и сумками. Его сопровождал адъютант менее воинственной внешности, избранный на эту роль за способность говорить на сербскохорватском, и персональный фотограф, очень юный, очень подвижный карлик, к которому он обращался «мистер Снейфель». Ритчи-Хук был одет в шорты, форменную рубаху для тропических широт и пилотку с

красной полосой. Его скудный багаж охранял денщик-алебардист, все тот же самый солдат Докинс, теперь потрепанный войной, как и его хозяин, служивший с ним в Саутсанде и Пенкирке, в Центральной Африке и в пустыне, куда только семимильные шаги Ритчи-Хука ни заносили его, шаги, которые с течением времени становились все короче и медленнее и которые стали теперь совсем неуверенными. Был там и лейтенант Пэдфилд. Свободная Франция также сумела протащить своего представителя. Остальные места в самолете заняли другие, неопределенного вида, фигуры: американцы, англичане и югославы. Среди них был Джилпин с поручением Каттермоула следить за происходящим, а также наблюдатель от военно-воздушных сил с задачей доносить об обещанном взаимодействии истребителей-бомбардировщиков. Только он и два генерала полностью и Джилпин частично были в курсе дела относительно предстоящего штурма.

Проводить их прибыл старший авиационный начальник. Американский генерал дал указание Снейфелю сфотографировать их вдвоем. В последний момент он решил пригласить и Ритчи-Хука.

– Присоединяйтесь к нам, генерал, просто так, для истории.

Ритчи-Хук озадаченно посмотрел на маленького фотографа, присевшего на корточки с лампой-вспышкой у ног генерала, затем с гримасой, как у мертвеца, сказал:

– Только не я. Моя безобразная харя может испортить объектив.

Лейтенант Пэдфилд козырнул генералу Спейту и сказал:

– Сэр, я полагаю, вы не знакомы с сэром Элмериком Гриффитсом, который вылетает вместе с нами. Он, как вы, несомненно, знаете, очень известный дирижер.

– Давайте, давайте его сюда, – засуетился генерал. – Идите, Гриффитс, становитесь рядом со мной.

Сверкнула лампа-вспышка.

Йэн решил постараться понравиться фотографу, чтобы получить экземпляры всех снимков, которые могут пригодиться для иллюстрации его книги.

С последними лучами заходящего огненно-красного солнца посадка в самолет была закончена. Выключили свет. В самолете стало совершенно темно. Иллюминаторы были густо закрашены. Гул двигателей заставил всех замолчать. Йэну было ужасно скучно и неудобно, но через час ему удалось уснуть.

Самолет летел высоко над Адриатикой и удерживаемым противником неосвещенным берегом Далмации. Все пассажиры уже спали, когда наконец зажглось слабое освещение и американский генерал, который уютно устроился в кабине летчиков, возвратился на свое место в хвосте со словами: «О'кей, ребята, прилетели». Все начали на ощупь собирать свое снаряжение. Фотограф, сидевший рядом с Йэном, бережно прижал к себе свой аппарат. Йэн слышал, как изменилась скорость вращения винтов, и ощутил быстрое снижение и крен, когда самолет вошел в вираж, затем, перед посадкой, самолет выровнялся. В следующий момент совершенно неожиданно двигатели взревели, машина внезапно круто задрала нос, пассажиров швырнуло, назад к спинкам кресел, потом так же внезапно самолет круто нырнул носом вниз, и всех резко швырнуло вперед. Последнее, что слышал Йэн, был тревожный вопль Снейфеля. Потом в его сознании наступил полный провал.

Йэн стоял под открытым небом возле пылающего самолета. «Лондон, – подумал он, – горит клуб „Черепаша“. Но почему на Сент-Джеймс-стрит растет кукуруза?» Вокруг него двигались какие-то неузнаваемые на фоне слепящего пламени фигуры. Одна показалась ему знакомой.

– Лут, – позвал он, – что вы здесь делаете? – Затем добавил: – Джоуб говорит, что каналы полны вина.

Всегда вежливый лейтенант Пэдфилд ответил:

– Вот как? Неужели?

Явно американский, более властный голос кричал:

– Все ли вышли оттуда?

К Йэну приблизилась другая знакомая фигура. Это был Ритчи-Хук.

– Эй вы, – сказал он, – это вы пилотировали эту штуку?

Медленно приходя в себя, как после наркоза в кресле у дантиста, Йэн увидел, что «этой штукой» Ритчи-Хук назвал лежавший на брюхе самолет с оторванными шасси; фюзеляж машины частично погрузился в глубокую, прорытую им самим борозду, а нос самолета пылал ярким огнем; пламя тонкими струйками, как вино из горячей «Черепашки», ползло по фюзеляжу и хвосту. Йэн вспомнил, что он вылетел из Бари на самолете, направлявшемся в Югославию.

Теперь он понял наконец, что за мрачная фигура стоит перед ним, страшно сверкая в отблесках пламени своим единственным глазом.

– Это вы пилот? – настойчиво требовал ответа Ритчи-Хук. – Совершенно неграмотное пилотирование! Вы почему не смотрели, куда садитесь? – Потрясение, ошеломившее его спутников, мгновенно пробудило в Ритчи-Хуке новые силы. – Вы арестованы! – рявкнул он, заглушая шум пожара.

– Кого не хватает? – настойчиво спрашивал американский генерал.

Теперь Йэн увидел, как кто-то из стоявшей у самолета группы подбежал к «погребальному костру» и неторопливо проник внутрь фюзеляжа через спасательный люк.

– Этого еще не хватало, черт возьми! Что он делает, этот идиот? – крикнул Ритчи-Хук. – Вернитесь сейчас же! Вы арестованы!

Сознание Йэна стало еще яснее. Ему по-прежнему казалось, что все это он видит во сне, но в очень ярком и отчетливом сне.

– Похоже на крокетный матч из «Алисы в стране чудес», – услышал Йэн и сразу же понял, что это он сам сказал лейтенанту Пэдфилду.

– Это очень, очень храбрый поступок, – согласился лейтенант.

В проеме люка самолета появился тот же человек. Спрыгнув на землю, он вытащил за собой не бесчувственного пассажира, как сначала показалось, а объемистый цилиндрический тюк; пошатываясь, человек оттащил тюк подальше от горящего самолета и только потом начал кататься по траве.

– Брюки загорелись, сэр, – сказал Докинс. – Прошу разрешения снять их, сэр. – Не дожидаясь разрешения, он так и сделал: спустил брюки вниз, затем, не без труда отстегнув пряжки на щиколотках и лягнув ногами, сбросил с себя этот тлеющий предмет обмундирования. Оставшись в рубашке, куртке и ботинках, он принялся с любопытством рассматривать свои голые ноги. – Здорово поджарился, – заметил он.

– Еще кто-нибудь остался там, внутри? – спросил американский генерал.

– Да, сэр. По-моему, кто-то есть, сэр. Однако не похоже, чтобы они шевелились. Слишком жарко, чтобы остановиться и проверить,

сэр. Мне надо было вытащить вещи генерала, сэр.

– Вы обожжены?

– Да, сэр. Думаю, что обожжен, сэр. Но я, кажется, не чувствую этого.

– Шок, – заметил генерал. – Почувствуете позднее.

Пламя теперь охватило и хвостовую часть самолета.

– Никому больше не заниматься спасением, – приказал генерал. Никто, однако, и не намеревался заниматься этим.

– Каким образом все мы выбрались оттуда? – спросил Йэн адъютанта.

– Это все генерал. Наш генерал Спейт. Ему удалось открыть оба люка прежде, чем кто-либо успел шевельнуться.

– Вот что значит техническая подготовка!

Джилпин громко жаловался на ожог пальцев, никто не обращал на него внимания. Небольшая группа людей вела себя вяло; слоняясь около горящего самолета, каждый, казалось, чувствовал себя под влиянием недавнего шока одиноким, изолированным от окружающих. Говорили одновременно все, что придет в голову, не слушая друг друга. Кто-то спросил:

– Интересно, черт возьми, где же мы находимся?

Ему никто не ответил.

– Вы в какой-нибудь мере ответственны за это нетерпимое проявление некомпетентности? – допытывался Ритчи-Хук у Йэна.

– Я офицер по связи с прессой, сэр.

– О, а я думал, вы пилот. Тогда можете считать себя освобожденным из-под ареста. Но в будущем соблюдайте осторожность. Со мной такая история случается второй раз. То же самое произошло однажды в Африке.

Два генерала стояли бок о бок.

– А ловко у вас это получилось, – признал Ритчи-Хук, – как вы распахнули дверь. А я замешкался. Вначале даже не сообразил, что происходит. Мог бы там и остаться.

Подошедший адъютант доложил генералу Спейту:

– Все члены экипажа самолета погибли.

– Ха! – воскликнул Ритчи-Хук. – Так им и надо, этим негодьям.

– И шесть человек из пассажиров. Боюсь, что среди них Снейфель.

– Очень жаль, очень жаль, – огорчился генерал Спейт, – такой замечательный парень.

– И французский офицер связи.

Слушать список потерь генерал Спейт не стал. С момента катастрофы, казалось, прошла целая вечность. Генерал посмотрел на часы.

– Восемь минут, – заметил он. – Скоро должен подойти кто-нибудь.

Оказалось, что самолет приземлился на пастбище. Позади самолета простиралось кукурузное поле. В пламени горевшей машины высокие стебли созревшей кукурузы отливали золотом. Стебли раздвинулись, и между ними показались первые из бегущих членов комиссии по приему, составленной из представителей аэродрома, партизан и английской миссии. Послышались приветствия и озабоченные расспросы. Йэн потерял интерес к происходящему. Он обнаружил, что непроизвольно зевает, и уселся на землю, уронив голову на колени. Тем временем трескотня взволнованных расспросов и переводимых ответов у него за спиной прекратилась.

Наступившая долгая пауза, длившаяся согласно часам две минуты, была прервана чьим-то вопросом:

– Вы ранены?

– По-моему, нет.

– Идти можете?

– Наверное, могу. Но предпочел бы посидеть здесь.

– Пойдемте, здесь недалеко.

Кто-то помог Йэну подняться. Он заметил, что это Гай, но нисколько не удивился. Он вспомнил: Гай был жителем этой незнакомой земли. Он что-то должен сказать Гаю. Неожиданно Йэн вспомнил, что именно.

– Прими мое сочувствие... Вирджиния... – пробормотал он.

– Благодарю. У тебя были с собой какие-нибудь вещи?

– Сгорели. Чертовски плулая это штука – все, что с нами произошло. Я никогда не доверял воздушным силам. У тех, кто принимал меня, должно быть, не все были дома.

– Ты уверен, что тебя не трахнуло по голове во время удара? – спросил Гай.

– Не совсем. По-моему, мне просто хочется спать.

Пострадавших осмотрел партизанский доктор. За исключением алебардиста Докинса, видимых повреждений ни у кого не оказалось; серьезного значения обожженным пальцам Джилпина доктор не придал. Докинс пострадал от наружных ожогов, вследствие чего его ноги и бедра покрылись огромными волдырями. Он с невозмутимым спокойствием прокалывал их.

– Странное дело, – рассуждал он, – вылей чайник кипятку на ногу – заплывешь как сумасшедший. А вот попади в кипящее масло, как язычник, – ничего не почувствуешь.

Доктор сделал Докинсу инъекцию морфия, и две партизанки унесли его на носилках.

Небольшая процессия отправилась нетвердыми шагами по тропинке, протоптанной на кукурузном поле спасателями. Под ноги идущим ложились длинные тени, отбрасываемые языками пламени горящего самолета.

На краю поля рос большой каштан.

– Вы видите там что-нибудь, или мне только кажется? – спросил Йэн, показывая на дерево.

На ветвях сидело обезьяноподобное существо и неразборчиво тараторило что-то. Это был Снейфель со своим фотоаппаратом.

– Замечательные снимки, – восхищался он. – Сенсационные, если получатся.

Проснувшись на следующее утро, Йэн почувствовал себя как после попойки; он испытывал все симптомы сильнейшего алкогольного похмелья, каких у него не бывало с самой юности. Так же, как с ним бывало в те дни, он совершенно не помнил, как попал в постель. Так же, как в те дни, к нему спозаранку пришел тот человек, который вчера уложил его.

– Ну как ты? – спросил Гай.

– Отвратительно.

– Доктор совершает обход. Хочешь показаться ему?

– Нет.

– А позавтракать хочешь?

– Нет.

Его оставили одного. Все окна в комнате были закрыты ставнями. Единственным источником света были узкие щели в оконных петлях. Со двора доносилось кудахтанье кур. Йэн лежал неподвижно. Дверь снова распахнулась. Вошедший открыл ставни, и в комнату ворвался свет. За короткое мгновение, прежде чем Йэн успел зажмурить глаза и отвернуться, он заметил, что к нему вошла женщина в мужском обмундировании, с повязкой Красного Креста на рукаве, державшая в руках коробку, в которой что-то гремело и звякало. Она стащила с него одеяло и ухватила его за руку.

– Какого черта тебе здесь надо? – спросил Йэн.

Женщина взмахнула шприцем.

– Убирайся вон! – закричал он.

Женщина пырнула в него иглу. Йэн выбил шприц из ее руки. Женщина позвала:

– Бакич, Бакич!

К ней присоединился мужчина, с которым она возбужденно заговорила на непонятном языке.

– Она – медицинская сестра. Она должна сделать вам укол, – разъяснил Бакич.

– Но для чего?

– Она говорит, от столбняка. Говорит, что всегда и всем делает уколы против столбняка.

– Скажите ей, пусть убирается к черту.

– Она спрашивает: вы что, боитесь укола? Она говорит, что партизаны никогда не боятся.

– Выгоните ее отсюда!

Из всех проявлений женственности, которые можно было бы ожидать от такого визитера, эта женщина продемонстрировала только презрение. Резко, насколько позволяло ее тесное обмундирование, она повернулась к Йэну спиной и вышла из комнаты. В комнату снова вошел Гай.

– Послушай, я очень сожалею. Все утро не пускал ее к тебе, Но она все-таки прорвалась, пока я был у генерала.

– Это ты уложил меня в постель ночью?

– Я помогал. Казалось, что ты был в полном здравии. Фактически, даже в отличной форме.

– Все прошло, – сказал Йэн.

– Ты хочешь просто побыть один?

– Да.

– Но этому желанию так и не суждено было сбыться. Йэн закрыл глаза и погрузился в состояние, предвещавшее наступление сна, как вдруг на его ноги навалилось нечто не очень тяжелое, как будто на них вспрыгнула собака или кошка. Он открыл глаза и увидел Снейфеля.

– Так, так, так, значит, вы газетчик?! – воскликнул тот. – Вот это да! Подумать только, какой материал для вас! Я сейчас был на месте катастрофы. Там все еще так раскалено, что близко не подойдешь. Они считают, что там кроме экипажа осталось пять трупов. Первоклассные похороны выйдут, когда их всех вытащат оттуда! Сегодня все какие-то пришибленные. Только не я. Меня так легко не проймешь. Партизаны хотели отложить бой, но генерал Спейт работает по расписанию. Он должен иметь этот бой в день, назначенный планом, и затем написать свой доклад, а я должен сделать снимки, чтобы приложить их к докладу. Поэтому бой состоится завтра, как запланировано. Послушайте, а что, если нам пройти вместе и поговорить с партизанами? Со мной переводчик генерала. Он выглядит сегодня не очень-то бодро, но слушать и говорить он, по-моему, пока еще может.

Так Йэну пришлось осторожно подняться с постели, одеться и приступить к работе в качестве военного корреспондента.

Никто не мог дать технического объяснения причин ночного несчастья. Гай находился на своем обычном месте на краю аэродрома. Он слышал, как командир эскадрильи говорил что-то в микрофон на своем специфическом жаргоне; видел, как девушки бегали от бочки к бочке, зажигая их, чтобы осветить полосу для посадки приближавшегося самолета; наблюдал, как тот снижается, точно так же, как наблюдал за снижением многих других машин; видел, что самолет проскочил посадочную полосу, внезапно резко взмыл вверх, как испугнутый фазан, и рухнул как подстреленный в полумиле отсюда. Он услышал слова де Саузы: «Все, им крышка» – и увидел, как вспыхнуло пламя и самолет запылал, как из люков одна за другой начали появляться и группироваться около самолета темные,

неузнаваемые, по-видимому совершенно неторопящиеся фигуры. Вместе с другими Гай побежал к месту катастрофы. После этого он с головой погрузился в исполнение своих обязанностей хозяина – укладывал спасшихся в постель и подбирал на складе замену вещам, утраченным ими.

Партизаны привыкли к несчастьям. Они не упустили возможности помянуть, что эта неудача целиком англо-американская, но сделали это с редкой сердечностью. Они никогда не верили, что союзники относятся к войне серьезно. Это непредвиденное всеожжение, казалось, некоторым образом умиротворило их.

Де Сауза был очень загружен работой со своими отрывными шифровальными блокнотами, поэтому заботиться в течение всего дня прибывших гостей выпало на долю Гая. У адъютанта генерала Спейта в результате шока появилось заикание, кроме того, он жаловался на боли в спине. От Джилпина с его перебинтованными руками было мало толку. Наиболее работоспособными из всех гостей оказались два генерала: генерал Спейт – проворный и деловитый, генерал Ритчи-Хук – вновь оживший. Гай не видел его в период упадка. Теперь он был таким, каким Гай знал его во время совместной службы с ним.

– Для генерала это было истинным излечением, – заметил алебардист Докинс. – Он снова стал самим собой, как прежде. Пришел сегодня утром и дал мне взбучку за неподчинение его приказанию не лезть в самолет.

Докинс был постельным больным и после стольких изнурительных лет на службе у Ритчи-Хука нисколько не сожалел о вынужденном почетном безделье. Он беспрекословно перенес уколы против столбняка и наслаждался гостеприимством сержанта из миссии, доставившего ему виски, сигареты и кучу сплетен.

Между штабом и прибывшими гостями и наблюдателями состоялось несколько встреч, на которых обсуждались планы предстоящего небольшого боя. После одной из таких встреч Ритчи-Хук отвел Гая в сторону и сказал ему:

– Я хотел, чтобы вы организовали для меня беседу с парнем, фамилия которого оканчивается на «ич».

– У них у всех фамилии оканчиваются на «ич», сэр.

– Я имею в виду того приличного молодого парня, которого они называют бригадиром. Парня, который собирается повести их на штурм.

Гай узнал по этому описанию молодого, свирепого на вид черногорца, который несколько походил на Ритчи-Хука тем, что не имел одного глаза и большей части одной руки.

Гай организовал встречу и оставил этих двух воинов с переводчиком комиссара. Ритчи-Хук возвратился в прекрасном настроении.

– Потрясающий парень этот Ич, – сказал он. – Никакого угодничества или очковтирательства. Я немного поморочил ему голову, но не уверен, что переводчик понял все как надо. Тем не менее мы выпили какого-то вина, которое *тоже* кончается на «ич». Удивительный язык! Я прикомандировал себя к Ичу на завтра. Не говорите об этом другим. В его машине есть место только для одного туриста. Мы выезжаем вечером, чтобы провести разведку и вывести солдат на исходные позиции для атаки.

– А вы знаете, сэр, – сказал Гай, – в этой атаке имеется определенная доля игры. Она придумана для генерала Спейта.

– Не утруждайте себя разъяснениями. Яйца курицу не учат, – проворчал Ритчи-Хук. – Я сразу догадался об этом, когда услышал, что они называют атаку «дело». Ич и я понимаем друг друга. Это демонстрация. Вроде того, чем мы занимались во время боевой подготовки. Но ведь мы занимались этим с удовольствием, правда?

Гай вспомнил о проведенных в холодную сырую погоду продолжительных учениях на тему: «Вперед, бей, уничтожай!»

– Да, сэр, – ответил он, – то были веселые деньки.

– И между нами, как я понимаю, это мой последний шанс услышать выстрел, сделанный в гневе. Если там и завяжется что-нибудь интересное, Ич обязательно окажется в нужном месте.

– На следующее утро в восемь часов генерал Спейт со своим адъютантом, британская миссия, партизанский штаб и Йэн со Снейфелем собрались позади ряда разношерстных автомашин, которые югославы скрывали вместе с прочим имуществом в лесу. Гай извинился за Ритчи-Хука перед генералом Спейтом, который заметил на это:

– Ну что ж, здесь и без него людей хватает.

Автоколонна направилась по очаровательной сельской местности, будто сошедшей с акварелей прошлого столетия. С карнизов коттеджей свисали яркие полосы цветной бумаги. Работавшие на полях женщины или приветствовали их взмахом руки, или прятали лица.

Менее чем через час они находились на видимости блокгауза. Наблюдательный пункт был выбран в пятистах ярдах от него, в хорошо укрытом растительностью месте, где наблюдатели могли ожидать событий в безопасности и с удобствами. Партизаны начали движение из темноты и должны были выйти на ближайшие открытые позиции, окружающие объект атаки.

– Я продвинулся несколько дальше, чтобы посмотреть на них, – заявил Снейфель.

– Я останусь здесь, – отозвался Йэн. Он все еще ощущал последствия шока.

Генерал Спейт разглядывал поле боевых действий в очень большой бинокль. Термин «блокгауз» оказался слегка вводящим в заблуждение. Генерал увидел весьма прочный небольшой форт, построенный более столетия назад и являвшийся частью оборонительной линии христиан от турок.

– Теперь я понимаю, почему они запросили воздушную поддержку, – сказал генерал Спейт. – Не вижу там никакого движения. Как бы то ни было, мы достигли внезапности.

– Фактически, – вполголоса сообщил де Сауза Гаю, – не все идет как надо. На марше одна бригада заблудилась. Но они еще могут успеть подойти вовремя. Не проговоритесь нашим союзникам.

– Мне кажется, должно бы быть больше признаков жизни на этом немецком объекте, – сказал генерал Спейт. – Кажется, там все уснули.

– Там засели домобранны, – пояснил переводчик комиссара.

– Как, как? Повторите, пожалуйста.

– Фашистские коллаборационисты.

– О, но в Бари я понял, что мы будем драться с немцами. Впрочем, наверное, это одно и то же.

Солнце поднялось уже высоко, но на затененном наблюдательном пункте было прохладно. По плану авиационная поддержка должна была начаться в десять часов. Появление самолетов означало также сигнал для выхода пехоты из укрытий.

В половине десятого внизу под ними вспыхнула ружейная перестрелка. Партизанский генерал выглядел раздраженным.

– Что они там задумали? – спросил генерал Спейт.

Вниз послали партизанского связного, чтобы узнать, в чем там дело. Прежде чем он возвратился, стрельба прекратилась. Когда связной прибыл с докладом, переводчик сказал генералу Спейту:

– Это просто так, по ошибке.

Мирной тишине в долине пришел конец. На протяжении следующей четверти часа раздавались случайные выстрелы, по-видимому наугад: одни с парашюта блокгауза, другие из окружающих его укрытий. Затем, как раз в тот момент, когда на замысловатых часах генерала Спейта минутная стрелка коснулась зенита, в голубом небе с пронзительным воем появились два самолета. Один за другим они внезапно ринулись вниз. Первый выпустил одновременно две ракеты, которые в цель не попали и взорвались в лесу, там, где сейчас сосредоточилась часть атакующих сил. Второй самолет атаковал точнее. Обе его ракеты попали точно в каменную кладку форта, подняв взметнувшееся во все стороны облако пыли и щебня. Затем самолеты набрали высоту и описали круг над ними. Гай, помня о пикирующих бомбардировщиках на Крите, безжалостно выслеживавших и обстреливавших наземные войска, ожидал их возвращения. Но самолеты скрылись, и рокот их двигателей замер.

Летчик, посланный в качестве наблюдателя, стоял поблизости.

– Красивая работа, – сказал он, – точно по времени, точно по цели.

– И это все? – спросил Гай.

– Да, все. Теперь пусть поработают солдаты.

В долине воцарилась тишина. Обе стороны, друзья и враги, ожидали возвращения самолетов. Пыль осела, и стоявшие на склоне холма наблюдатели с биноклями увидели отчетливо выделявшиеся разрушения на массивных стенах блокгауза. Кое-кто из партизан открыл огонь. Однако противник по-прежнему оставался вне видимости. Наблюдатель от военно-воздушных сил принялся объяснять генералу Спейту сложность задачи, успешное выполнение которой он только что наблюдал. Комиссар и партизанский генерал возбужденно и с раздражением разговаривали на своем языке. Снизу к ним прибыл связной с докладом.

– Похоже, что атаку придется отложить, – объяснил переводчик генералу Спейту. – Сюда движется получившая оповещение немецкая танковая колонна.

– Как поступают ваши люди в таком случае?

– Перед немецкой танковой колонной они рассеиваются.

– Пожалуй, «дядюшка», – обратился де Сауза к Гаю, – нам лучше подумать о завтраке для наших визитеров. Они уже посмотрели все развлечения, которые мы могли предложить им.

Однако он ошибся. В тот момент, когда наблюдатели направились к своим автомобилям, Йэн воскликнул:

– Смотрите!

Из зарослей, довольно близко подступавших к стенам блокгауза, вынырнули две фигуры и бегом пустились по открытой местности. Гай вспомнил заповедь своего инструктора стрелкового дела: «На расстоянии двухсот ярдов все части тела человека видны отчетливо. На расстоянии трехсот ярдов очертание лица человека расплывчатое. Четыреста ярдов – лица уже совершенно не видно. На расстоянии шестисот ярдов голова становится точкой, а тело сходит на конус». Он поднял бинокль и узнал нелепую пару. Первым из них был Ритчи-Хук. Он неистово подавал знаки, призывая на штурм находившихся позади него и уже повернувших назад солдат; генерал бежал медленной и неуклюжей рысью вперед – к тому месту в стене, где ракеты разворотили кладку. Он не оглядывался и потому не видел, следует ли кто-нибудь за ним. Он не замечал, что за ним бежит всего один человек – Снейфель. Подобно терьеру, подобно карлику-шуту, которому позволено болтаться под ногами владетельного средневекового принца, Снейфель носился вокруг генерала со своим фотоаппаратом, то припадая к земле, то вприпрыжку забегая со всех сторон, такой маленький и увертливый, что избегал огня снайперов со стен. Первая пуля попала в Ритчи-Хука, когда он находился приблизительно в двадцати ярдах от стены. Он развернулся на триста шестьдесят градусов, припал на одно колено, но тут же поднялся и медленно снова заковылял вперед. Он уже приблизился к стене и стал нащупывать опору, как выпущенная сверху пулеметная очередь уложила его наповал. Снейфель остановился на мгновение, достаточное для того, чтобы запечатлеть последнюю позу генерала, затем стремглав помчался прочь от стены; защитники форта были

настолько поражены всем происшедшим, что не возобновили стрельбу до тех пор, пока Снейфель не нырнул в ряды партизан.

Немецкий патруль – не танковая колонна, как доложили разведчики, а две разведывательные бронемашины, вызванные по телефону, когда прозвучали первые выстрелы, – прибыл к блокгаузу и обнаружил только следы взрыва ракет и тело Ритчи-Хука. С дороги они не съезжали. Лес, куда попали ракеты с первого, не поразившего цели самолета, осмотрело отделение домобранов. Они нашли там дымящиеся стволы деревьев и тела четырех убитых партизан. Озадаченный немецкий капитан составил донесение об этом происшествии, копии которого были приобщены ко всем соответствующим делам и картотекам разведывательной службы; скептические толки вокруг этого события продолжались до тех пор, пока разведывательный отдел, занимавшийся Балканами, не прекратил свою деятельность. Атака укрепленной позиции одиноким британским генерал-майором, сопровождаемым, по одним данным, маленьким мальчиком, а по другим – карликом, не имела прецедента даже у Клаузевица. В данном случае, считала немецкая разведка, видимо, имел место какой-то глубоко скрытый мотив, который остался для них тайной. Возможно, это был труп не настоящего Ритчи-Хука – им была известна его полная биография, – а какой-то готовой на смерть жертвы. Значит, настоящий Ритчи-Хук был предназначен для какой-то секретной операции. Во все концы «европейской крепости» были разосланы оповещения, требовавшие усилить бдительность и не упустить одноглазого человека.

Смерть Ритчи-Хука превратила события этого дня из фиаско в печальную драму. Оснований для взаимных обвинений хватало, но факт смерти заставил молчать даже комиссара.

Снейфель торжествовал. Он стал обладателем сенсационного материала, который заполнит полдюжины страниц иллюстрированного еженедельника: детальное фотографическое повествование об уникальном событии.

Йэн выразил спокойную уверенность.

– Вы потеряли не так уж много, Лут, – сказал он Пэдфилду, не наблюдавшему боя, – но цель всего этого представления достигнута. Генерал Спейт доволен, что партизаны – это люди дела и что они хорошо разбираются в тактике партизанской войны. Некоторое время

он был настроен довольно скептически, но действия Ритчи-Хука все изменили. Это скорее решение сердца, чем рассудка. Странная вещь. За всю войну я только дважды принимал какое-то участие в операциях. Обе позволили создать классические истории о героизме. Вы никогда бы не подумали, что Триммер и Ритчи-Хук имеют много общего, правда ведь?

Гай взял на себя заботу сообщить алебардисту Докинсу о смерти его хозяина.

– Покрытый волдырями солдат не бог весть как сокрушался, узнав о тяжелой утрате.

– Вот оно, значит, как было, – сказал он. – Не будь я болен, – добавил он с благоговением перед великодушной акцией провидения, – лежать бы мне сейчас там вместе с ним. За последние три года, доложу я вам, сэр, мне пришлось побывать не в одной жуткой переделке. И все из-за него. Он просто напрашивался на пулю. Вы же помните, сэр, он всегда был очень откровенным и не раз так прямо и заявлял мне: «Докинс, как бы мне хотелось, чтобы эти мерзавцы стреляли более метко. Возвращаться домой у меня нет никакого желания». Конечно, с генералом я шел куда угодно. Обязан был, и он был отличный человек, этого у него отнять нельзя. Так вот как оно все обернулось – по-хорошему и для него» и для меня: Плохо, конечно, что мы не смогли похоронить его как подобает, но фрицы сделают как надо. В этом можно не сомневаться, он всегда был уверен в этом. Он ведь был не очень-то набожным. Ему бы только, чтобы его могила не затерялась, а большего он и не желал.

Позднее военно-воздушные силы организовали дневной вылет под прикрытием истребителей, чтобы вывезти генерала Спейта и остатки его группы. Когда Гай и де Сауза возвратились с аэродрома домой, они обнаружили, что девушки-партизанки уже выносят оттуда буржуазную мебель.

– Полководцы и повелители убывают, – заметил де Сауза. – Чем же мы теперь займемся, «дядюшка», чтобы не соскучиться?

Работы для двух офицеров связи здесь явно не было. Ее едва хватало для одного. Посещая партизанские лагеря, де Сауза провез Гая на джипе по всему освобожденному району.

– Мне кажется, – сказал Гай, – они имеют все, что можно использовать в настоящее время. Если они намерены предпринять летнее наступление, пора бы начинать его.

– Здесь, в Хорватии, не будет никакого летнего наступления, – сказал де Сауза. – Вы, наверное, заметили, что как только войска получают снаряжение, их отправляют отсюда. Они перебрасываются в Черногорию и Боснию. Оттуда они будут преследовать немцев по пятам и войдут в Сербию раньше, чем ее смогут занять четники. Теперь это очень важно. Бигой свое предназначение выполнил. Они оставят здесь солдат столько, сколько надо, чтобы справиться с местными фашистами. У меня предчувствие, что и мне уже недолго оставаться здесь. Зимой вы вполне справитесь здесь один, правда ведь, «дядюшка»? Как только выпадет снег, посадочная полоса выйдет из строя, правильно?

Зимой сады кажутся меньше, чем летом, когда они одеты листьями. От ограды до ограды простираются занесенные снегом лужайки, и огороды; дорожки прослеживаются только там, где их протоптали. Гай ежедневно брал пригоршню раскрошенных сухарей и выходил во двор кормить белок в клетке.

Прошло немного времени, прежде чем Гай получил телеграмму о своем отзыве. Соединение, в которое он входил, переименовывалось и подвергалось реорганизации. Он должен был прибыть в Бари с первой оказией.

Так Гай завершил крестовый поход, которому посвятил себя у гробницы сэра Роджера. Его карьера алебардиста закончилась. Все топанье на казарменном плацу и «уничтожение и уничтожение» воображаемых твердынь завершилось еще одним актом милосердия. Он покинул Бигой без прощальных слов, если не считать формального обращения в партизанский штаб за разрешением на проезд. Свой небольшой штат он взял с собой.

Дорога к побережью была свободна от противника, и по ней можно было ехать на джипе. Она проходила по опустошенному плато Лика, где все селения были разрушены и дома стояли без крыш, и спускалась вниз, к роскошным берегам Адриатики. Через сорок восемь часов после выезда из Бигоя Гай и его солдаты прибыли к

стенам дворца Диоклетиана в Сплите, где обнаружили в гавани английский крейсер, команде которого было запрещено сходить на берег. Партизаны навели на крейсер орудия береговых батарей. Это больше, чем что-либо другое, виденное в Югославии, поразило подчиненного Гаю сержанта: «Кто бы мог подумать, что флот заслужит такое обращение, сэр? Это все политика, вот что это такое».

В Сплите они встретили британского офицера связи, который передал Гаю пришедший для него приказ следовать в Дубровник, где находились британские силы, главным образом полевой артиллерии, которые, высадившись, оказались в положении связанных по рукам и ногам. Гая назначили туда для поддержания связи между этими силами и партизанами.

Наконец в середине февраля британские силы были отведены. Гай отплыл с передовой группой. Он сошел на берег в Бриндизи и добрался до Бари на автомобиле ровно через год после своего первого прибытия туда. Снова цвел миндаль. Гай явился с докладом к майору Марчпоулу, когда тот обедал в клубе.

– Здесь все пакует чемоданы, – сообщил майор. – Я останусь на месте до последней возможности. Бригадир уже уехал. Ответственным остался Джо Каттермоул. Вы возвратитесь в Соединенное Королевство, когда захотите.

Свои последние дни в Бари Гай провел, посещая все органы, в которых согласно телеграмме он когда-то начал работу по освобождению перемещенных лиц.

Один его старый знакомый по Александрии, служивший в военно-воздушных силах, имел квартиру в Посиллино и пригласил Гая остановиться у него. Для путешествия, которое предстояло совершить Гаю, чтобы попасть домой, важно было все время находиться около летчиков, чтобы воспользоваться местом на самолете, от которого в последнюю минуту внезапно могла отказаться какая-нибудь шишка поважнее Гая.

На следующий день Гай поселился в Посиллино.

– Для парня, который собирается возвратиться домой, ты выглядишь не особенно веселым, – заметил его хозяин и тут же сменил тему разговора, так как через его руки прошло много людей, возвращавшихся к проблемам более острым, чем те, которые стояли перед ними на действительной службе в армии.

Часть одиннадцатая

«Безоговорочная капитуляция»

В 1951 году, желая отметить начало более счастливого десятилетия, правительство издало приказ о проведении фестиваля. На южном берегу Темзы появились уродливые сооружения, был торжественно заложен камень в фундамент будущего национального театра, однако среди утомленных войной людей это событие не вызвало бурного веселья, народного празднества не получилось. Туристы с карманами, набитыми долларами, сократили сроки пребывания и поспешили в страны континента, где, как бы ни были скудны условия, имелась возможность заказывать вещи получше.

Состоялось несколько частных приемов. Два из них прошли в Лондоне в один и тот же июньский вечер.

Томми Блэкхаус возвратился в Англию в мае. Он возвращался из армии с множеством наград, новой хорошенькой женой и чином генерал-майора. За последние годы он продвинулся намного выше должности командира бригады командос, поднимаясь на все более и более ответственные посты, никогда явно не стремясь к продвижению, никогда не вызывая озлобления у тех, кого он обгонял по службе; и все же первая часть, которой он когда-то командовал, была и сегодня его сердцу ближе других. Повстречав Берти в «Беллами», он предложил собрать на обед старых сослуживцев. Берти согласился, что организовать такую встречу было бы не плохо. «Но такая встреча потребует страшно много организационных хлопот», – сказал бывший адъютант. Как обычно, проделать всю работу поручили Томми.

Офицеров, когда-то служивших на острове Магг, жизнь разбросала по свету не так сильно, как их собратьев из других частей военного времени. Большинство находились в одном месте – в лагере военнопленных. Лаксмор ухитрился бежать. Айвор Клэр провел шесть месяцев в Бирме среди чиндитов, присоединил к своей коллекции орден «За выдающиеся заслуги» и получил почетную рану, сделавшую его непригодным к дальнейшей службе. Теперь он стал завсегдатаем «Беллами». На короткий период его бесчестья больше не обращали внимания, и он почти стерся из памяти.

– Вы намерены пригласить всех? – спросил Берти.

– Всех, кого смогу найти. Как зовут того старого алебардиста? Кажется, Джамбо. Пригласим и пожирателя водорослей. Впрочем, не думаю, что он приедет. Гая Краучбека, конечно.

– Триммера?

– Непременно.

Однако Триммер исчез. Все настойчивые поиски, предпринятые Томми, потерпели неудачу. Никаких следов. Кто-то сказал, что Триммер сбежал с судна, зашедшего в Южную Африку. Ничего определенного известно не было. В конце концов собралось пятнадцать человек, включая. Гая.

К второму, совпавшему по времени с первым, празднеству частично был причастен Артур Бокс-Бендер. В 1945 году он потерял свое место в парламенте. В Лондоне в последующие годы он бывал редко, но в тот июньский вечер ему пришлось уплатить свою долю расходов на небольшой танцевальный вечер, данный в честь его восемнадцатилетней дочери и ее дружка. В течение часа или двух он и Анджела встречали тощих молодых людей, пришедших к ним в гости. Некоторые из мужчин были во фраках, взятых напрокат, другие бесстыдно появились в смокингах, одетых на ненакрахмаленные рубашки. Он и его соучастник в расходах – отец дружка его дочери – приложили все усилия, чтобы найти на рынке самое дешевое шампанское. Почувствовав жажду, он не спеша прошелся по Пиккадилли и завернул на Сент-Джеймс. Только «Беллами» сохранил еще кое-какие признаки былых более счастливых дней.

В среднем холле сидел Элдерберри, погруженный в чтение воспоминаний маршала авиации Бича. Он тоже потерял свое место в парламенте. Его более удачливый соперник Джилпин не пользовался популярностью в палате общин, однако сделал карьеру и позже стал заместителем министра. У Элдерберри не было пристанища за городом. Там ему нечем было заняться. Большинство своих дней и вечеров он проводил в одиночестве в одном и том же кресле в «Беллами».

Он неодобрительно покосился на крахмальную манишку Бокс-Бендера.

– Вы по-прежнему бываете в свете?

– Сегодня вечером я должен дать прием в честь моей дочери.

– А, что-то такое, за что полагается платить? Это другое дело. Мне нравится, чтобы меня *приглашали*. Но теперь меня никогда не приглашают.

– Не думаю, чтобы вам понравился этот прием.

– Нет, нет, конечно, нет. Но я привык, чтобы меня приглашали. Пожалуй, и вы тоже. Там всегда болтали массу всякой чепухи, но это помогало скоротать вечер. Здесь теперь стало очень тихо.

Это суждение было немедленно опровергнуто появлением участников обеда – офицеров командос, которые с шумом, спотыкаясь, спускались по лестнице в бильярдную.

Гай задержался, чтобы поздороваться со своим зятем.

– Я не пригласил тебя на наш танцевальный вечер, – начал оправдываться Бокс-Бендер. – Все было очень скромно, для молодежи. Не думаю, что ты пожелал бы прийти. Фактически, я даже не знал, что ты бываешь в Лондоне.

– А я и в самом деле не бываю. Просто приехал повидать юристов. Мы продали кастелло.

– Рад слышать. Кто же может теперь позволить себе купить имение в Италии? Американцы, наверное?

– Вовсе нет. Один из наших соотечественников, который не может позволить себе жить в Англии, – Людович.

– Людович?

– Автор «Желания смерти». Вы, наверное, слышали о нем.

– Анджела, кажется, читала эту вещь. Сказала, что это чепуха какая-то.

– В Америке книга разошлась почти миллионным тиражом, ее только что экранизировали. Автор – человек, с которым я случайно встретился во время войны.

– Он один из вашей компании, присутствующей здесь?

– Нет. Наша компания не совсем подходит Людовичу.

– Да, кастелло, наверно, окажется очень подходящим местом для литератора. Это хорошо, что ты нашел покупателя.

– Это сделал для меня еще один человек, с которым я познакомился в войну. Вы, может быть, помните его. Некий американец по фамилии Пэдфилд. Был здесь завсегдаем. Он стал теперь фактотумом Людовича.

– Пэдфилд? Нет, не могу сказать, что помню его. Как дела в Бруме?

– Очень хорошо, благодарю вас.

– Доменика и мальчик здоровы?

– Да.

– Ферма окупается?

– В настоящий момент, да.

– Хотел бы я, чтобы и моя окупалась. Ну, передай ей поклон.

Послышался голос:

– Гай, иди сыграем на бутылку пива.

– Иду, Берти.

Когда он ушел, Элдерберри заметил:

– Это ваш шурин, да? Он прибавляет в весе. Кажется, с ним случилось что-то печальное во время войны?

– Его жена была убита по время бомбежки.

– Да, да. Теперь я вспомнил. Но он женился снова?

– Да. Первый разумный поступок за всю его жизнь. На Доменике Плессингтон, дочери Элоиз. Когда Гай был за границей, Элоиз присматривала за малышом. Доменика очень полюбила его. Брак стал очевидной необходимостью. Элоиз, видимо, приложила руку к его устройству. Фермой в Бруме управляет Доменика. Они поселились в доме управляющего. Жаль, что у них нет своих детей. Они совсем не плохо обеспечены. Дядя Анджелы, Перегрин, оставил ребенку небольшое наследство. И не такое уж небольшое.

Элдерберри вспомнил, что у Бокс-Бендера были неприятности с его собственным сыном. Что же это было такое? Развод? Долги? Нет, что-то более необычное. Он ушел в монастырь! С непривычной для него деликатностью Элдерберри не стал расспрашивать Бокс-Бендера. Он только сказал:

– Значит, Гай устроился удачно?

– Да, – ответил Бокс-Бендер не без едва заметной, но ясной нотки обиды, – для Гая все сложилось очень даже неплохо.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

1

Выборный глава местного городского самоуправления в Италии.

2

памятки (фр.)

3

свѣтой англичанин (*ит.*)

4

Благословите, отец, ибо я согрешил... *(ит.)*

Слава Иисусу Христу... Отныне и во веки веков... *(ит.)*

6

приятный, симпатичный (*ит.*)

7

очень приятный (*ит.*)

Господи, я не достоин *(лат.)*

9

прирожденное (*φρ.*)

10

благоприобретенное (*фр.*)

сословный дух (*фр.*)

Человек, ставящий других в неловкое положение своей бестактной непосредственностью (*фр.*)

13

преднамеренный ляпсус (*фр.*)

14

грязный, неряшливый, вшивый (*англ.*)

15

волосы, стриженные бобриком (*фр.*)

Филиппы – город во Фракии, где в 42 г. до н.э. войска Антония и Октавиана победили Брута и Кассия; фраза «Встретимся у Филипп» стала крылатой и означает «Придет час расплаты».

Цезарь воинственный, с грозным взглядом (*ит.*)

Помни, о человек, как из праха сотворен ты, так во прах и
обратишься (*лат.*)

Сабайон – подливка из взбитых с сахаром желтков, вина и пряностей.

20

Мера длины, примерно 200 м.

Точное слово, точное определение (*фр.*)

Игра слов: вспомните «гром-бокс» Эпторпа и разговор о нем в ресторане «Гарибальди», подслушанный Пелеччи.

Нечто неизвестное, неисследованное, неизведанная область,
(лат.)

«Французы Дакара! Присоединяйтесь к нам, чтобы спасти Францию! Генерал де Голль» *(фр.)*

Стой! Кто идет? (*фр.*)

любители (*исп.*)

набожность (*лат.*)

Jumbo – большой неуклюжий человек, увалень, «медведь» *(англ.)*

каждый раз (*лат.*)

Юбка солдата шотландского полка.

Кожаная сумка мехом наружу – принадлежность шотландского горца.

Герой французского героического эпоса «Песнь о Роланде»; участник похода Карла Великого в Испанию; погиб в 778 году в битве с басками в Ронсесвальесском ущелье.

Высота в Южной Африке, за которую шли ожесточенные бои в 1900 году, во время англо-бурской войны.

светлый город (*фр.*)

«Мадридский замок. Ресторан первого класса» *(фр.)*

Добрый вечер, мосье (*фр.*)

Простите, мосье (*фр.*)

Сию минуту, мосъе (*фр.*)

первоклассный портной (*фр.*)

Немного устали, не правда ли? *(фр.)*

41

to trim – подстригать (*англ.*)

для начала (*фр.*)

копченая лососина (*фр.*)

с точки зрения вечности (*лат.*)

Корова убежала! (*ит.*)

Беда! Проклятая скотина! Корова убежала! (*ит.*)

Allied Military Government of Occupied Territory – союзная военная администрация на оккупированных территориях

«Серое преосвященство» (истинный руководитель, остающийся в тени) *(фр.)*

отборные части (*фр.*)

Населенный пункт, в котором находится английское военное училище.

Извините, отец. Есть ли здесь священник, говорящий по-английски или по-итальянски? (*фр.*)

по-французски (*фр.*)

Я не против исповедаться на французском, если это необходимо.
Но я предпочел бы на английском или итальянском, если возможно
(фр.)

На английском... Вон там (*фр.*)

Корова убежала! (*ит.*)

Ах, дорогая мадам, сегодня вы выглядите, как кинозвезда! *(фр.)*

Я думаю, в Египте такой не найти (*фр.*)

Дорогая мадам, какая забавная корзинка (*фр.*)

О, мадам, это гениально (*фр.*)

ее любовник, несомненно (*фр.*)

Подземная корова? Корова из метро? *(фр.)*

Грязные боши! (*фр.*)

Пляж на курорте вблизи Венеции, славившийся в свое время невероятной загрязненностью.

Спасайся кто может (*фр.*)

Королевские резиденции, в которых несут караул гвардейские части.

Вода. Хочу. Пить

Римско-католическое вероисповедание.

Распространенное среди неангличан название военнослужащих английской армии в XIX – начале XX веков.

Где здесь беглый капитан? (*ит.*)

Уже не капитан, синьора, лейтенант (*ит.*)

Игра слов: don – титул, dom – его преосвященство (*англ.*)

В военное время в английской армии наряду с постоянными воинскими званиями офицерам присваивали временные звания по занимаемой должности в соответствии со штатной категорией. При повышении или понижении в должности соответственно повышалось или понижалось и воинское звание (но не ниже постоянного). После войны система временных званий была упразднена, но в последнее время снова введена.

Имеется в виду последний король Италии, принадлежавший к Савойскому дому, правившему в Пьемонте, представитель которого занял королевский престол объединенной Италии в 1870 г. и лишил папу светской власти, т.е. узурпировал его права.

Соглашение между фашистским правительством Муссолини и папой, заключенное в 1929 г., согласно которому территория папского дворца в Риме была признана суверенной, а папа получил статус суверенного государя.

Движение итальянского народа за национальную независимость, окончившееся объединением Италии в единое государство в 1870 г.

Сын Наполеона.

Иронический перифраз старинного названия Венеции – Невеста моря, происшедшего от древней церемонии, в которой, становясь главой государства, дож бросал кольцо в море со словами: «Мы венчаемся на тебе, о море, в знак вечного господства».

Непереводимая игра слов: французское «pensee» (эссе) и английское «pansy» (жарг. гомосексуалист) произносятся почти одинаково.

Survival – выживание (*англ.*)

То есть стали сторонниками правительства.

Входите и присаживайтесь (*ит.*)

Я больше привык к гэнгуэзскому диалекту, но, как правило, я понимаю да и меня понимают во всей Италии, кроме Сицилии (*ит.*)

Вы сицилиец? (*ит.*)

Я был в Сицилии, а затем довольно долго жил на лигурийском побережье. Я объездил почти всю Италию. *(ит.)*

Там, по-моему, все обойдется (*ит.*)

До свидания! (*ит.*)

последний в роду (*фр.*)

плохие известия (*лат.*)

сладость жизни (*фр.*)

кстати (фр.)

Pied Piper – дудочник в пестром costume – герой поэмы Браунинга.

Старье, хлам, подержанные вещи (*фр.*)

Хвастливый трус – герой произведения английского драматурга Шеридана «Соперники».

Муж под башмаком жены – герой произведения английского драматурга Фута «The Mayor of Garratt».

С.О. – буквы английского алфавита, произносимые «Си-Оу»; сокращение, имеющее двоякое значение: Commanding officer – командир, начальник, или Conscientious Objector – лицо, отказывающееся от несения военной службы по религиозным или другим соображениям

Счастливые муж и жена – персонажи из старинной баллады.

Кодовое название операции по высадке союзников в Нормандии в 1944 г.

Генерал Монтгомери, командующий английскими войсками, участвовавшими в высадке в Нормандию.

Легче говорить на латыни. Я насчет мессы. У меня умерла жена
(лат.)

Имя? (*лат.*)

Не партизан? (*лат.*)

Я англичанин (*лат.*)

Католик? (*лат.*)

А твоя жена? (*лат.*)

Католичка (*лат.*)

Хорошо. В семь часов (*лат.*)

Спасибо (*лат.*)

Тебе спасибо. Благослови тебя господь (*лат.*)

по-спортивному (*фр.*)

Английский писатель (1853—1931)

Английская поэтесса (1830—1894)

Английский писатель (1884—1941)

Американский писатель (1843—1916)

Английская писательница (1893—1957)

Командующий войсками союзников в Италии во время второй мировой войны.

Вино, предлагаемое важному гостю при встрече или проводах
(фр.)